ISSN 2221-2558

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции Выпуск 12

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 12

Минск
2019

ISSN 2221-2558

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 12

Специальное тематическое издание
(вопросы стратегии противодействия коррупции)

Минск
Издательский центр БГУ
2019

УДК 343.352(082)
ББК 67я43
П78

Р е к о м е н д о в а н о
Ученым советом государственного учреждения «Научно-практический
центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
10 октября 2019 г., протокол № 3

Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам

С 2009 года сборник индексируется в Российском индексе научного цитирования

П78 **Проблемы** укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. , спец. темат. изд. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; науч. ред. А. В. Солтанович. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – Вып. 12. – 443 с.

УДК 343.352(082)
ББК 67я43

© ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, 2019
© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2019

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Конюк Александр Владимирович – Генеральный прокурор Республики Беларусь (председатель редакционного совета)

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь (заместитель председателя редакционного совета)

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Гучок Александр Евгеньевич – Председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент

Козаченко Иван Яковлевич – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Лосев Владимир Владимирович – ректор УО ФПБ «Международный университет «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент

Мартинович Изабелла Ивановна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор юридических наук, профессор

Навроцкий Вячеслав Александрович – профессор кафедры теории права и прав человека Украинского католического университета, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины

Функ Ян Иосифович – Председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, профессор

Шестаков Дмитрий Анатольевич – президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Эсмантович Ирина Игоревна – декан юридического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия

Марчук Василий Васильевич – директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент (главный редактор)

Солтанович Андрей Владимирович – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент (научный редактор)

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Винокуров Александр Юрьевич – главный научный сотрудник отдела научного обеспечения организации прокурорской деятельности Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры Российской Федерации

Русецкий Олег Валерьевич – начальник отдела криминологических исследований ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Сащеко Павел Иванович – начальник отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Сидоренко Дарья Олеговна – ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (технический редактор редакционной коллегии)

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (**В.В. Марчук**) 10

Александрова Л.И.
К вопросу о предупреждении коррупции в таможенной сфере 12

Асабин А.Ю.
Некоторые аспекты предупреждения коррупции
в таможенной сфере 17

Афонченко Т.П.
Социальный контроль и коррупционная преступность 24

Ачкасова С.А., Притула Н.И.
Риск-ориентированный подход в системе финансового мониторинга для
противодействия коррупционным рискам 30

Ашиткова Т.В.
Прокурорский надзор за исполнением антикоррупционного
законодательства в социальной сфере 36

Богданович Н.А.
Некоторые вопросы реструктуризации обстоятельств, исключающих
производство по уголовному делу 43

Бурый В.Е., Гладков А.В.
К вопросу о мерах предупреждения коррупционной преступности 49

Буянова И.В.
Основания освобождения от уголовной ответственности в контексте
обеспечения ее неотвратимости и предупреждения коррупции 58

Василькевич А.Г.
О некоторых дополнительных мерах по предупреждению коррупции
в органах государственного управления 66

Великая Е.В.
Роль прокурора в возмещении ущерба, причиненного коррупционными
преступлениями 73

Гашникова Т.В.
Коррупционные правонарушения в сфере экономической деятельности
как угроза экологической безопасности 81

Диканова Т.А.
Эффективная система финансового контроля – необходимое условие успешной борьбы с коррупцией 87

Дмитренок Д.И.
Характеристика криминологических моделей состояния про- / коррупционного поведения в научно-образовательной среде 94

Дятлова В.О.
Зарубежный опыт и способы совершенствования антикоррупционной деятельности в условиях либерализации экономики 108

Зарубин А.В.
Ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности в уголовном праве России 113

Капіца П.А.
Аб неабходнасці распрацоўкі крыміналістычнай методыкі расследавання карупцыйных злачынстваў у сферы інфарматызацыі дзяржаўных органаў і арганізацый 119

Карабельникова А.С.
Уголовная и квазиуголовная ответственность юридических лиц за коррупцию по законодательству зарубежных государств 126

Колесов М.В.
Перспективные методы борьбы с коррупцией и коррупционными проявлениями 133

Куница Е.В.
К вопросу о регламентации запрета на получение подарков как механизма профилактики коррупции 140

Ломакина И.Б.
Институционализация правопорядка в постклассической теории права 146

Матвеева К.О.
Правовые аспекты противодействия коррупции в современном мире: сравнительный анализ 152

Моисеева И.А.
Формирование нулевой терпимости к коррупции 158

Морозова О.В.
Коррупционные преступления в таможенной сфере 164

Нугманов Р.Р.
Криминализация отмывания денег в Республике Казахстан 170

Олейник А.В.
Роль криминологической экспертизы в предупреждении коррупции 178

Полящук Н.А.
Результаты мониторинга соблюдения законодательства
о криминологической экспертизе 187

Проценко Д.В.
Прокурорский надзор за соблюдением антикоррупционного
законодательства при освоении бюджетных средств, выделяемых
на реализацию государственных программ 194

Рочева Е.А.
К вопросу об общественном контроле 200

Рубцова М.В.
Проблемы борьбы с коррупцией на транспорте:
прокурорско-надзорный аспект..... 206

Русецкий О.В.
Модельная программа повышения эффективности профилактики
правонарушений на местном уровне 212

Сащеко П.И.
Структура антикоррупционной стратегии 237

Саякбаев Т.Д.
Особенности института квазиуголовной ответственности юридических
лиц за коррупционные преступления в Кыргызской Республике 242

Скобелев В.П.
Надлежащее регулирование процессуальных отношений как важный
фактор предупреждения коррупции при рассмотрении гражданских
и экономических дел 248

Фирсов В.В.
Выявление и нейтрализация фактов коррупции сотрудниками
правоохранительных и налоговых органов..... 256

Харчейкина Ю.В.
Преступления коррупционной направленности, совершаемые
с применением цифровых технологий..... 262

Хатеневич Т.Г.
Развитие специальных оснований освобождения от уголовной
ответственности за взяточничество 271

Хатов Э.Б.
Цифровизация информационно-аналитической деятельности прокурора
в сфере надзора за исполнением антикоррупционного законодательства 277

Хлус А.М.
Тенденции криминалистической науки в аспекте
противодействия коррупции 284

Шахрай И.С.
Проблемы правового регулирования лесных правоотношений
в антикоррупционном контексте 290

Швед Н.А.
Общественный контроль как средство противодействия коррупции 299

Шупицкая О.Н.
Конституционные принципы и коррупция 306

Юрашевич Н.М., Трипузова А.А.
Антикоррупционное образование как основа эффективной
комплаенс-системы 311

Совершенствование сотрудничества генеральных прокуратур
государств – участников СНГ в борьбе с коррупцией
(информационно-аналитический обзор) 320

**Материалы международного научно-практического круглого стола
«20 лет уголовному и уголовно-процессуальному кодексам
Республики Беларусь: de lege lata et de lege ferenda»**

Марчук В. В.
О нарушениях принципов уголовного закона в свете
криминологической экспертизы 361

Бибило В.Н.
Необходимость модернизации уголовно-процессуального
законодательства в связи с внедрением цифровых технологий
в систему общественных отношений 368

Голик Ю.В.
Уголовный закон в призме практической философии уголовного права..... 371

Данько И.В.
Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь 20 лет:
реформа продолжается 380

Наумов А.В.
Реформирование российского уголовного законодательства
(в историческом и современном контекстах) 384

Попов Г.В.
Сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального
законодательства Украины и Республики Беларусь 389

Солтанович А.В.
К вопросу о пределах детализации правового регулирования уголовно-
процессуальной деятельности 393

Хмарук С.К.
Практика привлечения к уголовной ответственности за преступления
в сфере государственных закупок 396

Хомич В.М.
Новации Уголовного кодекса Республики Беларусь: проблемы их
интерпретации и применения 399

Чайчиц В.И.
Проблемные вопросы уголовно-процессуального законодательства:
теория и адвокатская практика 402

СПРАВОЧНИК
терминов и определений, используемых в деятельности органов
прокуратуры Республики Беларусь в сфере борьбы с коррупцией
*(составитель **О.Э. Кравцов**)* 406

Наши авторы 439

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию уважаемых читателей предлагается 12-й выпуск ежегодного сборника научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции». Это специальное тематическое издание, которое посвящено вопросам стратегии противодействия коррупции. Необходимость разработки и принятия данной стратегии обусловлена международными обязательствами Республики Беларусь, что нашло отражение и в специальном поручении Республиканского координационного совещания правоохранительных органов по борьбе с преступностью и коррупцией, состоявшемся 21 декабря 2018 г.

Тематика научных статей, представленная в сборнике учеными из Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Украины, охватывает следующие направления: предупреждение коррупции, прокурорский надзор за исполнением антикоррупционного законодательства, криминалистические методики и тенденции криминалистической науки в аспекте противодействия коррупции, зарубежный опыт о способах совершенствования антикоррупционной деятельности и ответственности за коррупционные правонарушения.

Структуру сборника красной нитью пронизывают вопросы профилактики коррупции. В предложенных исследованиях авторы рассматривают не только проблемы антикоррупционной профилактики в отдельных сферах деятельности (например, ее предупреждение в органах государственного управления, в области экономической деятельности, финансовой и таможенной сфере, в лесных правоотношениях, в научно-образовательной среде), но и вопросы общепревентивного характера: социальный контроль над коррупционной преступностью, модельная программа повышения эффективности профилактики правонарушений, антикоррупционное образование как основа эффективной комплаенс-системы и др. В рассматриваемом контексте особо отмечается отдельными авторами роль криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов в предупреждении коррупции.

Исследованные авторами отдельные сегменты профилактики коррупции дают основу для формирования важной части в структуре антикоррупционной стратегии. При разработке стратегии борьбы с коррупцией значение имеет и терминологический аппарат. В целях соблюдения терминологического единства в предлагаемом сборнике размещен Справочник терминов и определений, используемых в деятельности органов прокуратуры Республики Беларусь в сфере борьбы с коррупцией, который был разработан государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Во многих статьях сборника рассмотрены отдельные вопросы прокурорского надзора за исполнением антикоррупционного законодательства: надзор за соблюдением антикоррупционного законодательства при освоении бюджетных средств, выделяемых на реализацию государственных программ, за исполнением антикоррупционного законодательства на транспорте, в сфере осуществления государственных закупок и др. Научно-практический интерес представляет исследование, посвященное роли прокурора в возмещении ущерба,

причиненного коррупционными преступлениями. Не осталось без внимания авторов и актуальное в настоящее время направление относительно цифровизации информационно-аналитической деятельности прокурора в сфере надзора за исполнением антикоррупционного законодательства.

При разработке стратегии противодействия коррупции, несомненно, полезным является зарубежный опыт о способах совершенствования антикоррупционной деятельности и ответственности за коррупционные правонарушения. Этому аспекту в сборнике посвящен целый ряд статей. Однако, особо следует обратить внимание на размещенный на страницах предлагаемого сборника научных трудов информационно-аналитический обзор «Совершенствование сотрудничества генеральных прокуратур государств – участников СНГ в борьбе с коррупцией», подготовленный научно-методическим центром Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников Содружества Независимых Государств.

Антикоррупционная тематика затрагивалась и в рамках работы состоявшегося 14 июня 2019 г. в государственном учреждении «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» международного круглого стола по теме «20 лет Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам Республики Беларусь: de lege lata et de lege ferenda», в котором приняли участие известные ученые и работники правоохранительных органов Беларуси, России и Украины. Помимо проблематики борьбы с коррупцией на круглом столе обсуждались вопросы реформирования белорусского и зарубежного уголовного и уголовно-процессуального законодательства, последние новации УК и УПК Республики Беларусь, отдельные проблемы применения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, пределы детализации правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности. Отрадно отметить, что уголовно-правовая проблематика обсуждалась не только с позиции юридической догматики, но и в призме практической философии уголовного права.

В рамках работы круглого стола была проведена презентация новых книжных изданий, подготовленных под эгидой государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», в частности, «Уголовный кодекс Республики Беларусь: научно-практический комментарий» (под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука), «Уголовное законодательство государств, граничащих с Республикой Беларусь: сравнительный контент-анализ» (под общ. ред. В. В. Марчука и В. М. Хомича). Издание новой актуализированной версии научно-практического комментария к Уголовному кодексу Республики Беларусь было приурочено к 100-летнему юбилею видных белорусских ученых-правоведов Ивана Станиславовича Тишкевича, Василия Адамовича Шкурко и Василия Степановича Швецова.

Подробно с материалами круглого стола читатель может ознакомиться на страницах предлагаемого выпуска.

Главный редактор
В.В. Марчук

УДК 343.35

К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ КОРРУПЦИИ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ

Александрова Л.И.

Ключевые слова: таможенные органы, государственная служба, коррупционные деяния, таможенный контроль.

Введение

Стратегией о национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия) [1] коррупция признана одной из угроз государственной и общественной безопасности России, с которой государственные органы, в том числе таможенные, ведут последовательную борьбу.

Под угрозой находятся не только национальные, но и экономические интересы государства. Наносится вред социальным и налоговым интересам государства, ослабляется функционирование государственных служб, снижается доверие к сотрудникам таможенных органов.

Как следует из Стратегии, особое внимание должно уделяться искоренению причин и условий, порождающих коррупцию, являющихся препятствием устойчивому развитию Российской Федерации и реализации стратегических национальных приоритетов (ст. 44).

Согласно исследованию международной организации Transparency International, Россия в настоящее время в списке из 180 стран мира занимает 138 место вместе с Гвинеей, Папуа — Новой Гвинеей, Ираном, Мексикой и Ливаном. Индекс восприятия коррупции в нашей стране составляет 28 баллов из 100. Последние три года Россия набирала 29 баллов, а в 2018 г. потеряла один балл и опустилась на три места [2], что свидетельствует об отсутствии эффективности принимаемых мер по борьбе с коррупцией, что вызывает серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене.

Основная часть

По мнению экспертов, деятельность таможенных органов является одной из сфер в наибольшей степени подверженной коррупции. Чаще всего коррупционная составляющая проявляется в действиях таможенных органов при пропуске через границу запрещённых к перевозке товаров, возврате конфискованных товаров и валюты, занижении таможенных пошлин и таможенной стоимости товаров, а также при принятии решений об отсрочке уплаты таможенных платежей [3].

За первое полугодие 2019 г. по материалам подразделений по противодействию коррупции было возбуждено 248 уголовных дел (за аналогичный период 2018 г. – 118 уголовных дел) [4]. Из этих дел по преступлениям коррупционной направленности возбуждено 201 уголовное дело (118 – в отношении 31 должностного лица таможенных органов и 83 – в отношении 52 взяткодателей).

22 уголовных дела возбуждено в отношении должностных лиц таможенных органов по преступлениям против интересов государственной службы, не носящих коррупционный характер (за первое полугодие возбуждено 25 таких

уголовных дел). Иными правоохранительными органами за первое полугодие 2019 г. возбуждено 4 уголовных дела по преступлениям коррупционной направленности в отношении 5 должностных лиц таможенных органов.

Таким образом, доля уголовных дел коррупционной направленности, возбужденных по материалам подразделений по противодействию коррупции таможенных органов, в общем количестве коррупционных уголовных дел, возбужденных всеми правоохранительными органами Российской Федерации в отношении должностных лиц таможенных органов, составила 96,7 %.

Наиболее распространенными видами преступлений коррупционной направленности, выявленных подразделениями по противодействию коррупции за первое полугодие 2019 г., являлись: получение взятки (ст. 290 УК РФ) – 87 уголовных дел; дача взятки (ст. 291 УК РФ) – 83 уголовных дела; мошенничество, присвоение или растрата (ч. 3, 4 ст.ст. 159, 160 УК РФ) – 20 уголовных дел [5]. За аналогичный период 2018 г. за получение взятки (ст. 290 УК РФ) возбуждено 52 уголовных дела, дачу взятки (ст. 291 УК РФ) – 29 уголовных дел; мошенничество, присвоение или растрата (ч. 3, 4 ст.ст. 159, 160 УК РФ) – 8 уголовных дел [6].

Подавляющее большинство уголовных дел коррупционной направленности выявляются сотрудниками таможенных подразделений – Управлением по противодействию коррупции центрального аппарата ФТС России и службами (отделами), созданными в региональных таможенных управлениях и таможнях.

Например, Южным следственным управлением на транспорте Следственного комитета Российской Федерации 24 апреля 2019 г. по материалам службы по противодействию коррупции Южного таможенного управления возбуждено уголовное дело по ч. 6 ст. 290 УК РФ («Получение взятки») в отношении бывшего начальника отдела контроля таможенной стоимости службы федеральных таможенных доходов Южного таможенного управления. Дело было возбуждено по факту получения взятки в особо крупном размере в период с августа по сентябрь 2018 года на общую сумму 2 000 000 рублей от представителя компании, осуществляющей внешнеэкономическую деятельность, за содействие в минимизации корректировок таможенной стоимости товаров, оформляемых на экспорт на Ейском таможенном посту.

15 апреля 2019 года Краснодарским следственным отделом на транспорте Южного следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации по материалам отдела по противодействию коррупции Сочинской таможни возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 291 УК РФ («Дача взятки») в отношении гр. РФ по факту дачи взятки в размере 300 000 рублей начальнику отделения дознания Сочинской таможни за избежание привлечения к уголовной ответственности по ранее возбужденному Сочинской таможней уголовному делу по ч. 1 ст. 194 («Уклонение от уплаты») [7].

В Приморском крае завершено расследование уголовных дел в отношении сотрудников Находкинской и Владивостокской таможни. Под следствием находились шесть человек, трое из них уже осуждены. Уголовные дела еще в отношении троих таможенников переданы Приморскому транспортному прокурору для утверждения обвинительного заключения.

Уголовные дела по ч. 2 ст. 290 УК РФ были возбуждены в июне 2019 года. Тогда задержали 33-летнюю заместителя начальника отдела специальных процедур таможенного поста Морской порт Находкинской таможни. Под

стражей оказались и несколько других работников этой таможни. Инспекторов и младший руководящий состав уличили в получении взяток. По данным следствия, одна из подозреваемых получила от коммерческих организаций взятки на общую сумму не менее 221 тысячи рублей, другая – 85 тысяч рублей. Ещё одному инспектору разные лица заплатили по 40 и 45 тысяч рублей. За эти деньги сотрудники таможни "помогали" участникам внешнеэкономической деятельности оформлять таможенные документы в ускоренном порядке. Преступной деятельностью сотрудники занимались в 2016 и 2017 годах, некоторые – в 2018.

Указанные коррупционные преступления были выявлены в результате грамотно организованной совместной работы следователей управления и сотрудников отдела по противодействию коррупции Находкинской таможни, УФСБ России по Приморскому краю.

Исследования показывают, что высокий уровень коррупции в таможенной сфере обусловлен как объективными, так и субъективными факторами. К первым относятся: предприимчивое воздействие со стороны отдельных криминальных элементов и организованных преступных групп на должностных лиц таможенных органов с целью их втягивания в противоправную деятельность; высокая степень сложности технологических процессов в сфере таможенного дела; недостатки в организации таможенного оформления и контроля; упущения организационно-управленческого характера, а также обстоятельства социального характера. Обстоятельствами субъективного характера являются: нравственно-психологические, моральные факторы; невысокая эффективность ведомственного контроля за повседневной деятельностью таможенных органов; недочеты в подборе и расстановке кадров, порождающие нарушения трудовой и служебной дисциплины; невысокий коэффициент возможного карьерного роста; отклонения от действующих технологий таможенного контроля; недостатки в расследовании уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности.

Вместе с тем, можно выделить ключевые проблемы коррупционного поведения отдельных сотрудников таможенных органов, касающиеся, с одной стороны, нравственных качеств отдельных должностных лиц, а с другой – имеющиеся возможности, благодаря "лазейкам" в законодательстве – произвольно трактовать его из собственных интересов в пользу какого-либо участника коррупционной схемы.

Меры по профилактике и пресечению коррупции в таможенной сфере осуществляются на системной основе. На уровне центрального аппарата действует Комиссия по профилактике коррупционных правонарушений во главе с руководителем ФТС России. Аналогичные подразделения действуют в региональных таможенных управлениях и таможнях.

По антикоррупционной тематике ФТС России налажено эффективное взаимодействие с Администрацией Президента Российской Федерации, ФСБ России, МВД России, Генеральной прокуратурой и Следственным комитетом Российской Федерации.

Таможенными органами разработана нормативно-правовая база антикоррупционной работы в таможенных органах, позволяющая повышать эффективность работы по противодействию коррупции, в том числе, путем:

– организации и проведения проверок достоверности и полноты сведений, предоставляемых федеральными государственными служащими, а также обеспечения контроля за расходами должностных лиц и работниками;

– ведения контроля за исполнением федеральными государственными служащими обязанности уведомлять представителя нанимателя о намерении выполнять иную оплачиваемую работу;

– организации контроля за исполнением должностными лицами и работниками таможенных органов обязанности уведомлять представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений, а также организации работы по рассмотрению таких уведомлений;

– организации работы по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению конфликта интересов либо возможностей его возникновения;

– системной профессиональной подготовки специалистов в сфере организации противодействия коррупции;

– организации проверочных мероприятий в отношении кандидатов, поступающих на службу (гражданскую службу) в таможенные органы;

– организации служебных проверок;

– внедрения в практику кадровой работы правил, в соответствии с которыми длительное, безупречное и эффективное исполнение должностными лицами таможенных органов своих должностных обязанностей должно становиться обязательным основанием для назначения их на вышестоящую должность, присвоения специального звания, классного чина, а также при их поощрении;

– ротации должностных лиц таможенных органов.

Противодействие коррупции в таможенных органах осуществляется также иными мерами предупредительного характера, в том числе путем совершенствования системы воспитательно-профилактической работы; создания атмосферы нетерпимости к проявлениям коррупции; поддержания здорового социально-психологического климата в коллективе; применения индивидуального подхода в материальном стимулировании персонала и пр. [9].

На практике в таможенных органах используются и такие нестандартные методы профилактики и борьбы с коррупцией как проверка рекомендаций и биографии кандидата при приеме на работу; создание "телефона доверия", на который предлагается сообщать обо всех случаях вымогательства взяток сотрудниками таможенных органов (такие телефоны установлены в ФТС России, в Управлении по противодействию коррупции ФТС России, во всех РТУ и таможнях, а также в Российской таможенной академии); анкетирование участников ВЭД; доведения до должностных лиц обзоров по преступлениям коррупционной направленности и судебной практики в отношении должностных лиц таможенных органов; выдачи на руки Кодекса этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов Российской Федерации, принятого на коллегии ФТС России в июле 2007 г. и др. [10].

Сотрудники таможенных органов должны осознавать свою ответственность за правонарушения и их последствия не только для них самих, но и для государства в целом. Также действенной мерой противодействия коррупции

могут служить экономические поощрения сотрудников ФТС России, выявляющих эпизоды коррупции и протекционизма.

Большое внимание уделяется взаимодействию таможенных органов со средствами массовой информации в сфере противодействия коррупции. Например, Приволжским таможенным управлением в сентябре 2018 г. инициировано освещение в средствах массовой информации на сайтах: «ptu.customs.ru», «vzsar.ru», «lizagubenii.ru», «newssarbc.ru» и др. сведений о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч.6 ст.290 УК РФ, в отношении начальника службы таможенного контроля Саратовской таможни, получившего взятку от представителя коммерческой организации после выпуска товаров.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что, проводимые ФТС России предупредительно-профилактические мероприятия по противодействию коррупции играют важнейшую роль и являются достаточно проработанными, но, вместе с тем, требуют дальнейшего совершенствования, поскольку прочный заслон коррупции еще не поставлен.

Анализ опыта работы по противодействию коррупции убеждает в том, что только мерами уголовно-правового пресечения проблему не решить. Реальное противодействие коррупции возможно только в случае, если она будет рассматриваться и государством, и обществом как системное явление, затрагивающее широкий комплекс социальных, экономических, организационных, правовых, кадровых и иных проблем.

Только консолидация усилий многих заинтересованных сторон будет способствовать эффективному противодействию коррупционных проявлений.

Список цитированных источников

1. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации, 31.12.2015, № 683.

2. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2018-28-ballov-iz-100-i-138-mesto.html. – Дата обращения: 12.09.2019.

3. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://comission.lenobl.ru/question. – Дата обращения: 10.09.2019.

4. ФТС России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://customs.ru/activity/protivodejstvie-korrupczii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informaci. – Дата обращения 12.09.2019.

5. ФТС России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://customs.ru/activity/protivodejstvie-korrupczii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informa. – Дата обращения: 12.09.2019.

6. ФТС России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://customs.ru/activity/protivodejstvie-korrupczii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informaci. – Дата обращения 12.09.2019.

7. ФТС России [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:http://customs.ru/activity/protivodejstvie-korrupczii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informa. – Дата обращения: 12.09.2019.

8. URL: https://primamedia.ru/news/852680/. – Дата обращения: 12.09.20129.

9. Данилов, Р. В. Экономическая безопасность внешней торговли России в современных условиях (энергетический аспект) / Р. В. Данилов // Таможенное дело. – 2012. – № 2. – С. 15 – 17.

10. Данилов, Р. В. Проблемы международного налогообложения в условиях создания единого экономического пространства // Актуальные проблемы менеджмента и социальной политики в современной России: Материалы межвузовской научно-практической конференции / Под общ. ред. В. Ф. Хозова. – М.: Московский социально-экономический институт, 2012. – С. 281 – 289.

Аннотация. Организация мероприятий противодействия коррупции в таможенной сфере – одно из важнейших направлений деятельности Федеральной таможенной службы Российской Федерации (ФТС России). Проблемы коррупции необходимо решать системно с проведением мероприятий, влияющих на решение правовых, организационных и кадровых вопросов, направленных, в первую очередь, на демотивацию коррупционных проявлений.

ABOUT THE PREVENTION OF CORRUPTION IN THE CUSTOMS SPHERE

Alexandrova L.

Keywords: customs authorities, civil service, corruption acts, customs control.

Abstract. Organization of anti-corruption measures in the customs sphere is one of the most important activities of the Federal customs service of the Russian Federation (FCS of Russia). The problems of corruption must be addressed systematically with the implementation of measures that affect the solution of legal, organizational and personnel issues, aimed primarily at demotivating corruption manifestations.

УДК 343.352

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ

Асабин А.Ю.

Ключевые слова: коррупционные преступления, предупреждение коррупции, взяточничество, таможенные органы, транснациональная преступность, причины и условия коррупции, общесоциальное предупреждение, специальное предупреждение.

Введение

Совокупность рисков, вызовов и угроз, оказывающих влияние на формирование и развитие социальных процессов в современном обществе, достаточно разнообразна по детерминантам своего генезиса и степени генерализирующего воздействия, однако одним из наиболее значимых факторов, способствующим выходу из правового поля общественных отношений, складывающихся в различных сферах жизнедеятельности, является проблема коррупции.

Как негативное макросоциальное явление, коррупция в настоящее время – сложная и многогранная проблема, от решения которой зависит эффективность и качество развития любого общества и государства. Она оказывает деструктивное воздействие на социальную, экономическую, политическую сферы, дискредитирует государственно-правовые институты, препятствует

стабильному функционированию экономики, девальвирует аксиологические основы общества.

Борьба с коррупцией остаётся актуальной и на современном этапе развития Республики Беларусь. Большое внимание данной проблеме уделяется Главой государства. Так, в ноябре 2018 года при очередных кадровых назначениях А. Г. Лукашенко отметил: «Коррупция съедает все. Это ржавчина. Наши люди, привыкшие к справедливости, никогда не простят начальникам воровства, казнокрадства, взяточничества и прочих коррупционных проявлений» [1].

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что одной из сфер государственного управления, подверженной значимым коррупционным рискам, является таможенная деятельность. Стремительная глобализация и регионализация экономических отношений способствовали становлению таможенных органов как связующего звена между внутренним и мировым рынками. В связи с этим коррупционные преступления наносят значительный ущерб не только авторитету и легитимности таможенной службы, но и интересам государства во внешнеэкономической деятельности.

Коррупция в таможенной сфере обладает большой общественной опасностью, так как может содействовать совершению преступлений транснационального характера: контрабанде наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов и т. д.

Исследование детерминации коррупционных отношений в таможенной сфере, определение и структурирование разноуровневых мер её предупреждения актуализируют выбор рассматриваемой темы.

Основная часть

Коррупция как социально-правовой феномен с развитием торгово-производственных контактов и межрегиональных связей все активней выходит за пределы национальных границ, становясь предметом пристального внимания ученых, экспертов и профильных специалистов, формируя активный дискурс, направленный против её источников и негативных последствий. Отечественный и мировой опыт противодействия коррупции, феноменологическая сущность и тенденции её эволюции, проблемы становления и развития антикоррупционной политики рассматривались в трудах Л.И. Александровой, И.И. Басецкого, А.В. Башана, Ю.В. Голика, Т.А. Дикановой, В.Е. Осипова, А.М. Клима, Л.М. Тимофеева, С. Роуз-Аккерман, Т.Я. Хабриевой.

Однако исследования, посвященные предупредительно-профилактической работе в таможенной сфере, противодействию коррупциогенности таможенных практик, не получили должного развития в научной литературе. Определенную востребованность имеют изучение проблем формирования и развития коррупционных отношений в таможенных органах, выявление их детерминант и тенденций, разработка и практическое применение организационно-правового механизма управления коррупционными рисками.

Исполнение таможенными органами функций и задач по предназначению тесно связано с потенциальными рисками и угрозами коррупционного характера. Следует согласиться с Л.И. Александровой, констатирующей, что таможенные органы, обладая организационно-распорядительными и контролирующими функциями, способны повлиять на движение значительных товарных и денежных потоков, естественным образом подвергаются

воздействию коррупциогенных факторов, что определяет специфику противодействия коррупции среди должностных лиц [2, с. 156].

Сама правовая природа таможенной службы делает ее уязвимой для многих форм коррупции, в связи с чем практически все страны подвержены влиянию данного социально опасного явления и не имеют быстрых доступных решений для её полного устранения.

В Республике Беларусь среди выявленных коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками таможенной службы, наибольшее распространение получило взяточничество. Так, в сентябре 2017 года в г. Минске приговорены к длительным срокам лишения свободы 11 сотрудников таможенного поста «Каменный Лог» Ошмянской таможни, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 430 УК Республики Беларусь. Всего в судах Минска прошли судебные процессы в отношении 58 должностных лиц Ошмянской таможни, уличенных в коррупции [3].

Коррупционные проявления сотрудников таможенной службы, связанные с взяточничеством при исполнении должностных обязанностей, вскрывались и пресекались и в иных подразделениях, в частности, в Минской региональной таможне [4].

Противодействие коррупционным практикам в таможенной сфере имеет актуальную востребованность в Республике Беларусь, так как участие страны в интеграционных образованиях возлагает на таможенные органы дополнительную ответственность, связанную с обеспечением защиты как внутреннего рынка, так и рынка стран-партнеров по ЕАЭС.

В настоящее время Беларусь находится на стыке геополитических и экономических пространств ЕАЭС и ЕС, обеспечивает непрерывное функционирование транспортных коридоров, соединяющих Европу и Азию, в связи с чем вопросы обеспечения высокого уровня безопасности и динамики трансграничных операций приобретают все большую актуальность [5].

Большое внимание проблемам противодействия коррупции в таможенной сфере уделяется мировым сообществом. Об актуальности указанных вопросов свидетельствует принятие в 1993 году Всемирной таможенной организацией (далее – ВТамО) Декларации по надлежащему управлению и борьбе с коррупцией на таможне (Декларация Аруша), положения которой обновлены в 2003 году.

В документе указывается, что борьба с коррупцией является важным вопросом для всех стран и всех таможенных администраций, её наличие может сильно ограничить способность таможни выполнять свою миссию. Среди прочего в положениях международно-правового акта к негативным последствиям коррупции отнесены: снижение уровня национальной безопасности и защиты общества; ослабление общественного доверия к государственным органам; падение уровня морали и чести мундира таможенников [6].

Положения декларации остаются актуальными и в настоящее время, так как обеспечивают институциональную основу решения проблем коррупции в национальных таможенных администрациях, содействуют

качественному выполнению таможенных функций.

Кроме того, ВТамО на регулярной основе принимает программы и «дорожные карты», направленные на противодействие коррупционным

проявлениям в таможенной сфере. Так, в январе 2019 года запущена очередная программа противодействия коррупции и неподкупности. Документ призван улучшить бизнес-среду для трансграничной торговли отдельных стран-членов ВТамО путем реализации новых мер в борьбе с коррупцией и наращивания потенциала сотрудничества в данной области со всеми странами-бенефициарами программы [7].

Рассматривая вопросы предупреждения коррупционных проявлений в таможенной сфере, следует отметить, что данная проблема носит сложный многоуровневый характер и её решение предполагает осуществление комплексных практических мероприятий, включающих выявление причин и условий коррупции, разработку скоординированных и эффективных правовых, организационных и иных мер по их устранению.

Как указывает А.М. Клим, исследование причин и условий преступности позволяет раскрыть ее природу, объясняет происхождение, показывает, от чего зависит существование, что способствует ее сохранению, а что этому противодействует [8, с. 54].

В научных источниках некоторыми авторами предпринимаются попытки разграничения причин и условий преступности, однако следует согласиться с позицией А. И. Долговой, считающей, что оценка одних явлений в качестве причин, а других в качестве условий носит относительный характер. Конкретное явление в одних взаимодействиях может играть роль причины, а в других – условия. Однозначное описание одного фактора, недиалектическая изоляция и удаление из общей цепи и комплексов связи двух элементов, оказывающих влияние на преступность, представляется неверным [9, с. 271].

Детерминанты коррупционных преступлений в таможенной сфере достаточно разнообразны по своему содержанию, однако анализ их возникновения и развития позволяет выделить несколько основных групп:

экономические (рост криминализации внешнеэкономической деятельности после развала СССР и обретение Республикой Беларусь независимости; введение и апробация новых механизмов таможенно-тарифного регулирования, обусловленные ростом внешнеэкономической деятельности, в том числе за счет предприятий частной формы собственности, что вызвало увеличение экономических преступлений и коррупционных связей с сотрудниками таможенной службы. Как полагают Т.А. Диканова и В.Е. Осипов, распространенное в среде предпринимателей уклонение от уплаты таможенных платежей рассматривается как важнейший способ конкурентной борьбы. Законопослушные участники внешнеэкономической деятельности не выдерживают конкуренции со стороны тех, кто вместо таможенных платежей платит взятки работникам таможни, что экономически значительно выгоднее и помогает победить конкурента [10, с. 5];

кадровые (недостаточная эффективность деятельности по подбору и изучению кандидатов на службу, по формированию мотивов, побуждающих к добросовестному исполнению служебных обязанностей, по профилактике должностных преступлений);

организационно-правовые (высокая степень сложности технологических процессов в сфере таможенного дела, позволяющих скрывать способы и следы преступлений, недостаточная эффективность организации ведомственного и иных видов контроля [11, с. 146]);

социально-психологические (нарушение социализации личности отдельных работников таможенных органов, невысокий уровень усвоения норм и принципов законопослушного поведения).

Большое влияние на формирование коррупционных отношений оказывает наличие негативных корпоративных практик в служебных коллективах. В этой связи С.Ю. Барсукова указывает, что, чем многочисленнее сеть участников коррупционных отношений, тем меньше чувство вины и риск испортить репутацию в случае разоблачения. Сети обладают потенциалом взаимопомощи и солидарности, права и обязательства сетевого членства могут быть важнее, чем утилитаристский интерес индивида и его обязательства перед организацией [12].

Разработка мер предупреждения коррупционной преступности выступает фундаментальным фактором в организации противодействия её проявлениям. Как полагает Н.А. Аникеева, приоритетность предупреждения преступности объясняется наличием трех основных обстоятельств: упреждающего характера этой деятельности, исключающего совершение преступления; эффективного противодействия истокам, корневой системе конкретных преступлений; экономии ресурсов, выделяемых на борьбу с преступностью и снижением иных непроизводственных издержек [13, с. 31].

В Республике Беларусь правовую основу борьбы с коррупцией составляет ряд нормативных правовых актов, положения которых регулируют общественные отношения и в сфере её предупреждения.

Базовым документом, сформировавшим стандарты антикоррупционной политики в нашей стране, является Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» [14]. Данным актом регламентирована система мер противодействия коррупции, включающая мероприятия общей профилактической направленности (установление ограничений для государственных должностных лиц (ст. 17), декларирование доходов и имущества (гл. 4), организация антикоррупционного обучения (ст. 5) и ряд иных).

Реализация мер предупреждения коррупциогенности таможенных практик дополняется организационно-управленческими, кадровыми, воспитательными и иными мероприятиями, направленными на упреждение появления предпосылок к коррупционным проявлениям, их нейтрализацию и устранение, структурно входящими в общесоциальные и специальные (криминологические) меры предупреждения.

Общесоциальные меры включают социально-правовой контроль, предусматривающий организацию жизнедеятельности общества на основе правовых предписаний; совершенствование нормативной правовой базы, регулирующей правоотношения в таможенной сфере; мониторинг эффективности её применения; выявление пробелов и недостатков, создающих условия для совершения коррупции; своевременное внесение новаций и разработка новых перспективных нормативных правовых актов; внедрение антикоррупционных инициатив и программ.

Специальные меры включают:

организационно-управленческие (повышение эффективности всех видов контроля, повсеместное внедрение информационных технологий и электронного документооборота; совершенствование алгоритмов таможенных операций;

кадровые (улучшение качества процедур подбора на службу, повышение уровня обучения и переподготовки; проведение аттестаций и кадровых ротаций; своевременное решение социальных вопросов;

воспитательные (формирование антикоррупционного сознания и правовой культуры, высоких морально-нравственных качеств; поддержание здорового морально-психологического климата в служебных коллективах; обеспечение соблюдения в профессиональной деятельности кодекса чести должностного лица таможенного органа).

Заключение

Таким образом, в рамках исследования проблематики предупреждения коррупции в таможенной сфере раскрыта детерминация противоправных деяний, определены и структурированы общесоциальные и специальные меры, обеспечивающие ограждение общественных отношений, складывающихся в таможенной сфере, от угроз и рисков коррупционного характера.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

борьба с коррупцией в таможенной сфере выступает значимым направлением антикоррупционой политики, способствующим не только обеспечению экономической безопасности Республики Беларусь и партнеров по интеграционным организациям, но и укреплению авторитета и доверия к органам государственного управления страны в целом;

предупреждение коррупции является приоритетным фактором противодействия её проявлениям, так как применение даже самых эффективных уголовно-правовых мер реагирования осуществляется в доминантном большинстве только после совершения противоправных деяний в условиях наступления их негативных последствий;

глубокое изучение детерминант коррупционных преступлений, познание природы, причинно-следственных связей преступных посягательств способствуют разработке действенных мер их предупреждения, обеспечивающих эффективное предотвращение самой угрозы совершения противоправных деяний;

способность коррупционных отношений к адаптации к институциональным, организационным и иным условиям, формируемым в правовом пространстве внешнеэкономической деятельности, диктует необходимость постоянного совершенствования практического инструментария предупреждения коррупционных преступлений, регулярного мониторинга таможенных практик, определения их соответствия установленным правовым предписаниям, апробации и внедрения новых форм и методов предупреждения коррупции, обеспечивающих своевременное и эффективное упреждение её проявлений.

Список цитированных источников

1. Матвеев, В. А. Лукашенко о коррупции: это ржавчина, которая съедает все [Электронный ресурс] / В. А. Матвеев // Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: https://www.belta.by/president/view/lukashenko-o-korruptsii-eto-rzhavchina-kotoraja-sjedaet-vse-325321-2018/. – Дата доступа: 2.05.2019.

2. Александрова, Л. И. Проблемы противодействия коррупции в таможенных органах / Л. И. Александрова // Коррупция : состояние противодействия и направления оптимизации борьбы: сб. ст. / Российская криминологическая ассоциация; под ред. А. И. Долговой. – М., 2015. – С. 155-161.

3. Суд вынес приговор еще одной группе ошмянских таможенников - от 5 до 11,5 лет лишения свободы [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: https://www.belta.by/incident/view/sud-vynes-prigovor-esche-odnoj-gruppe-oshmjanskih-tamozhennikov-ot-5-do-115-goda-lishenija-svobody-264958-2017/. – Дата доступа: 1.07.2019.

4. Начался суд над обвиненными в коррупции экс-сотрудниками Минской региональной таможни [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: https://www.belta.by/incident/view/nachalsja-sud-nad-obvinennymi-v-korruptsii-eks-sotrudnikami-minskoj-regionalnoj-tamozhni-282300-2017/. – Дата доступа: 1.07.2019.

5. Концепция интегрированного управления Государственной границей Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 12 марта 2019 г., № 153 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

6. (Обновленная) Декларация Аруша [Электронный ресурс] // Всемирная таможенная организация. – Режим доступа: http://www.wcoomd.org/en/topics/integrity/~/media/WCO/Public/RU/PDF/About%20us/Legal%20Instruments/Declarations/Arusha_Declaration_Revised_Russian.ashx. – Дата доступа: 2.07.2019.

7. anti-corruption and integrity promotion (a-cip) programme [electronic resource] // world customs organization. – mode of access: http://www.wcoomd.org/en/topics/capacity-building/activities-and-programmes/cooperation-programmes/acip-programme.aspx. – date of access: 2.07.2019.

8. Клим, А. М. Взяточничество: криминологическая характеристика и предупреждение : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. М. Клим. – Минск, 2013. – 221 л.

9. Криминология : учебник для вузов / А. И. Долгова [и др.] ; под ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – 912 с.

10. Диканова, Т. А. Борьба с таможенными преступлениями и отмыванием «грязных денег» : метод. пособие / Т. А. Диканова, В. Е. Осипов. – М.: Юнити-дана, Закон и право, 2000. – 310 с.

11. Таможенная служба: основы деятельности: учеб.-метод. пособие / И. И. Дубик [и др.]. – Минск : Амалфея, 2012. – 460 с.

12. Барсукова, С. Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность [Электронный ресурс] / С. Ю. Барсукова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 5. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/09/20/1215005645/Barsukova.pdf. – Дата доступа: 2.07.2019.

13. Аникеева, Н. А. Реализация криминологического прогнозирования в предупреждении преступности : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. А. Аникеева. – Минск, 2011. – 170 (1) л.

14. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы предупреждения коррупционных преступлений в таможенных органах. Раскрыты их социальная опасность и негативное воздействие на внешнеэкономическую деятельность Республики Беларусь. Осуществлен анализ антикоррупционных инициатив и программ противодействия коррупции в таможенной сфере, осуществляемых международными структурами. Выделены и исследованы наиболее актуальные причины и условия формирования и функционирования коррупциогенных практик в таможенной сфере, проведена их классификация по критериям содержания и характера воздействия. Определены и структурированы общесоциальные и специальные меры предупреждения коррупционных преступлений, применение которых способствует ограждению общественных отношений, складывающихся в таможенной сфере, от угроз и рисков

коррупционного характера. В результате исследования автором сделаны выводы о том, что приоритетным фактором борьбы с коррупцией является устранение её детерминант и необходимости постоянного совершенствования практического инструментария предупредительно-профилактической работы в целях обеспечения своевременного и эффективного упреждения коррупционных проявлений в таможенной сфере.

SOME ASPECTS OF PREVENTION OF CORRUPTION IN CUSTOMS

Asabin A.Y.

Keywords: corruption crimes, corruption prevention, bribery, customs authorities, transnational crime, causes and conditions of corruption, general social warning, special warning.

Abstract. The article deals with the problems of preventing corruption crimes in the customs authorities. Their social danger and negative impact on the foreign economic activity of the Republic of Belarus are disclosed. The analysis of anti-corruption initiatives and anti-corruption programs in the customs sphere carried out by international structures, in particular the World Customs Organization, has been carried out. The most relevant causes and conditions for the formation and functioning of corrupt practices in the customs field have been identified and investigated, and their classification has been carried out according to the criteria for the content and nature of the impact (economic, personnel, organizational and legal, social and psychological). Defined and structured are social and special measures for the prevention of corruption crimes, the use of which contributes to protecting social relations in the customs sphere from threats and risks of a corruption nature. As a result of the study, the author has drawn conclusions on the prevention of corruption as a priority factor in combating its determinants and the need to constantly improve practical tools of preventive and preventive work in order to ensure the timely and effective prevention of its manifestations in the customs sphere.

УДК 343.9

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И КОРРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Афонченко Т.П.

Ключевые слова: социальный контроль, пределы контроля, противодействие преступности, коррупция, коррупционная преступность.

Введение

Многовековой опыт существования коррупционных проявлений и поисков эффективных методик противодействия им позволяет оценить задачу полного искоренения коррупции как утопическую. Экономические отношения как наиболее динамично развивающийся сегмент современного общества постоянно продуцируют «соблазн» воспользоваться увеличивающимися денежными потоками в своих меркантильных интересах, монетизировать предоставленные властные полномочия и использовать их в своих личных целях. Кроме того, стандарты так называемого «общества потребления» декларируют устойчиво высокий уровень материальных расходов, который, в большинстве своем, не может быть обеспечен в равной степени всем в условиях реального социума на легальных основаниях. Данная гипотеза позволяет утверждать, что более

эффективными будут не столько попытки полной ликвидации того или иного вида преступных проявлений, в том числе коррупционных, сколько системное контролирующее воздействие на преступность.

Основная часть

Согласно теории аномии Э. Дюркгейма, изучающей феномен социальной дезорганизации, наличие преступности выражает определенную функцию общества, развивающегося в условиях тех или иных масштабных изменений, и в ходе данного развития и отсутствия устоявшихся стандартов поведения «… все считают себя вправе претендовать на все, общественное мнение не вправе сдерживать индивидуальные аппетиты» [1, с. 294-296]. Как отмечает А.С. Титов, «коррупции может быть подвержен любой человек, обладающий дискреционной властью – властью над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению» [2, с. 12]. Исходя из этого посыла, коррупция в обществе и государстве так или иначе образует систему социальных отношений, теснейшим образом переплетенную с другими социальными отношениями, то есть выступает системным негативным фактором. Анализируя глобальный временной срез с точки зрения исторических этапов становления и развития мер противодействия коррупции, нельзя не констатировать факт трансформации данной деятельности с точки зрения применяемых уголовно-правовых рычагов из мер индивидуального воздействия непосредственно на лицо, виновное в совершении коррупционного деяния, в комплекс мер общесоциального контроля. Кириленко В.П. и Дронов Р.В. подчеркивают, что сегодня «… проблема преодоления коррупции не столько уголовно-правовая, сколько социально-политическая» [3, с. 176]. Подобное, прежде всего, связано с пониманием коррупции как социогенного феномена, а также ограниченности влияния исключительно уголовного наказания на процессы и характеристики (качественные и количественные) преступности как массового социального явления, внедрением таких конструкций реагирования на преступные проявления, которые в первую очередь связаны с правовой, экономической, социальной, бытовой, организационной составляющей функционирования общества. По мнению И.Л. Грошева, «… нормы ужесточения контроля и наказания обладают «обратным эффектом» – они не возвращают чиновника в правовое поле, а стимулируют активность коррупционной деятельности… когда происходит кардинальный отрыв ментальности чиновника от социальной общности, теряют вес и значение высоконравственные ценности» [4, с. 62-63]. Не случайно В.М. Хомич отмечает, что «… отсутствие равновесной модели взаимодействия уголовного закона и экономики – путь к самоорганизации преступности» [5, с. 130]. На наш взгляд, подобное утверждение совершенно справедливо применительно к коррупционным проявлениям. Более того, как отмечает далее автор, во многом именно недостатки социального контроля, выражающиеся в избыточности уголовно-правового запрета, монополизме публичных видов ответственности в разрешении не всегда публичных социальных и экономических конфликтов, продуцируют коррупционный фон [5, с. 132]. Представляется также, что попытки технически «ликвидировать» систему правоотношений, вовлеченных в коррупционные риски, неизбежно приведут к социально-экономическому кризису. Иными словами, любые механизмы, ориентированные на противодействие коррупции, должны учитывать специфику корректируемых

социальных и экономических отношений. Социально-корригирующий контроль достигнет максимального эффекта, имея в качестве генеральной цели не столько искоренение коррупции, сколько минимизацию суммы совокупных потерь от данного вида преступности и совокупных затрат на защиту от потерь, связанных с коррупционной преступностью. При этом потери – это не только непосредственный причиненный материальный ущерб, но и любые отрицательные влияния преступности на общественные процессы (социальные, моральные, политические, правовые, экономические), а затраты на защиту от потерь – это прямые и косвенные затраты во всех областях общественной системы, которые вызываются наличием и уровнем коррупционной преступности.

Василевич Г.А., акцентируя внимание на наибольшую распространенность коррупционных рисков в сфере распределения финансовых ресурсов, выделяет в «цепи коррупционных правоотношений» человеческий фактор – носителя властных полномочий как субъекта, во многом ответственного за противоправный результат. По мнению автора, это актуализирует совершенствование механизма подбора кадров на коррупциогенные должности путем внедрения процедур публичного обсуждения кандидатов, прохождения периодических проверок на полиграфе, ротации должностей, активного вовлечения институтов гражданского общества, что, фактически, также является проявлениями социального контроля [6, с. 132-133; 7, с. 653]. Колесников В.В. связывает слабость гражданского общества с явлением социальной аномии и утверждает, что в подобных условиях «… государство становится дискомфортным даже для проживания элит», поскольку углубляется проблема криминализации экономики, деструктивные деформации в системе социально-экономических отношений, наблюдается низкое качество базовых политико-правовых и экономических институтов [8, с. 101-102]. Более широкий «срез» проблемы кадровой и управленческой работы затрагивает В.В. Марчук, оценивая эффективность профилактики коррупции в структуре менеджмента организации [9, с. 142]. Субъекты хозяйствования, будучи заинтересованы в имиджевой стабильности, на основе идеи социальной ответственности бизнеса должны быть нацелены на внедрение системы антикоррупционного менеджмента, специализированный стандарт которого разработан Международной организацией по стандартизации (ISO) с участием представителей ОБСЕ в 2016 г. (стандарт ISO 37001:2016 «Системы менеджмента противодействия коррупции – требования и рекомендации по применению») [10]. Такой подход позволит активнее противодействовать распространению так называемых коррупционных сетей, которые не просто извлекают прибыль из своей противоправной деятельности, но уже инвестируют ее в развитие самой коррупции [11, с. 34]. При этом не следует забывать о таком принципе современного менеджмента, как целесообразность, поскольку коррупционное преступление совершается только тогда, когда оно попадает в разряд целесообразного поведения для потенциального преступника. Презюмируется, что индивид – субъект преступления – рационален, и взвешенное решение при совершении (не совершении) преступления – это результат прагматических умозаключений на предмет потенциальных выгод (рисков). Следовательно, именно в данном направлении следует осуществлять системное противодействие как с точки зрения формирования личного, так

и общественного позитивного опыта: сделать совершение преступления максимально невыгодным для субъекта по различны критериям (моральным, физическим, материальным). Применительно к вопросу о совершенствовании кадровой работы интересно привести мнение Б.В. Волженкина, полагающего, что «… пришло время вообще отказаться от использования в Уголовном кодексе понятия должностного лица, признав субъектом преступлений против интересов публичной службы любого публичного служащего независимо от того, к какой категории он относится» [12, с. 687].

В то же время, нельзя отрицать важность сохранения уголовно-правовых запретов как действенного сдерживающего фактора распространения коррупционного менталитета и актуальности совершенствования действующих норм Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [13, с. 130]. Именно сформулированный уголовно-правовой запрет и криминализация деяния в УК путем четкого закрепления его объективных и субъективных признаков позволяет выстраивать эффективное системное противодействие и профилактирование, а, следовательно, и предметный социальный контроль. В связи с указанным представляется необходимым обратить внимание на перечень коррупционных преступлений, который в национальном законодательстве Республики Беларусь закреплен ведомственным подзаконным нормативным актом и носит, как отмечает Д.Г. Мороз, в большей степени криминологический характер [14, с. 715]. Иными словами, перечень преступлений коррупционной направленности содержится, в основном, в Главе 35 УК (за исключением хищения путем злоупотребления служебными полномочиями и легализации («отмывания») материальных ценностей, добытых преступным путем, совершенной должностным лицом с использованием своих служебных полномочий), а непосредственно указание на коррупционное содержание данных составов преступлений утверждено в постановлении 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274 Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь и Следственного комитета Республики Беларусь. Представляется, что предметом социального, и в первую очередь, уголовно-правового контроля коррупционной преступности выступают деяния, закрепленные в качестве преступных действующим УК. Сочетание социально-политического и формально-юридического подходов [14, с. 714] к пониманию феномена коррупции позволяет достичь максимального эффекта в противодействии рассматриваемому явлению.

Заключение

Эффективное противодействие коррупции может быть достигнуто только путем сочетания общесоциальных и специальных уголовно-правовых мер контроля указанного негативного явления. Специальные уголовно-правовые средства предполагают четкие исключающие, по возможности, оценочные понятия, формулировки составов соответствующих преступлений, введение которых в УК является результатом объективных запросов социума, а не рычагом публично-эпизодического воздействия на экономику и управление. Масштабная криминализация деяний, общественная опасность которых невелика, представляется противоречием тенденции гуманизации уголовного

законодательства. Среди направлений социального контроля следует назвать введение антикоррупционных стандартов принятия решений в различных сегментах экономики и менеджмента. Подобное предполагает, что акцент должен быть сделан на усиление прозрачности функционирования публичных и частных институтов управления, усиление антикоррупционной предметности финансового контроля и отчетности, развитие этических кодексов и правил поведения должностных лиц. Важным является развитие и поощрение инициатив гражданского общества в области противодействия коррупции. Применительно к социальному контролю коррупционной преступности принципиальными положениями являются: обеспечение такого статуса публичного должностного лица, при котором преступление становится нецелесообразным, невыгодным для потенциального преступника; осуществление воздействия на общество, на его сознание, при котором убеждение в нецелесообразности преступного поведения превращается в устойчивую моральную парадигму; система противодействия коррупционной преступности должна строиться так, чтобы обеспечить оптимальную устойчивость социума, а не его дестабилизацию.

Список цитированных источников

1. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. А.Н. Ильинской; под ред. В.А. Базарова. – М.: Юрайт, 2019. – 316 с.

2. Титов, А. С. Коррупция: феномен или неизбежность? / А. С. Титов // Налоги Беларуси. – 2011. – № 9. – С. 12-16.

3. Кириленко, В. П. Коррупция и государство. «Черная дыра» экономики России / В. П. Кириленко, Р. В. Дронов. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – 480 с.

4. Грошев, И. Л. Деконструкция коррупционной деятельности в России / И. Л. Грошев // Социальный контроль над преступностью: что делать? (Social Control over Crime: What Has to Be Done?): Материалы XXXII Международной Балтийской криминологической конференции (Proceedings of the XXXII International Baltic Criminological Conference), Санкт-Петербург, 21-22 июня 2019 г. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Я. И. Гилинского. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 61-67.

5. Хомич, В. М. Отсутствие равновесной модели взаимодействия уголовного закона и экономики – путь к системной самоорганизации преступности / В. М. Хомич // Тенденции развития юридической науки и практики совершенствования правовых институтов в условиях формирования инновационного общества: сб. науч. ст. В 2-х ч. Часть 1 / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол. С.Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2019. – С. 130 –135.

6. Василевич, Г. А. Совершенствование механизма подбора кадров на коррупциогенные должности как важнейшее средство противодействия коррупции в Республике Беларусь на современном этапе / Г. А. Василевич // Криминология в условиях трансформационных процессов: национальный и международный аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 12-13 окт. 2018 г. / Редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т, 2018. – С. 131-142.

7. Василевич, Г. А. Граждане и институты гражданского общества как субъекты противодействия коррупции / Г. А. Василевич // Право в современном белорусском обществе: сборник научных трудов, посв. д.ю.н., проф., засл. юристу Респ. Беларусь С. Г. Дробязко. – Выпуск 13. – Минск: Колорград, 2018. – С. 651-659.

8. Колесников, В. В. Криминологическая безопасность: обоснование подходов к определению сущности феномена / В. В. Колесников // Социальный контроль над преступностью: что делать? (Social Control over Crime: What Has to Be Done?): Материалы

XXXII Международной Балтийской криминологической конференции (Proceedings of the XXXII International Baltic Criminological Conference), Санкт-Петербург, 21-22 июня 2019 г. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Я.И. Гилинского. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. – С. 98-103.

9. Марчук, В. В. Об оценке и профилактике коррупции в структуре менеджмента / В. В. Марчук // Криминология в условиях трансформационных процессов: национальный и международный аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 12-13 окт. 2018 г. / Редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т, 2018. – С. 142-150.

10. Системы менеджмента противодействия коррупции – требования и рекомендации по применению. Международный стандарт ISO 37001:2016 / Международная организация по стандартизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iso.org/iso-37001-anti-bribery-management.html. – Дата доступа: 08.08.2019.

11. Сатаров, Г. А. Диагностика российской коррупции: социологический анализ / Г. А. Сатаров // Право и безопасность. – 2002. – № 2-3 (3-4). – С. 34-38.

12. Волженкин, Б. В. Некоторые проблемы совершенствования законодательства об ответственности за преступления против интересов публичной службы / Б. В. Волженкин // Избранные труды. Сборник научных трудов. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2008. – С. 686-692.

13. Лосев, В. В. Уголовно-правовые средства предупреждения коррупционных преступлений / В. В. Лосев // Криминология в условиях трансформационных процессов: национальный и международный аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 12-13 окт. 2018 г. / Редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [идр.]. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т, 2018. – С. 120-131.

14. Мороз, Д. Г. Законодательные модели противодействия коррупционной преступности в Беларуси, России, Украине, Казахстане и Кыргызстане / Д. Г. Мороз // Право в современном белорусском обществе: сборник научных трудов, посв. д.ю.н., проф., засл. юристу Респ. Беларусь С. Г. Дробязко. – Выпуск 13. – Минск: Колорград, 2018. – С. 714-721.

Аннотация. Коррупция выступает системообразующим фактором значительной части массива преступных проявлений современного государства, при этом затрагивая различные социальные слои, множество групп взаимосвязанных общественных отношений. Подобный постулат приводит к неизбежности перехода способов и средств противодействия коррупции от сугубо уголовно-правовых, карательных рычагов воздействия к более широким мерам общесоциального контроля, в рамках которых в свою очередь уже могут быть максимально эффективно реализованы различные специальные, в том числе постпенальные и иные, меры.

SOCIAL CONTROL AND CORRUPTION CRIME

Afonchenko T.P.

Keywords: social control, limits of control, countering crime, corruption, corruption crime.

Abstract. Corruption acts as a system-forming factor in a significant part of the array of criminal manifestations of the modern state, while affecting various social strata, many groups of interrelated social relations. Such a postulate leads to the inevitability of the transition of methods and means of combating corruption from purely criminal law punitive levers of influence to wider measures of social control, in the framework of which various special measures, including post-penal and other ones, can already be implemented as efficiently as possible

УДК 343.7: 3.088.6

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ РИСКАМ

Ачкасова С.А., Притула Н.И.

Ключевые слова: Коррупционные риски, риск-ориентированный подход, финансовый мониторинг, противодействие, подразделение финансовой разведки.

Введение

Развитие основ предотвращения и противодействия коррупции соответствует основным аспектам Стратегии устойчивого развития «Украина-2020» [1] в части обновления власти и антикоррупционной реформы. Для антикоррупционной реформы выделяют целесообразность введения таких антикоррупционных механизмов: декларирование имущественного состояния публичных служащих, предотвращения и урегулирования конфликтов интересов, мониторинг образа жизни служащих.

Следует отметить, что коррупционные риски влияют на увеличение потерь государственного бюджета и бизнеса через коррупционную деятельность, а также снижение позиций Украины в международных рейтингах, оценивающих уровень коррупции [1].

Согласно Стратегии развития системы предотвращения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения на период до 2020 года [2] основными направлениями являются последовательная и эффективная борьба с коррупцией и совершенствование форм и совершенствование методов риск-ориентированного подхода в сфере финансового мониторинга.

Глубокими изменениями в системе финансового мониторинга является развитие механизмов совершенствования риск-ориентированного подхода. Существующая связь процессов отмывания средств, полученных в результате совершения коррупционных деяний, свидетельствует об актуальности вопросов целесообразности предотвращения и противодействия коррупционным рискам при внедрении риск-ориентированного подхода в системе финансового мониторинга.

Целью исследования является развитие процесса предотвращения и противодействия коррупционным рискам при внедрении риск-ориентированного подхода в системе финансового мониторинга.

Основная часть

Национальная оценка рисков является системой мероприятий, осуществляемых с целью определения (обнаружения) рисков (угроз) легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, их анализ, оценка и разработка мероприятий, направленных на предотвращение возникновения и / или уменьшения негативных последствий [3].

Согласно отчету Национальной оценки рисков в сфере предотвращения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма оценка уровня коррупции в Украине была вторым элементом оценки в рамках политико-институциональной составляющей [3].

Согласно исследованию, проведенного Киевским международным институтом социологии в течение августа-октября 2015, почти 2/3 опрошенных респондентов указали на то, что они сталкивались с проявлениями коррупции в течение последних 12 месяцев. В 2014 году по результатам исследований международной антикоррупционной неправительственной организации Transparency International, Украина занимала 142 позицию из 175 стран мира по показателю высокого уровня коррупции в государстве. За 1 год Украине удалось заработать лишь один дополнительный балл по результатам мирового индекса восприятия коррупции и в 2015 Украина заняла 130 место по уровню восприятия коррупции из 168 стран [3].

Позиции Украины среди государств мира по индексу восприятия коррупции, который рассчитывает Transparency International, приведены в табл. 1, что определено в соответствии с данными источника [4].

Таблица 1

Позиция Украины среди государств мира по индексу восприятия коррупции, который рассчитывает Transparency International

год	Место	Количество стран, участвовавших	Изменение по сравнению с предыдущим годом
2017	130	180	↑ 1
2016	131	176	↓ 1
2015	130	168	↑ 12
2014	142	175	-

Как видно из табл. 1, по данным 2017 года по индексу восприятия коррупции, Украина заняла 130 позицию из 180 стран и по сравнению с 2016 годом поднялась на одну позицию (с 131 позиции на 130).

Позиция Украины по данным 2017 года по индексу восприятия коррупции не изменилась, следовательно, целесообразно вводить новые антикоррупционные механизмы, в частности предотвращения и противодействия коррупционным рискам через риск-ориентированный подход за деятельностью субъектов государственного и первичного финансового мониторинга.

Целесообразно отметить, что в соответствии с основами реализация Стратегии устойчивого развития «Украина-2020» [1], предполагается достижение 25 ключевых показателей, оценивающих ход выполнения реформ и программ, одним из которых является вхождение Украины в 50 лучших стран мира по индексу восприятия коррупции, который рассчитывает Transparency International.

Согласно результатам отчета по Национальной оценке рисков в сфере предотвращения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма высокий уровень коррупции является одним из внешних угроз национальной системе предотвращения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма [3].

Основываясь на данных отчета MONEYVAL [5] (Комитета экспертов Совета Европы по оценке мер по противодействию отмыванию средств и финансированию терроризма), обнародованных по результатам пятого раунда оценивания Украины, страна имеет значительные риски отмывания денег, в частности, из-за коррупции. Именно поэтому предотвращение и противодействие коррупционным рискам должна стать основой риск-ориентированного подхода в деятельности субъектов государственного финансового мониторинга.

Государственной службой финансового мониторинга Украины принята антикоррупционная программа финансового мониторинга Украины на 2018 – 2020 годы, устанавливающая комплекс мероприятий по предотвращению и противодействию коррупции [6]. Этой программой предусматривается решение проблем вероятного возникновения коррупционных рисков и последствий коррупционных правонарушений, или правонарушений, связанных с коррупцией путем:

обеспечения эффективного применения антикоррупционного законодательства;

выявление коррупционных рисков и устранение причин, условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений или правонарушений, связанных с коррупцией;

внедрение системы мониторинга и идентификации коррупционных правонарушений или правонарушений, связанных с коррупцией; неуклонного соблюдения работниками Государственной службы финансового мониторинга Украины требований нормативно-правовых и организационно-распорядительных актов;

применения мер по устранению выявленных коррупционных рисков; обеспечение прозрачности деятельности.

Коррупционный риск – это вероятность того, что произойдет событие коррупционного правонарушения или правонарушения, связанного с коррупцией, которое негативно повлияет на достижение органом власти определенных целей и задач [7].

Основой для разработки и согласования антикоррупционной программы послужили:

утверждение Методологии оценки коррупционных рисков в деятельности органов власти (решение Национального агентства по вопросам предотвращения коррупции от 02.12.2016 № 126) [8];

принятый Порядок подготовки, представления антикоррупционных программ на согласование в Национальное агентство по вопросам предотвращения коррупции и осуществления их согласования (решение Национального агентства от 08.12.2017 года № 1379) [9];

Методические рекомендации по подготовке антикоррупционных программ органов власти, утвержденных решением Национального агентства по вопросам предотвращения коррупции от 19.01.2017 № 31 (с изменениями) [10].

В соответствии с Законом Украины «О ратификации Конвенции Совета Европы об отмывании, поиске, аресте и конфискации доходов, полученных преступным путем, и о финансировании терроризма» [11] Государственная служба финансового мониторинга Украины является органом, уполномоченным на выполнение функций Подразделения финансовой разведки. А в соответствии

с 29-й Рекомендацией международных стандартов FATF [12] страны должны создать подразделение финансовой разведки, которое является национальным центром для получения и анализа: сообщений о подозрительных операциях, другой информации, имеющей отношение к отмыванию средств, финансированием терроризма, и для распространения результатов этого анализа.

Лучшей практикой достижений отечественного Подразделения финансовой разведки в сфере противодействия коррупции является награждение на 25-том пленарном заседании Эгмонтской Группы подразделений финансовой разведки, которое произошло в Австралии (24 - 27 сентября 2018 г.) расследования Государственной службы финансового мониторинга Украины, которое определено победителем конкурса "лучшее дело Эгмонтской Группы "(BECA). Это дело демонстрирует многостороннее сотрудничество в сфере противодействия коррупции и привело к успешному возвращения активов [13].

7 декабря 2016 утвержден Порядок взаимодействия Государственной службы финансового мониторинга Украины и Национального антикоррупционного бюро Украины [14].

Результаты присланных обобщенных материалов (определено на основе источника [15] по данным 2017 года приведены в табл. 2).

Таблица 2

Передано обобщенных материалов антикоррупционным и правоохранительным органам Украины

Антикорупционные и правоохранительные органы	Значение по годам			Прирост по годам,%	
	2015	2016	2017	2016 /2015	2017 / 2015
Национальное антикоррупционное бюро Украины	20	25	36	25,00	44,00
Генеральная прокуратура Украины	52	34	87	-34,62	155,88
Государственная фискальная служба	75	83	125	10,67	50,60
Национальная полиция Украина	60	66	54	10,00	-18,18
Служба безопасности Украины	128	61	80	-52,34	31,15

Как видно из табл. 2, антикоррупционными и правоохранительными органами в ходе досудебных расследований использовано обобщенные материалы Госфинмониторинга Украины (с учетом предоставленных в прошлые годы) по уголовным производствам, в частности: по данным 2017 года по результатам проверки обобщенных материалов начато 66 уголовных производств.

Другими данными за 2017 выступают [15]: закончено 63 уголовных производства в связи с обращением в суд с обвинительным актом; судами рассмотрено 115 уголовных дел, начатых по результатам рассмотрения 120 обобщенных материалов, с вынесением обвинительного приговора или решения по нереабилитирующим обстоятельствам. Согласно отчету о деятельности Государственной службы финансового мониторинга Украины, в частности

информации правоохранительных органов, в уголовных процессах, начатых правоохранительными органами по результатам рассмотрения обобщенных материалов, общая стоимость арестованного и изъятого имущества (средств) по данным 2017 составляет 3 342 200 000 грн.

Риск СПФМ по невыполнению нормативных требований по организации системы финансового мониторинга имеет уголовно-правовые последствия с финансовыми санкциями и может привести к прекращению деятельности финансового учреждения, поэтому должен быть минимизирован [16].

Особую актуальность приобретают вопросы анализа надзорной деятельности контрольно-надзорных органов Украины за деятельностью СПФМ о нарушении требований в сфере ПОД / ФТРЗ и подходы к оценке риска СПФМ о возможности быть использованным в целях ПОД / ФТРЗ [17].

При осуществлении надзора в сфере предотвращения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма Государственной службой финансового мониторинга Украины применяется риск-ориентированный подход к подотчетным СПФМ, направленный на анализ финансовых операций.

Заключение

Определено влияние коррупционных рисков в Украине по результатам отчетов Национальной оценки рисков в сфере предотвращения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма и MONEYVAL по результатам 5 раунда взаимного оценивания.

Проанализировано сотрудничество национального подразделения финансовой разведки с антикоррупционными и правоохранительными органами в Украине в части присланных обобщенных материалов в Генеральную Прокуратуру; Государственную фискальную службу; Национальную полицию Украины; Службу безопасности Украины; Национальное антикоррупционное бюро Украины.

Определено, что существенное значение для развития национальной системы предотвращения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма будет уметь внедрение риск-ориентированного подхода в деятельности субъектов государственного финансового мониторинга и субъектов первичного финансового мониторинга Украины для предотвращения и противодействия коррупционным рискам.

Список цитированных источников

1. Про Стратегію сталого розвитку "Україна - 2020"[Електронний ресурс]: Указ Президента України від 12 січня 2015 року № 5/2015. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5/2015.

2. Про схвалення Стратегії розвитку системи запобігання та протидії легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом, фінансуванню тероризму та фінансуванню розповсюдження зброї масового знищення на період до 2020 року [Електронний ресурс]: розпорядження Кабінету міністрів України від 30.12.2015 № 1407-р. – Режим доступу : http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/1407-2015-%D1%80.

3. Звіт про проведення національної оцінки ризиків у сфері запобігання та протидії легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом, та фінансуванню

тероризму [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.sdfm.gov.ua/content/file/Site_docs/2016/20161125/zvit_ukr.pdf.

4. CORRUPTION PERCEPTIONS INDEX 2017 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017.

5. Fifth Round Mutual Evaluation Report on Ukraine [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://rm.coe.int/fifth-round-mutual-evaluation-report-on-ukraine/1680782396.

6. Антикорупційна програма Державної служби фінансового моніторингу України на 2018 - 2020 роки : Наказ Державної служби фінансового моніторингу України 17.04.2018 № 49 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.sdfm.gov.ua/content/file/Site_docs/2018/20181204/PROGRAMMA.pdf.

7. Про затвердження Методології оцінювання корупційних ризиків у діяльності органів влади: рішення Національного агентства з питань запобігання корупції від 02.12.2016 № 126 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1718-16.

8. Про затвердження Методології оцінювання корупційних ризиків у діяльності органів влади: рішення Національного агентства з питань запобігання корупції від 02.12.2016 № 126 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1718-16.

9. Про затвердження Порядку підготовки, подання антикорупційних програм на погодження до Національного агентства з питань запобігання корупції та здійснення їх погодження [Електронний ресурс]: рішення Національного агентства з питань запобігання корупції від 08.12.2017 № 1379. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0087-18.

10. Методичні рекомендації щодо підготовки антикорупційних програм органів влади: рішення Національного агентства з питань запобігання корупції від 19.01.2017 № 31(із змінами) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://nazk.gov.ua/sites/default/files/rishennya_vid_19.01.2017_no_31.pdf.

11. Про ратифікацію Конвенції Ради Європи про відмивання, пошук, арешт та конфіскацію доходів, одержаних злочинним шляхом, та про фінансування тероризму : Закон України від 17.11.2010 № 2698-VI [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2698-17.

12. FATF Recommendations 2012 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/fatf-recommendations.html.

13. Розслідування українського Держфінмоніторингу про корупцію визнали найкращим у світі розслідування українського Держфінмоніторингу про корупцію визнали найкращим у світі [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.sdfm.gov.ua/news.php?news_id=3677&lang=uk.

14. Про затвердження Порядку взаємодії Державної служби фінансового моніторингу України та Національного антикорупційного бюро України [Електронний ресурс] : наказ Міністерства Фінансів України національного антикорупційного бюро України від 07.12.2016 № 1062/353. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1729-16.

15. Звіти про діяльність Держфінмоніторингу України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.sdfm.gov.ua/articles.php?cat_id=88&lang=uk.

16. Внукова, Н. М. Управління ризиками фінансових установ у сфері фінансового моніторингу / Н. М. Внукова // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». – Серія «Економіка» : науковий журнал. Острог : Вид-во НаУОА. – 2018. – № 8(36). – С. 64–68.

17. Ачкасова, С. А. Наглядова діяльність регуляторно-наглядових органів України за діяльність СПФМ щодо порушень вимог у сфері ПВК/ФТРЗ / С. А. Ачкасова // Сучасні проблеми фінансового моніторингу: Збірник матеріалів VI Всеукраїнської науково-практичної конференції (23 листопада 2018 р.). – Х.: ХНЕУ ім. С. Кузнеця, ТОВ «ТО Ексклюзив», 2018. – С. 35-37.

Аннотация. Определено влияние коррупционных рисков в Украине по результатам отчетов с Национальной оценки рисков в сфере предотвращения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма и MONEYVAL по результатам 5 раунда взаимного оценивания. Общий уровень коррупции в Украине достаточно высок, существуют значительные риски отмывания средств, в частности из-за коррупции. Проанализировано сотрудничество национального подразделения финансовой разведки с антикоррупционными и правоохранительными органами в Украине в части присланных обобщенных материалов в Генеральную Прокуратуру; Государственную фискальную службу; Национальную полицию Украины; Службу безопасности Украины; Национальное антикоррупционное бюро Украины. Определено, что существенное значение для развития национальной системы предотвращения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма будет введение риск-ориентированного подхода в деятельности субъектов государственного финансового мониторинга и субъектов первичного финансового мониторинга Украины для предотвращения и противодействия коррупционным рискам.

RISK-ORIENTED APPROACH IN THE SYSTEM OF FINANCIAL MONITORING TO COUNTER CORRUPTION RISKS

Achkasova S. A., Prytula N. I.

Key words: corruption risks, risk-oriented approach, financial monitoring, counteraction, financial intelligence unit.

Abstract. The impact of corruption risks in Ukraine was determined based on the results of reports from the National Risk Assessment in the Sphere of Prevention and Counteraction of Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and Financing of Terrorism and MONEYVAL according to the results of the 5th round of mutual evaluation. The overall level of corruption in Ukraine is quite high, there are significant risks of money laundering, in particular due to corruption. Analyzed that the cooperation of the national division of financial intelligence with anti-corruption and law enforcement agencies in Ukraine in the part of the submitted generalized materials to the General Prosecutor's Office; State Fiscal Service; National Police of Ukraine; Security Service of Ukraine; National Anti-Corruption Bureau of Ukraine. It has been determined that the introduction of a risk-based approach to the activities of state financial monitoring entities and the primary financial monitoring entities of Ukraine to prevent and combat corruption risks will be essential for the development of the national system of preventing and countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism.

УДК 343

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Аширкова Т.В.

Ключевые слова: коррупция, социальная сфера, прокуратура, надзор, законодательство, антикоррупционная экспертиза.

Введение

Коррупция представляет собой одну из основных угроз национальной безопасности, препятствует устойчивому развитию государства и реализации стратегических национальных приоритетов. Коррупция негативно влияет на все сферы общественной жизни, ведет к ущемлению конституционных прав граждан, утрате доверия к деятельности государственных структур, государственной социальной политике и социальной защите.

Основная часть

В целях борьбы с коррупцией на основании Национальной стратегии противодействия коррупции и Национального плана противодействия коррупции в стране реализуется комплекс мероприятий [1]. В соответствии со Стратегией национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683, принимаются меры для формирования в обществе атмосферы неприемлемости данного явления, повышения уровня ответственности за коррупционные преступления, совершенствования правоприменительной практики в антикоррупционной деятельности [2].

Российским законодателем принят пакет правовых актов по ограничению условий коррупции в различных сферах, ратифицированы важнейшие международные акты по борьбе с коррупцией, такие как Конвенция ООН против коррупции, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и др.

В Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» дается юридическое толкование понятия «коррупция», устанавливаются основные принципы противодействия этому явлению, определяются правовые и организационные основы борьбы с ним.

Данным законом в целях обеспечения согласованности действий на прокуратуру Российской Федерации возложены функции по координации антикоррупционной деятельности правоохранительных органов.

Реформируется уголовное законодательство и уголовно-процессуальное законодательство, определен круг субъектов, наделенных правом уголовного преследования за коррупционные преступления.

Несмотря на принимаемые меры, проблема коррупции продолжает оставаться одной из приоритетных в государственной правоохранительной деятельности, а ее проявления весьма распространенными в обществе. Особенно остро негативные последствия коррупции проявляются в социальной сфере, где она вызывает подрыв морально-нравственных устоев общества, нарушение наиболее важных социальных прав граждан, дискредитацию социально-экономической политики государства, его государственных институтов, снижение уровня благосостояния граждан.

По мнению россиян, коррупция охватывает 16% сферы медицинских услуг и 15 % – образования. Если учесть, что в социальной сфере нечетко различается грань между взяткой и благодарностью, то статистика выглядит еще более негативной: подарки и деньги работникам медицины пациенты давали в 52 %,

а треть опрошенных (36 %) для решения своих проблем вознаграждали работников образования [3].

На социальную сферу выделяются значительные суммы бюджетных денег, которые бесконтрольно переходят в коррупционные схемы [4].

Данный вид коррупции относится к числу наиболее латентных криминальных явлений, поскольку практически не выявляется. Так, из 1800 опрошенных лиц свыше 80% сталкивались с проявлениями коррупции, а в правоохранительные органы обратился лишь один человек [5], что говорит и об утрате доверия со стороны простых граждан к этим структурам.

Причины коррупции в социальной сфере многообразны, носят комплексный, институциональный характер, проявляющийся в недостаточной прозрачности работы государственных ведомств, несовершенной системе законотворчества, слабой кадровой политике, а также определенной деморализации общества, слабой информированности граждан о своих правах, их низкой социальной активности и организованности [6].

Борьба с коррупцией, в том числе в социальной сфере, является одним из приоритетных направлений работы российской прокуратуры.

Задачи органов прокуратуры по противодействию коррупции в социальной сфере определены в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 29.08.2014 № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции», которым прокурорам предписано обеспечить социальную направленность надзорной деятельности путем усиления надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в сферах образования, охраны здоровья граждан, за соблюдением законности при реализации программ социально-экономического развития регионов, а также в иных сферах.

При этом прокурорам необходимо принимать исчерпывающие меры по выявлению и пресечению фактов злоупотребления служебными (должностными) полномочиями с целью получения выгоды имущественного характера, дачи и получения взяток, коммерческого подкупа, иных коррупционных преступлений, нарушений запретов, обязанностей и ограничений, установленных Федеральным законом «О противодействии коррупции», совершаемых государственными и муниципальными служащими; обеспечивать объективное и всестороннее рассмотрение обращений граждан и организаций о таких фактах.

В рамках прокурорского надзора выявляются и предупреждаются правонарушения коррупционной направленности, а при наличии достаточных оснований ставится вопрос о привлечении виновных физических и юридических лиц к установленным видам ответственности посредством применения различных мер прокурорского реагирования.

Одним из важных направлений надзорной деятельности органов прокуратуры является исключение коррупциогенных норм из нормативных правовых актов, а также их проектов. В этих целях прокуроры в соответствии со ст. 9.1. Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов, принимаемых (издаваемых) федеральными органами исполнительной власти, иными государственными органами и организациями, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного

самоуправления, их должностными лицами при осуществлении своих полномочий.

При выявлении в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов прокурор вносит в орган, организацию или должностному лицу, которые издали этот акт, требование об изменении нормативного правового акта с предложением способа устранения установленных коррупциогенных явлений, либо обращается в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством Российской Федерации.

Социальная сфера охватывает большой круг вопросов защиты прав граждан на охрану здоровья, образование, социальное и лекарственное обеспечение, включающее закупку лекарственных препаратов и медицинского оборудования для государственных и муниципальных нужд. Поэтому проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов – важный элемент обеспечения законности в рассматриваемой сфере правоотношений.

Практика прокурорского надзора показывает, что в нормах права, регулирующих правоотношения в социальной сфере, порой недостаточно отработаны механизмы управления процессами оказания услуг, отсутствует четкая регламентация правового положения органов управления, порядка их деятельности. Особенно неприемлемы недостатки и пробелы законодательства, устанавливающего необоснованно широкие пределы усмотрения для правоприменителей, выражающиеся в отсутствии или неопределенности сроков, условий или оснований принятия решения; определении компетенции по формуле «вправе»; чрезмерной свободе подзаконного нормотворчества; принятии нормативных правовых актов с превышением компетенции; отсутствии или неполноте административных процедур; отказе от конкурсных (аукционных) процедур [7].

На подобного рода недостатки правового регулирования неоднократно обращала внимание Генеральная прокуратура Российской Федерации, указывая как на одну из главных причин, порождающих коррупцию и связанные с этим явлением нарушения прав граждан, неполное нормативно-правовое регулирование, применение региональными органами власти нормативных актов, не всегда соответствующих требованиям федерального законодательства.

На особом контроле прокуроров остаются вопросы соблюдения бюджетного законодательства и законодательства о закупках товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд при осуществлении социальных программ, невыполнение которых приводит к массовому нарушению прав граждан. Бюджетные средства, государственное и муниципальное имущество, закупки для государственных и муниципальных нужд нередко притягивают внимание криминальных структур.

Коррупционные правонарушения особенно актуализируются в период реализации крупных стратегических мероприятий, таких как национальные проекты, которые предусматривают направление значительных бюджетных финансовых средств в социальную сферу – здравоохранение, образование, ЖКХ, науку, культуру и т. д. Поэтому, например, профессиональная общественность главным риском национального проекта «Здравоохранение» называет коррупцию [8].

Реализация национальных проектов потребует принятия большого количества нормативных правовых актов, в том числе затрагивающих права

граждан Российской Федерации, а также расходования значительных денежных средств. В целях организации эффективного прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» прокурорам предписано установить системный прокурорский надзор за исполнением законодательства в социальной сфере, в полной мере использовать предоставленные Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» полномочия для обеспечения верховенства закона, соблюдения прав и свобод граждан. Надзор за исполнением законодательства в данной области признан одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры.

Характерной особенностью законодательства, регулирующего социальные правоотношения, является большое количество отсылочных норм, предусматривающих возможность осуществления регулирования социальных прав нормативными актами федеральных органов исполнительной власти, что снижает уровень правовой защиты социальных прав граждан.

Так, утверждаемая ежегодно Правительством Российской Федерации Программа государственных гарантий бесплатной медицинской помощи не содержит требований к регионам по порядку формирования региональных перечней бесплатных лекарств. В результате субъекты Российской Федерации формируют свои перечни без привязки к федеральному перечню жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (далее – ЖНВЛП), утверждаемому Правительством Российской Федерации, и стандартам медицинской помощи [9], в результате ущемляются права граждан на лекарственное обеспечение и получение медицинской помощи, создаются условия для коррупционных проявлений.

Немаловажным является тот факт, что цены контрактов на лекарственные препараты, закупаемые в рамках перечня ЖНВЛП, ограничены предельными зарегистрированными ценами производителей, тогда как на закупки лекарственных препаратов, не входящих в перечни ЖНВЛП, таких ограничений нет.

В рамках Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации» регионы должны обеспечивать лекарственными препаратами больных с редкими (орфанными) заболеваниями. При этом на ряд орфанных болезней стандарты медпомощи отсутствуют, их лекарственное обеспечение не имеет достаточной правовой базы, что создает благоприятную почву для злоупотреблений.

В связи со сложностью, значительной дифференциацией и специализацией законодательства в социальной сфере, актуальной формой работы является практика привлечения к проведению антикоррупционной экспертизы крупных научных учреждений и образовательных организаций путем заключения соглашения о взаимодействии.

Например, по результатам рассмотрения заключения независимого эксперта прокуратурой Курской области в областную Думу направлена информация об исключении из Закона Курской области «Об организации деятельности приемных семей для граждан пожилого возраста и инвалидов в Курской

области» коррупциогенного фактора, по итогам рассмотрения которой в Закон внесены соответствующие изменения.

Надлежащее взаимодействие органов прокуратуры и независимых экспертов оказывает позитивное влияние на состояние законности. Так, в рамках рассмотрения заключения независимого эксперта Генеральной прокуратурой Российской Федерации проведена антикоррупционная экспертиза приказа Минздрава России от 26.10.2017 № 871н, которым утвержден порядок определения начальной (максимальной) цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком при закупках лекарственных препаратов.

Экспертизой в положениях порядка установлена правовая неопределенность, связанная с невозможностью четкого определения, подлежащего применению метода при расчете цены препарата. Заказчик в условиях неоднозначности формулировки в целях допуска к закупочной деятельности определенного поставщика мог применить при расчете и обосновании цены любой из указанных трех методов или их сочетание. С целью исключения коррупциогенного фактора Министру здравоохранения Российской Федерации направлена информация, по результатам рассмотрения которой принят комплекс мер по устранению выявленных нарушений закона [10].

Важная роль в борьбе с коррупцией прокурорами отводится мерам профилактики, ориентированным на устранение причин и условий ее возникновения. Прокурорами проводится личное и дистанционное консультирование граждан, на сайтах прокуратур субъектов Российской Федерации изложена информация о правах граждан на получение социальных услуг, обязанностях государственных и муниципальных организаций по их предоставлению и ответственности за злоупотребления.

Показателен в этом отношении официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, где выложены памятки с подробной информацией о том, как избежать коррупции при получении услуг здравоохранения, в образовании, занятиями споротом, сфере ЖКХ и др. [11].

Кроме того, любое лицо может обратиться в органы прокуратуры, если ему стало известно о факте коррупции, на что прокурор обязан отреагировать и принять меры по обеспечению законности.

Заключение

Искоренение коррупционных проявлений в социальной сфере требует от органов прокуратуры осуществления комплексного, системного надзора, оперативного реагирования на выявляемые нарушения законодательства, обеспечения надежной защиты и охраны прав граждан. Успех борьбы с коррупционными проявлениями заключается в применении разнообразных правовых средств и организационных механизмов, усилении и повышении эффективности прокурорского надзора, согласованности деятельности правоохранительных органов и правозащитных организаций.

Список цитированных источников

1. СЗ РФ. – 2010. – № 16. – Ст. 1875; СЗ РФ. – 2018. – № 27. – Ст. 4038 (с посл. изм.).

2. СЗ РФ. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.

3. Информационное агентство REGNUM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/1056291.html.

4. Букалерова, Л. А., Полукаров, А. В. К вопросу об уголовно-правовом противодействии коррупции в социальной сфере / Л. А. Букалерова, А. В. Полукаров // Вестник экономической безопасности. – 2016. № 2. – С. 41-47.

5. Плохов, С. В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере: автореф. дис… канд. юрид. наук / С. В. Плохов. – Саратов. 2013. – 278 с.

6. Бочарников, И. В. О коррупции в здравоохранении [Электронный ресурс] / И. В. Бочарников // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2009. № 17 (381). – Режим доступа: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/.

7. Пуляева, Е. В. Правовые проблемы борьбы с коррупцией в сфере оказания образовательных услуг / Е. В. Пуляева // Журнал российского права. – 2012. – № 11. – С. 81-88.

8. Деловой журнал об индустрии здравоохранения[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vademec.ru/article/glavnym_riskom_natsproekta_-zdravookhranenie-_priznana_korruptsiya/.

9. Правительство может обязать регионы формировать льготные перечни в соответствии с Перечнем ЖНВЛП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pharmvestnik.ru/content/news/Regiony-mogut-obyazat-formirovat-lgotnye-perechni-v-sootvetstvii-s-Perechnem-JNVLP.html.

10. Работа органов прокуратуры Российской Федерации в 2018 году по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://genproc.gov.ru/anticor/expert/nadzor/document-1540958/.

11. Что нужно знать о коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://genproc.gov.ru/anticor/anticor-legal-education/reminders/.

Аннотация. Коррупция представляет собой одну из основных угроз национальной безопасности, негативно влияет на все сферы общественной жизни. Особенно опасны проявления коррупции в социальной сфере, так как приводят к нарушению конституционных прав, подрывают доверие масс к власти, государственным и общественным институтам.

В Российской Федерации разработан и претворяется комплекс правовых и организационных мер по борьбе с коррупцией. Прокурорский надзор за исполнением антикоррупционного законодательства, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов являются одним из главных средств борьбы с коррупцией. В ходе надзорных мероприятий для устранения коррупционных нарушений, причин и условий их совершения прокуроры применяют весь комплекс актов прокурорского реагирования, обеспечивая социальную направленность надзорной деятельности путем усиления надзора за исполнением антикоррупционных требований законодательства в сфере образования, охраны здоровья граждан, их лекарственном обеспечении.

Успех борьбы с коррупцией заключается в объединении и согласованности действий прокуроров при осуществлении надзора, взаимодействии с другими правозащитными и правоохранительными органами.

PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF ANTI-CORRUPTION LEGISLATION IN SOCIAL SPHERE

Ashytkova T.V.

Keywords: corruption, social sphere, Prosecutor's office, supervision, legislation, anti-corruption expertise.

Abstract. Corruption is one of the main threats to national security and has a negative impact on all spheres of public life. Manifestations of corruption in the social sphere are particularly dangerous, as they lead to violations of constitutional rights and undermine the confidence of the masses in the government, state and public institutions.

The Russian Federation has developed and is implementing a set of legal and organizational measures to combat corruption. Prosecutor's supervision over the implementation of anti-corruption legislation, anti-corruption expertise of normative legal acts are one of the main means of combating corruption. In the course of surveillance activities for elimination of corruption, reasons and conditions of making prosecutors employ the full set of acts of prosecutorial response, providing a social focus of Supervisory activities by strengthening the supervision over implementation of anti-corruption legislation requirements in the sphere of education, health of citizens, their medicines.

The success of the fight against corruption lies in the integration and coordination of prosecutors in the supervision, interaction with other human rights and law enforcement agencies.

УДК 343.123.3

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Богданович Н.А.

Ключевые слова: прокурор, уголовное преследование, уголовный процесс, преступление, следователь, прекращение уголовного преследования, прекращение предварительного расследования, орган уголовного преследования.

Введение

Обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, неразрывно связаны с институтом прекращения производства по уголовному делу и прекращением уголовного преследования, являясь по сути их основой. Последний, в свою очередь, всегда вызывал особый научный интерес ввиду исторически сложившейся дискуссии о целесообразности существования в досудебном производстве возможности прекращения производства по уголовному делу либо уголовного преследования по так называемым реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям, а также их структуризации в Уголовно-процессуальном кодексе (далее по тексту – УПК) Республики Беларусь.

Основная часть

Историческое развитие правового института и научных доктрин о прекращении производства по уголовному делу и прекращении уголовного преследования и его становление неразрывно связано с развитием уголовно-процессуального права в целом. Классической школой белорусского уголовного процесса выделяются следующие этапы формирования национального законодательства 1) уголовный процесс до Свода законов; 2) уголовный процесс по Своду законов (издания 1832, 1842 и 1857 г.г.); 3) уголовный процесс по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.; 4) советский уголовный процесс; 5) постсоветское уголовное судопроизводство [1; 2].

Для первого и второго из указанных этапов характерно появление в законодательстве предпосылок формирования института прекращения производства по уголовному делу и уголовного преследования. Первые сведения о названном институте содержатся в Новгородской судной грамоте (1440–

1471 г.) и Псковской судной грамоте (1397–1467 г.г.) где упоминаются обстоятельства, установление которых исключало уголовное преследование лица со стороны государственных органов, несмотря на внешний противоправный характер его деяния [3, с. 17]. Среди известных памятников права того времени почетное место принадлежит Статутам Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов. На протяжении 250 лет они были действующими законами на западе нынешней территории Республики Беларусь и являлись основой всей правовой системы. В Судебнике Казимира 1468 г., Статутах Великого Княжества Литовского 1529 г., 1566 г. и 1588 г., Соборном Уложении, 1649 г. детализируются нормы, относящиеся к вопросам уголовного процесса. Например, Статут Великого княжества литовского 1588 г. содержал нормы уголовного процесса в 11–12, 14 и частично в 13 разделах [4, с. 12, 157–207]. Так, отказ от уголовного преследования имел место в случае смерти лица (убийства), а также по истечении сроков давности совершения преступления.

Что же касается Свода законов (издания 1832, 1842 и 1857 г.г.), то, к сожалению, он не привнес существенных новаций в такой процессуальный сегмент, как прекращение производства по уголовному делу. Возможно в силу того, что, несмотря на завершение работы над Сводом законов еще в 1837 году, в полном объеме нормы его так и не были введены. Все сказанное позволяет сделать вывод об отсутствии в указанные периоды действий законодателя того времени в направлении придания вопросам прекращения уголовного преследования системного характера. Параллельно с проведением реформы уголовного процесса предпринимались попытки ее доктринального обоснования. Так например, в 1841 г. Я.И. Баршев в монографии «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству» дал авторское определение понятия «уголовное преследование», обосновал его юридическую природу через определение целей уголовного судопроизводства. Автор полагал, что главная цель уголовного преследования заключается в собирании доказательств «относительно вины или невиновности изобличаемого» [5].

Третий период относится к развитию законодательства Российской Империи, поскольку большая часть современной Беларуси входила в ее состав. С 1864 года на всей территории Российской Империи была проведена Судебно-правовая реформа, в результате чего произошел переход от инквизиционного процесса к состязательному. Впервые детально проработанную правовую регламентацию институт прекращения производства по уголовному делу получил в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. В частности, появилось разграничение понятий «прекращение судебного преследования» и «прекращение предварительного следствия». Однако их сущностное наполнение раскрывалось лишь в научной литературе. И.Я. Фойницкий подразумевал под «прекращением уголовного преследования» судебное определение о том, что дальнейшее преследование (рассмотрение в судебном порядке возбужденного обвинения) не имеет смысла и места, а все принятые меры против обвиняемого подлежат отмене [6, с. 58]. При этом следовало отличать прекращение уголовного преследования от окончания уголовного дела, так как преследование прекращалось в «распорядительном заседании суда или камерою предания суду, и определение о прекращении не пользуется незыблемостью судебного приговора (auctoritas rei judicatae), и порядок приращённого дела и решенного

совершенно иной» [6, с.58]. Позиция ученых того времени сводилась к тому, что в связи с прекращением производства уголовного дела на досудебной стадии (дело не доходило до постановления приговора) оно не разрешается по существу [7, с. 649].

Четвертый этап относится к советскому периоду. Позиции, изложенные в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., нашли свое отражение, в том числе, в нормах Уголовно-процессуального кодекса БССР в 1923 году (далее – УПК 1923 года), где было предусмотрено шесть самостоятельных оснований, исключающих производство по делу. Кроме того, в ст. 4–а УПК 1923 года отдельной нормой было предоставлено право прокурору и суду отказать в возбуждении уголовного дела либо прекратить производство по делу при наличии малозначительности деяния. Далее перечень оснований для прекращения уголовного дела был значительно изменен УПК БССР 1960 года, где он стал более реально отражать все многообразие ситуаций, препятствующих дальнейшему производству по уголовному делу либо указывающих на нецелесообразность продолжения уголовного преследования обвиняемого. При этом УПК 1960 года отказался от малозначительности деяния как самостоятельного основания, исключающего производство по делу. С этого момента в правоприменительной практике и процессуальной науке наличие указанного обстоятельства стали связывать с отсутствием состава преступления [8].

Завершающим историческое развитие правовых институтов прекращения производства по уголовному делу и прекращения уголовного преследования является современный – пятый – этап. Вступление в силу УПК Республики Беларусь 1999 года ознаменовалось очередным изменением перечня обстоятельств, исключающих производство по делу. Наиболее существенные коррективы в него были внесены в связи с проведением судебно-правовой реформы в Республике Беларусь, направления которой были определены Концепцией судебно-правовой реформы 1992 года [9].

Вопросы совершенствования системы оснований прекращения уголовного дела стали одними из приоритетных, что, главным образом, обусловливалось:

а) несовершенством сложившейся в УПК БССР законодательной регламентации оснований прекращения уголовных дел и необходимостью доработки многих соответствующих законодательных новелл 1990-х г.г. с учетом практики их применения, а также введения дополнительных оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования,

б) большим удельным весом уголовных дел, оканчиваемых прекращением, в результате чего затрагиваются существенные права и интересы граждан,

в) развитием уголовно-процессуальной доктрины института прекращения уголовных дел, располагавшей набором вариантов решения многих «наболевших» вопросов, связанных с формулированием в законодательстве оснований окончания расследования уголовного дела в форме его прекращения [2].

Резюмируя сказанное, нельзя не согласиться с мнением О.В. Волынской о том, что правовой институт прекращения уголовно-процессуального производства в общем виде является исторически обусловленной совокупностью юридических норм, регулирующих обстоятельства и процедуру окончания

правовых отношений посредством прекращения уголовного дела или уголовного преследования, соответствующих целям (назначению) уголовной юстиции [2].

На протяжении всего времени эволюционирование институтов прекращения производства предварительного расследования и уголовного преследования происходило в неразрывной связи с развитием отечественной юридической науки, предметом исследования которой были как фундаментальные, так и прикладные аспекты прекращения уголовно-процессуального производства либо уголовного преследования. При этом нельзя не отметить, что особый вклад в развитие обозначенных институтов внесен именно на рубеже последнего столетия.

В науке уголовного процесса применяется значительное количество классификаций обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. Однако одной из самых распространенных выступает деление их на 1) реабилитирующие (основания предоставляет право на реабилитацию, она связана с установлением отсутствия преступления или невиновности лица, в том деянии, по признакам которого возбуждалось дело) и 2) нереабилитирующие (основания, при которых право на реабилитацию обвиняемому не предоставлены). Такая классификация не имеет законодательного закрепления в УПК, однако широко применяется не только в теории, но и на практике. Следует также заметить, что именно в таком виде она используется не только в отечественной доктрине уголовного процесса, но и за рубежом.

Если перейти к анализу иностранного уголовно-процессуального законодательства, то здесь можно предложить следующую классификацию. Первая группа: обстоятельства, которые содержатся в одной статье (аналогично УПК Республики Беларусь). При этом не имеет значения, есть в данном государстве стадия возбуждения уголовного дела или нет. Здесь в качестве примера можно привести УПК Украины (ст. 284), Армении (ст. 35) и пр. Вторая группа: наличие структуризации самих норм, включая положения о содержании реабилитирующих и нереабилитирующих оснований. Безусловно, удачным примером здесь выступает УПК Российской Федерации, в гл. 4 которого включены основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования. При этом все они имеют самостоятельную структуру. Третья группа: обстоятельства, предусмотренные отдельно для предварительного расследования и судебного разбирательства. В качестве примера можно привести ст. 320 УПК Швейцарии.

Отечественный УПК сохранил структуру УПК 1960 года в части структуризации обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. Данное обстоятельство порождает на практике некое правовое противоречие. В частности, ч. 1 ст. 29 УПК содержит основания, которые позволяют, не возбуждая уголовное дело, исключить по нему производство по нереабилитирующим обстоятельствам. В этой связи возникает проблема реализации норм уголовного закона через призму норм уголовно-процессуального закона. Например, такое основание как прекращение производства по уголовному делу за истечением сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК). Правовой тупик заключается в том, что ст. 83 УК Республики Беларусь допускает освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, а ст. 84 УК Республики Беларусь допускает освобождение лица от уголовного наказания. Указанные институты имеют четкую характеристику.

Освобождение от уголовной ответственности – это отказ уполномоченных органов от осуждения и применения наказания или иных мер уголовной ответственности к лицу, совершившему преступление [10, с. 206]. Освобождение от уголовной ответственности может применяться только в отношении лиц, виновных в совершении преступления при наличии определенных уголовным законом оснований. Эти основания не устраняют в действиях лица объективных и субъективных признаков уголовной противоправности совершенного деяния как преступления, являющегося основанием уголовной ответственности, в связи с чем именуются нереабилитирующими основаниями [10, с. 206]. В свою очередь, нормы УПК предполагает наличие уже возбужденного уголовного дела и принятого по нему решения в виде приговора. Перечень норм ч. 1 ст. 29 УПК не разделяют таких материальных оснований, как освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного наказания. Если первая группа допускает возможность не возбуждать уголовного дела, то вторая, наоборот, требует от правоприменителя наличия уже возбужденного уголовного дела, без которого решить вопрос о прекращении по нему производства не представляется возможным. Аналогичные вопросы возникают и при применении п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

Российские процессуалисты предложили весьма логическую структуру, которую А.П. Рыжаков классифицировал следующим образом. Автор выделил 7 групп:

а) обстоятельства, которые являются одновременно основаниями прекращения уголовного дела и отказа в возбуждении уголовного дела (ст. 24);

б) отсутствие согласия указанного в законе (не в УПК Российской Федерации) органа (должностного лица) на привлечение лица к уголовной ответственности;

в) основания прекращения уголовного преследования (ст. ст. 27 и 28.1), за исключением непричастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления;

г) обстоятельства, дающие следователю (дознавателю и др.) право освободить лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности:

– примирение сторон (ст. 25);

– деятельное раскаяние (ст. 28);

– несовершеннолетие лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, если его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427);

д) в соответствии с ч. 5 ст. 319 одним из оснований прекращения уголовного дела следует признать примирение потерпевшего с обвиняемым по делам, возбуждаемым не иначе как по заявлениям потерпевших, кроме случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 (ч. 2 ст. 20);

е) доказательства отсутствия для общества, себя или других лиц опасности, проистекающей со стороны лица, совершившего общественно опасное деяние, исходя из характера этого деяния и психического расстройства лица (п. 1 ч. 1 ст. 439);

ж) обстоятельства, предоставляющие суду право по ходатайству следователя (дознавателя и др.) освободить от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа лицо,

совершившее впервые преступление небольшой или средней тяжести при следующих условиях:

– возмещение полностью причиненного преступлением ущерба;

– причиненный преступлением вред полностью заглажен (ст. 25.1) [11].

Представляет интерес опыт узбекского законодателя, который ушел от шаблона советского УПК, предложив классификацию, которую можно приравнять по своему содержанию к классификации по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям. Так, в частности, ст. 83 УПК Узбекистана содержит основания для реабилитации: подозреваемый, обвиняемый, подсудимый признается невиновным и подлежит реабилитации, когда 1) отсутствует событие преступления, по поводу которого было возбуждено уголовное дело и производилось расследование или судебное разбирательство; 2) в его деянии отсутствует состав преступления; 3) он непричастен к совершению преступления. Напротив, ст. 84 УПК Узбекистана содержит перечень оснований для прекращения уголовного дела без решения вопроса о виновности. Всего их восемь. Фактически они подпадают под понятие нереабилитирующих.

Заключение

Резюмируя сказанное, следует сделать выводы. Институт обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, нуждается в существенной корректировке не столько с позиции перечня таких обстоятельств, сколько в их реструктуризации. Прежде всего, следует четко разграничивать нормы материального и процессуального права. Некорректность сформулированных положений УК в нормах УПК влечет незаконность принимаемых решений следователем, прокурором и судом. В этой связи считаем целесообразным в ст. 29 УПК сохранить лишь группу реабилитирующих оснований и тех, которые исключают уголовную ответственность (без института освобождения от уголовного наказания). Остальные основания вынести за пределы правового поля ст. 29 УПК путем введения дополнительных норм.

Список цитированных источников

1. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: Вучэб. дап. / А.Ф. Вішнеўскі. – Мн.: Акад. МУУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 319 с.

2. Волынская, О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: автореф. дис. … доктора юрид. наук: 12.00.09 / О. В. Волынская. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content /prekrashchenie-ugolovnogo-dela-i-ugolovnogo-presledovaniya-teoreticheskie-i-organizatsionno-0. – Дата доступа: 10.09.2019.

3. Калмыкова, Н. В. Организация и деятельность адвокатуры: учеб.-метод. комплекс для студ. спец. «Правоведение» /Н.В. Калмыкова . – Минск: Изд-во МИУ, 2005. – 139 с.

4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Пер. на бел. мову А.С. Шагун. – Мн.: Беларусь, 2005. – 207 с.

5. Савельева, К. И. Особенности исторического развития института уголовного преследования в России / К.И. Савельева [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/journal/n/obschestvo-politika-ekonomika-pravo.htm – Дата доступа: 18.08.2019.

6. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И. Я. Фойницкий; под ред. А.В. Смирнова. – 3-е изд. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. 2. – 1996. – 607 с.

7. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под. Ред. В.Т. Томина, И. А. Зинченко. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 799 с.

8. Климович, Ю. С. Отсутствие в деянии состава преступления как обстоятельство, исключающее производство по уголовному делу [Электронный ресурс] / Ю.С. Климович // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

9. О Концепции судебно-правовой реформы: Постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611-XII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 19.02.2019.

10. Уголовный кодекс республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

11. Рыжаков, А. П. Прекращение уголовного дела: новое основание [Электронный ресурс] / А. П. Рыжаков // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

Аннотация. В работе исследуются дискуссионные вопросы реструктуризации статьи 29 УПК «Обстоятельства, исключающих производство по уголовному делу» реализации принципа «презумпция невиновности». Автором дается характеристика исторических этапов исследуемой проблематики. Исследованы различные точки зрения современников. Проведен сравнительный анализ зарубежного законодательства.

SOME ISSUES OF RESTRUCTURING OF CIRCUMSTANCES PRECLUDING CRIMINAL PROCEEDINGS

Bahdanovich N.A.

Keywords: prosecutor, a criminal prosecution, criminal procedure, crime, investigator, cessation of a criminal prosecution, the termination of the preliminary investigation, a prosecution authority.

Abstract. In work explores the controversial issues of restructuring article 29 of the CPC «Circumstances precluding criminal proceedings». By author specification of historical phases of under study problems is given. Contemporaries various points of view are investigated. Comparative analysis of foreign legislation is conducted.

УДК 343.95

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Бурый В.Е., Гладков А.В.

Ключевые слова: личность преступника, коррупция, корысть, коррупционная преступность, общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения.

Введение

Общесоциальное и специально-криминологическое предупреждение преступлений коррупционной направленности характеризуется тем, что меры, посредством которых превенция осуществляется, являются необходимым элементом стабильности экономической деятельности государства, устранения недостатков в социально-политической, кредитно-финансовой, духовно-

нравственной и иных сферах жизни общества. Как правило, эти меры связаны с улучшением материального благосостояния и уровня жизни граждан, условий труда (отдыха), укреплением дисциплины и организованности, другими позитивными изменениями в обществе. Направленные на решение указанных задач меры минимизируют негативные процессы и явления в социуме, выполняя при этом опосредованно функцию предупреждения и профилактики преступлений (правонарушений).

Основная часть

Меры общесоциального предупреждения масштабны и имеют разносторонний характер, комплексны и взаимосвязаны, непрерывны и, порой, радикальны и/или директивны. Общесоциальное предупреждение преступлений выходит за рамки правовой науки (уголовно-правовой, административно-правовой, криминологии и др.) и выступает одним из главных направлений и практической задачей всех действий государства (его министерств и ведомств) и общества в сфере борьбы с преступностью (правонарушениями).

Следует признать, что в настоящее время общесоциальный уровень превенции коррупции, к сожалению, ослаблен в силу различных объективных и субъективных внешних и внутригосударственных политических, социально-экономических и иных процессов, осложняющих жизнедеятельность нашего общества.

Ряд криминологов-правоведов меры общесоциального и специально-криминологического предупреждения преступности классифицируют на следующие виды: экономические, политические, правовые, психологические и организационные. Однако в отношении коррупционеров предлагается иная классификация мер по предупреждению формирования их преступно- корыстной направленности: социально-экономические, организационные, правовые, психологические и иные (политические, идеологические, технические) меры. Такая классификация является в настоящее время наиболее востребованной правоприменителями и уже используется в нормотворчестве, в специализированных государственных программах по борьбе с коррупцией [1, с. 368–371].

1. Социально-экономические меры предупреждения коррупционной преступности направлены на нейтрализацию криминогенных последствий в социально-экономической сфере государства. Переход белорусской экономики на рыночные отношения, а также негативное влияние (за последнее десятилетие) мировых финансовых кризисов, повлекли определенные отрицательные последствия в социально-экономической сфере белорусского общества (которые имеют место до сих пор): снижение уровня доходов и благосостояния населения, проблемы с трудоустройством и ростом (размером) зарплат, инфляционные процессы, рост цен на жилье и социально-бытовые услуги, трудовая миграция (выезд белорусских граждан на работу в Россию и другие страны) и др.

Как следствие, для обеспечения сбалансированного развития социальной сферы и экономики государства в условиях изменения официального курса белорусского рубля постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 мая 2011 года № 662 «О дополнительных мерах экономического регулирования и социальной защиты населения» утвержден и реализуется с 2011 года четкий план действий Правительства по данному вопросу [2].

В части касающейся борьбы с коррупцией, приоритетная цель социально-экономических мер государства по предупреждению коррупционных проявлений – это повышение материального благосостояния и социальной защищенности государственных служащих, то есть создание условий труда, позволяющих ценить должным образом занимаемую должность, воздерживаться от совершения коррупционных действий из опасения потерять престижную работу.

2. Организационные меры направлены на совершенствование системы контроля за деятельностью аппарата госуправления в условиях рыночной экономики в целях минимизации коррупционных проявлений. Организационные меры в борьбе с коррупцией включают: разработку и внедрение новых социальных технологий, объективно препятствующих совершению корыстных и служебно-корыстных преступлений; привлечение институтов гражданского общества к борьбе с коррупционной преступностью; обеспечение надлежащего государственного и общественного контроля за экономической деятельностью юридических и физических лиц и др.

Одним из наиболее действенных организационных механизмов, способствующих формированию надлежащего *духовно-нравственного уровня* государственных служащих, признаются специально разработанные нормы и правила профессиональной этики. Этические нормы и правила призваны помочь государственному служащему правильно ориентироваться в сложных нравственных коллизиях и ситуациях, обусловленных спецификой его работы; содействовать укреплению авторитета государственной власти, доверия граждан к институтам государства; обеспечить единую нравственно-правовую основу для согласованных и эффективных действий всех структур власти; противодействовать падению нравственной культуры в обществе и др.

В Республике Беларусь действуют нормы профессиональной этики для различных категорий госслужащих и сотрудников правоохранительных органов, в т.ч. для адвокатов, работников нотариата и др. Как правило, нарушение этих норм и правил поведения влечет за собой, как минимум, дисциплинарную ответственность. По этой позиции представляется целесообразным рассмотрение вопроса о подготовке и принятии в нашей стране единого кодекса профессиональной этики для государственных служащих, который представлял бы собой нормативный свод правил антикоррупционного поведения. А инициирование, подготовка и принятие, например, Модельного кодекса поведения государственных служащих для государств–участников СНГ способствовало бы созданию единого правового поля борьбы с коррупционными правонарушениями в рамках СНГ.

Как свидетельствует правоприменительная практика противодействия коррупции, а также позиция ряда известных ученых-правоведов исследующих данную проблематику, эффективность этой борьбы возрастает, если в этом будут задействованы не только государственные органы, но и *институты гражданского общества* [3–7].

Как известно, активное и правопослушное гражданское общество является важным «рычагом» борьбы с коррупцией. Эту задачу не просто решить в любой стране мира, в т.ч. высокоразвитой. Гражданское общество должно быть представлено в виде совокупности неправительственных институтов и самоорганизующихся посреднических групп, способных к организованным

и ответственным коллективным действиям в защиту общественно значимых интересов в рамках заранее установленных правил гражданского или правового характера.

Наличие гражданского общества обусловливают три основных критерия: политический, юридический, социально-экономический. Политическим показателем гражданского общества выступает наличие демократического режима осуществления власти, юридическим – наличие правового государства, а социально-экономическим – наличие образованного и обеспеченного среднего класса граждан (не менее 50-55% населения страны). С учетом того, что гражданское общество в Беларуси, как и на всем постсоветском пространстве, находится еще в стадии становления, развитие его институтов следует считать первостепенной задачей в борьбе с коррупционными проявлениями. В процессе решения этой задачи важно, чтобы деятельность всех государственных органов была «прозрачна» для гражданского общества, а государство не могло вмешиваться (влиять) в деятельность данных институтов. Немаловажно и то, чтобы гражданское общество могло иметь возможность участвовать и в антикоррупционном мониторинге, выражать мнение о его результатах и вносить предложения по совершенствованию его деятельности.

В качестве организационной меры превенции служит также криминологическая экспертиза процессов, представляющая собой изучение, анализ, оценку ее предмета – экономических, социальных, правовых, культурно-воспитательных и иных мероприятий с целью определения их возможного или существующего влияния на преступность, ее причинный комплекс, тенденции, качественно-количественные характеристики, последствия и другие криминологически значимые показатели.

Так, Республика Беларусь одной из первой на постсоветском пространстве законодательно закрепила правовые и организационные основы проведения криминологической экспертизы проектов законов. С этой целью был издан Указ Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 года № 244 «О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь» (в редакции Указа от 24.01.2014 г.), которым утверждено Положение о порядке проведения криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь [8]. Именно на Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь возложено проведение данной экспертизы, и прежде всего проведение исследования содержания проектов законов с целью выявления положений, реализация которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера. Позже, в соответствии с другим Указом Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 года № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы» (в редакции Указа от 17.07.2015 г.) расширены правовые рамки обязательной криминологической экспертизы НПЦ: проекты законов, правовых актов Президента Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Комитета государственного контроля, Национального банка, Управления делами Президента Республики Беларусь [9]. Криминологическая экспертиза позволяет выявить в проектах нормативных правовых актов, предлагаемых к принятию, те положения, которые создают условия для возможных коррупционных правонарушений. Очевидно, что

дефекты правовых норм могут играть роль непосредственных причин девиантного, в том числе преступного, поведения.

3. Как следствие вышеуказанного, *правовые меры* предупреждения коррупционной преступности заключаются в обеспечении четкой правовой регламентации деятельности органов всех ветвей власти, законности и гласности в их работе и исключении при этом возможности злоупотреблений должностных лиц, устранении коллизий в законодательстве и восполнении пробелов в правовом регулировании отдельных видов экономических отношений. На решение отдельных аспектов указанных задач направлен Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 года № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь», в редакции от 23.07.2019 [10]. Его реализация направлена на усовершенствование работы госаппарата, повышение его роли и эффективности в управлении государством, укрепление дисциплины и ответственности на рабочих местах.

В дополнение к вышеприведенному, в части пресечения формирования личности коррупционного преступника в госсекторе, на наш взгляд, целесообразно создать четкую правовую основу служебной деятельности государственных служащих и в целом работы государственного аппарата; предусмотреть в законодательстве основания увольнения с государственной службы лиц, нарушивших этические нормы поведения, связанные с осуществлением должностных полномочий; пересмотреть систему подбора граждан на государственную службу с учетом их духовно-нравственных характеристик, ценностных ориентаций, убеждений (в т.ч. посредством психодиагностического инструментария четко определять, при приеме на должность госслужащего, уровень внутриличностной устойчивости кандидата в двух системах: «Я-хочу», но «Я-имею»; «Я-хочу», но «Я-должен делать»; то есть определение уровня т.н. «корыстной зараженности» личности); создать режим, обеспечивающий, с одной стороны, подконтрольность должностных лиц духу и букве Закона, а с другой – их правовую защищенность от произвола, провокаций и некомпетентного вмешательства сторонних организаций и средств массовой информации; внедрить гибкую систему формирования и обновления государственного аппарата на профессиональной основе и др.

Следует отметить, что на протяжении последних лет в Республике Беларусь предпринимаются определенные шаги по пресечению проявлений бюрократизма в деятельности государственных органов, иных государственных организаций, улучшению качества их работы с гражданами и юридическими лицами. Одним из главных показателей в этой работе является обеспечение максимально быстрого и эффективного решения вопросов, возникающих у населения. Так, в соответствии с Директивой Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2 «О дебюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения», в редакции от 23.03.2015 первоочередной целью органов государственной власти является проведение такой политики и таких проектов, которые последовательно улучшали бы качество жизни людей, максимально облегчали решение вопросов, с которыми повседневно сталкиваются граждане [11]. Решение проблем каждого гражданина осуществляется в основном через взаимодействие с государственными органами посредством совершения последними определенных действий, называемых административными процедурами. Одной из мер, призванных обеспечить

доступность, простоту, оперативность административных процедур, является их оптимизация, которая способствует достижению эффективности действий государственных органов через упрощение, прозрачность и сокращение количества административных процедур. Для облегчения обращения населения в органы власти в местных исполнительных и распорядительных органах созданы службы «одного окна», которые призваны обеспечить возможность подачи гражданами заявлений об осуществлении административных процедур через единое окно приема заявлений. Заявительный принцип «одного окна» должен не только внедряться повсеместно, но и успешно расширяться и реализовываться на практике.

4. Психологические меры, как и иные выполняют вспомогательную роль в решении задачи предупреждения преступности. Одна из важнейших задач, которую выполняют психологические меры, – это формирование антикриминальной устойчивости личности государственных служащих.

Психологический элемент духовно-нравственного компонента устойчивости госслужащего (сотрудника, работника) основывается на базовых личностных предпосылках психологической устойчивости, но отличается повышенной устойчивостью именно к экстремальным и провокационным факторам в профессиональной деятельности. Данный элемент должен включать в себя эмоционально-волевую направленность госслужащего (сотрудника, работника) на добросовестное выполнение служебных задач, высокую гражданско-правовую сознательность и активность, для чего осуществляется овладение новыми знаниями и навыками, утверждение легитимными средствами своей правоты и профессионально-личностной значимости [12, с. 177]. Психологический элемент духовно-нравственного компонента антикриминальной устойчивости позволяет сотруднику выполнять свой служебный долг вопреки не только потенциальному насилию со стороны правонарушителей, но и препятствиям со стороны криминально ангажированных государственных служащих, включая сотрудников правоохранительных органов.

5. Иные меры (политические, идеологические, технические) предупреждения коррупционной преступности.

Политические меры предупреждения преступности – это принципы государственно-правовой политики борьбы с преступностью (всеобщность и обязательность правовых установлений, справедливость и гуманизм, принцип равенства граждан перед законом и судом, и др.), которые необходимо учитывать как при реформировании системы права, так и при решении многих сопутствующих организационных и экономических вопросов. Одним из условий результативного противодействия коррупции является реализация мер, направленных на изменение отношения не только общественности, но и самих государственных служащих к коррупционным явлениям путем формирования атмосферы неприятия коррупции во всех ее формах и создание условий, препятствующих коррупционным правонарушениям в органах государственной власти и местного самоуправления. Значительную роль в этом должны сыграть не только нормативные правовые акты, регулирующие вопросы государственной службы, но и *идеологическое сопровождение государственной службы*, направленное на утверждение общечеловеческих, гуманных, общесоциальных ценностей.

Жизнестойкость коррупционных отношений поддерживается существующей в современном обществе социальной ментальностью, поэтому преодоление коррупции напрямую зависит от того, какие идеологические, мировоззренческие принципы будут заложены в правосознание граждан страны (в целом), сформируют профессиональное правосознание государственных служащих (в частности). Профессиональное правосознание государственных служащих обусловлено спецификой социальной роли и содержанием осуществляемой ими деятельности и определяет их образ жизни и мотивы поведения как в служебной сфере, так и в быту. Профессиональное правосознание формируется в процессе подготовки специалиста и практического осуществления им профессиональной деятельности. Определенная субкультура государственных служащих, для которой характерна деформация правового сознания в сочетании со сложившимися в обществе взглядами на коррупцию как обыденное явление, влияет на изменение морально-психологических характеристик личности и его профессиональных возможностей в асоциальную сторону. Именно на формирование антикоррупционного мировоззрения и следует делать основной упор в противостоянии коррупции. Большинство требований к этическим, нравственным требованиям, предъявляемым к государственным служащим, подкреплено лишь моральной ответственностью, а их несоблюдение влечет осуждение со стороны отдельных групп граждан, что при сложившихся в современном обществе взглядах, нормах поведения, отношениях не имеет особой значимости. Соблюдение правил служебного поведения, этических требований должно стать традицией, нормой, обязанностью, делом чести любого профессионала, для чего необходима соответствующая государственная идеология. При этом, *идеологические меры* должны включать комплекс мероприятий по идейно-политическому, трудовому и нравственному воспитанию государственных служащих.

К *техническим мерам* относятся различные средства и приспособления, затрудняющие либо препятствующие совершению преступлений, в том числе коррупционных: применение полиграфа при приеме на государственную службу и дальнейшем продвижении по службе; переоснащение специализированных подразделений по борьбе с коррупцией с учетом внедрения современных технологий и научно-технических разработок в сфере борьбы с преступностью (создание автоматизированных информационно-поисковых систем и банков данных, материально-техническое перевооружение и т. п.).

К иным мерам предупреждения формирования личности коррупционера также следует отнести: выработку и пропагандирование средствами массовой информации антикоррупционной политики государства, систематическое информирование населения через средства массовой информации о деятельности правоохранительных органов в борьбе с коррупционной преступностью; разработку долгосрочных государственных программ по усилению борьбы с коррупцией; поддержание устойчивого равновесия государственных и частных интересов в экономике; формирование у населения антикоррупционного социального поведения, веры в успех дела борьбы с коррупцией; наличие принципа политической воли, то есть неуклонного выполнения должностными лицами принятых на себя обязательств и данных избирателям обещаний; воспитание у населения негативного отношения к коррупционным проявлениям; четкое разграничение функций между соответствующими государственными

органами по принятию решений, их реализации и контролю; снижение роли и влияния монополии и создание конкуренции в сфере оказания государственных услуг; повышение правовой культуры государственных служащих, их компетентности и профессионализма; формирование положительного образа государственного служащего, а также повышение престижа государственной службы; проведение научных исследований по данной проблеме и внедрение результатов исследований и др.

В отличие от общесоциальных, специально-криминологические меры осуществляются целенаправленно в интересах предупреждения отдельных видов преступности, в т.ч. коррупционных. По своей природе и предназначению они призваны решать задачи устранения, нейтрализации, минимизации криминогенных факторов, в т.ч. коррупционных.

Средствам и методам специально-криминологического предупреждения коррупционной преступности, как и формированию личности преступника-коррупционера, присущи следующие черты: 1) меры специального характера непосредственно направлены на предупреждение преступности, ее отдельных видов и конкретных преступлений; 2) деятельность по применению специальных предупредительных мероприятий дополняет управленческие, общевоспитательные, социальные, правовые меры с расчетом оказать влияние непосредственно на преступность, ее отдельные виды, на предотвращение и недопущение конкретных преступлений; 3) субъектами специального предупреждения преступлений являются организационные структуры, для которых борьба с коррупцией составляет основную функцию [13, с. 120].

Заключение

Таким образом, учитывая, что теме борьбы с коррупцией в Республике Беларусь уделяется самое пристальное внимание Главы государства, Правительства, Генеральной прокуратуры, а также различных подразделений правоохранительных структур страны (что напрямую отражается и в увеличении в последние годы количества преступлений данной категории), очевидно, что общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения коррупционной преступности приносят свои положительные результаты. Однако еще далеко не полностью исчерпан, задействован и реализован арсенал социально-политических, организационно-правовых, кредитно-финансовых, правовых, идеологических, духовно-нравственных и иных форм, методов и средств минимизации (нейтрализации) этих преступных проявлений, которые целесообразно комплексно задействовать в вопросе предупреждения коррупционной преступности (в целом), предупреждения формирования личности преступника-коррупционера (в частности), имеющего доминирующую корыстную мотивационную направленность (т.е. наличие ярко выраженных внутриличностных конфликтов между «Я-хочу», но «Я-имею»; «Я-хочу», но «Я-должен делать»).

Список цитированных источников

1. Криминология : учеб. для вузов по специальности «Юриспруденция» / Ю.М. Антонян [и др.] ; под ред.: В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2000. – 678 с.

2. О дополнительных мерах экономического регулирования и социальной защиты населения [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 мая

2011 г., № 662 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Коррупция и борьба с ней: роль гражданского общества : сб. материалов / С.-Петерб. гуманитар.-политол. центр «Стратегия» ; под ред. М. Б. Горного. – СПб. : НОРМА, 2000. – 266 с.

4. Основы противодействия коррупции (системы общегосударственной этики поведения) / науч. ред.: С.В. Максимов [и др.]. – М. : Спарк, 2000. – 228 с.

5. Противодействие коррупции = Combation corruption : учеб. пособие / Н.А. Бабий [и др.] ; под общ ред. А.В.Конюка. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. – 498 с.

6. Барков, А. В. Эволюция законодательства о противодействии коррупции / А. В. Барков // Право.by. – 2014. – № 6. – С. 5–8.

7. Василевич, Г. А. Повышение эффективности уголовно-правовых мер материального характера как средство противодействия коррупции / Г.А.Василевич // Право.by. – 2016. – № 3. – С. 22–27.

8. О криминологической экспертизе [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2007 г., № 244 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

9. О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 июня 2011 г., № 230 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 17.07.2015 // // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

10. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23.07.2019 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

11. О дебюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 27 декабря 2006 г., № 2 : в ред. 23.03.2015 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

12. Сафронов, А. Д. Преступность в России и криминальная безопасность органов внутренних дел / А.Д. Сафронов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2003. – 415 с.

13. Криминология : учеб. пособие / А.В. Боков [и др.] ; под ред. С.М. Иншакова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2005. – 222 с.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения коррупционной преступности в Республике Беларусь, в т.ч. авторами предлагаются организационно-правовые, социально-психологические и иные меры повышения эффективности борьбы с коррупцией на современном этапе развития белорусского общества.

TO THE QUESTION OF WARNING CORRUPTION CRIME

Bury V.E, Gladkov A.V.

Keywords: criminal identity, corruption, self-interest, corruption crime, general social and special criminological preventive measures.

Abstract. The article discusses issues of general social and special criminological measures for the prevention of corruption crime in the Republic of Belarus, including the authors propose organizational, legal, socio-psychological and other measures to increase the effectiveness of the fight against corruption at the present stage of development of Belarusian society.

УДК 343.2

ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕЕ НЕОТВРАТИМОСТИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Буянова И.В.

Ключевые слова: уголовная ответственность, основание ответственности, неотвратимость ответственности, освобождение от уголовной ответственности, основания освобождения от уголовной ответственности.

Введение

Понятие «освобождение от уголовной ответственности» неразрывно связано с такой фундаментально-правовой категорией, определяющей социальное предназначение уголовного права, как уголовная ответственность. С этой категорией связаны не только проблемы ее социально-адекватного установления и применения по строго определяемым в уголовном законе основаниям, но и необходимость ее дифференциации, вплоть до принятия решения об освобождении от уголовной ответственности. Такое решение с учетом индивидуальных особенностей совершенного преступления и лица его совершившего, вследствие «завышенного» уровня криминализации определенных общественно опасных деяний, особенно в так называемых предупредительно-профилактических целях, очевидно и необходимо. Но освобождение от уголовной ответственности за совершенное преступление (деяние, правонарушающее запрет, установленный уголовным законом под угрозой уголовной ответственности) должно обеспечивать режим неотвратимости уголовной ответственности за это же преступное деяние и восприниматься как ее проявление, а равно исключать коррупционные риски при реализации данного института.

Именно поэтому для достижения целей данного исследования важно не просто охарактеризовать основания освобождения от уголовной ответственности, а рассмотреть их сквозь призму основания самой уголовной ответственности, ее назначения и систем дифференциации на уровне закона и индивидуального применения в контексте неотвратимости ответственности.

Основная часть

Вопрос об определении правового основания уголовной ответственности, как в научной среде, так и уголовном законе различных стран решается по-разному. Тем не менее, предпочитаю, что нам в этом вопросе следует исходить исключительно из национальной законодательной регламентации.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК), как известно, принципиально по-новому, в отличие от уголовного законодательства других государств-участников СНГ, разрешает проблему основания уголовной ответственности, отказываясь от традиционного понимания в качестве такового формально-правовой конструкции «состав преступления». Основанием уголовной ответственности ст. 10 УК открыто называет и определяет ни что иное как собственно преступление, то есть совершенное физическим лицом

виновно запрещенное уголовным законом деяние. Как отмечает В.М. Хомич, это более интегрирующий правовой подход уголовного закона к определению преступления как объективного (фактического) основания уголовной ответственности в единстве его материальной объективно-субъективной и правовой основ [1, с. 24]. Именно в такой интерпретации мы воспринимаем основание уголовной ответственности, и сквозь ее призму будем рассматривать основания освобождения от таковой ответственности.

Прежде чем охарактеризовать основания освобождения от уголовной отвесвенности, хотелось бы затронуть не менее сложный и важный вопрос, касающийся сущности самого освобождения. Данный вопрос заслуживает стать объектом самостоятельного и глубокого исследовательского повествования, но в контексте данной статьи коснемся лишь некоторых аспектов нашего подхода к пониманию сути освобождения от уголовной ответственности.

Исследователи правовой природы освобождения от уголовной ответственности традиционно относят к законодательно установленному правоположению, допускающему возможность прекращения уголовного правоотношения и освобождающего лицо, совершившее преступление, от неблагоприятных правовых последствий уголовной ответственности. Нормы УК, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности, считают «компромиссными», а само освобождение от уголовной ответственности видят в русле альтернативных механизмов разрешения уголовно-правовых конфликтов, правопрекращающим юридическим фактом [2, с. 4-16].

В русле традиционного подхода рискнем утверждать, что правовая природа освобождения от уголовной ответственности кроется в самой этой ответственности, в ее социально-правовом назначении и универсальности форм ее реализации. Только ради обеспечения эффективности систем уголовно-правового воздействия институт освобождения от уголовной ответственности содержательно и функционально следует относить к формам реализации уголовной ответственности и рассматривать в качестве дифференцирующего ответственность правового инструментария уголовного права (радикального средства дифференциации уголовной ответственности).

Не вдаваясь в глубокие размышления, касающиеся юридической природы, а также бесспорной важности и нужности данного института, полагаем, что освобождение от уголовной ответственности может рассматриваться как одна из мер уголовно-правового воздействия [3, с. 289], которое является сложной правовой конструкцией, объединяющей в себе функционально различные меры государственного принуждения в рамках реализации уголовной ответственности в единстве с системой обеспечения неотвратимости осуществления ее целей.

Российские ученые выдвинули и обосновали тезис о том, что уголовно-правовое принуждение, представляющее собой правовое последствие совершения общественно опасного деяния, не исчерпывается стандартной уголовной ответственностью [4, с. 38; 5, с. 184; 6, с. 311-314]. В случае возникновения основания уголовной ответственности, государство не обязательно должно реагировать не иначе как её применением. Когда это законодательно допустимо и социально оправдано, можно применить процедуру института освобождения от уголовной ответственности. Она, по нашему мнению, в своем арсенале имеет мощные средства процедурного и материально-фактического воздействия, выражающихся в соблюдении обвиняемым

определенных условий взаимно обязывающего характера, например, необходимость признания вины, раскаяния, условный или безусловный характер освобождения, а равно уплата уголовно-правовой компенсации, которая должна стать обязательным условием освобождения от уголовной ответственности для всех его видов.

Таким образом, процедура, основания, условий и иные правовые последствия освобождения должны быть предусмотрены и выстроены таким образом, чтобы освобождаемый прочувствовал бремя грозящей уголовной ответственности в условиях, процедурах и в «перспективных последствиях» в случае отторжения факта неотвратимости ответственности за первое преступление и совершение нового преступления в течение срока давности. Государство (в лице уполномоченных органов) не игнорирует факт совершения общественно опасного деяния, но в силу наличия достаточной совокупности требуемых оснований освобождения принуждает к выполнению определенных условий и тем самым убеждает впредь не совершать преступлений. Иначе будет введен правовой режим восстановления мер воздействия, за повторное преступление, которыми должен быть оснащен рассматриваемый институт (сохранение состояния повторности, назначение наказания по совокупности преступлений при условном характере освобождения от уголовной ответственности).

Принцип неотвратимости ответственности при такой интерпретации основания и процедуры освобождения от уголовной ответственности сохраняется. В этом случае уголовная ответственность проявляется в сложной комбинации мер уголовно-правового воздействия, являющихся обратной стороной уголовной ответственности.

Переходя к рассмотрению оснований освобождения от уголовной ответственности, стоит отметить, что впервые их обобщенный анализ дал Г.Б. Виттенберг [7, с. 38]. В последующие годы фундаментально эта тематика представлена в работе С.Г. Келиной. Под основанием освобождения от уголовной ответственности она постулирует такое обстоятельство или совокупность таких обстоятельств, которые в привилегированном виде характеризуют совершенное деяние или лицо, совершившее преступление, и наличие которых всегда или по общему правилу предполагает возможность и целесообразность освобождения лица от уголовной ответственности за совершенное преступление [8, с. 12].

К сожалению, очень часто в юридической литературе происходит смешение таких понятий, как «основания освобождения от уголовной ответственности» и «виды освобождения от уголовной ответственности». Так, российский ученый А.В. Бриллиантов в своей монографии в главе второй под общим названием «Основания освобождения от уголовной ответственности» характеризует ее различные виды [9, с. 19]. На наш взгляд, подобная позиция представляется крайне сомнительной, так как сторонники указанной позиции не разграничивают данные понятия, подменяют их друг другом, что влечет определенные трудности в понимании этого достаточно непростого института и определении перспектив его использования в уголовно-правовом противодействии преступности.

В этой же монографии А.В. Бриллиантов оговаривает, что общим основанием освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности является нецелесообразность привлечения его к суду и применения к нему иных мер уголовно-правового характера [9, с. 17]. В таком

контексте получается, что освобождение от уголовной ответственности ни при каких условиях не может рассматриваться как альтернативное проявление уголовной ответственности.

Н.А. Бабий среди оснований освобождения от уголовной ответственности выделяет: отпадение общественной опасности лица, совершившего преступление, и отпадение общественной опасности совершенного преступления [10, с. 557]. При такой постановке основания не должно быть уголовной ответственности. В таких случаях уголовное преследование должно прекращаться ввиду отсутствия деяния, предусмотренного уголовным законом, а не вследствие наличия основания для освобождения от уголовной ответственности.

Схожая точка зрения и у А. В. Ендольцевой, которая основанием освобождения от уголовной ответственности считает нецелесообразность реализации уголовной ответственности лица, совершившего преступление, утратившего прежнюю общественную опасность, когда это лицо может быть исправлено без осуждения (его порицания государством) и применения наказания. Общественная опасность лица, совершившего преступление, определяется при этом характером и степенью общественной опасности совершенного деяния, а также постпреступным поведением такого лица до момента вынесения приговора судом [11, с. 108].

Р.А. Середа, справедливо критикуя позицию А.В. Ендольцевой, указывает, что нецелесообразность реализации уголовной ответственности и возможность исправления без применения осуждения и применения наказания не характеризуют совершенное деяние и личность преступника, и поэтому не могут быть причислены к основаниям освобождения от уголовной ответственности. Данные обстоятельства не что иное, как выводы правоохранительных органов, сделанные на основании данных об отсутствии или небольшой степени общественной опасности преступника [12, с. 22]. Далее Р.А. Середа обоснованно считает, что единственным основанием освобождения от уголовной ответственности является отсутствие или небольшая степень общественной опасности лица, совершившего преступление [12, с. 22].

Продолжая анализ оснований освобождения от уголовной ответственности, хотелось бы обозначить и свою позицию по данному вопросу. На наш взгляд, общественная опасность, как признак уголовной противоправности деяния сохраняется до тех пор, пока не изменится закон, устанавливающий ответственность за то или иное преступление. Что касается отпадения или отсутствия общественной опасности лица, совершившего преступления, само понятие «общественная опасность лица» является оценочным и производным не только от совершенного преступления. Здесь следует согласиться с мнением Л. В. Головко, утверждающим, что «правопослушное» поведение может быть вызвано какими угодно обстоятельствами и вовсе не обязательно свидетельствует об исправлении лица и утрате им общественной опасности [13, с. 277–278].

По мнению В.М. Хомича, основания освобождения от уголовной ответственности выражаются в том, что совершенное лицом преступление и само лицо не представляют значительной общественной опасности, и цели уголовной ответственности могут быть достигнуты без ее возложения на виновного [14, с. 341–342].

Я.М. Матвеева считает, что характер и степень общественной опасности преступления и личности преступника являются основаниями для дифференциации уголовной ответственности, средством которой выступает исследуемый институт [15, с. 48] и предлагает следующую классификацию материально-правовых оснований освобождения от уголовной ответственности:

позитивное постпреступное поведение, выраженное в добровольном активном выполнении виновным лицом определенных действий;

особые обстоятельства совершения преступления, относящиеся к личности преступника, наличие которых свидетельствует о его уменьшенной общественной опасности и делает нецелесообразным применение наказания или иных уголовной ответственности;

наступление определенных юридических фактов, носящих объективный характер (истечение срока давности, акт амнистии) [15, с. 53].

Подобная классификация представляется весьма удачной, за исключением, позитивного преступного поведения, под которым, по нашему мнению, стоит понимать совокупность законодательно-регламентированных условий для применения того или иного вида освобождения от уголовной ответственности (например, явка с повинной, возмещение ущерба, примирение с потерпевшим, уплата уголовно-правовой компенсации и т.д.).

УК не регламентирует вопрос, касающийся оснований освобождения от уголовной ответственности. На наш взгляд, основания освобождения от уголовной ответственности представляют собой некую систему, которая должна определить место всех аксиологически доступных норм об освобождении от уголовной ответственности в уголовном законе. Иными словами, данная система должна явиться универсальной оболочкой для всех (или большинства) существующих видов освобождения от уголовной ответственности.

Поскольку основанием уголовной ответственности в Республике Беларусь является преступление, то первое и главенствующее место в системе оснований освобождения от ответственности, на наш взгляд, должна занять категория преступления, позволяющая применить к лицу одну из норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности.

В большинстве общих видов освобождения от уголовной ответственности предусмотрены только две категории преступлений, по которым возможно освобождение – не представляющее большой общественной опасности и менее тяжкое. Это правило, из которого есть исключение, а именно ст. 881 УК и специальные виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные нормами Особенной части УК.

Второе место в системе оснований освобождения можно отвести характеристике личности преступника как лица, совершившего преступление впервые. Многие авторы относят это обстоятельство к условиям освобождения, но мы склонны считать это именно основанием освобождения. Условия освобождения разные в зависимости от того или иного вида и это вполне нормально и объяснимо, а вот основания освобождения, как нами упоминалось ранее, это некая система, универсальная оболочка, нечто общее для всех видов освобождения. Безусловно, данная система имеет изъяны, в виде отступления от общего правила (таким отступлением можно считать ст. 881 УК), но подобные

исключения возможны, если они оправданы. А вот насколько они оправданы это вопрос совсем иного свойства.

Продолжая анализ такого основания освобождения как совершение преступления впервые, стоит отметить некие расхождения в его нормативной закрепленности.

В соответствии с п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» (далее – Постановление № 1) впервые совершившим преступление применительно к ст. 86, 88, 89 УК считается лицо, которое совершило одно преступное деяние в первый раз или когда за предыдущее деяние лицо было освобождено от уголовной ответственности, либо по нему истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, либо судимость была погашена или снята в установленном законом порядке.

Некоторые статьи УК, касающиеся освобождения от уголовной ответственности, обобщенно применяют требование о совершении преступления впервые к двум вышеупомянутым категориям преступлений (ст. 86 и 89 УК), другие вообще не упоминают об этом (ст. 87 и 881 УК), а третьи оговаривают данный факт только в отношении менее тяжкого преступления, упуская из виду преступление, не представляющее большой общественной опасности (ст. 89 УК). Подобная законодательная регламентация крайне нелогична.

На наш взгляд, требование о совершении преступления впервые должно содержаться во всех нормах исследуемого института и относиться ко всем категориям преступлений, оговоренных в данных статьях. Причем, одного этого требования недостаточно, так как лицо, освобожденное от уголовной ответственности, считается не судимым и если в будущем оно совершит еще одно преступление, то, по сути, возможность освобождения сохраняется.

Говоря о данном основании, можно отметить неоднозначный подход ученых к данному обстоятельству. Так, В.Ч. Песлякас считает, что факт имевшего место освобождения от уголовной ответственности не менее чем судимость указывает на недостаточность ранее примененных мер воздействия для исправления лица, следовательно, на нецелесообразность нового освобождения от уголовной ответственности. Поэтому ранее освобождавшиеся от уголовной ответственности, как правило, не должны вновь освобождаться от нее, особенно в случаях, когда они совершили однородные преступления [16, с. 44].

В дальнейшем эту точку зрения поддержал С.И. Никулин: «Лицо, освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, не может признаваться впервые совершившим преступление в течение установленных законом сроков давности... Это объясняется тем, что само по себе освобождение от уголовной ответственности по сути дела уже есть явная льгота в отношении лица, виновного в совершении преступления, однако распространять льготный подход и на оценку дальнейшего поведения этого лица представляется чрезмерным» [17, с. 346].

Р.А. Середа также считает, что лицо, повторно совершившее преступление после освобождения от уголовной ответственности, является более общественно опасным, поскольку на него не возымели действия принятые государством поощрительные меры, выраженные в феномене процедур и условий

освобождения от уголовной ответственности. И в этом случае повторное применение к лицу таких поощрительных мер представляется неоправданным и противоречащим принципу социальной справедливости [12, с. 79].

Мы поддерживаем точку зрения данных авторов и для подкрепления ряда принципов уголовного закона, предлагаем еще одно основание освобождения, а именно, истечение пяти лет после первого факта освобождения от уголовной ответственности.

Заключение

Учитывая все вышеизложенное, можно констатировать, что в настоящее время трудно говорить о существовании единого подхода к определению не только оснований освобождения от уголовной ответственности, но и в определении социального назначения института освобождения от уголовной ответственности. Несмотря на это, неоспоримым остается тот факт, что благодаря разработкам белорусских ученых, институт освобождения от уголовной ответственности уже оснащен достаточно мощным инструментом воздействия – уголовно-правовой компенсацией. Ее применение в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности следует предусмотреть для всех видов освобождения.

Ключевым основанием формирования и индивидуализации видовых оснований освобождения от уголовной ответственности является незначительная общественная опасность преступления, обличенная в установленную законодателем категорию опасности (тяжести) преступления. По ряду причин государство не готово отказаться от криминализации тех или иных деяний, подпадающих под категорию преступлений, не представляющих большой общественной опасности или менее тяжких преступлений. Однако при совершении таких преступлений, учитывая субъективную характеристику совершенного преступного деяния (степень вины) и недостаточную степень криминальной ориентации виновного, закон допускает возможность обеспечения реализации функций уголовной ответственности посредством освобождения от ее применения и, добавим, при обеспечении режима ее неотвратимости. И в этом русле должна быть пересмотрена и при необходимости реструктурирована система оснований, условий и видов освобождения от уголовной ответственности с учетом современной типологии преступлений и преступников.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

2. Баулін, Ю. В. Звільнення від кримінальної відповідальності : Мографія / Ю. В. Баулін. – К.: Атіка, 2004. – 296 с.

3. Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : сб. науч. ст. / Э. А. Саркисова [и др.] ; под ред. Д. В. Шаблинской. – Минск : Бизнесофсет, 2016. – Вып. 2-й, посвящ. 80-летию проф. Э. А. Саркисовой. – 312 с.

4. Калинина, Т. М. Иные меры уголовно-правового характера: проблемы теории, законодательного регулирования и практического применения: монография / Т. М. Калинина. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 288 с.

5. Лопашенко, Н. А. Введение в уголовное право: учеб. пособие / Н. А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 224 с.

6. Щедрин, Н. В. «Четырехколейная» модель российского уголовного права / Н. В. Щедрин // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Рос. конгресса уголовного права, Москва, 31 мая – 1 июня 2012 г. – М., 2012. – С. 309-317.

7. Виттенберг, Г. Б. Освобождение от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия : автореф. дис. …д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Г.Б. Виттенберг. – Харьков, 1969. – 38 с.

8. Келина, С. Г. Теоретические проблемы освобождения от уголовной ответственности: автореф. дисс...докт. юрид. наук: 12.00.08 / С. Г. Келина; – Москва, 1976. – 30 с.

9. Бриллиантов, А. В. Освобождение от уголовной ответственности с учетом обобщения судебной практики: научно–практическое пособие. – М.: Проспект, 2015. – 112 с.

10. Бабий, Н. А.Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник / Н. А. Бабий. – 2–е изд., перераб. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – 688 с.

11. Ендольцева, А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра. юрид.наук : 12.00.08, 12.00.09 / А. В. Ендольцева. – М., 2005. – 396 с.

12. Середа, Р. А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в уголовном праве Республики Беларусь: дис. ... канд. юрид.наук : 12.00.08 / Р. А. Середа. – Минск, 2010. – 143 с.

13. Головко, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головко. – СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 544 с.

14. Хомич, В. М. Институт освобождения от уголовной ответственности и институт прекращения (отказа от) уголовного преследования требуют разной правовой формы процессуального разрешения / В. М. Хомич // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред) [и др.]. – Минск : Тесей. 2006. – С. 341–342.

15. Матвеева, Я. М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта: дис. ... канд. юрид.наук : 12.00.08 / Я. М. Матвеева. – СПб., 2016. – 222 с.

16. Песлякас, В. Ч. Уголовная ответственность и освобождение от нее : учеб. пособие / В. Ч. Песлякас ; МВД СССР. – Минск : МВШ МВД СССР, 1988. - 64 с.

17. Российское уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. - М. : Спарк, 1997. – 454 с.

Аннотация. В статье анализируются основания освобождения от уголовной ответственности сквозь призму единственного основания уголовной ответственности и ее неотвратимости. С учетом имеющихся мнений, касающихся данной проблематики, а также взглядов на правовую природу института освобождения от уголовной ответственности, предложена авторская версия понимания оснований освобождения от уголовной ответственности в контексте обеспечения ее неотвратимости.

GROUNDS FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN THE CONTEXT OF ENSURING ITS INEVITABILITY

Buyanova I. V.

Keywords: criminal liability, basis of liability, inevitability of liability, exemption from criminal liability, grounds for exemption from criminal liability.

Abstract. The article analyzes the grounds for exemption from criminal liability through the prism of the only basis for criminal liability and its inevitability. Based on existing opinions on this issue, as well as views on the legal nature of the institution of exemption from criminal liability, the author versions a comprehension of the grounds for exemption from criminal liability.

УДК 343

О НЕКОТОРЫХ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Василькевич А.Г.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная деятельность, меры предупреждения коррупции, общепрофилактические мероприятия, профилактическое воздействие.

Введение

Коррупция рассматривается мировым сообществом в качестве опасного явления, которая деструктивно воздействует на социальную, экономическую и политическую сферы всех государств. Эффективность развития личности, общества и государства зависит от отсутствия или сведения к минимуму негативных общественных явлений, одним из которых является коррупция.

В Беларуси создана и на практике реализуется многоуровневая система антикоррупционной политики, в основе которой лежат положения Конституции Республики Беларусь о верховенстве права, равенстве всех перед законом, праве граждан на получение полной и достоверной информации о деятельности государственных органов. Базовым нормативным правовым актом в сфере организации антикоррупционной деятельности является Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией). В систему законодательства по борьбе с коррупцией также входят правовые нормы иных законодательных актов (Трудовой кодекс, Гражданский кодекс, Уголовный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», Закон Республики Беларусь «О государственной службе» и другие), регулирующие правоотношения в трудовой, гражданской сферах, деятельность по профилактике коррупции, предусматривающих административную, уголовную ответственность за коррупционные правонарушения, устанавливающих ограничения, связанные с государственной службой в целях противодействия коррупции.

Согласно Закону о борьбе с коррупцией субъектами правонарушений, создающих условия для коррупции, являются государственные должностные лица, а также лица, приравненные к государственным должностным лицам. Субъектами коррупционных правонарушений являются государственные должностные лица, лица, приравненные к государственным должностным лицам, иностранные должностные лица и лица, осуществляющие подкуп

государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц.

Таким образом, проявления коррупции являются одним из видов противоправных действий, допускаемых, в первую очередь, отдельными, обладающими властными полномочиями, лицами.

Согласно данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, за 2017 и 2018 годы выявлено 76 и 92 коррупционных преступления в системе государственного управления, что является самым высоким показателем по основным отраслям [1].

Очевидно, что государственные органы отражают государство, которое служит интересам народа. Образ служащего, не соответствующего своему истинному предназначению, разрушает в лице граждан образ государства и стоит в противоречии с народовластием, разделением властей, верховенством закона, правами и свободами личности [2, с. 63].

Таким образом, искоренение коррупции в государственном аппарате является важной государственной задачей. Видные ученые, юристы-практики пришли к выводу о том, что наиболее эффективной мерой борьбы с коррупцией является ее предупреждение, выработка и реализация эффективных мер по устранению причин и условий совершения коррупционных преступлений. Проблематика борьбы с коррупцией, в том числе через ее предупреждение, рассматривалась в трудах И.И. Басецкого, А.В. Башана, В.И. Берестеня, Н.А. Бабия, Г.А. Василевича, А.М. Клима и др. Вместе с тем, вопросы профилактической работы в органах государственного управления не получили должного научного развития. Учеными предлагаются меры профилактики, которые носят общий характер и оказывают предупредительное воздействие на все сферы жизнедеятельности. Н.А. Бабием раскрыта система мер предупреждения коррупции, включающая взаимосвязанные общие мероприятия социального, криминологического, правоприменительного, виктимологического и социально-реабилитационного характера. И.И. Басецким, А.В. Башаном выделены концептуальные основы, параметры и границы правового поля противодействия коррупции. А.М. Клим привел авторскую классификацию и характеристику общесоциальных и специально-криминологических мер по предупреждению взяточничества.

Основная часть

Предусмотренные Законом о борьбе с коррупцией, иными законодательными актами меры профилактики коррупции в органах государственного управления не являются исчерпывающими. Это в первую очередь обусловлено развитием сфер жизнедеятельности общества, появлением новых общественных отношений в экономике, предпринимательстве. Государственные органы, ученые, юристы-практики должны постоянно анализировать причины, способствующие коррупции, оценивать действующее законодательство с точки зрения эффективности и вносить предложения по его совершенствованию.

Автором предлагается система мер предупреждения коррупции в органах государственного управления, содержащая правовые, служебные, профилактические, общественные, технологические, психологические элементы.

1. Правовые меры заключаются в формировании уровня правосознания должностных лиц государственного управления, основанного на знаниях законов и подзаконных актов, источников права, правильного понимания

принципов права, профессионального отношения к праву и практике его применения в точном соответствии с правовыми предписаниями и принципами права. Из этого следует, что в кадровом обеспечении системы государственного управления целесообразно на постоянной основе актуализировать меры по обеспечению устойчивости правосознания должностных лиц в процессе подготовки, переподготовки и повышения квалификации.

Разработка руководством ведомств и организаций правил антикоррупционного поведения для аттестованных лиц и госслужащих, а также осуществления контроля знаний этих правил при назначении на соответствующую должность, при прохождении очередной (внеочередной) аттестации. Видится необходимым организовать выпуск печатной продукции, где размещать стандарты антикорупционного поведения работников, рекомендации работникам по противодействию фактам провокаций получении взятки. Программой по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017 – 2019 годы (п. 1.2.) предусмотрена разработка, и принятие Советом Министров Республики Беларусь постановления об утверждении типовых правил служебного поведения и профессиональной этики государственных служащих, содержащих положения, направленные на снижение коррупционных рисков в их деятельности.

Расширение полномочий комиссий по противодействию коррупции. В рамках рассмотрения вопросов о состоянии дебиторской задолженности, обоснованности расходования бюджетных средств, предусмотренных Типовым положением о комиссии по противодействию коррупции, утвержденного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 26 декабря 2011 г., указанные комиссии следует наделить правом проведения выборочного мониторинга финансово-хозяйственной деятельности и договорной работы государственного органа, учреждения, обоснованности назначения лиц на определенные должности, премирования. В случае выявления признаков противоправной деятельности в действиях государственных служащих, информацию необходимо направлять в правоохранительные органы по компетенции. Так, система борьбы с коррупцией в Нидерландах включает существование во всех значимых организациях, например, в министерствах, служб внутренней безопасности, обязанностью которых является регистрация и выявление ошибок чиновников, их намеренных или случайных нарушений действующих правил и соответствующих последствий таких нарушений. Указанная информация по соответствующим каналам передается в министерства внутренних дел и юстиции [2, с. 22].

2. Служебные меры направлены на повышение эффективности подбора кадров, управления персоналом. При качественной процедуре подбора на государственную службу снижается вероятность трудоустройства лиц с низкой правовой культурой, невысоким антикоррупционным сознанием. Профессиональное управление персоналом, основанное на заслуженном продвижении лиц, открытой системе премирования способствует формированию мотивации службы в государственных органах и, соответственно, избегания коррупционного поведения, как обстоятельства, исключающего возможность дальнейшей работы в системе государственных органов. Так, в разделе «управление персоналом» Типовой стратегии по противодействию коррупции на таможне, подготовленной специалистами Международного валютного фонда,

предлагается осуществлять подбор и продвижение персонала на принципе заслуг и достоинств; ротации кадров; достаточного уровня денежного вознаграждения; системы премиальных [2, с. 23].

3. Профилактические меры представляют собой деятельность, направленную на профилактическое воздействие на лиц, действия которых создают условия, предпосылки для коррупции через возможности граждан, обладающих соответствующим авторитетом и статусом. Например, руководящие работники государственных органов, ветераны правоохранительных органов, имеющие опыт борьбы с коррупцией, а также достигших значимых результатов в сфере противодействия данному явлению; лица, имеющие государственные награды, являющиеся почетными жителями определенного населенного пункта. Лицо, через которое осуществляется профилактическое воздействие должно занимать руководяще положение (быть выше по статусу) и (или) обладать соответствующим авторитетом для объекта, иметь возможность и способности оказать позитивное воздействие на профилактируемое лицо.

4. Информационные меры заключаются в инициировании через возможности региональных СМИ, блогеров, общественных деятелей, имеющих популярность в местах расположения государственного органа, размещения пропагандистских роликов о негативном влиянии коррупции на все аспекты человеческой деятельности, в том числе на примере выявленных схем противоправной деятельности в Республике Беларусь, за рубежом, в сопредельных странах в государственном секторе, аналогичным в регионе. Освещение проходящих (прошедших) открытых судебных заседаний по рассмотрению уголовных дел по коррупционным преступлениям в местных или региональных СМИ. Предполагается, что осведомленность общественности, правоохранительных органов в механизмах совершения указанной категории правонарушений, повлияет на отказ от преступных замыслов потенциально уязвимых в коррупционном плане лиц. Согласно высказыванию одного из политических деятелей Нидерландов, наиболее опасны для его политической карьеры обвинения в коррупции, которые могут появиться в солидной газете [2, с. 21]. Программой по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017 – 2019 годы (п. 4.3.) предусмотрено организация в пределах компетенции заинтересованными государственными органами мероприятий по освещению в СМИ актуальных вопросов борьбы с преступностью и коррупцией. Кроме того, Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» в качестве основных профилактических мероприятий по предупреждению правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений предусмотрено информирование государственными органами граждан о результатах борьбы с коррупцией, пропаганда неприятия проявлений коррупции.

Важное значение имеет создание художественных кинофильмов, книг по сценариям, основанным на реальных уголовных делах в отношении государственных служащих, где с отрицательной стороны раскрывается деятельность коррупционеров, их судьбах, последствиях привлечения к уголовной ответственности для близких родственников. В советский период неоднократно создавались такие произведения, как например, повесть известного писателя В. Ардаматского «Суд».

5. Общественные меры – наделение правом представителей коллективов государственных органов (профсоюзов) инициирования постановки вопросов о неэффективности отдельных управленческих решений, принимаемых в ущерб интересам государственного органа (например, закупка товарно-материальных ценностей по завышенной стоимости, назначение на руководящие должности лиц, скомпрометировавших себя по местам предыдущей работы, службы). Программой по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017 – 2019 годы (п. 3.2.1.) в качестве мер по предупреждению и пресечению коррупции предусмотрена разработка и реализация комплекса мер, направленных на расширение участия общественных организаций, а также граждан в реализации мер по предупреждению коррупции. Т.Г. Терещенко и Н.В. Кийко рассматривают обеспечение участия общественных организаций, политических партий, граждан и иных элементов гражданского общества в качестве реализации мер по предупреждению коррупции, в том числе путем участия в общественном контроле процедурных мероприятий (закупки, торги и т.п.) [3, с. 5].

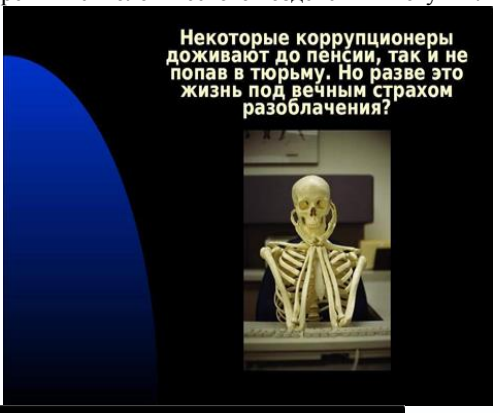
Организация заслушиваний сотрудников государственных органов, допустивших проступки, деяния, создающие условия для коррупции, на «товарищеских судах» (судах чести), профсоюзных собраниях.

6. К технологическим мерам в первую очередь следует отнести внедрение в государственных органах системы «электронного правительства», исключающей личный контакт служащего с гражданином, заинтересованным в разрешении вопроса либо осуществлении определенной процедуры. Потенциальный взяткодатель не сможет понять, к кому конкретно он должен обращаться с целью подкупа. У сотрудника государственного органа возникают сложности выйти на личное общение с заявителем. Значительная часть коррупционных актов вызвана обстоятельствами неэффективных и запутанных процедур решения и оформления тех или иных разрешительных действий. Часто наличие множества инстанций и очередей при решении тех или иных вопросов провоцируют возникновение коррупционных отношений. «Электронное правительство», принцип «одного окна» минимизируют указанные предпосылки.

7. Сущность психологических мер заключается в проведении психологических исследований (тестирование, анкетирование и др.) должностных лиц, причастных к осуществлению финансово-хозяйственной, разрешительной, контрольной, лицензионной деятельности с целью выявления склонности к коррупции, организации психолого-профилактических, психокоррекционных и психотерапевтических мероприятий от взяточничества и взяткомании. Указанные мероприятия рекомендуется проводить с руководителями разного уровня, а также с должностными лицами, в первую очередь работающими в условиях, где существует реальная возможность заниматься коррупцией. Данный подход апробирован на территории Российской Федерации (сеанс назвали «обучающим тренингом по антикоррупционной деятельности) в рамках курсов повышения квалификации руководящих кадров. В результате применения этих методов постепенно создаются внутренние психологические условия для возникновения ценностей, замещающих ценность переживания от получения взяток. Постоянно прокручиваемый образ получения взятки постепенно теряет свою привлекательность и яркость. Также уделяется внимание процедуре самодиагностики взяткомании, обучению методам

самопсихорегуляции, которые позволяют коррупционеру отказаться от вредной зависимости.

Кроме этого, необходимо размещение в общественных местах государственного органа наглядной агитации (плакатов), демонстрирующих населению негативные образы мздоимцев (коррупционеров). Зрительные образы глубоко проникают в сознание человека, а затем влияют на его поведение. Цель рисунков-образов – вызвать отвращение к коррупции на подсознательном уровне. Если регулярно демонстрировать картинки со слоганами по телеканалам, развешивать в виде рекламных баннеров на улицах на правах социальной рекламы, у общества обязательно возникнет отвращение к изображенным образам. А когда в их жизни возникнет похожая ситуация – риск «заразиться» коррупцией, – их подсознание извлечет эти образы и остановит от постыдного шага, порицаемого гражданским большинством. Наиболее эффективными с точки зрения психологического воздействия могут являться следующие:

Заключение

Борьба с коррупцией в органах государственного управления является значимой сферой деятельности государственных органов и иных организаций,

участвующих в борьбе с коррупцией, она содействует укреплению авторитета государственной власти и ее институтов, возможности устойчивого развития.

Развитие сфер жизнедеятельности общества, появление новых общественных отношений в экономике, а также деятельность органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, способствует образованию новых и изощренных проявлений и способов коррупции, что, в свою очередь, диктует необходимость совершенствования мер по ее предупреждению.

Меры по предупреждению коррупции в органах государственного управления носят правовой, служебный, профилактический, общественный, технологический, психологический характер и позволяют максимально задействовать ресурсы государственных органов. Предложенные меры профилактики коррупции в органах государственного управления не являются исчерпывающими, вместе с тем данный перечень мероприятий может составлять основу для последующего формирования государственной Программы и является авторским видением рассматриваемой проблемы.

Список цитированных источников

1. Генпрокуратура: Количество коррупционных преступлений в 2018 году выросло в два раза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.tut.by/economics/592610.html. – Дата доступа: 19.07.2019.

2. Лузгин, И. И. Коррупция и ее общественная опасность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htpp.elib/psu/by:8080/bitstream/123456789/1855/1/luzgin_korrupcia.pdf. – Дата доступа: 18.07.2019.

3. Терещенко, Т. Г. Об актуальных направлениях развития государственной программы по борьбе с преступностью на 2016 – 2018 г.г. [Электронный ресурс] / Т. Г. Терещенко, Н. В. Кийко // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

4. Противодействие коррупции = Combating corruption : учебное пособие / Н. А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Акад. упр. При Президенте Респ. Беларусь, 2016. – 498 с.

5. Басецкий, И. И. Коррупция : Теория и практика противодействия : монография / И. И. Басецкий, А. В. Башан. – Минск : Академия МВД Респ. Беларусь, 2005. – 567 с.

6. Клим, А. М. Взяточничество: Криминологическая характеристика и предупреждение : дис. … к-та юрид. наук : 12.00.08 / А. М. Клим ; Академия МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – 221 с.

7. Гарифуллин, Р. Взяткомания как одна из причин взяточничества: психологический анализ (психологические и психотерапевтические подходы к проблеме взяточничества и взяткомании) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psyfactor.org/lib/corruption3.htm. – Дата доступа: 19.07.2019.

8. Веденеева, Н. Коррупционер – это алкоголик (психологи разработали новый метод лечения взяточников) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mk.ru/science/2013/02/24/817180-korruptsioner-eto-alkogolik.html. – Дата доступа: 30.08.2019.

Аннотация. В статье рассматривается система мер по предупреждению коррупции среди должностных лиц органов государственного управления, которая содержит правовые, служебные, профилактические, общественные, технологические, психологические элементы. Правовые меры заключаются в формировании уровня правосознания должностных лиц государственного управления, основанного на глубоких знаниях законов и подзаконных актов. Служебные меры направлены на повышение эффективности подбора кадров, управления персоналом. Профилактические меры

представляют собой деятельность, направленную на профилактическое воздействие на лиц, действия которых создают условия, предпосылки для коррупции. Информационные меры заключаются в инициировании через возможности региональных СМИ, блогеров, общественных деятелей размещения пропагандистских роликов о негативном влиянии коррупции. Пятая группа мер относится к мерам общественного характера, включающая деятельность общественных организаций, имеющих право вносить предложения по совершенствованию хозяйственной и иной деятельности государственных органов, в частности, профсоюзы и иные структуры. К технологическим мерам относится внедрение в государственных органах новых технологий, в первую очередь системы «электронного правительства».

ABOUT SOME ADDITIONAL MEASURES TO PREVENT CORRUPTION IN GOVERNMENT

Vasilkevich A.G.

Keywords: Corruption, anti-corruption activities, corruption prevention measures, general preventive measures, profiling impact.

Abstract. The article discusses a system of measures to prevent corruption among government officials, which contains legal, official, preventive, social, technological and psychological elements. Legal measures mean to form of a level of legal awareness of public administration officials based on in-depth knowledge of laws and by-laws. Official measures are aimed at improving the efficiency of personnel selection, personnel management. Preventive measures are activities aimed at the preventive effect on persons whose actions create the conditions for corruption. Information measures deal nith posting propaganda videos about the negative impact of corruption, through the regional media, bloggers, public figures. The fifth group of measures refers to measures of a public nature, including the activities of public organizations that have the right to make proposals to improve the economic and other activities of state bodies, in particular, trade unions and other structures. Technological measures include the implementation of new technologies among government bodies, primarily the "electronic government" system.

УДК 343.1

РОЛЬ ПРОКУРОРА В ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО КОРРУПЦИОННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Великая Е.В.

Ключевые слова: коррупция; коррупционные преступления; возмещение ущерба; прокурор; наложение ареста на имущество.

Введение

Вопросы противодействия коррупции остаются актуальными на протяжении многих лет. Коррупция затрагивает все сферы общества, серьезно препятствуя его экономическому развитию. В результате совершения коррупционных преступлений нарушаются права и законные интересы граждан, подрывается авторитет государственной власти. К тому же нельзя не отметить, что такие преступления причиняют огромнейший материальный ущерб бюджету государства.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что доля преступлений коррупционной направленности в общем количестве преступлений составляет всего 1,7 %, а материальный ущерб, а это 46 млрд руб., – уже 11 % ущерба, причиненного всеми видами преступлений по Российской Федерации [1]. В отдельных случаях материальный ущерб возмещается добровольно. Например, в 2018 году свыше 1,6 млрд рублей возмещено добровольно; у коррупционеров изъято имущества, денег и ценностей на сумму почти 2 млрд рублей [2]. Но как правило, по делам рассматриваемой категории ущерб в добровольном порядке на стадии предварительного следствия возмещается лицами, совершившими хищения незначительных сумм. При таких обстоятельствах большое значение приобретает возмещение причиненного материального ущерба, особенно государству. Этому способствует комплексная деятельность всех правоохранительных органов.

Следует отметить большую роль органов прокуратуры в принятии мер к возмещению причиненного коррупционными преступлениями материального ущерба, в том числе координирующую. Прокуроры активно способствуют возмещению такого ущерба как в рамках гражданского, так и в рамках уголовного судопроизводства. Как известно, проявление коррупции закупок носит различный характер и затрагивают правоотношения в области закупок товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд, градостроительные, бюджетные, земельные правоотношения и т.д. Это могут быть преступления, связанные с получением или дачей взятки, коммерческим подкупом, служебным подлогом, мошенничеством и т.д.

Так, в результате совершения преступления государственными служащими выбывают из законного владения государства земельные участки, расположенные, например, в рекреационной зоне, незаконно сдается в аренду недвижимость, совершаются иные незаконные сделки. Прокуроры с целью защиты интересов Российской Федерации в рамках гражданского процесса предъявляют иски о признании сделок недействительными, возврате имущества из чужого незаконного владения и т.д.

Например, прокурором К-го края предъявлен иск в порядке, предусмотренном ст. 45 ГПК РФ, о признании недействительными договоров купли-продажи земельных участков, расположенных в рекреационной зоне, выделенных постановлением главы администрации под городской парк культуры и отдыха и незаконно предоставленных главой муниципального образования своим родственникам для осуществления индивидуального жилищного строительства. Решением суда исковые требования прокурора удовлетворены в полном объеме.

В данной статье хотелось бы остановиться на деятельности прокурора по возмещению ущерба, причиненного коррупционными преступлениями, в рамках уголовного судопроизводства.

Основная часть

В соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 29.08.2014 № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» прокуроры должны добиваться своевременного и полного возмещения причиненного ущерба, принимать исчерпывающие меры по выявлению фактов легализации имущества,

полученного при совершении коррупционных преступлений, в том числе путем вывода активов за рубеж.

Прокурор в уголовном судопроизводстве вправе от имени государства осуществляет уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания (ст. 37 УПК РФ). Реализация указанных полномочий позволяет обеспечивать законность при возмещении ущерба, причиненного коррупционными преступлениями. Осуществляя надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, прокурор проверяет в том числе обеспечение ими условий и принятие мер, направленных на возмещение вреда, причиненного преступлением (например, разъяснение следователем, дознавателем потерпевшему право предъявить гражданский иск, наложение ареста на имущество, на которое может быть обращено взыскание и др.).

В соответствии с ч. 1 ст. 1601 УПК РФ если совершенным преступлением причинен имущественный вред или возможно применение мер по конфискации имущества в соответствии со статьей 1041 УК РФ, а также если за совершенное преступление предусмотрены наказание в виде штрафа или другие имущественные взыскания, следователь, дознаватель обязаны незамедлительно принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого подлежащего конфискации или имущества, стоимость которого соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации, либо сопоставима со стоимостью этого предмета, а также имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, взыскание штрафа, другие имущественные взыскания, принять меры по наложению ареста на такое имущество.

Как правило в рамках расследования уголовного дела следователи, дознаватели принимают достаточные меры к установлению имущества, на которое возможно обратить взыскание, в том числе направляются запросы в Государственную инспекцию безопасности дорожного движения Российской Федерации (ГИБДД России), Федеральную службу государственного кадастра и картографии (Росреестр), Федеральную службу по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), банки, другие компетентные органы и организации о предоставлении информации о наличии у обвиняемых (подозреваемых) автотранспорта, недвижимого имущества, денежных средств на счетах и т.д. Так, в 2018 году в качестве меры по обеспечению гражданского иска, имущественных взысканий или возможной конфискации имущества наложен арест на имущество на сумму свыше 15 млрд рублей [2].

Однако не исключены случаи, когда органы предварительного расследования не смотря на большую сумму причиненного ущерба, а также заявленный по уголовному делу гражданский иск, не принимали никаких мер к установлению имущества подозреваемого (обвиняемого). В таких случаях прокуроры, в соответствии с положениями п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, вносили требования об устранении нарушения федерального законодательства. По результатам принятых прокурорами мер реагирования устранялись нарушения федерального законодательства, налагался арест на имущество подозреваемых (обвиняемых), лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия.

В частности, прокурором г. N. по результатам изучения уголовного дела, возбужденного по ч. 2 ст. 290 УК РФ в отношении старшего государственного инспектора территориального отдела автотранспортного и автодорожного надзора по N-ской области В., получившего от индивидуального предпринимателя взятку в сумме 20 000 руб. за общее покровительство (попустительство) по службе, выявлено нарушение ст. 1601 УПК РФ выразившееся в непринятием мер к установлению имущества, за счет которого возможно обеспечить исполнение приговора суда в виде штрафа и иных имущественных взысканий.

В связи с этим руководителю следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. N. внесено требование прокурора удовлетворено, следственным органом установлено принадлежащее В. недвижимое имущество и транспортные средства, на конец отчетного периода осуществлялась их оценка в целях принятия мер, предусмотренных статьей 115 УПК РФ.

Установив имущество, на которое может быть обращено взыскание, органы предварительного расследования обращаются в суд с ходатайством о наложении ареста на такое имущество. Важно отметить, что наложение ареста на имущество в ходе производства предварительного расследования по уголовному делу влечет для собственника этого имущества существенные ограничения права владеть, пользоваться и распоряжаться им, оно не может налагаться произвольно и носить бессрочный характер. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ст. 17 Конституции Российской Федерации). Другими словами, право потерпевшего (в том числе государства) на возмещение причиненного ущерба не должно нарушать права подозреваемого (обвиняемого) на распоряжение имуществом. Именно поэтому решение о наложении ареста на имущество принимается судом и на определенный срок (п. 9, 91 ч. 2 ст. 29, ч. 1 и 3 ст. 115 УПК РФ). Участие прокурора при рассмотрении таких ходатайств обеспечивается во всех случаях.

Необходимо отметить, что не всегда ходатайства следователей о наложении ареста на имущество обоснованы и законны. В таких случаях суды отказывали в удовлетворении заявленного ходатайства. Причины принятия таких решений различны: отсутствие в представленных материалах достоверных сведений о том, что названное в ходатайстве имущество принадлежит подозреваемому, обвиняемому либо лицам, несущим по закону материальную ответственность за их действия (в частности, нет выписки из Единого государственного реестра недвижимости, подтверждающей регистрацию права конкретного лица на недвижимое имущество); невозможность обращения взыскания на имущество, указанное в ходатайстве, в соответствии со ст. 446 ГПК РФ (например, единственное жилье, или банковский счет, на который поступают социальные выплаты и т.д.).

В таких ситуациях в судебном заседании прокуроры возражают против удовлетворения заявленного ходатайства. Но при этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что в соответствии с действующим законодательством прокурор дает согласие на обращение в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество только дознавателю. Следователь же обращается в суд с таким ходатайством с согласия руководителя следственного органа. Положения межведомственного приказа Генеральной прокуратуры

Российской Федерации, МВД России, МЧС России, ФСБ России, СК России, ФСКН России, ФТС России, ФССП России, Росфинмониторинга от 29.03.2016 № 182/189/153/243/33/129/800/220/105 «О порядке взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения ущерба, причиненного государству преступлениями» указывают на необходимость уведомления следователем прокурора о направлении в суд ходатайства о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. Однако в правоприменительной практике встречаются случаи, когда прокурор не уведомляется о направлении такого ходатайства в суд и только непосредственно в судебном заседании знакомится с его содержанием. На наш взгляд, необоснованного направления в суд следователями ходатайств о наложении ареста на имущество можно было бы избежать в случае предоставления таких материалов прокурору для дачи согласия. Такая позиция обосновывается в том числе и тем, что прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельность органов предварительного следствия, и именно в рамках надзора ему должны быть предоставлены полномочия давать следователю согласие на возбуждение перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество, что позволит проверять законность и обоснованность заявления ходатайства.

Также суды отказывают в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущества в связи с тем, что по уголовному делу не заявлен гражданский иск. На наш взгляд такое основание не вполне обосновано, так как гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции (ч. 2 ст. 44 УПК РФ).

Применительно к вопросу возмещения ущерба отдельно стоит остановиться на вопросе соразмерности стоимости имущества, указанного в ходатайстве, имущественным взысканиям, для обеспечения которых налагается арест. Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, стоимость имущества не должна превышать максимального размера штрафа, установленного санкцией статьи Особенной части УК РФ, либо должна быть соразмерна причиненному преступлением ущербу [3]. Несоразмерность стоимости имущества, на которое накладывается арест, размеру причиненного ущерба также является причиной отказа судом в удовлетворении заявленного ходатайства.

Например, Майминским районным судом Республики Алтай от 17 августа 2017 года отказано в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на автомобиль, принадлежащий К., обвиняемому по ч. 2 ст. 292 УК РФ. Суд в постановлении указал, что стоимость автомобиля составляет 1 млн 706 тыс. руб., что существенно превышает размер возможного штрафа – от 100 до 500 тыс. руб. Кроме того, предусмотренное ст. 292 УК РФ деяние не относится к числу преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 1041 УК РФ, за совершение которых возможно применение конфискации имущества [3].

В некоторых случаях вопрос о соразмерности стоимости имущества и возможных санкций становится предметом рассмотрения вышестоящих судов.

В соответствии с апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Тыва от 14 августа 2018 года изменено постановление судьи

Кызылского районного суда от 12 июля 2018 года о наложении ареста на три автомобиля, принадлежащих К., подозреваемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 159 УК РФ, с причинением ущерба на сумму 900 тыс. руб. Судебная коллегия исключила указание на арест двух автомобилей с учетом того, что стоимость третьего автомобиля составляет свыше 2 млн руб., т.е. арест был наложен на имущество в размере, значительно превышающем размер причиненного преступлением имущественного вреда [3].

Тем не менее вопрос о соразмерности стоимости арестованного имущества и размера причиненного ущерба или максимального размера штрафа, установленного санкцией статьи Особенной части УК РФ, остается неоднозначным. Это связано с тем, что стоимости части имущества подозреваемого (обвиняемого), лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия может быть недостаточно для возмещения ущерба (в таком случае нарушаются права потерпевшего) или оплаты штрафа. В то же время Верховный Суд Российской Федерации указывает на «значительное превышение размера причиненного преступлением имущественного вреда», что является оценочным понятием указывая при этом на возможность наложения ареста на часть имущества. Представляется, что установление максимально возможной массы имущества, на которое может быть обращено взыскание частично будет способствовать решению данной проблемы.

Одним из главных способов защиты нарушенных в результате преступлений имущественных интересов как физических лиц, так и государства является разрешение гражданского иска о возмещении причиненного ущерба одновременно с разрешением уголовного дела.

Положения ч. 3 ст. 44 УПК РФ предоставляют прокурору право обратится в суд с иском в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий, а также несовершеннолетних, лиц, признанных недееспособными либо ограниченно дееспособными в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, лиц, которые по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы.

Прокуроры активно использую предоставленные законодательством полномочия по предъявлению гражданского иска.

Так, приговором Туапсинского районного суда от 18 мая 2018 удовлетворен гражданский иск, заявленный межрайонным прокурором в порядке, предусмотренном ст. 44 УПК РФ (уголовное дело по ч. 3 ст. 159 УК РФ), о взыскании с начальника организационного отдела администрации Новомихайловского городского поселения муниципального образования ущерба, причиненного хищением денежных средств в сумме 475 тыс. руб., выделенных в рамках муниципальной целевой программы, предназначенных для выплат руководителям территориальных общественных самоуправлений [4].

Применительно к координационной деятельности прокурора в вопросе возмещения ущерба, причиненного коррупционными преступлениями необходимо отметить следующее.

Координация прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупционной преступностью состоит в обеспечении согласованности действий соответствующих государственных структур, наделенных специальными полномочиями в сфере противодействия коррупционной

преступности. Координация направлена на более успешное осуществление мер по выявлению, раскрытию расследованию коррупционных преступлений, выработке рекомендаций по устранению обстоятельств, способствующих их совершению [5, с. 51].

В соответствии с законом Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов, с этой целью он созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует статистическую и другую необходимую информацию, осуществляет иные полномочия. Используя предоставленные законом полномочия, прокуроры проводят координационные совещания руководителей правоохранительных органов, межведомственные совещания, создают межведомственные рабочие группы, при необходимости совместные целевые мероприятия.

В ходе координационных совещаний обсуждаются состояние работы правоохранительных органов по противодействию коррупции; выполнение мероприятий, предусмотренных Национальным планом противодействия коррупции; ход и результаты расследования наиболее актуальных уголовных дел о преступлениях, обобщение практики расследования уголовных дел указанной категории и другие вопросы, направленные на совершенствование взаимодействия правоохранительных и других государственных органов, а также усиление борьбы с коррупцией.

Так, например, прокуратурой N-ского района на заседаниях межведомственной рабочей группы обращено внимание на отсутствие надлежащего взаимодействия следственных органов с подразделениями, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и Росфинмониторингом в целях установления имущества, добытого преступным путем, а также имущества, на которое может быть обращено взыскание с целью возмещения причиненного ущерба или обеспечения возможного наказания в виде штрафа, при этом указано на необходимость проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на установление такого имущества.

По результатам проведенных координационных и межведомственных совещаний прокурорами и руководителями правоохранительных органов утверждаются и реализуются антикоррупционные мероприятия, принимаются дополнительные координационные и надзорные меры, направленные на активизацию деятельности правоохранительной системы

Кроме того, координационная деятельность предусматривает издание совместных организационно-распорядительных актов.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию можно сделать вывод о том, что надлежащее взаимодействие органов предварительного расследования с государственными и иными компетентными органами при координирующей роли прокурора способно привести к возмещению ущерба, причиненного преступлением.

В рамках уголовного судопроизводства В самой же деятельности прокурора по возмещению ущерба, причиненного коррупционными преступлениями, можно выделить три направления:

– надзор за процессуальной деятельность органов предварительного расследования и дознания;

– предъявление и поддержание гражданского иска в рамках уголовного дела о возмещении материального ущерба, причиненного коррупционными преступлениями;

– координационная деятельность.

Список цитированных источников

1. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки газете «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. – URL: http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1514212/. – Дата доступа: 08.10.2019.

2. Интервью председателя Следственного комитета Российской Федерации А.С. Бастрыкина газете «Известия» [Электронный ресурс]. – URL: https://ceur.ru/news/zakony_sudy/ item358511/https://ceur.ru/news/zakony_sudy/item358511/. – Дата обращения 10.10.2019.

3. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.03.2019.

4. Приговор Туапсинского районного суда от 18.05.2018 №1-44/2018.

5. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией: пособие / рук. авт. кол. А. В. Кудашкин; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2011. – 136 с.

Аннотация. Статья посвящена проблемам возмещения ущерба, причиненного коррупционными преступлениями, а также роли прокурора в возмещении такого ущерба. Рассматриваются вопросы деятельности прокурора по возмещению ущерба в гражданском и уголовном судопроизводстве. Выделено три направления деятельности прокурора по возмещению ущерба в уголовном судопроизводстве: надзор за процессуальной деятельность органов предварительного расследования и дознания, предъявление и поддержание гражданских исков о возмещении ущерба, координационная деятельность. Проанализирована следственная и судебная практика наложения ареста на имущество с целью обеспечения возмещения ущерба, в том числе обращено внимание на причины отказа органам предварительного следствия и дознания в удовлетворении ходатайств о наложении ареста на имущество.

THE ROLE OF THE PROSECUTOR IN THE COMPENSATION OF DAMAGE CAUSED BY CORRUPTION CRIMES

Velikaya E.

Key words: corruption; corruption crimes; indemnification; the prosecutor; seizure of property.

Abstract. The article is devoted to the problems of compensation of damage caused by corruption crimes, as well as the role of the Prosecutor in compensation of such damage. Questions of activity of the Prosecutor on compensation of damage in civil and criminal proceedings are considered. Highlighted three main areas of activity of the Prosecutor for damages in criminal proceedings: supervision over procedural activities of preliminary investigation and inquiry, filing and maintaining civil suits about damage compensation,

coordination activities. The article analyzes the investigative and judicial practice of seizure of property in order to ensure compensation for damage, including attention to the reasons for the refusal of the preliminary investigation and inquiry bodies to satisfy the requests for seizure of property.

УДК 349.6 : 343.35

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УГРОЗА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Гашникова Т.В.

Ключевые слова: природопользование, разрешительная система в области охраны окружающей среды, нормирование в области охраны окружающей среды, экологическая безопасность, коррупция, коррупционные правонарушения

Введение

Распространение коррупционных правонарушений в отраслях экономики в определенных случаях способно приводить к возникновению угрозы национальной безопасности в экологической сфере.

Промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство, транспорт, энергетика являются важнейшими секторами экономики Республики Беларусь, вносящими вклад в обеспечение экономической безопасности государства. Вместе с тем, деятельность субъектов хозяйствования в данных секторах может быть сопряжена с неблагоприятным воздействием на природные экосистемы и здоровье людей.

Согласно п. 27 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 № 575, деградация земель, лесов и природных комплексов, истощение минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов; радиоактивное, химическое и биологическое загрязнение почв, земель, вод, недр, растительности и атмосферы рассматриваются как одни из основных потенциальных либо реально существующих угроз национальной безопасности. Поэтому опасными проявлениями коррупции в экономической сфере деятельности являются коррупционные правонарушения, затрагивающие экологическую сферу, приводящие к перечисленным негативным последствиям.

Основная часть

Государство, выступая собственником недр, вод, лесов, земель сельскохозяйственного назначения (ст. 13 Конституции Республики Беларусь), осуществляя контроль за рациональным использованием природных ресурсов в целях защиты и улучшения условий жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды (ст. 46 Конституции Республики Беларусь), создает организационные и правовые механизмы по управлению и распоряжению природными ресурсами, регулированию воздействия на них, для устойчивого природно-ресурсного обеспечения социально-экономического развития страны;

рационального использования природно-ресурсного потенциала, сохранения биологического и ландшафтного разнообразия, экологического равновесия природных систем, охраны жизни и здоровья граждан.

Речь идет, в первую очередь, о выстраивании системы предоставления права природопользования, способствующей достижению целей устойчивого развития, связанных с признанием триединства экономической, социальной и экологической составляющих, которые должны рассматриваться сбалансированно. Устойчивое развитие предполагает, что удовлетворение потребностей нынешнего поколения не лишает будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности [1].

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды) природопользование – это хозяйственная и иная деятельность, в процессе которой используются природные ресурсы и оказывается воздействие на окружающую среду. Исследовать возможные коррупционные составляющие в сфере природопользования предлагается применительно к регулированию предоставления права на добычу, изъятие природных ресурсов и к предоставлению права на загрязнение окружающей среды.

Природные ресурсы являются публичным благом, но они ограничены. Их добыча и изъятие из природной среды должны лимитироваться и контролироваться в интересах всего общества.

Поступление в окружающую среду побочных продуктов хозяйственной деятельности чревато пагубными последствиями для живых организмов, в том числе человека, что также требует разумного регулирования с целью ограничения.

В литературе обращается внимание на то, что ограниченность ресурсов неизбежно вызывает появление различных распределительных систем, создается избыточный спрос и возникает необходимость принимать решения по распределению ограниченных ресурсов. Те, кто нуждается в них, готовы платить взятки, чтобы получить доступ к предоставляемым государственным ресурсам. В дополнение к этому, может иметь место практика принятия решений «по усмотрению должностного лица» [2].

Действительно, законодательством предусматривается, что специальное природопользование осуществляется в разрешительном порядке. Его суть сводится к тому, что любая деятельность, связанная с использованием природных ресурсов или иным воздействием на окружающую среду, должна осуществляться на основе разрешений, выдаваемых в административном порядке, исходя из необходимости предупреждения причинения вреда окружающей среде и здоровью людей.

Так, в соответствии со ст. 16 Закона об охране окружающей среды осуществление природопользования в процессе экономической деятельности (специальное природопользование) разрешается юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям за плату, если иное не установлено законодательными актами, на основании решений государственных органов, в компетенцию которых входит принятие таких решений, договора аренды, комплексного природоохранного разрешения в случаях, установленных актами Президента Республики Беларусь, и на иных основаниях, предусмотренных законодательством.

Как видим, одним из оснований осуществления права специального природопользования является соответствующий разрешительный документ.

Для субъектов хозяйствования в разрешительных документах устанавливаются нормативы допустимого воздействия на окружающую среду. Статьей 21 Закона об охране окружающей среды выделяются следующие их виды:

нормативы допустимых выбросов и сбросов химических и иных веществ;

нормативы образования отходов производства;

нормативы допустимых физических воздействий (количество тепла, уровни шума, вибрации, ионизирующего излучения, напряженности электромагнитных полей и иных физических воздействий);

нормативы допустимого изъятия природных ресурсов;

нормативы допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду;

нормативы иного допустимого воздействия на окружающую среду при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, устанавливаемые законодательством.

К разрешительным документам, в которых устанавливаются перечисленные нормативы, относятся, в частности, разрешение на специальное водопользование, разрешение на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, комплексное природоохранное разрешение, разрешение на хранение и захоронение отходов производства, разрешение на высвобождение непатогенных генно-инженерных организмов в окружающую среду для проведения испытаний, а также иные.

Выдаются перечисленные разрешительные документы в административном порядке в соответствии с единым перечнем административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2012 г. № 156.

Выдача разрешения на выбросы вредных веществ в атмосферный воздух стационарными источниками; выдача разрешения на сбросы вредных веществ в водные объекты; согласование планов мероприятий по снижению выбросов, сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду для достижения нормативов предельно допустимых выбросов и нормативов допустимых сбросов; согласование планов мероприятий по уменьшению выбросов вредных веществ в атмосферу – сфера оказания государственных услуг органами государственной власти, осуществляющими управление в экологической сфере, где наиболее высоки коррупционные риски, что актуализирует необходимость совершенствования правовых и организационных средств противодействия коррупции в органах государственной власти, осуществляющих управление в сфере экологии [3].

Установление нормативов допустимого воздействия на окружающую среду направлено как на реализацию правомочий государства как собственника, так и на реализацию экологических прав граждан, вытекающих из конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду, которые охраняются уголовным законом. Особо существенно то, что установление нормативов допустимых выбросов и сбросов направлено на недопущение радиационного, химического, бактериологического или другого опасного для жизни и здоровья

людей и живой природы загрязнения окружающей среды. Они же (нормативы) являются критериями, исходя из которых загрязнение может быть квалифицировано как опасное.

К примеру, ст. 274 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусматривается уголовная ответственность за загрязнение атмосферного воздуха посредством поступления загрязняющих веществ в атмосферный воздух от источников выбросов с превышением установленных нормативов допустимых выбросов и (или) временных нормативов допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух (загрязнение атмосферного воздуха), совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение; загрязнение атмосферного воздуха, повлекшее умышленное или по неосторожности причинение ущерба в крупном размере; загрязнение атмосферного воздуха, повлекшее по неосторожности смерть человека либо заболевания людей.

Вместе с тем, одной из причин выбросов вредных веществ, сверх допустимых экологических нормативов, являются коррупционные преступления должностных лиц, которые позволяют осуществление природопользования без разрешительных документов, а также злоупотребляют должностными полномочиями в пользу различных коммерческих структур, скрывают выявленные в ходе проверок нарушения [4].

Кроме того, причинами несоблюдения требований экологических нормативов, могут являться правонарушения, создающие условия для коррупции, перечисленные в ст. 25 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», среди которых, в том числе:

оказание государственным должностным лицом при подготовке и принятии решений неправомерного предпочтения интересам физических или юридических лиц либо предоставление им необоснованных льгот и привилегий или оказание содействия в их предоставлении;

отказ государственного должностного или приравненного к нему лица в предоставлении информации физическим или юридическим лицам, предоставление которой этим лицам предусмотрено актами законодательства, умышленное несвоевременное ее предоставление или предоставление неполной либо недостоверной информации.

Пагубными последствиями подобных коррупционных действий и правонарушений, создающих условия для коррупции, являются причинение вреда окружающей среде и здоровью людей, непоступление в государственный бюджет средств в счет возмещения причиненного экологического вреда, невозмещение вреда, причиненного жизни и здоровью граждан, невосстановление нарушенного состояния окружающей среды и накопление экологического вреда.

К числу одной из наиболее коррупционно опасных отраслей относят сферу лесного хозяйства.

Масштаб и размах коррупции отличает лесное хозяйство от других секторов. Случаи коррупции, связанной с лесом, регистрируются в самых разных странах, от Камеруна до Канады. Коррупция принимает разнообразные формы – от мелких взяток и вымогательств со стороны чиновников лесного хозяйства и платежей администрации более высокого уровня за концессии на вырубку леса

до разрушения институтов контроля за пределами сектора и по всей экономике [5, с. 132].

Среди природных богатств Беларуси леса занимают приоритетное место, поэтому реализация принципов устойчивого лесоуправления, направленная, в частности, на предотвращение нелегальных лесозаготовок, весьма важна.

Среди возможных механизмов коррупционной деятельности в сфере лесного хозяйства, которые не могут быть реализованы без участия уполномоченных должностных лиц, выделяются, в частности, такие как: нанесение умышленного вреда лесу с целью проведения последующих легальных санитарных рубок; искажение стоимости, умышленное нарушение классификации пород деревьев, предназначенных для продажи; получение права на использование леса с помощью взяток; превышение установленного объема лесозаготовок с последующим декларированием меньших объемов и занижением стоимости [6, с. 35].

Таким образом, результатами коррупции и коррупционного лоббизма в сфере природопользования может явиться принятие управленческого решения, не соответствующего требованиям экологического законодательства, реализация которого может повлечь существенное ухудшение состояния окружающей среды и возникновение современных глобальных экологических вызовов человечеству [7, с. 83].

Конкретными последствиями коррупционных правонарушений в сфере природопользования могут быть следующие:

– незаконная добыча ресурсов;

– вырубка лесов, осушение водоемов для дальнейшего построения на их месте частных предприятий;

– превышение предельно допустимых уровней шума;

– сокращение зеленых зон городов;

– загрязнение атмосферы, водоемов, почвы;

– охота на представителей редких видов животных или на охраняемой территории;

– выброс в окружающую среду вредных или опасных веществ;

– иные всевозможные виды загрязнения окружающей среды [8, с. 114].

Коррупционные правонарушения в сфере природопользования, по сравнению с коррупционными правонарушениями в иных сферах, влекут причинение экологического вреда, наравне с иными видами вреда. Незаконное приобретение личного состояния в ущерб экологическому благополучию населения и в целом экологической безопасности страны, на наш взгляд, усугубляет тяжесть подобных деяний, предопределяет стратегическую важность борьбы с коррупцией в сфере природопользования.

Для формирования системы эффективного противодействия рассматриваемым коррупционным действиям необходимо определить факторы, их предопределяющие. Одним из них, способствующим коррупционным проявлениям, сопряженным с негативными экологическими последствиями, может считаться несовершенство отраслевого законодательства, нормы которого, помимо прочего, допускают возможность действий по усмотрению должностного лица. Исследователи отмечают, что именно пороки экологического законодательства могут питать коррупцию [9]. В связи с этим целесообразен анализ нормативных правовых актов, регламентирующих

отношения в сфере природопользования, с учетом практики их применения, на предмет выявления коррупционных рисков, что соответствует п. 3 ст. 5 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, предусматривающему, что каждое Государство-участник стремится периодически проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней.

Заключение

Коррупционные правонарушения в сфере природопользования связаны с преступлениями против экологической безопасности и природной среды и представляют угрозу экологической безопасности государства. Борьбу с коррупцией в сфере природопользования следует признать одним из стратегически важных направлений борьбы с коррупцией.

Оценивая коррупционные риски в сфере природопользования, особое внимание необходимо обратить на существующую разрешительную систему в области охраны окружающей среды, так как область выдачи лицензий и иных разрешительных документов традиционно рассматривается как подверженная коррупции.

Коррупционные правонарушения, имеющие место в связи с выдачей разрешительных документов, предоставляющих право на изъятие, добычу, загрязнение природных ресурсов, осуществлением государственного контроля в области охраны окружающей среды, должны являться предметом пристального надзора, своевременно выявляться и пресекаться ввиду их потенциальной опасности как экономического, так и экологического характера.

Актуальна ревизия норм законодательства об охране окружающей среды и рационального использования природных ресурсов с позиции выявления и исключения норм, содержащих коррупционные риски.

Список цитированных источников

1. Наше общее будущее [Электронный ресурс]: Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды развития // Организация Объединенный Наций. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf. – Дата доступа : 27.03.2017.

2. Как бороться с коррупцией. – Вена : ОБСЕ, 2003. – 228 с.

3. Фоломеева, Т. В. Природоресурсная и природоохранная сферы государственного управления – зоны повышенного коррупционного риска / Т. В. Фоломеева, Д. Д. Ларионова // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2015. – № 4 (6). – С. 303-305.

4. Матаева, М. Х. Анализ эффективности борьбы с экологическими преступлениями в Казахстане / М. Х. Матаева, Н. К. Мукашева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 3. – С. 193-199.

5. Многоликая коррупция: Выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления / под. ред. Эдгардо Кампоса и Санджая Прадхана; пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 551 с.

6. Маслюков, Д. А. Коррупция в сельском и лесном хозяйстве Республики Беларусь как угроза экономической безопасности государства / Д. А. Маслюков, Т. И. Шукайло, В. Г. Гончаров // Земля Беларуси. – 2012. – № 4. – С. 33-37.

7. Матвеенко, А. С. Коррупция в сфере энергетики и природопользования / А. С. Матвеенко, Е. В. Воскресенская // Актуальные проблемы науки и практики. 2017. – № 4 (009). – С. 81-85.

8. Княжиченко, К. Ю. Коррупция в экологии / К.Ю. Княжиченко // Ростовский научный журнал. – 2018. – № 1. С. – 113-119.
9. Навасардова, Э. С. О пороках экологического законодательства, питающих коррупцию / Э. С. Навасардова, К. В. Колесникова // Всероссийский криминологический журнал. 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 185-193.

Аннотация. В статье рассматривается сфера экономической деятельности, сопряженная с природопользованием, с позиции подверженности коррупционным правонарушениям. Указывается на разрешительный характер права специального природопользования ввиду ограниченности природных ресурсов и опасности неконтролируемого поступления в окружающую среду вредных веществ в результате хозяйственной деятельности. Подчеркивается, что коррупционные правонарушения в связи с выдачей разрешений на природопользование, а также связанные с осуществлением контроля в области охраны окружающей среды причиняют как экономический, так и экологический вред, представляют угрозу экологической безопасности государства. Поскольку одним из факторов, способствующим коррупционным проявлениям, является несовершенство экологического законодательства, целесообразен его периодический анализ на предмет выявления коррупционных рисков. Борьба с коррупцией в сфере природопользования признается стратегически важным направлением деятельности.

CORRUPTION OFFENSES IN THE DOMAIN OF ECONOMIC ACTIVITY AS A THREAT TO THE ENVIRONMENTAL SAFETY

Gashnikova T.V.

Keywords: use of natural resources, licencing system in the field of protection of environment, normalization in the field of protection of environment, environmental safety, corruption, corruption offenses.

Abstract. In the article economic activity connected with the use of natural resources and impact on environment from the position of susceptibility to corruption offenses is considered. It indicates the permissive nature of the right of the use of natural resources and impact on environment due to the limited natural resources and the danger of uncontrolled release of harmful substances into the environment as a result of economic activities. It is emphasized that corruption offenses in connection with the issuance of permits for the use of natural resources and impact on environment, as well as those associated with the implementation of environmental control, cause both economic and environmental harm and pose a threat to the environmental safety of the state. Since one of the factors contributing to corruption is the imperfection of the environmental legislation, it is advisable to periodically analyze it in order to identify corruption risks. The fight against corruption in the field of the use of natural resources and impact on environment is recognized as a strategically important activity.

УДК 351.822+328.185

ЭФФЕКТИВНАЯ СИСТЕМА ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Диканова Т.А.

Ключевые слова: коррупция, экономическая преступность, реформа, контрольно-надзорная деятельность, система органов.

Введение

Коррупция всегда была связана с экономической преступностью. В обществе, основанном на рыночных отношениях, крупномасштабная коррупция невозможна без экономической преступности – ее питательной среды. Связь коррупции с организованной и экономической преступностью, включая отмывание денежных средств, отмечена в Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Нью-Йорк, 2003).

Масштабы коррупции в России оцениваются по-разному. Антикоррупционный совет Российской Федерации общую сумму взяток в 2017 г. оценил в 6,7 млрд. руб. [1]. Генеральная прокуратура Российской Федерации считает, что в 2018 г. средний размер взятки – 609 тыс. руб., а общая сумма взяток — 1,8 млрд. руб. [2]. Следственный комитет России оценил общую сумму ниже – более 800 млн. руб. [3]. Такие суммы взяток свидетельствуют об их связи с предпринимательской деятельностью, законной и незаконной.

Основная часть

В настоящее время коррупционеры наряду со взяточничеством предпочитают сами заниматься, минуя все установленные запреты, предпринимательской деятельностью, нередко нарушающей законодательство, регламентирующее сферу экономики; мошенническими операциями с бюджетными средствами, рейдерскими захватами, доведением прибыльных предприятий для банкротства с целью их захвата. Практика показывает, что имущество и доходы от этой деятельности коррупционеры, как это и отмечено в Конвенции ООН против коррупции, предпочитают прятать за рубежом.

Счетная палата России по материалам проверок в 2015 г. отметила неэффективность борьбы с нелегальным выводом капиталов. Так, по делам о валютных правонарушениях в российский бюджет от суммы наложенных на нарушителей штрафов поступило 0,0005 %. Бесперспективный долг достиг 99,9 %. Привлекать к ответственности становится некого: все чаше выявляются нарушения с истекшим сроком давности привлечения: в 2013 г. таких случаев было 7,4 %, в 2015 г. – уже треть. Сокращается число проверок исполнения валютного законодательства контролирующими органами. Осуждаются за незаконный вывод капитала ежегодно лишь единицы [4].

Совершенно очевидно, что для эффективной борьбы с коррупцией и экономической преступностью необходим эффективный контроль, прежде всего, в финансовой сфере. Это – вопрос национальной безопасности.

В России уже несколько лет проводится реформа контрольно-надзорной деятельности. В 2014 г. Министерством экономического развития Российской Федерации была разработана концепция реформы. Утвержден план мероприятий («дорожная карта») по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации [5], определен Перечень видов государственного контроля (надзора), в отношении которых будут реализованы мероприятия приоритетной программы «Реформа контрольно-надзорной деятельности» (утвержден протоколом заседания проектного комитета от 24.04.2018 № 3) и т.д. На основе концепции подготовлен законопроект «О государственном и муниципальном контроле (надзоре)». В скором времени ожидается принятие закона.

Девиз законопроекта – меньше наказывать и больше помогать, развернуть контролирующие органы лицом к бизнесу с помощью специальной оценки

негативных экономических последствий от контрольной деятельности. Это, по мнению Министерства, должно застраховать систему от излишнего рвения контрольных органов, которое может нанести бизнесу непропорциональный ущерб. В законопроекте впервые предполагается учитывать экономический эффект от деятельности компании при оценке целесообразности контроля. Основа концепции – риск-ориентированный контроль. Сам контроль должен быть нацелен на уменьшение риска. Алгоритмы проверок будут унифицированы. Все виды государственного контроля и надзора законопроект сведет в единый перечень с четким разграничением между федеральным, региональным и муниципальным уровнем. Целью проверок должна стать минимизация негативных общественно-опасных последствий. Соответственно изменяется система оценки эффективности работы контролеров. От «репрессивных» мер контроль должен перейти к профилактическим. Прежде, чем привлечь к административной ответственности, контролирующий орган должен принять профилактические меры – направить предостережение. Даже, если выявлены признаки административного правонарушения, производство по делу не начинается. Принято Постановление Правительства РФ от 10.02.2017 № 166, которым утверждены Правила составления и направления предостережения, подачи предпринимателями возражений на предостережение и их рассмотрения, уведомления об исполнении предостережения. В связи с изложенным осуществляется реформа Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В юридической литературе в целом поддерживаются идеи концепции [6, 7, 8]. Например, нельзя не согласиться с ее выводами о том, что выявляемые контролирующими органами нарушения, как правило, незначительные; контроль забюрократизирован. Риск-ориентированный контроль – также, безусловно, верный подход к контролю, принципы которого в общем-то применялись всегда. Конечно, устранение искусственных барьеров для бизнеса сократит возможности коррупционеров.

Однако некоторые идеи концепции поддержать сложно. Как считает заместитель директора Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторгинг) П. Ливадный: «развитие и контроль бизнеса – в корне разные вещи… Контроль может только указать на проблему... Но тут вопрос, насколько государство в лице не регулирующих, а контролирующих органов, может вмешиваться в определение стратегии и тактики бизнеса?». Он также указал на то, что при предлагаемом подходе контролирующие органы будут все меньше заинтересованы непосредственно в контроле, возникнет конфликт интересов. Представляется также, что «помощь» бизнесу может обернуться коррупционными правонарушениями. На наш взгляд, реформа контроля требует учета мнения, прежде всего контролирующих и правоохранительных органов. Например, в Германии практикуется привлекать к решению проблем контроля и борьбы с преступностью тех, кто много лет проработал в соответствующих органах, ушел на пенсию, и является, по сути дела, независимым экспертом по этим проблемам. Кроме того, следует учитывать, что есть бизнес, который поддерживает максимальную либерализацию контроля, а есть – те, кто ратует за усиление контроля. Позиция о необходимости усиления контроля постоянно озвучивается представителями бизнеса, ориентированного на производство, а ведь именно производство – основа экономики. Например, на ежегодных

международных форумах Антиконтрафакт, организаторами которых являются Министерство промышленности и торговли Российской Федерации и Международная ассоциация «Антиконтрафакт» производители продукции высказывают крайнюю озабоченность отсутствием должного государственного контроля; коррупционными связями фальсификаторов продукции, невозможностью правопослушному бизнесу конкурировать с нарушителями. Производители вынуждены самостоятельно бороться с нарушителями, разрабатывать методы выявления фальсификаций. Не следует, по-видимому, преувеличивать и значимость риск-ориентированного контроля. Например, в таможенных органах давно применяется этот контроль, однако подавляющее большинство нарушений выявляется не им, а оперативно-розыскной деятельностью.

В НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации в 2019 г. завершается подготовка монографии «Правовые основы и опыт сотрудничества России с иностранными государствами в сфере розыска, наложения ареста, конфискации, возврата имущества и денежных средств, полученных незаконным путем, а также доходов от такого имуществ». В ходе этой работы была проанализирована российская система финансового контроля. К сожалению, следует констатировать, что до настоящего времени не создана единая упорядоченная система органов финансового контроля, не определены механизмы взаимодействия между ее субъектами, имеются недоработки в определении компетенции органов этого контроля. Например, участники бюджетного процесса до настоящего времени не только не освоили как исправно, целевым образом расходовать бюджетные средства, но и не научились эффективно контролировать этот процесс, из-за чего отечественная экономика продолжает нести значительные финансовые убытки. Так, общая сумма по нарушениям и недостаткам при поступлении и использовании средств бюджетной системы, выявленных Счетной палатой Российской Федерации в 2018 г., составила 1,8 трлн. руб. [9].

В этой связи обоснованность ликвидации в 2016 г. Росфиннадзора вызывает вопросы. Росфиннадзор, в частности, контролировал исполнение бюджета, а бюджетные нарушения самым тесным образом связаны с коррупцией. Официальная причина ликвидации – формирование компактной системы служб финансового контроля, устранение дублирующих механизмов.

Функции ликвидированного Росфиннадзора переданы структурам Министерства финансов: Казначейству – внешний контроль деятельности аудиторских организаций, надзор и контроль финансовых потоков в бюджетной сфере; налоговой и переведённой в ведение Министерства финансов таможенной службам – контроль валютных поступлений. К правопреемникам переходят и обязательства по рассмотрению связанных с исполнением судебных решений дел. Упразднению Росфиннадзора предшествовал этап сокращения его правомочий. В 2015 г. Службу лишили прав возбуждения административных дел о бюджетных нарушениях, допущенных должностными лицами, что, на наш взгляд, является существенным ослаблением борьбы с коррупционными правонарушениями.

Противники ликвидации Росфиннадзора считают: задачи Казначейства и Росфиннадзора близкие, но зоны ответственности – разные. Казначейство и Счетная палата осуществляли надзор за исполнением бюджетного

законодательства, а главным направлением Росфиннадзора был контроль валютных транзакций. Хотя Службу критиковали и Счетная палата РФ, и Совет Федерации, в частности за слабый контроль аудиторов, однако при этом отмечалось, что Росфиннадзор не был наделен соответствующими полномочиями. Службе «постоянно отказывали» в компетенции, которая ранее была предоставлена ВЭК – Федеральной службе валютного и экспортного контроля (впоследствии ликвидированной). Хотя Росфиннадзор никогда не был «непроходимым барьером» для вывода миллиардов долларов из России, однако Служба отслеживала и фиксировала этот вывод и осуществивших его лиц. При реформировании часть профессионалов из Росфиннадзора потеряна, численность контролеров значительно уменьшится [10], что повлияет на качестве контроля. Ликвидация Росфиннадзора может отрицательно сказаться и на выполнении Минфином функций, связанных с развитием российской экономики.

Вместе с тем, политика в сфере организации контроля в России неоднозначная. Особенно под влиянием рекомендаций ФАТФ, которые, как известно, являются обязательными для исполнения, принимаются меры, направленные и на усиление контроля. Так, был принят Федеральный закон от 28 июня 2013 года № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциях» (далее – Закон № 1354-ФЗ). Закон существенно расширил возможности налоговых органов, страхового надзора. Например, внесены изменения в Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Законодательной новеллой стало следующее положение: «сведения о наличии счетов, вкладов (депозитов) и (или) об остатках денежных средств на счетах, вкладах (депозитах), по операциям на счетах, по вкладам (депозитам) организаций, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, физических лиц предоставляются кредитной организацией налоговым органам в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах». Закон № 134-ФЗ сыграл важную роль в укреплении международного сотрудничества по рассматриваемому направлению, установив, что сведения об операциях указанных в законодательстве банков и об операциях клиентов и корреспондентов банков, за исключением сведений, составляющих государственную тайну, предоставляются головным кредитным организациям банковских групп, головным организациям (управляющим компаниям) банковских холдингов, расположенным на территориях иностранных государств, при соблюдении определенных условий. Такие обязательства делаются на взаимной основе, и российская сторона вправе ожидать, что аналогичное положение имеется и в законодательстве других стран, обязанных исполнять рекомендации ФАТФ.

Впоследствии также принимались меры, направленные на выполнение рекомендаций ФАТФ, в т.ч. вносились изменения в банковское, налоговое, таможенное, страховое законодательство. В России в преддверии проверки ФАТФ были приняты сразу два федеральных закона от 18.03.2019 – № 32-ФЗ и №33-ФЗ, внесшие изменения в Федеральный закон от 07.08. 2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» (далее – Закон № 115-ФЗ).

Были установлены, в частности, требования к разработке целевых правил внутреннего банковского контроля, предусмотрена возможность обеспечения обмена и использования информации, полученной при проведении идентификации. В этой связи разработан проект Положения Банка России о требованиях к этим правилам. Установлены также дополнительные требования к лицам, осуществляющим операции с денежными средствами, адвокатам, нотариусам и лицам, занимающихся предпринимательской деятельностью в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг.

Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы» предусматривает целый раздел «Совершенствование порядка осуществления контроля за расходами и механизма обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. Обеспечение полноты и прозрачности представляемых сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» (раздел IV). В числе предусмотренных мер: подготовка предложений по совершенствованию порядка представления информации кредитными организациями в органы государственной власти субъектов Российской Федерации по их запросам при осуществлении ими проверок достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в отношении соответствующих категорий лиц (п. «е»).

В условиях сокращения штата контролирующих органов, все более важное значение приобретает прокурорский надзор. Так, в связи с принятием вышеуказанного Национального плана издан Приказ Генеральной прокуратуры России от 08.08.2018 № 485 «Об организации исполнения Национального плана противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы» (вместе с «Комплексным планом мероприятий по противодействию коррупции на 2018 – 2021 годы»).

В частности, Генеральная прокуратура Российской Федерации эффективно использует инструмент правоохранительного (полицейского) содействия, в том числе вне уголовно-правовой сферы. Так, например, необходимость в истребовании информации о вкладах государственных служащих, их счетах в иностранных банках, акциях в зарубежных компаниях и недвижимом имуществе, расположенном на территориях иностранных государств, возникает на этапе, предшествующем стадии уголовного преследования, когда возбуждение уголовного дела невозможно без получения указанных сведений, либо в рамках проверки прокурором исполнения законов. На основании Конвенции ООН против коррупции практикуется направление в компетентные органы иностранных государств запросов об оказании правоохранительного содействия вне уголовно-правовой сферы – в рамках проверок, связанных, к примеру, с соблюдением отдельными категориями лиц требований законодательства о противодействии коррупции. В случае, когда это целесообразно и не противоречит их внутренней правовой системе, государства-участники в соответствии со ст. 43 Конвенции ООН против коррупции рассматривают возможность оказания содействия в расследовании и производстве по гражданско-правовым и административным вопросам, связанным с коррупцией. Возможность такого взаимодействия между правоохранительными органами до возбуждения уголовного дела (с целью

заблаговременного выявления преступления) предусмотрена и положением подп. «f» п. 1 ст. 48 Конвенции [11, 12].

Заключение

Подытоживая вышеизложенное, считаем необходимым помимо уже принятой концепции реформы контрольно-надзорной деятельности разработать отдельную концепцию финансового контроля и на ее основе принять закон об этом контроле, в котором четко прописать все органы, участвующие в осуществлении контроля, их компетенцию, требования к аналитической работе, порядок проведения проверок, механизм взаимодействия. В России неоднократно приступали к созданию такой концепции, но работа каждый раз приостанавливалась. Учитывая роль прокуратуры в предупреждении коррупции и обеспечении законности в сфере предпринимательства, он органов прокуратуры требуется осуществлять постоянный мониторинг применения новелл о контрольно-надзорной деятельности в целью принятия мер к своевременной (в случае необходимости) корректировки.

Список цитированных источников

1. РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rbc.ru›society/05/03/2018/… – Датадоступа: 04.07.2019.

2. РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rbc.ru›society/18/12/2018/. – датадоступа: 03.07.2019.

3. «РИА Новости» — информационное агентство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ria.ru›20190607/1555371664.html. – Дата доступа: 03.07.2019.

4. Счётная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ach.gov.ru›activities…report/report…work…2015.php. – Дата доступа: 03.09.2019.

5. Правительство Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/vu4xfkO2AdpTk1NaJN9gjDNtc69wa5fq.pdf. – Дата доступа:18.04.2018.

6. Янкевич, С. В. Счетная палата Российской Федерации и законодательная реформа внешнего государственного финансового контроля С. В. Янкевич // Финансовое право. – 2014. – № 9. – С. 43–48.

7. Перов, С. В. Контрольно-надзорные и регуляторные функции федеральных органов исполнительной власти: проблемы разграничения в контексте административной реформы // Lex russica. – 2019. № 2. – С. 69–80.

8. Комягин, Д. Л. Государственная казна как национальное достояние: понятие, учет и контроль (правовой аспект) // Реформы и право. 2016. № 1. – С. 20–26.

9. Экономика и Жизнь - консультационно-аналитический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eg-online.ru/article/372820/. – Датадоступа: 23.07.2019.

10. Форум Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://forum-ukraina.net/threads/zachem-putin-likvidiroval-rosfinnadzor.17085/. – Дата доступа: 22.08.2019.

11. Русецкий, А. Е. О возврате из-за рубежа активов, полученных преступным путем / А. Е. Русецкий, С. В. Плохов // Прокурор. – 2016, № 3. – С. 52-56.

12. Русецкий, А. Е. Если расходы больше доходов / А. Е. Русецкий // Прокурор. – 2016. – № 2. – С. 60–63.

Аннотация. Статья посвящена вопросам создания системы финансового контроля, в т. ч. органов этого контроля, позволяющей обеспечить предупреждение коррупционных и экономических преступлений. Рассматриваются основные идеи, заложенные в осуществляемую в России реформу контрольно-надзорной деятельности, возможные

положительные и отрицательные ее последствия, дана авторская оценка современного состояния системы этого контроля.

AN EFFECTIVE SYSTEM OF FINANCIAL CONTROL IS A NECESSARY CONDITION FOR A SUCCESSFUL FIGHT AGAINST CORRUPTION

Dikanova T.A.

Key words: corruption, economic crime, reform, control and Supervisory activity, system of bodies.

Abstract. The article is devoted to the creation of a system of financial control, including the bodies of this control, which allows to ensure the prevention of corruption and economic crimes. The article considers the main ideas inherent in the reform of control and supervision activities carried out in Russia, its possible positive and negative consequences, the author's assessment of the current state of the control system is given.

УДК 343.977+328.185

ХАРАКТЕРИСТИКА КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ СОСТОЯНИЯ ПРО- / КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Дмитренок Д.И.

Ключевые слова: научно-образовательная среда, конституционные принципы, права и свободы человека и гражданина, скрытая коррупция, метод ситуационного моделирования, криминологические модели, состояние про- / коррупционного поведения.

Введение

Приоритетная цель демократического развития современного белорусского государства лежит в плоскости обеспечения актуализации и реализации общечеловеческих и гражданских прав и свобод и, соответственно, модернизации и развития правовой системы, которой чужды криминогенные риски.

Правовое регулирование общественных отношений, возникающих по поводу надлежащей объективации в государстве базовых демократических ценностей и наделения ими личности человека и гражданина, нуждается в комплексном криминологическом исследовании. Подобная деятельность требует тщательного выявления, предупреждения возникновения и устранения условий и факторов, несущих дифференцированные угрозы для личности, общества и государства [1].

Особую опасность представляют условия и факторы коррупциогенного характера, способные запустить процесс деструктуризации в одной из системообразующих сфер государственного строительства – научно-образовательной среде. Криминологическая симптоматика течения данного процесса может быть:

- связана с появлением случаев несоблюдения определенных конституционных принципов [2]:
  - равенство всех перед законом (ст. 22);

- отрицание использования преимуществ и привилегий, противоречащих закону (ч. 2 ст. 23);
- обеспечение свободы, неприкосновенности и достоинства личности (ограничение личной свободы возможно в установленных законом случаях и порядке) (ч. 1 ст. 25);
- гендерное равенство в труде и продвижении по службе (работе) (ч. 5 ст. 32);
- запрет цензуры (ч. 3 ст. 33);
- обеспечение лицам, работающим по найму, справедливой доли вознаграждения в экономических результатах труда в соответствии с его количеством, качеством и общественным значением, но не ниже уровня, обеспечивающего им и их семьям свободное и достойное существование (ч. 1 ст. 42);

➢ а также сопряжена с распространением случаев нарушения следующих конституционных прав и свобод [2]:

- право на достойный уровень жизни (в широком значении) (ч. 2 ст. 21);
- право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов (ст. 22);
- право на защиту от посягательства на честь и достоинство (ст. 28);
- право молодежи на нравственное развитие (ч. 6 ст. 32);
- свобода участия молодежи в социальном и экономическом развитии (ч. 7 ст. 32);
- свобода выражения мнений и убеждений (свобода слова) (ч. 1 ст. 33);
- право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической жизни, в т.ч. информации, затрагивающей права и законные интересы (ч.ч. 1 и 2 ст. 34);
- право на непосредственное участие в решении государственных дел (ч.ч. 1 и 2 ст. 37);
- право на доступ к профессиональной деятельности, в т.ч. право равного доступа к любым должностям в государственных органах в соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой (ст. 39);
- право на направление личных или коллективных обращений в государственные органы, иные организации (ст. 40);
- право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, т.е. право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда (ч. 1 ст. 41);
- право на защиту своих экономических и социальных интересов (ч. 3 ст. 41);
- право на равное вознаграждение за труд равной ценности (ч. 2 ст. 42);
- право на отдых, в т.ч. через установление для работающих по найму рабочей недели, не превышающей 40 часов, и предоставление ежегодных оплачиваемых отпусков (ст. 43);
- право собственности, включая ее неприкосновенность и неотчуждаемость (исключение – лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом) (ч.ч. 1 и 4 ст. 44);
- право на охрану здоровья (включая психологическое), в т.ч. через совершенствование охраны труда (ст. 45);

- право на социальное обеспечение, прежде всего, в старости, и в других случаях, предусмотренных законом (ст. 47);
- право на образование, включая его доступность (ст. 49) и качество;
- свобода художественного, научного, технического творчества и преподавания, в т.ч. через охрану государством интеллектуальной собственности (ч.ч. 2 и 3 ст. 51);
- право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в т.ч. право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами (ст. 62).

В основе генерирования скрытой коррупции в научно-образовательной среде обнаруживаются различные управленческие подходы с единой деструктивной ориентацией на отчуждение базовых демократических ценностей.

Скрытая коррупция изначально находится в оппозиции к справедливости как правовому понятию, стабильности как социальной константе и росту как экономической величине. Среди основных причин подобного противостояния некоторые исследователи видят следующие: коррупция наращивает политическую напряженность, лежит в плоскости дезинтеграции социума и ослабляет мотивацию в трудовых (служебных) отношениях [3, с. 161–162].

Социальная конструкция коррупции подталкивает к развитию в научно-образовательной среде разнообразных форм девиантного поведения, эффективное изучение которых с криминологической точки зрения возможно через ситуационное моделирование. Моделирование в общем «предполагает создание упрощенного образа изучаемого явления или процесса на основе отражения их существенных сторон (свойств). Достоинство этого метода, прежде всего, в том, что он… концентрирует внимание исследователя на наиболее важных… характеристиках и тем самым позволяет глубже проникнуть в суть предмета изучения и познать его наиболее существенные стороны» [4, с. 18]. В свою очередь ситуационное моделирование представляет собой разновидность моделирования, использующего небольшое количество факторов и условий деятельности исследуемого субъекта (субъектов) в какой-либо среде, достаточных для полноценного воспроизведения определенной ситуации.

К сожалению, в современной криминологии ситуационное моделирование как действенный метод глубокого онтологического исследования реалий социума Беларуси, обеспечивающий выявление коррупциогенной проблематики и обнаруживающий пути нейтрализации последней, применяется редко (в отличие от прогнозного метода социально-правового моделирования последствий). Вместе с тем указанный метод с учетом отраслевых научных интерпретаций весьма успешно используется в криминалистике (например, А. В. Дулов [5, с. 57], Г. А. Зорин [6, с. 42], Г. А. Шумак [7], А. Е. Гучок [8, с. 132]), социологии (например, И. А. Бутенко [9, с. 34–35], И. М. Савельева, А. В. Полетаев [10, с. 38–39]) и социальной психологии, включая девиантологию и конфликтологию (например, Д. Смелзер [11, с. 33, 217–218, 226–227, 241], А. А. Братко [12], А. В. Дмитриев [13, с. 114–115]).

Основная часть

Объективное измерение коррупции состоит в наличии хорошо скрытой организованной структуры со спорадическими организационными ошибками,

иногда всплывающими в виде отдельных дисциплинарных, административных и уголовных дел. Ее про- / коррупционная семантика воплощена в создании специфических условий и факторов, в целом автономных от реальной правовой системы, но при этом локально интегрированных в нее. Такой механизм представляется защитным для самой организованной структуры, в то время как частное использование более наступательных практик приводит к ее потенциальной уязвимости в отдельно взятых случаях.

Ведущим признаком про- / коррупционного поведения должностных лиц научных организаций и учреждений образования видится избыточность псевдоуправленческой сверхтребовательной методологии как следствие властно-потребительской идеологии локальных бюрократических сообществ [14].

В результате формируются условные коррупциогенные ситуации, связанные с несоблюдением основополагающих конституционных принципов, а также нарушением прав и свобод человека и гражданина либо покушением на них.

Обобщение наиболее встречаемых признаков про- / коррупционного поведения должностных лиц в исследуемой сфере общественных отношений позволяет приблизиться к их универсальной систематизации в ходе типизации следующих ситуационных моделей.

1 – создание непререкаемых преимуществ для себя лично и третьих лиц (общая ситуация).

Признаки ситуации:

а) появление и реплицирование внеконкурентных конфликтов в любых направлениях деятельности учреждения научно-образовательной сферы;

б) создание условий, провоцирующих возникновение явления должностной / служебной зависимости от внедолжностных связей;

в) активный рост необоснованных привилегий отдельных сотрудников;

г) явно выраженное игнорирование остальных должностных лиц;

д) демонстративная отвлеченность от норм трудового законодательства, запрещающих принудительный труд и дискриминацию (например, ст. 13 «Запрещение принудительного труда» и ст. 14 «Запрещение дискриминации в сфере трудовых отношений» Трудового кодекса Республики Беларусь и иных норм трудового законодательства);

е) развитие следующих ярко выраженных субсоциальных страт, первые три из которых обладают про- / коррупционным характером (яркое субсоциальное расслоение внутри устойчивой социальной группы):

1) властно-манипулятивные руководитель учреждения, начальствующий состав и научные руководители;

2) «статусные» должностные лица и «особые» соискатели;

3) «обычные» сотрудники-лоялисты и «обычные» соискатели-лоялисты;

4) «обычные» сотрудники и «обычные» соискатели.

2 – непрозрачность и запутанность принимаемых управленческих решений.

Признаки ситуации:

а) исключение компетентных сотрудников из процесса обсуждения задач, стоящих перед научным / образовательным коллективом;

б) кулуарное принятие текущих решений вопреки компетенциям, предусмотренным в действующих должностных инструкциях;

в) отсутствие доведения конечной цели принимаемых решений до сведения лиц, заинтересованных в законности и справедливости;

г) демонстративное игнорирование норм законодательства о труде, о государственной службе (например, подп. 1.2 п. 1 ст. 20 Закона Республики Беларусь от 14.06.2003 № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь»);

д) придание управленческим решениям запутанного характера для отвлечения внимания сотрудников от происходящих статусных и финансовых махинаций или «околокоррупционных игр».

3 – перегруженность излишними управленческими требованиями, скрывающими подлинную суть механизма продвижения личных интересов под видом заботы о благе государства или учреждения.

Признаки ситуации:

а) наличие огромного количества управленческих требований;

б) предъявление сверхтребований к определенным сотрудникам;

в) нехватка человеко-часов, потенциально необходимых для выполнения управленческих требований;

г) соответствие сверхтребований, заложенных в общих должностных инструкциях, несбалансированной компетенции отдельных сотрудников;

д) разработка т.н. «именных» должностных инструкций с различным объемом компетенций для лиц, занимающих одинаковые должности по утвержденной номенклатуре должностей;

е) увеличение значения коэффициента взаимопропорциональности служебных / должностных обязанностей и прав в «именных» должностных инструкциях (например, пропорции в виде 47/8, 40/5, 38/3);

ж) наличие среди немногочисленных прав в «именных» должностных инструкциях правомочий, направленных на «качественное выполнение служебных / должностных обязанностей»;

з) отсутствие в общих и «именных» должностных инструкциях закрытого перечня служебных / должностных обязанностей наряду с преднамеренным допущением возможности их произвольного расширения через указание формулировки «и иные обязанности»;

и) беспредметная эксплуатация идеологического компонента заботы о благе государства или учреждения в процессе формирования деформированных должностных инструкций.

4 – получение личных имущественных выгод вне установленных процедур и нормативов либо при их нарушении.

Признаки ситуации:

а) игнорирование «привилегированными» сотрудниками различных процедурных правил, установленных на вышестоящем уровне;

б) разработка локальных процедур под «приближенных» сотрудников в обход действующих правил;

в) несоблюдение «привилегированными» сотрудниками закрепленных должностных / служебных нормативов;

г) искажение в сторону увеличения количественных и качественных показателей следования процедурным правилам и исполнения должностных / служебных нормативов в отчетности «особых» и «приближенных» должностных лиц;

д) сверхсоблюдение и переработка добросовестными сотрудниками количественных и качественных показателей установленных должностных / служебных нормативов;

е) искривление паритета материально-технической обеспеченности деятельности «избранных» сотрудников в сторону роста их возможностей;

ж) увеличение оплаты трудовых «подвигов» «привилегированных» должностных лиц по сравнению с добросовестными сотрудниками;

з) отсутствие внутриорганизационного механизма финансовой защиты добросовестных подчиненных лиц.

5 – формализация порядка служебных / должностных взаимоотношений с нивелированием содержательного компонента в рамках условной схемы «сказано – сделано» без конструктивного обсуждения на предмет легальности.

Признаки ситуации:

а) искаженное понимание начальствующим составом научно-образовательного учреждения принципа единоначалия при подготовке локальных актов управленческого характера через излишнюю формализацию должностных / служебных отношений;

б) систематическое исключение руководством этапа обсуждения из процесса принятия решения по важнейшим вопросам деятельности организации;

в) допуск к процессу принятия управленческих решений «избранных» лиц, не обладающих необходимой квалификацией;

г) утрата содержательного компонента при доведении управленческого решения до сведения «обычных» сотрудников;

д) несоблюдение принципа правомерности при формулировании, прежде всего, устных распоряжений;

е) замещение личными взглядами требований законодательных и локальных актов по вопросу организации и осуществления управления.

6 – замалчивание весомых результатов труда добросовестных сотрудников в целях получения выгод неимущественного характера в т.ч. для третьих лиц.

Признаки ситуации:

а) отсутствие в научно-образовательном учреждении приемлемых организационно-правовых предпосылок, включая развитую систему оценивания результативности, необходимых для карьерного роста любого сотрудника;

б) проведение соревнований по любому слабомотивированному поводу (например: масштабная подготовка учащихся и самоподготовка к участию в конференциях и олимпиадах; конвейерная публикация часто однотипных научных работ; безосновательное стимулирование повышения индекса цитирования, в т.ч. «нужных» фамилий; механическое штампование часто формальных методичек по темам занятий / исследований; массированное проведение выставок и создание музейных комнат) и проявление ажиотажа вокруг них с акцентуацией на мерах санкционного характера для предупреждения «отказников»;

в) игнорирование либо отвлечение внимания трудового коллектива от настоящих достижений конкурентоспособных «простых» сотрудников с одновременным ограничением репрезентативных возможностей последних;

г) создание условий направленной (заданной) конкуренции для «особых» и «приближенных» должностных лиц;

д) тиражирование положительных отзывов о результатах деятельности весьма посредственных «привилегированных» сотрудников и их псевдоруководителей;

е) использование приемов т.н. «черного» пиара для «обычных» сотрудников с высоким служебным / должностным КПД;

ж) постепенная подмена качественных показателей результативности деятельности трудового коллектива в целом количественными показателями.

7 – протекционизм т.н. «элитных» лиц по дифференцированным личным мотивам.

Признаки ситуации:

а) принятие заинтересованными должностными лицами обязательств об оказании содействия «избранным» субъектам, исходящих от сторонних «статусных» просителей;

б) разработка с учетом своих внедолжностных интересов дорожной про- / коррупционной карты «фаворитов» с использованием инфраструктуры многовекторных внутри- и внеслужебных / должностных связей;

в) создание нужного управленческого фона для выполнения взятых протекционистских обязательств через стимулирование формирования общего мнения трудового коллектива в русле «элитарности» курируемых должностных лиц;

г) использование всевозможных про- / коррупционных тактических средств в протекционистских целях для реализации собственного быстрого карьерного роста благодаря действующей типичной цепочке последовательностей: «проситель» → «фаворит» → «протекционист» → «карьерист»;

д) получение «статусных» приоритетов при продвижении личных вопросов внутри и вне организации с учетом оказанной протекции;

е) осуществление с «просителем» непосредственно или через его посредника сделок внезарплатного (в т.ч. неимущественного) характера;

ж) решение своих финансовых проблем путем присваивания в будущем преимуществ при переходе на более оплачиваемое место работы.

8 – продвижение по должности / службе (в т.ч. при приеме на работу) лиц с заранее установленной «лояльной» мотивацией.

Признаки ситуации:

а) подбор «лояльных» сотрудников в научно-образовательное учреждение с учетом сторонней протекции с последующим формальным проведением через конкурс на замещение должности / назначение на должность;

б) наличие либо культивирование у вновь прибывших «лояльных» подчиненных должностных лиц пониженной эмоционально-волевой и интеллектуальной включенности в процесс работы;

в) отсутствие либо культивирование отсутствия у вновь прибывших «лояльных» подчиненных должностных лиц мотивации принимать участие в поддержании законности и правопорядка в ходе осуществления должностных / служебных функций;

г) создание про- / коррупционно выверенной буферной прослойки трудового коллектива, «гасящей» разногласия по конкретным деятельностным вопросам;

д) взращивание электоральной части служебных / должностных «лоялистов» с «удобно сформированной» положительной позицией, позволяющей предугадать исход принятия любых управленческих решений;

е) реализация внутри научно-образовательного учреждения политики преследования оппонирующих противников для обеспечения личного благополучия.

9 – лоббирование развития внутри- и внеслужебных / должностных коммуникативных связей для завуалированного присваивания результатов интеллектуального труда.

Признаки ситуации:

а) организация и проведение методических семинаров, круглых столов, научно-практических конференций и т.д. в целях массированного мониторинга чужих инновационных идей;

б) проявление неподдельного интереса в отношении ведущихся в иных научно-образовательных учреждениях научных и учебных разработок, исключающего правомерное сотрудничество;

в) вербовка посредников и создание их целостного аппарата, в т.ч. среди сотрудников интересуемых учреждений;

г) последующее заимствование авторских научных и учебных разработок из сторонних учреждений в обход законодательно закрепленных прав интеллектуальной собственности и установленных легальных правил служебной / деловой переписки;

д) «творческая» переработка указанных материалов либо использование их в исходном виде с заменой выходных данных и цитатной основы либо без таковой;

е) стимулирование в личных целях официально / неофициально возмездного / безвозмездного интеллектуального труда подопечных;

ж) присваивание авторства на научно-методические разработки, учебно-методические пособия, полезные образцы, обучающие полигоны и др., созданные подчиненными должностными лицами;

з) обнародование «своего авторского» произведения с последующим получением официальных статусных бонусов, зарплатных повышений и карьерным ростом;

и) возможная легализация объектов плагиата путем присвоения им общедоступного статуса через распространение т.н. универсальных «фондовых» лекций и иных материалов, которые может читать / использовать любой неподготовленный «специалист», пришедший извне и получающий «законное» вознаграждение за свою работу.

10 – покровительство в получении ученых степеней, присвоении ученых и иных званий.

Признаки ситуации:

а) организация процесса подготовки диссертаций «статусным» соискателям ученых степеней с использованием внутренних служебных / должностных ресурсов научно-образовательного учреждения (его структурного подразделения) путем принуждения / подкупа либо постановки в зависимость подчиненных должностных лиц;

б) возмездное / безвозмездное написание диссертаций «статусным» соискателям ученых степеней собственными силами «покровителя», а также привлеченных извне лиц (организаций);

в) культивирование политики соглашательства по принципу «выгодности» или «полезности» соискателя в определенном совете по защите диссертаций (членами СЗД) до момента защиты;

г) формально поверхностная проверка диссертации «статусного» соискателя на плагиат с замалчиванием фактов обнаружения в ее тексте неправомерных заимствований и выдачей подложного положительного заключения о такой проверке;

д) использование различных нелегальных форм оказания влияния на оппонентов (оппонирующие организации) с целью получения заведомо положительного отзыва на работу либо его подготовки самим соискателем ученой степени (подчиненным помощником-райтером соискателя) и последующей поддержки в ходе защиты диссертации;

е) организация выступления на защите диссертации «статусных» представителей научно-образовательных учреждений, «задающих тон» и придающих «правильное» направление в формировании окончательного положительного мнения научного собрания;

ж) открытое использование в ходе защиты диссертации «фактора семьи», «фактора традиций среды», «фактора международной обстановки» и иных «благоприятных» обстоятельств, не имеющих прямого отношения к научным положениям, выносимым на защиту;

з) соблюдение по возможности всех процедурных моментов в рамках защиты «нужной» диссертации для обеспечения комплекса формальных признаков прохождения работы;

и) непосредственная / опосредованная «обработка» отдельных членов соответствующего экспертного совета высшего аттестационного органа государства в целях обеспечения режима «наименьших потерь» на заключительном этапе прохождения «нужной» диссертации;

к) устранение добросовестных конкурентов, не входящих в неформальные организованные научные сообщества и не подчиняющихся их представителям, путем затормаживания достойных научных исследований с помощью различных про- / коррупционных тактических средств и приемов (например: персональное психологическое давление; изощренная публичная травля соискателей и их научных руководителей; нарушение процедур прохождения диссертации; нивелирование признанной исследовательской эмпирики; отрицание успешной апробации полученных результатов и пр.);

л) создание в научно-образовательном учреждении «целевых» должностей либо расчистка служебных мест под новоявленных кандидатов и докторов наук;

м) протаскивание по мере необходимости на «теплые» места «холодных» доцентов и профессоров с дальнейшим обеспечением опубликования научно-методических работ под их авторством вне очереди и последовательным прикреплением к ним учеников с похожей вненаучной историей;

н) монополизация той или иной области знаний с целью неправомерного контролирования всех процессов, связанных с приращением нового научного знания, и формирования «приемлемой» научной «элиты»;

о) запуск скрытых процессов, приводящих к масштабной деквалификации системы подготовки научных кадров, отвечающей формальным требованиям.

11 – паразитирование на отвержении этических аспектов должностных / служебных полномочий под прикрытием жесткой линейной субординации.

Признаки ситуации:

а) укоренение безнравственного неэтичного поведения в качестве наиболее приемлемой парадигмы служебного / должностного (исследовательского) общения между субъектами научно-образовательных отношений в следующих дуальных парах (стрелками обозначен вектор подчинения):

«руководитель учреждения» → «научный руководитель»;

««необычный» соискатель» → «научный руководитель»;

«научный руководитель» → ««обычный» соискатель»;

««необычный» соискатель» → ««обычный» соискатель»;

««необычный» соискатель» → ««обычный» сотрудник»;

««статусный» сотрудник» → ««обычный» сотрудник»;

«руководитель учреждения» → ««обычный» сотрудник»;

««обычный» сотрудник-лоялист» → ««обычный» сотрудник» и др.;

б) отсутствие внутри научно-образовательного учреждения действующего локального документа, регулирующего этические вопросы бесконтактного и контактного осуществления должностных / служебных полномочий, затрагивающих взаимоотношения по горизонтали и вертикали;

в) препятствование реализации положений внутренних этических стандартов поведения, формально принятых в организации, вследствие про- / коррупционных причин;

г) игнорирование фактов справедливого субординационного реагирования добросовестных сотрудников на безнравственные проявления в деятельности «приближенных» должностных лиц и «обычных» коллег-«лоялистов»;

д) использование из про- / коррупционного арсенала руководящего состава научно-образовательного учреждения средств отвлечения внимания, подкупа, шантажа, «статусной» зависимости под видом укрепления исполнительской дисциплины, а также мер санкционного воздействия к добросовестным сотрудникам, пытающимся защитить себя самостоятельно правомерными способами или обратиться за помощью к вышестоящим должностным лицам;

е) торможение разработки отраслевых правовых актов, регулирующих этические регламенты осуществления должностных / служебных полномочий, либо принятие формально существующих, но неисполняемых документов;

ж) игнорирование международных рекомендаций по созданию в рамках правовой системы государства единого кодифицированного акта этического характера для публичных лиц как средства противодействия коррупционно-ориентированной деятельности.

12 – распределение бюджетных (внебюджетных) ресурсов учреждения, в т.ч. премиального фонда, в зависимости от степени приближенности к отдельным представителям организационной верхушки должностной / служебной номенклатуры, а не от объема проделанной работы, результатов труда и ценности опыта.

Признаки ситуации:

а) игнорирование в государственном научно-образовательном учреждении действующей системы тарификации оплаты труда, включая Единую тарифную сетку работников, при определении условий оплаты труда работников / служащих;

б) формальное следование предписаниям действующей системы тарификации оплаты труда с искусственным увеличением тарифных

коэффициентов отдельным должностным лицам по основаниям, не соответствующим трудовой действительности;

в) стабильность высокого уровня финансовой обеспеченности усилий сотрудников бухгалтерского корпуса научно-образовательного учреждения наряду с отсутствием прозрачных бухгалтерских механизмов начисления зарплаты и иных выплат стимулирующего характера другим работникам;

г) ранжирование сумм денежных выплат в научно-образовательном учреждении в зависимости от места должностного лица во внедолжностной / служебной иерархии «приближенных» «статусных» и «лояльных» лиц;

д) несоблюдение основных критериев справедливого вознаграждения должностных лиц (например, опыт, квалификация, объем проделанной работы, качество выполненных заданий и др.) с поступательным обесцениванием усилий «добросовестных» сотрудников и ухудшением иных условий трудовой деятельности;

е) использование финансовой подушки в виде фонда экономии денежных средств за счет существующих вакансий должностей исключительно для «приближенных» сотрудников либо в пропорциях, удовлетворяющих их интересы в отличие от «обычных» должностных лиц;

ж) скрытое (явное) ухудшение финансового возмещения трудовых затрат «обычных» сотрудников вопреки закрепленным в коллективном договоре научно-образовательного учреждения финансовым гарантиям;

з) наложение дисциплинарных взысканий с сопутствующими монетарными санкциями на «обычных» сотрудников как мера прикрытия нехватки финансового обеспечения про- / коррупционных интересов руководящего состава и «приближенных» к нему лиц;

и) собирание части заработной платы с сотрудников-«лоялистов» в качестве отступных за работу, формально записанную за ними из-за невозможности закрепления за «статусными» сотрудниками ввиду высокой нагрузки и якобы исполняемую теми, но по факту невыполненную;

к) собирание части заработной платы с «обычных» и «лояльных» сотрудников с полным или частичным иммунитетом от подобных сборов «статусных» сотрудников и лиц руководящего состава для покрытия нетрудовых расходов в связи с проводимыми научно-образовательными и иными мероприятиями (например, круглые столы, конференции, субботники, юбилеи). Возможные статьи расходов: печать сопроводительных материалов и сборников; заказ автомашин для встречи «именитых» гостей; организация кофе-пауз, фуршетов и банкетов; организация досуга; проведение фото- и видеосъемки и пр.;

л) демонстративная отвлеченность от норм трудового законодательства / законодательства о государственной службе о справедливом вознаграждении работников с балансированием между уголовными составами коррупционной направленности и уголовными составами, связанными с торговлей людьми и использованием рабского труда (например, ст.ст. 181, 181-1 УК).

13 – отсутствие обеспечения равного доступа к должностной / служебной информации, а также служебной информации ограниченного пользования при наличии соответствующего допуска.

Признаки ситуации:

а) сокрытие от добросовестных сотрудников научно-образовательного учреждения должностной / служебной информации, включая организационную, правовую, научную, учебно-методическую и иные ее разновидности, необходимые для полноценного осуществления должностных / служебных полномочий, путем:

1) ненадлежащего информирования о текущих задачах и планируемых событиях;

2) отвлечения внимания через создание представления о чрезвычайной загруженности организационно-вспомогательного персонала и иных должностных лиц;

3) использования многоступенчато опосредованного способа доведения информации (например, электронная почта вместо телефона, передача через иных сотрудников) вместо непосредственного контакта;

4) ограничения доступа к источникам информации в буквальном смысле через запирание должных находиться в общем пользовании методических стеллажей и фондов внутренней библиотеки, содержание информационных стендов в неактуальном состоянии, изъятие и сокрытие требуемых материалов до момента исчезновения надобности и пр.;

б) сокрытие сроков обработки необходимых источников должностной / служебной информации и служебной информации ограниченного пользования от непосредственных исполнителей;

в) передача должностной / служебной информации (включая информацию ограниченного пользования) в день истечения срока исполнения должностного поручения / служебного задания либо несколько позже для создания условий невозможности ее использования;

г) формальное предоставление «обычным» сотрудникам соответствующего допуска к служебной информации ограниченного пользования без намерения обеспечивать реальный доступ к ней;

д) беспрепятственное предоставление «статусным» и некоторым «лояльным» сотрудникам доступа к должностной / служебной информации и служебной информации ограниченного пользования (даже без оформления соответствующего допуска к последней) в целях получения выгоды неимущественного характера, включая дальнейший карьерный рост, и имущественного характера, связанного с увеличением выплат в рамках заработной платы.

14 – устоявшееся положительное восприятие участниками управленческих отношений про- / коррупционных форм служебного / должностного поведения.

Признаки ситуации:

а) естественное и преднамеренное увеличение числа «обычных» сотрудников научно-образовательного учреждения, добросовестно исполняющих свои должностные / служебные обязанности и, одновременно, лояльно относящихся к неправомерному предоставлению преференций, льгот и преимуществ «статусным» и руководящим должностным лицам, инкубация по принципу «глас народа»;

б) безоговорочное и безусловное исполнение любых поручений и заданий, входящих в круг должностных обязанностей иных сотрудников либо вообще не связанных с трудовой / служебной деятельностью, соглашательство по принципу «выдержим все»;

в) пассивность в инициировании рассмотрения и решении вопросов организационного и правового характера, связанных с улучшением условий труда / службы на своих рабочих местах и в научно-образовательном учреждении в целом, работа по принципу «как есть»;

г) беспочвенное симпатизирование, демонстрация растерянности, уход от обсуждения случаев про- / коррупционного поведения «статусных», руководящих и иных должностных лиц, в т.ч. касающегося личной трудовой / служебной ситуации, подчинение по принципу «начальник всегда прав»;

д) замалчивание либо сокрытие от правоохранительных органов фактов про- / коррупционного поведения «статусных», руководящих и иных должностных лиц, ставших известными в силу личных или сторонних обстоятельств, игнорирование по принципу «тише едешь, дальше будешь»;

е) непротивление санкциям дисциплинарного характера, несправедливо применяемым к добросовестным сотрудникам с целью ограничения их карьерного роста либо сокрытия «статусных» нарушителей трудовой / служебной дисциплины, самоотстраненность по принципу «сам виноват»;

ж) оказание поддержки про- / коррупционно ориентированным «статусным», руководящим и иным должностным лицам в целях сохранения за собой уровня зарплаты, условий труда / службы, должности, рабочего места либо получения обещанного карьерного роста в необозримом трудовом / служебном будущем, избирательность по принципу «перемены ни к чему».

Заключение

Таким образом, формирование про- / коррупционного фона в научно-образовательной среде государства имеет непосредственную связь с несоблюдением многих конституционных принципов и незащищенностью таких базовых демократических ценностей, как права и свободы человека и гражданина. При этом покушение / нарушение имеет направленность в отношении лиц, как правило, добросовестно осуществляющих трудовую / служебную деятельность в учреждениях науки и образования, хотя никто не может быть понужден к исполнению обязанностей, не предусмотренных Конституцией Республики Беларусь и ее законами, либо к отказу от своих прав (ст. 58 Основного Закона Республики Беларусь).

Проведенная в настоящем исследовании конкретизация криминологических моделей состояния про- / коррупционного поведения в научно-образовательной среде свидетельствует о системном характере возникающих в ней девиаций. В свою очередь, широкое использование коррупционно-ориентированными должностными лицами огромного арсенала описанных тактических средств и приемов, реализующих свой неправовой характер и свою манипулятивную природу, дает масштабное представление о наличии хорошо развитой криминально-ориентированной поведенческой стратегии.

Подобное глубокое поражение научно-образовательной среды коррупциогенным недугом нуждается в определении, прежде всего, новых мировоззренческих оснований борьбы с коррупцией, а также в разработке системы адекватных реалиям мер.

Список цитированных источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

3. Колодко, Г. В. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований / Г. В. Колодко. – М. : ЗАО «Журнал Эксперт», 2000. – 392 с.

4. Малков, В. Д. Методология науки криминологии / В. Д. Малков // Криминология : учебник для вузов / А. Ф. Агапов [и др.] ; под ред. проф. В. Д. Малкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЗАО «Юстицинформ», 2006. – 528 с.

5. Дулов, А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами / А. В. Дулов. – Минск : Университетское, 1985. – 168 с.

6. Зорин, Г. А. Криминалистическая эвристика : уч. пособие : в 2 т. Т. 1 / Г. А. Зорин. – Гродно : Изд-во «Гродненский госуниверситет», 1994. – 212 с.

7. Шумак, Г. А. Модели расследования должностных хищений / Г. А. Шумак // Право и демократия : межвед. сб. науч. тр. / БГУ ; В. Г. Тихиня (отв. ред.). – Минск : Изд. центр БГУ, 1990. – Вып. 3. – С. 136–145.

8. Гучок, А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления / А. Е. Гучок. – Минск: Тесей, 2012. – 228 с.

9. Бутенко, И. А. Прикладная социология: наука и искусство : учебник / И. А. Бутенко. – М. : Анкил, 1999. – 186 с.

10. Савельева, И. М. Социология знания о прошлом / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2005. – 342 с.

11. Смелзер, Д. Социология / Д. Смелзер. – М., 1994. – 687 с.

12. Братко, А. А. Моделирование психики / А. А. Братко. – М. : Наука, 1969. – 174 с.

13. Дмитриев, А. В. Социальный конфликт: общее и особенное / А. В. Дмитриев. – М. : Гардарики, 2002. – 526 с.

14. Дмитренок, Д. И. Научно-образовательный этос в современных условиях борьбы с коррупцией / Д. И. Дмитренок // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Вып. 11. – С. 35–43.

Аннотация. Данная статья посвящена выделению системы признаков основных криминологических моделей про- / коррупционного поведения в научно-образовательной среде с помощью метода ситуационного моделирования. Автор дает развернутую характеристику типичным коррупциогенным ситуациям в контексте отчуждения таких базовых демократических ценностей, как права и свободы человека и гражданина, закрепленные в беларуской Конституции.

CHARACTERIZATION OF THE CRIMINOLOGICAL MODELS BY PRO- / CORRUPTION BEHAVIOR'S CONDITION IN THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPHERE

Dmitrenok D.I.

Keywords: scientific and educational sphere, constitutional principals, human and civil rights and freedoms, concealed corruption, method of situational modeling, criminological models, pro- / corruption behavior's condition.

Abstract. This article is devoted to the identification of the system of signs of the main criminological models by pro- / corruption behavior in the scientific and educational sphere using the situational modeling method. The author gives a detailed description of the typical pro- / corruption situations in the context of alienation of such basic democratic values as human and civil rights and freedoms enshrined in the Belarusian Constitution.

УДК 343

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И СПОСОБЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Дятлова В.О.

Ключевые слова: коррупция, дискреционные полномочия, экономические преобразования, криминологические исследования, предупреждение преступности и коррупции, опыт зарубежных государств в сфере предупреждения коррупции

Введение

Развитая система рыночных институтов, для которой характерны четкие и понятные правила, наличие системы сдержек и противовесов, учет легальных интересов всех субъектов отношений, действенные механизмы обеспечения выполнения обязательств сокращают возможности (средства, способы, поводы и стимулы) для коррупционных действий. Результатом создания такой системы является не только развитие экономики, но и значительное снижение коррупционных проявлений.

К настоящему моменту ни одно общество, ни одно государство в мире, включая страны Западной Европы, Юго-Восточной Азии, а также США, не смогли реализовать задачу по полному избавлению от коррупции. Всемирный банк (The World Bank), организация, обладающая значительными ресурсами и механизмами воздействия на экономику государств, отмечает, что «в области борьбы с коррупцией любые усилия недостаточны, чтобы когда-либо полностью устранить коррупцию» [1]. Однако данная позиция вовсе не означает, что ее невозможно предупреждать, ограничивать и сдерживать. И одним из важнейших является вопрос – на что именно должны быть направлены усилия.

Основная часть

Коррупция связана, в том числе, с недостатками регулирования экономической деятельности и процессов принятия соответствующих управленческих решений. Риск возникновения коррупционных отношений возрастает, если должностное лицо обладает широкими дискреционными полномочиями, но при этом критерии принятия им решения четко не определены, а контроль за его деятельностью недостаточен. Опасность таких полномочий состоит также в том, что при предоставлении возможности выбора между разнообразными вариантами поведения по своему усмотрению, без установления, в каких случаях должностное лицо обязано выбрать тот или иной вариант, выявить коррупционные действия чрезвычайно сложно, так как в данной конкретной ситуации «покупается» вполне законное решение, ведь

должностное лицо действует в тех пределах, которые предоставляются ему нормой права.

Исходя из вышеизложенного, акцент при разработке мер противодействия коррупции должен быть смещен в сферу управленческой, разрешительной и распределительной деятельности.

Уменьшение роли государства и рост конкуренции способствуют снижению коррупции, поскольку тем самым уменьшается объём необходимых дискреционных властных полномочий. В то же время на смену прежним детерминантам коррупции приходят формируемые в результате новых экономических преобразований факторы, влияющие на коллективное сознание общества. Так, следствием либерализации экономики является усиление действия материальных стимулов. В условиях, когда уровень потребления становится главной целью и смыслом жизни, должностное положение рассматривается некоторыми субъектами как своего рода бизнес по изменению за взятки государственных правил игры в зависимости от уровня собственной служебной компетенции. Коммерциализация всех сфер жизни, которая неизбежна при развитии экономической либерализации, особенно проявляется в сфере государственного управления. Причем помимо продажи законных услуг возникает черный рынок взяток и всевозможных коррупционных схем, позволяющих обойти законы. Если экономическая либерализация не сопровождается сокращением бюрократического аппарата и повышением эффективности работы, то создаются предпосылки возникновения коррупционных отношений.

Среди основных подходов к уменьшению коррупции в условиях либерализации экономики можно выделить следующие.

Во-первых, ужесточение законов и контроля их исполнения и, тем самым, повышение риска наказания за коррупционные действия.

Несомненно, весьма важно сурово наказывать коррупционеров и освобождать их от занимаемых должностей. Однако существенно снизить уровень коррупции исключительно такими действиями невозможно. В Китае к взяточникам применяют высшую меру наказания, однако коррупция в этой стране не исчезает, а доходы от коррупционных сделок иногда превышают золотовалютные запасы отдельных стран [2].

Либерализация в сфере экономической деятельности предполагает сокращение полномочий чиновников в области регулирования экономики и надзора за субъектами хозяйствования. И только после этого необходимо устанавливать самые суровые санкции в отношении коррупционеров.

При этом следует учитывать еще один немаловажный фактор – неотвратимость наказания играет более существенную роль, чем его суровость. В зарубежной криминологии за аксиому принят следующий постулат, доказанный Нобелевским лауреатом Герри Беккером, – рост вероятности осуждения сильнее удерживает от преступления, чем увеличение тяжести наказания, и, в свою очередь, увеличение вероятности осуждения воздействует на снижение числа преступлений [3, с.121].

Во-вторых, создание правовых механизмов, направленных на установление таких доходов должностных лиц и иных законных стимулов для них, которые более выгодны, нежели нарушение правил и законов.

Недостаточный уровень доходов государственных служащих является одним из факторов, способствующих коррупции. В своей работе, посвященной проблеме борьбы с коррупцией, голландский криминолог профессор Петрус Ван Дайн приводит иллюстрацию данного утверждения – «если правительство платит государственным чиновникам 120 долларов в месяц, а прожиточный минимум составляет 150–200 долларов, то никакие программы по предотвращению коррупции не смогут быть эффективными, не говоря уже о лекциях, раскрывающих безнравственность коррупции. Полицейский или таможенник гораздо больше озабочен, как ему оплатить счета за электричество и за квартиру. В такой ситуации удивительным является не сам факт существования коррупции, а то, что некоторая часть гражданских служб еще не коррумпирована» [4, с. 22–61]. Согласно результатам исследования причин организованной преступности и коррупции в таможенной сфере в странах Южной Европы, проведенного Эмми Велковой и Сасо Георгиевски, «органы таможни, и соответственно, их работники, более уязвимы для коррупции, чем иные правоохранительные органы, в связи с тем, что таможенники имеют прямой доступ к материальным благам, и это при наличии низкой заработной платы» [5, с. 280–293].

Как свидетельствует опыт зарубежных стран, повышение оплаты труда в государственном секторе по сравнению с частным сектором не приводит к немедленному снижению коррупции. Однако это все же способствует постепенному повышению уровня квалификации бюрократии и в долгосрочной перспективе имеет позитивный эффект. В странах с наиболее низким уровнем коррупции зарплата чиновников в 3–7 раз превышает заработки в производственном секторе. Например, в Сингапуре – государстве, которое занимает лидирующие места в мире по отсутствию коррупции и наличию экономической свободы, – успешно применяется довольно простая, но в тоже время действенная, формула оплаты труда государственных служащих, заключающаяся в следующем – заработная плата данной категории граждан должна соответствовать средней заработной плате лиц, успешно работающих в частном секторе [6]. Успешно действует и другая модель. Так, в Великобритании, которая согласно индексу восприятия коррупции, ежегодно публикуемому международной некоммерческой организацией Transparency International, в течение длительного времени входит в топ стран с наименьшим уровнем коррупции [7], размер заработной платы на государственной службе ниже, чем в сфере коммерческой деятельности, но это компенсируется обеспеченной карьерной перспективой и значительными пенсионными привилегиями [8, с. 8].

В-третьих, усиление роли рынков и конкуренции и тем самым уменьшение размера потенциальной прибыли от коррупции.

В данном контексте можно рассматривать также конкуренцию в предоставлении государственных услуг, при условии дублирования одними государственными органами функций других органов.

Либерализация рынка (цен) способствует индивидуальной дисциплине производителей и стимулирует их развивать свою конкурентоспособность, уменьшает возможности вмешательства государственных должностных лиц в процесс уравновешивания спроса и предложения.

Борьба с коррупцией может быть эффективной только в том случае, если будут устранены вызывающие ее причины. Важнейшим условием эффективного предотвращения коррупционных действий является эффективное правовое регулирование экономических отношений. В практическом плане процесс экономической либерализации осуществляется посредством принятия новых нормативных правовых актов либо включения в текст действующих правовых актов новых норм и правовых конструкций, направленных на создание действенных механизмов экономического самоуправления общества. Негативным последствием некачественного нормативного закрепления указанных механизмов являются нормы, способствующие реализации коррупционных схем в процессе осуществления экономической деятельности. Эффективным средством противодействия указанным явлениям служат криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов и криминологический мониторинг действующего законодательства, в ходе которых происходит выявление и устранение коррупциогенных норм. В то же время в целях достижения указанных выше результатов либерализации законодательство, направленное на соответствующие преобразования экономики, должно содержать антикоррупционные нормы превентивного характера.

К числу основных антикоррупционных требований к нормотворчеству в процессе либерализации экономики можно отнести включение в текст нормативных правовых актов норм:

устанавливающих понятный механизм последовательного воплощения взаимосвязанных и непротиворечивых экономических преобразований, имеющих четкую, концептуально обоснованную цель и реальные средства достижения;

регламентирующих создание справедливого и прозрачного механизма распределения ресурсов, включая четкое обозначение процесса предоставления адресной помощи организациям, в исключительных случаях, прямо указанных в законе;

регламентирующих создание среды, облегчающей появление на рынке новых участников, минимизирующих барьеры для ввода на рынок новых участников;

направленных на минимизацию возможности вмешательства государства в процесс принятия деловых решений предприятиями;

устанавливающих введение санкций за недобросовестную конкуренцию (вступление компаний в сговор, антиконкурентные слияния компаний, установление договорных цен, недобросовестная реклама и др.);

направленных на установление порядка правового информирования населения, имеющего разъяснительный характер;

направленных на минимизацию возможности должностных лиц принимать решения, затрагивающие конкурирующие интересы различных лиц по своему усмотрению;

устанавливающих требования к профессиональной компетентности бюрократии;

снижающих зависимость граждан от чиновников (монополия государства на определённые услуги);

повышающих прозрачность происходящих внутриведомственных операций;

повышающих цену коррупционных действий бюрократии (социальное обеспечение чиновников, повышение заработной платы, пенсия), увеличивающих потери чиновника в случае, если его уличат в коррупционной деятельности;

исключающих ограничение доступа общественности к информации о фактах коррупции, коррупциогенных факторах и мерах реализации антикоррупционной политики;

направленных на пропаганду антикоррупционных стандартов.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что к настоящему моменту многие государства сформировали универсальные и практически идентичные средства предупреждения коррупционных правонарушений, которые не зависят от национальной специфики.

2. Уголовные меры могут быть эффективными с позиции предупреждения коррупции, но только в том случае, если они будут применяться в комплексе с иной криминологической и социальной деятельностью, формируя при этом широкомасштабную и долгосрочную антикоррупционную политику.

3. На нормотворческом уровне необходимо предпринимать на постоянной основе меры, направленные на сокращение объема дискреционной власти, ограничение монополии при принятии значимых управленческих решений, при этом параллельно определив надлежащие стимулы для представителей государственной администрации, наделенных дискреционной властью.

4. Необходимо обеспечение максимальной прозрачности порядка принятия решений должностными лицами, особенно в тех социально-экономических отношениях, которые наиболее подвержены коррупционным проявлениям.

Список цитированных источников

1. Reforming Public Institutions & Strengthening Governance : A World Bank Strategy, November, 2000 [Electronic resource] // Worldbank. – Mode of access: https:// www1.worldbank.org/publicsector/Reforming.pdf – Date of access: 10.09.2019.

2. Итоги обыска у бывшего мэра китайского Гуанчжоу удивили даже бывалых следователей [Электронный ресурс] // 1TV. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2019-09-26/372921-itogi_obyska_u_byvshego_mera_kitayskogo_guanchzhou _udivili_dazhe_byvalyh _sledovateley – Дата доступа: 27.09.2019.

3. Частная криминология / отв. ред. Д. А. Шестаков. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 771 с.

4. Five Issues in European Criminal Justice: Corruption, Women in the Criminal Justice System, Criminal Policy Indicators, Community Crime Prevention, and Computer Crime [Electronic resource] // www.heuni.fi – Mode of access: https:// www.heuni.fi/material/attachments/heuni/reports/6KdGORVGx/fiveussu.pdf . – Date of access: 18.08.2019.

5. Velkova, E Fighting Transborder Organized Crime in Southeast Europe through Fighting Corruption in Customs Agencies. Southeast European and Black Sea Studies / E. Velkova, S. Georgievski. – Vol. 4. – No. 2. – May 2004. – P. 280–293.

6. Бочарников, И. В. Зарубежный опыт противодействия коррупции / И. В. Бочарников // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – № 9. – С. 16–23.

7. Corruption perceptions index 2018 [Electronic resource] // Transparency International. – Mode of access: http://www.transparency.org/news_room/cpi2018. – Date of access: 10.09.2019.

8. Сатаров, Г. А. Заработная плата и коррупция : как платить российским чиновникам (аналитический доклад) / Г. А. Сатаров [и др.]. – М. : Фонд ИНДЕМ, 2002. – 121 с.

Аннотация. Коррупция представляет собой сложное деструктивное явление, обусловленное комплексом детерминант, многие из которых связаны с экономикой. Проблемы регулирования экономической деятельности, проявляющиеся недостатками правового поля принятия управленческих решений, в совокупности с широтой дискреционных полномочий бюрократии, повышают шансы для распространения коррупции.

В статье предлагается оценка положительного и отрицательного влияния либеральных экономических преобразований на развитие коррупции в обществе, с учетом зарубежного опыта высказывается мнение о наиболее эффективных способах совершенствования антикоррупционной деятельности в современных условиях.

FOREIN EXPERIENCE AND DIRECTIONS FOR IMPROVING ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF ECONOMIC LIBERALIZATION

V. Dziatlava

Keywords: corruption, discretionary powers, economic transformations, criminological research, crime and corruption prevention, experience of foreign countries in the field of corruption prevention.

Abstract. Corruption is a complex destructive phenomenon that is caused by a set of determinants, many of which related to the economy. Problems of economic activity regulation, that show themselves in defects of legal framework of administrative decision making, in aggregate with large discretionary powers increase the chances of corruption dissemination.

Assessment of positive and negative influence of liberal economic transformations on corruption development in society is suggested in the article. Taking into account foreign experience an opinion on the most effective means of anti-corruption activity improvement in modern conditions is stated.

УДК 343

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИЛИ ИНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Зарубин А.В.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности.

Введение

Противодействие преступлениям коррупционной направленности является в России одним из приоритетных направлений уголовной политики. Коррупция, основу которой составляют преступления коррупционной направленности, представляет в настоящее время угрозу национальной безопасности России, препятствует проведению социальных преобразований, причиняет государству и обществу огромный материальный и моральный вред.

Однако вряд ли можно констатировать, что уголовное законодательство, устанавливающее ответственность за преступления коррупционной направленности, является совершенным.

В качестве одной из основ конституционного строя ч. 1 ст. 8 Конституция Российской Федерации гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, а также свободу экономической деятельности.

Часть 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации гарантирует право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

В соответствии с п. 22 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208, к основным задачам по реализации направления, касающегося обеспечения безопасности экономической деятельности, относятся снижение рисков ведения предпринимательской деятельности, связанных с возможностью использования формальных поводов для ее остановки, а также недопущение избирательного правоприменения в отношении субъектов предпринимательской деятельности.

Одним из правовых средств обеспечения экономических прав граждан, гарантированных Конституцией Российской Федерации, выступает уголовно-правовая норма, непосредственно устанавливающая в ст. 169 УК РФ ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности.

Основная часть

Уголовно-правовой запрет на посягательства на названные права и свободы призван охранять сферу предпринимательской и иной экономической деятельности, не запрещенной законом на всех ее стадиях – регистрации субъектов предпринимательской и иной деятельности, не запрещенной законом в соответствующем качестве, получения ими в случаях, предусмотренных в законе, специальных разрешений (лицензий) на осуществление указанной деятельности, собственно осуществления такой деятельности [1, с. 3].

Однако, несмотря на наличие в УК РФ имеется нормы об ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, судебная практика по ст. 169 УК РФ крайне незначительна.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2018 год в Российской Федерации по ст. 169 УК РФ было осуждено 9 человек.

Думается, что данные статистики не отражают реалии количества совершаемых преступлений. Так, по мнению М. Г. Леонова латентность данного преступления составляет около 80 % [2, с. 3].

Представляется, что подобная ситуация во многом обусловлена несовершенством текста ст. 169 УК РФ. Кроме того отсутствуют разъяснения высших судебных органов по вопросам квалификации исследуемого преступления.

В силу этого в деятельности некоторых судов имеются ошибки в квалификации преступления по ст. 169 УК РФ. Так, например, кассационным определением № 22-1106/2010 от 17 ноября 2010 г. Магаданский областной суд

отменил приговор суда первой инстанции об осуждении лица за вмешательство в законную предпринимательскую деятельность по ст. 169 УК РФ, указав, что совершение действий, которые выражаются не в форме требования, ограничивающего права предпринимателя, а представляющее собой уголовно-ненаказуемые советы, изучение деятельности хозяйствующего субъекта не являются преступлением.

Родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 169 УК РФ, в соответствии со структурой УК РФ, выступают общественные отношения в сфере экономики. Видовым объектом воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности с учетом структуры УК РФ выступают общественные отношения в сфере экономической деятельности.

При этом в науке уголовного права нет единства мнений относительно объекта данного преступления. Например, И. С. Васильчиков в качестве основного объекта преступления называет общественные отношения, складывающиеся в сфере предпринимательской или иной деятельности [3, с. 15].

По мнению Г. А. Русанова, непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, связанные с возможностью гражданина свободно осуществлять свое право на осуществление предпринимательской или иной экономической деятельности. В качестве дополнительного объекта преступления, по мнению этого автора, выступают общественные отношения в сфере государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления [4, с. 23].

Б.В. Волженкин непосредственным объектом данного преступления называл гарантированную Конституцией РФ свободу осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [5, с. 123].

Г.С. Аванесян пишет, что непосредственным объектом преступления по ст. 169 УК РФ служит конституционное право заниматься предпринимательской деятельностью в части его беспрепятственной реализации, а также свободы от неправомерного вмешательства должностных лиц органов власти, органов местного самоуправления, иных органов и учреждений [6, с. 109].

Существенное изменение содержания примечания к ст. 169 УК РФ Федеральным законом от 03.07.2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», установление в действующей редакции ст. 169 УК РФ ответственности должностных лиц не только за воспрепятствование законной предпринимательской, но и иной деятельности, как индивидуальных предпринимателей, так и иных юридических лиц, свидетельствует, по нашему мнению, о том, что основным объектом рассматриваемого преступления выступают общественные отношения в сфере государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

По нашему мнению, законодатель в настоящее время не считает воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности преступлением в сфере экономической деятельности, поскольку определение крупного ущерба, данное в примечании к ст. 169 УК РФ, распространяется в настоящее время только на данный состав преступления.

Общественные отношения, охраняющие свободу осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической

деятельности выступают, по нашему мнению, дополнительным объектом преступления.

В связи с особенностями объекта преступления, способов совершения преступления, субъекта преступления, представляется целесообразным установление ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности в главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Действующая редакция ст. 169 УК РФ характеризуется высокой степенью казуистичности изложения законодательного материала. В ч. 1 ст. 169 УК РФ криминализировано семь различных форм воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности.

Для освобождения диспозиции ст. 169 УК РФ от перегруженности, предлагается такие изложенные законодателем разновидности преступных деяний должностных лиц, как «неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонение от их регистрации, неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности либо уклонение от его выдачи», изложить в следующей редакции: «неправомерный отказ в оформлении документов, необходимых для занятия предпринимательской или иной экономической деятельности либо уклонение от их выдачи».

В рамках совершенствования УК РФ в части противодействия воспрепятствованию законной предпринимательской или иной деятельности представляется необходимой дальнейшая дифференциация уголовной ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности путем введения в ст. 169 УК РФ части 3, где в качестве особо квалифицирующего признака будет предусмотрено наступление тяжких последствий.

Под тяжкими последствиями следует в таком случае понимать организационный вред, из-за которого на длительный период остановилось производство, доведение воспрепятствованием законной предпринимательской деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица до состояния банкротства, невыплата заработной платы большому количеству работников, повлекшие забастовки и т. п.

Явно незначительное количество случаев применения ст. 169 УК РФ обусловлено также проблемами, возникающими при квалификации такого преступления.

Незаконный отказ в регистрации или в выдаче лицензии индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу, уклонение от регистрации или лицензирования, ограничение самостоятельности и прав предпринимателей и юридических лиц, иное незаконное вмешательство в их деятельность, совершаемые должностными лицами, с использованием своих должностных полномочий являются не чем иным, как злоупотреблением должностными полномочиями или же их превышением.

Такие деяния сами по себе способны повлечь существенное нарушение прав и законных интересов граждан-предпринимателей либо юридических лиц, а крупный ущерб, о котором говорится в ч. 2 ст. 169 УК РФ, в ряде случаев

может рассматриваться и как тяжкое последствие (ч. 3 ст. 285 УК РФ, п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Совпадают и субъективные признаки конкурирующих составов преступлений. Поскольку воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности наказуемо даже при не наступлении последствий, предусмотренных составами преступлений по ст. ст. 285, 286 УК РФ, а также при отсутствии корысти или иной личной заинтересованности как мотивов, определяющих поведение должностного лица, то применению подлежит ст. 169 УК РФ.

Если же наступили тяжкие последствия, предусмотренные ст. ст. 285 и 286 УК РФ, было бы несправедливым виновных в таких преступлениях ставить в привилегированное положение, применяя ст. 169 УК РФ.

Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности может оказаться в конкуренции с составами преступлений, предусмотренными ст. ст. 315, 178, 179 УК РФ.

Думается, что в такой ситуации применению подлежит специальная норма, предусмотренная ст. 169 УК РФ, поскольку она расширяет пределы действия общей нормы за счет не включения указания на злостность и одновременно сужает ее действие за счет ограничения круга субъектов преступления.

В качестве специальной нормы по отношению к ст. 169 УК РФ следует рассматривать, по нашему мнению, также преступление по ч. 3 ст. 299 УК РФ, состоящее в незаконном возбуждении уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба.

Состав преступления по ст. 169 УК РФ следует разграничивать с ч. 3 ст. 299 УК РФ по признаку способа совершения преступления (незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности) а также по моменту окончания преступления (повлекло прекращение предпринимательской деятельности, либо причинение крупного ущерба).

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности обусловлена необходимостью обеспечения провозглашенного Конституцией Российской Федерации права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

2. Отсутствие практики применения ст. 169 УК РФ обусловлено несовершенством действующего уголовного законодательства и отсутствием разъяснений высших судебных органов по вопросам квалификации данного преступления.

3. Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности может оказаться в конкуренции с составами преступлений, предусмотренными ст. ст. 178, 179, 315, УК РФ.

Думается, что в такой ситуации применению подлежит специальная норма, предусмотренная ст. 169 УК РФ, поскольку она расширяет пределы действия

общей нормы за счет не включения указания на злостность и одновременно сужает ее действие за счет ограничения круга субъектов преступления.

При разграничении состава преступления по ст. 169 УК РФ и ч. 3 ст. 299 УК РФ следует учитывать способ совершения преступления (незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности), и момент окончания преступления (повлекло прекращение предпринимательской деятельности, либо причинение крупного ущерба), предусмотренные в качестве признака состава преступления по ч. 3 ст. 299 УК РФ.

4. Для совершенствования диспозиции ст. 169 УК РФ предлагается в тексте статьи такие деяния как: «неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонение от их регистрации, неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности либо уклонение от его выдачи», изложить в следующей редакции: «неправомерный отказ в оформлении документов, необходимых для занятия предпринимательской или иной экономической деятельности либо уклонение от их выдачи».

5. Ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности целесообразно установить в главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Список цитированных источников

1. Рудовер, Е. А. Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности : уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Е. А. Рудовер. – Москва, 2004. – 24 с.

2. Леонов, М. Г. Уголовная ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / М. Г. Леонов. – Саратов. 2009. – 30 с.

3. Васильчиков, И. С. Преступления в сфере экономики / И. С. Васильчиков. – Ростов н/Д / И. С. Васильчиков. – 2007. – 214 с.

4. Русанов, Г. А. Преступления в сфере экономической деятельности : учебное пособие. / Г. А. Русанов. – Москва, 2014. – 264 с.

5. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург, 2007. – 765 с.

6. Аванесян, Г. С. Уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности. / Г. С. Аванесян. – Ульяновск, 2001. – 168 с.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, ответственность за совершение которого предусмотрена в статье 169 УК РФ.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения статье 169 УК РФ и разграничения исследуемого преступления со смежными составами преступлений.

LIABILITY FOR OBSTRUCTION OF LEGITIMATE BUSINESS OR OTHER ACTIVITIES IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Zarubin A.

Key words**:** crimes in the sphere of economic activity, hindrance of lawful entrepreneurial or other activity.

Abstract. The article deals with the issues of criminal liability for obstruction of legitimate business or other activities, the responsibility for which is provided in article 169 of the criminal code.

Proposals to improve the practice of application of article 169 of the criminal code and the differentiation of the investigated crime with related offences have been developed.

УДК 343.9

АБ НЕАБХОДНАСЦІ РАСПРАЦОЎКІ КРЫМІНАЛІСТЫЧНАЙ МЕТОДЫКІ РАССЛЕДАВАННЯ КАРУПЦЫЙНЫХ ЗЛАЧЫНСТВАЎ У СФЕРЫ ІНФАРМАТЫЗАЦЫІ ДЗЯРЖАЎНЫХ ОРГАНАЎ І АРГАНІЗАЦЫЙ

Каліца П.А.

Ключавыя словы: раскраданне, карупцыя, інфарматызацыя, расследаванне злачынстваў, крыміналістычная методыка.

Уводзіны

У Рэспубліцы Беларусь з боку кіраўніцтва краіны надаецца значная ўвага працэсам укаранення высокіх тэхналогій ва ўсе сферы жыцця грамадства і дзяржавы. Прыняты і дзейнічае шэраг нарматыўных прававых актаў, якімі рэгулюецца інфарматызацыя, якая, паводле заканадаўчага азначэння, уяўляе сабой арганізацыйны, сацыяльна-эканамічны і навукова-тэхнічны працэс, які забяспечвае ўмовы для фарміравання і выкарыстання інфармацыйных рэсурсаў і рэалізацыі інфармацыйных адносін [1]. Асобная роля ў гэтым працэсе належыць дзяржаўным органам і арганізацыям (далей – дзяржаўныя органы). Апошнія пад час інфарматызацыі выступаюць не толькі ў якасці суб'ектаў, якія валодаюць уладнымі паўнамоцтвамі, рэгулююць і кіруюць дадзеным працэсам, але і як аб'екты інфарматызацыі, гэта значыць у іх дзейнасць таксама павінны ўкараняцца інфармацыйныя рэсурсы, сістэмы і сеткі.

Інфарматызацыя дзяржаўных органаў патрабуе матэрыяльных выдаткаў, прыцягнення спецыялістаў з іншых (часта недзяржаўных) суб'ектаў гаспадарання на адплатнай дагаворнай аснове. На закупкі ў галіне распрацоўкі праграмных прадуктаў для патрэб дзяржаўных органаў выдаткуюцца даволі значныя аб'ёмы бюджэтных грашовых сродкаў. Так, паводле звестак Інтэрнэт-рэсурсу «icetrade.by», цэнтральны апарат дзяржаўнага органа А. 23.05.2019 размясціў прапанову на ўдзел у закупках на распрацоўку праграмнага забеспячэння па стварэнні праграмна-тэхнічнай платформы. Агульны арыентаваны кошт закупкі – 25 000 рублёў [2]. На тым самым Інтэрнэт-рэсурсе РУП «Б.» 01.04.2019 размяціў прапанову на ўдзел у закупках па праектаванні праграмнага забеспячэння (а менавіта: распрацоўка тэхнічнага праекту праграмнага забеспячэння) і распрацоўка модуляў праграмнага забеспячэння на

падставе задання і плану-графіку прац агульным арыентаваным коштам закупкі – 250 000 рублёў [3].

Безумоўна, такія значныя грашовыя сродкі могуць прыцягнуць увагу асоб, якія маюць намер на завалоданне імі махлярскім шляхам – свядома не выканаўшы або наўмысна недобраякасна выканаўшы прынятыя дагаворныя абавязацельствы. Акрамя таго, існуе рызыка ўчынення службовымі асобамі, адказнымі за правядзенне дзяржаўных закупак у галіне інфарматызацыі, раскраданняў шляхам злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі, а таксама злачынстваў супраць інтарэсаў службы. Шыянок У.П. адзначыў, што адной з груп умоў, якія спрыяюць карупцыі, з'яўляюцца рысы дзяржаўнага (дзяржаўна-манапалістычнага) капіталізму ў эканоміцы большасці краін на постсавецкай прасторы. Гэта значыць, што ажыццяўленне дзяржаўнымі органамі ў той ці іншай ступені прадпрымальніцкай дзейнасці «ставяць службовых асоб у вельмі складанае становішча. Па-першае, прадпрымальніцтва уяўляе сабой дзейнасць людзей з мэтай сістэматычнага атрымання прыбытку, гэта значыць асноўны матыў вядзення бізнэсу – карыслівасць. У супрацьлегласць гэтаму асноўны матыў дзяржаўнай службы – служэнне. Гэтыя матывы знаходзяцца на розных плоскасцях, гэта энергіі рознага ўзроўню» [4, с. 23]. Апісаныя навукоўцам умовы, тым больш пры наяўнасці ў распараджэнні чыноўнікаў вялікага аб'ёму бюджэтных сродкаў, могуць уплываць на ўзнікненне і развіццё карупцыі ў галіне інфарматызацыі дзяржаўных органаў.

У гэтай сувязі для якаснага супрацьдзеяння карупцыі і раскраданням у сферы інфарматызацыі дзяржаўных органаў неабходна распрацаваць заснаваныя на навуковай аснове эфектыўныя метады і рэкамендацыі па выяўленні, раскрыцці, расследаванні і папярэджанні злачынстваў вызначанай катэгорыі.

Асноўная частка

Праблемамі кваліфікацыі і крыміналістычнага забеспячэння расследавання злачынстваў, звязаных з раскраданнем бюджэтных сродкаў, у Беларусі, а таксама краінах блізкага замежжа займаліся такія навукоўцы як Верамеенка В.М. (даследаваў асаблівасці крымінальна-прававога рэгулявання раскраданняў шляхам злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі) [5], Дзяшук А.У. (прапанаваў рэкамендацыі па крыміналістычным забеспячэнні расследавання злачынстваў у сферы будаўніцтва) [6], Кавалёва Н.В. (вызначыла асаблівасці ўжывання спецыяльных эканамічных ведаў пры выяўленні і расследаванні ракраданняў у лесанарыхтоўчай прамысловасці) [7], Камянецкі Ю.Ф. (распрацоўваў методыку расследавання раскраданняў шляхам злоўжывання службовамі паўнамоцтвамі ў бюджэтнай сферы) [8], Цітова К.А.(вылучыла методыку расследавання раскраданняў у сферы жыллёва-камунальнай гаспадаркі) [9], Шароў А.В. (даследаваў арганізацыю расследавання махлярстваў у сферы абароту жытла) [10], Шумігай І.М. (вылучыў методыку расследавання махлярства, учыненага вайскоўцамі з выкарыстаннем службовага становішча) [11], Ягораў Ю.А. (даследаваў тэорыю і практыку расследавання злачынстваў у банкаўскай сістэме) [12] і інш.

У сучаснай крыміналістычнай навуцы актуальныя пытанні інфарматызацыі даследуецца ў двух асноўных накірунках:

расследаванне злачынстваў у ІТ-сферы (злачынствы супраць інфармацыйнай бяспекі або пры ўчыненні якіх у якасці спосабу выступаюць высокія тэхналогіі);

укараненне інфармацыйных рэсурсаў і праграмна-тэхнічнага абсталявання ў працэс расследавання злачынстваў наогул.

Актуальным пытанням расследавання злачынстваў у сферы высокіх тэхналогій на ўзроўні дысертацыі, прапановам асобных крыміналістычных вучэнняў, а таксама грунтоўнаму аналізу правапрымяняльнай практыкі расследавання прысвяцілі свае даследаванні: Гамко С. Л. (вызначыў асаблівасці супрацьдзеяння ўдасканаленню спосабаў учынення кіберзлачынстваў) [13]; Касаткін А.В. (даследаваў тактыку збірання і выкарыстання кап'ютарнай інфармацыі пры расследаванні злачынстваў) [14], Кузьмічоў С. А. (на практычных прыкладах растлумачыў значнасць электронных слядоў пры расследаванні спраў аб незаконны абароце наркотыкаў) [15], Спірына С. Г. (вызначыла крыміналагічныя і крымінальна-прававыя праблемы злачынстваў у сферы камп'ютарнай інфармацыі) [16], Тліш А. Д. (разглядаў праблемы методыкі расследавання злачынстваў у сферы эканамічнай дзейнасці, якія учыняюцца з выкарыстаннем камп'ютарных тэхналогій і пластыкавых картак) [17] і інш.

Праблематыкай ўкаранення высокіх тэхналогій у супрацьдзеянне злачыннасці займаўся шэраг такія навукоўцаў і практыкаў, сярод якіх можна адзначыць Бушкевіча М.С. (прапанаваў аптымальны шлях для накладання арышту на крыптавалюту абвінавачанага) [18], Капліну А. В. (даследавала перавагі і перпектывы развіцця Нацыянальнага агенцтва Украіны па пошуку і мэнэджменту актываў – дзяржаўнага органа, дзейнасць якога заснавана на прымяненні базаў дадзеных і інфармацыйных рэсурсаў) [19], Качалаву А.В. (прапанавала шэраг напрамкаў аптымізацыі крымінальнага судаводства, найперш звязаных з прымяненнем высокіх тэхналогій) [20], Саргсяна Г.М. (вылучыў станоўчыя бакі і перспектыўныя накірункі прымянення камп'ютарных тэхналогій у дзейнасці Следчага камітэта Рэспублікі Арменія) [21], Расінскую А.Р. (прапанавала распрацоўку прыватнай тэорыі інфармацыйна-камп'ютарнага забеспячэння крыміналістычнай дзейнасці) [22], Шкаплерава Ю.П. (даследаваў праблематыку ўкаранення і прымянення відэаканферэцсувязі ў крымінальным працэсе) [23] і інш.

Уяўляецца, што праведзеных даследаванняў і распрацаваных крыміналістычных методык недастаткова для забеспячэння эфектыўнага расследавання раскраданняў дзяржаўнай маёмасці і карупцыйных злачынстваў ў сферы інфарматызацыі. Гэта звязана з тым, што існуюць пэўныя асаблівасці ўзгаданай галіны. Яны перадвызначаюць аб'ектыўны бок злачынстваў, спосабы іх ўчынення. Гэтыя асаблівасці можна падзяліць на дзве асноўныя групы:

1) спецыфіка працэдуры дзяржаўных закупак, заключэння адпаведных дагавораў і звязаных з імі прававых адносін;

2) асаблівасці лічбавых тэхналогій, самога канчатковага праграмнага прадукту.

Спецыфіка працэдуры дзяржаўных закупак абумоўлена масівам нарматыўных прававых актаў, якімі гэта працэдура ўрэгулявана. Так, акрамя ўласна нормаў гаспадарчага права і заканадаўства аб дзяржаўных закупках, дзейнічае шэраг падзаконных актаў. Акрамя гэтага, неабходна адрозніваць закупкі, якія ажыццяўляюцца за кошт уласных сродкаў, якія могуць праводзіць, напрыклад, дзяржаўныя суб'екты гаспадарання, ад закупак за кошт сродкаў

бюджэту. У другім выпадку працэдура некалькі больш складаная, чым ў першым.

Так, калі гаворка ідзе аб правядзенні закупак у галіне інфарматызацыі менавіта за кошт бюджэтных сродкаў, заканадаўствам прадугледжаны парадак, які ўключае наступныя асноўныя этапы: распрацоўка тэхнічных заданняў па мерапрыемствах праграм інфарматызацыі; правядзенне Дзяржаўным камітэтам па навуцы і тэхналогіях Рэспублікі Беларусь дзяржаўнай навукова-тэхнічнай экспертызы тэхнічных заданняў; правядзенне конкурсу (пры станоўчым заключэнні ўзгаданай экспертызы аб мэтазгоднасці выдаткаў на дзяржаўныя закупкі, прадугледжаныя тэхнічнымі заданнямі); праверка кваліфікацыйных звестак удзельнікаў конкурсу; разгляд і ацэнка на падставе вызначаных крытэрыяў прапаноў удзельнікаў; заключэнне з выбраным удзельнікам конкурсу дагавораў са спецыфічнымі істотнымі ўмовамі [24]. Закупкі за кошт уласных сродкаў у галіне інфарматызацыі праводзяцца ў агульным вызначаным законам парадку [25].

Асаблівасці працэдуры дзяржаўных закупак у сферы інфарматызацыі могуць быць выкарыстаны недобрасумленнымі выканаўцамі і асобамі, якія ім садзейнічаюць, для рэалізацыі іх злачынных намераў яшчэ на самым пачатку дзяржаўных закупак пры выбары спосабу ўчынення грамадска небяспечнай дзеі. Так, напрыклад, да ўдзелу ў распрацоўцы тэхнічных заданняў могуць прыцягвацца асобы, звязаныя з патэнцыйным выканаўцам. Адсюль вынікае распрацоўка і зацвярджэнне пасля правядзення экспертызы выгодных будучым недобрасумленным выканаўцам тэхнічных заданняў. Да такіх «выгод» могуць адносіцца:

адсутнасць у тэхнічных заданнях канкрэтных патрабаванняў да праграмных прадуктаў у адпаведнасці з задачамі інфарматызацыі, функцыямі і патрэбамі саміх дзяржаўных органаў. Гэта ў далейшым пры прыёмцы выкананых прац прыводзіць да немагчымасці патрабаваць у выканаўцы выправіць недахопы і ўдасканаліць праграмны прадукт, паколькі гэта паводле сцверджання выканаўцаў «не прадугледжана тэхнічным заданнем»;

наяўнасць у тэхнічных заданнях палажэнняў, якія дазволяць будучым недобрасумленным выканаўцам выкарыстоўваць у якасці нованвораў праграмныя прадукты, якія ўжо ёсць ў наяўнасці і патрабуюць нязначных змен. Пры гэтым такога кшталту праграмы могуць быць састарэлымі і ўжо выкарыстоўвацца ў іншых арганізацыях.

Правядзенне адкрытых конкурсаў не заўсёды забяспечвае адсутнасць узаемасувязі паміж будучымі недобрасумленнымі выканаўцамі і асобамі, якія ім садзейнічаюць, з ліку службовых асоб, упаўнаважаных на распрацоўку і экспертызу тэхнічных заданняў і прыёмку выкананых прац. Прычынай гэтаму з'яляецца абмежаванасць айчыннага рынку інфармацыйных паслуг па распрацоўцы праграмнага забеспячэння для патрэб дзяржаўнага апарату. У конкурсах могуць удзельнічаць афіліраваныя ўдзельнікі і нават структурныя падраздзяленні адной і той самай юрыдычнай асобы. Акрамя гэтага выканаўцы могуць прыцягваць у наступным да выканання прац у якасці субпадрадчыкаў асоб, звязаных тымі ці іншымі (працоўныя, асабістыя, сямейныя і да т.п.) сувязямі з распрацоўшчыкамі або экспертамі тэхнічных заданняў.

Прыведзеныя вышэй рызыкі крыміналізацыі працэсу інфарматызацыі дзяржаўных органаў сведчаць аб неабходнасці валодання службовымі асобамі

праваахоўных органаў нарматыўна-прававой базай і звесткамі аб правапрымяняльнай практыцы дзяржаўных закупак ў сферы інфарматызацыі. А веды менавіта такога напрамку не змяшчае ніводная з распрацаваных методык расследавання злачынстваў асобных відаў.

Другой групай асаблівасцей сферы інфарматызацыі дзяржаўнага апарату з'яўляецца спецыфіка прадмету гаспадарча-прававых адносін па дагаворах дзяржаўных закупак – праграмных прадуктаў, якія распрацоўваюцца выканаўцамі на карысць дзяржаўных органаў. Неабходна адзначыць, што пры ўчыненні выкраданняў і карупцыйных злачынстваў у галіне інфраматызацыі дзяржаўных органаў высокія тэхналогіі, камп'ютарныя праграмы у аб'ектыўным боку складу злачынства выступаюць не як непасрэдны сродак учынення злачынства, як гэта можа быць у адносінах да злачынства, прадугледжанага арт. 212 КК Рэспублікі Беларусь, дзе для змянення інфармацыі, якая апрацоўваецца ў камп'ютарнай сістэме, захоўваецца на машынных носьбітах або перадаецца па сетках перадачы дадзеных, або для ўвядзення ў камп'ютарную сістэму наўмысна ілжывай інфармацыі, могуць быць выкарыстаны пэўныя праграмныя прадукты. Пры ўчыненні злачынстваў адпаведнай катэгорыі лічбавыя тэхналогіі не выкарыстоўваюцца для непасрэднага завалодання грашовымі сродкамі. Наўмысна неякасныя або зусім неадпаведныя задачам інфарматызацыі дзяржаўнага апарату прадукты можна разглядаць як элемент падману аб'ектыўнага боку махлярства – злачынства, прадугледжанага арт. 209 КК Рэспублікі Беларусь. Гэта значыць, што недобрасумленныя удзельнікі-пераможцы конкурсаў дзяржаўных закупак з самага пачатку ўваходжання з дзяржаўнымі органамі ў грамадзянска-прававыя адносіны маюць намер завалодаць бюджэтнымі грашовымі сродкамі і на сістэматычнай аснове не выконваць ускладзеных на сябе абавязацельстваў або выконваць іх наўмысна неякасна. Гэта набліжае раскраданні ў сферы інфарматызацыі дзяржаўнага апарату і злачынствы супраць інтарэсаў службы, якімі яны могуць суправаджацца, да раскраданняў у іншых сферах, дзе выдаткоўваюцца дзяржаўныя сродкі на набыццё тавараў і паслуг, а таксама да побытавых махлярстваў, звязаных з рэалізацыяй наўмысна недобраякаснай прадукцыі або наўмысна недобрасумленным выкананнем грамадзянска-прававых абавязкаў. Таму для таго, каб адрозніць добрасумленна аказаныя дзяржаўным органам паслугі ў галіне інфарматызацыі або неякасна аказаныя паслугі пры акалічнасцях, якія не залежалі ад волі выканаўцы, ад наўмысна недобрасумленных дзеянняў злачынцаў, неабходна разбірацца ў асаблівасцях стварэння і функцыянавання праграмных прадуктаў. Больш за тое, патрэбны веды ў сістэмнай аналітыцы для праверкі адпаведнасці распрацаванага праграмнага забеспячэння тым задачам, якія вызначаны ў праграмах інфарматызацыі дзяржаўнага апарату. Такіх ведаў таксама не даюць ужо распрацаваныя крыміналістычныя методыкі расследавання злачынстваў асобных відаў.

Паколькі пералічаныя адметныя асаблівасці сферы інфарматызацыі дзяржаўнага апарату дэтэрмінуюць спецыфіку ўчынення злачынстваў у дадзенай галіне, узнікла неабходнасць ў распрацоўцы навуковых палажэнняў і заснаваных на іх рэкамендацый па прадухіленні, раскрыцці і расследаванні раскраданняў у сферы інфарматызацыі і звязаных з імі злачынстваў супраць інтарэсаў службы – асобная прыватная крыміналістычная методыка. Яе стварэнне ўскладняецца

недастатковасцю практычных напрацовак, станоўчага досведу расследавання злачынстваў такога віду, якія можна было б прааналізаваць, абагуліць і выкарыстаць пры распрацоўцы методыкі, што выклікана высокай ступенню латэнтнасці гэтых злачынстваў. Разам з тым, наяўнасць навуковай асновы, на наш погляд, дазволіць супрацоўнікам праваахоўных органаў найперш больш якасна працаваць па выяўленні і раскрыцці злачынстваў у сферы інфарматызацыі дзяржаўнага апарату, што ў наступным прывядзе і да павелічэння эмпірычнага матэрыялу па расследаванні злачынстваў.

Заключэнне

Такім чынам, у цяперашні час існуе рызыка крыміналізацыі сферы інфрматызацыі дзяржаўных органаў, учынення раскраданняў і звязаных з імі злачынстваў супраць інтарэсаў службы. Дэтэрмінавана гэта найперш значнымі аб'ёмамі грашовых сродкаў, якія вызяляюцца на інфарматызацыю.

Распрацаваных крыміналістычных методык па расследаванні раскраданняў дзяржаўных сродкаў і раскраданняў, звязаных з выкарыстаннем высокіх тэхналогій і камп'ютарнай тэхнікі, недастаткова для эфектыўнага тэарытычнага забеспячэння расследавання карупцыйных злачынстваў у сферы інфарматызацыі дзяржаўных органаў. Гэта абумоўлена спецыфікай працэдуры дзяржаўных закупак, заключэння адпаведных дагавораў і звязаных з імі прававых адносін, а таксама асаблівасцямі прадмету гаспадарча-прававых дагавораў – праграмных прадуктаў, якія распрацоўваюцца ў мэтах вырашэння задач інфарматызацыі дзяржаўных органаў. У гэтай сувязі ўзнікае неабходнасць у распрацоўцы асобнай крыміналістычнай методыкі расследавання раскраданняў у сферы інфарматызацыі дзяржаўнага апарату.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З : в ред. от 11 мая 2016 г. № 362-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Процедура закупки № 2019-712230 [Электронный ресурс] // Internet Centre of Electronic Trade. – Режим доступа: http://www.icetrade.by/tenders/all/view/712230. – Дата доступа: 03.07.2019.
3. Процедура закупки № 2019-690269 [Электронный ресурс] // Internet Centre of Electronic Trade. – Режим доступа: http://www.icetrade.by/tenders/all/view/690269. – Дата доступа: 03.07.2019.
4. Шиенок, В. П. Коррупция: методология проблемы, причины, ранняя диагностика / В. П. Шиенок // Предварительное расследование. – 2017. – № 1. – С. 19–24;
5. Веремеенко, М. В. Уголовная ответственность за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями: совершенствование законодательства и практики его применения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. В. Веремеенко. – Минск, 2011. – 165 л.
6. Дешук, А. В. Криминалистическое обеспечение расследования хищений в сфере строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А. В. Дешук ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – 24 с.
7. Ковалева, Н. В. Применение специальных экономических знаний при выявлении и расследовании хищений, совершенных путем присвоения, в лесозаготовительной промышленности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. В. Ковалева ; Урал. юрид. ин-т МВД России. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.
8. Расследование хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере : моногр. : в 2 ч. / Ю. Ф. Каменецкий, В. П. Шиенок. – Ч. 1 :

Теоретические основы и информационное обеспечение. – Минск : СтройМедиаПроект, 2017. – 248 с.

9. Титова, К. А. Методика расследования хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К. А. Титова ; Барнаул. юрид. ин-т МВД Рос. Федерации. – Томск, 2009. – 23 с.

10. Шаров, А. В. Методика расследования мошенничества в сфере оборота жилища : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Шаров ; Моск. ун-т МВД России. – М., 2004. – 30 с.

11. Шумигай, И. Н. Методика расследования мошенничества, совершенного военнослужащими с использованием служебного положения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. Н. Шумигай ; Вологр. акад. МВД России. – Люберцы, 2011. – 26 с.

12. Егоров, Ю. А. Теория и практика расследования преступлений в банковской системе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю. А. Егоров ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2000. – 22 с.

13. Гамко, С. Л. Следственная деятельность в условиях изменения «ландшафта» киберпреступности: безопасность конфиденциальных данных и профилактика / С. Л. Гамко // Предварительное расследование. – 2019. – № 1. – С. 76–79.

14. Касаткин, А. В. Тактика собирания и использования компьютерной информации при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Касаткин ; Юрид. ин-т МВД России. – М., 1997. – 20 с.

15. Кузьмичев, С. А. Электронные следы как ключевое доказательство деятельности организованной группы наркосбытчиков Гомельщины / С. А. Кузьмичев // Предварительное расследование. – 2017. – № 1. – С. 79–81.

16. Спирина, С. Г. Криминологические и уголовно-правовые проблемы преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. Г. Спирина ; Краснодар. юрид. ин-т МВД Рос. Федерации. – Волгоград, 2001. – 24 с.

17. Тлиш, А. Д. Проблемы методики расследования преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых с использованием компьютерных технологий и пластиковых карт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Д. Тлиш ; Кубан. гос. аграр. ун-т – Краснодар, 2002. – 29 с.

18. Бушкевич, Н. С. Криптовалюта как предмет наложения ареста на имущество / Н. С. Бушкевич // Предварительное расследование. – 2019. – № 1. – С. 63–67.

19. Каплина, О. В. Национальное агентство по розыску и менеджменту активов как орган, обеспечивающий экономию времени следователя / О. В. Каплина // Предварительное расследование. – 2019. – № 1. – С. 45–52.

20. Качалова, О. В. Концептуальные основы оптимизации уголовного судопроизводства / О. В. Качалова // Предварительное расследование. – 2019. – № 1. – С. 38–44.

21. Саргсян, Г. М. Об использовании компьютерных технологий в деятельности Следственного комитета Республики Армения / Г. М. Саргсян // Предварительное расследование. – 2017. – № 2. – С. 73–75.

22. Россинская, Е. Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / Е. Р. Россинская // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 3-2. – С. 109–117.

23. Шкаплеров, Ю. П. Проведение следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе Республики Беларусь / Ю. П. Шкаплеров // Предварительное расследование. – 2017. – № 2. – С. 49–54.

24. Об осуществлении государственных закупок в сферах информатизации, информационно-коммуникативных технологий и телекоммуникаций [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 22 дек. 2014 г., № 612: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 23.03.2016 № 106 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

25. Путеводитель по закупкам. Государственные закупки в сфере информатизации [Электронный ресурс]: [по состоянию на 10.05.2019 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Анатацыя. У артыкуле прааналізаваны шэраг навуковых даследаванняў, прысведчаных расследаванню раскраданняў бюджэтных грашовых сродкаў, злачынстваў, звязаных з выкарыстаннем высокіх тэхналогій, а таксама ўкараненню інфарматызацыі ў праваахоўную дзейнасць. Вылучаны асноўныя адметныя асаблівасці злачынстваў у сферы інфарматызацыі дзяржаўнага апарату і на гэтай падставе выказана прапанова аб распрацоўцы асобнай крыміналістычнай методыкі расследавання раскраданняў дзяржаўных грашовых сродкаў і звязаных з імі карупцыйных злачынстваў.

ON THE NEED TO DEVELOP A FORENSIC TECHNIQUE FOR THE INVESTIGATION OF CORRUPTION IN THE FIELD OF INFORMATIZATION OF THE STATE BODIES AND ORGANIZATIONS

Kapitsa P.

Keywords: theft, corruption, informatization, crime investigation, forensic technique.

Abstract. The article analyzes a number of scientific research on investigation of theft of budget funds, crimes involving the use of IT, on introduction of informatization in law enforcement activity. Identified the main features of crimes in the field of informatization of the state apparatus and on this basis suggested proposition of developing a separate forensic technique of investigation of theft of budget funds and related corruption offenses.

УДК 343.352(1-87)

УГОЛОВНАЯ И КВАЗИУГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА КОРРУПЦИЮ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Карабельникова А.С.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, уголовная ответственность юридических лиц, квазиуголовная ответственность юридических лиц, ответственность юридических лиц за коррупцию, конвенции в области борьбы с коррупции, законодательство зарубежных государств об ответственности за коррупцию.

Введение

Республика Беларусь ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции и Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и, тем самым, приняла на себя обязательства по имплементации норм конвенций в национальное законодательство. Нашей стране были даны рекомендации об установлении ответственности юридических лиц за участие в совершении коррупционных преступлений, а также о применении эффективных, соразмерных, оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, в том числе финансового характера (денежных санкций). Данные рекомендации содержатся в п. 23 Резюме обзора хода осуществления

Конвенции ООН против коррупции Республикой Беларусь, принятого 4–6 июня 2018 г. на Девятой сессии Группы по обзору хода осуществления, и в Оценочном отчете Группы государств против коррупции (ГРЕКО) по Беларуси по объединенным первому и второму раундам оценки, принятом в июне 2012 г. (рекомендация XXIV) [1; 2].

В научной литературе не выработано единого подхода по вопросам о целесообразности закрепления в национальном законодательстве ответственности юридических лиц за коррупцию, определении вида такой ответственности, а также определении оптимального способа имплементации в национальное законодательство рекомендаций конвенций в области борьбы с коррупцией. Для решения стоящей перед Республикой Беларусь задачи недостаточно только научной проработки данного вопроса, которой были посвящены наши предыдущие публикации [3, с. 106–108], следует также изучить и оценить возможность применения позитивного законодательного и правоприменительного опыта зарубежных государств.

Основная часть

Каждое государство выбирает свой путь закрепления ответственности юридических лиц за коррупцию. Как отмечают исследователи, в настоящее время более чем в 70 странах мира установлена уголовная ответственность юридических лиц [4, с. 13]. В некоторых государствах предусмотрена так называемая квазиуголовная ответственность, когда юридические лица не признаются субъектами преступлений, но в отношении них могут применяться уголовно-правовые меры, например, в Латвии, Польше, Швеции. Уголовная ответственность юридических лиц закреплена в законодательстве таких государств, как Австрия, Бельгия, Венгрия, Испания, Литва, Норвегия, Польша, Словения, Франция, Эстония и др. [5, с. 82–97]. Вместе с тем, только в шести странах СНГ установлена ответственность юридических лиц за коррупцию: уголовная – в Молдове, квазиуголовная – в Азербайджане, Кыргызстане и Украине, административная – в Казахстане и России.

Анализ законодательных актов зарубежных государств, в которых установлена ответственность юридических лиц за коррупцию, показывает, что у законодателей отсутствует единый подход к конструированию норм об ответственности юридических лиц за коррупционные деяния и к выбору нормативного акта, в котором эти нормы закреплены. В большинстве случаев вопросы уголовной или квазиуголовной ответственности юридических лиц регламентируются уголовными кодексами государств и только в некоторых странах (например, Польше, Словении, Хорватии) – специальными законами об уголовной ответственности юридических лиц [6, с. 24; 7, с. 76–77].

В законодательстве зарубежных государств по-разному определены основания ответственности юридических лиц. Одним из оснований обычно является совершение деяния в интересах юридического лица (ч. 2 ст. 123 УК Кыргызстана, ст. 12 УК Латвии, ч. 2 ст. 20 УК Литвы, ч. 3 ст. 21 УК Молдовы, ч. 2 ст. 96-3 УК Украины, ч. 1 ст. 14 Пенитенциарного кодекса Эстонии (далее – ПК Эстонии)), в пользу юридического лица (ст. 99-4.1 УК Азербайджана, ч. 2 ст. 20 УК Литвы), в защиту интересов юридического лица (ст. 99-4.1 УК Азербайджана), от имени или посредством юридического лица (ч. 2 ст. 123 УК Кыргызстана), от лица юридического лица (ч. 1 ст. 121-2 УК Франции).

Второе основание заключается в совершении деяния определенным физическим лицом. В одних государствах ответственность юридического лица будет наступать, если деяние совершено руководителем или уполномоченным лицом юридического лица, в других – если деяние совершено работником юридического лица или любым физическим лицом. Например, основаниями уголовной или квазиуголовной ответственности юридических лиц могут быть:

совершение деяния органом юридического лица или представителем юридического лица (ч. 1 ст. 121-2 УК Франции, ч. 1 ст. 14 ПК Эстонии);

совершение деяния членом органа юридического лица (ч. 1 ст. 14 ПК Эстонии);

совершение деяния физическим лицом, наделенным руководящими функциями или функциями по осуществлению контроля (ст. 70 УК Латвии, ч. 2 ст. 20 УК Литвы, ч. 3 ст. 21 УК Молдовы, ч. 1 ст. 14 ПК Эстонии);

совершение деяния уполномоченным лицом юридического лица (ст. 99-4.1 УК Азербайджана, ст. 70-1 УК Латвии, ст. 96-3 УК Украины, ст. 3 Закона Республики Польша об ответственности коллективных субъектов за действия, запрещенные под угрозой применения наказания (далее – Закон Польши));

совершение деяния работником или уполномоченным представителем юридического лица по инструкции или с разрешения руководителя юридического лица (ч. 3 ст. 20 УК Литвы);

совершение деяния работником с согласия или с ведома руководства (ст. 3 Закона Польши);

совершение деяния физическим лицом вследствие отсутствия надзора и контроля со стороны лица, наделенного руководящими функциями (ч. 3 ст. 20 УК Литвы, ч. 3 ст. 21 УК Молдовы);

совершение деяния физическим лицом вследствие ненадлежащего надзора и контроля (ст. 12 УК Латвии);

совершение деяния работником юридического лица в результате неосуществления контроля со стороны уполномоченных должностных лиц (ст. 99-4.1 УК Азербайджана);

совершение деяния вследствие необеспечения уполномоченным лицом юридического лица обязанностей по принятию мер по предотвращению коррупции, что привело к совершению коррупционного преступления (ст. 96-3 УК Украины);

совершения деяния физическим лицом от имени или посредством юридического лица (ч. 2 ст. 123 УК Кыргызстана).

Ответственность юридического лица не исключает ответственности физического лица за совершенное преступление (ст. 99-4.2 УК Азербайджана, ч. 3 ст. 123 УК Кыргызстана, ч. 5 ст. 20 УК Литвы, ч. 5 ст. 21 УК Молдовы, ч. 3 ст. 121-2 УК Франции, ч. 2 ст. 14 ПК Эстонии). Статья 99-4.4 УК Азербайджана, ч. 2 ст. 123 УК Кыргызстана, ч. 5 ст. 20 УК Литвы позволяют применять уголовно-правовые меры и наказания к юридическим лицам независимо от привлечения к ответственности физических лиц. Кроме этого, ч. 5 ст. 20 УК Литвы позволяет привлекать к уголовной ответственности юридические лица за преступления, совершенные другими юридическими лицами при наличии оснований, указанных в названной статье.

Согласно ст. 4 Закона Польши квазиуголовная ответственность юридических лиц является производной от уголовной ответственности физического лица.

Возможно, именно по этой причине по состоянию на 2015 г. к уголовной ответственности за подкуп должностных лиц не было привлечено ни одно юридическое лицо [6, с. 25]. В УК Украины прямо не закреплено, что меры уголовно-правового характера, применяемые к юридическому лицу, являются вторичными к ответственности физического лица. Однако анализ норм об ответственности юридических лиц свидетельствует о том, что их ответственность привязана к ответственности уполномоченного лица и, следовательно, возможность применения мер уголовно-правового характера к юридическому лицу зависит от успешности уголовного производства в отношении физического лица [5, с. 37; 8, с. 34–35].

В целях обеспечения интересов государства в законодательстве существуют ограничения по применению мер ответственности к некоторым юридическим лицам (ст. 99-4.5 УК Азербайджана, ч. 1 ст. 123 УК Кыргызстана, ч. 6 ст. 20 УК Литвы, ч. 4 ст. 21 УК Молдовы, ст. 121-2 УК Франции, ч. 1 ст. 96-4 УК Украины, ч. 3 ст. 14 ПК Эстонии, ст. 2 Закона Польши). Например, в Молдове к уголовной ответственности не могут быть привлечены органы публичной власти; во Франции – государство; в Эстонии – государство, международные организации, единицы местного самоуправления и публично-правовые юридические лица; в Польше – государственное казначейство, органы местного самоуправления и их объединения.

В уголовных кодексах европейских государств, в которых установлена уголовная ответственность юридических лиц, редко перечисляются преступления, в том числе коррупционные, за которые юридические лица могут быть осуждены. Данные преступления можно выделить путем сопоставления норм Конвенций в области противодействия коррупции и диспозиций и санкций статей уголовных кодексов, в которых установлена ответственность за преступные деяния. В некоторых странах юридические лица подлежат ответственности за преступления только в случаях, когда в санкции статьи предусмотрено наказание для юридического лица (например, УК Литвы, УК Молдовы, ПК Эстонии). В кодексах небольшого количества государств закреплены исчерпывающие перечни деяний, в том числе коррупционных, субъектами которых могут быть юридические лица (например, УК Азербайджана, УК Украины).

Во Франции юридические лица могут привлекаться к уголовной ответственности за активный подкуп и торговлю влиянием, совершенные частными лицами, узурпацию власти, активный и пассивный подкуп различных категорий служащих и лиц, не выполняющих публичные функции (ст.ст. 433-1, 433-2, 433-12, 435-2, 435-3, 445-1, 445-2 УК Франции), в Литве – за получение взятки, торговлю влиянием, дачу взятки, злоупотребление служебным положением (ст.ст. 225, 226, 227, 228 УК Литвы), в Эстонии – за получение взятки, посредничество во взяточничестве, дачу взятки, торговлю влиянием, должностной подлог, нарушение требований осуществлении государственных закупок, легализацию (отмывание) денег, получение взятки в частном секторе, дачу взятки в частном секторе (ст.ст. 294, 296, 298, 298-1, 299, 300, 394, 402-3, 402-4), в Латвии – к квазиуголовной ответственности – за дачу взятки, за незаконное предоставление вознаграждения (ст.ст. 323, 326 УК Латвии).

В Молдове юридические лица являются субъектами таких коррупционных преступлений в публичной сфере как активное коррумпирование и извлечение

выгоды из влияния (ст.ст. 325, 326 УК Молдовы), в частном секторе – дача взятки и подлог бухгалтерских документов (ст.ст. 334, 3351 УК Молдовы).

Согласно ст. 99-4.6 УК Азербайджана, к юридическим лицам применяются уголовно-правовые меры за совершение следующих коррупционных преступлений: злоупотребление должностными полномочиями; получение взятки (пассивное взяточничество); дача взятки (активное взяточничество); незаконное воздействие на решение должностного лица (торговля авторитетом); служебный подлог (ст.ст. 308, 311, 312, 312-1, 313 УК Азербайджана).

В соответствии ч. 5 ст. 123 УК Кыргызстана принудительные меры уголовно-правового воздействия применяются к юридическим лицам за совершение следующих коррупционных преступлений: незаконное участие должностного лица в предпринимательской деятельности, посредничество во взяточничестве, дача взятки (ст.ст. 324, 327, 328 УК Кыргызстана).

На основании ст. 96-3 УК Украины меры уголовно-правового характера могут применяться к юридическим лицам за следующие коррупционные преступления: подкуп должностного лица юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы; подкуп лица, которое предоставляет публичные услуги; предложение, обещание или предоставление неправомерной выгоды должностному лицу; злоупотребление влиянием (ст.ст. 368-3, 368-4, 369, 369-2 УК Украины).

Наиболее распространенным наказанием, назначаемым юридическим лицам, является штраф. В некоторых странах, например, в Украине, штраф является единственной мерой ответственности, которая может быть назначена юридическому лицу за совершение коррупционного преступления, поскольку другие меры не подлежат применению [9, с. 233]. Согласно ч. 8, 9 ст. 44 ПК Эстонии в отношении юридических лиц применяется только одно наказание – денежное взыскание, которое по своей правовой природе соответствует штрафу по УК других государств.

В Азербайджане, Кыргызстане, Латвии, Литве, Молдове наряду со штрафом к юридическим лицам могут быть применены лишение (ограничение) права заниматься определенной деятельностью, ликвидация юридического лица (ст. 99-5 УК Азербайджана, ч. 1 ст. 124 УК Кыргызстана, ст. 70-2 УК Латвии, ч. 1 ст. 43 УК Литвы, ст. 63 УК Молдовы), причем ликвидация является исключительной мерой и назначается судом при наличии обстоятельств, закрепленных в ст. 99-8 УК Азербайджана, ст. 127 УК Кыргызстана, ст. 74 УК Молдовы. Статья 46 ПК Эстонии о принудительной ликвидации юридического лица была исключена из ПК с 1 января 2015 г. Наряду с перечисленными наказаниями в ст. 70-2 УК Латвии предусмотрено наказание в виде возврата денег, в ч. 2 ст. 43 УК Литвы – обнародования приговора в СМИ.

В ст. 99-5 УК Азербайджана предусмотрена специальная конфискация, которая в ряде государств не относится к наказаниям и применяется независимо от наказаний и иных мер уголовной ответственности. Конфискация имущества, назначаемая юридическим лицам на основании ст. 70-5 УК Латвии, по правовой природе является наказанием, а не специальной конфискацией орудий, предметов и средств преступлений. Имущество юридического лица, подлежащее конфискации, должно быть указано в решении суда.

В европейских странах установлены более широкие перечни наказаний, применяемые к юридическим лицам, в том числе за совершение коррупционных преступлений.

Согласно ст.ст. 131-37, 131-38 УК Франции основным наказанием, применяемым к юридическому лицу, является штраф, размер которого в пять раз выше, чем штраф, установленный за аналогичное преступление для физического лица. Если в статье не установлен штраф для физического лица, то размер штрафа для юридического лица составляет 1 000 000 евро. В ст.ст. 131-39, 433-25, 435-6 УК Франции установлены такие санкции за совершение коррупционных преступлений, как запрет на осуществление прямо или опосредовано одного или нескольких общественных или профессиональных видов деятельности на срок до 5 лет; нахождение под судебным надзором на срок до 5 лет; запрет выписывать определенные чеки или использовать платежные карты сроком до 5 лет; конфискация имущества, которое использовалось для совершения преступления, и производного от него имущества, за исключением имущества, подлежащего реституции; опубликование и распространение судебного решения; закрытие учреждения или одного из учреждений предприятия, которое использовалось для совершения преступления; дисквалификация от участия в процедурах государственных закупок на срок до 5 лет и др.

В ст. 9 Закона Польши наряду со штрафом предусмотрены такие наказания, как запрет на рекламирование осуществляемой деятельности; запрет на привлечение грантов и субсидий из государственных средств; запрет на использование помощи от международных организаций; запрет на подачу заявок на заключение государственных контрактов; публичное оглашение судебного решения.

Заключение

Анализ законодательства зарубежных государств показывает, что в зависимости от особенностей правовой системы страна устанавливает административную, квазиуголовную или уголовную ответственность юридических лиц за коррупцию либо привлекает к ответственности только физическое лицо, которое является непосредственным исполнителем преступления.

Наиболее часто нормы об уголовной или квазиуголовной ответственности юридических лиц закрепляются в уголовном законе страны, реже – в специальном законодательном акте.

Законодательство зарубежных государств неоднородно в области определения оснований ответственности юридических лиц. Если в одних странах необходимо, чтобы преступление было совершено лицом, которое занимает руководящую должность, или уполномоченным лицом, то в других странах юридическое лицо подлежит ответственности за коррупционное деяние, даже когда преступление совершено работником. При этом ответственность юридического лица обычно не исключает ответственность физического лица.

В странах, в которых ответственность юридических лиц не зависит от факта привлечения к ответственности физического лица за совершение коррупционного преступления, юридическим лицам назначаются наказания или меры уголовно-правового характера [5, с. 46]. В государствах, в которых

ответственность юридических лиц является производной от ответственности физических лиц, юридические лица редко привлекаются к ответственности.

Юридическое лицо может быть субъектом различных коррупционных преступлений, чаще всего связанных с активным подкупом должностных лиц (дачей взятки, незаконного вознаграждения). Наряду с этими деяниями во многих вропейских странах установлена ответственность юридических лиц за пассивное взяточничество (получение взятки, незаконного вознаграждения), торговлю влиянием и даже за злоупотребление служебным положением.

Самым распространенным, а в некоторых странах единственным наказанием, применяемым к юридическим лицам, является штраф. Наряду с ним в законодательстве обычно предусмотрены такие санкции или меры уголовно-правового характера, как лишение (ограничение) прав заниматься определенной деятельностью и в исключительных случаях ликвидация юридического лица. В европейских странах, в отличие от стран СНГ, более широкие перечни наказаний для юридических лиц.

В настоящее время в Республике Беларусь отсутствует ответственность юридических лиц за коррупцию. Учитывая особенности нашей правовой системы, наиболее оптимальным вариантом решения задачи по имплементации норм конвенций в области борьбы с коррупцией будет закрепление административной или квазиуголовной ответственности юридических лиц за коррупцию. На наш взгляд, при конструировании норм об ответственности целесообразно использовать общие для зарубежных государств особенности законодательного закрепления ответственности юридических лиц.

Список цитированных источников

1. Резюме обзора хода осуществления Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции Республикой Беларусь [Электронный ресурс] // UNODC. – Режим доступа: http://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/WorkingGroups/Implementation ReviewGroup/ExecutiveSummaries/V1801385r.pdf. – Дата доступа: 10.09.2019.

2. Summary of the Evaluation Report on Belarus : Joint First and Second Evaluations Rounds [Electronic recourse] // GRECO. – Mode access: https://rm.coe.int/CoERMPublic CommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806c1d38. – Date of acces: 10.09.2019.

3. Карабельникова, А. С. О субъектах коррупционных преступлений / А. С. Карабельникова // Проблемы укрепления законности и правопорядка : наука, практика, теория : сб. науч. трудов / редкол.: В. М. Хомич [и др.] ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск : БГУФК, 2013. – Вып. 6. – С. 103–110.

4. Федоров, А. В. Ответственность юридических лиц за преступления коррупционной направленности / А. В. Федоров // Рос. следователь. – 2017. – № 24. – С. 11–15.

5. Ответственность юридических лиц за коррупцию в странах Восточной Европы и Центральной Азии [Электронный ресурс] / ОЭСР. – Режим доступа: http://www.oecd.org/corruption/acn/ACN-Liability-of-Legal-Persons-2015-RUS.pdf. – Дата доступа: 10.09.2019.

6. Сравнительный анализ ответственности юридических лиц (корпоративной ответственности) за преступления коррупционной направленности [Электронный ресурс]: технич. документ : ECCU-PRECOP-TP-5/2015 / ПРЕКОП-РФ ; составитель Г. Рупчев // Совет Европы. – Режим доступа: https://rm.coe.int/16806d8620. – Дата доступа: 10.09.2019.

7. Федоров, А. В. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Республики Словении / А. В. Федоров // Рос. следователь. – 2018. – № 5. – С. 75–80.

8. Загиней, З. А. Особенности применения мер уголовно-правового характера в отношении юридических лиц в Украине: основные положения Уголовного кодекса / З. А. Загиней // Вестн. Акад. правоохранительных органов. – 2018. – № 4 (10). – С. 30–39.

9. Карабельникова, А. С. Ответственность юридических лиц за коррупционные деяния по законодательству государств–участников Содружества Независимых Государств / А. С. Карабельникова // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск : РИВШ, 2019. – С. 229–235.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности регламентирования уголовной и квазиуголовной ответственности юридических лиц в законодательстве Азербайджана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Польши, Украины, Франции, Эстонии и других государств. Проводится сравнительный анализ оснований ответственности юридических лиц, назначаемых им наказаний и мер уголовно-правового характера, перечней коррупционных преступлений, за которые юридические лица могут нести ответственность.

CRIMINAL AND QUASI-CRIMINAL RESPONSIBILITY OF LEGAL PERSONS UNDER THE LEGISLATION OF FOREIG COUNTRIES

H. Karabelnikava

Keywords: corruption, corruption crimes, criminal responsibility of legal persons, quasi-criminal responsibility of legal persons, responsibility of legal persons for corruption, conventions in the field of the fight against corruption, foreign countries legislation on responsibility for corruption.

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of legal regulation of criminal and quasi-criminal responsibility of legal persons under the legislation of Azerbaijan, Kyrgyzstan, Latvia, Lithuania, Moldova, Poland, Ukraine, France, Estonia and other countries. The grounds of legal persons' responsibility, penalties and criminal law coercive measures imposed on them, lists of corruption crimes for which legal persons may be liable are compared.

УДК 343.35

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ И КОРРУПЦИОННЫМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ

Колесов М.В.

Ключевые слова: преступность, коррупционные преступления, общество, мораль, наказание, пенитациарная система, воспитательная работа, нравственные ориентиры государства, развитие, девиантное поведение.

Введение

Коррупция является одним из наиболее опасных социальных явлений современности, существенным образом затрудняющим нормальное функционирование правовых механизмов обеспечения государственной власти.

К сожалению, коррупция из преступных проявлений отдельно взятых должностных лиц превращается в массовое явление, модели поведения которой следуют многие люди, считая необходимость «купить» какое-то решение

и «подмазать» кого-либо совершенно нормальным, обычным способом достижения поставленных перед собой целей.

При этом существенная часть населения испытывает дискомфорт от подобного положения вещей, что, прежде всего, выражается в степени доверия и удовлетворенности народных масс работой тех или иных государственных органов. Согласно результатам опроса, проведенного ВЦИОМ, в 2014 году только 56 % россиян относились к полиции с доверием, при этом 13 % доверяют ей полностью, а 43 % – лишь в определенной степени. В начале 2013 года результаты опроса показали, что полиции доверяют 54 % респондентов, в конце того же года социологи зафиксировали отметку в 46 %, а в 2011 доверие к правоохранителям выражали 52 % участников опроса, в 2010-м – только 40 %.

Чуть менее четверти респондентов (21%) дали положительную оценку деятельности сотрудников правоохранительных органов в оказании помощи гражданам. Еще 58 % опрошенных считают помощь полиции в решении проблем несущественной, а 13 % и вовсе уверены, что полицейские приносят людям больше вреда [1]. Согласно социологическому опросу молодежи, наибольшее доверие выражается к президенту, церкви, вооруженным силам; наименьшее – к милиции, судам, органам местного самоуправления. Примечательно, что 51,7 % опрошенных считают, что человеку о своей безопасности приходится заботиться самому [2, с. 32].

Последний факт вызывает обеспокоенность сам по себе: более половины молодых людей полагают, что на государство и государственную поддержку рассчитывать не стоит. Тем самым, ценностная сущность государства как регулятора общественных отношений и защитника граждан в понимании опрошенных фактически равна нулю.

Основная часть

Как видно из приведенных данных, доверие респондентов вызывает те органы или институты, с которыми не имеется опыта непосредственного общения: президент, например. Вооруженные силы в этой связи оцениваются надежными, поскольку реальных военных действий не происходит – соответственно, имеющиеся механизмы сдерживания внешней агрессии респондентами расцениваются как адекватные складывающейся ситуации.

С учетом изложенного, наибольшей критики подвергаются те органы и должностные лица, с которыми населению наиболее часто приходится общаться непосредственно – сотрудники полиции, органов местного самоуправления и т.д.

Кроме того, распространенность коррупции в Российской Федерации привела к тому, что, как уже было отмечено выше, более половины молодых людей в государство и закон фактически не верят.

Иными словами, если оценивать масштабы коррупции в нашей стране по возникшим в результате ее негативным последствиям, то следует констатировать, что коррупционный тип поведения и ведения дел является весьма распространенным и в некоторых случаях превалирует над правилами, установленными правовыми нормами; коррупция – это часть государственного аппарата, пронизывающая все государственные органы на всех уровнях – от районного до федерального.

Как успешно было отмечено, «коррупция - это раковая опухоль на ткани любого общества, в котором она существует, и борьба с ней – залог становления

процветающей демократии» [3]. Указанное сравнение весьма удачно, поскольку, как клетки злокачественной опухоли свойственно распространяться по организму, вживляясь в здоровые органы и ткани, так и идеи коррупции – «легкой наживы и широких властных полномочий», распространяясь в обществе, наносят огромный вред его процветанию.

Об этом в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации еще в 2005 году говорил Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Наше чиновничество еще в значительной степени представляет собой замкнутую и подчас просто надменную касту, понимающую государственную службу как разновидность бизнеса» [4]. Стоит также упомянуть высказывание Чезаре Беккариа, который 18 веке писал: «Одно из самых действительных средств, сдерживающих преступления, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности...» [5].

Но стоит учитывать и тот факт, что мизерность, несущественность наказания также могут являться негативным моментом: наказание за коррупционное преступление должно быть суровым, отпугивающим по своей сути и содержанию настолько, насколько сам факт коррупции вреден для общества и государства. Весомую роль в распространении коррупции в Российской Федерации играет и отсутствие организованной и структурированной государственной идеи, возведенных в степень идеала моральных качеств и сопутствующих им положительных примеров.

Нелишним будет вспомнить огромную пропагандистскую работу, проводимую советской властью, с целью создания положительного образа рабочего – человека, занимающегося простым трудом, – колхозника, кондитера, работника торговли и т.п. Обществу указывалось, что зарабатывать честным трудом – почетно, уважаемо, что труд миллионов простых советских людей является залогом процветания страны, ее экономического могущества, а также благосостояния, как всего общества, так и каждого из его членов.

Указанная агитационная работа проводилась масштабно, на протяжении десятилетий. В ее осуществление были вовлечены огромные ресурсы – и экономические, и человеческие. Идеал честного труженика насаждался на всех уровнях – начиная с дошкольных образовательных учреждений и на протяжении всей жизни человека – в рабочем коллективе, идеологии коммунистической партии СССР и т.д. В результате в обществе сформировался определенные устойчивые критерии, четко разграничивающие «положительное», законопослушное поведение от «отрицательного».

Лица, совершившие «отрицательные» поступки, выявлялись и предавались огласке своими же коллегами и знакомыми, поскольку совершение таковых действий вызывало явное моральное отторжение. Нарушивший установленные правила человек фактически становился «врагом всех», и не правоохранительные или контролирующие органы выявляли какой-либо негативный факт, а обычные рядовые граждане. Как следствие – виновное лицо подвергалось соответствующему воздействию, причем при любом наказании была велика доля воспитательного, корректирующего воздействия.

В настоящее время, в эпоху существования «общества потребления», поставившего во главу угла материальные блага, в результате чего «потребители приобретают власть и авторитет за счет производителей» [2, с. 39], происхождение материальных благ и денежных средств оценивается

значительное менее строго, чем их отсутствие. В современном обществе «богатый человек» имеет большее уважение и общественную значимость, чем «человек честный» или «человек законопослушный».

Именно в этой связи наличие властных полномочий рассматривается, прежде всего, как способ получать непредусмотренные законом дивиденды.

С учетом данного обстоятельства, происходит размывание границ между «девиантным» и «нормальным» поведением [6, с. 35-54]. Одновременно наблюдается «кризис наказания» – неэффективность традиционных форм социального контроля над преступным (вообще девиантным) поведением [7, с. 42-58].

Таким образом, существующая в современном обществе мораль и идеалы поведения человека являются сами по себе факторами, способствующими существованию коррупционных институтов и коррупционных отношений. Продолжая, следует напомнить и о важности борьбы с преступностью, что возложено на правоохранительные органы, деятельность которых должна быть основана на четком исполнении требований закона. Это в теории. А на практике, как указал руководитель Межрегионального профсоюза сотрудников ОВД РФ М. Павлов, «люди не верят не только полиции, суду и прокуратуре – тоже. Все эти органы больны коррупцией, равнодушием, непрофессионализмом. Мы довели до такой ситуации, что обращаться в полицию боятся даже жертвы преступления» [8].

Несмотря на имеющиеся факты уголовного преследования должностных лиц за совершение коррупционных преступлений, значительная часть этих профессиональных преступников от заслуженного наказания уходит. Не стоит забывать еще и о том, что в среде самих правоохранительных органов коррупция, к сожалению, не настолько чуждое явление.

«Кризис наказания» проявляется, во-первых, в том, что после Второй мировой войны во всем мире наблюдался рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции (а с конца 1990-х – начала 2000-х – сокращение, так же независимо от деятельности полиции и уголовной юстиции).

Во-вторых, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность общей превенции).

В-третьих, как показал в 1974 г. Т. Матисен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции.

В-четвертых, по мнению психологов, длительное (свыше 4-6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека [9, с. 40-50].

Исходя из изложенного, подведем некоторые итоги:

– коррупция в Российской Федерации имеет чудовищные масштабы, пронизывает все сферы общественных отношений на всех уровнях;

– с учетом распространенности коррупция и коррупционное поведение рассматривается обществом как неотъемлемая часть государственного аппарата;

– следствием изложенного является недоверие значительной части общества к государству и правовому регулированию, закону;

– борьба с коррупцией предусмотренными действующим законодательством мерами малоэффективна;

– в стране отсутствует полезная, созидательная социально-направленная идеология общества, а широко распространенная идеология «общества потребления» является плодородной почвой для существования коррупции.

Заключение

Исходя из сделанных выводов следует наметить пути выхода из кризиса.

Во-первых, это формирование и пропаганда полезной, социально-ориентированной моральной модели поведения. Здесь следует учитывать следующий фактор. «Российское общество является частью цивилизации, именуемой исследователями «западной», или «техногенной». В его культурной матрице важное место занимают понимание человека как деятельностного существа, чья социальная активность направлена на преобразование внешнего по отношению к нему мира и отдельных его объектов, а также ценность инноваций и прогресса. Но есть и отличие: техногенная цивилизация … «человекоцентрична» – ключевым элементом ее культурной матрицы является присущий западной культурной традиции индивидуализм, приоритет суверенной, автономной личности, тогда как российское общество вплоть до недавнего времени было «социоцентрично», его «ключевым игроком» на протяжении всей истории был коллектив…[2, с. 36].»

По нашему мнению, ни одна, ни другая точка зрения о том, что же более важно «коллектив» или «личность» не является стопроцентно верной. Сильная, самостоятельная, высокообразованная личность может стоить больше целой общности «серостей», однако оплотом и базисом для воспитания таковой личности является только коллектив со своими социально-ориентированными устоями.

Следует учитывать, что мышление общества, не отторгающее идею коррупции, коррупционного поведения, подрывает информационный суверенитет страны. Человек, являющийся должностным лицом, совершая коррупционные преступления, противопоставляет себя обществу, преподнося свой статус выше статуса других лиц. Тем самым при создании государственной пропаганды необходимо подчеркивать, что любой гражданин вне зависимости от занимаемой должности является органичной частью общества, имеющего общую культуру, обобщенную идею совершенствования жизни.

Мораль, о которой идет речь, помимо своей социальной ориентированности должна строиться на коллективном развитии и жизни человека, его обязанности служить удовлетворению не только собственных эгоистических желаний и устремлений, но и процветанию и развитию определенных социальных общин: семья, район, город, область, страна.

Положительным следствием создания рассматриваемого морального базиса станет отторжение девиантного, коррупционного поведения.

Во-вторых, необходимо принципиально изменить подход к уголовному наказанию. Как уже говорилось, наказание за совершение коррупционного преступления должно быть пугающим, однако больше пугает не суровость меры, а ее неотвратимость. В данной связи следует упомянуть и следующий важный аспект работы всех правоохранительных органов, в том числе и органов пенитациарной системы.

В большинстве случаев, основным механизмом борьбы с коррупциогенными факторами в ведомствах является издание ведомственных приказов. В ряде случаев, когда изложить определенные императивные требования в письменном

виде затруднительно, дается «устное указание». Наличие этих негласных «рекомендаций» фактически нивелирует такие понятия как «судейское усмотрение», «процессуальная самостоятельность следователя» и т.п.

Иными словами, высокопоставленные руководители ведомств не доверяют своим подчиненным, что также является массовым явлениям. Таким образом, действия и алгоритм работы системы является костным, неповоротливым, в то время как в «идеальной модели» должностное лицо, принимающее то или иное решение, руководствуясь законом и внутренним убеждением, т.е. совестью, будучи профессионалом своего дела, может действовать более эффективно, реализуя возложенные на него задачи.

Но воспитание таких профессионалов, неподкупных, ориентированных на защиту граждан и наказание виновных лиц, является следствием очень длительной работы, в том числе и воспитательной, выработки и прививания определенных моральных качеств.

На наш взгляд, совершение коррупционных преступлений «большого» масштаба, как, например, хищение бюджетных средств в сумме десятков, сотен миллионов рублей должно караться очень длительным сроком лишения свободы. Коррупционер, совершающий такие преступления, - враг государства, не менее опасный, чем тот, который напал с оружием в руках. Коррупционное вмешательство в расследование этих уголовных дел также должно предусматривать аналогичную меру ответственности.

В доход государства должны обращаться все объекты движимого и недвижимого имущества коррупционера, включая зарегистрированных на супругов, детей, родственников, друзей, за исключением тех, правомерность приобретения которых доказана.

Одним из важнейших оснований для смягчения ответственности должно являться их желание сотрудничать с правоохранительными органами, следствием чего должно являться задержание иных должностных лиц и их посредников, вовлеченных в существующие коррупционные схемы.

Расследование указанных уголовных дел должно в обязательном порядке подробно и на протяжении все времени производства по делу, вплоть до вступления приговора в законную силу, освещаться в средствах массовой информации, являясь, по сути, материалами, пропагандирующими законопослушный образ жизни.

Принцип гуманизма закона должен проявляться в возможности отменить уголовное наказание в виде лишения свободы на иные меры, связанные с выполнением общественно-полезных работ в течение неотбытого срока наказания по решению компетентной государственной комиссии, в том случае, если психологическое обследование лица выявит явные признаки его исправления и перевоспитания. Подобное изменение режима исполнение доказательства может быть рассмотрено в отношении «крупных» коррупционеров по истечении пяти лет лишения свободы, для «мелких» – трех лет.

В любом случае в отношении лица, осужденного за совершение коррупционного преступления, должен в течение длительного срока, вплоть до пожизненного, действовать запрет на использование и владение предметами роскоши: дорогими машинами, яхтами, объектами дорогой и элитной недвижимости и т.п.

Учитывая, что все коррупционные преступления совершаются с целью незаконного обогащения, пожизненное отлучение коррупционера не просто от богатого образа жизни, а даже от образа жизни человека со средним достатком, по нашему мнению, будет являться весьма действенным способом в борьбе с данным явлением. Человек, не пожелавший соблюдать требования закона, добросовестно исполнять возложенные на него обязанности, пренебрегший интересами общества и государства, должен продолжительное время жить на материальном уровне наиболее незащищенных слоев населения. Иными словами на уровне именно тех людей, на которых распространялись его властные административные полномочия и чьи права были попраны.

Список цитированных источников

1. URL: https://ria.ru/society/20141107/1032140642.html.
2. Коррупция: природа, проявления, противодействие / под общ.ред. Т. Я. Хабриевой. – М.: Юриспруденция, 2014.
3. URL: http://news.liga.net/news/world/12260058-bayden_korruptsiya_eto_rakovaya_opukhol_na_tele_lyuboy_strany.htm.
4. URL: https://rg.ru/2005/04/26/prezident-poslanie.html.
5. URL: https://emediator.ru/index.php/elearning/pravovye-novosti/1187-fakultativnoe-pravosudie.
6. Гольберт, В. Нормально или девиантно различать между нормой и девиацией? В: Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. – С.-Пб, 2011. – С. 35-54.
7. Гилинский, Я. И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Российский ежегодник уголовного права. – С.-Пб.: Университетский издательский консорциум, 2014. – № 7. – С. 42-58.
8. Газета «Новое время» . – 2013. – 28 октября.
9. Пирожков, В. Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного / В.Ф. Пирожков // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1981. – Вып. 35. – С. 40-50.

Аннотация. В статье рассматривается глубинная сущность коррупции и коррупционных проявлений, их влияние на государство, общество и мораль в обществе. Предлагаемая автором концепция борьбы с коррупционными преступлениями основывается на наблюдении ряда ученых, особенностях нравственного воспитания населения и ряде других факторов.

PERSPECTIVE METHODS OF FIGHT AGAINST CORRUPTION AND CORRUPTION MANIFESTATIONS

Kolesov M. V.

Keywords: crime, corruption crimes, society, morality, punishment, penitentiary system, educational work, moral guidelines of the state, development, deviant behavior.

Abstract. The article deals with the deep essence of corruption and corruption manifestations, their impact on the state, society and morality in society. The concept of combating corruption crimes proposed by the author is based on the observation of a number of scientists, features of moral education of the population and a number of other factors.

УДК 343.352

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЗАПРЕТА НА ПОЛУЧЕНИЕ ПОДАРКОВ КАК МЕХАНИЗМА ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ

Куница Е.В.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционные ограничения, профилактика преступности, правоприменение, совершенствование законодательства.

Введение

Коррупция справедливо рассматривается мировым сообществом в качестве серьезного фактора, который дестабилизирует систему социальной организации и управления обществом, сдерживает его устойчивое экономическое развитие, и, как следствие, является актуальной проблемой для любого государства, в том числе для тех их них, которые обладают развитой экономикой и сформированным гражданским обществом [1, с. 324]. Коррупция продолжает наносить обществу значительный материальный, социальный и нравственно-правовой ущерб.

В связи с этим необходимым условием обеспечения безопасности государства и общества выступает формирование системного инструментально-правового механизма противодействия этому чрезвычайно опасному явлению. Одним из элементов указанного механизма является установление системы антикоррупционных запретов и ограничений для должностных лиц, включая запрет на получение имущества (подарков) в связи с исполнение должностных обязанностей.

Основная часть

Белорусский законодатель определяет коррупцию с позиции умышленного использования государственным должностным или приравненным к нему лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды, а также как подкуп таких лиц [2, с. 11].

Принимая во внимание публично-властную природу коррупции и коррупционного поведения, законодательство о борьбе с коррупцией исходит из того, что коррупционное поведение потенциально заложено в особом правовом статусе (полномочиях, положении) должностных лиц [3, с. 123].

Исходя из этого, одним из основных перспективных направлений повышения эффективности противодействия коррупции выступает комплексная профилактика коррупционных проявлений, в том числе посредством установления для определенных категорий лиц единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в сфере их служебной деятельности.

Указанные антикоррупционные ограничения и запреты на отдельные действия в профессиональной и частной сферах устанавливаются для лиц, обладающих определенным правовым статусом, деятельность которых сопряжена с особой ответственностью перед личностью, обществом, государством.

В качестве таких лиц Закон Республики Беларусь от 15.06.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией) рассматривает государственных должностных лиц и лиц, приравненных к государственным должностным лицам. Содержание данных терминов раскрывается в статье в ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией.

Правовые запреты и ограничения для государственных должностных лиц и приравненных к ним лиц установлены в законодательстве о борьбе с коррупцией в целях исключения и (или) нейтрализации приоритета личных, групповых и иных внеслужебных интересов при исполнении указанными субъектами служебных и трудовых обязанностей. Они являются важными составляющими в системе мер борьбы с коррупцией и ее предупреждения, широко применяется международным сообществом, большинством стран, а также региональными и международными организациями [4, с. 158-159].

Каждое государственное должностное лицо, лицо, претендующее на занятие такой должности, в соответствии со ст. 16 Закона о борьбе с коррупцией в письменной форме даёт обязательство по соблюдению антикоррупционных ограничений, установленных законодательством в соответствии с его правовым статусом (занимаемой должностью). Одновременно такие лица ставятся в известность о правовых последствиях неисполнения письменного обязательства.

Одним из обозначенных ограничений антикоррупционной направленности является общий запрет на получение имущества (подарков) государственными должностными и приравненными к ним лицами в связи с исполнением служебных (трудовых) обязанностей, который установлен в ряде законодательных актов (Закон о борьбе с коррупцией, Закон Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее – Закон о государственной службе), Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК).

Согласно абз. 9 ч. 1 ст. 17, абз. 2 ч. 5 ст. 17 Закона о борьбе с коррупцией указанные лица не вправе принимать имущество (подарки) или получать другую выгоду для себя или для третьих лиц в виде работы, услуги в связи с исполнением служебных (трудовых) обязанностей. Исключением являются только случаи вручения такому лицу сувениров при проведении протокольных и иных официальных мероприятий.

При этом Закон о борьбе с коррупцией не ограничивает стоимость сувениров и их максимальное количество. Более строгий порядок принятия сувениров установлен в отношении отдельной категории государственных должностных лиц – государственных служащих (подп. 1.8 п. 1 ст. 22 Закона о госслужбе). Особенности принятия подарков работниками организаций здравоохранения, учреждений образования, учреждений социального обслуживания, иных аналогичных организаций установлены в ст. 546 ГК.

Действующее законодательство не содержит определения термина «сувенир». Подходы к определению его содержания на сегодняшний день формируются в ходе практической деятельности.

Так, по мнению белорусского автора Р.В.Киени под сувениром понимают художественное произведение, которое напоминает о месте пребывания, праздничных датах. Деловой сувенир представляет собой преимущественно небольшую вещь, которая используется для создания имиджа компании,

корпоративного стиля, используется в рекламных мероприятиях. Цель сувенирной продукции, как правило, заключается не в передаче полезных свойств предмета, а в распространении среди неопределенного круга лиц информации, которая отражается непосредственно на сувенирной продукции (изображение логотипа организации, ее наименование, дата образования, наименование торговой марки, государственная символика и т.д.) [5].

Наиболее типичными примерами сувенирной продукции являются календари, ручки, блокноты, зажигалки, предметы посуды, миниатюры выпускаемой продукции. Вместе с тем, широкое распространение получили факты вручения должностным лицам образцов выпускаемой продукции (продуктовые корзины, косметические средства и т.д.), электронных устройств (мобильные телефоны, планшеты, ноутбуки и т.д.) и иных предметов, которые передаются под видом сувениров, однако по своей сути таковыми не являются.

Отсутствие в законодательстве критериев отнесения того или иного предмета к сувенирам влечет возникновение определенных затруднений при принятии решения о возможности обращения его в собственность одаряемого. По этой же причине в ходе проверок возникают различные спорные ситуации, когда получившее имущество должностное лицо не соглашается с выводами о допущенном нарушении и настаивает на сувенирном характере имущества и правомерности его получения.

Обозначенная проблема усугубляется также отсутствием легального определения терминов «протокольное мероприятие» и «иное официальное мероприятие».

Правоприменительная практика исходит их того, что такие мероприятия проводятся в специально регламентированном порядке и связаны с деятельностью определенной организации (совещания, заседания, коллегии, официальные встречи, презентации, мероприятия по случаю памятных дат, государственных и профессиональных праздников, введение в строй строительных объектов и т.п.).

Подготовка и проведение таких мероприятий предполагает соблюдение определенной формальной процедуры (издание распоряжения о проведении мероприятия, утверждение плана мероприятия и сметы расходов, документальное оформление приобретения подарков и составление отчета об их использовании и т.п.).

Исходя из требований законодательства, государственным должностным лицам разрешено принимать в ходе протокольных и иных официальных мероприятий сувениры только в качестве подарков (исключительно на безвозмездной основе, без какой-либо обусловленности вознаграждения соответствующими действиями по службе). Если же имущество под видом подарка передается за использование должностным лицом своих служебных полномочий в интересах лица, вручившего подарок, то содеянное квалифицируется как взяточничество независимо от стоимости предмета взятки (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве»).

Несоблюдение установленной процедуры получения сувениров влечет определенные правовые последствия. Исходя из ст. 40 Закона о борьбе с коррупцией, имущество, в том числе подарки, полученное государственным должностным лицом с нарушением порядка, установленного законодательными

актами, в связи с исполнением им своих служебных (трудовых) обязанностей, подлежит безвозмездной сдаче по месту службы (работы) указанного лица в порядке, определенном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22.01.2016 № 45.

В этой связи принятие государственным должностным лицом имущества в качестве подарка с нарушением установленного порядка препятствует обращению подарка в собственность лица.

Так, государственный служащий обязан сдать по месту службы сувенир стоимостью свыше пяти базовых величин, полученный в связи с исполнением служебных обязанностей на протокольном и ином официальном мероприятии. Нарушениями установленного порядка признаются также действия государственного должностного лица по принятию подарков, которые: не являются сувенирами, хотя и получены на протокольных и иных официальных мероприятиях; являются сувенирами, но получены не на протокольных и иных официальных мероприятиях; не являются сувенирами и получены не на протокольных и иных официальных мероприятиях.

По нашему мнению, в случае, когда государственное должностное лицо имеет какие-либо сомнения относительно правомерности получения им имущества в связи с исполнением служебных (трудовых) обязанностей, ему следует обратиться в государственный орган, иную организацию, в которой лицо проходит службу или осуществляет трудовую деятельность, для решения вопроса о возможности обращения такого имущества в свою собственность.

Государственный орган, иная организация исследует обстоятельства получения имущества (в частности, на предмет отнесения мероприятия к официальным, полученного имущества к сувенирам) и принимает решение о возможности обращения имущества в собственность государственного должностного лица либо о безвозмездном изъятии подарка.

Рассматриваемое антикоррупционное ограничение является весьма востребованным в практической деятельности. Обращения по вопросу разъяснения его содержания регулярно поступают в органы прокуратуры от государственных органов, иных организаций, граждан. Как было отмечено выше, сложившаяся ситуация обусловлена, прежде всего, отсутствием закрепленных законодательством понятий «сувенир», «протокольное мероприятие», «иное официальное мероприятие», а также их оценочным характером.

Для преодоления данной проблемы предлагается отказаться от использования оценочного понятия «сувенир», одновременно установив предельную стоимость вручаемого лицу подарка в связи с исполнением служебных (трудовых) обязанностей в размере, не превышающем 5 базовых величин.

Такой подход предполагает введение объективного критерия оценки предмета подарка (его стоимость) взамен существующего субъективного (признаки сувенирной продукции), а также согласуется с действующими нормами гражданского законодательства и законодательства о государственной службе, которыми установлен аналогичный предел стоимости обычного подарка.

Заключение

Изложенное выше позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Предлагается изложить абз. 9 ч. 1 ст. 17, абз. 2 ч. 5 ст. 17 Закона о борьбе с коррупцией в следующей редакции: «принимать в связи с исполнением служебных (трудовых) обязанностей имущество или получать другую выгоду для себя или для третьих лиц в виде работы, услуги, за исключением подарков, полученных при проведении протокольных и иных официальных мероприятий, стоимость каждого из которых не превышает установленного законодательством пятикратного размера базовой величины, цветов, а также иных случаев, предусмотренных законодательными актами».

Соответствующей корректировке подлежит абзац 7 ч.1 ст. 37 Закона о борьбе с коррупцией – состав коррупционного правонарушения следует предусмотреть только применительно к получению обусловленных служебным положением подарков, за исключением не превышающих пятикратный размер базовой величины и иных случаев, предусмотренных законодательными актами.

Одновременно в ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией предлагается определить понятие подарка, полученного при проведении протокольных и иных официальных мероприятий, а также закрепить определения протокольных и иных официальных мероприятий.

Подарок, полученный при проведении протокольных и иных официальных мероприятий, – имущество, полученное государственным должностным или приравненным к нему лицом при проведении протокольных и иных официальных мероприятий, в том числе через иное лицо от физических (юридических) лиц, которые осуществляют дарение исходя из должностного положения одаряемого или исполнения им служебных (должностных) обязанностей.

Протокольные и иные официальные мероприятия – мероприятия, проведение которых предусмотрено законодательством, процедурами, правилами, регламентами, решениями государственных органов и иных организаций, участие в которых связано с исполнением служебных (трудовых) обязанностей государственным должностным или приравненным к нему лицом в рамках служебной (трудовой) деятельности или обусловлено в соответствии с законодательством выполнением государственным должностным или приравненным к нему лицом устных или письменных указаний руководителя государственного органа, иной организации, в котором (которой) работает либо проходит службу государственное должностное или приравненное к нему лицо.

Указанные предложения нашли свое закрепление в проекте Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам борьбы с коррупцией», подготовленном Генеральной прокуратурой на основании п. 30 плана подготовки законопроектов на 2019 год, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 04.01.2019 № 4.

Реализация данных инициатив позволит устранить имеющуюся правовую неопределённость в регламентации ограничения на получение имущества (подарков), повысить эффективность функционирования данного профилактического антикоррупционного механизма и одновременно не повлечет возникновения дополнительных коррупционных рисков.

Список цитированных источников

1. Куница, Е. В. Некоторые вопросы совершенствования правового регулирования противодействия коррупции в Республике Беларусь / Е. В. Куница // Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь: сб. материалов VI Междунар. науч. конф. / Нац. Центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол. С. М. Сивец [и др.]. – Минск, 2017. – С. 324-327.

2. Противодействие коррупции: учеб. пособие / Н. А. Бабий [и др.]; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск, 2016. – 498 с.

3. Хабибуллина О. В. К вопросу о видах запретов для государственных служащих Российской Федерации / О. В. Хабибулина // Административное право и процесс. – 2016. – № 3, С. 24-31.

4. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» / НПЦ Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск, 2017. – 608 с.

5. Киеня, Р. В. Ограничение по принятию подарков в связи с исполнением служебных обязанностей [Электронный ресурс] / Р. В.Киеня // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования и практического применения антикоррупционного ограничения на получение имущества (подарков), установленного законодательством в отношении государственных должностных и приравненных к ним лиц.

На основе анализа законодательных актов, практики осуществления прокурорского надзора, а также поступающих в органы прокуратуры обращений рассмотрены имеющиеся в данной сфере проблемные вопросы. Автор приходит к выводу о том, что наиболее распространенные сложности в реализации ограничения на получение имущества (подарков) обусловлены несовершенством регламентации данного профилактического механизма.

В связи с этим вносятся конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства о борьбе с коррупцией, направленные на устранение имеющейся правовой неопределенности. Предлагается отказаться от использования оценочного понятия «сувенир», одновременно установив предельную стоимость вручаемого лицу подарка в связи с исполнением служебных (трудовых) обязанностей в размере, не превышающем 5 базовых величин.

SOME ISSUES OF APPLYING THE ANTI-CORRUPTION BAN ON OTHER AID WORK, RESTRICTIONS ON JOINT WORK IN A STATE ORGANIZATION

Kunitsa E.

Abstract. The article is devoted to the issues of legal regulation and practical application of anti-corruption restrictions on the receipt of property (gifts), established by the legislation in respect of public officials and persons equated to them.

On the basis of the analysis of legislative acts, practice of implementation of Prosecutor's supervision, and also the appeals arriving to bodies of Prosecutor's office the problem questions available in this sphere are considered. The author comes to the conclusion that the most common difficulties in the implementation of restrictions on the receipt of property (gifts) are due to the imperfection of the regulation of this preventive mechanism.

In this regard, specific proposals are made to improve the current legislation on combating corruption, aimed at eliminating the existing legal uncertainty. It is offered to refuse use of estimated concept "souvenir", at the same time having established limiting cost of the gift handed

over to the person in connection with execution of office (labor) duties in the size which is not exceeding 5 basic sizes.

УДК 34.02

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВОПОРЯДКА В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Ломакина И.Б.

Ключевые слова: Правопорядок, законность, постклассическая методология, право, правовой плюрализм.

Введение

Данная статья не ставит своей задачей решение научной проблемы. Скорее наоборот, она актуализирует постановку проблемы, ставя ряд вопросов на которые практически не существует однозначных ответов в современной юридической науке. Если с точки зрения классического подхода, так или иначе, было все предельно понятно, так как правопорядок выводился из какого-то одного основания. Юридический позитивизм, например, выводил правопорядок из совокупности действовавших в государстве норм права; юснатурализм из естественного права, как критерия наличного бытия права, сводя, по сути, право и его идею к свободе. Социология права апеллировала к общественным отношениям, урегулированным правовыми долженствованиями, не сводимыми только к закону. Ни один из названных подходов не может адекватно современным реалиям показать правопорядок во всем многообразии форм его проявления. А раз так, то возникает проблема понимания онтологической сущности правопорядка как социо-культурного феномена; не безынтересна его качественная и количественная характеристика; весьма актуально выглядит сравнение правопорядка и законопорядка, а также его соотношение с общественным порядком в целом.

Основная часть

Итак, первое, что стоит отметить, исходя из водной части настоящей статьи. Правопорядок это разновидность общественного порядка и он не может быть сведен к совокупности норм права. Новая методологическая ситуация в теоретико-правовом дискурсе показывает, что позитивистские, а вернее нормативистские взгляды на право как совокупность норм, исходящих от государства и обеспеченных силой государственного принуждения давно уступили позиции плюралистическим концепциям, признающим в праве диалогичность, полиалогичность в силу его многообразности, сложности и многомерности [1, с. 22-25].

Антропологический поворот в общественных науках (юридическая наука не стала исключением) сформировал доминанту, которая легла в основу всех теоретических конструкций. Речь идет о наделении социальных феноменов интерсубъективным (объективным и субъективным одновременно) свойством. Это свойство предполагает диалектическую связь творца и творения

одновременно. Право, в таком ракурсе, не существует вне жизненного мира человека. Оно связанно с деятельностью человека во всем многообразии форм его существования.

Интерсубъективность правовых долженствований определяется тем, что все долженствования возникают только в результате деятельности социальных субъектов и не существуют независимо от них. Эти правила поведения представляют собой субъективную корреляцию, выражающую должное и возможное поведение в обществе. При этом, долженствования всегда контекстуально обусловлены. Их содержание определяется материальными условиями и ментальностью народа создавшего (сконструировавшими) эти долженствования.

При таком подходе правопорядок не может сводиться к системе норм, о чем говорилось выше. Не сводится он и к системе права: (нормам, институтам, подотраслям, отраслям и даже общностям). Общность права как системный элемент права выделяет проф. И. Л. Честнов [2, с. 68.] Абстракцией выглядит и утверждение, что правопорядок – это порядок, основанный на праве, вернее на формах его внешнего выражения.

Если правопорядок не сводим к системе права и к формам выражения его норм, то правопорядок так же вряд ли стоит отождествлять или выводить из правоотношений. Правоотношения, будучи динамическим аспектом права, так или иначе, как правило, предполагают правомерное поведение. Однако, как нам представляется, правопорядок должен быть связан не только с правомерным поведением, но и быть показателем тех отклонений, которые имеют место в данном обществе. Важно не упускать из виду непременную составляющую правопорядка, количество отклонений от законодательства (злоупотребление правом), нарушение закона. Это в свою очередь, то есть обращение к правовым отклонениям, показывает реальное положение дел в правовой жизни и дает возможность оценить уровень правопорядка в стране.

Стоит отметить также и важность взаимосвязи понятий правопорядка и законности. Эти две категории теснейшим образом связаны между собой. Можно с известной долей уверенности говорить об их взаимном проникновении друг в друга. Поэтому в учебной литературе традиционно подчеркивается связь этих двух понятий. Нередко правопорядок выступает результатом законности. Это, конечно, отражает связь законности и правопорядка как явлений, демонстрирует их целостность. Однако такое объяснение удобоваримо лишь отчасти, так как правопорядок контекстуально обусловленный интерсубъективный порядок, где законность выступает требовательным партнером и не более того.

Итак, если правопорядок не сводится только к совокупности правовых норм и не выводится только из правомерного поведения и правоотношений, то еще более неубедительной выглядит идея, что правопорядок это порядок, проистекающий из природы человека (в юснатуралистическом понимании). Такое мифологическое видение выглядит неудобоваримо с позиций современной жизни.

Изложенное выше порождает необходимость констатировать, что правопорядок это не данность, а процесс конструирования нормативно-правовой системы и ее реализации в практиках людей – носителей статуса субъектов права. В правопорядке как разновидности общественного порядка особое место

имеют нормы, институты, ценности, идеалы, принципы права, социальный контроль, правовая политика, законность и проч.

Такой ракурс понимания правопорядка дает основание полагать, что в современном мире нет одинаковых правопорядков. Даже в рамках одного государственно организованного общества не существует единого правопорядка. Поскольку современное государственно организованное общество плюралистично по своей сути. Каждая более или менее самодостаточная страта (этнос, народ, корпорация в широком смысле) порождают свою нормативную регуляцию, вписывающуюся, не вписывающуюся и даже вступающую в откровенный конфликт с государственно организованным правовым порядком.

Отсутствие гомогенности в современном обществе создают ситуацию, которая в западной политической и юридической литературе именуется как правовой плюрализм. Эта ситуация не может быть адекватно осмысленна и изучена с точки зрения классической науки. Представляется, что только с позиций постклассического подхода можно, более или менее, вразумительно показать противоречия современного мира и его концептуальное отражение вне логических заданностей, априорностей и прочих конструктов. В контексте новой реальности, вполне обоснованно выглядит мысль И. Л. Честнова, что постклассика вынуждает пересмотреть основания современного общества, в том числе его государственность и право [3, с. 5-6]. Современная плюральность в политической, экономической, культурной жизни государственно организованного общества дает основать считать, что в современном государстве существует несколько правопорядков. Так, например, П. Черчмен обращает внимание на плюрализацию картин мира социума в рамках различных социальных, в том числе и правовых, систем. У. Акофф настаивает на доминирующем значении фактора плюрализма интересов в моделях изучаемых организаций, что позволяет увидеть специфику нормативных систем. П. Чекленд рассматривает мир как проблематичный, допускающий множество интерпретаций. Видение постмодерна – видение плюралистическое. «Постмодерн бежит от всех форм монизма, унификации и тоталиризации, не приемлет единой общеобязательной утопии и многих скрытых видов деспотизма, а вместо этого переходит к провозглашению множественности и диверсивности, многообразия и конкуренции парадигм и существования гетерогенных элементов» [4, с. 132].

Переводя вышеизложенное на сферу научного понимания, отметим следующее. Постклассический плюрализм акцентирует внимание на конкуренции теорий и методологических принципов, на легитимации многообразия в науке. Работающие в постклассической парадигме представители различных наук: правоведы, социологи, этнологи – обосновывают необходимость признания тотального многообразия в правовой системе, обществе, науке, настаивают на необходимости гибких построений теоретических моделей.

Правовой плюрализм выступает в них в качестве идейной доминанты для построения многоуровневых моделей, демонстрирующих многообразие правовой жизни и правовых ценностей, как цементирующего основания всей правовой реальности. Отсюда правовой порядок – это не только конгломерат действующих нормативных правовых актов, но и вся правовая действительность, включающая в себя правоотношения, различные формализованные источники,

в том числе и правовые ценности, а также (текстуально оформленную – в широком смысле) правовую информацию.

Это дает основание утверждать, что в обществе существуют различные правовые системы и правовые порядки, которые могут действовать в социальных практиках на базе универсального алгоритма государственно организованного права (в случае их официального включения в нормативно-правовую систему), и на базе неуниверсального алгоритма, что, в свою очередь, предусматривает их относительную самостоятельность от государственно организованного правопорядка. Последний вариант предполагает наличие в обществе нескольких действующих правопорядков, которые, сосуществуя в одном правовом поле, могут дополнять друг друга и даже эвентуально соперничать друг с другом. К числу таких полуавтономных правопорядков может относиться традиционный этнический правопорядок, в основе которого лежит обычное право. Так, например, в Канаде обычное право аборигенного населения являет собой легальную автономную правовую систему. То же самое можно констатировать и в Австралии. Там австралийские аборигены живут по «обычаям предков» и не мыслят иного…. Весьма примечательно выглядит правовой порядок в Израиле. Так, наряду с государственно организованным правом существует древнее иудейское право, источником которого является «Тора» и «Ветхий завет». Индия «перекресток культур» тоже являет миру не один, а несколько правопорядков, вполне легально и легитимно существующих в рамках единого государственно организованного общества.

Можно привести массу примеров противостояния правопорядков в рамках единого государственно организованного общества, особенно изобилует примерами современная Европа с ее многочисленными «ордами» мигрантов, осевшими в пригородах Парижа, Милана, Рима, Бона и даже Стокгольма. Есть чему удивиться даже в консервативной Англии, плюральность (в широком смысле) привела, к появлению различного рода медиаций, включая шариатские суды.

Существующие в обществе полуавтономные правопорядки не разделены «китайской стеной» с легальным правом, как остроумно заметили А. В. Поляков и Е. В. Тимошина, а представляют собой подсистемы единой функциональной системы права, между которыми существуют коммуникативные отношения. Они могут сохранять взаимный нейтралитет, временно находиться в состоянии оппозиции, но также и активно взаимодействовать. Последний вариант является оптимальным для определенных сфер социальной жизни, так как у государства имеются уникальные возможности для того, чтобы право смогло раскрыть полностью свой потенциал [5, с. 126]. С этим утверждением трудно не согласиться.

В данном ракурсе, существующая плюралистичность современного государственно организованного общества показывает, что противопоставлять правовые системы друг другу или попросту не замечать их существование не лучшая стратегия. Этнические, социальные конфликты показывают, что отказ от монизма, в том числе идеологического дает более широкий спектр возможностей в изучении явлений правовой действительности, во многом указывающих на процесс формирования и развития права, его ценностей и практик реализации. А это, как известно, одна из ключевых проблем в теоретической юриспруденции. Поэтому представляется актуальным именно такой разворот проблемы.

Постклассическая парадигма не выносит априори положительной или отрицательной оценки в отношении любого вида, типа права у различных народов. Наряду с законом не умаляется значение прерогативных источников. С позиций постклассики можно лучше понять происходящее и ответить на ряд вопросов: почему так часто действие того или иного закона не приносит ожидаемых результатов? Почему традиционные правовые ценности, так основательно искореняемые из области официального права, до сих пор занимает определенную нишу в сознании ряда референтных групп. Данный подход позволяет шире и глубже взглянуть на правовую жизнь как на некий субстрат, содержащий в снятом виде весь предшествующий человеческий опыт; как на то, что, по сути, определяет «дух народа» и «дух права» реализующийся в правопорядке или правопорядках.

Таким образом, представляется, что только с позиций постклассики возможно комплексное изучение правовой жизни во всем многообразии ее социокультткурных форм. Разнообразные правотворческие интенции различных групп порождают параллельные ценностные системы. Следовательно, необоснованной выглядит этатистская идея о приоритетности норм закона (права в узком смысле). В связи с этим напомним слова известного ученого: «Вы никогда не узнаете, на что похожа мышь, если будете тщательно изучать её отдельные клетки под микроскопом, так же как не поймете прелести готического собора, подвергая каждый его камень химическому анализу» [6, с. 47].

Стало быть, лишь с таких обновленных методологических позиций становится возможным говорить о правопорядке, правовых институтах, ценностях, источниками которых выступают материальные условия жизни конкретного народа и ментальные установки, во многом обусловливающие их многообразие. Этот подход демонстрирует характер и особенности институциональных ценностей и правопорядка в целом; предусматривает иной взгляд на государственно организованное право, а именно, как на результат исторического развития; обнажает механизмы перехода одних ценностей в другие и наоборот.

Данный подход открывает новые возможности для интерпретации правового порядка, позволяет внести определенные коррективы в либеральные положения об универсализме прав и свобод, которые, безусловно, имеют важное социальное значение для цивилизаций, породивших их, но отнюдь не для тех, кому они «импортируются» в качестве «универсальных».

Одновременно возникает проблема механизма состыковки одной системы ценностей (коллективистских) с другой – ценностями западного (индивидуалистического) типа. Они не могут быть изначально универсальными для народов, стоящих на разных ступенях экономического развития. Об этом в своё время писал Гюстав Леббон, характеризуя особенности культурного развития различных народов, находящихся на разных ступенях экономического, политического и правового развития: «Нет ни форм правления, ни учреждений, относительно которых можно было бы сказать, что они абсолютно хороши или абсолютно дурны. Правление дагомейского короля – вероятно, превосходное правление для народа, которым он призван был править; и самая искусная европейская конституция была бы для этого же самого народа ниже выработанного им режима… Столь же резонно было бы стараться убедить рыб

жить на воздухе, на том только основании, что воздушным дыханием пользуются все высшие животные» [7, с.64].

Заключение

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что постклассическое понимание предполагает, что правопорядок это не данность, а процесс конструирования нормативно-правовой системы и ее реализации в практиках людей – носителей статуса субъектов права. В правопорядке как разновидности общественного порядка особое место имеют нормы, институты, ценности, идеалы, принципы права, социальный контроль, правовая политика, законность и проч. Это в свою очередь предполагает, что в современном мире нет одинаковых правопорядков. Даже в рамках одного государственно организованного общества не существует единого правопорядка. Плюральность социальной системы порождает множественность нормативных систем, каждая из которых образует автономную, полуавтономную нормативную регуляцию, основанную на тех или иных правовых ценностях, разделяемых различными статусными группами (субъектами права).

Список цитированных источников

1. Поляков, А. В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций / А. В. Поляков. – 2-е изд., доп. –СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 845 с.

2. Честнов, И. Л. Теория государства и права: учеб. пособие/ И. Л. Честнов. – СПб: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Академии Ген. Прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 116 с.

3. Честнов, И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна / И. Л. Честнов // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 4–18.

4. Вельш, В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия / В. Вельш // Путь. – 1992. – № 1. – С. 130–138.

5. Поляков, А. В. Общая теория права: Учебник / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПб.: Издательский Дом С-Петерб. гос. ун-та. – 2005. – 472 с.

6. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. / Л. Н. Гумилев – СПб.: Астрель, – 2005. – 512 с.

7. Леббон, Г. Психология народов и масс. / Г. Леббон. – СПб.: Макет, 1995. – 130 с.

Аннотация. В данной статье автор ставит проблему понимания правопорядка как сложного многомерного явления правовой жизни не сводимого к совокупности норм права или формам их выражения, правопорядку как порядку, основанному на законе, законности в широком и узком смысле. Автор показывает, что классические подходы не адекватно отражают данный феномен, и только с позиций постклассической методологии, возможно, иное более емкое наполнение правопорядка включающего в себя весь процесс конструирования нормативно-правовой системы и ее реализации в практиках людей – носителей статуса субъектов права. В данной статье утверждается, что в правопорядке как разновидности общественного порядка особое место имеют нормы, институты, ценности, идеалы, принципы права, социальный контроль, правовая политика, законность и проч. Особое внимание автор уделяет проблеме существования в современном государственно организованном обществе нескольких правопорядков. Эти правопорядки вытекают из природы социальных отношений в организованных группах, носителей особых социальных статусов.

INSTITUTIONALIZATION OF THE RULE OF LAW IN POSTCLASSICAL THEORY OF LAW

Lomakina I.B.

Keywords: law and Order, legality, postclassical methodology, legal pluralism.

Abstract. In this article, the author raises the problem of understanding the rule of law as a complex multidimensional phenomenon of legal life is not reduced to a set of rules of law or forms of their expression, the rule of law as an order based on the law, the rule of law in a broad and narrow sense. The author shows that the classical approaches do not adequately reflect this phenomenon, and only from the standpoint of post-classical methodology, it is possible that a more capacious content of the law includes the entire process of designing the regulatory system and its implementation in the practices of people – carriers of the status of subjects of law. This article argues that the rule of law as a kind of public order have a special place norms, institutions, values, ideals, principles of law, social control, legal policy, legality, etc. The author pays special attention to the problem of existence of several law and order in the modern state-organized society. These law and order derive from the nature of social relations in organized groups, holders of special social statuses.

УДК 343

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Матвеева К.О.

Ключевые слова: коррупция, правовые акты, коррупционные правонарушения, противодействие коррупции, международные акты.

Введение

В современных государствах большое внимание уделяется сравнительно-правовым исследованиям вопросов борьбы с коррупцией, что обусловлено многими причинами, в том числе, необходимостью выполнения международных обязательств в указанной сфере, развитию международного сотрудничества в области борьбы с коррупцией, изучению опыта других государств по применению наиболее эффективных мер предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений, возможности их использования в национальном законодательстве.

Итоги отмеченных исследований отображены во множественных публикациях отечественных и зарубежных авторов (Василевич А.Г., Пиджаков А.Ю., Мишальченко Ю.В., Швецов А.В., Иванов А.А. и др.). При этом сравнение ведется с применением сформировавшегося в национальном праве понятийного аппарата и раскрытия отличий определенных понятий в различных государствах.

Основная часть

При исследовании вопросов противодействия коррупционным проявлениям особый интерес вызывают различные подходы к понятию «коррупция» и ее интерпретации в законодательстве государств.

Противодействие коррупции требует системного подхода, поскольку данное явление влечет нарушения порядка осуществления государственной власти. Кроме разработки системы мер борьбы с данным явлением, для обеспечения

принципа равенства граждан перед законом следует учитывать усилия не только государственных органов, но и гражданского общества. При этом принятие нового закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» является важным шагом по нормализации общественных отношений в данной сфере.

С момента обретения независимости Республика Беларусь столкнулась с рядом сложностей в своем развитии. Одной из проблем явилась внутренняя коррупция, которую приравнивают к национальной угрозе. По мнению Иванова А.А. основной причиной отрицательного отношения к коррупции явились несколько факторов. Во-первых, коррупция в любом государстве является серьёзной преградой в развитии национальной экономики. Во-вторых, коррупционные проявления усложняют природное функционирование всех общественных отношений. В-третьих, в обществе, где коррупция находится на высоком уровне, нарушая при этом деятельность всех ветвей государственной власти, нарушаются конституционные основы и принципы, которые выражаются в несоблюдении защиты прав и свобод человека и гражданина, возникает недоверие общества к государственным органам и власти в целом [1, с. 34].

В Республике Беларусь понятие коррупции закреплено в Законе Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З. В соответствии со ст. 1 указанного закона, под коррупцией понимается умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного [2].

В зарубежных странах понятие коррупции отличается от определения, содержащегося в нашем законодательстве.

Так, в Российской Федерации под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица [3, с. 1].

Например, в законодательстве Китая определение коррупции закреплено ст. 382 Уголовного кодекса и определяется как присвоение, хищение, получение мошенническим путем или незаконное завладение иными способами общественным имуществом государственным служащим с использованием

своих служебных преимуществ, а также как присвоение, хищение, получение мошенническим путем или незаконное завладение иными способами государственным имуществом лицами, которым государственными органами, государственными компаниями, предприятиями, организациями, народными объединениями поручено управление и хозяйственное распоряжение государственным имуществом, с использованием ими своих служебных преимуществ [4, с. 253].

В европейских странах модель коррупционных правонарушений четко определена в уголовном законодательстве. Например, в Уголовном кодексе Франции определены нормы ответственности за:

а) пассивную коррупцию и торговлю влиянием, совершенные лицами, занимающими публичную должность;

б) активную коррупцию и торговлю влиянием, совершенные частными лицами;

в) пассивную коррупцию и активную коррупцию при посягательствах на публичную администрацию Европейских сообществ, государств – членов Европейского союза, других иностранных государств и публичных международных организаций [5, с. 384, 392, 436].

В Уголовном кодексе Австрии, например, применяется термин «принятие даров» чиновниками, руководящими должностными лицами, экспертами [6, с. 330–342].

Таким образом, основное понимание коррупции в зарубежных государствах сводится к уголовно-правовым характеристикам и отличается от белорусского понимания коррупции.

Действующее законодательство содержало и содержит нормы, устанавливающие различные виды ответственности за коррупционные правонарушения, однако помимо карательных функций государство и право должны обеспечивать профилактику, предупреждение коррупционных проявлений. Для реализации данных функций требуется целый комплекс мер, позволяющих обеспечить недопущение коррупционного поведения, а также своевременное выявление и пресечение данных фактов.

Коррупция как социальное явление требует не только внимательного и тщательного научного исследования ее причин и проявлений, но и взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества по предотвращению условий и последствий ее существования.

Понятие равенства перед законом выступает в качестве базового принципа любого правового государства. Нарушение указанного фундаментального политического и правового принципа влечет соответствующее нарушение других правовых норм и институтов.

Необходимо согласиться с мнением Швецова А.В. о том, что с целью процветания сильного государства его органы должны принимать меры по противодействию коррупции и обеспечению реализации конституционного принципа равенства. Коррупционные правонарушения не только отрицательно влияют на развитие экономики, государственных институтов, на снижение инвестиционного потенциала государства, но и влекут нарушение принципа равенства прав и свобод человека. Конституционный принцип равенства перед законом реализуется в создании правовых, экономических, административно-организационных и иных норм и механизмов противодействия коррупции,

взаимодействия государства и гражданского общества при определении путей эффективной борьбы с коррупцией [7, с. 67].

В Республике Беларусь, как и в зарубежных государствах, сформирована принципиальная позиция по противодействию коррупции и ее преступным проявлениям. Значительное внимание проблеме коррупции уделяется и на международном уровне.

Так, в поле зрения ООН проблема коррупции находится уже более трех десятилетий. Об актуальности этой темы и необходимости противостояния коррупции упоминается еще в материалах V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

ООН признала международный характер проблемы коррупции и создает общеприемлемые формы и методы борьбы с этим явлением. Следует отметить, что, с одной стороны, все принимаемые ООН документы носят рекомендательный характер и не влияют на решение данных преступных проявлений, но с другой стороны играют роль в формировании норм международного права в части противодействия коррупции [1, с. 38].

Республика Беларусь в целях осуществления международного сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией ратифицировала и неукоснительно выполняет международные акты: Конвенцию Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» 1999 г., Конвенцию «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию» 1999 г., в том числе, Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенцию ООН против коррупции 2003 г.

Конвенция ООН против коррупции, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г., предлагает очень емкие и доступные критерии необходимых требований к доказыванию коррупционных фактов:

а) обещание, предложение или предоставление лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического лица или юридического лица, с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей;

б) вымогательство или принятие лично, или через посредника какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического, или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей [8].

Еще одним блоком критериев фактических обстоятельств по Конвенции являются следующие умышленные деяния:

а) применение физической силы, угроз или запугивания либо обещание, предложение или предоставление неправомерного преимущества с целью склонения к даче ложных показаний или вмешательства в процесс дачи показаний или представления доказательств в ходе производства в связи с совершением преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией;

б) применением физической силы, угроз или запугивания с целью вмешательства в выполнение должностных обязанностей должностным лицом судебных или правоохранительных органов в ходе производства в связи с совершением преступлений.

Третий блок правил доказывания коррупционных фактических обстоятельств в соответствии с указанной Конвенцией затрагивает необходимость создания в рамках внутренней правовой системы эффективной защиты от вероятной мести или запугивания в отношении свидетелей и экспертов, дающих показания в связи с коррупционным преступлением и включает в себя установление процедур для физической защиты, принятие правил доказывания, позволяющих свидетелям и экспертам давать показания таким образом, который обеспечил бы безопасность таких лиц, то есть с помощью средств связи [8].

Также следует отметить, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства [9, ст.8].

В настоящее время противодействие коррупции осуществляется преимущественно посредством уголовного преследования лиц, уже совершивших коррупционные преступления, что не позволяет решить основную проблему – устранение причин и условий, способствующих коррупционным проявлениям.

Следует отметить, что, по мнению Василевича А.Г., правоохранительными органами борьба с коррупционными преступлениями осуществляется под влиянием ситуационных факторов, без серьезного анализа и оценки объективной информации о коррупционных рисках в конкретных организациях и сферах деятельности. При этом противодействие наиболее тяжким, организованным и глубоко законспирированным формам коррупции, приносящим наибольший ущерб государству, а также правам и законным интересам граждан не сосредоточивается на выявлении и пресечении менее опасных преступлений. Проводимая работа результативна только в аспекте выявления так называемого «бытового» взяточничества [10, с. 44].

При этом, несмотря на ряд правовых актов, в том числе международных, принимаемых с целью осуществления противодействия коррупции, в деятельности государственных органов и организаций, осуществляющих борьбу с коррупционными правонарушениями, существуют недостатки.

Заключение

Борьба с коррупцией как явлением, свойственным всем современным развивающимся государствам, требует новых подходов и решений. В настоящее время недостаточное внимание уделяется работе по предупреждению коррупционных правонарушений, изменению поведения граждан, воспитанию у населения соответствующего правосознания. Существующие правовые меры противодействия коррупции следует дополнить мерами по устранению коррупционных рисков, связанных с неопределенностью правовых норм, недостатками работы с кадрами, их воспитании. Исследования в сфере противодействия коррупции свидетельствуют о необходимости изменения направлений в деятельности органов и организаций по предупреждению коррупционных правонарушений.

Список цитированных источников

1. Иванов, А. А. Конституционные основы противодействия коррупции в Республике Беларусь как участника Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] / А. А. Иванов. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-

protivodeystviya-korruptsii-v-respublike-belarus-kak-uchastnika-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza. – Дата доступа: 20.08.2019.

2. О борьбе с коррупцией: Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 №305-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2019.

3. О противодействии коррупции: Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 №273-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.

4. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14.03.1997 / под ред. А. И. Коробеева, перевод с китайского Д. В. Вичикова. – Спб. : Изд-во Юридический центр Пресс, 2001. – 303 с.

5. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головко, Н.Е. Крыловой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 672 с.

6. Уголовный кодекс Австрии / науч. ред. и вступ. ст. С.В. Милюкова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 568 с.

7. Швецов, А. В. Конституционно-правовые аспекты борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] / А. В. Швецов. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-aspekty-borby-s-korruptsiey. – Дата доступа: 20.08.2019.

8. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принята резолюцией 58/4 Генеральной ассамблеей 31 октября 2003 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2019.

9. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 года). – Минск: НЦПИ Республики Беларусь, 2011. – 64 с.

10. Василевич, Г. А. Правовые аспекты борьбы с коррупцией в Республике Беларусь / Г. А. Василевич // Журнал российского права. – М. : Норма, 2012. – №7. – С. 22-26.

11. Пиджаков, А. Ю. Международно-правовое регулирование борьбы с коррупцией на универсальном уровне / А. Ю. Пиджаков, Ю. В. Мишальченко // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. – Вологда : Изд-во Вологодского института права и экономики ФСИН, 2012. – №1. – С. 4-11.

Аннотация. Коррупция как социальное явление характерна для большинства современных государств. Существование данного феномена в обществе замедляет темпы развития экономического пространства и способствует снижению авторитета государственной власти. Настоящая статья посвящена рассмотрению отечественных и международных правовых аспектов в системе противодействия коррупции. Проанализированы различные подходы к определению понятия коррупции, как в законодательстве Республики Беларусь, так и в зарубежных государствах. Выявлена необходимость улучшения работы по предупреждению коррупционных правонарушений, в том числе, на основе международного сотрудничества, выявлению условий, создающих для коррупции и воспитанию у населения соответствующей правовой культуры. Определена необходимость изменения подходов в борьбе с коррупционными проявлениями и нейтрализации причин и условий, способствующих коррупции в сфере экономики и государственного управления.

LEGAL ASPECTS OF ANTI-CORRUPTION IN THE MODERN WORLD: COMPARATIVE ANALYSIS

Matveeva K.O.

Keywords: corruption, legal acts, corruption offenses, anti-corruption, international acts.

Abstract. Corruption as a social phenomenon is characteristic of most modern States. The existence of this phenomenon in society slows down the pace of development of the economic space and contributes to the reduction of the authority of the state power. This article is devoted to the consideration of domestic and international legal aspects in the system of combating corruption. Different approaches to the definition of corruption in the legislation of the Republic of Belarus and in foreign countries are analyzed. The necessity of improvement of work on prevention of corruption offenses, including, on the basis of international cooperation, to identification of the conditions creating for corruption and education at the population of the corresponding legal culture is revealed. The necessity of changing approaches in the fight against corruption and neutralizing the causes and conditions that contribute to corruption in the economy and public administration.

УДК 343

ФОРМИРОВАНИЕ НУЛЕВОЙ ТЕРПИМОСТИ К КОРРУПЦИИ

Моисеева И.А.

Ключевые слова: нулевая терпимость, правовая культура, правосознание, участие граждан, противодействие коррупции.

Введение

В настоящее время во всем мире идет активная борьба с коррупцией: принимаются поправки в законодательство, ужесточается наказание за совершение коррупционных преступлений и т.д.

Несмотря на то, что коррупция в разных странах отличается, можно выделить некоторые общие ключевые движущие силы, порождающие её. Например, Я. Свенссон определил, что является общим для всех стран, которые относятся к числу наиболее коррумпированных.

1. Все они являются развивающимися странами или странами с переходной экономикой.
2. За редким исключением, это страны с низким уровнем дохода.
3. В большинстве стран наличествует закрытая экономика.
4. Низкая свобода СМИ и относительно низкий уровень образования [1].

В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» в числе мер, посредством которых государственными органами и иными организациями осуществляется борьба с коррупцией, названо проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции, под которой понимаются антикоррупционное образование и воспитание.

Искоренение коррупции – это длительный процесс, причем не только с помощью правового механизма, но и за счет формирования новой философии в форме развития логического мышления и новых ценностей через формальное образование. С помощью образования будет сформирован характер борьбы с коррупцией: воспитание честности, трудолюбия, мужества, ответственности, независимости, простоты, справедливости и толерантности.

Основная часть

На современном этапе деятельность человека, направленная на повышение комфортности его существования, одновременно является как источником формирования негативного поведения, так и стремления с помощью незаконной деятельности приобрести блага. В этой связи неприятие и предупреждение коррупции перестает быть уделом только специалистов-профессионалов и становится проблемой каждого человека [2].

Современное общество предъявляет высокие требования к профессиональной подготовленности студентов. В сложившихся условиях возникает актуальная потребность в антикоррупционной реализации разнообразных видов деятельности, понимании личностью целей и последствий своих действий для социума. Это означает, что одной из важнейших целей образовательного процесса является формирование у будущих специалистов такого мышления, которое будет основываться на принципе безусловности неприятия коррупции при решении любых профессиональных и личностных задач. В связи с этим, возникает необходимость в формировании особого вида культуры, учитывающей особенность деятельности человека в современных условиях [3].

Ю.С. Алексеева дает следующее определение антикоррупционной культуры и называет критерии ее диагностики. Антикоррупционная культура – это состояние развития личности, которое характеризуется отношением к проблемам обеспечения снижения уровня коррупционной ситуации, как в личном окружении, так и в обществе. Также это социальный процесс, направленный на реализацию таких условий существования и деятельности в социуме, становления и развития таких стереотипов поведения, при которых коррупция становится недопустимым явлением [2].

Выделяются следующие критерии диагностики антикоррупционной культуры студентов:

1) целеполагательный. Под данным критерием понимается представление о совокупности целей педагогической подготовки формирования антикоррупционной культуры, наличие (или отсутствие) этих целей в образовательных программах и в официальных документах;

2) операциональный. Определяет уровень и характер совместной деятельности преподавателей и студентов в процессе решения поставленных антикоррупционных ситуаций, а также степень реального владения компетенциями и их проявления в педагогической подготовке студентов;

3) когнетивный. Устанавливает степень соответствия содержания к заявленным целям;

4) мотивационный. Критерий, способствующий формированию антикоррупционной культуры с использованием специальных психолого-педагогических и правовых методик и междисциплинарных связей предметов психолого-педагогического направления и спецдисциплин.

С помощью данных критериев возможно определение уровня готовности субъектов педагогического процесса к предупреждению коррупционных ситуаций. В результате педагогической подготовки к предупреждению коррупционных ситуаций лицами молодежного возраста осуществляется становление антикоррупционной культуры у студентов, опираясь на повышение уровня развитости личности и социума [4]. Важно, чтобы сформировалась

устойчивая мотивация к неприятию коррупции, которая является важным аспектом профессиональной готовности.

Принято полагать, что коррупция всегда возникает в результате совокупности нескольких взаимосвязанных факторов. Среди них выделяют и этнологические (включая демографические факторы) – обычаи, привычки и традиции, которые и формируют в большей степени, по сравнению с другими факторами, терпимость к коррупции.

Различные страны по-разному относятся к коррупции. Только в одной Европе мы можем найти две крайности: от полностью нетерпимого к коррупции Севера до теплого Юга, где коррупция является почти нормальным, социально приемлемым явлением. Также существует значительная разница между странами, где благодарность за услугу (за которую этому человеку уже заплатили заработную плату) является выражением вежливости, и странами, где подобное считается коррупцией.

Некоторые формы коррупции также связаны с неформальной формой социального обеспечения, когда семья или близкие родственники заботятся о своих членах. Такие формы неформального социального обеспечения преобладают в странах Южной Европы, например, в Италии, Греции, Албании, Боснии. Эти страны известны кумовством и покровительством.

Исследование под названием «Восприятие коррупции» [5] попыталось выяснить, какие группы людей с большей вероятностью будут вовлечены в коррупцию. Было установлено, что социальный статус и личностные характеристики человека играют важную роль в формировании восприятия коррупции. Таким образом, разведенные женщины, безработные, лица, работающие в частном секторе или самостоятельно занятые, воспринимают коррупцию как позитивное явление, в то время как замужние (женатые) лица, штатные работники, люди, регулярно посещающие религиозные (культовые) заведения и имеющие более высокий уровень образования воспринимают коррупцию более негативно.

Очень важным фактором, влияющим на коррупцию, является также демографическая ситуация. Например, было определено, что патриархальное общество более подвержено коррупции. Это подтверждается результатами ряда исследований, в ходе которых выясняется, в какой степени мужчины коррумпированы. Несколько ранее, особенно в эконометрических работах, посвященных обсуждению вопроса о том, кто более коррумпирован, мужчины или женщины, утверждали, что существует связь между более высокой представленностью женщин в правительстве и более низкими уровнями коррупции. Влиятельное исследование 150 стран Европы, Африки и Азии, проведенное Всемирным банком [6], подтвердило это и пришло к выводу, что женщины более надежны и менее подвержены коррупции. Последующие выводы были впоследствии подкреплены результатами дальнейших исследований [7], которые отметили, что увеличение числа женщин на рынке труда и в политике будет способствовать борьбе с коррупцией. Таким образом, результаты исследования подтверждают тезис о том, что женщины менее подвержены коррупции, чем мужчины, особенно в культурах, где мужчины должны быть амбициозными, конкурентоспособными и материально успешными, поскольку эти факторы в значительной степени способствуют неэтичному поведению. Данный тезис подтвердился на практике, когда

перуанское правительство приняло решение о привлечении большего числа женщин в полицейские подразделения. Когда 2500 женщин-полицейских были приняты на работу в ГАИ, произошло нечто неожиданное, взяточничество резко сократилось, и люди приветствовали женщин-полицейских на улицах [8].

Следует отметить, что коррупция влияет на занятость, потому что работу или должность порой получает не самый подходящий или квалифицированный специалист, а тот, кто готов заплатить за нее или каким-либо другим образом вернуть услугу.

Европейская комиссия в своем докладе установила, что коррупция стоит европейской экономике около 120 миллиардов долларов в год и наиболее распространена в сфере государственных закупок, финансирования политических партий и здравоохранения [9].

Интересным также является исследование теневой экономики в высокоразвитых странах [10], которое установило, что, чем слабее право, тем выше уровень коррупции и теневой экономики. В исследовании «Коррупция и теневая экономика» [11] авторы исследуют взаимосвязь между степенью коррупции и появлением теневой экономики, а их выводы заключаются в том, что высокий уровень теневой экономики и высокая степень коррупции тесно связаны друг с другом. Одной из гипотез данного исследования, что было подтверждено, также является то, что чем выше уровень коррупции, тем ниже уровень экономического развития, измеряемый ВВП на душу населения. Авторы выявили положительную корреляцию: коррупция влияет на экономическое развитие.

Корень существования коррупции лежит в самом существовании государства, особенно в чрезмерном, избирательном и деформирующем государственном вмешательстве, которое создают благоприятную почву для развития коррупции. С другой стороны, нет очевидных доказательств того, что частные монополии более эффективны и менее коррумпированы, чем государственные, и что приватизация, особенно долгосрочная, постепенная и непрозрачная (так называемый постепенный подход), снижает положительный эффект на развитие и общество, включая снижение уровня коррупции [12]. Однако дерегулирование рынка, правовая и судебная реформа и прозрачное управление государственными закупками во многих развивающихся странах, а также в странах с переходной экономикой, позволяют значительно снизить уровень коррупции, а правительство должно играть важную роль в формировании антикоррупционной политики. Следовательно, должно быть обеспечено значительное укрепление института государственных закупок. Закон, безусловно, строг в отношении государственных закупок, но одна из основных причин проблем государственных закупок заключается в нехватке квалифицированных кадров, и поэтому государственные закупки по-прежнему являются питательной средой для коррупции.

Таким образом, коррупция, по сути, представляет собой многонаправленный процесс. С одной стороны, есть поставщик услуг (взяткодатель), с другой стороны, – получатель выгоды (взяткополучатель), и оба знают о том, что дело остается скрытым. Третье звено в цепи – это все остальные, жертвы. Хотя далеко не каждое коррупционное деяние является преступлением, оно, тем не менее, является неэтичным и наносит ущерб экономическому и политическому развитию общества.

На сегодняшний день не существует абсолютно верных путей искоренения коррупции, однако есть немало государств, которые за весьма короткий период достигли значительного успеха в борьбе с ней. К таким государствам можно отнести Гонконг, Данию, Канаду, Китай, Малайзию, Португалию, Сингапур и Швецию.

Сравнительный анализ показывает, что государства, достигавшие наибольших успехов в борьбе с коррупцией, использовали одни и те же или очень схожие между собой принципы и методы.

Например, самые жестокие меры, принимаемые к коррупционерам, в Китае, где за совершение коррупционного преступления предусмотрена смертная казнь. На юге Китая создаются специальные партийные школы для госслужащих. В этих школах государственным служащим читают лекции, помогающие бороться с соблазном принять взятку. Во время **«антикоррупционного тай-цзи»** совмещаются элементы медитации, восточных единоборств и силовых упражнений.

Официальные лица ежедневно принимают участие в программе «Упражнения по выработке навыков самодисциплины по борьбе с коррупцией». Суть этого тренинга сводится к тому, что каждый чиновник ежедневно честно отвечает самому себе на несколько вопросов: **«Смогу ли я противостоять искушению получить взятку?», «Готов ли я понести наказание?».**

Китай борется с коррупцией и с помощью развлечений. Так, в 2007 году китайцы разработали многопользовательскую онлайновую игру **«Неподкупный боец»** (IncorruptibleFighter), в которой пользователям предстоит истребить немало коррумпированных чиновников, а заодно и их родственников. Таким образом, население воспитывается в духе нетерпимости к коррупционным проявлениям и, как следствие, острым желанием воздать подобным деятелям по заслугам.

Интересные меры по предотвращению коррупции в Гонконге, где чиновники должны доказывать, что все, что ими было куплено, приобретено на законных основаниях. В противном случае предусматривалась конфискация и тюрьма.

Была создана независимая комиссия по борьбе с коррупцией (НКБК), у сотрудников которой очень высокие оклады, подчиняется структура только генерал-губернатору. Комиссия призвана не только выявлять взяточников, но и заниматься профилактикой предотвращать взятки в сферах, наиболее подверженных коррупции. Также они вправе провести проверку в любом ведомстве и министерстве, если есть хотя бы малейшее подозрение на взяточничество. За работой комиссии следят общественные организации, которые могут уволить специалиста НКБК при документальном подтверждении его нечистоплотности.

Населению предоставлена возможность сообщать о взяточниках. Все факты поимки коррупционеров и их ареста широко освещаются в СМИ. Как итог, доверие у населения к борьбе с коррупцией возросло. Оно стало поддерживать правительство.

Заключение

Фактический контроль и неотвратимость наказания за совершение коррупционных преступлений, безусловно, важны, однако основы противодействия коррупции должны заключаться в системности подхода, направленного не только на фактический контроль и наказание, но и на

предотвращение коррупции. К мерам по профилактике коррупции необходимо отнести:

информационную работу с населением, нацеленную на донесение к обществу идеи о недопустимости коррупции и необходимости сообщать о ней при любых обстоятельствах;

повышение прозрачности госструктур;

независимость СМИ;

повышение уровня социальной защищенности государственных служащих;

упрощение бюрократических процедур, перевод их в электронную форму.

Для борьбы с коррупцией недостаточно принятия нормативных актов, поскольку следует внести существенные изменения в системы противодействия.

Автор акцентирует внимание, что улучшение экономического положения страны недостаточно для борьбы с коррупцией, поскольку коррупция прямо пропорциональна жадности, жажде власти, денег и т.д. Жадность развращает наши ценности и этику. Терпимость людей к коррупции, отсутствие мощного протеста против нее являются причинами ее существования. Борьба с коррупцией невозможна до тех пор, пока не произойдет нравственное пробуждение людей. Люди должны понимать серьезные последствия этого зла.

Список цитированных источников

1. Svensson, J. Eight questions about corruption / J. Svensson // The Journal of Economic Perspectives. – 2005. – № 19(3). – P. 19–42.

2. Алексеева, Ю. С. Формирование антикоррупционной культуры у студентов [Электронный ресурс] / Ю. С. Алексеева. – Режим доступа: https://science-education.ru/en/article/view?id=17989. – Дата доступа: 01.09.2019.

3. Сводный отчет о состоянии коррупции и реализации антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2013 году [Электронный ресурс] // Казань : Управление Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики, 2014. – Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Svodnij_otchet_2014.pdf. – Дата доступа: 02.09.2019.

4. Алексеева, Ю. С. Проблематика понятия «Лицо молодежного возраста» в контексте преодоления личностью чрезвычайных ситуаций / Ю. С. Алексеева, С. Л. Алексеев // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в учреждениях дополнительного образования : материалы науч.-практ. конф. Казань, 18 дек. 2013 г. – Казань : ЧОУ ВПО «Академия социального образования», 2013. – С. 49–51.

5. Melgar, N. The perception of corruption / N. Melgar, M. Rossi, T.W. Smith // International Journal of Public Opinion Research. – 2010. – № 22(1). – P. 120–131.

6. Dollar, D. Are women really the “fairer” sex? Corruption and women in government / D. Dollar, R. Fisman, R. Gatti // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2001– № 46(4). – P. 423–429.

7. Rivas, M. F. An experiment on corruption and gender / M. F. Rivas // Bulletin of Economic Research. – 2013. – № 65(1). – P. 10–42.

8. Madame Officer [Electronic resourse] / S. Karim. – Mode of access: http://www.americasquarterly.org/node/2802. – Date of access: 01.09.2019.

9. EU Commission. Report from the Commission to the Council and the European Parliament [Electronic resourse] // EU Anti-corruption Report. 2014. – Mode of access: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/e-library/documents/policies/organized-crime-and-human-trafficking/corruption/docs/acr_2014_en.pdf. – Date of access: 02.09.2019.

10. Schneider, F. Shadow Economies in Highly Developed OECD Countries: What are the Driving Forces? [Electronic resourse] / F. Schneider, A. Buehn. – 2012. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2161228. – Date of access: 02.09.2019.

11. Buehn, A. Corruption and the shadow economy: Like oil and vinegar, like water and fire? / A. Buehn, F. Schneider // International Tax and Public Finance. – 2012. – № 19(1). – P.172–194.

12. Stojiljković, Z. Karakter i logika korupcije [Electronic resourse] / Z. Stojiljković. – Mode of access: Media.institut – alternativa.org. – Date of access: 02.09.2019.

Аннотация. Коррупция как негативное социальное явление носит глобальный характер, который, конечно, обладает системностью и зависит от социальных условий и традиций страны. В связи с этим одним из приоритетов современного общества стала борьба с коррупцией.

Законодательство, которое играет основную роль в борьбе с коррупцией, тем не менее является лишь внешним выражением этих противоречий, коренящихся в социальных процессах. Активное участие граждан играет важную роль в борьбе с коррупцией. Это потому, что люди по собственной инициативе вступают в коррупционные отношения. В связи с этим не следует полагаться исключительно на развитие экономического сектора страны, но также акцентировать внимание на социальном развитии, которое включает в себя развитие личной идентичности.

В статье обоснована необходимость реализации принципа нулевой терпимости к коррупции.

FORMATION OF ZERO TOLERANCE TO CORRUPTION

Maiseyeva I.A.

Keywords: zero tolerance, legal culture, legal awareness, participation of citizens, combating corruption.

Abstract. Corruption as a negative social phenomenon is global in nature, which, of course, has a systematic nature and depends on the social conditions and traditions of a country. In this regard, one of the priorities of modern society has been the fight against corruption.

Legislation, which has a primary role in the fight against corruption, is, nevertheless, only an external expression of these contradictions rooted in social processes. Active participation of citizens plays an important role in the fight against corruption. This is because people on their own initiative enter into corrupt relationships. In this regard, you should not rely solely on the development of the economic sector of the country, but also emphasize social development, which includes the development of personal identity.

The article substantiates the need to implement the principle of zero tolerance for corruption.

УДК 343.35

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ

Морозова О.В.

Ключевые слова: коррупция в таможенной сфере, основные направления борьбы, криминологическая характеристика коррупционных преступлений в таможенной сфере, оперативное профилактирование коррупционных преступлений в таможенной сфере.

Введение

Проблема борьбы с коррупционными проявлениями в таможенной сфере и поиск оптимальных путей противодействия этому пагубному явлению является весьма актуальной как для России, так и для всех государств-участников ЕАЭС. Следует отметить, что образование ЕАЭС, сопровождаемое оптимизацией процессов продвижения товаров внутри Союза и в торговле с третьими странами, образование и начало функционирования электронных таможен в РФ требует новых подходов к проведению профилактических и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление коррупционных проявлений в таможенной сфере с целью исключения дискредитация доверия граждан, участников внешнеэкономической деятельности к таможенных органов.

Основная часть

Основным субъектом борьбы с коррупцией в таможенных органах Российской Федерации является Федеральная таможенная служба Российской Федерации. В центральном аппарате ФТС России оперативным структурным подразделением, наделенным полномочиями органа, осуществляющего ОРД в целях обеспечения противодействия коррупции, обеспечения собственной безопасности таможенных органов, а также создания необходимых условий для наиболее эффективного и качественного выполнения таможенными органами и их должностными лицами задач по защите экономических интересов и экономической безопасности РФ является Управление по противодействию коррупции (далее – УПрК) [1].

ФТС России издан приказ от 17.04.2012 № 715 «Об утверждении перечня оперативных подразделений таможенных органов Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, и их полномочия по осуществлению оперативно-розыскной деятельности», среди которых поименовано и УПрК.

Основными функциями этого подразделения являются:

– выявление, предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности и иных преступлений против интересов государственной службы со стороны должностных лиц таможенных органов, а также иных лиц, склоняющих должностных лиц таможенных органов к совершению указанных преступлений и нанесению ущерба экономическим интересам и экономической безопасности Российской Федерации;

– сбор, обобщение и анализ информации о фактах коррупционной направленности, а также о событиях, лицах, организациях, создающих угрозу собственной безопасности таможенных органов и экономической безопасности Российской Федерации, об иных особенностях и состоянии оперативной обстановки в регионах деятельности таможенных органов;

– разработка и осуществление системы мер по противодействию коррупции в таможенных органах и обеспечению собственной безопасности таможенных органов, включающей в себя комплекс предупредительно-профилактических и ОРМ;

– координация и контроль за организацией ОРД подразделениями по противодействию коррупции таможенных органов, соблюдением законодательства при ее осуществлении;

– выявление, предупреждение и пресечение попыток поступления на службу или трудоустройства в таможенные органы лиц, представляющих угрозу для собственной безопасности таможенных органов;

– осуществление совместно с другими правоохранительными органами мероприятий по розыску лиц, совершивших преступления, относящиеся к компетенции Управления, если местонахождение таких лиц неизвестно или данные о таких лицах отсутствуют, а также установлению имущества, подлежащего конфискации;

– ведение секретного делопроизводства и оперативных учетов;

– организация и осуществление оперативного сопровождения уголовных дел, возбужденных по материалам подразделений по противодействию коррупции таможенных органов, при наличии поручений дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа или определения суда на проведение ОРМ и производство следственных действий по данным уголовным делам, находящимся в их производстве;

– выполнении поручений дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа или определения суда на проведение оперативно-розыскных мероприятий и производство следственных действий; проведении комплексных, целевых инспекторских проверок деятельности таможенных органов, учреждений, находящихся в ведении ФТС России, а также в служебных проверках в отношении должностных лиц таможенных органов;

– оказание содействия: – начальникам оперативно-розыскных подразделений (ОРП) таможенных органов в организации проверки и допуска должностных лиц к участию в ОРД, а также к материалам, полученным в результате ее осуществления;

– проведение анализа эффективности ОРД подразделений по противодействию коррупции таможенных органов и подготовка предложений по ее совершенствованию.

Оперативные подразделения УПрК ФТС России имеются в региональных таможенных управлениях и таможнях непосредственного подчинения.

По материалам этих подразделений ежегодно возбуждается около 90 % уголовных дел в отношении должностных лиц таможенных органов от общего количества, возбуждаемых всеми правоохранительными органами РФ.

Изучение и обобщение материалов уголовных дел показывает, что наиболее подвержены коррупции должностные лица отделов: таможенного оформления и таможенного контроля; пассажирского; валютного контроля и контроля таможенной стоимости; таможенных платежей; дознания; административных расследований; оперативно-розыскного; тарифного и нетарифного регулирования и др. Как правило, это должностные лица, осуществляющие таможенный досмотр либо в должностные обязанности которых входит принятие решений о выпуске, досмотре товаров либо процессуальных решений по материалам проверок сообщений о преступлениях, уголовным делам, делам об административных правонарушениях.

В 55 % случаев (по некоторым данным – до 75 %) получение взяток сопровождается вымогательством. По 71% уголовных дел судом рассматривались два и более эпизода коррупционной преступной деятельности. В большинстве уголовных дел фигурируют незначительные суммы взяток. Вместе с тем, представляется, что такие данные объясняются скорее не реальной

ситуацией с коррумпированностью в таможенных органах, а направленностью борьбы с малозначительными преступлениями.

Исследования показывают, что должностные преступления (примерно треть) совершаются таможенниками как минимум двух таможенных органов, например, пограничной и внутренней таможен. Это возможно при недостоверном декларировании товаров во внутреннем таможенном органе, где товар заявляется не своим наименованием с внесением искаженных сведений, предполагающих заниженную процентную ставку по платежам, либо при ввозе на пограничном таможенном органе, где совершается подлог документов на товар с целью оформления по более выгодному коду ТНВЭД ЕАЭС. Как правило, подлог совершается за взятку должностным лицом пограничной таможни. В ряде случаев, по прибытии товара в пункт назначения сотрудником внутренней таможни, осуществляющим таможенный досмотр, за взятку умышленно не выявляется недостоверность декларирования, составляется подложный акт досмотра либо досмотр товаров осуществляется не в полном объеме при следовании сборного груза, даже в случае срабатывания профиля риска. Таможенники по предварительному сговору между собой с целью снижения суммы подлежащих уплате таможенных платежей для «нужной» фирмы могут поэтапно организовать: 1) применение ложного кода ТН ВЭД; 2) затем может быть занижена таможенная стоимость товара; 3) далее будет занижена ставка начисления таможенных платежей; 4) и, наконец, при проведении таможенного досмотра в акте будет занижен объем (количество) товара.

Способы совершения коррупционных преступлений в таможенной сфере самые различные: незаконный выпуск товара; ненадлежащее проведение таможенного контроля; заведомо ложное применение таможенной процедуры уничтожения товаров, непринятие процессуальных решений по уголовным делам либо принятие при отсутствии к тому процессуальных оснований и др.

Как правило, формирование структуры коррупционной преступности конкретных регионов происходит под воздействием нескольких факторов. Как то, например, удаленность от Государственной границы Российской Федерации, границы ЕАЭС; поступление конкретного вида товаров на внутренний рынок; ценообразование в конкретном регионе; несоответствие объемов оформляемых в установленном законом порядке товаров в таможенных органах их количеству на рынке, объему их перевозок; отсутствие динамики снижения объемов внешнеэкономических сделок со стороны тех или иных участников ВЭД региона, несмотря на введение более жестких условий таможенного оформления (повышение ставок таможенных платежей, введение лицензирования, квотирования, сертифицирования отдельных товаров и т.п.); формирование в регионе «черного рынка» поддельных документов, штампов, печатей, бланков; привилегированное положение отдельных участников ВЭД региона; недовольство конкурентов низкими ценами на аналогичные товары у отдельных фирм и т.д.

Кроме корыстного мотива, у коррупционеров отмечается и заинтересованность в выгоде неимущественного характера, обусловленная такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса и др.

Самостоятельным направлением антикоррупционной работы в системе таможенных органов является оперативная профилактика (в том числе в отношении конкретных лиц) [2]. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2012 № 2575-р утверждена Стратегии развития таможенной службы до 2020 года, которой предусмотрена реализация системы мер, направленных на выявление и устранение причин и условий коррупции в целях эффективного и качественного выполнения таможенными органами Российской Федерации и их должностными лицами задач по защите экономических интересов и экономической безопасности Российской Федерации. В документе уделено особое внимание профилактике коррупционных преступлений в таможенной сфере.

Выявление, предупреждение, устранение причин и пресечение преступлений коррупционной направленности (профилактика) и иных преступлений против интересов государственной службы со стороны должностных лиц таможенных органов, а также иных лиц, склоняющих должностных лиц таможенных органов к совершению указанных преступлений и нанесению ущерба экономическим интересам и экономической безопасности Российской Федерации, в таможенных органах является весьма важным направлением.

Основным использованным для этих целей принципом деятельности является комплексное применение системы мер по противодействию коррупции (организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных). В этой работе активно задействуются и средства массовой информации.

Оперативно-розыскная профилактика коррупционных преступлений включает выработку мер, направленных на недопущение замышляемых и подготавливаемых преступлений в таможенных органах, превентивную функцию борьбы с преступностью и осуществляется по нескольким направлениям:

а) выявление лиц, умышленно создающих условия для совершения преступлений;

б) устранение обстоятельств, которыми намеревается воспользоваться лицо при совершении преступления;

в) искусственное создание обстановки, исключающей либо существенно затрудняющей возможность совершения преступления;

г) привлечение лица к ответственности за совершение подготавливаемых действий.

Учитывая, что в настоящее время таможенные органы работают в условиях функционирования ЕАЭС, информация о признаках коррупционных преступлений нередко может поступать не только от подразделений таможенных органов, иных правоохранительных органов РФ, негласного аппарата и т.д., но и от коллег – оперативных подразделений таможенных органов стран ЕАЭС. Кроме того, в работе учитываются и возможности правоохранительных подразделений таможенных органов стран, входящих в региональную международную организацию – Содружество Независимых Государств (СНГ) в рамках Протокола о сотрудничестве в области обеспечения собственной безопасности таможенных служб государств-участников СНГ от 12.09.2002. Для того, чтобы информация предоставлялась своевременно, налажено взаимодействие.

Представляется, что с учетом складывающейся к настоящему времени правоприменительной практики, целесообразно разработать аналогичный правовой акт на уровне государств-участников ЕАЭС с учетом развития наднациональных институтов, интеграционных процессов и современных процессов таможенного администрирования.

Вместе с тем, по данным ФТС России, доля уголовных дел коррупционной направленности, возбужденных по материалам подразделений по противодействию коррупции ФТС России, от общего числа возбужденных всеми правоохранительными органами Российской Федерации, на протяжении ряда лет оставляет более 80 %.

Следует отметить, что составы коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками таможенных органов Российской Федерации, отличаются разнообразием, но преобладающими за последние 3 года являются такие, как: дача взятки (ст. 291 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и халатность (ст. 293 УК РФ).

При этом, например, в 2018 г. по материалам подразделений по противодействию коррупции возбуждено 28 уголовных дел по ч. 1,2 ст. 159 УК РФ («мошенничество»), ч. 1,2 ст. 160 УК РФ («присвоение или растрата»), ст. 327 УК РФ («подделка документов»).

Заключение

Свидетельством ведения профилактической работы по борьбе с коррупцией в таможенной сфере является участие сотрудников подразделений по противодействию коррупции в 541 служебной, функциональной, инспекторской и иных проверках, по результатам которых в дисциплинарном порядке наказано 454 должностных лица и 12 уволено.

Видится, что в складывающихся современных условиях важной составляющей процесса противодействия коррупции в таможенной сфере являются повышение уровня взаимодействия подразделений по борьбе с коррупцией государств-участников ЕАЭС, профилактика, выработка нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям со стороны общества и бизнеса, а также повышение правовой культуры.

Список цитированных источников

1. Положение об Управлении по противодействии коррупции: приказ ФТС России, 09.02.2017, № 207.

2. Прокурорский надзор за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» таможенными органами: пособие / Т. А. Диканова [и др.]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2018. – 84 с.

Аннотация. В статье рассмотрена структура и полномочия оперативных подразделений ФТС России, осуществляющих борьбу с коррупционными проявлениями, уделено внимание основам оперативного профилактирования коррупционных преступлений в таможенной сфере в условиях функционирования ЕАЭС, обозначены отдельные криминологические черты коррупционных преступлений, совершаемых в таможенной сфере.

Morozova O.V.

Keywords: corruption in the customs sphere, the main areas of struggle, the criminological characteristics of corruption crimes in the customs sphere, operational prevention of corruption crimes in the customs sphere.

Abstract. The article considers the structure and powers of the operational units of the FCS of Russia engaged in the fight against corruption, focuses on the basics of the operational prevention of corruption crimes in the customs sphere under the conditions of the EAEU, identifies certain criminological features of corruption crimes committed in the customs sphere.

УДК 343

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОТМЫВАНИЯ ДЕНЕГ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Нугманов Р.Р.

Ключевые слова: уголовное право, экономические преступления, коррупция, отмывание денег, легализация преступных доходов.

Введение

Коррупция и отмывание денег тесно взаимосвязаны. При введении преступных доходов в законный оборот коррупционеру необходимо скрыть личность реального владельца и источник происхождения денег или иного имущества – т.е. легализовать (отмыть) их. Наличие комплексной системы мер, препятствующих отмыванию денег, затрудняет использование коррупционных доходов, способствуя тем самым повышению эффективности противодействия коррупции в целом.

Значимость противодействия отмыванию денег как необходимого условия борьбы с коррупцией подтверждается рядом международных правовых документов. К примеру, Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года), в качестве мер по реализации провозглашаемых целей, в ст. 14 призывает государства-участники принять меры по предупреждению отмывания денежных средств.

О прямой связи противодействия отмыванию денег и борьбы с коррупцией говорится в документах Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ): «Стандарты ПОД/ФТ, разработанные на основе рекомендаций ФАТФ, являются важными инструментами в борьбе с коррупцией, поскольку предусматривают возможность выявления, отслеживания, конфискации и возврата (по возможности) коррупционных доходов, а также способствуют международному сотрудничеству в осуществлении этих действий» [1, с. 6].

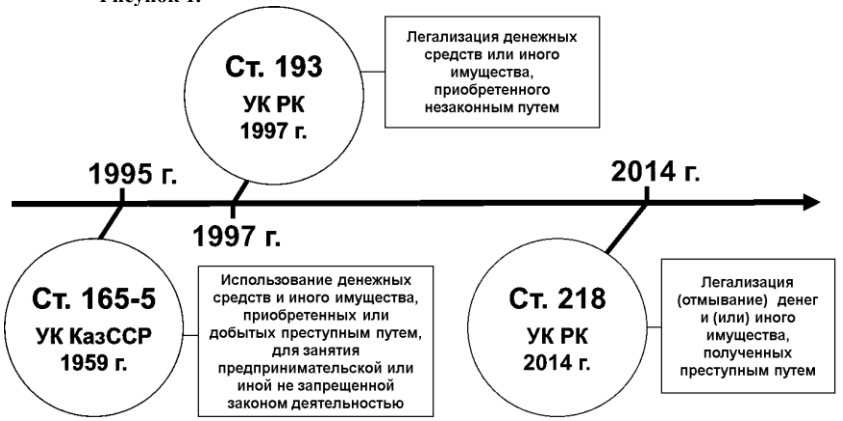
Основной целью данной статьи является изучение с использованием историко-правового, сравнительно-правового, статистического и иных общенаучных, специальных и частных методов научного познания криминализации отмывания денег в Республике Казахстан для выявления

проблемных вопросов законодательной регламентации и практики применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за данное преступление.

Основная часть

С момента обретения независимости Республикой Казахстан принимались меры по имплементации норм международного права в национальную правовую систему, в том числе и в сфере противодействия отмыванию денег. Основные этапы криминализации отмывания денег представлены на рисунке 1.

Рисунок 1.

В 1995 году Указом Президента от 17 марта 1995 г. № 2122 в Уголовный Кодекс Казахской ССР от 22 июля 1959 года (далее – УК КазССР) была введена ст. 165-5 «Использование денежных средств и иного имущества, приобретенных или добытых преступным путем, для занятия предпринимательской или иной не запрещенной законом деятельностью».

Первый Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года № 167-I (далее – УК РК 1997) содержал ст. 193 «Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем».

В отличие от ст. 165-5 УК КазССР ст. 193 УК РК 1997 более детально раскрывала содержание объективной стороны преступления отмывания денег, включив в нее следующие действия:

– совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами;

– совершение финансовых операций и других сделок с имуществом;

– использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности.

Регламентация отмывания денег в ст. 193 УК РК 1997 имела ряд существенных недостатков, отмеченных экспертами Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (далее – ЕАГ) [2, с. 45-48]:

1. Использование в отношении способа приобретения легализуемого имущества определения «незаконная деятельность» противоречило международным стандартом, фактически признавая источником получения

преступного дохода не только преступления, но и административные и гражданские правонарушения.

При этом в Законе Республики Казахстан от 28 августа 2009 года № 191-IV «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма» такими доходы признавались деньги и (или) иное имущество, полученные в результате совершения преступления и (или) административного правонарушения.

В судебной практике под «незаконным» путем приобретения имущества понималось его получение именно в результате совершения преступления. Согласно Нормативному постановлению Верховного Суда Республики Казахстан от 18 июня 2004 года № 2 «О некоторых вопросах квалификации преступлений в сфере экономической деятельности» (далее – НПВС), основанием наступления уголовной ответственности по ст. 193 УК является факт легализации денежных средств или иного имущества, полученных только от запрещенных видов деятельности (контрабанда, незаконная торговля оружием, наркотическими средствами, хищение, уклонение от уплаты налога и др.).

2. Диспозицией ч. 1 ст. 193 не охватывались такие формы отмывания денег как конверсия или перевод имущества, утаивание преступного источника этого имущества, приобретение, владение или использование имущества.

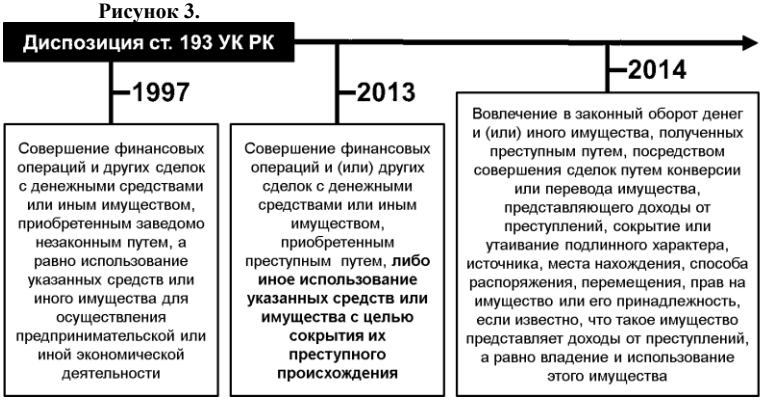
При этом определение легализации доходов в Законе о ПОД/ФТ было существенно шире аналогичного определения в уголовном законодательстве (Рисунок 2).

Рисунок 2.

Уголовный кодекс РК 1997 года	**Закон РК «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма» от 28 августа 2009 года № 191-IV**
Статья 193. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем 1. Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенным заведомо незаконным путем, а равно использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности	**Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Законе** 4) легализация (отмывание) доходов, полученных незаконным путем, - вовлечение в законный оборот денег и (или) иного имущества, полученного незаконным путем, посредством совершения сделок, а равно использование указанных денег и (или) иного имущества;

В целях устранения указанных недостатков в ст. 193 были внесены соответствующие изменения Законом Республики Казахстан от 13 июня 2013 года № 104-V и Законом Республики Казахстан от 10 июня 2014 года № 206-V ЗРК (рисунок 3).

Рисунок 3.

Следующий этап криминализации отмывания денег связан с принятием в 2014 нового Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК (далее – УК РК), предусматривающего ответственность за данное деяние в ст. 218.

Согласно ч. 1 ст. 218 под легализацией (отмыванием) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем, понималось:

– вовлечение в законный оборот денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем, посредством совершения сделок в виде конверсии или перевода имущества, представляющего доходы от уголовных и (или) административных правонарушений;

– сокрытие или утаивание его подлинного характера, источника, места нахождения, способа распоряжения, перемещения, прав на имущество или его принадлежности, если известно, что такое имущество представляет доходы от уголовных и (или) административных правонарушений;

– владение и использование этого имущества или посредничество в легализации денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем.

Статьей вводился пороговый подход к криминализации отмывания денег. Уголовная ответственность предусматривалась только за совершение указанных деяний в значительном размере, превышающем две тысячи месячных расчетных показателей (на тот период – около 20,5 тыс. долларов США).

На момент принятия УК РК ст. 218 определяла в качестве источника получения легализуемого дохода как преступление, так и административное правонарушение. Однако уже в 2015 году Законом Республики Казахстан от 2 августа 2015 года № 343-V ЗРК было внесено изменение, в соответствии с которым уголовная ответственность наступала только в случаях легализации доходов от уголовных правонарушений – преступлений или уголовных проступков.

В 2016 году Законом Республики Казахстан от 8 апреля 2016 года № 489-V ЗРК в целях соответствия международным стандартам был исключен пороговый подход к привлечению к уголовной ответственности. Таким образом, уголовная ответственность по ст. 218 УК РК наступает независимо от размера отмываемых денег или иного имущества.

В действующей редакции ст. 218 УК РК можно отметить следующие вопросы, требующие разъяснения.

1. Один из способов отмывания денег – совершение сделок в виде конверсии или перевода имущества, представляющего доходы от уголовных правонарушений.

В п. 10 НПВС разъясняется, что к конверсионным относятся сделки, заведомо для виновного маскирующие связь легализуемого имущества с основным уголовным правонарушением, на что указывает характер этих действий, направленный на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение его открытого оборота. При этом не ясно, в чем именно выражается содержание «конверсионной» сделки как способа легализации преступных доходов, чем она отличаются от других способов легализации.

Считаем, что в данном вопросе следует исходить из положений Руководства для законодательных органов по осуществлению Конвенции ООН против коррупции [3] и определить, что конверсия или перевод имущества, представляющего доходы от уголовных правонарушений, выражается в совершения лицом сделок и/или финансовых операций в целях сокрытия преступного источника получения доходов, когда финансовые активы (денежные средства, ценные бумаги, драгоценные металлы и т.д.) конвертируются из одного вида в другой, переводятся со счета на счет, из одного банка в другой, вывозятся в другую страну, на денежные средства приобретается имущество, имущество обменивается, дарится и т.д.

2. Уголовная ответственность по ст. 218 наступает за владение или использование преступных доходов.

В науке уголовного права спорным является вопрос о том, подпадает ли под владение и использование имущества, полученного в результате совершения уголовного правонарушения, использование такого имущества в личных целях.

Одни авторы считают, что под использованием денежных средств или иного имущества, полученных путем совершения уголовных правонарушений, следует понимать любое как формальное, так и фактическое использование этого имущества в собственных интересах [4, с. 417].

По мнению других, состав преступления по ст. 218 образует использование преступных доходов исключительно для предпринимательской или иной экономической деятельности, то есть вовлечение в законный бизнес [5, с. 380].

Такой же подход применяется в российской правоприменительной практике.

В соответствии с диспозициями ст. ст. 174, 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ объективную сторону легализации преступных доходов образуют действия, направленные на придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступными доходами, но не само владение, пользование или распоряжение такими доходами.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» прямо разъясняется:

«11. О направленности умысла на легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (в результате совершения преступления), не свидетельствует распоряжение ими в целях личного потребления (приобретение продуктов питания, товаров первой необходимости, получение бытовых услуг и т.п.).

В зависимости от конкретных обстоятельств дела совершение таких действий может быть квалифицировано по статье 175 УК РФ или охватываться статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за основное преступление».

По мнению автора, при решении рассматриваемого вопроса следует исходить из положений международных актов и законодательства Республики Казахстан.

Понятие владения раскрывается в ст. 188 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Общая часть), принятого Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года:

1. Право владения представляет собой юридически обеспеченную возможность осуществлять фактическое обладание имуществом.

2. Право пользования представляет собой юридически обеспеченную возможность извлекать из имущества его полезные естественные свойства, а также получать от него выгоду. Выгода может выступать в виде дохода, приращения, плодов, приплода и в иных формах.

Таким образом, под владением преступными доходами следует понимать нахождение имущества в фактическом обладании лица, если при этом лицо осознавало, что указанное имущество получено в результате совершения уголовного правонарушения. Использование преступных доходов предполагает совершение любых действий по применению такого имущества по его прямому назначению – приобретение товаров на денежные средства, проживание в жилище, пользование автомобилем и т.д.

Проблемным вопросом правоприменительной практики является отсутствие системности в применении ст. 218 УК РК.

В соответствии с диспозицией указанной статьи состав преступления образуют практически все формы вовлечения в законный оборот денег или иного имущества, полученного в результате преступной деятельности. Следовательно, выявление фактов легализации преступных доходов обязательно при совершении любого предикатного правонарушения.

Однако согласно статистическим данным количество преступлений по ст. 218 УК РК, регистрируемых в ЕРДР, существенно меньше количества преступлений, совершаемых с целью получения материальной выгоды (Рисунок 4) [6].

Рисунок 4.

Статья УК РК	Годы			
	2015	2016	2017	2018
189. Присвоение или растрата вверенного чужого имущества	6112	5863	5326	3472
197. Транспортировка, приобретение, реализация, хранение нефти и нефтепродуктов, а также переработка нефти без документов, подтверждающих законность их происхождения	212	208	191	212
216. Совершение действий по выписке счета-фактуры без фактического выполнения работ, оказания услуг, отгрузки товаров	301	401	160	308
297. Незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта, пересылка либо сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов	2160	2213	2000	1389
307. Организация незаконного игорного бизнеса	556	424	585	328
361. Злоупотребление должностными полномочиями	945	558	388	366
366. Получение взятки	551	694	812	802
218. Легализация (отмывание) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем	**54**	**64**	**79**	**79**

В соответствии со ст. 187 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V по делам об уголовных правонарушениях, предусмотренных ст. 218 УК, предварительное следствие производится органами внутренних дел, национальной безопасности, антикоррупционной службой или службой экономических расследований, начавшими досудебное расследование.

На практике производство по указанной статье в основном осуществляется Службой экономических расследований в связи с совершением экономических преступлений. Статья 218 практически не применяется по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, совершенным организованной группой, выборочно применяется по отдельным категориям преступлений против собственности, коррупционным преступлениям.

Статья 218 УК РК отнесена к правонарушениям в сфере экономической деятельности, вследствие этого органами внутренних дел, антикоррупционными и специальными органами легализация преступных доходов рассматривается как второстепенное преступление. Главной задачей представляется доказывание факта совершения основного преступления (незаконный оборот наркотических средств, мошенничество, получение взятки и т.д.). Фактически вменение ст. 218 зависит от усмотрения лица, осуществляющего досудебное расследование.

По мнению автора, указанные проблемы связаны, прежде всего, с отсутствием четких критериев, определяющих категории преступлений, при совершении которых обязательно установление признаков отмывания денег, как это регламентировано в законодательстве ряда зарубежных государств.

К примеру, Уголовный кодекс ФРГ в § 261 «Отмывание денег; укрывательство незаконно полученных имущественных выгод» закрепляет исчерпывающий перечень преступлений и проступков последствия совершения которых рассматриваются как «отмывание» денег [7].

Перечень преступлений, по которым проведение расследования (розыска) имущества обязательно закреплен и в Рекомендациях в отношении

расследования имущества, утвержденных Приказом Генерального прокурора Литовской Республики № I-219 от 27 июня 2018 года.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. С учетом внесенных на сегодняшний день изменений уголовное законодательство Республики Казахстан, криминализирующее отмывание денег, приведено в соответствие с положениями ратифицированных международных актов и рекомендациями ФАТФ. На 24-м пленарном заседании ЕАГ в июне 2016 года по итогам рассмотрения четвертого отчета о прогрессе Республики Казахстан принято решение о снятии страны с процедуры мониторинга ЕАГ [8, с. 20-21].

2. Основываясь на положениях международных правовых документов и рекомендациях ФАТФ, представляется верным закрепленный в уголовном законодательстве Республики Казахстан подход к признанию легализацией преступных доходов фактов использования такого дохода в личных целях.

3. В целях совершенствования правоприменительной практики противодействия отмыванию денег в уголовном, уголовно-процессуальном законодательстве либо в подзаконных документах необходимо определить категории преступлений, по которым обязательно установление факта легализации денежных средств, добытых преступным путем.

Список цитированных источников

1. Лучшие практики применения рекомендаций ФАТФ в борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/ru/best-practicies. – Дата доступа: 13.09.2019.

2. Отчет взаимной оценки по ПОД/ФТ – 2011. Республика Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/ru/mutual-evaluation-reports. – Дата доступа: 13.09.2019.

3. Руководство для законодательных органов по осуществлению Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. Второе исправленное и дополненное издание, 2012 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/Legislative Guide/ UNCAC_Legislative_Guide_R.pdf. – Дата доступа: 12.09.2019 г.

4. Борчашвили, И. Ш. Комментарий к уголовному кодексу Республики Казахстан [Текст] / И.Ш. Борчашвили. – Алматы : Жеті жарғы., Т.2 : Особенная часть. – 2015. – 1120 с.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан [Текст] / под ред. С.М. Рахметова ; И.И. Рогова. – 4-е изд., перераб. и доп – Алматы : ТОО «Издательство «Норма-К», 2016. – 752 с.

6. Информационный сервис. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://qamqor.gov.kz/portal/page/ portal/POPageGroup/Services/Pravstat. – Дата доступа: 12.09.2019 г.

7. German Criminal Code [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html#p2147. – Дата доступа: 10.09.2019 г.

8. 4-й Отчет о прогрессе в рамках снятия с процедур мониторинга - 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/ru/mutual-evaluation-reports. – Дата доступа: 13.09.2019.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы криминализация отмывания денег в уголовном законодательстве Республики Казахстан. Изучены этапы приведения правовой нормы, криминализирующей отмывание денег, в соответствие с требованиями международных стандартов. Раскрывается определение конверсии имущества, представляющего доходы от уголовных правонарушений, обосновывается правильность признания легализацией преступных доходов использования такого имущества в личных целях. Определены проблемные вопросы практического применения норм уголовного закона в сфере противодействия отмыванию денег. Делается вывод, что отсутствие системности в применении статьи 218 УК РК связано с отсутствием четких критериев, определяющих категории преступлений, при совершении которых обязательно установление признаков отмывания денег. На основании проведенного анализа предлагается закрепление таких критериев в уголовном законодательстве или в подзаконных актах, регламентирующих вопросы противодействия отмыванию денег.

CRIMINALIZATION OF MONEY LAUNDERING IN REPUBLIC KAZAKHSTAN

Nugmanov R.R.

Keywords: criminal law, economic crimes, corruption, money laundering.

Abstract. The article discusses the criminalization of money laundering in the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan. The stages of the legal norm criminalizing money laundering in accordance with the requirements of international standards are studied. The definition of conversion of property representing the income from criminal offenses is revealed, correctness of recognition by legalization of criminal incomes of use of such property for the personal purposes is proved. The problematic issues of the practical application of criminal law in the field of combating money laundering are identified. It is concluded that the lack of consistency in the application of Article 218 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan is due to the lack of clear criteria defining the categories of crimes, the commission of which requires the establishment of signs of money laundering. Based on the analysis, it is proposed that such criteria be consolidated in criminal law or in by-laws governing anti-money laundering issues.

УДК 343

РОЛЬ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ КОРРУПЦИИ

Олейник А.В.

Ключевые слова: криминологическая экспертиза, правонарушения, коррупция, риски криминогенного характера, коррупциогенные факторы.

Введение

Борьба с коррупцией как важнейшая задача государства и общества требует особого и постоянного внимания со стороны государства и его органов.

При этом противодействие коррупции может быть эффективным в том случае, если оно, в первую очередь, направлено на выявление и устранение причин и условий ее появления.

В качестве одного из элементов системы мер, направленных на предупреждение правонарушений, в том числе коррупционных, выступает криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов и ранее принятых (изданных) нормативных правовых актов, проводимая государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (далее – Центр).

Являясь одним из этапов нормотворческого процесса в Республике Беларусь, криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов еще на стадии их подготовки позволяет устранить дефектные нормативные положения, применение которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера.

Институт криминологической экспертизы становится важным элементом нормотворчества, средством совершенствования национального законодательства и составной частью системы предупреждения и социально-правового контроля преступности.

В настоящее время следует говорить о придании данной деятельности всеобъемлющего характера, статуса обязательного и значимого звена всего правотворческого процесса Республики Беларусь [1, с. 36].

В статье представлен краткий обзор практической деятельности Центра по проведению криминологических экспертиз проектов нормативных правовых актов в различных сферах общественных отношений, в том числе в сфере государственного регулирования экономики, наиболее подверженной возможности использования должностными лицами своих властных полномочий и доверенных им прав и возможностей в целях личной выгоды.

Основная часть

В соответствии со ст. 22 Закона Республики Беларусь от 4 апреля 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», ст. 5 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» проведение криминологической экспертизы проектов правовых актов и ранее принятых (изданных) правовых актов относится к мерам общей профилактики правонарушений, а также к мерам по противодействию коррупции.

Криминологическая экспертиза проводится Центром в целях исследования содержания проекта нормативного правового акта (нормативного правового акта) на предмет выявления в нем норм, применение которых может повлечь (повлекло) возникновение негативных (криминогенных) последствий в различных сферах общественных отношений в связи с наличием рисков криминогенного характера.

Центром на постоянной основе выявляются проекты нормативных правовых актов, содержащие недостатки, способствующие возникновению рисков криминогенного характера.

Так, например, в первом полугодии 2019 года из 504 проектов нормативных правовых актов, поступивших в Центр, в отношении 51 проекта нормативного правового акта криминологическая экспертиза не проводилась, в отношении 404

проектов подготовлены положительные заключения, в отношении 26 проектов – отрицательные заключения с указанием норм, применение которых могло повлечь возникновение рисков криминогенного характера и предложений об устранении выявленных в проектах нормативных правовых актах недостатках, 23 проекта нормативных правовых акта были отозваны разработчиками в связи с наличием в проектах норм, применение которых могло повлечь возникновение рисков криминогенного характера.

С учетом изложенного, в первом полугодии 2019 г. недостатки, создающие условия для возникновения рисков криминогенного характера, были выявлены в 49 проектах нормативных правовых актов. Представленные цифры характеризуют уровень подготовки проектов нормативных правовых актов нормотворческими органами Республики Беларусь, свидетельствуют о результативности работы Центра и необходимости проведения криминологических экспертиз.

Анализ отрицательных заключений криминологических экспертиз позволяет выделить следующие типичные недостатки в проектах нормативных правовых актах, такие как: неполнота (незавершенность) правового регулирования, которая обусловливает невозможность применения норм в соответствии с целями правового регулирования, необоснованное использование бланкетных и отсылочных норм, широкие возможности ведомственного и локального нормотворчества, завышенные требования к субъектам правовых отношений, предъявляемые для реализации принадлежащего им права, создание условий для злоупотребления правом, льготными правовыми режимами или компенсационными схемами реализации субъективных прав вопреки заявленным целям правового регулирования, неопределенность порядка реализации прав или исполнения обязанностей, отсутствие порядка осуществления полномочий государственными органами и должностными лицами, контролирующими исполнение правового акта, неопределенность оснований и условий принятия решений или совершения действий государственными органами, иными организациями или должностными лицами либо наделение их излишне широкими дискреционными полномочиями (полномочиями, которые могут осуществляться по усмотрению государственного органа, иной организации или должностного лица) и другие.

Таким образом, криминологическая экспертиза дает оценку проекта нормативного правового акта (нормативного правового акта), в том числе и на стадии его разработки, на предмет наличия в нем предпосылок возникновения преступного или иного антиобщественного поведения.

Специалисты Центра, проводя криминологическую экспертизу и устанавливая криминогенные риски, не определяют нарушения законодательства в конкретном нормативном правовом акте, а констатируют в этом акте факторы, создающие условия для возможного проявления в будущем девиантного поведения, в том числе, коррупционного или иного правонарушения. Следовательно, с позиции общей профилактики выявление криминогенных рисков при проведении криминологической экспертизы способствует системному воздействию на сферу упразднения причин и условий совершения правонарушений. Центр находится в авангарде профилактики. Условия для совершения преступлений, заложенные в форме криминогенных

рисков в проекте нормативного правового акта, ликвидируются до придания ему юридической силы [2, с. 97–98].

В этой связи следует отметить и то, что в Республике Беларусь отсутствует специальное законодательство, регламентирующее антикоррупционную экспертизу.

Например, в России Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» устанавливает правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения. Коррупциогенными факторами являются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции [3].

Сравнительный анализ методик оценки криминогенности законодательства показывает, что проведение криминологической экспертизы проекта нормативного правового акта является наиболее оптимальным и позволяет достигнуть максимального эффекта от экспертной работы с минимальными социальными издержками, поскольку дефектные положения устраняются и нейтрализуются еще до возникновения реальной возможности наступления криминогенных последствий [4, с. 23].

Проанализируем выявленные риски криминогенного характера на конкретных примерах, которые систематизируем по сферам нормативного регулирования деятельности государства и общества.

В сфере использования, распределения бюджетных средств следует выделить проект Указа Президента Республики Беларусь «О государственной финансовой поддержке малого и среднего предпринимательства», в котором при закреплении условия оказания государственной финансовой поддержки облисполкомами, Минским горисполкомом, Белорусским фондом финансовой поддержки предпринимателей на конкурсной основе (далее – конкурс), отсутствовал порядок организации и проведения конкурса, в том числе порядок принятия решений по результатам конкурса.

Такое правовое регулирование не согласовывалось с ч. 1 ст. 15 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», согласно которой решения по оказанию государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям принимаются в порядке, установленном законодательными актами. Предлагаемый механизм оказания государственной поддержки не соответствовал также и принципу государственной политики в сфере поддержки малого и среднего предпринимательства о гласности при предоставлении поддержки субъектам хозяйствования (абзац 2 ч. 2 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 148-З «О поддержке малого и среднего предпринимательства»).

Вышеуказанная правовая регламентация предоставления государственной поддержки отнесена Центром к риску криминогенного характера, связанному

с неопределенностью порядка реализации прав или исполнения обязанностей, что могло породить как противоречивую правоприменительную практику, так и увеличение степени усмотрения должностных лиц при решении вопроса о распределении денежных средств, а также к риску, связанному с созданием условий для злоупотребления правом, льготными правовыми режимами, так как отсутствовала возможность осуществления контроля за проведением конкурса и привлечения к ответственности виновных лиц за нарушение порядка его проведения, что могло мотивировать участников правоотношений на противоправное поведение и способствовать предоставлению субъектам хозяйствования необоснованных льгот и привилегий и, тем самым, создавало условия для коррупции.

В ходе проведения криминологической экспертизы также установлено отсутствие в проекте определения понятия «бизнес-проект» субъектов малого и среднего предпринимательства, требований к разработке и утверждению такого бизнес-проекта для целей выделения денежных средств, в том числе бюджетных.

С позиции криминологической экспертизы указанные недостатки были отнесены к рискам криминогенного характера, связанным с неполнотой (незавершенностью) правового регулирования, которая обусловливала невозможность применения норм в соответствии с целями правового регулирования, с неопределенностью оснований и условий принятия решений государственными органами или должностными лицами либо наделением их излишне широкими дискреционными полномочиями (полномочиями, которые могут осуществляться по усмотрению государственного органа, должностного лица).

С учетом необходимости анализа бизнес-проекта для распределения денежных средств на его основании, такое правовое регулирование могло повлечь за собой невозможность эффективного, рационального использования денежных средств, а также создавало предпосылки к неправомерному их распределению между субъектами хозяйствования, к возможному злоупотреблению служебным положением должностными лицами и, как следствие, возникновению коррупционных проявлений.

В качестве примера выявленных рисков криминогенного характера в сфере декларирования доходов и имущества можно привести результаты криминологической экспертизы проекта постановления Совета Министров Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в постановления Совета Министров Республики Беларусь», предлагающего внести дополнения и изменения, в том числе в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 16 января 2016 г. № 19 «О некоторых вопросах декларирования доходов и имущества государственными служащими и иными категориями лиц» (далее – Постановление № 19).

Постановлением № 19 регламентирован порядок определения стоимости имущества, указанного в абзацах 4 – 7 и 9 ч. 1 ст. 27 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон), в целях установления необходимости его декларирования лицами, обязанными в соответствии с главой 4 Закона представлять декларации о доходах и имуществе (далее – государственные служащие и иные категории лиц).

К имуществу, указанному в абзацах 4 – 7 и 9 ч. 1 ст. 27 Закона, в отношении которого необходимо определять его стоимость на дату представления декларации, т.е. его «текущую стоимость», относится следующее имущество:

произведения искусства, драгоценные металлы и драгоценные камни, изделия из них, стоимость каждого из которых превышает одну тысячу базовых величин или общая стоимость которых превышает две тысячи базовых величин;

строительные материалы, общая стоимость которых превышает две тысячи базовых величин;

доли в уставных фондах (акции) хозяйственных товариществ и обществ, паи в имуществе производственных и потребительских кооперативов, объекты, не завершенные строительством, их части, предприятия как имущественные комплексы на сумму, превышающую пятнадцать тысяч базовых величин;

иное имущество, стоимость единицы которого превышает две тысячи базовых величин;

доли в праве собственности на такое имущество, если их стоимость превышает установленные соответствующими абзацами пределы.

Данное имущество указывается государственными служащими и иными категориями лиц в декларации о доходах и имуществе только в случае превышения указанных пределов его стоимости на дату представления декларации, определяемых с помощью механизма, изложенного в Постановлении № 19.

Проектом постановления предлагался механизм определения стоимости вышеуказанного имущества, не подлежащего государственной регистрации, а также объектов, не завершенных строительством, их частей, долей в праве собственности на такое имущество, по цене на идентичное имущество на основании сведений изготовителей, исполнителей, субъектов торговли о ценах (тарифах) на товары, работы, услуги, содержащихся в специальных отечественных и зарубежных справочниках, каталогах, периодических изданиях, информационных материалах субъектов торговли (в том числе размещенных на сайтах в глобальной компьютерной сети Интернет). При этом понятие идентичного имущества, включающего в себя совокупность индивидуальных признаков, по которым возможно признание имущества идентичным (аналогичным), проектом постановления не предусматривалось.

Такое правовое регулирование определения стоимости имущества, в том числе и без наличия иных вариантов ее определения, способствовало возникновению риска криминогенного характера, связанного с отсутствием организационно-правовых механизмов обеспечения реализации норм Закона, повлекло бы за собой не только чрезмерную сложность, но и, в некоторых случаях (например, эксклюзивность декларируемого имущества и др.), невозможность исполнения названной обязанности государственных должностных лиц и иных категорий лиц, предоставляло им возможность действовать в зависимости от обстоятельств и личной заинтересованности.

При изучении практики реализации действующих нормативных правовых актов в ходе проведения данной криминологической экспертизы было установлено наличие в законодательстве Республики Беларусь и иного подхода к правовому регулированию определения стоимости имущества, подлежащего декларированию.

Так, Закон Республики Беларусь от 4 января 2003 года № 174-З «О декларировании физическими лицами доходов и имущества по требованию налоговых органов» (далее – Закон № 174-З) регулирует отношения, возникающие в сфере декларирования физическими лицами доходов и имущества по требованию налоговых органов.

В соответствии со ст. 6 Закона № 174-З декларированию подлежат находящиеся в собственности физических лиц на дату представления декларации о доходах и имуществе:

доли в уставных фондах (акции) хозяйственных товариществ и обществ, предприятия как имущественные комплексы на сумму, превышающую две тысячи базовых величин (в отношении имущества, приобретенного до 1 марта 2002 года, – две тысячи минимальных заработных плат) на дату приобретения;

иное имущество, стоимость единицы которого превышает две тысячи базовых величин (в отношении имущества, приобретенного до 1 марта 2002 года, – две тысячи минимальных заработных плат) на дату приобретения, за исключением имущества, указанного в ч. 5 ст. 6 Закона № 174-З.

Декларированию также подлежат принадлежащие физическим лицам на дату представления декларации о доходах и имуществе:

доли в праве собственности на имущество, указанное в абзацах 2 и 3 ч. 1 ст. 6 Закона № 174-З;

доли в праве собственности на имущество, указанное в абзацах 4 и 5 ч. 1 ст. 6 Закона № 174-З, если их стоимость превышает пределы, установленные соответствующими абзацами ч. 1 ст. 6 Закона № 174-З.

Таким образом, вышеуказанное имущество подлежит декларированию физическими лицами при условии, если его стоимость превышает установленные пределы на дату его приобретения, а не на дату предоставления декларации о доходах и имуществе.

Следовательно, физическому лицу не требуется определять «текущую стоимость» данного имущества для принятия решения о необходимости его отражения в декларации, предъявляемой по требованию налогового органа.

С учетом изложенного было выявлено различие в подходах регулирования правоотношений в сфере декларирования имущества в зависимости от статуса субъекта правовых отношений.

В тоже время нельзя исключать возможность истребования налоговыми органами декларации о доходах и имуществе как у лиц, находящихся на государственной службе, так и у бывших государственных служащих.

На наш взгляд, подход по определению государственными служащими и иными категориями лиц «текущей стоимости» имущества на дату предоставления декларации о доходах и имуществе является приемлемым, он обусловлен необходимостью получения более актуальной информации об имущественном положении таких лиц.

При этом стоимость имущества на дату его приобретения может и не превышать установленные Законом № 174-З пределы, но и не соответствовать его реальной стоимости на отчетную дату с учетом инфляции, роста цен и других факторов.

Получение информации об имуществе с учетом его стоимости на дату предоставления декларации, например, при поступлении на службу, назначении на должность, в иных необходимых случаях, служит отправной точкой для

отслеживания в более полном объеме изменений в имущественном положении вышеуказанных лиц, что необходимо для целей максимального контроля за соответствием их доходов и расходов.

Таким образом, механизмы определения стоимости имущества для целей его декларирования подлежат единообразному правовому регулированию.

В сфере контрольной (надзорной) деятельности также выявлялись риски криминогенного характера.

Так, например, в ходе проведения криминологической экспертизы проекта постановления Совета Министров Республики Беларусь «Об изменении постановлений Совета Министров Республики Беларусь», предлагающего новую редакцию ч. 2 п. 4 Положения о порядке определения размера причитающихся к уплате в бюджет сумм налогов, сборов (пошлин) на основании сведений о движении денежных средств по счетам проверяемого субъекта в банке и (или) сведений о проверяемом субъекте, полученных от других государственных органов, юридических и физических лиц, либо расчетным методом на основании сведений о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, осуществляющих аналогичные виды деятельности, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 марта 2010 г. № 426, было установлено следующее.

Проектом постановления предлагалось право контролирующему (надзорному) органу самостоятельно выбирать метод определения размера причитающихся к уплате в бюджет сумм налогов, исходя из имеющихся у него сведений о движении денежных средств по счетам в банке и (или) сведений о проверяемом субъекте, полученных от других государственных органов, юридических и физических лиц, сведений о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, осуществляющих аналогичные виды деятельности, и показателях деятельности таких субъектов, а также сведений о перемещаемых товарах и (или) информации, имеющейся в распоряжении таможенных органов.

При этом критерии (условия) выбора того или иного метода определения размера причитающихся к уплате в бюджет сумм налогов, в том числе при наличии и сведений о движении денежных средств по счетам плательщика в банке, и иной информации о проверяемом субъекте не предусматривались.

Правовое регулирование предоставления права контролирующему (надзорному) органу самостоятельно принимать решение о выборе метода определения размера причитающихся к уплате в бюджет сумм налогов, отнесено к риску криминогенного характера, связанному с наделением государственного органа или должностного лица излишне широкими дискреционными полномочиями (полномочиями, которые могут осуществляться на основе усмотрения), что создавало предпосылки к использованию государственными должностными лицами служебного положения в своих (внеслужебных) интересах. С учетом доначисления в таких случаях сумм налогов в значительных размерах, решение о выборе метода их определения должно приниматься контролирующим (надзорным) органом при условии максимального соблюдения законных интересов проверяемого субъекта.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что роль криминологической экспертизы в предупреждении коррупции, несомненно,

велика. В ряде проектов нормативных правовых актов, в том числе в сфере государственного регулирования экономики, выявляется значительное количество рисков криминогенного характера, которые по своей сути относятся к коррупциогенным.

Обзор результатов деятельности Центра по проведению криминологических экспертиз проектов нормативных правовых актов на конкретных примерах доказывает приоритетность применения мер, направленных на выявление и устранение предпосылок возникновения коррупции.

Список цитированных источников

1. Хомич, В. М. НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь как синтез методологического контекста практичности фундаментальной юридической науки и научности правоохранительной деятельности / В. М. Хомич, О. В. Русецкий // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. Прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. М. Хомич [и др.]. – Минск, 2016. – Вып. 9. – С. 36.

2. Марчук, В. В. Криминологическая экспертиза в призме реализации основных функций прокуратуры Республики Беларусь / В. В. Марчук // Информационный бюллетень Секретариата КСГП СНГ / Секретариат Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников Содружества Независимых Государств. – Москва, 2019. – № 1(3) – С. 97–98.

3. Зюбанов, Ю. А. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный) [Электронный ресурс] / Ю. А. Зюбанов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.

4. Богданов, Е. Криминологическая экспертиза в системе законотворческого процесса Республики Беларусь / Е. Богданов // Юстыцыя Беларусі. – 2007. – № 9. – С. 23.

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли криминологической экспертизы в сфере предупреждения коррупции.

Осуществлен краткий обзор примеров практической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» по проведению криминологических экспертиз проектов нормативных правовых актов, направленной на выявление и устранение норм, создающих предпосылки для криминогенных (коррупционных) последствий.

Сделаны выводы о значимости и необходимости проведения криминологической экспертизы.

THE ROLE OF CRIMINOLOGICAL EXPERTISE IN PREVENTING CORRUPTION

Oleinik A.V.

Keywords: criminological expertise, corruption, criminogenic risks, corruptoogenic factor.

Abstract. The article is devoted to the study of the role of criminological expertise in the field of corruption prevention.

A brief review of examples of practical activities of a public office «The Scientifically-practical center of problems of strengthening of legality and the law and order of the State Office of Public Prosecutor of Belarus» on conducting criminological expertise of draft normative legal acts aimed at identifying and eliminating norms that create the prerequisites for criminogenic (corruption) consequences.

Conclusions are made about the importance and need for criminological expertise.

УДК 340.13

РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Полящук Н.А.

Ключевые слова: нормотворческая деятельность, нормативный правовой акт, правовой мониторинг, криминологическая экспертиза, риски криминогенного характера.

Введение

Для достижения целей борьбы с коррупцией должен использоваться комплекс разнообразных мер: научных, организационных, политических, экономических, социальных, правовых. При этом правовые меры (средства), по нашему мнению, приобретают наибольшую значимость и служат условием и залогом успешной и четкой реализации всех других. К правовым средствам противодействия коррупции следует относить не только нормативно-правовые предписания, регламентирующие приемы, способы противодействия коррупционным отношениям, но и юридические технологии, сопряженные с эффективным правовым инструментарием, юридической техникой, толкованием права и формами правореализационной практики, способствующие снижению факторов коррупционной деятельности и причин, ее порождающих [1, с. 13]. Непосредственно к правовым технологиям в сфере противодействия коррупции, по мнению Е.Е. Рафалюк, следует относить: антикоррупционное правовое прогнозирование; антикоррупционный правовой мониторинг; антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [1, с. 25]. Однако, по нашему мнению, перечисленные правовые технологии целесообразно рассматривать более широко и задействовать инструменты не только так называемого антикоррупционного характера, но и в целом механизмы прогнозирования развития законодательства и практики его применения, правового мониторинга и криминологической экспертизы, благодаря которым противодействие коррупции будет носить комплексный характер.

В Республике Беларусь в той или иной степени используются все перечисленные правовые средства. При этом полагаем, что рациональное применение правовых технологий наряду с другими правовыми средствами будет способствовать не только противодействию коррупции, но и повышению эффективности правового регулирования общественных отношений и правоприменительной практики.

Так, криминологическая экспертиза проектов правовых актов (правовых актов) (далее – криминологическая экспертиза) проводится не только в целях предотвращения возможных криминогенных последствий принятия (издания) правовых актов, но и выступает дополнительным инструментом обеспечения качества нормативных правовых актов, их большей эффективности. В этой связи возникает необходимость в определении результативности самого института

криминологической экспертизы посредством внедрения мониторинга соблюдения законодательства о криминологической экспертизе, основной целью которого является анализ и обеспечение эффективности института криминологической экспертизы.

Основная часть

Мониторинг соблюдения законодательства о криминологической экспертизе проектов правовых актов (правовых актов) (далее – мониторинг) осуществляется государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (далее – НПЦ Генеральной прокуратуры) и представляет собой регулярную комплексную аналитико-оценочную деятельность, включающую наблюдение, анализ, обобщение и оценку информации о соблюдении законодательства о криминологической экспертизе проектов правовых актов (правовых актов), в том числе о наличии (отсутствии) в принятых (изданных) нормативных правовых актах, проекты которых поступали (должны были поступать) в НПЦ Генеральной прокуратуры для проведения обязательной криминологической экспертизы, норм, содержащих риски криминогенного характера [2].

Учитывая определение мониторинга, его объектом является деятельность нормотворческих органов по соблюдению законодательства о криминологической экспертизе проектов правовых актов (правовых актов).

По состоянию на 1 января 2019 г. (т.е. до вступления в силу нового Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь») деятельность нормотворческих органов анализировалась и оценивалась на предмет соблюдения ими нормативных правовых актов, регламентирующих правовые и организационные основы проведения криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов), к которым, в частности, относились: Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»; Указ Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе»; Указ Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 г. № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы»; Приказ Генерального прокурора Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 46 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов)».

Предмет мониторинга, прежде всего, составляют прошедшие в установленном законодательством порядке криминологическую экспертизу нормативные правовые акты, в которых были выявлены риски криминогенного характера, а также нормативные правовые акты, в отношении которых выявлены нарушения порядка проведения криминологической экспертизы.

При осуществлении мониторинга анализировалось и оценивалось наличие (отсутствие) нарушений законодательства о криминологической экспертизе, в том числе:

учет выводов криминологической экспертизы о наличии в проекте нормативного правового акта (нормативном правовом акте) норм, применение которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера

(выявление случаев направления проекта нормативного правового акта без его доработки в нормотворческий орган);

своевременность направления проекта нормативного правового акта для проведения обязательной криминологической экспертизы в случаях, предусмотренных законодательством;

соблюдение требований, предусмотренных пунктом 14 Положения о порядке проведения криминологической экспертизы, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 (выявление фактов безосновательного принятия (издания) нормативного правового акта без проведения его обязательной криминологической экспертизы).

При этом учитывались:

принятые (изданные) нормативные правовые акты (их отдельные положения), проекты которых поступали (должны были поступать) в НПЦ Генеральной прокуратуры для проведения обязательной криминологической экспертизы;

прилагаемые к проектам нормативных правовых актов (нормативным правовым актам) сопроводительные документы и материалы;

заключения криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов);

иная информация, в том числе прилагаемая к проекту нормативного правового акта (нормативному правовому акту).

Таким образом, мониторинг принятых (изданных) нормативных правовых актов, проекты которых поступили в НПЦ Генеральной прокуратуры в 2018 г. для проведения обязательной криминологической экспертизы и были доработаны с учетом замечаний, указанных в соответствующих заключениях криминологической экспертизы, показал, что за отчетный период криминологической оценке было подвергнуто 982 проекта нормативных правовых актов и 1 вступившее в силу постановление Совета Министров Республики Беларусь. В 108 проектах (12,9 %), содержались недостатки, способствовавшие возникновению рисков криминогенного характера. Из них большинство нормативных правовых актов (более 55 %), проекты которых поступили в НПЦ Генеральной прокуратуры для проведения обязательной криминологической экспертизы и были доработаны с учетом замечаний, указанных в соответствующих заключениях криминологической экспертизы, так и не были приняты (изданы) в 2018 г. в основном по причине прохождения соответствующих процедур на заключительных стадиях нормотворческого процесса, предусмотренных законодательством. Несмотря на это, по нашему мнению, в отношении них также необходимо проводить мониторинг в случае их принятия, независимо от годовых отчетных периодов.

По результатам проведения мониторинга были сделаны следующие выводы.

1. В целом замечания, содержащиеся в соответствующих заключениях криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, поступивших в НПЦ Генеральной прокуратуры, были учтены. Так, с учетом выводов заключений криминологических экспертиз принято (издано) 35 нормативных правовых актов, в которых все замечания и недостатки, выявленные в ходе проведения криминологической экспертизы, были устранены. В то же время ряд замечаний остались без внимания нормотворческих органов (должностных лиц) либо разработчиков, поскольку

в ходе мониторинга были выявлены и нормативные правовые акты, которые приняты в иной редакции по сравнению с поступившими на криминологическую экспертизу доработанными проектами нормативных правовых актов, в результате чего в некоторых из них содержатся нормы, реализация которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера.

Данные обстоятельства свидетельствуют о несоблюдении п. 17 Положения о порядке проведения криминологической экспертизы, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 (далее – Положение № 244), согласно которому заключение криминологической экспертизы по проекту правового акта подлежит обязательному рассмотрению субъектом (субъектами), направившим проект правового акта для проведения криминологической экспертизы, а также о нарушении п. 18 Положения № 244, в котором закреплено, что в случае, если в заключении криминологической экспертизы указано на наличие в проекте правового акта норм, применение которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, субъектом (субъектами), направившим проект правового акта для проведения криминологической экспертизы, организуется доработка данного проекта.

Субъекты нормотворческой деятельности также не принимают во внимание нормы п. 19 Положения № 244, в соответствии с которым при несогласии субъекта (субъектов), направившего проект правового акта для проведения криминологической экспертизы, с выводами (их частью), содержащимися в заключении криминологической экспертизы, он обращается в Генеральную прокуратуру с мотивированным обоснованием своего несогласия с этими выводами (их частью), приложением проекта правового акта, заключения криминологической экспертизы и документов, которые представлялись для проведения криминологической экспертизы. Учитывая, что в НПЦ Генеральной прокуратуры отсутствует информация о поступлении в Генеральную прокуратуру обращений от субъектов нормотворческой деятельности о несогласии с выводами (их частью), содержащимися в заключении криминологической экспертизы, можно прийти к выводу о том, что нормотворческие органы (должностные лица) в ряде случаев принимали нормативные правовые акты без учета замечаний, содержащихся в соответствующих заключениях криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, не обжалуя при этом результаты (выводы) криминологической экспертизы.

2. При проведении мониторинга был выявлен случай, когда нормативный правовой акт был принят без направления его проекта на обязательную криминологическую экспертизу, что свидетельствует о нарушении действовавшей на момент проведения мониторинга ст. 49^1 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», а также п. 14 Положения № 244.

В соответствии с ч. 1 п. 14 Положения № 244 в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, допускается принятие (издание) правового акта, кроме закона и декрета, с последующим проведением его обязательной криминологической экспертизы. В то же время согласно ч. 3 п. 14 Положения № 244 решение о принятии (издании) правового акта без проведения обязательной криминологической экспертизы и последующем проведении данной экспертизы принимается уполномоченным (уполномоченными) на его

принятие (издание) нормотворческим органом (нормотворческими органами), т.е. в указанном случае – Советом Министров Республики Беларусь.

В подобных ситуациях имеет место нарушение законодательства в сфере нормотворческой деятельности, включая законодательство о криминологической экспертизе проектов правовых актов (правовых актов), не только со стороны непосредственно разработчиков проекта акта, в обязанности которых входила необходимость направления проекта нормативного правового акта на обязательную криминологическую экспертизу, но и иных лиц, так или иначе задействованных в нормотворческом процессе, в том числе и тех, кто на основании неполного пакета документов (включая отсутствие заключения обязательной криминологической экспертизы) принял акт, не соблюдая при этом порядок подготовки проекта нормативного правового акта и (или) порядок внесения проекта нормативного правового акта в нормотворческий орган (должностному лицу).

3. Мониторинг показал, что не в полной мере соблюдаются разработчиками проектов нормативных правовых актов п. 10 и п. 11 Положения № 244, вследствие чего при направлении ими проектов нормативных правовых актов для проведения криминологической экспертизы прилагаются не все необходимые сопроводительные документы и материалы, предусмотренные пунктом 10 Положения № 244. Прежде всего, речь идет о заключениях по результатам проведения обязательной юридической экспертизы и о сведениях о согласовании и визировании проекта правового акта, в том числе о неучтенных замечаниях и предложениях, если они имеются. Не соблюдаются также сроки, установленные п. 11 Положения № 244, в течение которых должна предоставляться информация, необходимая для проведения криминологической экспертизы.

В свою очередь, непредставление или несвоевременное представление разработчиками проектов нормативных правовых актов заключения по результатам проведения обязательной юридической экспертизы свидетельствует о нарушении п. 8 Положения № 244, в соответствии с которым проведение криминологической экспертизы проекта правового акта осуществляется после проведения его обязательной юридической экспертизы, предусмотренной законодательными актами, если иное не определено настоящим Положением.

4. Анализ сопроводительных документов, прилагаемых к проектам нормативных правовых актов, для проведения криминологической экспертизы дает основания полагать, что в отдельных случаях имеет место подмена документов либо недостоверное приведение информации по проектам.

Кроме того, следует отметить, что затрудняет проведение мониторинга слишком лаконичное формулирование названий ряда проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов): например «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь (некоторые законы Республики Беларусь»), «Об изменении Указа (указов)», «О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь» и т.п. Несмотря на то, что это обусловлено требованиями нормотворческой техники, являющимися приложением к новому Закону Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (вступившем в силу с 1 февраля 2019 г.), тем не менее, при проведении мониторинга возникает необходимость уточнения предмета правового

регулирования или реквизитов нормативных правовых актов с подобными названиями.

Отдельного внимания заслуживают вопросы, связанные с проведением мониторинга эффективности криминологической экспертизы принятых (изданных) правовых актов с ограничительным грифом «Для служебного пользования», поскольку выявить, насколько учтены или не учтены замечания, сформулированные по результатам проведения криминологической экспертизы их проектов, достаточно проблематично. В связи с этим полагаем возможным порекомендовать нормотворческим органам (должностным лицам) либо непосредственно разработчикам указанных проектов нормативных правовых актов направлять принятые (изданные) проекты нормативных правовых актов в НПЦ Генеральной прокуратуры для проведения мониторинга, принимая во внимание особый порядок предоставления и хранения документов, предусмотренный законодательством.

Заключение

Таким образом, практика проведения криминологической экспертизы, а также результаты мониторинга соблюдения законодательства о криминологической экспертизе позволили выявить ряд проблем, решение которых позволит не только повысить эффективность проанализированных институтов, но и способствовать обеспечению надлежащего качества нормативных правовых актов, полноты и эффективности правового регулирования общественных отношений и совершенствованию нормотворческого процесса в целом.

В частности, в целях совершенствования нормотворческой деятельности, а также минимизации (исключения) совершения нарушений законодательства в указанной сфере, связанных, в том числе, с возможностью игнорирования выводов и результатов криминологической экспертизы, либо с возможной доработкой проекта правового акта и внесения в него изменений и дополнений после проведения обязательной криминологической экспертизы, полагаем целесообразным предусмотреть следующее.

Обратить внимание нормотворческих органов на то, что в случае, если в текст проекта нормативного правового акта после проведения в отношении него криминологической экспертизы вносились правки, доработанный проект нормативного правового акта в идеале необходимо снова направлять для проведения криминологической экспертизы с указанием на то, что он уже поступал в НПЦ Генеральной прокуратуры для проведения криминологической экспертизы и был доработан с учетом замечаний и предложений соответствующих государственных органов (например, Администрации Президента Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь или иных уполномоченных на то государственных органов).

Если же текст проекта нормативного правового акта, представленного для проведения криминологической экспертизы, не в полной мере совпадает с текстом принятого (изданного) правового акта, и в отношении окончательного варианта доработанного проекта не было получено заключение криминологической экспертизы, представляется целесообразным предусмотреть обязанность государственного органа, изначально направлявшего проект правового акта для проведения криминологической экспертизы, либо нормотворческого органа, в компетенцию которого входит принятие (издание)

соответствующего вида нормативного правового акта, но который непосредственно не принимал участия в его подготовке на момент проведения криминологической экспертизы (например, речь идет о постановлениях Совета Министров Республики Беларусь, подготовкой которых, как правило, занимаются профильные министерства и (или) комитеты, об актах Президента Республики Беларусь, работа над проектами которых осуществляется аналогичным образом и которые направляются в НПЦ Генеральной прокуратуры Советом Министров), уведомлять НПЦ Генеральной прокуратуры о внесенных в текст акта изменениях и (или) дополнениях с указанием причин произведенных корректировок и непредставления его на криминологическую экспертизу в соответствии с законодательством.

При этом полагаем целесообразным отметить, что согласно подп. 1.4 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 г. № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы» Генеральная прокуратура осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением законодательных актов в сфере проведения криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов), в том числе за выполнением требований об их направлении для проведения обязательной криминологической экспертизы. В этой связи по результатам проведенного специалистами НПЦ Генеральной прокуратуры мониторинга эффективности криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов) и представленной информации Генеральная прокуратура уполномочена на проведение проверки нормотворческого органа, допустившего нарушение, и вынесение соответствующего акта прокурорского надзора.

Список цитированных источников

1. Правовые средства противодействия коррупции: науч.-практ. пособие / Н.А. Власенко, С.А. Грачева, Е.Е. Рафалюк [и др.]; отв. ред. Н.А. Власенко. – М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012 – 344 с.

2. Об утверждении Положения о мониторинге соблюдения законодательства о криминологической экспертизе проектов правовых актов (правовых актов): Приказ директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь» от 26.12.2017 г. № 18-ОД : в ред. Приказа директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь» от 22.04.2019 № 14-ОД.

Аннотация. В статье представлены результаты мониторинга соблюдения законодательства о криминологической экспертизе в отношении принятых (изданных) нормативных правовых актов, проекты которых поступили в ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» для проведения обязательной криминологической экспертизы в 2018 г. и были доработаны с учетом замечаний, указанных в соответствующих заключениях криминологической экспертизы. На основе анализа результатов указанного мониторинга автором сформулированы выводы и предложения по совершенствованию институтов криминологической экспертизы, правового мониторинга, а также нормотворческого процесса и правоприменительной практики в целом.

THE RESULTS OF MONITORING COMPLIANCE WITH THE CRIMINOLOGICAL EXAMINATION

Polyashchuk N.

Key words: norm-setting activity, normative legal act, legal monitoring, criminological expertise, criminogenic risks.

Abstract. The article presents the results of monitoring compliance with the legislation on the criminological expertise in relation to adopted (published) regulatory legal acts, the draft of which was submitted to the State Institution "Scientific and Practical Center for Strengthening the Law and Order of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus" for conducting a mandatory criminological expertise in 2018 and were finalized taking into account the comments indicated in the relevant conclusions of the criminological examination. Based on the analysis of the results of this monitoring, the author formulated conclusions and suggestions for improving the institutes of criminological expertise, legal monitoring, as well as the rule-making process and law enforcement practice in general.

УДК 347.963 (476)

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ОСВОЕНИИ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ, ВЫДЕЛЯЕМЫХ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

Проценко Д.В.

Ключевые слова: получатели и распорядители бюджетных средств, дефектный акт, оказание незаконного предпочтения интересам недобросовестного подрядчика, работы по ремонту жилых помещений, завышение объемов выполненных работ.

Введение

Конституцией Республики Беларусь наше государство провозглашено социальным государством, в котором каждый имеет право на достойный уровень жизни. Это означает, что оно берет на себя ответственность за благосостояние граждан, создает гарантированное социальное обеспечение и социальную защиту, вводит бюджетное финансирование различных социальных программ, основной из которых является Государственная программа о социальной защите и содействии занятости населения на 2016-2020 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.01.2016 № 73 (далее – Государственная программа).

Одним из мероприятий Государственной программы является проведение ремонта жилых помещений, принадлежащих участникам и инвалидам ВОВ, боевых действий на территории других государств, включая ремонт печей, электропроводки в жилых помещениях, принадлежащих неработающим одиноким пожилым гражданам и одиноким инвалидам I и II группы на условиях, определенных местными исполнительными и распорядительными органами.

На реализацию данного мероприятия ежегодно выделяются бюджетные средства, однако условия их использования в решениях райисполкомов зачастую не оговаривались, что создавало предпосылки для их использования районными центрами социального обслуживания населения (далее – ЦСОН) с нарушением законодательства.

Наличие пробела в правоприменительной практике послужило основанием для проведения прокуратурой Могилевской области проверки соблюдения антикоррупционного законодательства при освоении бюджетных средств, выделяемых в рамках указанной Государственной программы.

Основная часть

В соответствии с п. 2 решения Могилевского областного Совета депутатов от 29.12.2016 № 25-4 «Об утверждении регионального комплекса мероприятий по реализации в Могилевской области Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016-2020 годы» райисполкомам поручено осуществлять контроль за целевым и эффективным использованием средств, выделяемых на реализацию регионального комплекса мероприятий.

Однако проверкой выявлены неединичные факты нарушения ЦСОН законодательства о государственных закупках товаров (работ, услуг) при строительстве, что свидетельствует об отсутствии контроля со стороны местных исполнительных и распорядительных органов за эффективным расходованием бюджетных средств.

Например, по результатам переговоров, проведенных ЦСОН Ленинского района г. Могилева в июле 2016 года, победителем по лоту «ремонт электропроводки» признано УП «М» с ценой 2 967,38 руб., однако согласно договору, заключенному учреждением с подрядчиком 25.07.2016, цена составила 6 250 руб. Впоследствии учреждением без увеличения объемов работ трижды дополнительными соглашениями от 31.08.2016, 01.09.2016 и 24.10.2016 осуществлялось увеличение цены договора, которая в итоге составила 17 857,68 руб.

Согласно п.1.2 Указа Президента Республики Беларусь от 20.10.2016 № 380 «О закупках товаров (работ, услуг) при строительстве» закупки товаров при строительстве осуществляются с учетом требований настоящего Указа путем проведения торгов на закупку товаров при строительстве либо переговоров.

Под закупкой товаров при строительстве понимается приобретение товаров, осуществляемое на основании проектной документации либо дефектного акта на выполнение работ по текущему ремонту, в соответствии с которыми определяются перечень и количество (объем) товаров, необходимых для строительства.

В силу п. 2 постановления Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 29.04.2011 №14 «Об установлении формы дефектного акта» дефектный акт применяется организациями для обоснования принятия решения о проведении текущего ремонта и служит исходным документом для составления сметы на проведение строительно-монтажных работ по текущему ремонту.

В нарушение указанных требований Бобруйским, Кировским и Климовичским ЦСОН в 2017-2018 г.г. дефектные акты не составлялись, конъюнктура рынка строительных услуг не изучалась, проведение процедуры

переговоров не инициировалось, договоры строительного подряда по инициативе учреждений незаконно заключались между гражданами и коммерческими организациями, что, в свою очередь, предоставляло подрядчикам возможность свободно формировать стоимость выполненных работ без достаточных к тому оснований.

Так, специалистами Бобруйского ЦСОН разработан бланк заявления на имя начальника управления по труду, занятости и социальной защите населения райисполкома, согласно которому заявители просили оплатить расходы по ремонту печного отопления и замене электропроводки путем перечисления денежных средств на расчетные счета ПЧУП «Д» и ЧПСУП «Р». Отобрав заявления у граждан, учреждением в указанные предприятия, с которыми оно не состояло в договорных отношениях, ежегодно направлялись списки семей, нуждающихся в вышеуказанных услугах и включенных в график выполнения ремонтных работ за счет средств бюджета.

Впоследствии между гражданами и предприятиями заключались договоры на выполнение электромонтажных работ и на выполнение работ по ремонту печей, которые по своему содержанию являлись договорами строительного подряда. При этом, согласно Правилам заключения и исполнения договоров строительного подряда, утвержденных постановлением Совета министров Республики Беларусь от 15.09.1998 № 1450, заказчиком работ (услуг) может выступать только юридическое лицо.

Таким образом, данные субъекты хозяйствования были обеспечены соответствующими объемами работ с гарантированной оплатой из средств бюджета без необходимости участия в конкурентной процедуре выбора подрядчика, что способствовало бесконтрольному завышению стоимости работ.

Согласно абз. 3, 12 ч. 1 ст. 25 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 300-З «О борьбе с коррупцией» оказание государственным должностным лицом при подготовке и принятии решений неправомерного предпочтения интересам физических или юридических лиц либо предоставление им необоснованных льгот и привилегий или оказание содействия в их предоставлении, а также нарушение государственным должностным или приравненным к нему лицом установленного актами законодательства порядка проведения конкурсов, аукционов, процедур закупок является правонарушением, создающим условия для коррупции.

По данному факту инициировано проведение проверки в порядке ст. 174 УПК Республики Беларусь, в ходе которой проанализированы 27 договоров, заключенных между гражданами и ЧПСУП «Р», сметы на электромонтажные работы, а также акты сдачи-приемки выполненных работ.

Изучением материалов проверки установлено, что предприятием применялись расценки, не соответствующие фактически выполненным работам. Так, при монтаже кабель-каналов ПВХ применялась расценка Ц8-903-1, которая предусмотрена для крепления металлических конструкций, вместо расценки Ц8-423-2 «Кабель-каналы ПВХ, сечение до 25х25 мм.».

При монтаже розеток и выключателей применялись расценки Ц8-591-1001 «Монтаж розеток полугерметических и герметических с креплением на распорный дюбель» и Ц8-591-301 «Монтаж выключателей полугерметических и герметических с креплением на распорный дюбель». Однако фактически розетки и выключатели устанавливались неутопленного типа при открытой

проводке, для установки которых предусмотрены расценки Ц8-591-8 «Монтаж розеток штепсельных неутопленного типа при открытой проводке» и Ц8-591-1 «Монтаж выключателей неутопленного типа при открытой проводке».

В связи с несоответствием расценок, указанных в актах выполненных работ, фактическим работам при проведении проверки назначена строительно-техническая экспертиза, согласно которой стоимость выполненных работ завышена на 8 552,04 руб.

Подобного рода нарушения выявлены и в других регионах области.

Например, **01.06.2017 Климовичским ЦСОН с** ООО «К» **заключен договор** на выполнение ремонта печи с Д. на сумму 1 263,52 руб. Проверкой установлено, что дымоход печи переложен с использованием бывшего в употреблении и непригодного для дальнейшей эксплуатации кирпича. При этом согласно акту сдачи-приемки выполненных работ от 27.06.2017 для ремонта печи применялся новый кирпич, стоимость которого составила 739,20 руб.

Круглянским УКП «Жилкомхоз» в августе 2018 года К., проживающему в аг. Ракушево, заменена электропроводка на сумму 739,73 руб. В соответствии с актом сдачи-приемки выполненных работ в домовладении заменено 110 метров кабеля, 110 метров короба, 15 выключателей и розеток. Однако обследованием домовладения К. установлено, что работы выполнены не в полном объеме, излишне начисленная сумма составила 102,63 руб. Аналогичным образом завышен объем работ по замене электропроводки в домовладении А., проживающего в аг. Ельковщина, на сумму 146,63 руб.

Чаусским УКП «Жилкомхоз» вовсе не выполнены работы по ремонту печей в домовладениях 5 граждан, при этом расчет с подрядчиком полностью произведен.

Имели место случаи заключения договоров по ремонту печей и замене электропроводок в домовладениях граждан, списки которых не утверждены решениями местных исполнительных органов.

Например, согласно договору строительного подряда от 26.02.2018, заключенному ЦСОН Первомайского района г. Бобруйска с ООО «С», подрядчик обязался выполнить ремонт печей в домах Я., Б. и И. Однако решение о проведении ремонта в данных домовладениях принято на заседании специальной комиссии лишь 10.07.2018 на основании заявлений граждан от 09.07.2018.

В дефектных актах, составленных специалистами ЦСОН Ленинского и Первомайского районов г. Бобруйска, не всегда отражалась примерная стоимость строительных работ и не указывался перечень факторов, свидетельствующих о наличии стесненных и усложненных условий производства работ. Ремонт электропроводки по адресу: ул.Фурманова, д. 23, выполнен на основании дефектного акта от 13.11.2017, в котором дефекты не указаны вовсе.

Также установлено, что решением комиссии по предоставлению государственной адресной социальной помощи Первомайского района г. Бобруйска от 29.05.2018 Л. предоставлена материальная помощь в сумме 1 200 руб. на ремонт печи, покупку одежды и обуви. Для приобретения строительных материалов последняя 04.06.2018 в присутствии специалиста ЦСОН передала под расписку 1 000 руб. директору ООО «С», при том, что по условиям договора подряда оплата выполненных работ должна была производиться в безналичной

форме. 21.08.2018 ЦСОН Первомайского района г. Бобруйска за ремонт печи Л. ООО «С» перечислены средства в сумме 1 442,34 руб., которые, согласно акту выполненных работ, также включали и приобретение строительных материалов. В ходе проверки Л. пояснила, что печь перекладывалась из старого кирпича, колосниковая решетка устанавливалась с разобранной печи, однако согласно смете указанные материалы закупались, на что затрачено 910,70 руб. Ремонт печи заявительницы проводился в августе 2018 года, при этом в результате произведенного в ноябре обследования установлены трещины в кладке печи, что свидетельствует о некачественном проведении ремонтных работ ООО «С».

Факты проведения некачественного ремонта печей выявлены также в Кричевском районе, Первомайском районе г. Бобруйска, однако в течение гарантийного срока дефекты не устранялись, вместо этого заключались новые договоры на выполнение работ.

Обследованием домовладений Бобруйским ГРОЧС и Климовичским РОЧС выявлены многочисленные нарушения строительных норм Республики Беларусь СНБ 4.02.01-03 «Отопление, вентиляция и кондиционирование воздуха», утвержденных приказом Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 30.12.2003 № 259. В частности, в отопительных печах не выполнялись устройства разделки дымохода и отступки отопительных печей; дымоход в объеме чердака выполнялся из асбестоцементной трубы при необходимости кладки дымохода из глиняного кирпича; не соблюдалось расстояние от уровня пола, состоящего из горючих материалов, до дна зольника. Данные нарушения могут способствовать возникновению пожароопасной ситуации.

Одним из выявленных Бобруйским ГРОЧС нарушений являлось отсутствие в дымовых каналах задвижек, однако согласно сметам строительных материалов для ремонта указанных печей ПЧУП «Д» приобретались и установлены две задвижки на сумму 40,13 руб.

Все акты сдачи-приемки выполненных по заявкам Бобруйского, Климовичского и Кричевского ЦСОН работ подписаны гражданами, что свидетельствует об отсутствии какого-либо контроля со стороны уполномоченных лиц за качеством таких работ.

За отсутствие контроля за целевым и эффективным использованием средств, выделяемых на реализацию регионального комплекса мероприятий, по требованию прокуроров к дисциплинарной ответственности привлечено 34 должностных лица, к административной – 2, возмещен ущерб на сумму свыше 9 000 руб., проводится предварительное расследование по одному уголовному делу.

Так, прокуратурой Глусского района 28.05.2018 возбуждено уголовное дело по факту хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в отношении директора ЧСУП «Г», который действуя совместно с неустановленными должностными лицами Глусского ЦСОН, имея единый умысел на незаконное противоправное безвозмездное завладение денежными средствами, выделяемыми ЦСОН в рамках реализации Государственной программы, в период времени с 2015 по 2017 г.г. составил заведомо подложные акты выполненных строительных и иных специальных монтажных работ, содержащие фиктивные сведения, после чего предоставил указанные документы в ЦСОН. На основании вышеуказанных подложных документов на счет ЧСУП

«Г» необоснованно перечислено 4 285,24 руб., что повлекло ущерб районному бюджету.

Заключение

Вышеприведенные примеры выявленных нарушений свидетельствуют о том, что сфера закупок продолжает оставаться наиболее подверженной коррупционным рискам. Наличие финансирования, в отдельных случаях даже незначительного, и гарантий со стороны местных исполнительных и распорядительных органов по выполнению заказчиками принятых на себя обязательств способствует тому, что недобросовестные лица стремятся обогатиться за счет бюджетных средств.

Подобная ситуация выявлена и в ходе проверки соблюдения антикоррупционного законодательства в системе органов социальной защиты населения, результаты которой свидетельствуют о том, что отдельные ЦСОН самоустранились от реализации возложенных на них задач, сведя свои функции к формальному перечислению бюджетных средств на расчетные счета исполнителей работ.

Отсутствие в районах области единой практики освоения денежных средств, игнорирование требований законодательства о государственных закупках товаров (работ, услуг) при строительстве явились причиной неограниченного завышения подрядчиками объемов выполненных работ.

По результатам проверки прокуратурой области в Могилевский облисполком внесено представление об устранении нарушений законодательства о борьбе с коррупцией, причин и условий, им способствующих, по результатам рассмотрения которого утвержден алгоритм действий по реализации государственных программ в части выполнения работ по приведению в пожаробезопасное состояние домовладений социально незащищенных категорий граждан.

Аннотация. Статья посвящена одному из актуальных направлений в деятельности органов прокуратуры – надзору за соблюдением законодательства при освоении бюджетных средств, выделяемых в рамках реализации государственных программ. В работе автором обобщаются выявленные прокурорами нарушения бюджетного законодательства, а также законодательства о закупках товаров (работ, услуг), раскрываются способы хищения денежных средств, совершенные путем завышения объемов выполненных работ. В заключении раскрываются причины и условия, способствующие нарушениям.

PROSECUTORIAL SUPERVISION OF ANTICORRUPTION LEGISLATION USING BUDGETARY FUNDS ALLOTED FOR THE IMPLEMENTATION OF STATE PROGRAMS

Pratsenka D

Keywords: recipients and managers of budget funds, defective act, unlawful preference for an unfair contractor, residential work, overestimation of the volume of work performed.

Abstract. The article is devoted to one of the current trends in the activities of prosecution authorities – a supervision of legislation using budgetary funds allotted for the implementation of state programs. In the work the author summarizes the violations of the budget legislation and the legislation on the procurement of goods (works, services) identified by prosecutors, disclosed are

ways of embezzlement of money committed by overstating the volume of work performed. The conclusion reveals the causes and conditions conductive to violations.

УДК 343.352

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ

Рочева Е.А.

Ключевые слова: коррупция, общественный контроль, нормативный правовой акт, субъекты общественного контроля, общественные объединения.

Введение

Согласно ст. 5 Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией) борьба с коррупцией осуществляется государственными органами и иными организациями посредством комплексного применения различных мер, к которым относится обеспечение правовой регламентации деятельности государственных органов и иных организаций, государственного и общественного контроля и надзора за этой деятельностью. В ст. 46 Закона о борьбе с коррупцией определены основные черты общественного контроля в сфере борьбы с коррупцией, который осуществляется гражданами Республики Беларусь, организациями, в том числе общественными объединениями, в порядке, определенном законодательными актами, постановлениями Совета Министров Республики Беларусь.

Основная часть

Понятие «общественный контроль» не закреплено в законодательстве Республики Беларусь, вместе с тем не является и новым для республики.

Наиболее разработана в стране нормативно-правовая основа осуществления общественного контроля деятельности органов и учреждений, исполняющих меры уголовной ответственности, соблюдения законодательства о труде, об охране труда, о профсоюзах, выполнения коллективных договоров (соглашений), об охране историко-культурного наследия. В числе нормативных правовых актов, регулирующих деятельность в сфере общественного контроля: Положение о порядке осуществления общественными объединениями контроля за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 сентября 2006 г. № 1220, Положение о порядке осуществления общественного контроля профессиональными союзами, их организационными структурами, объединениями таких союзов и их организационными структурами в форме проведения проверок, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 6 мая 2010 г. № 240, Инструкция о порядке осуществления общественного контроля за соблюдением законодательства об охране труда уполномоченными лицами по охране труда работников организации, утвержденная Постановлением Министерства труда

и социальной защиты Республики Беларусь от 28 ноября 2008 г. № 179, ст. 20 Кодекса Республики Беларусь о культуре.

Проведение общественной экологической экспертизы (ст. 61 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды») также можно отнести к одной из форм общественного контроля.

Следует отметить, что в международном праве практически не используется категория «общественный контроль». Бердникова Е.В. указывает, что органами и учреждениями ООН и Совета Европы чаще всего используется понятие демократического контроля, главным образом подразумевающего под собой деятельность парламента, а также гражданского участия, которое характеризует более широкую, чем общественный контроль, сферу взаимодействия государства и гражданского общества, включая выборы и референдум [1]. Так, согласно Рекомендации CM/Rec (2007) 14 Комитета министров государств – членов Совета Европы о правовом статусе неправительственных организаций в Европе государственные и квазигосударственные механизмы всех уровней должны обеспечивать эффективное участие неправительственных организаций без дискриминации в диалоге и консультациях по задачам и решениям в сфере государственной политики [2].

В 2009 г. Конференцией международных неправительственных организаций был разработан Кодекс эффективной практики участия граждан в процессе принятия решений, главной целью которого является определение набора европейских руководящих принципов участия неправительственных организаций в процессах принятия решений, осуществляемых на местном и национальном уровнях в государствах - членах Совета Европы [3].

Как полагают специалисты, в Европейском Союзе сложилось несколько форм осуществления общественного контроля:

• опросы общественного мнения, подписание петиций и предложений от общественных объединений, союзов и др. Например, с мая 2012 действует The European Citizens Initiative, отправляющая на рассмотрение Еврокомиссии петицию, организационное или правовое предложение. Условием является поддержка не менее чем одним миллионом граждан ЕС;

• общественные консультации, обсуждающие, комментирующие и оценивающие правительственные или муниципальные проекты. Они могут быть инициированы как чиновниками, так и самими гражданами, желающими, чтоб их мнение было учтено;

• дискуссионные площадки и форумы (конференции, гражданские жюри т.п.), предназначенные для совместного принятия решений по разнообразным политическим вопросам представителями общественности, экспертами и чиновниками;

• интерактивный диалог через социальные сети между общественными организациями и органами власти [4]. Последняя форма ввиду своего инновационного характера представляет существенный интерес.

Важнейшими формами общественного контроля признаны институты отзыва и отстранения от должности чиновников и депутатов, роспуска органов публичной власти. Широкое распространение в качестве форм общественного контроля во многих странах по-прежнему имеют традиционные публичные гражданские акции, такие как собрания, митинги, демонстрации, пикетирования, забастовки и т.п.

Таким образом, сегодня используются различные практики общественного контроля, базирующиеся на принципах прозрачности публичной власти и широкого участия граждан в государственном управлении, включающие общественные инициативы и мониторинг, публичные обсуждения и слушания, а также деятельность неправительственных организаций и общественных консультативных органов.

Исследователи по-разному определяют понятие общественного контроля. Гегель Г.В. обозначил сущность общественного контроля как «обеспечение государства и тех, кто находится под его управлением, от злоупотреблений властью ведомствами и их чиновниками» через «права общин, корпораций, посредством чего привнесению субъективного произвола в доверенную чиновникам власть ставится для себя препятствие, и недостаточный в отдельных случаях контроль сверху дополняется контролем снизу» [5, с. 335].

В трактовке современных правоведов общественный контроль представляет собой осуществляемую в особом процедурном порядке деятельность специальных субъектов (институтов гражданского общества, отдельных граждан) по проверке, оценке качества государственного управления, соблюдения прав и свобод человека на предмет соответствия предъявляемым требованиям. Это контроль, осуществляемый, например, Общественной палатой РФ и общественными палатами субъектов РФ, другими общественными организациями и объединениями, отдельными гражданами [6]. При этом отдельными авторами справедливо подчеркивается, что право общественного контроля принадлежит любому гражданину вне зависимости от того, состоит ли он в какой-либо общественной организации или нет [7].

В законодательстве ряда стран СНГ в последние годы наметилась тенденция к правовому закреплению института общественного контроля в отдельном законодательном акте.

Легальное определение термина в Российской Федерации появилось в 2014 году. Согласно ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон), под общественным контролем понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений. Закон, принятый как рамочный, систематизировал разрозненные формы и механизмы контроля.

В соответствии с Федеральным законом общественный контроль осуществляется в формах общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, в иных формах, не противоречащих указанному закону, а также в таких формах взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами и органами местного самоуправления, как общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания и другие формы. К субъектам общественного контроля Федеральным законом отнесены общественные палаты, общественные советы при органах власти. Кроме того, для осуществления общественного контроля в случаях и порядке, которые

предусмотрены законодательством Российской Федерации, могут создаваться общественные наблюдательные комиссии; общественные инспекции; группы общественного контроля, а также иные организационные структуры общественного контроля. Таким образом, общий перечень субъектов общественного контроля остается открытым.

Межпарламентской ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств 27 марта 2017 г. в целях оказания содействия странам СНГ в создании правовых основ организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов публичной власти и иных публичных органов и организаций был принят Модельный закон СНГ «Об основах общественного контроля» (далее – Модельный закон).

Как справедливо указывает Бердникова Е.В. [8], анализ Модельного закона характеризует его как усеченную в отдельных нормативных конструкциях копию Федерального закона № 212-ФЗ. Сопоставляя структуру и содержание Федерального и Модельного законов, можно сделать вывод, что идентичную трактовку в них имеют определение, принципы, формы, цели и задачи общественного контроля. Также в указанных актах сходным образом регламентированы информационное обеспечение общественного контроля, положения о доступе к информации об общественном контроле, перечень субъектов. Вместе с тем, в Федеральном законе правомочия субъектов общественного контроля по сравнению с Модельным законом дополнены возможностью обращаться в суд в защиту прав неопределенного круга лиц, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами. Кроме того, в Федеральном законе закреплены общие положения, регламентирующие правовой статус основных субъектов общественного контроля, перечисленные в законе.

Нормативный акт, предметом регулирования которого является институт общественного контроля, принят также в Узбекистане.

Целью Закона Республики Узбекистан от 12 апреля 2018 года № ЗРУ-474 «Об общественном контроле» является регулирование отношений в области организации и осуществления общественного контроля над деятельностью государственных органов и учреждений.

Согласно ст. 3 указанного Закона субъектами общественного контроля являются граждане Республики Узбекистан, органы самоуправления граждан, а также негосударственные некоммерческие организации, средства массовой информации, зарегистрированные в установленном законодательством порядке. Общественный контроль может осуществляться также общественными советами, комиссиями и иными общественными организационными структурами в соответствии с законодательством.

Формами общественного контроля являются (ст. 6): обращения и запросы в государственные органы; участие на открытых коллегиальных заседаниях государственных органов; общественное обсуждение; общественное слушание; общественный мониторинг; общественная экспертиза; изучение общественного мнения; заслушивание органами самоуправления граждан отчетов и информации должностных лиц государственных органов. Согласно нормам указанного Закона, в членство общественного совета, как правило, принимаются ветераны труда, образцово служившие в государственном органе, авторитетные граждане,

имеющие большой практический опыт в отраслях общественной деятельности, а также представители негосударственных некоммерческих организаций, средств массовой информации и других институтов гражданского общества.

Кроме того, Законом Республики Узбекистан от 9 апреля 2018 г. № ЗРУ-472 «О государственных закупках» и Законом Республики Узбекистан от 3 декабря 2004 г. № 712-II «О торгово-промышленной палате Республики Узбекистан» закреплен общественный контроль за соблюдением законодательства о закупках и общественный контроль за исполнением нормативно-правовых актов в сфере предпринимательской деятельности, соответственно.

В Республике Казахстан в развитие норм Указа Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 г. № 986 «Об Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы», одним из ключевых направлений противодействия коррупции которой является внедрение института общественного контроля, 2 ноября 2015 г. был принят Закон Республики Казахстан № 383-V ЗРК «Об общественных советах» (далее – Закон об общественных советах).

Статьей 17 Закона об общественных советах закрепляются понятие, объект и субъект общественного контроля. Так, под общественным контролем понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в формах общественного мониторинга, общественного слушания, общественной экспертизы и заслушивания отчета о результатах работы государственного органа, направленная на защиту общественных интересов. Субъектами общественного контроля являются общественные советы, а также некоммерческие организации, граждане по поручению общественных советов. При этом в ст. 1 упомянутого Закона указывается, что количество представителей гражданского общества в общественном совете должно составлять не менее двух третей от общего числа его членов. Хотя в Законе термин «гражданское общество» не раскрывается, в ч. 3 ст. 8 Закона указывается, что «представительство от гражданского общества … формируется на основе предложений некоммерческих организаций и граждан».

Среди законодательных актов стран СНГ, регулирующих отдельные аспекты общественного контроля, следует отметить Закон Азербайджанской Республики от 22 ноября 2013 г. № 816-GUQ «Об общественном участии», который под общественным участием понимает участие граждан и институтов гражданского общества в установленных законом формах в подготовке и осуществлении государственной политики в различных сферах государственной и общественной жизни, принятии решений на общегосударственном и местном уровнях, организации общественного контроля над деятельностью определенных соответствующим органом исполнительной власти центральных органов исполнительной власти, местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, консультацию государственных органов и органов местного самоуправления с общественностью и принятие во внимание общественного мнения. В число основных форм общественного участия включены, например, такие, как общественное обсуждение, общественное слушание, письменная консультация, деятельность общественных советов и т.д.

В Республике Беларусь сегодня существуют определенные возможности для осуществления гражданами, организациями, в том числе общественными объединениями общественного контроля. Юридической основой общественного

контроля в сфере борьбы с коррупцией, например, являются нормы Закона о борьбе с коррупцией.

Следует отметить, что с целью полноценного осуществления общественного контроля деятельности государственных органов и иных организаций необходима комплексная реализация мер, закрепленных в ст. 5 указанного Закона. В частности, для эффективного общественного контроля и широкого участия в нем граждан необходимо формировать в обществе атмосферу нетерпимости в отношении коррупции (абз. 6 ч. 1 ст. 5 Закона о борьбе с коррупцией), обеспечить гласность в деятельности государственных органов, организаций, должностных и приравненных к ним лиц (абз. 7 ч. 1 ст. 5 Закона о борьбе с коррупцией). Важную роль при этом играет усиление роли средств массовой информации, гарантирование свободы информации, возможность публичного обсуждения проектов нормативного правового акта.

Заключение

Как подчеркивает Аникиенко В.Н., в государствах, заинтересованных в обеспечении реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, общественной оценки деятельности органов государственной власти, общественный контроль – это правая рука государственной системы. Именно общественный контроль может показывать болевые точки исполнительной власти, указать те моменты, на которые нужно обратить внимание власти или, наоборот, с какого добросовестного товаропроизводителя нужно снять или снизить давление со стороны контрольно-надзорных органов [9].

На постсоветском пространстве общественный контроль постепенно становится частью правовой системы. На протяжении последних лет идет процесс формирования понятия общественного контроля, формируется структура рассматриваемого института, включающая перечень субъектов, форм и методов своего осуществления с учетом историко-культурных и национальных особенностей государства.

Список цитированных источников

1. Бердникова, Е. В. Международные правовые стандарты в сфере общественного контроля [Электронный ресурс] / Е. В. Бердникова // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр» – М., 2019.

2. Рекомендация CM/Rec (2007) 14 Комитета министров государств - членов Совета Европы о правовом статусе неправительственных организаций в Европе (принята Комитетом министров 10.10.2007 на 1006-м заседании постоянных представителей министров) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rm.coe.int/16802ec26f. – Дата доступа: 14.09.2019.

3. Кодекс эффективной практики участия граждан в процессе принятия решений (принят Конференцией МНПО на заседании 01.10.2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rm.coe.int/16802eedd4. – Дата доступа: 12.09.2019.

4. Антошин, В. А. Общественный (гражданский) контроль и публичное управление [Электронный ресурс] / В. А Антошин, Ю. Г. Ершов // Муниципальная экономика и управление. Режим доступа – https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-grazhdanskiy-kontrol-i-publichnoe-upravlenie. – Дата доступа: 12.09.2019.

5. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Гегель. – М., 1990. – С. 335.

6. Земскова, О. А. Понятие общественного контроля и его современные трактовки [Электронный ресурс] / О. А. Земскова. – Режим доступа: https://www.gramota.net/ materials/1/2008/6-2/23.html. – Дата доступа. – 12.09.2019.

7. Зубарев, С. М. Контроль за деятельностью государственных гражданских служащих: вопросы теории и правового регулирования [Электронный ресурс] / С.М.Зубарев // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр» – М., 2019.
8. Бердникова, Е. В. Категория «общественный контроль» в конституционном законодательстве зарубежных государств [Электронный ресурс] / Е. В. Бердникова. – Режим доступа: https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-4-466-471. – Дата доступа: 12.09.2019.
9. Аникиенко, В. Н. Содержание, назначение и взаимосвязь правовых категорий «безопасность», «продовольственная безопасность», «общественный контроль», «государственный контроль» [Электронный ресурс] / В. Н. Аникиенко // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр» – М., 2019.

Аннотация. Общественный контроль следует отнести к одному из инструментов, позволяющих реализовать гражданское участие в процессах управления. Основными субъектами общественного контроля при этом являются общественные объединения, средства массовой информации, граждане. Зарубежные страны редко используют концепцию общественного контроля, заменяя ее в большинстве случаев концепцией гражданского участия, предполагающей, по сути, идентичные формы и способы взаимодействия государства и гражданского общества.

ON THE ISSUE OF PUBLIC CONTROL

Rocheva H.A.

Keywords: corruption, public control, regulatory legal act, subjects of public control, public associations.

Abstract. Public control should also be attributed to one of tools that allow for civilian participation in governance processes. The main subjects of public scrutiny in this case are public associations, the media and citizens. Foreign countries rarely use the concept of public control, replacing it in most cases with the concept of civic participation, which presumes essentially identical forms and ways of interaction between the state and civil society.

УДК 343.35

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ НА ТРАНСПОРТЕ: ПРОКУРОРСКО – НАДЗОРНЫЙ АСПЕКТ

Рубцова М.В.

Ключевые слова: транспортный комплекс, законодательство, экономика, надзорные и контролирующие органы, проблемы коррупции, прокурорский надзор, борьба с правонарушениями, меры прокурорского реагирования.

Введение

Вопросы борьбы с коррупцией в России в последнее время находятся в центре общественного внимания, являются объектом изучения ученых и обсуждения политиков. Исследованием различных проявлений коррупции в транспортной сфере России занимались различные авторы. В результате изучения нормативных и научных публикаций можно сделать вывод, что коррупционная деятельность в рамках транспортной сферы затрагивает

следующие основные направления: 1) коррупция при инфраструктурном развитии транспортной системы Российской Федерации и местного самоуправления; 2) коррупция при исполнении обязательств органов государственной и муниципальной власти по транспортному обеспечению вверенных им территорий; 3) коррупция в рамках осуществления полномочий федеральными ведомствами и министерствами в области надзора за транспортом, в частности, коррупция в МВД и Федеральной службы по надзору в сфере транспорта [1, с.116].

Основная часть

Коррупция в транспортном секторе связана с разнообразными формами стратегического поведения от незаконного влияния на процесс формирования бюджета и выбора проектов на уровне приватизации государства до различных способов получения ренты или «чего-нибудь ценного» в обмен на общественные блага, например, разрешение на перевозку, контракт на строительство, право пользования или аренды и т.д. В них могут участвовать чиновники всех уровней, от министров до офисных служащих. Коррупция в транспортном секторе включает в себя: приватизацию государства, часто в сочетании с крупномасштабной коррупцией на уровне страны и сектора, высокий уровень политических полномочий в сфере расходов на транспортную систему, плохо определенные функции предприятий и структур, а также использование государственных предприятий и ресурсов не по назначению. Крупномасштабная коррупция также ведет к приватизации законодательного процесса в транспортном секторе через агрессивное лоббирование, которое нередко связано с незаконным предоставлением льгот, откатами и откровенным взяточничеством. Административную коррупцию, означающую приватизацию государственной цепочки поставок товаров и услуг, которые предназначены населению, но используются не по назначению чиновниками. В транспортном секторе сюда относятся мелкие хищения материалов и оборудования; манипуляции с контрактами на работы, товары и услуги; предоставление частному сектору доступа к предприятиям железнодорожного, морского, воздушного или автомобильного транспорта и оказываемым ими услугам. Административная коррупция почти всегда предполагает явную экономическую операцию, в то время как взаимодействие при приватизации государства может быть опосредованным, например, в случае принятия министрами политики, выгодной для фирм, в которых они имеют долю. Даже в случае административной коррупции откаты могут быть отделены от административных решений, например, получатель благ может оплатить обучение или другие услуги члену семьи чиновника. Большинство взяткодателей являются подрядчиками, частными фирмами или консорциумами фирм. Такие действия в большинстве, если не во всех, юрисдикциях считаются правонарушением, дающим основание для судебного преследования и наложения наказания по закону [2]. Как показывает комплексный анализ обеспечения безопасности и организации пассажирских перевозок на всех видах транспортных средств в России, вопросы обеспечения безопасности зависят от множества факторов, в том числе и коррупционного характера. Грузоперевозки не оказались в стороне от этого явления. В ряде случаев грузоперевозки являются коррумпированным видом бизнеса в России. Помимо вымогательств со стороны органов государственной власти (различные санитарные инспекции,

инспекции по охране труда, пожарные инспекции), существует коррупция и между участниками перевозочного процесса. Наиболее популярный вид взяточничества в грузоперевозках – это так называемые «откаты». Эта коррупционная схема широко распространена не только в грузоперевозках, но и практически во всех сферах деятельности. «Откаты» представляют из себя возврат некоторой суммы её плательщику как благодарность за выбор конкретного исполнителя среди многих имеющихся. «Откат» может быть как определённым процентом от оплачиваемой суммы, так и фиксированной суммой за каждую единицу товара или услуги. Грузоперевозки – это очень высококонкурентный вид бизнеса, и некоторые участники рынка грузовых перевозок предлагают взятки грузовладельцам за право заключения договора или за каждую заявку, которую им даёт грузовладелец. Другая причина, которая также является и следствием коррупции – это засилье организаций, не владеющих собственным автотранспортом, но предлагающие свои услуги по осуществлению грузоперевозок. Так как фактически диспетчеры не могут гарантировать качество перевозки грузов и стабильную цену, они прибегают к финансовому стимулированию клиентов-грузовладельцев. Одно из самых главных последствий коррупции (не только в грузоперевозках) – это увеличение цены продукции, которую покупает конечный потребитель. Все взятки, заплаченные на всех этапах — от производства и доставки до продажи – ложатся на плечи всех граждан, когда-либо что-то покупавших в магазинах. Проведенное исследование показало, что 60% от цены на хлеб – это коррупционные издержки. Молоко «коррумпировано» на 35%. Цифры, конечно, впечатляющие. Из-за откатов грузовладельцу наносится урон качеству и безопасности перевозок, ведь коррумпированный сотрудник, отвечающий за логистическую составляющую бизнеса, заинтересован в «заглаживании» неровных углов, неизбежных при грузоперевозках, и не всегда готов отказаться от «прикормившего» его перевозчика или диспетчера в пользу более качественного и подходящего перевозчика, который сможет предложить решение логистических задач бизнеса на принципиально новом уровне [3]. В сфере оказания транспортно-логистических услуг коррупционные преступления являются достаточно распространенными при организации транспортировки грузов. В большинстве случаев интерес связан с получением следующих выгод: сокращение времени принятия таможенной декларации; сокращение времени нахождения товара на складах временного хранения, снижение оплаты складских услуг; подбор «выгодного» кода ТН ВЭД под минимальный процент налога. Всевозможные виды правонарушений в сфере организации товародвижения в скрытой форме увеличивают логистические затраты. Кроме этого, возникает вероятность задержки груза в пути, как следствие, возможно вымогательство на различных этапах организации перевозок грузов, что приводит к увеличению времени перевозки. В свете сказанного нельзя не отметить, что перевозки грузов являются наиболее уязвимой сферой логистики с точки зрения коррупции и других правонарушений. Это вызвано сложившейся совокупностью причин и условий. В частности, распространению коррупционных явлений способствуют: множественность субъектных контактов; наличие большого количества санитарных, трудовых норм и норм безопасности (в том числе противопожарной). Таким образом, сложившаяся в настоящее время ситуация с развитием транспортно-логистических услуг в правовом поле является

неоднозначной, поскольку предусмотренные действующими нормативно-правовыми актами меры профилактического характера (например, внедрение электронных форм взаимодействия, развитие механизмов предупреждения конфликта интересов) вступают в противоречие с дисбалансом санкций за преступления коррупционной направленности, т. е., иными словами, самостоятельные направления противодействия коррупции не согласуются друг с другом. В этой связи с учетом действующей уголовной и транспортной политики государства на современном этапе можно отметить следующее. Во-первых, предупреждение преступности должно осуществляться как на общесоциальном (в экономической, политической, социальной, правовой сфере), так и на социально-криминологическом уровне, охватывающем мероприятия по устранению и нейтрализации отдельных видов преступлений. Во-вторых, в целях профилактики, предупреждения коррупции в сфере оказания транспортных услуг на перечисленных уровнях предлагается расширять использование электронно-информационных технологий [4, с.672].

Аналитическое агентство Global Transit Organization на основании предварительного опроса сделало вывод о системных экономических преступлениях в сфере транспортной логистики. Мошеннические действия, связанные с закупками продукции, а также взяточничество и коррупция создают серьезные проблемы услуг перевозки грузов логистических компаний. Улучшение контроля в данном сегменте, а также создание благоприятной корпоративной культуры имеют важное значение для преодоления рисков возникновения очагов коррупции. Наиболее распространенным типом экономической преступности в сфере транспорта и логистики является распределение активов. Это создаёт необходимую базу для совершения возможности последующего мошенничества в области закупок, взяточничества, граничащего с вымогательством, а также взяточничества путём подбора поставщиков и заключения контрактов с ними в ущерб качеству перевозимой продукции. Далее включается процесс оплаты – это и есть главная цель мошенничества с закупками, а затем выбор подходящего поставщика. Последний, скорее всего, является результатом откатов на рынках с высоким уровнем риска. Эксперты отмечают сектор транспорта и логистики в качестве лидера экономических преступлений с высоким уровнем коррупционной составляющей. В 71 % от всех мошеннических сделок, как правило, замешаны представители высшего руководства компании. Менеджеры среднего звена играют особо важную роль в преступных схемах в 48 % от всех выявленных незаконных экономических схем. В связи с этим возникает проблема преодоления коррупционных рисков в условиях высокого роста рынка транспортных услуг. Зачастую ситуация доходит до необходимости менять весь бизнес-план компании, не говоря уже о корректировке стратегии развития. В заключении аналитического отчёта исследователи предполагают, что коррупционные риски в сфере транспорта и логистики возникают там, где для этого есть подходящие условия. Таковыми может являться общая политика правительства отдельно взятой страны, личная нечистоплотность руководителя, а также высокая степень попустительства, проявляемая в отсутствие общего контроля [5].

Результаты проведенных исследований позволяют охарактеризовать состояние коррупционной преступности в стране в целом как стабильное.

В 2018 г. активно совершенствовалось антикоррупционное законодательство. В рамках реализации мероприятий Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы принят блок мер, направленных в основном на систематизацию и актуализацию нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции. Между тем, взяточничество, как и в прошлые годы, занимает значительную часть в структуре коррупционной преступности. В 2018 г. выявлено 12527 случаев взяточничества (преступления, предусмотренные ст.ст. 290–291.2 УК РФ), что на 3,4 % (или на 416 преступлений) больше, чем в 2017 г. (12 111). В структуре преступлений коррупционной направленности удельный вес взяточничества составляет 41,1 % (40,9 % – в 2017г.). По сравнению с 2017 г. на 9,8 % больше зарегистрировано преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ (Получение взятки), на 15,0 % – преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ (Дача взятки), на 20,9 % – преступлений, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ (Посредничество во взяточничестве). Напротив, на 6,9 % меньше, чем в 2017 г., выявлено фактов мелкого взяточничества (ст. 291.2УК РФ) [6, с. 105]. Значительную роль в выявлении коррупционных преступлений сыграли и органы прокуратуры, по материалам которых в 2018 году возбуждено 3 179 уголовных дел о таких преступлениях. По рассмотренным с участием прокуроров уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности в 2018 году судами Российской Федерации вынесено 10,7 тыс. обвинительных приговоров в отношении 11,7 тыс. человек [7].

Заключение

В 2018 году органами прокуратуры Российской Федерации на постоянной основе проводились проверки исполнения законодательства о противодействии коррупции в федеральных органах исполнительной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, а также в организациях государственного сектора, транспортной сфере. Благодаря ранее принятым мерам прокурорского реагирования, направленным на укрепление законности в антикоррупционной сфере, в 2018 году выявлено 231 тыс. нарушений законодательства о противодействии коррупции. Значительная часть выявленных прокурорами нарушений (74,7 тыс.) связана с неисполнением государственными и муниципальными служащими, иными должностными лицами обязанностей, несоблюдением запретов и ограничений, установленных в целях противодействия коррупции. Из них, по-прежнему, основную массу (67,2 тыс.) составляют случаи представления неполных или недостоверных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Прокурорами выявлялись факты непринятия должностными лицами мер по урегулированию конфликта интересов на государственной и муниципальной службе (3,4 тыс.), несоблюдения требований законодательства о контроле за расходами чиновников (2,1 тыс.). Множество установленных прокурорами фактов коррупционных нарушений допускалось при осуществлении государственных и муниципальных закупок (8,5 тыс.), распоряжении бюджетными средствами (4,3 тыс.) и государственным имуществом (7,4 тыс.), предоставлении государственных и муниципальных услуг (1,8 тыс.). В целях устранения выявленных в ходе проверок нарушений законодательства

о противодействии коррупции принят комплекс мер прокурорского реагирования. Так, прокурорами внесено 62 тыс. представлений, предостережено о недопустимости нарушения закона 4,5 тыс. лиц, принесено 31,8 тыс. протестов на незаконные правовые акты, направлено 4,7 тыс. исков в суд на общую сумму 6 млрд. рублей. В результате прокурорского вмешательства к дисциплинарной ответственности привлечены свыше 68 тыс. должностных лиц, из них 1,3 тыс. уволены в связи с утратой доверия. По постановлениям прокуроров к административной ответственности привлечены более 7 тыс. лиц [8]. В 2018 г. активно совершенствовалось антикоррупционное законодательство. В рамках реализации мероприятий Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы принят блок мер, направленных в основном на систематизацию и актуализацию нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции. В вопросах противодействия коррупционной преступности продолжается взаимодействие с МВД, ФСБ и Следственным комитетом. В результате всех совместных мер, принятых в прошедшем году, отмечается рост выявленных преступлений коррупционной направленности (30,5 тыс., +3%), а главное – раскрытых фактов взяточничества во всех его формах, деяний, совершенных организованными группами и преступными сообществами, в крупном и особо крупном размерах [9]. Несмотря на принимавшиеся меры в этой области, позволившие существенно увеличить процент взысканий об общей суммы наложенных штрафов (с 22 % в 2016 году до 39 % в 2018 году), добиться поступления в бюджет всей суммы наложенных штрафов не удавалось. В этой связи Генеральной прокуратурой Российской Федерации были инициированы поправки в законодательство, которые, как представляется, будут способствовать повышению эффективности работы по взысканию административных штрафов за незаконное вознаграждение от имени и в интересах юридических лиц. Так, Федеральным законом от 03.08.2018 № 298-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», вступившим в силу с 14.08.2018, введена такая мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как арест имущества юридических лиц. Кроме того, для эффективной борьбы с коррупцией, прокурорам необходимо ориентировать правоохранительные органы на выявление системных коррупционных схем, в первую очередь преступлений, причинивших крупный имущественный ущерб и совершенных лицами, занимающими руководящие должности, обладающими контрольно-надзорными полномочиями, реализующими разрешительные функции.

Список цитированных источников

1. Матвеев, А. А. Противодействие коррупции в государственном и муниципальном управлении в сфере транспорта / А. А. Матвеев // Российское государствоведение. – М.: Автономная некоммерческая организация "Научно-исследовательский институт государствоведения и местного самоуправления", 2019. – С. 116.

2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://public.wikireading.ru/176167. – Дата доступа: 12.09.2019.

3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://atp-23.ru/korrupcia. – Дата доступа: 12.09.2019.

4. Фрейдман, О. А. Коррупционная составляющая сферы оказания транспортно-логических услуг: причинно-следственный комплекс / О. А. Фрейдман, И. Г Смирнова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – № 5. – С. 672.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://perevozka24.ru/news/analitiki-soobschayut-o-vysokom-urovne-korrupcii-v-transnacionalnyh-transportnyh-korporaciyah-.– Дата доступа: 12.09.2019.
6. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2018 год: информ.-аналит. записка / под общ. ред. рек-тора Университета прокуратуры Российской Федерации д-ра юрид. наук, проф. О.С. Капинус. – М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2019. – С.105.
7. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1575432/. – Дата доступа: 22.03.2019.
8. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1575436/. – Дата доступа: 22.03.2019.
9. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1573512/. – Дата доступа: 20.03.2019.

PROBLEMS OF COMBATING CORRUPTION ON TRANSPORT: PROKURORSKO - SURVEILLANCE ASPECT

Rubtsova M. V.

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам борьбы с коррупцией в транспортной сфере, исследовано содержание данного феномена, проанализирована роль органов прокуратуры в противодействии коррупции, меры прокурорского реагирования, принимаемые по выявленным нарушениям закона.

Keywords: transport complex, legislation, economics, supervisory and controlling bodies, corruption problems, prosecutorial supervision, fight against offenses, prosecutorial response measures.

Abstract. the article is devoted to problems of fight against corruption in the transport sector, investigated this phenomenon and analyzes the role of prosecutors in combating corruption, the Prosecutor's response measures taken on the revealed violations of the law.

УДК 316.33

МОДЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Русецкий О.В.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, криминологический анализ противоправного поведения, организация предупредительной деятельности.

Введение

Распространение противоправного поведения оказывает дестабилизирующее воздействие на состояние всех социальных сфер, наносит значительный материальный и нравственный ущерб личности. В настоящее время эффективное предупреждение правонарушений является одной из важных задач государства,

разрешение которых необходимо для устойчивого развития Республики Беларусь. При этом результаты превентивной деятельности государственных и общественных структур зависят не только от объема, но и качества предпринимаемых мер, степени их организационного и правового обеспечения на местном уровне.

Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон о профилактике правонарушений) установлены правовые и организационные основы превентивной деятельности, перечислены субъекты профилактики, закреплены основные формы их участия в осуществлении этой работы. Данный Закон является базовым нормативным правовым актом, период действия которого[1] предполагает, что за это время на местном уровне должна быть организована эффективная и скоординированная предупредительная работа. Вместе с тем Генеральная прокуратура Республики Беларусь неоднократно обращала внимание на системные нарушения и недостатки в профилактической деятельности.

Учитывая вышеизложенное, целью настоящей разработки является создание модели функционально завершенной и постоянной действующей системы профилактики на местном уровне, ориентированной на решение перманентных и возникающих конкретных задач предупреждения противоправного и иного девиантного поведения.

Для достижения указанной цели предлагаются теоретико-прикладные решения и механизмы повышения организационного потенциала, уровня администрирования, качества и результативности предупредительной деятельности, оптимизации и активизации деятельности субъектов профилактики.

Основная часть

В соответствии с основными выводами исследований в области теории и практики предупреждения противоправного поведения профилактика правонарушений представляет собой системную социально-правовую деятельность, направленную как на выявление, нейтрализацию и снижение деструктивного действия факторов, причин и условий противоправного поведения, так и на создание защитных механизмов – необходимых условий для законопослушного поведения граждан, социальной интеграции правонарушителей. В основе практической предупредительной деятельности должна располагаться направленность на создание действенной альтернативы развитию жизненных сценариев, связанных с нарушением принятых в обществе норм и правил поведения. Конечной целью профилактики правонарушений является сокращение количества и позитивное изменение структуры фиксируемых статистикой и латентных актов противоправного, а также иного девиантного поведения индивидуумов.

Эффективность организованной на практике системы профилактики правонарушений напрямую зависит от комплексной, сбалансированной, предметной, непрерывной и развивающейся работы субъектов предупредительной деятельности, в обязательном порядке включающей

[1] Первоначальная редакция данного нормативного правового акта была принята в 2008 г.

мониторинг детерминант правонарушающего поведения (факторов, причин и условий) и реализацию на этой основе скоординированных, теоретически обоснованных и целенаправленных мер.

Организация результативной превентивной работы должна удовлетворять ряду требований, зафиксированных в Законе о профилактике правонарушений в качестве принципов осуществления данной деятельности. В их числе следующие.

1. Плановость. Важным элементом организации профилактики правонарушений является планирование, последовательно включающее анализ ситуации, ее прогноз, учет имеющихся сил и средств, определение приоритетных направлений деятельности, постановку конкретных задач на планируемый период, а также комплекс мероприятий, необходимых для их разрешения. Планирование обеспечивает системный характер предупредительной работы, позволяет изначально согласовать (сбалансировать) меры социально-экономического, криминологического, правоприменительного, виктимологического, социально-реабилитационного характера, обеспечить их надлежащее организационное, информационное, правовое и иное сопровождение.

В соответствии со ст. 11 Закона о профилактике правонарушений местными исполнительными и распорядительными органами областного и базового территориальных уровней ежегодно разрабатываются и утверждаются региональные комплексные планы по профилактике правонарушений. Подготовка и принятие указанных программных документов предполагают четкое определение цели и формирование задач планируемой работы на основе анализа состояния и динамики правонарушений, особенностей изменения их характеристик на территории региона. Важным условием является создание механизма функционирования и управления планом – кадровое, ресурсное, информационно-аналитическое и иное обеспечение, построение системы контроля, позволяющей совершенствовать проводимую работу.

В то же время на практике (как неоднократно подчеркивалось Генеральной прокуратурой Республики Беларусь) утверждение региональных комплексных планов осуществляется несвоевременно, большинство из них являются формальными и не содержат мер, способных эффективно влиять уровень общественной безопасности в регионах.

Инструментом повышения эффективности комплексных планов, предусмотренным ст. 11 Закона о профилактике правонарушений, являются требования о согласовании и контроле реализации мероприятий указанных планов соответствующими координационными совещаниями по борьбе с преступностью и коррупцией.

2. Системность. Система профилактики правонарушений включает следующие взаимодействующие подсистемы (структурные элементы):

социальная (общесоциальная) профилактика – деятельность, направленная на создание социальных условий для формирования мотивации социально-позитивного и правопослушного образа жизни, устойчивое экономическое, политическое, социальное и культурное развитие граждан и особенно несовершеннолетних и молодежи, обеспечение материального, социального и духовно-нравственного благополучия населения;

криминологическая (специальная) профилактика – деятельность, направленная на непосредственное предупреждение правонарушений (в том числе определенного вида), выявление, учет и превентивный социально-правовой контроль правонарушителей и лиц из групп риска совершения правонарушений и иных девиантных поступков;

правоприменительная профилактика – уголовно-правовая и административно-правовая правоприменительная деятельность, связанная с реализацией ответственности за правонарушения и направленная на исправление правонарушителей, которая оказывает общепредупредительное социальное и психологическое воздействие на население (общая превенция), а также специальное предупредительное воздействие на привлеченных к ответственности лиц (специальная превенция), способствует восстановлению социальной справедливости и обеспечивает возмещение причиненного правонарушениями материального и морального вреда;

виктимологическая профилактика – деятельность в отношении потенциальных и реальных жертв правонарушений, направленная на формирование механизмов, препятствующих совершению в их отношении противоправных действий, выявление, нейтрализацию и устранение факторов, причин и условий виктимизации, защиту прав и оказание помощи пострадавшим от правонарушений лицам;

социально-реабилитационная профилактика – деятельность, направленная на диагностику и социальную адаптацию привлеченных к ответственности правонарушителей и иных лиц, нуждающихся в восстановлении социальных связей и отношений.

Построение на практике эффективной системы профилактики требует организационного обеспечения, комплексной и сбалансированной реализации мер по всем данным направлениям. Нормативным выражением данного требования являются положения ст. 11 Закона о профилактике правонарушений, определяющие спектр обязательных направлений предупредительной деятельности, которые должны быть обеспечены мероприятиями региональных комплексных планов по профилактике правонарушений.

3. Скоординированность действий и оперативное взаимодействие субъектов профилактики. Координация профилактики правонарушений представляет собой организационно-распорядительную деятельность по управлению процессом реализации предусмотренных законодательством предупредительных функций, выработке и организации осуществления дополнительных (экстренных) мер профилактики правонарушений, адекватному распределению потенциала субъектов профилактики.

В соответствии с Законом о профилактике правонарушений координация предупредительной работы возложена на координационные совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, возглавляемые прокурором соответствующего уровня. Это предполагает обеспечение со стороны прокуратуры согласованности действий субъектов профилактики по своевременной выработке и реализации диктуемых ситуацией мер. Координация должна осуществляться с учетом результатов надзорной деятельности, на основании мониторинга криминальной ситуации и реализуемых мероприятий предупреждения правонарушений посредством системного планирования совместной работы государственных и общественных структур, обеспечения их

взаимодействия в процессе выполнения поставленных задач, оптимального распределения затрачиваемых ресурсов, контроля за полнотой, качеством и результатами выполнения координационных решений.

Координационные совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, действуют в порядке, определяемом Указом Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 г. № 644 «Об утверждении Положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией». Данным нормативным правовым актом предусмотрена многоуровневая система коллегиальных органов координации, возглавляемых прокурорами соответствующего уровня.

Межведомственный состав координационных совещаний позволяет в значительной мере обеспечить их полноценную деятельность, реализацию нормы об обязательности их решений. В связи с этим решения координационных совещаний являются действенным инструментом для реализации настоящей модельной программы.

Проблемой существующей системы координации является низкая эффективность координационных совещаний, в значительной степени обусловленная недостаточно предметным характером заседаний, неподготовленностью их организации и проведения. Важной задачей прокуратуры является оптимизация системы координации профилактики правонарушений в Республике Беларусь. Деятельность по реализации координирующей функции следует планировать и организовывать, принимая во внимание следующие основные рекомендации:

– в состав координационных совещаний рекомендуется включать представителей всех субъектов профилактики правонарушений. В целях повышения эффективности профилактики отдельных видов криминальной активности (преступности несовершеннолетних, организованной, коррупционной, рецидивной преступности и т.д.) либо для решения конкретных вопросов, связанных с профилактикой правонарушений, практиковать создание рабочих групп, действующих на долговременной основе;

– тематику координационных совещаний прокуроры должны определять с учетом складывающейся криминальной ситуации, а также результатов прокурорско-надзорной деятельности в регионе. Вопросы, включаемые в план работы координационного совещания, должны носить системный и своевременный характер, быть актуальными и значимыми в масштабах региона;

– на координационных совещаниях в обязательном порядке должны заслушиваться отчеты об исполнении решений предыдущих координационных совещаний и даваться принципиальная оценка качества и эффективности проведенной работы;

– решения координационного совещания должны содержать конкретные поручения субъектам профилактики правонарушений, включать порядок их взаимодействия при решении совместных задач, сроки исполнения и ожидаемые результаты. Прокурорам необходимо проверять и анализировать эффективность реализации намеченных координационными совещаниями долговременных мер и при необходимости корректировать организацию их выполнения.

4. Индивидуальный подход. Наравне с социальными факторами в мотивации противоправного поведения значимую роль играют личностные

(психологические, физиологические) причины, конкретные жизненные обстоятельства, как правило, неодинаковые для различных лиц. Соблюдение данного условия предполагает недопущение формализма в ходе индивидуальной превентивной работы и, в частности при осуществлении мер, предусмотренных ст. 23 Закона о профилактике правонарушений.

5. Ответственность должностных лиц субъектов профилактики правонарушений, иных организаций за нарушение законодательства в области профилактики правонарушений. В основе данного принципа-требования понимание сущности и содержания негативных последствий игнорирования либо некачественного исполнения правовых норм превентивного характера. Система ответственности реализуется посредством применения дисциплинарных и иных взысканий в ходе внешней (прокурорский надзор) и внутренней (ведомственный контроль) оценки надлежащего (качественного) выполнения функциональных полномочий субъектов профилактики. Указанный контроль в соответствии со ст. 35 Закона о профилактике правонарушений осуществляют вышестоящие государственные органы (организации) и должностные лица.

1. Методика организации профилактики правонарушений на местном уровне

Организация эффективной профилактики правонарушений на местном уровне предполагает ***изначальный анализ и последующий мониторинг криминологической информации, оценку содержания и уровня осуществляемой превентивной деятельности, ее организационно-правовое обеспечение актами органов местного управления и самоуправления***.

3.1. Анализ криминологической информации

В систему статистической криминологической информации входят цифровые сведения о состоянии и структуре преступности, их динамических изменениях, явлениях, связанных с преступностью, лицах совершающих преступления и другие девиантные действия, социально-экономических и демографических процессах, способствующих совершению правонарушений, мерах по их предупреждению. В основе аналитической оценки криминологической информации лежит хронологическое и структурное сопоставление количественных и качественных показателей с целью выделения основных тенденций и особенностей развития криминальной ситуации, факторов, влияющих на данный процесс.

Для практической оценки статистической криминологической информации целесообразно составление и ежегодное дополнение аналитических таблиц, изучение их данных в соответствии с примерной схемой криминологического анализа ситуации на региональном уровне (приложение 1).

Оценка сведений о развитии криминальной ситуации, уровне предупредительной деятельности, состоянии и предупреждении связанных с преступностью негативных явлений, данных о криминогенных особенностях демографического, социально-экономического и культурного характера должна происходить на основе базовых криминологических знаний о детерминации правонарушающего поведения, причинах и условиях совершения наиболее опасных и наиболее распространенных преступлений.

3.2. Оценка содержания и уровня деятельности субъектов профилактики правонарушений

В настоящее время эффективность деятельности субъектов профилактики на региональном и национальном уровнях определяется преимущественно по статистическим показателям, что не позволяет должным образом оценить уровень проводимой работы. Деятельность субъектов профилактики, как правило, рассматривается в пределах их функциональных полномочий, что не дает представления о целостной картине профилактики в регионе. Кроме того, следует учитывать, что благополучные по объективным (географическим, природным, демографическим и др.) факторам регионы даже при низком качестве работы выглядят лучше, чем те, в которых наличие неблагоприятных факторов требует повышенной концентрации и самоотдачи работников субъектов профилактики.

Реально оценить проделанную за определенный период времени работу по профилактике правонарушений в конкретном регионе возможно, если наряду со статистическими показателями учитывать ее соответствие требованиям эффективной организации, раскрытым в предыдущем разделе настоящей работы, а также следующим критериям.

1) Комплексность. В содержательном объектном составе практических мер по предупреждению правонарушений можно выделить следующие обязательные направления:

– предупреждение особо опасных видов криминальной активности и наиболее распространенных в конкретном регионе правонарушений;

– предупреждение противоправного поведения несовершеннолетних;

– антиалкогольная профилактика;

– профилактика потребления наркотиков;

– предупреждение беспризорности, бродяжничества, тунеядства, проституции и других социальных отклонений.

Реализация мероприятий по всем данным направлениям при осуществлении превентивной деятельности в течение оцениваемого периода является условием ее комплексности и, соответственно, результативности предпринимаемых усилий.

2) Непрерывность и развитие. Системная деятельность по предупреждению преступности должна иметь регулярный характер, мероприятия должны постоянно совершенствоваться в плане оптимизации их исполнения, повышения эффективности предупредительного воздействия.

В целях удовлетворения данным критериям оцениваемая работа должна включать мероприятия, проводимые на систематической основе (регулярные встречи с общественностью, правовое просвещение граждан, рейды, проверки и др.), а также стратегические мероприятия, направленные на последовательное, поэтапное и прогрессивное развитие, расширение и оптимизацию комплексных мер и отдельных направлений профилактики (стратегические программы, меры, направленные на вовлечение общественности в предупредительную деятельность, расширение применения информационных технологий и др.). Совершенствование практики предупредительного воздействия возможно на основе оценки эффективности предпринимаемых мер. Мероприятия в контексте указанной оценки (социологические опросы, аналитические обзоры, обобщения

практики) также должны быть составной частью эффективной превентивной деятельности.

3) Методологическая обоснованность и информационная обеспеченность. В процессе оцениваемой деятельности должны быть реализованы мероприятия, направленные на изучение детерминант правонарушающего поведения (социологические и криминологические исследования, аналитическая работа субъектов профилактики в функциональных сферах и др.). Результатом таких мероприятий должна быть реализация мер, направленных на устранение (снижение деструктивного действия) выявленных (специфических для региона) факторов, причин и условий противоправного и иного отклоняющегося от социальных норм поведения. Необходимым условием соответствия данному критерию также является наличие мер, направленных на повышение уровня подготовки и методического обеспечения деятельности работников субъектов профилактики (семинары, лекции, курсы, разработка и, обмен позитивным опытом и др.).

Повышению эффективности работы способствует ее качественное информационное обеспечение, соответствующее возможностям современных информационных технологий. Оцениваемая деятельность должна включать мероприятия, по формированию и (или) развитию региональных информационных баз (банков данных), совершенствованию информационного обмена между субъектами профилактики.

3.3. Организационно-правовое обеспечение профилактики правонарушений на местном уровне

Важным условием эффективности деятельности по предупреждению правонарушений является наличие нормативно закрепленных механизмов организации и управления деятельностью, предполагающих распределение функций субъектов профилактики, порядка взаимодействия, а также контроля результативности работы.

Реализация положений Закона о профилактике правонарушений на местном уровне в основном возлагается на местные исполнительные и распорядительные органы (исполкомы, администрации), которые, являясь самостоятельным субъектом профилактики правонарушений, организационно включают и других субъектов, в том числе прямо не указанных в Законе о профилактике правонарушений (по делам молодежи, культуре, спорту и туризму и др.). В силу сложившейся практики местные исполнительные и распорядительные органы курируют работу напрямую не подчиненных субъектов профилактики, расположенных на территории региона (учреждения здравоохранения, территориальные центры социального обслуживания населения, БРСМ и др.). К субъектам профилактики относятся советы общественных пунктов охраны правопорядка, общее руководство деятельностью которых также осуществляется соответствующими местными исполнительными и распорядительными органами (п. 19 Положения о порядке образования и упразднения советов общественных пунктов охраны правопорядка, их взаимодействия с субъектами профилактики правонарушений, а также мерах стимулирования граждан и общественных объединений, участвующих в деятельности по охране общественного порядка и профилактике правонарушений, утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 апреля 2014 г. № 352). Организация и контроль за осуществлением профилактики правонарушений всеми этими структурами на

местном уровне входит в компетенцию руководства местных исполнительных и распорядительных органов, что предполагает принятие властных решений по ее оптимизации, в том числе посредством правового закрепления основных организационных вопросов и алгоритмов взаимодействия субъектов профилактики. Типовое решение исполкома базового уровня по организации региональной системы профилактики правонарушений представлено в приложении 2.

2. Мероприятия по повышению эффективности профилактики правонарушений

Предлагаемый комплекс мероприятий, основными исполнителями которого являются органы местной власти, осуществляется наряду с реализацией предусмотренных законодательством функциональных полномочий соответствующих субъектов профилактики.

1. Организационные меры

1.1. Провести анализ криминальной ситуации (см. приложение 1), оценку содержания и уровня осуществляемой превентивной деятельности, ее организационно-правовое обеспечение актами органов местного управления и самоуправления.

1.2. Определить перечень конкретных для соответствующего региона субъектов профилактики правонарушений (в основном в отношении общественных организаций), степень их реального и потенциального участия в системной превентивной работе (см. п.2 раздела 2) и уточнить круг решаемых задач.

1.3. Подготовить и утвердить решение исполкома базового уровня по организации региональной системы профилактики правонарушений (см. приложение 2).

1.4. Создать на основе имеющихся банков данных в сфере профилактики правонарушений единую региональную межведомственную информационно-аналитическую базу предупредительной деятельности, к основным информационным блокам которой отнести регулярно обновляемые сведения о:

– результатах мониторинга криминогенной ситуации;

– законодательстве, республиканских и региональных программах и планах в сфере профилактики правонарушений;

– деятельности субъектов профилактики (планы, отчеты, внеплановые мероприятия);

– объектах предупредительной деятельности: территориальных зонах и объектах повышенного риска совершения правонарушений; неблагополучных семьях (СОП); лицах/несовершеннолетних, состоящих на учете в ОВД; лицах/несовершеннолетних, употребляющих алкоголь, наркотики и другие одурманивающие вещества; лицах /несовершеннолетних, не занятых учебой, работой; ранее судимых лицах/несовершеннолетних; потенциальных жертвах правонарушений, нуждающихся в социальной помощи и иных мерах виктимологической профилактики; и др.

1.5. Организовать систему постоянного информирования работников субъектов профилактики и общественности о характеристиках, особенностях и тенденциях криминальной ситуации в регионе посредством определения

и внедрения наиболее эффективных методов и форм распространения информации (СМИ, информационные сообщения в Интернете и т.п.);

1.6. Организовать проведение социологического исследования, направленного на выявление и изучение степени влияния на криминальную ситуацию специфических для региона криминогенных факторов с целью разработки предложений, направленных на их устранение.

1.7. Обеспечить развитие и поддержание на постоянной основе межрегионального сотрудничества субъектов профилактики в целях обмена позитивным опытом организации работы, методического обеспечения предупредительной деятельности.

1.8. Проводить на регулярной основе учебно-методические семинары для работников субъектов профилактики по вопросам совершенствования деятельности в сфере профилактики правонарушений.

2. Общесоциальные меры профилактики правонарушений

2.1. Разработать и реализовать комплекс мер, направленных на устранение (снижение деструктивного действия) факторов, влияющих на формирование и распространение противоправного и другого девиантного поведения, в том числе на:

– повышение жизненного и репродуктивного потенциала, уровня и качества жизни, снижение материального и социального неравенства населения региона, обеспечение равных возможностей удовлетворения основных жизненных потребностей, а также вертикальной мобильности молодежи, основанной на адекватных затратах личностных ресурсов, создание условий для качественной самореализации личности;

– повышение внимания к проблемам несовершеннолетних и молодежи, обеспечение максимальной учебной, трудовой и досуговой занятости данной социально-демографической группы, в том числе путем оптимизации системы профессионального образования, качества и спектра социально-культурных мероприятий;

– формирование в общественном сознании позитивной оценки потенциала развития социума и личностных перспектив, негативного отношения к преступности и другим формам девиантного поведения;

– снижение престижа жизненных ценностей и социальных позиций индивидуалистического, эгоистического, материально-потребительского, корыстного, конформистского, властно-пренебрежительного, агрессивно-насильственного и социально-безответственного характера, а также повышение значимости трудовых созидательных усилий в процессе удовлетворения потребностей;

– возрождение и развитие традиционных этических ценностей и духовно-культурных ориентиров белорусского общества;

– снижение влияния субкультур насильственного, ретристского, сексуального и другого деструктивного характера, а также преступной субкультуры;

– оздоровление нравственно-психологического климата в учебных и трудовых коллективах, повышение уровня духовно-культурного развития и организованности малых социальных групп и общностей, устранение конформизма и терпимости к антиобщественному поведению;

– совершенствование качества воспитательной работы в отношении несовершеннолетних и молодежи, внедрение в образовательной среде инновационных педагогических и психологических технологий, позволяющих развитие ценностей законопослушного и здорового образа жизни, а также обеспечение условий для общественно-полезной и значимой занятости молодых людей, вовлечения их в занятия физкультурой и спортом в образовательных учреждениях и по месту жительства.

2.2. Обеспечить активную работу по мониторингу своевременности выплаты заработной платы работникам организаций и предприятий. Устанавливать причины формирования задолженности, принимать комплексные меры по ее предупреждению и погашению.

2.3. Провести исследование досуга населения, особенно в сельской местности и на основе его результатов обеспечить: функционирование / создание клубных формирований, спортивных секций, максимально эффективное использование спортзалов, театров, кинотеатров, бассейнов, кружков, учебных курсов, интернет-залов, в т.ч. работающих на бесплатной основе для определенных категорий граждан.

2.4. Организовать проведение на регулярной основе оздоровительных, физкультурно-спортивных и агитационно-пропагандистских мероприятий (спартакиад, фестивалей, летних и зимних игр, походов и слетов, спортивных праздников и вечеров, олимпиад, экскурсий, дней здоровья и спорта, соревнований по профессионально-прикладной подготовке и т.д.).

2.5. Реализовать комплексные меры по стимулированию участия населения в деятельности общественных организаций правоохранительной направленности, предусмотренных Законом Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 214-З «Об участии граждан в охране правопорядка».

2.6. Создать / оптимизировать (с использованием информационных технологий) работу службы психологической помощи лицам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации.

3. Специальные меры профилактики правонарушений

3.1. Установить порядок мониторинга территорий и объектов повышенного риска совершения правонарушений, а также территорий, прилегающих к детским, учебным, спортивным и иным учреждениям с целью своевременного информирования ОВД, принятия мер по устранению причин и условий противоправных и иных девиантных действий.

3.2. Разработать и утвердить формы и механизмы эффективного взаимодействия между субъектами профилактики, иными государственными и общественными структурами по обнаружению и контролю ситуаций социальной напряженности по месту жительства граждан, в целях предупреждения конфликтов на бытовой почве, выявления лиц группы риска совершения соответствующих правонарушений. В частности, обеспечить участие в данной работе государственных и общественных структур, осуществляющих свою деятельность в непосредственном контакте с населением (жилищно-эксплуатационные, электро,-газо,-водоснабжающие организации, предприятия связи, органы МЧС, организации здравоохранения, социальные службы, субъекты профилактики правонарушений несовершеннолетних, общественные организации и др.).

3.3. Разработать и реализовать комплекс мер по активизации защитных механизмов соседского контроля и обеспечению общественности возможностями предотвращения совершения преступлений по месту жительства, в частности, включающий:

информирование общественности о неблагополучной ситуации в соседней квартире, частном доме, а также об алгоритмах действий в случае возникновения условий криминогенной ситуации;

установку в проблемных зонах средств экстренного вызова милиции (тревожные кнопки);

создание механизмов оперативного общественного реагирования на криминогенные ситуации в сельских населенных пунктах, где нет возможности экстренного приезда наряда милиции, в том числе направленных на разрешение конфликтов в сфере семейно-бытовых, коммунально-бытовых, досугово-бытовых отношений.

3.4. С учетом конкретных обстоятельств совершенствовать планы по охране и обеспечению общественного порядка перед проведением массовых мероприятий.

3.5. Обеспечить проведение мониторинга и работу по недопущению доступа посторонних лиц в подвальные и чердачные помещения жилых и административных зданий, оборудованию жилых домов дверями повышенной прочности, установке в общественных местах систем видеонаблюдения.

3.6. Используя информацию банков данных по индивидуальной профилактической работе с лицами/семьями (при наличии), провести анализ полноты и эффективности осуществляемых мер индивидуальной профилактики правонарушений. Разработать конкретизированный для условий региона алгоритм построения программ профилактических действий, учитывающих личностные особенности профилактируемых лиц, предусматривающих взаимодействие специалистов различных субъектов профилактики и предлагающих реальные альтернативы и стимулы по изменению асоциального образа жизни.

3.7. Разработать и реализовать меры по привлечению негосударственных некоммерческих организаций к оказанию социальных услуг и реализации индивидуальных программ профилактических действий, в том числе в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в рамках государственного социального заказа.

3.8. Принять меры по снижению формальных процедур организации индивидуальной предупредительной деятельности, в том числе функционирования центров (комнат) для временного проживания освободившихся лиц, не имеющих определенного места жительства.

4. Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи

4.1. Применительно к конкретным условиям региона разработать и реализовать комплекс организационных мер, направленных на совершенствование системы раннего выявления, оказания помощи и превентивного воздействия на несовершеннолетних группы риска совершения правонарушений и иных девиантных поступков и осуществляемых на уровнях: семьи, учреждений образования, организаций здравоохранения, трудовых

коллективов, досуговых, физкультурно-спортивных и других государственных и общественных организаций. К группе риска относятся несовершеннолетние:

– образ жизни которых создает объективные предпосылки совершения противоправных действий, потребления алкоголя и других одурманивающих веществ;

– имеющие в ближайшем социальном окружении лиц, совершающих правонарушения, злоупотребляющих алкоголем, потребляющих наркотики и другие одурманивающие вещества;

– имеющие проблемы в развитии и поведении;

– находящиеся в социально / психологически неблагополучной ситуации;

– в силу объективных причин находящиеся вне родительского контроля (учеба в другой местности и др.).

4.2. Обобщить и проанализировать причины отсутствия, либо низкой эффективности профилактического воздействия на несовершеннолетних, впервые, либо повторно совершивших правонарушения, иные девиантные поступки, учесть результаты анализа при планировании профилактической работы.

4.3. Оптимизировать работу учреждений образования, структур, осуществляющих деятельность по оказанию психологической, педагогической, социальной, медицинской, правовой помощи несовершеннолетним и их родителям в целях акцентирования внимания на профилактике социального опасного положения семей.

4.4. Организовать на регулярной основе проведение специализированных семинаров по вопросам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних для специалистов социальных служб, учреждений образования, педагогов (тренеров) подростковых спортивных и других клубов, работников общественных организаций, а также занятия (информирование) для родителей (в том числе в отношении не участвующих в общественной жизни школы, не посещающих родительские собрания и др.).

4.5. Организовать / оптимизировать в учреждениях образования систему ранней психологической диагностики и помощи несовершеннолетним, действующую на постоянной основе, с целью развития навыков идентификации психологических и других личностных проблем, формирования установок, предполагающих позитивную программу выхода из сложных жизненных ситуаций.

4.6. Регулярно рассматривать на расширенных заседаниях КДН вопросы о:

– состоянии преступности несовершеннолетних и о мерах по ее снижению;

– региональных тенденциях подростковой алкоголизации, наркомании и токсикомании;

– взаимодействии субъектов профилактики;

– проблемах воспитательной работы с несовершеннолетними в учреждениях образования;

– работе учреждений и организаций по досуговой занятости несовершеннолетних (в.т.ч. выездные).

4.7. Осуществлять на постоянной основе анализ отдыха и трудовой занятости несовершеннолетних во внешкольное время, обеспечить в период летних каникул максимальное вовлечение детей и подростков в организованные формы отдыха, обратив особое внимание на несовершеннолетних, состоящих на учете

в органах внутренних дел, детей из семей в социально опасном положении. Проводить проверки по организации летней занятости подростков.

4.8. Организовать / совершенствовать работу по развитию молодежного правоохранительного движения в форме оперативных отрядов, экологических отрядов по благоустройству населенных пунктов.

4.9. Расширить сеть учреждений, работающих с подростками и молодежью: досуговые центры, молодежные информационные центры, центры патриотического воспитания молодежи, центры психолого-педагогической помощи подросткам, центры экстренной психологической помощи «Телефоны доверия», центры социальной помощи молодежи.

4.10. Разработать и реализовать программу индивидуального сопровождения и помощи в социальном устройстве для лиц молодежного возраста, ранее (в несовершеннолетнем периоде) находившихся на учете в органах внутренних дел, детей из семей в социально опасном положении.

5. Профилактика коррупции

5.1. Провести анализ востребованности и оказания социальных услуг населению региона с целью определения наиболее проблематичных зон, где имеют место условия для возможных коррупционных проявлений, связанных с предоставлением незаконного вознаграждения за пользующиеся повышенным спросом услуги (детский садик, престижная школа, специалист в поликлинике и др.). Разработать комплекс мер по их устранению, в том числе направленных на совершенствование инфраструктуры микрорайонов, сельских населенных пунктов.

5.2. Разработать и реализовать комплекс мер, направленных на активизацию предупредительной деятельности комиссий по противодействию коррупции, в том числе по следующим направлениям:

– выявление специфических для государственного органа (организации) обстоятельств трудовой деятельности, не препятствующих либо создающих благоприятные условия для коррупции;

– дополнительный контроль процедур, связанных с распоряжением средствами и имуществом;

– воздействие на специфические (внутренние) причины и условия коррупции посредством участия в разработке внутренних актов организации.

5.3. На постоянной основе осуществлять анализ и оценку потенциальной коррупционности экономических, социальных, управленческих и иных мер, включаемых в решения органов местной власти.

5.4. Реализовать комплекс мер правового антикоррупционного просвещения, в том числе включающих:

– разработку и внедрение алгоритмов правомерного взаимодействия граждан и власти, привлечения общественности к работе по предупреждению и выявлению фактов коррупции, информирования населения о законных и эффективных средствах и способах разрешения собственных проблем;

– проведение обучающих семинаров, открытых лекций, занятий, круглых столов в структурных подразделениях государственных органов, учреждениях образования, организациях здравоохранения и др.;

– разработку и внедрение специальных памяток и тематических электронных баз правовой информации, различающихся для различных профессий, сфер

деятельности (сотрудники контрольно-надзорных органов, врачи, школьные учителя, преподаватели вузов и др.);

– систематическое размещение в печати, в теле- и радиопередачах, Интернете материалов о целях, задачах, направлениях и результатах профилактической антикоррупционной работы;

– повышение квалификации членов комиссий по противодействию коррупции, сотрудников правоохранительных органов по вопросам предупреждения коррупции;

– и др.

5.5. Принять меры по обеспечению прозрачности и контроля проведения процедур государственных закупок, в том числе путем регулярного изучения вопросов выполнения организациями-победителями конкурсов изначально прописанных условий работ, финансируемых из бюджета, эффективности использования средств, направляемых на капитальные ремонты жилья, объектов производственного и социально-культурного назначения, а также закупок оборудования за счет бюджетных средств.

5.6. Осуществлять на постоянной основе анализ данных о расходовании денежных ресурсов в сфере модернизации, переоснащении производства, при осуществлении закупок товарно-материальных ценностей, о наличии договорных отношений субъектов хозяйствования с коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями с повышенным риском совершения правонарушений в экономической сфере.

5.7. Реализовать мероприятия по стимулированию этического поведения государственных служащих, практического совершенствования процедур взаимодействия с населением, подачи и рассмотрения жалоб и иных обращений граждан и юридических лиц.

6. Предупреждение социальных отклонений

6.1. Разработать и реализовать мероприятия по определению реальной численности и социально-демографического состава лиц, злоупотребляющих алкоголем, актуальных наркопотребителей и группы риска наркотизации, а также структуры потребляемых ими одурманивающих веществ посредством использования всех источников информации (данные социологических опросов несовершеннолетних и молодежи, специалистов и общественности, криминальная, административная и медицинская статистика и др.) для применения полученных сведений при планировании предупредительной деятельности.

6.2. Реализовать комплекс мер по совершенствованию осуществляемой в регионе культурной и информационной деятельности, направленной на формирование ценностно-ориентационных установок здорового и продуктивного образа жизни, приданию такой деятельности системного и целостного характера, посредством: определения структуры / должностного лица, ответственного за организацию и координацию работы по данному направлению; разработки программ, методических пособий и иных материалов в сфере антинаркотической и антиалкогольной пропаганды; повышения соответствующей квалификации работников основных субъектов профилактики; внедрения новых организационных форм просветительской и пропагандисткой деятельности, предполагающих широкое использование современных информационных технологий и др.

6.3. Разработать и обеспечить реализацию на постоянной основе в профессионально-технических, средних специальных и высших учебных заведениях антинаркотических, антиалкогольных программ, предполагающих последовательную (этапную) развивающуюся профилактическую деятельность среди учащихся, их родителей и иного социального окружения.

6.4. Усилить и систематизировать контроль за обеспечением запретов и ограничений при реализации табачных изделий и алкогольной продукции.

6.5. Обеспечить доступность и надлежащее качество оказания наркологической помощи.

6.6. Организовать в соответствии с законодательством работу подросткового наркологического кабинета, а также профилактическую деятельность детского врача-нарколога.

6.7. Разработать и реализовать мероприятия по виктимологической профилактике правонарушений, связанных с алкоголем и наркотиками. Основным объектом работы по виктимологическому просвещению должно быть социальное окружение лиц, злоупотребляющих спиртными напитками и наркозависимых лиц (родственники, соседи, коллеги по работе). Основным ее содержанием – предоставление объективной информации о причинах и условиях потребления и распространения наркотиков, методах их устранения, о путях выхода из состояния т.н. «созависимости», а о также мерах, позволяющих обеспечить безопасность имущества и личности возможной жертвы правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Примерная схема криминологического анализа ситуации на региональном уровне

Краткосрочный анализ криминальной ситуации (поквартальное, полугодовое, годовое сопоставление основных статистических данных о правонарушениях в регионе) дает возможность оперативно реагировать на произошедшие за столь короткий промежуток колебания в состоянии преступности. В целях обеспечения должной полноты учета криминогенных факторов, комплексной оценки, причин и условий, влияющих на противоправное поведение в регионе, выявления негативных тенденций в динамике и структуре преступности необходимо анализировать более широкий спектр сведений за период не менее 3–5 лет. На этой основе следует осуществлять комплексное планирование предупредительной деятельности.

Для практической реализации криминологического анализа ситуации на региональном уровне целесообразно составление и ежегодное дополнение нижеуказанных таблиц. Это позволит изучение сведений о развитии криминальной ситуации, эффективности осуществляемой деятельности, предупреждении тесно связанных с преступностью негативных явлений (таблицы 1-5) в сопоставлении с данными о социально-экономическом развитии региона (таблица 6).

Таблица 1 – Информация о правонарушениях и лицах, их совершающих

Наименование показателя/годы			№ показателя	Сведения за последние 5 лет (по годам)				
Совершено преступлений:	всего		1					
	особо тяжких		2					
	тяжких		3					
	менее тяжких		4					
	не представляющих большой общественной опасности		5					
	коррупционной направленности		6					
	при рецидиве		7					
	при опасном рецидиве		8					
	при особо опасном рецидиве		9					
	в группе лиц,		10					
	из них: в организованной		11					
	в районном центре (районе города)		12					
	в городских поселках		13					
	на территории сельских и поселковых советов		14					
	в общественных местах,		15					
	из них	в дневное время	16					
		в вечернее время	17					
		ночью	18					
	в сфере семейно-бытовых отношений		19					
	из них	в дневное время	20					
		в вечернее время	21					
		ночью	22					
	лицами женского пола		23					
	сельскими жителями		24					
	работниками с/х предприятий		25					
	рабочими промышленных предприятий		26					
	служащими		27					
	не работающими и не учащимися		28					
	гражданами иностранных государств,		29					
	из них: гражданами стран СНГ		30					
	несовершеннолетними и при их соучастии		31					
	из них	учащимися учебных заведений	32					
		не работающими и не учащимися	33					
	в состоянии алкогольного опьянения / в том числе несовершеннолетними		34					
	в состоянии наркотического опьянения / в том числе несовершеннолетними		35					
Количество преступлений, предварительное расследование по которым окончено			36					
Количество преступлений, предварительное расследование по которым приостановлено			37					
Выявлено лиц, совершивших преступления			38					
Зарегистрировано распространенных и общественно опасных преступлений[1]								
Статья 139. Убийство			39					
Статья 147. Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения			40					
Статья 149. Умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения			41					
Статья 153. Умышленное причинение легкого телесного повреждения			42					
Статья 166. Изнасилование			43					
Статья 167. Насильственные действия сексуального характера			44					
Статья 172. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления			45					
Статья 174. Уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении			46					

[1] Перечень указанных преступлений может корректироваться в зависимости от особенностей конкретного региона

Статья 186. Угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества		47					
Статья 205. Кража		48					
Статья 206. Грабеж		49					
Статья 207. Разбой		50					
Статья 208. Вымогательство		51					
Статья 209. Мошенничество		52					
Статья 210. Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями		53					
Статья 211. Присвоение либо растрата		54					
Статья 212. Хищение путем использования компьютерной техники		55					
Статья 214. Угон транспортного средства или маломерного водного судна		56					
Статья 218. Умышленные уничтожение либо повреждение имущества		57					
Статья 221. Изготовление, хранение либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг		58					
Статья 233. Незаконная предпринимательская деятельность		59					
Статья 243. Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов		60					
Статья 295. Незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ		61					
Статья 317. Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств		62					
Статья 317-1. Управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования)		63					
Статья 328. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров		64					
Статья 339. Хулиганство		65					
Статья 380. Подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков		66					
Статья 415. Уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы		67					
Статья 416. Уклонение от отбывания наказания в виде исправительных работ		68					
Статья 421. Несоблюдение требований превентивного надзора		69					
Статья 424. Злоупотребление властью или служебными полномочиями		70					
Статья 427. Служебный подлог		71					
Статья 430. Получение взятки		72					
Статья 431. Дача взятки		73					
Статья 435. Уклонение от мероприятий призыва на воинскую службу		74					
Совершено административных правонарушений [1]		75					
в том числе:	умышленных причинений телесных повреждений (ст. 9.1 КоАП)	76					
	невыполнений обязанностей по воспитанию детей (ст. 9.4. КоАП)	77					
	нарушений законодательства о занятости населения (ст. 9.15. КоАП)	78					
	нарушений требований по охране труда (ст. 9.17. КоАП)	79					
	мелких хищений (ст. 10.5 КоАП)	80					
	мелких хулиганств (ст. 17.1 КоАП)	81					
	распитий алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте или на работе в состоянии опьянения (ст. 17.3 КоАП)	82					
	вовлечений несовершеннолетнего в антиобщественное поведение (ст. 17.4. КоАП)	83					

[1] Перечень указанных правонарушений может корректироваться в зависимости от особенностей конкретного региона

	управлений транспортным средством в состоянии опьянения (ст. 18.16 КоАП)	84					
	проживаний без регистрации либо без документов, удостоверяющих личность (ст. 23.53 КоАП)	85					

Таблица 2 – Сведения о профилактическом учете, наблюдении и превентивном надзоре

Наименование показателя/годы		**Сведения за последние 5 лет (по годам)**				
1		2	3	4	5	6
Находилось лиц на профилактическом учете РОВД,						
в том числе по основаниям, предусмотренным ст. 29 Закона Республики Беларусь от 10.11.2008 № 453-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»:	-//-					
	-//-					
	-//-					
	-//-					
	-//-					
	-//-					
	-//-					
	-//-					
	-//-					
	-//-					
Поставлено на профилактический учет впервые						
Поставлено на учет повторно						
Снято с учета						
Количество состоящих на учете РОВД лиц, совершивших административные правонарушения,						
в том числе:	по ст. 9.1 КоАП					
	по ст. 10.5 КоАП					
	по ст. 17.1 КоАП					
	по ст. 17.3 КоАП					
	по ст. 18.16 КоАП					
Количество состоящих на учете РОВД лиц, совершивших преступления,						
в том числе:	особо тяжкие					
	тяжкие					
	менее тяжкие					
	не представляющие большой общественной опасности					
Количество лиц, в отношении которых осуществлялось профилактическое наблюдение, совершивших административные правонарушения						
Количество лиц, в отношении которых осуществлялось профилактическое наблюдение, совершивших преступления						
Количество лиц под превентивным надзором, совершивших административные правонарушения						
Количество лиц под превентивным надзором, совершивших преступления						
Количество лиц, привлеченных к ответственности за несоблюдение требований превентивного надзора или профилактического наблюдения ст. 24.12 КоАП						
Количество лиц, совершивших преступления по ст. ст. 421 / 422 УК						
Количество лиц на учете в психоневрологическом диспансере, совершивших преступления						

Таблица 3 – Сведения о профилактике правонарушений несовершеннолетних

Несовершеннолетние / годы	**Сведения за последние 5 лет (по годам)**				
Количество несовершеннолетних на учете ИДН					
Поставлено впервые на учет ИДН					
Поставлено на учет повторно					
Снято с учета ИДН,					
из них по достижению 18 летнего возраста					
Количество состоящих на учете в ИДН несовершеннолетних, совершивших преступления,					

в том числе:	особо тяжкие					
	тяжкие					
	менее тяжкие					
	не представляющие большой общественной опасности					
Количество состоящих на учете в ИДН несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения						
Количество выявленных лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественное поведение						
Количество выявленных законных представителей (родителей, усыновителей, опекунов, попечителей), отрицательно влияющих на детей						
Количество несовершеннолетних, находящихся в социальном приюте						
Количество семей / несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении						
в том числе:	в возрасте до 14 лет					
	из них женского пола					
	сельских жителей					
Количество несовершеннолетних, признанных нуждающимися в государственной защите						

Таблица 4 – Сведения о ранее судимых и освободившихся из исправительных учреждений лицах

Наименование показателя		**Сведения за последние 5 лет (по годам)**				
Количество ранее судимых лиц,						
	городских / сельских жителей					
	несовершеннолетних					
	18-29 лет					
	30–60 лет					
	старше 60 лет					
	не работающих и не учащихся					
	состоящих на наркологическом учете					
	не имеющих жилья					
Количество лиц, совершивших преступление в течение года после отбытия уголовного наказания						
Количество лиц, совершивших преступление в течение 2 лет после отбытия уголовного наказания						
Количество лиц, совершивших преступления по ст. ст. 416 / 416 / 419 УК						

Таблица 5 – Сведения о состоянии и профилактике пьянства и потребления наркотиков

Наименование показателя		**Сведения за последние 5 лет (по годам)**				
Находилось лиц на учете нарколога, в том числе:						
употребляющих спиртные напитки / несовершеннолетних						
на профилактическом учете употребляющих наркотики / токсические вещества / несовершеннолетних						
на диспансерном учете употребляющих наркотики / токсические вещества / несовершеннолетних						
Обслуживало население наркологов,						
в том числе	взрослых					
	из них на условиях совместительства					
	подростковых					
	из них на условиях совместительства					
Объем произведенной в регионе алкогольной продукции,						
в том числе плодовых крепленых ординарных вин						
Количество реализованной алкогольной продукции,						
в том числе	водки и др. крепких спиртных напитков					
	плодовых крепленых ординарных вин					
Количество проведенных рейдов по выявлению самогоноварения						
Объем изъятого самогона/браги						
Количество проведенных рейдов по выявлению несовершеннолетних, допускающих употребление алкогольной продукции						
Составлено адм. протоколов за нарушение правил торговли алкоголем / продажа несовершеннолетним (ч.6 ст. 12.17 КоАП)						
Количество проведенных рейдов по выявлению посадок растений, содержащих наркотические средства						
Составлено адм. протоколов по ст. 16.1. КоАП						

Таблица 6 – Данные социальной статистики

Показатели социальной статистики		Сведения за последние 5 лет (по годам)				
Население						
Численность населения и, в том числе:						
мужского пола						
женского пола						
городских жителей						
сельских жителей						
в возрасте до 14 лет						
14–17 лет						
18-29 лет						
30–60 лет						
старше 60 лет						
Количество граждан Республики Беларусь						
Количество лиц без гражданства, иностранных граждан						
Количество лиц, прибывших в район						
Количество лиц, выбывших из района						
Семья						
Количество зарегистрированных браков						
Количество разводов						
Количество неполных семей						
Количество детей-сирот						
Количество одиноко проживающих пенсионеров						
Количество многодетных семей						
Занятость населения						
Количество работающих, в том числе						
на с/х предприятиях						
в промышленности						
служащих						
Количество уволенных /принятых на работу						
Количество официально зарегистрированных безработных						
Количество уволенных /принятых на работу						
Количество официально зарегистрированных безработных						
Количество граждан не занятых в экономике						
в том числе:	в возрасте 18-29 лет					
	в возрасте 30 – 60 лет					
	сельских жителей					
	ранее судимых					
Количество вакантных рабочих мест						
Количество пенсионеров						
Качество и уровень жизни						
Уровень экономической активности населения						
Объем денежных доходов населения						
Удельный вес убыточных организаций						
Рентабельность реализуемой продукции предприятий						
Объем платных бытовых услуг населению						
Обеспеченность населения жильем						
Объем задолженности по обязательным платежам (коммунальные платежи, земельный налог и др.) среди населения						
Образование						
Количество общеобразовательных школ / учащихся / учителей						
Количество ПТУ (СПЛ) / учащихся / преподавателей						
Количество техникумов / учащихся / преподавателей						
Количество частных учебных заведений / учащихся / преподавателей						
Количество сельских / городских учебных заведений						
Культура						
Количество учреждений культуры						
в том числе:	клубов					

	музеев					
	театров					
	киноустановок					
	библиотек					
	концертных залов					
Спорт						
Количество спортивных организаций / учреждений						
в том числе:	клубов					
	спортивных секций					
	спортивных сооружений					
Здравоохранение						
Рождаемость						
Смертность / от внешних причин						
в том числе детей до 14 лет						
Обеспеченность населения врачами всех специальностей						
Обеспеченность населения средним мед. персоналом						
Обеспеченность населения больничными койками						

На основе изучения приведенных выше данных формируется аналитический отчет, в котором приводится характеристика статистических показателей преступности, явлений с ней связанных, результативности превентивных мер, криминогенных процессов социально-демографического и экономического развития, их динамики в течение отчетного года и всего анализируемого периода в целом. Данный отчет должен содержать следующие выводы о произошедших текущих изменениях (в течение последнего года) и имеющих место тенденциях (изменения за последние 5 лет):

1. Изменения состояния и структуры преступности (оценка показателей 1-9, таблица 1);
2. Геополитические изменения состояния преступности, особенностей места и времени совершения преступлений (оценка показателей 10-22, таблица 1);
3. Изменения характеристик лиц, совершающих преступления (оценка показателей 23-33, таблица 1);
4. Изменения количества преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения (оценка показателей 34-35, таблица 1);
5. Изменения показателей раскрываемости преступлений, выявления лиц их совершивших (оценка показателей 36-38, таблица 1);
6. Изменения количества наиболее распространенных и общественно опасных преступлений (оценка показателей 39-74, таблица 1);
7. Изменения количества административных правонарушений, в том числе обладающих повышенным криминогенным потенциалом (оценка показателей 75-85, таблица 1);
8. Изменения количества и состава граждан, в отношении которых осуществляются меры профилактического учета, результативности таких мер (оценка показателей таблицы 2);
9. Изменения количества и состава несовершеннолетних, в отношении которых осуществляются меры профилактического учета, результативности таких мер, количества несовершеннолетних групп криминального и виктимного риска (оценка показателей таблицы 3);
10. Изменения количества и состава ранее судимых и освободившихся из исправительных учреждений граждан, результативности мер профилактического наблюдения и превентивного надзора (оценка показателей таблицы 4);

11. Изменения показателей потребления алкоголя и наркотиков, состояния мер направленных на предупреждение данных явлений (оценка показателей таблицы 5);

12. Криминогенные особенности социально демографических и экономических процессов, в том числе изменения в численности и составе населения, семейной сфере, занятости, качестве и уровне жизни населения, развитии образовательной, культурной, спортивной сфер, сферы здравоохранения (оценка показателей таблицы 6).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Типовое решение исполкома базового уровня по организации региональной системы профилактики правонарушений

РЕШЕНИЕ ******* ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА**
__ _____ г. № _____

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Рассмотрев предложения прокуратуры по совершенствованию профилактики правонарушений, с целью организации системной работы по профилактике правонарушений в рамках исполнения Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон о профилактике правонарушений) ***** исполнительный комитет РЕШИЛ:

1. Ответственным за состояние профилактики правонарушений на территории региона назначить заместителя председателя райисполкома по социальной работе ******* (далее – руководитель профилактики правонарушений), с возложением обязанностей по:

руководству деятельностью по профилактике правонарушений структурных подразделений исполнительного комитета, компетенция которых включает вопросы непосредственно профилактики правонарушений, образования, труда, занятости и социальной защиты, культуры, физической культуры, спорта и туризма, идеологической работы, жилищно-коммунального хозяйства, молодежи, а также организаций здравоохранения, государственных средств массовой информации, советов общественных пунктов охраны правопорядка, территориальных центров социального обслуживания населения, БРСМ, иных функционирующих на территории региона общественных и государственных организаций, цели создания и деятельность которых соответствуют отдельным направлениям превентивной работы (далее – региональные субъекты профилактики);

контролю за предупредительной деятельностью региональных субъектов профилактики с целью оценки ее эффективности в достижении целей профилактики посредством: а) изучения предоставляемых на регулярной основе (не реже 1 раза в полугодие) отчетов и иной информации субъектов профилактики; б) мониторинга качества проводимой работы в ходе рейдов

(выездов) в сельские советы, учреждения, организации, предприятия и по месту жительства граждан; в) организации социологических опросов населения и профилактируемых лиц для определения реального эффекта проведенных профилактических мероприятий;

обобщению результатов деятельности региональных субъектов профилактики для подготовки к обсуждению на заседаниях исполкома, принятия решений по оптимизации предупредительной деятельности.

2. Руководитель профилактики правонарушений в рамках установленной законодательством компетенции правомочен давать указания по организации предупредительной деятельности, обязательные для исполнения региональными субъектами профилактики.

3. При выявлении в ходе контроля региональных субъектов профилактики существенных недостатков работы, низкого уровня реализации мероприятий и отсутствия результативности предупредительной деятельности руководитель профилактики правонарушений информирует соответствующих нанимателей о необходимости и основаниях привлечения к дисциплинарной ответственности работников.

4. За результативное выполнение задач предупредительной деятельности, проявленную инициативу, иные позитивные достижения руководитель профилактики правонарушений принимает меры по поощрению работников региональных субъектов профилактики, а также участвующих в предупредительной деятельности граждан.

5. Руководители региональных субъектов профилактики:

ежегодно утверждают предложения субъекта профилактики для включения в региональный комплексный план по профилактике правонарушений (далее – комплексный план), а также перечень функциональных полномочий и мер в сфере профилактики правонарушений возглавляемой ими структуры, сформированный с учетом изменений законодательства, принимаемых на республиканском, областном и базовом территориальном уровне программ и планов;

назначают лиц, ответственных за осуществление профильных направлений и конкретных мероприятий профилактики правонарушений (далее – ответственные лица);

6. Руководитель профилактики правонарушений организует подготовку комплексного плана, который обсуждается на координационных совещаниях по борьбе с преступностью и коррупцией, из числа ответственных лиц определяет должностных лиц, курирующих отдельные направления предупредительной деятельности, в том числе указанные в ст. 11 Закона о профилактике правонарушений.

7. Отчеты региональных субъектов профилактики о выполнении комплексных планов и функциональных полномочий в сфере профилактики правонарушений предоставляются ответственными лицами руководителю профилактики правонарушений один раз в полугодие.

8. В целях формирования необходимой аналитической основы деятельности по профилактике правонарушений, ее должного информационного обеспечения начальнику ОВД обеспечить проведение ежегодного анализа статистических данных о правонарушениях за длительный период времени в сопоставлении с характеристиками социально-экономического развития региона в целях

выявления особенностей и тенденций развития криминальной ситуации. На руководителя профилактики правонарушений возложить обязанности организации обеспечения ОВД необходимыми аналитическими сведениями о социально-экономическом развитии района, а также ознакомления с результатами анализа работников региональных субъектов профилактики.

9. Методическое обеспечение профилактики правонарушений, обучение и повышение квалификации работников субъектов профилактики и иных лиц, участвующих в деятельности по профилактике правонарушений, осуществляется отделом идеологической работы с привлечением сотрудников правоохранительных и контрольных органов с учетом позитивного опыта превентивной работы, научной и методической литературы в данной области, посредством доведения обобщенной информации в форме регулярных лекционных выступлений, семинаров, круглых столов и иными средствами.

10. Контроль за исполнением настоящего решения осуществляется председателем ***** исполнительного комитета (**********).

Председатель **********

Управляющий делами **********

Аннотация. В настоящей научно-методической разработке предложены теоретико-прикладные решения, обозначены механизмы повышения организационного потенциала, уровня администрирования, качества и результативности деятельности по профилактике правонарушений, оптимизации и активизации работы субъектов предупредительной деятельности на местном уровне.

Целью автора являлась разработка модели функционально завершенной и постоянной действующей системы профилактики, ориентированной на решение перманентных и возникающих задач превенции противоправного и иного девиантного поведения.

Keywords: preventive maintenance of offences, criminological analysis of illegal behaviour, the organisation of precautionary activity.

Abstract. In the present scientifically-methodical working out teoretiko-applied decisions are offered, mechanisms of increase of organizational potential, level of administration, quality and productivity of activity on preventive maintenance of offences, optimisation and activization of work of subjects of precautionary activity at local level are designated.

The purpose of the author was working out of model of functionally complete and constant operating system of the preventive maintenance focused on the decision of permanent and arising problems превенции illegal and other девиантного of behaviour.

УДК 343.352

СТРУКТУРА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ

Сащеко П.И.

Ключевые слова: коррупция, стратегия борьбы с коррупцией, подкуп, злоупотребление служебными полномочиями, криминология.

Введение

Необходимость принятия стратегии противодействия коррупции вытекает из международных обязательств Республики Беларусь. Кроме того, второй абзац статьи 5 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» предусматривает, что борьба с коррупцией осуществляется государственными органами и иными организациями посредством, в том числе, планирования и координации деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией. Из этого положения Закона также вытекает необходимость разработки и принятия в Республике Беларусь стратегии борьбы с коррупцией. Принимая во внимание, что от избранной структуры стратегии во многом зависит ее эффективность, изучение вопросов структуры стратегии борьбы с коррупцией является актуальным.

Основная часть

В первую очередь необходимо определиться с понятием стратегии противодействия коррупции, т.к. не установив, что такое стратегия, невозможно разработать ее структуру. В Техническом руководстве по осуществлению Конвенции ООН против коррупции указывается: «Подход Конвенции к проблеме предупреждения коррупции неразрывно связан с необходимостью создания последовательной структуры, основанной на переходе от общих принципов к четким и реалистичным стратегиям, от планов действий и процедур, а также регулярного мониторинга реализации мер к практическому применению стратегии. Для этого необходимо разработать комплексный и скоординированный подход, охватывающий широкий диапазон деятельности, начиная с систематического сбора и сопоставления количественной и качественной информации, основанной на исходной ситуации в стране, и заканчивая выработкой стратегии, устанавливающей общие цели, которые затем преобразуются в задачи и планы действий, позволяющие сопоставить цели с достигнутыми результатами и скорректировать их в соответствии с мерами политики и процессами их реализации.» [1].

Таким образом, следование международным стандартам предполагает, что стратегия является документом, основанным на анализе информации о коррупции и выработанной политике противодействия коррупционным проявлениям, документом, который определяет общие цели борьбы с этим общественно опасным явлением, на основании которых составляются планы конкретных действий по противодействию коррупционным проявлениям.

Как и любой иной документ, стратегия борьбы с коррупцией имеет свою структуру. Структура представляет собой внутреннее устройство, взаимное расположение частей, составляющих одно целое [2]. Кроме того, структура стратегии борьбы с коррупцией не является произвольной. Она является характеристикой антикоррупционной политики государства как системного

образования. П.К. Анохин применительно к системе с полезным результатом ее деятельности отмечал: «… всякий компонент может войти в систему только в том случае, если он вносит свою долю содействия в получение запрограммированного результата» [3, с. 71]. Поэтому выбор структуры стратегии зависит от целей, на достижение которых она направлена.

В этой связи важно определить, какие цели государства в области борьбы с коррупцией являются основополагающими для выбора оптимальной структуры антикоррупционной стратегии. В соответствии со статьей 5 Закона о борьбе с коррупцией система мер борьбы с коррупцией включает различные меры предупредительного характера (создание экономических и социальных предпосылок для устранения причин коррупции, принятие кодексов этики, проведение криминологической экспертизы и др.). В то же время государство борется с коррупцией посредством привлечения лиц, виновных в совершении коррупционных деяний, к уголовной, административной, дисциплинарной ответственности. Цели предупреждения коррупции, а также применения мер ответственности формулируются в рамках криминологической, уголовно-правовой и иных направлений правовой политики.

Вместе с тем, в настоящее время, учитывая процессы глобализации, транснациональный характер коррупционных деяний и усиление сотрудничества между государствами в борьбе с преступностью, цели борьбы с коррупцией все в большей степени определяются международной антикоррупционной политикой. Эта политика находит свое отражение в международных договорах в области борьбы с коррупцией, нормах «мягкого права», различных международных документах.

Прежде всего, на структуру стратегий борьбы с коррупцией влияют международные договоры в области борьбы с коррупцией. Например, международные стратегические подходы к борьбе с коррупцией нашли нормативное закрепление в Конвенции ООН против коррупции. В статье 5 Конвенции обращается внимание на: участие общества; принципы правопорядка; надлежащее управление публичными делами и публичным имуществом; честность и неподкупность, прозрачность и ответственность. Кроме того, в этой же статье указывается, что государства устанавливают и поощряют эффективные виды практики, направленные на предупреждение коррупции; проводят оценку правовых документов и административных процедур; взаимодействуют друг с другом и международными (региональными) организациями в разработке и содействии осуществлению мер борьбы с коррупцией. Статья 6 Конвенции предписывает создание органа или органов по предупреждению и противодействию коррупции для проведения антикоррупционной политики, обеспечение такого органа (органов) необходимой самостоятельностью, а также материальными ресурсами и подготовленным персоналом. Статья 13 говорит об усилении прозрачности и содействие вовлечению населения в процессы принятия решений; обеспечении для населения эффективного доступа к информации; информирование населения, включая реализацию программ публичного образования; обеспечение свободы поиска, получения, опубликования и распространения информации о коррупции. В Конвенции содержатся и другие меры противодействия коррупции.

Положения Конвенции ООН против коррупции, в том числе применительно к стратегиям борьбы с коррупцией детализируются в руководствах, подготовленных под эгидой ООН. Например, в Руководстве для законодательных органов по осуществлению Конвенции ООН против коррупции указывается, что необходимыми составляющими глобальной стратегии борьбы с серьезными преступлениями являются: согласование законодательных положений о коррупции, обнаружение преступлений, выявление и арест преступников, установление юрисдикции в отношении преступлений и содействие беспрепятственной координации национальных и международных усилий [4].

Некоторые требования к структуре стратегии борьбы с коррупцией косвенно вытекают из Технического руководства по осуществлению Конвенции ООН против коррупции, в котором, в частности, отмечается: «Многие страны делают упор на меры контроля в таких областях, как законодательство, расследование и уголовное преследование. Такой подход является всего лишь частью эффективных стратегий противодействия коррупции; он также является дорогостоящим и фокусируется на неисполнении правил и процедур и злоупотреблении государственными средствами. Необходимо делать упор на аспект предупреждения коррупции, поскольку он не только гарантирует честность и неподкупность правительства и политической системы и обеспечивает надлежащее применение правил и процедур и использование фондов, но и приносит более широкие выгоды с точки зрения укрепления доверия общественности и регулирования поведения государственных должностных лиц» [1].

Таким образом, международные стандарты требуют направленности стратегии борьбы с коррупцией на решение уголовно-правовых проблем борьбы с коррупционными деяниями, проблем предупреждения коррупции и международного сотрудничества в борьбе с этим общественно опасным явлением.

Структура антикоррупционных стратегий различных государств в определенной степени учитывает международные стандарты разработки стратегий борьбы с коррупцией. Вместе с тем, структура антикоррупционных стратегий государств существенно различается в зависимости от обстановки в стране, поставленных задач, традиций формирования программных документов и др.

Например, Антикоррупционная стратегия Великобритании на 2017-2022 годы содержит следующие разделы:

– оценку ситуации, которая служит основанием для принятия решений (включает в себя определение коррупции; основные угрозы; возможности, которые создает эффективное противодействие коррупции; последние достижения в этой области);

– видение (определяет те цели, которые планируется достичь к 2022 году посредством фокусирования на приоритетных направлениях);

– приоритеты (снижение угроз в национальных секторах с высоким риском; усиление неподкупности в Великобритании, являющейся международным финансовым центром; повышение неподкупности в публичном и частном секторах; снижение коррупции в государственных закупках и выделении грантов; улучшение делового климата и др.);

– способы достижения целей, указанных в разделе «видение» (повышение понимания коррупции; взаимодействие; продвижение международных стандартов и партнерства; мониторинг и отчетность);

– заключение [5].

Проведенный ПРООН анализ стратегий борьбы с коррупцией в Азиатско-Тихоокеанском регионе показал, что структурно антикоррупционные стратегии, как правило, включают в себя следующие разделы: видение, миссия, цели, приоритетные сферы для борьбы с коррупцией, а также указание на цели, которые планируется достигнуть с помощью стратегии [6].

В то же время антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015-2025 годы включает в себя следующие разделы:

– введение;

– анализ текущей ситуации;

– положительные тенденции в сфере противодействия коррупции;

– проблемы, требующие решения;

– основные факторы, способствующие коррупционным проявлениям;

– цель и задачи (цель и целевые индикаторы; задачи);

– ключевые направления, основные подходы и приоритетные меры (противодействие коррупции в сфере государственной службы;внедрение института общественного контроля; противодействие коррупции в квазигосударственном и частном секторе; предупреждение коррупции в судебных и правоохранительных органах; формирование уровня антикоррупционной культуры; развитие международного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции);

- мониторинг и оценка реализации стратегии [7].

При этом даже в рамках постсоветского пространства структура антикоррупционных стратегий существенно различается. Так, Национальная антикоррупционная стратегия Республики Молдова на 2011-2016 годы содержала следующие разделы: положение дел; причины и последствия коррупции; принципы внедрения стратегии; ключевые элементы стратегии; внедрение стратегии; институциональная база; процедуры мониторинга и оценки; финансовые ресурсы [8].

Такие различия в структуре антикоррупционных стратегий обусловлены особенностями состояния коррупционной преступности, наличием экономических и иных ресурсов, взаимодействием государств в сфере борьбы с коррупцией с международными организациями, рецепцией опыта соседних или иных зарубежных государств и другими факторами.

Заключение

Подводя итог изложенному, следует отметить, что выбор структуры стратегии зависит от целей, на достижение которых она направлена, поэтому структура стратегии борьбы с коррупцией зависит от целей криминологической, уголовной-правовой политики, иных направлений внутренней и внешней политики государства. Учитывая процессы глобализации, транснациональный характер коррупционных деяний и усиление сотрудничества между государствами в борьбе с преступностью, цели государства в борьбе с коррупцией в значительной степени определяются международной антикоррупционной политикой. Международные стандарты требуют направленности стратегии борьбы с коррупцией на решение уголовно-правовых

проблем борьбы с коррупционными деяниями, проблем предупреждения коррупции и международного сотрудничества в борьбе с этим общественно опасным явлением. В этой связи структура стратегии борьбы с коррупцией зависит также от тех направлений международной антикоррупционной политики, которые должны быть реализованы государством с учетом подписанных международных конвенций в сфере борьбы с коррупцией и других международных обязательств.

Единого для всех государств подхода к структуре стратегии на сегодняшний день не существует. Структура антикоррупционных стратегий государств существенно различается в зависимости от обстановки в стране, поставленных задач, традиций формирования программных документов и иных факторов.

Список цитированных источников

1. Техническое руководство по осуществлению Конвенции ООН против коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/TechnicalGuide/10-53208_ebook_r.pdf. – Дата доступа: 14.09.2019.
2. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2007. – 1239 с.
3. Анохин, П. К. Философские аспекты теории функциональной системы / П. К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 400 с.
4. Руководство для законодательных органов по осуществлению Конвенции ООН против коррупции коррупции [Электронный ресурс]. –Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/LegislativeGuide/UNCAC_Legislative_Guide_R.pdf. – Дата доступа: 14.09.2019.
5. United Kingdom anti-corruption strategy 2017-2022 [Electronic resourse]. –Mode of access: //https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/667221/6_3323_Anti-Corruption_Strategy_WEB.pdf. – Date of access: 14.09.2019.
6. Anti-corruption strategies: understanding what works, what doesn't and why? Lessons learned from the Asia-Pacific region [Electronic resourse]: UNDP, 2014. – Mode of access: //https://www.undp.org/content/dam/rbap/docs/Research%20&%20Publications/democratic_governance/RBAP-DG-2014-Anti-Corruption-Strategies.pdf. – Date of access: 14.09.2019.
7. Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://anticorruption.gov.kz/ru/pages/antikorrupcionnaya-strategiya-respubliki-kazahstan-na-2015-2025-gody. – Дата доступа: 14.09.2019.
8. Национальная антикоррупционная стратегия на 2011–2016 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://lex.justice.md/ru/340429/. – Дата доступа: 14.09.2019.

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к разработке структуры стратегии борьбы с коррупцией. Анализируется влияние международных стандартов на структуру таких стратегий. Рассматривается структура некоторых национальных антикоррупционных стратегий. Определяются факторы, влияющие на структуру стратегии борьбы с коррупцией. В заключении указывается, что выбор структуры стратегии зависит от целей, на достижение которых она направлена, поэтому структура стратегии борьбы с коррупцией зависит от целей криминологической, уголовной-правовой политики, иных направлений внутренней и внешней политики государства, а также международной антикоррупционной политики. Также отмечается, что не выработано единого для всех государств подхода к структуре стратегии. Структура антикоррупционных стратегий

государств существенно различается в зависимости от коррупционной преступности, традиций формирования программных документов и иных факторов.

STRUCTURE OF ANTI-CORRUPTION STRATEGY

Sascheko P.I.

Keywords: corruption, anti-corruption strategy, bribery, abuse of power, criminology.

Abstract. The basic approaches to development of the structure of anti-corruption strategy are examined in the article. The influence of international standards on the structure of such strategies is analysed. The structures of some national anti-corruption strategies are considered. Some factors which have an impact on structure of strategy for fighting against corruption are detected. It is noted in the conclusion, that choice of the structure of the strategy depends on the aims at which the strategy is focused, therefore the structure of anti-corruption strategy depends on goals of criminological, criminal law and other directions of internal and external policy of the state, as well as on international anti-corruption policy. It is also mentioned, that the uniform approach to the structure of anti-corruption strategy has not been developed yet. Structures of anti-corruption strategies of states are different depending on corruption crime, traditions of development of programmes and other factors.

УДК 343.35 (575.2)

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА КВАЗИУГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Саякбаев Т.Д.

Ключевые слова: коррупция, мер уголовно-правового воздействия, юридические лица, Уголовный кодекс, ответственность, санкции, преступления, автономность.

Введение

Новая редакция Уголовного кодекса Кыргызской Республики (УК КР), вступившая в действие с начала 2019 года, предусматривает установление ответственности юридических лиц в виде «принудительных мер уголовно-правового воздействия». При этом юридическое лицо не является субъектом преступления, уголовной ответственности и наказания. Таким образом, УК устанавливает так называемую квазиуголовную (sui generis) ответственность юридических лиц. Как таковая, она не считается уголовной ответственностью, потому что преступный умысел (вина) не вменяется юридическому лицу, но применяется судами за совершение преступления в соответствии с уголовно-процессуальными нормами. Подобная модель используется и в других странах (например, в Азербайджане, Латвии, Польше, Украине, Швеции) и является приемлемой на соответствие международным стандартам, при условии действенности и наличии эффективной правоприменительной практики.

Основная часть

К юридическому лицу применяются принудительные меры уголовно-правового воздействия в случае совершения деяний, предусмотренных статьями УК, в частности ст.ст. 215 (Легализация «отмывание» преступных доходов), 233 (Злоупотребление полномочиями в коммерческой или иной организации), 234 (Нарушение порядка проведения публичных торгов, аукционов или тендеров), 237 (Коммерческий подкуп), 238 (Незаконное получение вознаграждения служащим), 327 (Посредничество во взяточничестве), 328 (Дача взятки) и др.

Стандарт ответственности. Согласно ст. 123 УК, к юридическому лицу применяются принудительные меры уголовно-правового воздействия в соответствии с уголовным кодексом, если деяние совершено «от имени или посредством юридического лица физическим лицом в интересах данного юридического лица, независимо от того, привлечено ли к уголовной ответственности такое физическое лицо». В отличие от многих других стран, установивших ответственность юридических лиц за уголовное правонарушение, УК КР связывает ответственность с действиями любого физического лица, а не сотрудника или агента такого юридического лица. С одной стороны, такой подход позволяет избежать проблем с узким определением «ответственного лица», действия которого приводят к ответственности юридического лица, но, с другой стороны, может чрезмерно расширить корпоративную ответственность. Это компенсируется другим обязательным элементом – действие должно быть совершено «от имени или посредством юридического лица». Однако такой элемент устанавливает слишком высокий барьер для привлечения к ответственности: формулировка «от имени» требует, чтобы при совершении преступления физическое лицо явно идентифицировало свои действия как действия «от имени» организации; «посредством юридического лица» – слишком размытая формулировка, которая тоже может чрезмерно сужать ответственность. Поэтому рекомендуется или исключить обязательный критерий совершения деяния «от имени или посредством юридического лица», или сделать его альтернативным к критерию «в интересах». Также целесообразно сузить круг лиц, действия которых приводят к ответственности юридического лица, до сотрудников организации, а также лиц, которые уполномочены действовать от имени юридического лица (или в отношении которых можно разумно предполагать, что они уполномочены действовать от имени юридического лица) или которые являются фактическими контролерами юридического лица (например, бенефициарный собственник).

Стоит также отметить, что указанные условия привлечения к ответственности таких лиц отличаются от тех, что упомянуты в редакции нового УПК. Последний (ч.1 ст. 482) устанавливает, что если в ходе досудебного производства выясняется, что подозреваемый, действуя индивидуально или как член коллегиальной структуры соответствующего юридического лица, основываясь на праве представлять юридическое лицо, действовать по его поручению либо принимать решения от имени юридического лица или же осуществлять контроль в рамках юридического лица, будучи на службе юридического лица, совершило преступное деяние в интересах этого юридического лица, следователь выносит мотивированное постановление о начале досудебного производства по применению мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу. В то же время, согласно ст. 483,

в досудебном производстве по применению мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу выясняются, в частности: обстоятельства совершения преступного деяния посредством юридического лица; статус физического лица в структуре юридического лица; характер противоправного деяния подозреваемого в интересах юридического лица и его последствия. Таким образом, становится понятно, какая совокупность характеристик необходима для ответственности юридического лица (совершение преступления «посредством», «от имени» и/или «в интересах» юридического лица). Эти положения необходимо согласовать и сузить требования до совершения преступления «в интересах» юридического лица.

Уголовный кодекс не содержит ответственности юридических лиц в случае отсутствия достаточного контроля (надзора) над работниками со стороны органа или лиц, осуществляющих управление организацией («правило отсутствия контроля/надзора»), что привело к совершению преступления. Это в какой-то мере противоречит международным стандартам.

Автономная ответственность. Одним из самых важных требований к ответственности юридических лиц является автономность такой ответственности, которая не должна зависеть от уголовного преследования и осуждения физического лица, совершившего преступное деяние, и должна предусматривать возможность проведения отдельных разбирательств в отношении физического и юридического лица. Применение квазиуголовной модели ответственности, по которой юридическое лицо не является субъектом преступления, изначально связывает применение мер к юридическому лицу с ответственностью физического лица. Поэтому для такой модели ответственности требуется более четкие гарантии ее автономности.

В редакции УК КР указывается, что к юридическому лицу применяются принудительные меры уголовно-правового воздействия «независимо от того, привлечено ли к уголовной ответственности такое физическое лицо». Однако, положения нового УПК КР (Глава 57 «Особенности производства по применению мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу») процессуально связывают привлечение к ответственности юридического лица с уголовным производством против физического лица.

Так, согласно ст. 482 УПК КР, процесс по применению мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу проводится в рамках досудебного производства, осуществляемого в отношении подозреваемого. Согласно ст. 483, в досудебном производстве по применению мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу выясняется, среди прочего, статус физического лица в структуре юридического лица, что означает, что такое лицо должно быть, как минимум, идентифицировано. Далее в ст. 484 устанавливается, что после окончания досудебного производства и с составлением обвинительного акта в отношении подозреваемого, прокурор в дополнение к общим требованиям указывает на выяснение в досудебном производстве упомянутых в ст. 483 УПК обстоятельств для применения мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу, копия которого вручается представителю юридического лица. При рассмотрении уголовного дела в суде должно быть выяснено, в частности, совершено ли деяние обвиняемым в интересах юридического лица (что означает, что физическое лицо должно к этому моменту должно получить статус обвиняемого). Наконец, в соответствие с ч. 1 ст. 486 УПК КР, признав,

что обвиняемый совершил преступное деяние в интересах или посредством юридического лица, суд в приговоре принимает также решение о применении мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу.

В то же время, согласно ч. 4 ст. 482 и ч. 3 ст. 486 УПК КР, в случае прекращения дела в отношении обвиняемого или приостановления дела в связи с розыском обвиняемого производство по применению мер уголовно-правового воздействия в отношении юридического лица должно быть рассмотрено судом по существу.

В целом в положениях УК и УПК КР сделана существенная попытка обеспечить автономность ответственности юридических лиц (применение к ним мер уголовно-правового воздействия к юридическому лицу). Указанные положения достаточно позитивны и предусматривают определенный уровень автономности, который отсутствует во многих странах. Однако, этих положений недостаточно. Положения УПК требуют, чтобы физическое лицо было выявлено и ему было предъявлено обвинение; соответственно, до этого момента раздельное преследование юридического лица невозможно. В этой связи, на практике могут возникнуть ситуации, когда невозможно выявить конкретное физическое лицо, ответственное за совершение преступления, но при этом известно, что, например, передача взятки в интересах юридического лица имела место. Другой пример: руководящий коллегиальный орган компании принял решение о даче взятки, но ее передача не была осуществлена, при этом невозможно установить, кто именно из членов органа принял решение.

Примером правового регулирования, которое позволяет обеспечить автономность ответственности при модели квазиуголовной ответственности, является Латвия. Уголовно-процессуальный закон Латвии устанавливает, что производство в отношении применения принудительных мер к юридическому лицу может быть проведено отдельно в следующих случаях: 1) уголовное производство в отношении физического лица прекращено по причинам, не связанным с освобождением такого лица от ответственности; 2) если обнаружены обстоятельства, не позволяющие установить или привлечь к уголовной ответственности конкретное лицо, или передача уголовного делав суд в ближайшее время (в разумно обозримом будущем) невозможна в виду объективных причин; 3) в интересах своевременного разрешения уголовно правовых отношений с физическим лицом, у которого есть право на защиту; 4) если об этом прости представитель юридического лица1.

Юридические образования, на которые распространяется ответственность. В ч. 1 ст. 123 УК КР определяется, что под юридическим лицом понимается организация, созданная в соответствии с гражданским законодательством Кыргызской Республики, а также иностранное юридическое лицо. Юридическими лицами не являются государство, органы государственной власти, муниципальной службы Кыргызской Республики, юридические лица, осуществляющие возложенные на них законом отдельные государственные полномочия, а также иностранные государства, органы государственной власти иностранного государства, иностранные государственные органы и юридические лица, осуществляющие отдельные государственные полномочия,

[1] Статья 439, параграф 3 Уголовно-процессуального закона Латвии.

международные организации и их представительства. Наличие такого определения прямо в тексте УК КР очень позитивно.

В соответствии с международными стандартами ответственность должна распространяться на самый широкий круг образований, т.е. не только на тех из них, которые являются юридическими лицами, но также и на фонды, ассоциации, товарищества и иные некорпоратизированные организации, не имеющие статуса юридического лица. Постольку поскольку такие образования обладают способностью осуществлять юридически значимые действия, заключать договоры и т.д., на них должна распространяться и ответственность за коррупцию и другие предусмотренные уголовным законодательством преступления. Такая ответственность должна распространяться как на коммерческие, так и на некоммерческие организации, частные компании и предприятия, находящиеся (полностью или частично) в собственности государства или контролируемые им. Следует удостовериться, чтобы определение юридического лица в УК КР отвечало этим требованиям.

Санкции. В отношении юридических лиц должны применяться соразмерные и оказывающие сдерживающее воздействие санкции уголовного и неуголовного характера, включая денежные санкции. Согласно УК КР, к юридическому лицу судом могут применяться следующие виды принудительных мер уголовно-правового воздействия: 1) штраф; 2) ограничение прав; 3) ликвидация юридического лица. Штраф и ограничение прав, а также штраф и ликвидация юридического лица могут применяться одновременно как дополнительная мера уголовно-правового воздействия.

Штрафы, налагаемые на юридическое лицо, назначаются судом в денежной форме, исчисляются в расчетных показателях и по размеру делятся на три категории:

– I категория – в случае совершения деяния с признаками менее тяжкого преступления – от 2000 до 5000 расчетных показателей;

– II категория – в случае совершения деяния с признаками тяжкого преступления – от 5000 до 10000 расчетных показателей;

– III категория – в случае совершения деяния с признаками особо тяжкого преступления – от 10000 до 15000 расчетных показателей.

В случае неуплаты штрафа в течение одного месяца сумма штрафа удваивается. При дальнейшем, более чем в течение трех месяцев, уклонении юридического лица от уплаты штрафа оно подлежит ликвидации решением суда. В случае причинения материального ущерба штраф взыскивается после возмещения ущерба.

Ограничение прав юридического лица заключается в установлении запрета: 1) осуществлять отдельные виды деятельности; 2) участвовать в тендерах или аукционах; 3) получать кредиты, налоговые льготы, субсидии, субвенции из республиканского или местного бюджетов. Одно или несколько ограничений, предусмотренных ч. 1 настоящей статьи, могут устанавливаться судом на срок от 1 года до 3 лет.

Ликвидация юридического лица назначается только в случае совершения деяния с признаками тяжкого или особо тяжкого преступления, когда суд признает, что тяжесть совершенного деяния делает невозможным сохранение и дальнейшее функционирование данного юридического лица, а также в случаях уклонения от уплаты штрафа.

Конфискация имущества юридического лица осуществляется на основании и в порядке, предусмотренных ст.ст. 96 и 97 УК КР.

К юридическому лицу не применяются принудительные меры уголовно-правового воздействия, предусмотренные настоящей главой, если со дня совершения деяния истекло пять лет или со дня исполнения обвинительного приговора суда истекло десять лет.

В целом установленные в УК КР меры, применяемые к юридическим лицам, можно признать недостаточными. Это связано в первую очередь с низкими штрафами. Эффективность и сдерживающее воздействие часто зависит именно от размера денежных санкций, налагаемых на юридическое лицо, которые могут включать штраф и конфискацию прибыли или дохода, полученного в результате правонарушения. Денежные санкции должны быть достаточно жесткими, чтобы они могли оказать воздействие на крупную корпорацию. Например, максимальные санкции в размере 1 000 000 евро (Германия, Италия), 1 660 000 евро (Словакия) и 700 000 евро (Австрия) являлись недостаточными по мнению Рабочей группы ОЭСР по взяточничеству, тогда как максимальные уголовные санкции в размере 16 000 000 евро (Эстония) и 10 000 000 евро (Бельгия) были признаны достаточными. Необходимо помнить, что в обоих упомянутых выше случаях (Эстония, Бельгия) также предусматривались конфискация взятки и полученных с помощью ее доходов. В постсоветских странах минимальные штрафы варьируются от 38 евро (Литва) до 1 000 евро (Грузия) и максимальные – от 21 000 евро (Молдова) до 36 000 000 евро (Латвия).

Представляется, что лучше всего устанавливать размер штрафа пропорционально к размеру взятки, нанесенному ущербу или другому показателю (например, пропорционально обороту компании). Возможно также сочетать фиксированные и пропорциональные штрафы.

Весьма прогрессивным является включение в УК КР в перечень применяемых к юридическим лицам мер различных ограничений прав. Это отвечает передовой мировой практике. Однако, стоило бы установить случаи, когда такие ограничения применяются в обязательном порядке (например, если преступление было связано с участием в процедурах закупок, то должно применяться ограничение на участие в закупках в будущем).

Кроме того, стоит отметить слишком широкую дискрецию суда в вопросе применения принудительных мер уголовно-правового воздействия. Это касается как видов мер, которые могут быть применены, так и применения отдельных из них, например, ликвидации юридического лица (формулировка «тяжесть совершенного деяния делает невозможным сохранение и дальнейшее функционирование данного юридического лица» оставляет слишком широкие возможности для толкования). В целом, ликвидация юридического лица должна быть крайней мерой и применяться только в исключительном случае.

Заключение

Согласно международным стандартам и передовой практики, для того чтобы стимулировать юридические лица к предотвращению совершения их работниками коррупционных и иных преступлений, отмеченных в УК КР, законодательство может устанавливать случаи освобождения от ответственности. Если компания внедрила эффективные внутренние меры по предотвращения коррупции (антикоррупционная программа, ответственный за

антикоррупционную работу сотрудник или подразделение, обучение персонала, программы этики и комплаенса и т.д.), то суд может освободить ее от ответственности, посчитав, что компания сделала все необходимое для предотвращения совершения преступления. Исходя из правоприменительной практики, в последующем стоит рассмотреть возможность установления таких положений.

Список цитированных источников

1. Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (ратифицирована Законом КР от 6 августа 2005 года № 128).
2. Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, 17 декабря 1997 года, 2802 U.N.T.S. I-49274.
3. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, 27 января 1999 года, E.T.S. № 173 (вступила в силу 1 декабря 1999 года).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017 года № 20.
5. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017 года № 19.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения принудительных мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц за коррупционные преступления, а также раскрываются особенности производства и исполнения мер в отношении юридических лиц в соответствии с новыми кодексами.

FEATURES OF THE INSTITUTION OF QUASI-CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES FOR CORRUPTION CRIMES IN THE KYRGYZ REPUBLIC

Sayakbaev T.

Keywords: corruption, measures of criminal law, legal entities, the Criminal Code, responsibility, sanctions, crimes, autonomy.

Abstract. The article discusses the features of applying coercive measures of criminal law against legal entities for corruption offenses, as well as reveals the features of the production and enforcement of measures against legal entities in accordance with the new codes.

УДК 347.9:347.962.6 (476)

НАДЛЕЖАЩЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДЕЛ

Скобелев В.П.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; хозяйственное судопроизводства; судьи; коррупционные риски; злоупотребление властными полномочиями; недостатки правового регулирования.

Введение

Коррупции подвержены абсолютно любые сферы человеческой деятельности. Гражданское и хозяйственное судопроизводство не составляют в этом плане исключения, о чем свидетельствуют факты отстранения судей от должности [1] и даже осуждения их за коррупционные преступления [2, с. 9; 3, с. 11]. Для борьбы с коррупций в области судопроизводства могут использоваться все предусмотренные ч.1 ст. 5 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» меры, однако особое внимание хотелось бы обратить на те из них, что закреплены в абз.4, 14 – это обеспечение правовой регламентации деятельности государственных органов и проведение в установленном порядке криминологической экспертизы проектов правовых актов. Данные меры предполагают такой качественный уровень регулирования законодателем процессуальных отношений, который исключал бы или существенно минимизировал возможности для злоупотребления судьями своими властными полномочиями. К сожалению, действующее процессуальное законодательство пока еще не отвечает этим требованиям и в силу имеющихся в нем изъянов (пробелов, коллизий, «резиновых» норм и пр.) создает немалое число коррупционных рисков.

Основная часть

Распределение дел между судами. Распределение гражданских и экономических дел между судебными органами внутри системы судов общей юрисдикции осуществляется правилами о подсудности. В целом, данные правила закрепляют довольно четкие критерии распределения дел. Вместе с тем, там присутствуют и нормы с полностью неопределенной (или недостаточно определенной) гипотезой. Так, согласно ч. 1 ст. 44 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) областные, Минский городской суды вправе изъять любое гражданское дело из районного (городского) суда, находящегося на территории соответствующей области, города Минска, и принять его к своему производству в качестве суда первой инстанции. Идентичное полномочие, но уже применительно к высшей судебной инстанции предусматривает ч. 1 ст. 45 ГПК: Верховный Суд Республики Беларусь вправе изъять любое гражданское дело из любого суда общей юрисдикции и принять его к своему производству в качестве суда первой инстанции. Такое же право Верховному Суду предоставлено ч. 3 ст. 48 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) и в отношении экономических дел.

Как видим, условия для реализации вышестоящими судебными инстанциями названных полномочий ГПК и ХПК не определены, что потенциально может спровоцировать злоупотребления, в том числе и коррупционной направленности. Правда, в свое время Пленумом Верховного Суда в п. 23 постановления от 28 июня 2002 г. № 4 «О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса, регулирующих производство дел в кассационном порядке» (к настоящему моменту оно утратило силу) было разъяснено, что при отмене решения в кассационном порядке вышестоящий суд вправе принять дело к своему производству в качестве суда первой инстанции в связи со сложностью дела или по другим основаниям, а если решение отменяется повторно, то дело, как правило, принимается к производству вышестоящего суда. Однако подобного регулирования (тем более подзаконного) недостаточно, к тому же не

исключено, что дело может быть принято к производству вышестоящей инстанцией после отмены решения именно для того, чтобы обеспечить вынесение по делу «нужного» решения.

Помимо этого, нормы ч. 1 ст. 44, ч. 1 ст. 45 ГПК, ч. 3 ст. 48 ХПК страдают и другими недостатками: не определяют конкретных должностных лиц (или орган) суда, в чью компетенцию входит принятие соответствующего решения, не указывают на порядок оформления такого решения, не закрепляют возможность его обжалования заинтересованными лицами. Причем нужно учитывать, что принятие гражданского или экономического дела к производству Верховного Суда автоматически лишает участников судопроизводства права на апелляционное обжалование судебного решения, т.к. решения высший судебной инстанции апелляционному обжалованию (опротестованию) не подлежат (ч. 2 ст. 317, ч. 4 ст. 399 ГПК, ч. 2 ст. 204 ч. 1 ст. 268 ХПК).

В процессуальном законодательстве присутствуют и иные не совсем удачные нормы о передаче дел между судами. Как сказано в ч.1 ст. 52 ГПК, «в отдельных случаях в целях наиболее быстрого и правильного рассмотрения дел, а равно в целях наилучшего обеспечения воспитательной роли судебного разбирательства дело до начала его рассмотрения в судебном заседании может быть передано из одного суда, которому оно подсудно, в другой», решение вопроса о передаче дел отнесено к ведению председателей вышестоящих судов и их заместителей (ч. 2, 3 ст. 52 ГПК). Данные правила по сравнению с ч. 1 ст. 44, ч. 1 ст. 45 ГПК отличаются большей конкретикой – указывают на субъекта принятия соответствующих решений и даже закрепляют критерии для передачи дел. Однако эти критерии все-таки весьма расплывчаты и потому способны привести к злоупотреблениям, особенно, если учесть, что заинтересованные лица никакого влияния на принимаемые председателями вышестоящих судов (их заместителями) решения оказать не могут. Очевидно, по инициативе Верховного Суда между судами могут передаваться и экономические дела, что вытекает из содержащейся в ч.3 ст. 48 ХПК фразы (кстати, тоже очень неопределенной) о том, что высшая судебная инстанция «имеет право дополнительно определять подсудность дел».

Инициатором передачи дела может выступать и тот суд, в который оно поступило (ст. 51 ГПК, ст. 53 ХПК). Существенных нареканий в плане предупреждения коррупционных рисков положения этих статей не вызывают, кроме п. 1 ч. 2 ст. 51 ГПК: суд передает дело на рассмотрение другого суда, если «оно будет более быстро, полно и всесторонне рассмотрено в другом суде». Полагаем, что эта норма предоставляет суду неоправданно широкие дискреционные полномочия со всеми вытекающими отсюда потенциальными последствиями негативного плана. Более предпочтительным в этом отношении является правило абз.5 ч.2 ст. 53 ХПК: дело подлежит передаче в другой суд, если «обе стороны заявили ходатайство о рассмотрении дела судом, рассматривающим экономические дела, по месту нахождения большинства доказательств».

Распределение дел между судьями. Что касается распределения гражданских дел между судьями одного судебного органа, то в ГПК на этот счет какие-либо указания отсутствуют. На практике фактически сложился порядок, согласно которому распределение дел осуществляется председателем суда путем учинения резолюции с указанием исполнителя на поступившем в суд

процессуальном документе (данная практика легализована п. 70 Инструкции по делопроизводству в районных (городских) судах Республики Беларусь, утвержденной приказом Верховного Суда Республики Беларусь от 20 сентября 2018 г. №74).

Более подробно данный вопрос урегулирован в хозяйственном процессе. В соответствии с ч.1 ст. 29 ХПК состав суда формируется «с учетом нагрузки и специализации судей … в порядке, исключающем влияние на его формирование лиц, заинтересованных в исходе дела», причем по решению председателя суда или его заместителя дело может быть рассмотрено в коллегиальном составе. Но в реальности выбор судьи (судей) для рассмотрения конкретного дела здесь, как и в гражданском процессе, производится тоже по усмотрению председателя суда или его заместителя, о чем прямо говорит п. 127 Инструкции по делопроизводству в экономических судах областей (города Минска) Республики Беларусь, утвержденной приказом Верховного Суда Республики Беларусь от 20 сентября 2018 г. №74.

Безусловно, порядок распределения дел между судьями на основании административного усмотрения руководителя суда имеет свои плюсы (позволяет учесть специализацию судей, их опыт и т.д.). Однако вместе с тем он таит в себе и немалые коррупционные риски: таким образом для рассмотрения дела всегда можно назначить «удобного» судью. В свете сказанного считаем, что пришло время задуматься над введением в судах автоматизированной системы распределения дел (посредством специальных компьютерных программ), которая действует во многих странах мира, в том числе в Украине [4, с. 60], Казахстане [5, с. 31]. Правда, учитывая позицию функционеров судебной системы, сложно надеяться на скорые подвижки в этом направлении. Проводя сравнение с мировой практикой распределения дел между судьями, В.Л. Калинкович отмечал, что «у нас подход к распределению дел с учетом их объема, сложности и предметной специализации имеет ряд преимуществ, поскольку при разумном и взвешенном подходе позволяет распределять нагрузку более равномерно и планово» [6, с. 7].

В целях предупреждения коррупции полагаем, что необходимо также регламентировать вопросы замены судей в ходе процессов (для иных, помимо заявления отводов, случаев). В ГПК на этот счет никаких предписаний нет. Очевидно, в том числе по этой причине в судебной практике «получили широкое распространение новые, не предусмотренные законом основания для длительных перерывов и отложений. Такие, в частности, как нахождение судей на учебе, в отпусках, отсутствие по болезни» [2, с. 6].

В хозяйственном процессе определенные правила имеются. Так, согласно ч. 4 ст. 29 ХПК председатель суда или его заместитель «вправе заменить судью (судей) суда, рассматривающего экономические дела, при его длительном отсутствии. О замене судьи (судей) выносится определение». Тем не менее, подобного регулирования недостаточно, поскольку, во-первых, замена судьи является правом, а не обязанностью председателя суда (его заместителя); во-вторых, фраза «его длительном отсутствии» имеет достаточно абстрактный и не совсем точный характер (не вполне понятно, о длительном отсутствии судьи в каком месте идет речь – в стране, по месту жительства, по месту работы и т.п.); в-третьих, не предусмотрена возможность обжалования определения о замене судьи.

Любопытно отметить, что еще в Статуте Великого княжества Литовского 1588 г. все вопросы, связанные с заменой должностных лиц суда (при их отсутствии и т.п.), были вполне успешно решены, и этот опыт в настоящее время было бы целесообразно позаимствовать [7, с. 213]. Требуют регламентации этих вопросов и международные стандарты в области правосудия. Так, Рекомендация № Rec(94)12 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о независимости, эффективности и роли судей гласит, что дело не может быть отозвано у того или иного судьи без веских оснований, каковыми являются, например, серьезная болезнь или конфликт интересов; такие основания и процедуры отзыва должны предусматриваться законом и не зависеть от интересов правительства или администрации. Помимо этого, данная рекомендация также предписывает осуществлять распределение дел между судьями с помощью жеребьевки, автоматической системы или другим аналогичным образом.

Судебные извещения. Часть 2 ст. 143 ГПК оговаривает возможность извещения участников судопроизводства с помощью СМС-сообщений, факсимильной связи, а также электронной почты. Аналогичные правила закреплены и в ч.2 ст. 140 ХПК с той лишь разницей, что СМС-сообщения там прямо не упомянуты, хотя достаточно активно применяются судами экономической компетенции. Представители судебной системы считают, что использование названных средств коммуникаций позволяет обеспечить надлежащее извещение участников судопроизводства, отстаивая при этом мнение о необходимости их как можно более широкого использования [8; 9], причем Верховным Судом в свое время даже было издано специально разъяснение по поводу правомерности применения СМС-сообщений для целей извещения участников процессов [10].

Однако, на наш взгляд, при направлении СМС-сообщения в лучшем случае можно установить лишь то, что оно было доставлено на определенный аппарат мобильной связи. Но было ли оно прочитано, причем прочитано надлежащим лицом, остается неизвестным. Причиной непрочтения СМС-сообщения адресатом могут быть самые разные жизненные обстоятельства: адресат может не заметить новое СМС-сообщение; СМС-сообщение может быть случайно помечено адресатом как прочитанное; СМС-сообщение до его прочтения может быть случайно удалено владельцем телефона или иными лицами; СМС-сообщение может прочитать кто-то из членов семьи (например, маленькие дети) и не сообщить о нем адресату; мобильный телефон может быть утерян, похищен, забыт у знакомых, передан в длительное или постоянное пользование кому-нибудь из родственников и т.д. При использовании же факсимильной связи и электронной почты отправитель сообщения не получает информации даже о том, было ли оно доставлено и доставлено в неизмененном виде (конечно, если адресат сообщения тем или иным образом не подтвердил его получение). Таким образом, современные средства связи не гарантируют надлежащего извещения участников судопроизводства [11, с. 184], а значит, их использование таит в себе определенный потенциал для злоупотреблений, в том числе и со стороны должностных лиц судов.

Доказывание и доказательства. В гражданском процессе коррупционные риски в области доказывания и доказательств в основном связаны с тем, что соответствующие нормы или изложены недостаточно четко, или вообще не

регулируют определенные процессуальные ситуации, тем самым расширяя пределы дискреционного усмотрения суда и создавая условия для коррупционных проявлений. Например, ч. 2 ст. 178 ГПК закрепляет неисчерпывающий перечень средств доказывания, относя к ним «также другие носители информации, если с их помощью можно получить сведения о фактах, имеющих значение для правильного разрешения дела». Подразумеваются под этими иными носителями информации только те средства, что названы в § 6 «Другие средства доказывания» главы 22 ГПК – звуко-, видеозаписи, протоколы определенных процессуальных действий и пр., или нечто еще, остается неясным.

По ряду категорий дел (трудовые, жилищные, семейные и др.) суды на практике занимают по вопросам доказывания и доказательств более активную позицию – осуществляют собирание доказательств по собственной инициативе, однако в ГПК какие-либо предписания на этот счет отсутствуют. Не дает ГПК четкого ответа и на вопрос, вправе ли суд по своей инициативе (независимо от категории дела) назначать экспертизу. В хозяйственном же процессе имеет место другая крайность: нормы ч. 8 ст. 84, ч.7 ст. 100 ХПК предоставляют судам экономической компетенции фактически неограниченные полномочия по инициативному собиранию доказательств.

Судебные постановления. Основная масса коррупционных рисков здесь обусловлена тем, что и по гражданским, и по экономическим делам законодательство допускает в качестве общего правила вынесение судами немотивированных решений: мотивировочная часть судебных решений составляется только в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 112, ч.1 ст. 305 ГПК, ч. 5 ст. 193 ХПК. В хозяйственном процессе ситуацию несколько смягчает норма ч. 14 ст. 193 ХПК, которая предписывает суду при отсутствии в решении мотивировочной части включать в описательную часть решения указание на установленные судом обстоятельств дела и ссылки на примененные акты законодательства.

В ГПК нормы, аналогичной ч. 14 ст. 193 ХПК, нет. Лишь в ч. 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. №10 «О решении суда первой инстанции» можно найти положение о том, что «если в силу закона решение выносится без мотивировочной части, то после изложения его описательной части следует указать, какими нормами материального и процессуального права руководствовался суд при разрешении спора». Правда, ч. 2 ст. 311 ГПК обязывает суд при отсутствии в решении мотивировочной части излагать устное обоснование решения, хотя его правовая природа (и вообще допустимость существования) является очень спорной. Например, в ч.1 п.20 названного выше постановления Пленума Верховного Суда разъяснено, что «изложение устного обоснования решением не является».

Таким образом, судьи освобождены от необходимости делать письменный анализ (оценку) имеющихся в деле доказательств, а по гражданским делам – также и от обязанности отражать в решении установленные факты. Подобное положение вещей способно привести не только к злоупотреблениям, но и просто к непроизвольным ошибкам со стороны судей, поскольку составление полноценной мотивировочной части решения является важным средством самоконтроля и мобилизации судей, и данного средства они в настоящее время лишены. Не решают проблемы и нормы о возможности составления мотивировочной части уже после вынесения решения (п.1, 2 ч.1 ст. 305 ГПК,

абз.6, 9 ч.5 ст. 193 ХПК), т.к. в этих случаях мотивировочная часть может быть просто «подогнана» под содержание уже имеющейся резолютивной части решения.

Пересмотр судебных постановлений. Главные нарекания в контексте борьбы с коррупций вызывает существующая в гражданском и хозяйственном процессах надзорная форма пересмотра судебных постановлений. Во-первых, в надзорном производстве имеет место смешение процессуальных функций осуществления правосудия и обращения за судебной защитой, поскольку должностные лиц судов (ст. 439 ГПК, ст. 301 ХПК) обладают полномочиями инициировать путем принесения протестов возбуждение надзорного производства. Причем ситуация усугубляется еще тем обстоятельством, что приносящее протест должностное лицо нередко является членом суда надзорной инстанции, куда протест адресован. Например, председатель областного суда, приносящий протест в президиум областного суда, является членом этого президиума. Во-вторых, в гражданском процессе должностные лица судов и органов прокуратуры, уполномоченные на принесение надзорных протестов, имеют неограниченные возможности инициировать возбуждение надзорного производства по собственной инициативе, причем никаких пресекательных сроков (истекших с момента вступления судебного постановления в законную силу) для реализации этой инициативы не установлено.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что в целях снижения уровня коррупционных рисков при рассмотрении гражданских и экономических дел в процессуальное законодательство необходимо внести следующие корректировки:

– лишить вышестоящие судебные инстанции права изымать дела из нижестоящих судов, а также передавать дела из одного нижестоящего суда в другой;

– урегулировать порядок распределения между судьями поступающих в суды дел и порядок замены судей по ходу процессов;

– ограничить применение СМС-сообщений, факсимильной связи, электронной почты для целей извещения участников судопроизводства, в том числе предусмотреть, что данные средства связи могут использоваться только при наличии на то согласия заинтересованных лиц;

– устранить имеющиеся в ГПК и ХПК пробелы и коллизии в регулировании вопросов доказывания и доказательств;

– по возможности вернуться к составлению полноценной мотивировочной части по всем гражданским и экономическим делам;

– изъять у должностных лиц судов полномочия по инициированию пересмотра судебных постановлений в порядке надзора, а в гражданском процессе, кроме того, установить пресекательный срок для принесения надзорных протестов должностными лицами прокуратуры.

Список цитированных источников

1. Инициатором отстранения судей от должности выступил Верховный Суд [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: http://news.tut.by/society/455548.html. – Дата доступа: 12.09.2019.

2. Сукало, В. Пути совершенствования судебной системы Республики Беларусь / В. Сукало // Судовы веснік. – 2014. – №1. – С. 5–10.

3. Сукало, В. Судебная система в новом качестве: итоги работы, проблемы и задачи на перспективу / В. Сукало // Судовы веснік. – 2015. – №1. – С. 4–11.

4. Дубровин, Е. Суды общей юрисдикции в Украине / Е. Дубровин, И. Мартинович // Юстиция Беларуси. – 2012. – №3. – С. 57–60.

5. Любецкая, С. Судебное администрирование как одна из форм совершенствования системы судопроизводства в Республике Беларусь / С. Любецкая // Судовы веснік. – 2013. – №4. – С. 29–31.

6. Калинкович, В. Руководитель суда в современных условиях / В. Калинкович // Судовы веснік. – 2015. – №3. – С. 3–8.

7. Скобелев, В. П. Статут Великого княжества Литовского 1588 г. и некоторые проблемы современного цивилистического процесса / В. П. Скобелев // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання: зб. навук. арт. па матэрыялах канф. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: С.А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2018. – С. 211–214.

8. Интервью В. Л. Калинковича информационному агентству «БелТА» [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: http://court.by/justice/press_office/c4bad741592d426b.html. – Дата доступа: 12.09.2019.

9. Алещенко, А. В. Использование современных средств коммуникации при извещении субъектов гражданского процесса / А. В. Алещенко // Актуальные вопросы развития правовой информатизации в условиях формирования информационного общества: сб. науч. ст. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; под общ. ред. Е.И. Коваленко. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. – С. 90–97.

10. Извещение участников процесса о времени и месте судебного разбирательства посредством СМС соответствует закону [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/sup_court/boards/civil/publ/eb6336d0bf66e88f.html. – Дата доступа: 12.09.2019.

11. Скобелев, В. П. Некоторые вопросы использования информационных технологий в судопроизводстве по гражданским и экономическим делам / В. П. Скобелев // Актуальные вопросы развития правовой информатизации в условиях формирования информационного общества: сб. науч. ст. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; под общ. ред. Е.И. Коваленко. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. – С. 176–187.

Аннотация. В статье анализируются проблемы предупреждения коррупции при рассмотрении гражданских и экономических дел через призму обеспечения надлежащего уровня правового регулирования процессуальных отношений. Показано, что значительные коррупционные риски в судопроизводстве создают недостатки в регулировании следующих процессуальных вопросов: распределение дел между судами и судьями; использование современных средств связи для целей извещения участников судебных разбирательств; доказывание и доказательства; содержание судебных постановлений и их пересмотр в порядке надзора. На основе проведенного исследования предложены меры по совершенствованию процессуального законодательства, которые помогут снизить коррупционные риски в области гражданского и экономического правосудия.

PROPER REGULATION OF PROCEDURAL RELATIONS AS AN IMPORTANT FACTOR IN THE PREVENTION OF CORRUPTION IN CIVIL AND ECONOMIC CASES

Skobelev V.P.

Key words: civil proceedings; economic proceedings; judges; corruption risks; abuse of authority; regulatory weaknesses.

Abstract. The article analyzes the problems of preventing corruption in civil and economic cases through the prism of ensuring the proper level of legal regulation of procedural relations. It is shown that significant corruption risks in legal proceedings create deficiencies in the regulation of the following procedural issues: distribution of cases between courts and judges; the use of modern means of communication for the purpose of notifying trial participants; proof and evidence; content of judicial decisions and their review in the manner of supervision. Based on the study, measures are proposed to improve procedural legislation that will help reduce corruption risks in the field of civil and economic justice.

УДК 343.3

ВЫЯВЛЕНИЕ И НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ФАКТОВ КОРРУПЦИИ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ

Фирсов В.В.

Ключевые слова: Коррупция. Выявление и нейтрализация фактов коррупции. Характерные особенности взаимодействия сотрудников правоохранительных и налоговых органов. Задачи и организация деятельности сотрудников правоохранительных и налоговых органов. Оперативно-розыскные мероприятия. Версии. Раскрытие коррупционных преступлений «по горячим следам». Следственные действия. Генпрокуратура РФ. ФНС РФ.

Введение

Общие задачи в деятельности сотрудников правоохранительных и налоговых органов по выявлению и нейтрализации фактов коррупции вытекают из задач оперативно-розыскной деятельности, закрепленных в ст. 2 Федерального Закона "Об оперативно-розыскной деятельности", принятого Государственной Думой 5 июля 1995 года.

Задачами оперативно-розыскной деятельности являются:

1. Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;
2. Осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших;
3. Добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации [1].

Специальные задачи в деятельности сотрудников правоохранительных и налоговых органов по выявлению и нейтрализации фактов коррупции вытекают из общих задач оперативно-розыскной деятельности и могут быть представлены следующим образом:

1. Выявление фактов коррупции.
2. Нейтрализация фактов коррупции.
3. Противодействие коррупции и коммерческому подкупу.

4. Противодействие преступлениям, связанным со стратегическим сырьем и материалами.

5. Противодействие злоупотреблениям в сфере приватизации и строительства.

6. Противодействие злоупотреблениям при нарушении правил валютных операций и фальшивомонетничеством.

7. Противодействие хищениям в кредитно-банковской сфере и внешнеэкономической деятельности.

8. Возмещение ущерба, причиненного интересам граждан, общества и государства коррупционными правонарушениями.

9. Устранение причин и условий, способствующих фактам коррупции.

Основная часть

Компетенция сотрудников правоохранительных и налоговых органов по выявлению и нейтрализации фактов коррупции предполагает наличие прав и обязанностей у определенного субъекта правоотношений. Применительно к данным сотрудникам правоохранительных и налоговых органов следует отметить тот факт, что права и обязанности регламентируются рядом российских федеральных законов ("О ФСН РФ", "О государственной тайне", "О полиции, "Об оперативно-розыскной деятельности", УПК РФ, "О бухгалтерском учете", "О банковской тайне" и т.д.) и ведомственной нормативно-правовой базой (приказы, наставления и инструкции правоохранительных органов). Следовательно, компетенция сотрудников правоохранительных и налоговых органов носит общеправоохранительный и специфический характер, т.е. права и обязанности, направленные на выявление и нейтрализацию фактов коррупции, узкая специализация деятельности, в зависимости от количественного роста определенных видов коррупционных преступлений, например, криминализация во внешнеэкономической деятельности и в деятельности руководящих работников в финансовой сфере и так далее.

Полномочия сотрудников правоохранительных и налоговых органов могут осуществляться в следующих сферах: оперативно-розыскная деятельность, административная и уголовно-процессуальная, т.е. в зависимости от правовой основы реализуются права и обязанности в строгом соответствии с законом.

Реализация прав и обязанностей сотрудниками аппаратов правоохранительных и налоговых органов взаимосвязана с документированием при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Так, например, данные сотрудники, в том случае, если они являются органом дознания, вправе осуществлять неотложные следственные действия, закрепляя информацию в протоколах (допроса, обыска, осмотра, выемки, освидетельствования) для сбора доказательств при расследовании уголовного дела. Но если указанный работник допросит обвиняемого, что он делать не вправе, то в дальнейшем, в ходе судебного рассмотрения данный протокол не будет иметь доказательного значения. Следовательно, компетенция имеет строгую регламентацию в нормативно-правовой базе и при практическом осуществлении реализации правовых норм сотрудники правоохранительных и налоговых органов, данные сотрудники должны руководствоваться предусмотренными для конкретного вида правоохранительной и налоговой деятельности требованиями (правами и обязанностями) федерального и ведомственного законодательства [2, с. 52].

В своей деятельности сотрудники правоохранительных и налоговых органов, направленной на выявление и нейтрализацию фактов коррупции вправе требовать от граждан и должностных лиц исполнения определенных действий. Данные властные предписания должны быть законными, т.е. отданы при наличии указанных в законе оснований, с соблюдением необходимых процедур и направлены на решение задач оперативно-розыскной деятельности. Невыполнение указаний рассматриваемых нами сотрудников правоохранительных и налоговых подразделений при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий образует составы правонарушений, ответственность за которые определена российским административным и уголовным законодательством. Компетенция регламентируется также международными нормативно-правовыми актами, например, деятельность российских оперативных подразделений по запросам Интерпола и Европола.

Планирование деятельности сотрудников правоохранительных и налоговых органов по выявлению и нейтрализации фактов коррупции – это организация предупреждения, раскрытия и расследования данных преступлений, представляющий собой процесс определения задач оперативного поиска и раскрытия коррупционной деятельности, путей и способов достижения поставленных целей. Планирование включает в себя также определение круга оперативно-розыскных действий, их содержания и тактики, выбор организационно-технических мероприятий, определение сроков и последовательности оперативно-розыскной деятельности.

Принципы планирования – это его реальность, индивидуальность и динамичность, т.е. планирование только возможных в данных условиях действий, учет при планировании индивидуальных особенностей раскрываемого преступления и обслуживаемого объекта [3, с. 34].

Логическую основу планирования составляют оперативные версии. На их базе составляется план расследования - документ, фиксирующий на правления оперативного поиска и раскрытия коррупционных преступлений, обстоятельства, подлежащие выяснению и доказыванию при легализации оперативно-розыскных материалов в доказательства; планируемые оперативно-розыскные мероприятия и следственные (совместные) действия и организационно-технические мероприятия, последовательность и сроки их производства. Составляется в произвольной форме по оперативным версиям, по эпизодам коррупционной деятельности или по лицам, проходящим по оперативно-розыскным материалам. К планированию могут прилагаться вспомогательные документы: схемы связей разрабатываемых лиц, их "лицевые счета" с перечислением эпизодов коррупционной деятельности, в которых они принимали участие [4, с. 12].

В зависимости от круга охватываемых вопросов и направлений планирования, в ходе оперативно-розыскной деятельности составляется:

– общий план раскрытия (расследования) по уголовному делу;

– план проверки и установления полученной информации;

– план оперативной тактической комбинации (операции), предусматривающей фиксирование действий субъектов преступлений и задержание разрабатываемых коррупционеров;

– план проведения оперативно-розыскного мероприятия или отдельного следственного действия.

Реализация деятельности оперативных сотрудников правоохранительных органов по выявлению и нейтрализации фактов коррупции предполагает, в том числе, "эффект взаимодействия", возникающий тогда, когда взаимодействующие стороны для решения общей задачи используют различные приемы, способы, средства и методы индивидуальной работы. Так, оперативные исследования вещественных источников доказательств, с целью установления способа хищения финансовых или налоговых средств, проводят специалисты (финансисты, налоговики, банкиры, аудиторы, ревизоры), и в то же время, с той же целью, и в отношении этих же объектов проводится комплекс оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Содержание взаимодействия - взаимный обмен информации. Полный цикл взаимодействия предполагает обязательную обратную связь – как условие и средство создания должной психологической установки на будущее. Наличие обратной связи позволяет отличить явление взаимодействия от того, что называют "участием". Т.о. под взаимодействием понимают объективную, необходимую, координируемую по времени форме и результатам, согласованную по решаемым промежуточным задачам и конечной цели совместную деятельность сотрудников правоохранительных и налоговых органов по выявлению и нейтрализации фактов коррупции, специалиста и эксперта, т.е. носителей различных процессуальных и профессиональных функций [5, с. 69].

УПК Российской Федерации предусматривает взаимодействие оперативных сотрудников правоохранительных и налоговых органов и следователя СК РФ, МВД РФ, ФСБ РФ лишь по делам, находящимся в производстве предварительного следствия, и лишь в трех основных формах:

– производство органом дознания розыскных и следственных действий по указаниям и поручениям следователя, которые обязательны для исполнения;

– оказание по требованию указанных следователей содействия при производстве отдельных следственных действий, привод обвиняемого;

– уведомление следователя СК РФ, МВД РФ, ФСБ РФ о результатах оперативно-розыскных мер по делу, переданному ему до установления лица, совершившего коррупционную деятельность.

Взаимный своевременный обмен информацией между уполномоченным следователем, оперативным и налоговым работником и координация их совместной деятельности по раскрытию данных преступлений – главное условие взаимодействия в любой его организованной форме. О полученных существенных данных, например, о намерении лиц, осуществляющих коррупционную деятельность уничтожить уличающие их документы, либо перепрятать или сбыть похищенные товарно-материальные ценности, скрыться от следствия и суда, сотрудник правоохранительного или налогового органа информирует взаимодействующего с ним следователя немедленно, поскольку это требует такого же немедленного процессуального реагирования.

Существует универсальная организационная форма взаимодействия, которая применяется при расследовании фактов коррупции и является достаточно эффективной на каждом этапе производства по уголовному делу. Такой формой является оперативно-следственная группа, преимущества которой в том, что:

– обеспечивается ее стабильный состав, т.к. при расследовании сложных уголовных дел по фактам коррупции ознакомление нового работника отнимает много времени и сил;

– создаются реальные возможности для разработки единых планов согласованных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;

– скорейшее закрепление процессуальным путем полученных при проведении ОРД данных, эффективность группового метода расследования.

Организационное построение службы сотрудников правоохранительных и налоговых органов по выявлению и нейтрализации фактов коррупции основывается на том, что данные подразделения построены по иерархическому принципу, т.е. системы, имеющей несколько уровней [6, с. 133]. Так, например, в систему аппаратов ФНС РФ входят: ФНС Российской Федерации; УФНС субъектов, входящих в состав РФ, городов Москва, Санкт-Петербург, Севастополь; Отделы ФНС РФ в составе специализированных структур налоговых органов.

Целесообразно оговорить тот факт, что сотрудники правоохранительных и налоговых органов по выявлению и нейтрализации фактов коррупции имеют двойное подчинение: с одной стороны - по горизонтали, они подчиняются руководству правоохранительных и налоговых органов, в составе которых входят данные аппараты, с другой стороны – по вертикали, данные сотрудники подчиняются вышестоящим правоохранительным и налоговым аппаратам.

В зависимости от оперативной обстановки и фактического наличия сил и средств в деятельности сотрудников правоохранительных и налоговых органов по выявлению и нейтрализации фактов коррупции могут использоваться зональный, линейный, (предметный) или смешанный зонально-линейный (зонально-предметный) принципы.

Наиболее предпочтительно использовать в организации работы смешанный зонально-линейный принцип. В этом случае часть сотрудников данных подразделений осуществляет работу по выполнению стоящих перед ними задач на закрепленных за ними зонах (участках), а другая часть специализируется в выявлении, раскрытии, предупреждении и пресечении преступлений определенных видов, например, фактов коррупции.

Практикуется и такая организация работы, когда закрепленным за конкретными зонами сотрудникам поручают решение задач по отдельным видам преступлений (частичная специализация) с соответствующим сокращением нагрузки по закрепленной зоне или даже с временной передачей работы на закрепленном участке другим сотрудникам подразделений правоохранительных и налоговых органов. Так, например, данные принципы используются всеми подразделениями криминальной полиции [7, с. 205].

Структура аппаратов правоохранительных и налоговых органов по выявлению и нейтрализации фактов коррупции регламентирована ведомственными приказами и инструкциями субъектов РФ, а также городов Москва, Санкт-Петербург и Севастополь.

На основании данных приказов, на уровне субъектов РФ и городов республиканского значения правоохранительные и налоговые аппараты имеют соответствующую специализацию [8, с. 301]. Так, например в ГУ МВД РФ по г. Москва, г. Санкт-Петербург и Ленинградской области, по г. Севастополь для выявления и нейтрализации фактов коррупции созданы следующие отделы:

– организационно-аналитический отдел, включает работу по планированию и контролю исполнения;

– отдел по противодействию коррупции;

– отдел по борьбе со злоупотреблениями на потребительском рынке;

– отдел по борьбе со злоупотреблениями со стратегическим сырьем и материалами;

– отдел по борьбе со злоупотреблениями в сфере приватизации, строительства, ведомственного транспорта;

– отдел по борьбе со злоупотреблениями в государственных бюджетных организациях и фондах;

– отдел по борьбе со злоупотреблениями при нарушении правил валютных операций;

– отдел по борьбе с хищениями в кредитно-банковской сфере, включая внешнеэкономическую деятельность;

– Областной отдел, включающий методическую помощь.

Заключение

В соответствии с ведомственной нормативно-правовой базой, регламентирующей международно-правовое противодействие коррупции, включая деятельность сотрудников правоохранительных и налоговых органов по выявлению и нейтрализации рассматриваемых фактов, в данном направлении, с учетом оперативно-значимой информации, ежедневно осуществляется и анализируется руководством данных служб специальный антикоррупционный финансовый мониторинг [9, с. 35].

На сегодняшний день экономическая преступность создает угрозу экономической безопасности России. В ряде случаев на материально-ответственные должности на предприятиях, учреждениях и организациях различных форм собственности, в том числе, и в сфере крупного бизнеса, принимают лиц, ранее судимых. Предрасположенность к коррупции для лиц с устойчивой установкой на обогащение – привычное занятие, имеющее нередко богатый криминальный стаж [10, с. 12.], данная категория служащих, создающих условия, для совершения коррупции, должна быть под постоянным контролем, не только руководства национальных правоохранительных и налоговых органов, но и группы государств по борьбе с коррупцией ГРЕКО.

Список цитированных источников

1. В ред. Федерального закона от 03.11.2015 г. №303-ФЗ.

2. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы: Указ Президента РФ, 29.06.2018, № 378.

3. Национальный план противодействия коррупции – системный документ программного характера, направленный на борьбу с коррупцией и её предупреждение, утверждаемый Президентом РФ сроком на два года. Впервые утверждён Президентом РФ Д. А. Медведевым 31 июля 2008 г. Выпускался 5 раз - в 2008, 2010, 2012, 2014 и 2016 г. Действующим на данный момент является Национальный план противодействия коррупции на 2018-2020 годы, утвержденный Президентом РФ В.В. Путиным 29 июня 2018 г. См.: http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-13702.

4. См.: Рекомендации Группы государств по противодействию коррупции (ГРЕКО) – это международная организация, созданная Советом Европы в 1999 году.

5. Кириленко, В. П. Коррупция и государство. "Черная дыра" экономики России / В.П. Кириленко, Р. В. Дронов. – Санкт-Петербург: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – 480 с.

6. Официальный сайт группы государств по противодействию коррупции (ГРЕКО). Официальный сайт Совета Европы: t/t/dc/files/themes/Greco/default_ru.asp.

7. Американская Ассоциация Юристов. Совместный проект по оказанию методического содействия российским судам и правоохранительным ведомствам в борьбе с организованной и экономической преступностью. – М.: Представительство ААЮ, 2017.

8. Решение Коллегии ФНС РФ от 14.06.2019 г. № 8.

9. Кириленко, В. П. Международно-правовое противодействие коррупции на современном этапе / В. П. Кириленко, В. В. Фирсов // Управленческое консультирование. – 2013. – № 6 (54). – С. 32-39.

10. Доклад Руководителя РНЦБ Интерпола генерал-майора полиции Прокопчук Александра Васильевича на 47-й Европейской региональной конференции Интерпола 29 мая 2019 года, в г. Катовица (Польша).

Аннотация. В статье рассматривается специфика выявления и нейтрализации фактов коррупции, требующая особого внимания со стороны всего мирового сообщества и являющаяся одними из важных направлений политики каждого государства, уважающего права и свободы граждан и защищающего эти права правовыми средствами.

IDENTIFICATION AND NEUTRALIZATION OF THE FACTS OF CORRUPTION EMPLOYEES LAW ENFORCEMENT AND TAX AUTHORITIES

Firsov V.V.

Key words: corruption. Identification and neutralization of corruption. Characteristic features of the interaction of law enforcement and tax authorities. Tasks and organization of activities of law enforcement and tax authorities. Search operations. Versions. Disclosure of corruption crimes "in hot pursuit." Investigative actions. Prosecutor General of the Russian Federation. Federal Tax Service of the Russian Federation.

Abstract. The article discusses the specifics of revealing and neutralizing the facts of corruption, which requires special attention from the entire international community and is one of the important directions of the policy of every state that respects the rights and freedoms of citizens and protects these rights by legal means.

УДК 343.53

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Харчейкина Ю.В.

Ключевые слова: электронное правительство, коррупционные преступления, противодействие коррупции, информационная безопасность, киберпреступность, информационно-коммуникационные технологии, компьютерная информация.

Введение

Беларусь взяла курс на ускоренную информатизацию [1]. По оценке Международного союза электросвязи республика на систематической основе развивает инфраструктуру информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), делает ее доступной для населения в ценовом отношении, что

создает благоприятные условия для внедрения новых цифровых услуг. В результате наша страна является одним из региональных лидеров в области развития ИКТ [2].

К приоритетной сфере применения информационных технологий относится государственное управление. Правительства во всем мире все чаще предоставляют услуги в электронном виде, поскольку это признано экономически эффективным и действенным. Термины «электронное (цифровое) государство», «электронное (цифровое) правительство», «электронное государственное управление» прочно вошли в повседневную жизнь общества.

В 2018 году Республика Беларусь заняла 38-е место из 193 стран в международном рейтинге по индексу развития электронного правительства, переместившись на 11 позиций вверх по сравнению с результатами 2016 года [3]. По состоянию на 1 января 2019 г. в республике реализовано 97 видов электронных услуг и 36 видов административных процедур, интегрировано 25 информационных ресурсов [4]. Значительная часть межведомственного документооборота переведена в электронную форму. К концу 2020 года планируется 75 % административных процедур перевести в электронный формат на основе использования общегосударственной автоматизированной информационной системы [1].

Тематические исследования показывают, что электронная доставка услуг и иные электронно-сетевые общественные блага являются эффективным инструментом сокращения коррупционных проявлений. Антикоррупционный потенциал электронного правительства широко признается как в научных разработках, так и в политическом дискурсе [5, с. 102]. Однако важно не переоценить роль технологии в жизни общества. Сама по себе цифровая трансформация не может стать панацеей от коррупции.

Основная часть

Предоставление доступа к информации и услугам с применением ИКТ, инновационные методы электронного управления, несомненно, повышают транспарентность, подотчетность, доверие и участие общественности в государственных процессах, позволяют ограничить возможность должностного усмотрения при принятии решений и совершении юридически значимых действий, минимизируют личный контакт между гражданином и должностным лицом, что серьезно сужает возможности традиционных коррупционных действий. Вместе с тем та же электронная среда представляет собой большую опасность. Трансформация социума в информационное общество порождает новые риски, вызовы и угрозы [6], создает новые возможности для коррупции, ведет к ее видоизменению, переходу в другие сферы и появлению уникальных, ранее неизвестных форм коррупционного поведения. Коррупционеры тоже могут принимать на вооружение «высокие технологии».

Ряд исследователей даже говорит о таком феномене, как «электронная коррупция» («е-коррупция» («e-corruption»), «цифровая коррупция», «компьютерная коррупция», «киберкоррупция» или «коррупционная киберпреступность»), под которой понимаются злоупотребления органов государственной власти или государственных служащих вверенными полномочиями в личных целях с использованием ИКТ [5, с. 114; 7, с. 9–13; 8; 9].

По мнению Д.Н. Мухамадиевой, «электронная коррупция» заключается в «превышении госслужащими их полномочий в ходе работы

с информационными системами и электронным правительством» [7, с. 10]. В.А. Уткин и Е.В. Уткина рассматривают такой симбиоз киберпреступлений и коррупционных преступлений как использование при совершении последних информационных технологий в качестве орудия преступления [10].

«Электронная коррупция» может проявляться во многих отношениях и различных формах. Известны манипуляции с тендерами и открытыми аукционами, проводимыми в электронном виде, к примеру, когда в тексте заявки заменялись отдельные русские буквы алфавита на аналогичные латинские, чтобы потенциальный конкурент не смог принять участие в конкурсе [11].

В мировой практике описаны случаи перевода банковскими служащими денежных средств с бездействующих счетов на счета иных лиц с целью получения последними иностранных виз, одним из условий выдачи которых является наличие на счете заявителя определенной суммы. После выполнения визовых требований средства возвращались на счета владельцев [9].

В средствах массовой информации приводился пример манипуляций с цифровой системой государственного и муниципального управления «Smart City». Так, через реализованный в Украине веб-сервис «Общественный проект», нацеленный на удовлетворение общественного запроса, каждый киевлянин мог предложить свой проект развития города стоимостью не более 1 млн. гривен. Выбор подлежащего реализации и финансированию проекта осуществлялся путем открытого голосования на сайте. Однако подобное привлечение к управлению общественности не исключило организации должностными лицами с помощью мошеннических технологий участия в голосовании за «нужный» проект несуществующих пользователей (ботов), в результате чего денежные средства переводились на «нужные» счета. Таким образом, посредством новейших цифровых технологий, по сути, возможно построение старого бизнеса по выводу государственных средств и продвижению нужных компаний [12].

Первый приговор физическому лицу на основании Закона Великобритании 2010 года о взяточничестве был вынесен в отношении служащего, который, работая в лондонском суде, за 500 фунтов стерлингов не вносил в судебную базу данных сведения о превышении скорости. Тем самым он помог уйти от ответственности как минимум 53 нарушителям, получив взятки на общую сумму не менее 20 тыс. фунтов стерлингов [13, с. 171].

В целях выработки эффективных мер противодействия рассматриваемому явлению необходимо определить его характерные черты и факторы, способствующие развитию.

Появление новых форм коррупционных практик связано, прежде всего, с основным свойством, присущим процессам, получившим название «электронное правительство», – возрастающей взаимосвязанностью и взаимообусловленностью управленческих и информационных отношений. Информация становится стратегическим ресурсом государственного управления.

Достижения в области технологий привели к кардинальному увеличению количества информации, беспрецедентно быстрому доступу к колоссальным объемам данных, сокращению сроков и затрат на их получение и обработку. Современные административно-управленческие процессы сопряжены с созданием разнообразных централизованных компьютерных баз и банков данных, реестров, кадастров, регистров, аккумулирующих всевозможные

сведения об имуществе, юридических лицах, отдельных категориях населения, населении в целом (к примеру, единый информационный архив пациентов, единая система идентификации физических и юридических лиц, банк данных социальных выплат, автоматизированная система «Паспорт», единый государственный регистр недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, единая электронная система учета нотариальных действий и наследственных дел и многие другие).

Однако максимальное внедрение технологий сбора и обработки больших массивов данных создает новые уязвимости для «взлома и манипулирования ими в масштабе, просто невозможном в бумажном правительстве» [8], что требует реакции государства.

Серьезную общественную опасность представляет незаконный оборот персональных данных, находящихся в базах данных уполномоченных организаций и органов. Как указано в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 (далее – Концепция информационной безопасности Республики Беларусь), множественные угрозы и риски незаконного и необоснованного вмешательства в частную жизнь граждан, похищение персональных данных, компрометация реквизитов доступа и избыточное профилирование сужают личное пространство человека и нарушают его приватность.

Новый круг общественных отношений, сформировавшийся в процессе жизнедеятельности государства, а именно законный оборот широкого спектра охраняемой информации, требует повышенного внимания и особой защиты. Следует согласиться с Л.А. Букалеровой, что неконтролируемое распространение указанных видов информации может причинить существенный вред интересам государства, общества, личности. Сведения могут быть использованы при совершении различных, в том числе тяжких и особо тяжких преступлений [14, с. 277, 437]. Раскрытие личной информации стало неотъемлемым атрибутом корыстных преступлений и преступлений против личности [6].

Так, приговором суда Октябрьского района г. Витебска от 3 января 2018 г. по ч. 2 ст. 426 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) осужден сотрудник органов внутренних дел. Он признан виновным в том, что по просьбе своего знакомого, желая оказать ему помощь в истребовании денежного долга, без какой-либо служебной надобности из корыстной заинтересованности за обещанное вознаграждение, используя предоставленный ему удаленный доступ к информации, содержащейся в информационных ресурсах Министерства внутренних дел, получил сведения о персональных данных, привлечении к ответственности и регистрации транспортного средства в отношении должника и членов его семьи, использовав впоследствии данную информацию для оказания на него давления [15].

Циркулирование информации подвержено коррупционным рискам, поскольку сама информация превращается в высоколиквидный товар, имеющий свою стоимость. Формируется нелегальный рынок баз и банков данных, спрос на которые обуславливает похищение информационных массивов [6]. При этом, как показывают некоторые исследования, зачастую самым опасным для организаций становятся не внешние угрозы, а внутренние, исходящие от сотрудников.

Информацию не требуется изымать, чтобы стать ее владельцем, иногда достаточно простого ознакомления с ней или копирования. Современные технологии позволяют мгновенно и бесконтрольно ее передать, что значительно усложняет установление ее неправомерного использования и выявление источника ущерба от незаконного ознакомления с ней иных лиц [16, с. 163]. Принимая во внимание одно из главных отличительных свойств информации – ее нематериальность, достаточно трудно на практике обнаружить ее «утечку». Поэтому, пишет Л.А. Букалерова, информация становится одним из распространенных средств совершения и предметов коррупционных преступлений [14, с. 439].

В условиях усложняющейся информационно-цифровой реальности коррупция уже не всегда предполагает материальный обмен. По мнению А.В. Николаева, в информационном обществе коррупция все чаще – это информационная услуга. Происходит переход от механического коррупционного обмена к информационному, формируется «информационно-коррупционное пространство» [17, с. 177–178].

Н.Ф. Кузнецова говорит о наличии «информационного взяточничества» в СМИ и Интернете, обеспечивающих нередко по заказу «черный» или «белый» пиар [18, с. 165].

Появление новых форм коррупции В.В. Солодов связывает также с возникшей «асимметрией информации между специалистами в области информационных технологий и остальными служащими». В результате происходит не столько снижение коррупции, сколько вытеснение служащих, не владеющих в совершенстве навыками работы с компьютерами, с коррупционных рынков. Пробелы, ошибки компьютерных систем, непредусмотренные возможности, сознательное создание «лазеек» – все это может быть источником коррупции со стороны IT-персонала [5, с. 114–115].

В Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, которая представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности в информационной сфере, преднамеренные действия и ошибки персонала информационных систем, выражающиеся в нарушении установленных регламентов их эксплуатации и правил обработки информации, названы в качестве наиболее вероятных источников угроз кибербезопасности.

Одним из основных принципов построения «цифрового государства» является автоматическое принятие решений по заранее прописанным правилам единого четкого алгоритма взамен административного решения уполномоченного представителя [4]. Соответственно в условиях электронизации и цифровизации государственного управления общественные отношения скорее программируются, чем регулируются. В этой связи коррупционные рычаги могут переходить из рук должностных лиц, уполномоченных на принятие волевого решения, в руки тех, кто обслуживает работу систем, обеспечивающих автоматизацию административных процедур. К примеру, автоматизированные системы могут быть настроены таким образом, чтобы принимать решения, которые в «доцифровой» ситуации были бы признаны незаконными.

В этих случаях возникает дискуссионный вопрос относительно субъектного состава коррупционного преступления, которое по отечественному уголовному праву – в первую очередь преступление должностного лица. Специалисты в области информационных технологий (программисты, операторы, инженеры,

системные администраторы, специалисты по эксплуатации электронно-вычислительной техники и прочие) в силу возложенных на них функциональных обязанностей зачастую к таковым не относятся. Непосредственно их противоправное воздействие на компьютерные данные или системы образует самостоятельные составы преступлений против информационной безопасности, предусмотренные главой 31 УК. Однако при этом чья-либо ответственность непосредственно за ошибочные решения, принимаемые автоматизированной системой в различных сферах общественных отношений и имеющие правовые последствия, исключается.

Таким образом, преобразование общества достигло такого уровня, когда объективные процессы в сфере информационного оборота нуждаются в расширении и усложнении способов регулирования и защиты, в том числе уголовно-правовыми мерами.

Высокая латентность алгоритмов и процессов принятия решения автоматизированным способом, существующие немалые риски нарушения при этом прав и законных интересов лиц, причинения существенного вреда экономическим, политическим, имущественным отношениям свидетельствуют о необходимости учета характера и объема полномочий специальных субъектов, наделенных правом осуществлять законные создание, сбор, хранение и оборот определенной компьютерной информации.

В зависимости от полномочий указанные субъекты имеют неконтролируемый доступ к охраняемой информации, что позволяет латентно, без дополнительных материальных затрат незаконно ее использовать [14, с. 400]. Поэтому в нормах об ответственности за неправомерные модификацию, уничтожение, блокирование, приведение в непригодное состояние компьютерной информации и завладение ею (ст.ст. 350–352 УК) следует предусмотреть в качестве квалифицирующего признака, ужесточающего наказание, – использование лицом при совершении названных деяний возможности законного доступа к компьютерной информации и средствам ее обращения, возникшей в результате выполняемой работы.

К примеру, в ст. 362 Уголовного кодекса Украины, предусматривающей ответственность за несанкционированные действия с компьютерной информацией, законодателем применена формулировка «совершенные лицом, имеющим право доступа к ней»; в ч. 3 ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации и в ч. 2 ст. 278-2 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, предусматривающих ответственность за неправомерный (незаконный (несанкционированный) доступ к компьютерной информации, в ч. 2 ст. 284, ч. 2 ст. 285, ч. 3 ст. 286 Уголовного кодекса Грузии, предусматривающих ответственность за самовольное проникновение в компьютерную систему, незаконное использование компьютерных данных и систем, а также посягательство на них, – «совершенные лицом с использованием своего служебного положения».

Кроме того, использование ИКТ в качестве орудия или средства совершения преступления способно обеспечить деперсонификацию, транснациональный характер, организованность, системность и глубокую техническую скрытность преступной деятельности, что позволяет достигать «более весомых преступных корыстных результатов» и повышает общественную опасность деяний [10].

Однако национальный уголовный закон использование компьютерных технологий в качестве квалифицированного способа совершения другого вида преступлений (кроме ст.ст. 343, 343-1, 361 УК) не учитывает и оценку ему не дает, хотя в ряде зарубежных стран, как указывает В.А. Уткин, такого рода симбиоз в уголовном законе отражен [10].

В целях эффективного противодействия посягательствам, общественная опасность которых повышается из-за развития и увеличения темпов цифровизации, представляется возможным рассмотреть вопрос о закреплении в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, – «совершение преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий». Такая корректировка ст. 64 УК позволит реально учитывать степень общественной опасности указанных деяний при квалификации и назначении наказания за преступления, в том числе коррупционные [14, с. 13].

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

Применение новейших информационных технологий, внедрение электронного государственного управления являются одним из эффективных инструментов антикоррупционной политики. Однако только процесс цифровизации существующих административных процессов не решит полностью такую комплексную проблему, как коррупция. Существуют риски видоизменения форм злоупотреблений и иных преступных посягательств, перехода их на новый уровень, возникновения ранее неизвестных способов совершения противоправных деяний в информационно-коммуникационном пространстве.

Технологические решения не смогут дать значительный позитивный результат, если они не будут сопровождаться выработкой системы, содержащей широкий спектр действенных правовых мер, согласованных с соответствующими связанными вызовами и угрозами, включая меры уголовно-правового характера, направленные на противодействие коррупции.

В качестве некоторых направлений совершенствования уголовно-правовой защиты представляется необходимым уделить внимание признаку использования при совершении преступлений различных элементов информационной инфраструктуры, в том числе электронных устройств, информационно-телекоммуникационных технологий и сетей, рассмотрев его как основание дифференциации наказания – отягчающее ответственность обстоятельство.

Учитывая характер и более высокую степень общественной опасности посягательств на информационную сферу, совершенных лицами, уполномоченными на обеспечение конфиденциальности, целостности, подлинности, доступности и сохранности компьютерной информации, соответствующий признак специального субъекта следовало бы ввести в квалифицированные составы преступлений против информационной безопасности.

Вместе с тем смысл уголовно-правовых запретов теряется в случае неэффективности публично-правового регулирования общественных отношений, возникающих при создании, преобразовании, передаче, использовании, хранении информации. Государство, санкционировав сбор, формирование, обработку, использование, распространение, предоставление определенных

компьютерных данных, должно обеспечить надлежащую нормативную основу для функционирования информационных массивов и контроля за оборотом такой информации. В этой связи требуется четкое и всестороннее определение правового режима электронных ресурсов, содержащих охраняемую государством информацию, степени запрета доступа к ней, статуса и обязанностей собственников, владельцев и операторов информационных систем по организации хранения данных.

Список цитированных источников

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016 г., № 466 // ЭТАЛОН.Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Измерение информационного общества за 2018 год [Электронный ресурс] : отчет : т. 2 // ITU. – Режим доступа: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/MISR_Vol_2_R.pdf. – Дата доступа: 10.09.2019.

3. UN E-Government Survey 2018 [Electronic resource] // UN E-Government Knowledgebase. – Mode of access: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2018. – Date of access: 10.09.2019.

4. Электронное правительство в Республике Беларусь: 2018 [Электронный ресурс] // НЦЭУ. – Режим доступа: https://nces.by/wp-content/uploads/ЭП_2018v7.pdf. – Дата доступа: 10.09.2019.

5. Солодов, В. В. Электронное правительство как инструмент трансформации государственного управления : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / В. В. Солодов. – М., 2007. – 136 л.

6. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН.Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

7. Мухамадиева, Д. Н. Цифровизация против коррупции. Возникновение е-коррупции / Д. Н. Мухамадиева // Вестн. Самарского гос. эконом. ун-та. – 2019. – № 1 (171). – С. 9–13.

8. Трунцевский, Ю. В. Е-антикоррупция или е-коррупция: влияние глобальной цифровизации [Электронный ресурс] : [по состоянию на 23.07.2019 г.] / Ю. В. Трунцевский // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

9. Kizito, T. An E-corruption Control Framework for the Kenya Public Sector [Electronic resource] / T. Kizito // University of Nairobi Research Archive. – Mode of access: http://erepository.uonbi.ac.ke/handle/11295/90949. – Date of access: 11.09.2019.

10. Уткин, В. А. Коррупция и информационные технологии [Электронный ресурс] : [по состоянию на 11.01.2016 г.] / В. А. Уткин, Е. В. Уткина // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

11. Генеральная прокуратура РФ объявила предостережение заместителю руководителя Федерального агентства по науке и инновациям за нарушение требований законодательства о госзакупках [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. – Режим доступа: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-60899/. – Дата доступа: 11.09.2019.

12. Цифровая коррупция. Как с помощью «Smart City» дерибанят бюджет Киева [Электронный ресурс] // Aktiv.com.ua. – Режим доступа: http://aktiv.com.ua/archives/13517. – Дата доступа: 10.09.2019.

13. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом : сравнительно-правовое исследование / И. С. Власов [и др.]. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2014. – 432 с.

14. Букалерова, Л. А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Л. А. Букалерова. – М., 2007. – 574 л.

15. Архив суда Октябрьского района г. Витебска за 2018 г. – Уголовное дело № 1-13/18 (9).

16. Устьев, Л. Г. Уголовная ответственность за коррупционные информационные преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. Г. Устьев. – Тамбов, 2010. – 199 л.

17. Николаев, А. В. Коррупция в условиях глобальной трансформации социума / А. В. Николаев // Социальные науки в трансформирующемся обществе : материалы Всероссийской науч.-практ. конф., Ижевск, 20–21 окт. 2011 г. / Удмуртский гос. ун-т ; под общ. ред. М. Н. Макаровой. – Ижевск, 2011. – С. 176–180.

18. Криминология : учеб. пособие / Г. И. Богуш [и др.] ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой. – М. : ТК Велби : Проспект, 2007. – 328 с.

Аннотация. При неправомерном воздействии на компьютерную информацию серьезную опасность представляют незаконные действия должностных и иных уполномоченных лиц, поскольку именно на них возложены основные контрольные и охранительные функции, направленные на обеспечение конфиденциальности, целостности, подлинности, доступности и сохранности информации. В статье рассматриваются факторы, способствующие проявлению коррупции в информационной сфере. В целях разработки эффективных мер противодействия данному явлению определены его характерные черты, проанализированы некоторые проблемы защиты информации в условиях цифровизации административно-управленческих процессов. Обосновано изменение характера и степени общественной опасности таких деяний. В связи с этим высказаны отдельные предложения по совершенствованию средств уголовно-правового противодействия компьютерной преступности.

CORRUPTION-RELATED CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Kharcheykina Yu.V.

Keywords: e-government, corruption crimes, anti-corruption, information security, cybercrime, information and communication technologies, computer data.

Abstract. In case of illegal influence on computer information, illegal actions of officials and other authorized persons pose a serious danger, since they are entrusted with the main supervising and protective functions aimed at ensuring the confidentiality, integrity, authenticity, availability and safety of information. The article discusses the factors that contribute to the manifestation of corruption in the information sphere. In order to develop effective measures to counteract this phenomenon, its features were defined, some problems of data protection within the conditions of digitalization of administrative and managerial processes were analyzed. The change in the nature and degree of public danger of such acts was justified. In this regard, some suggestions were made to improve the criminal and legal countermeasures to cybercrime.

УДК 343.3/.7

РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО

Хатеневич Т.Г.

Ключевые слова: специальные основания, освобождение от уголовной ответственности, ответственность за взяточничество, дача взятки, посредничество во взяточничестве.

Введение

Специальные основания освобождения от уголовной ответственности за взяточничество предусмотрены в примечаниях к ст. 431 «Дача взятки» УК, ст. 432 «Посредничество во взяточничестве» УК. В примечании к ст. 431 УК определено два самостоятельных специальных основания освобождения от уголовной ответственности: одно основание – для случаев вымогательства взятки, другое – для случаев добровольного заявления о даче взятки и активного способствования раскрытию и (или) расследованию преступления. Каждое из названных оснований имеет самостоятельное значение и достаточно для освобождения лица от уголовной ответственности. В примечании к ст. 432 УК определено освобождение от уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве, соучастие в даче или получении взятки.

В зарубежной научной литературе высказывались предложения об исключении оснований освобождения от уголовной ответственности за взяточничество из системы специальных оснований освобождения от уголовной ответственности [1, с. 7]. Полагаем, что такие предложения не вполне учитывают историко-правовые предпосылки для включения норм, их предусматривающих, в уголовный закон, их обусловленность латентным, трудно доказуемым характером взяточничества. История развития рассматриваемых оснований не простая, при этом редко становится предметом изучения отечественных авторов [2; 3; 4; 5]. В связи с указанным рассмотрим специальные основания освобождения от уголовной ответственности за взяточничество в ретроспективном аспекте, что позволит лучше понять их правовую природу, социальный смысл и предназначение.

Основная часть

Впервые поощрительная норма за взяточничество была предусмотрена в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Так, снижалось наказание взяткополучателям, если получивший взятку, прежде какого-либо вследствие нарушения своих по службе обязанностей, объявит о том с раскаянием своему начальству [6]. Уголовный закон, предусматривая меру смягчения наказания для раскаявшихся взяткополучателей, в то время не упоминал о взяткодателях.

В первых актах правительства советского государства также широко использовалось сочетание методов убеждения и принуждения, для этого в целях раскрытия преступлений предусматривалось освобождение от уголовной ответственности в обмен на позитивное посткриминальное поведение, в частности, это устанавливалось за наиболее распространенные преступления, характеризующиеся большой степенью общественной опасности. Так, согласно

ст. 6 Декрета от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», где взяточничество признавалось тяжким преступлением, освобождались от преследования взяткодатели и посредники во взяточничестве, заявившие о даче взятки [7, с. 241–242]. Позднее временный декрет был заменен постоянным [8, с. 101], в котором увеличилось количество оснований освобождения от уголовной ответственности: норма была направлена не только на оказание содействия раскрытию преступления о взяточничестве, но и на побуждение к заявлению о вымогателе взятки. Так появилось основание для не привлечения к уголовной ответственности при вымогательстве взятки, которое последовательно будет в дальнейшем с различными дополнениями включаться в отечественные уголовные законы.

Норма, предусматривающая освобождение от ответственности, была закреплена в ч. 4 ст. 114 УК РСФСР 1922 г., которым руководствовались и судебные органы БССР [9, с. 130], и устанавливала, что «лицо, давшее взятку, не наказывается лишь в том случае, если своевременно заявило о вымогательстве взятки или оказало содействие раскрытию дела о взяточничестве». Особенностью этой нормы стала регламентация времени заявления о вымогательстве, а именно указание на его своевременность. Стремление законодателя выражалось в том, чтобы приблизить факт добровольного заявления к моменту вымогательства взятки, облегчить процесс дальнейшего расследования преступления, установления неискаженных временем фактов. При этом норма приобрела оценочный характер, а установить, какое заявление является своевременным, а какое – нет, было затруднительно.

Переход к периоду нэпа сопровождался усилением борьбы со взяточничеством и изменением подходов в регламентации поощрения позитивных посткриминальных действий. Изменения в УК РСФСР были внесены 9 октября 1922 г. [10, с. 148]: закреплялось именно право, а не обязанность суда освобождать от наказания виновных, увеличивался круг лиц, которые могли быть освобождены от наказания, т.е. все, кто имел отношение к взяточничеству, в том числе взяткополучатели. Вымогательство, которому подвергалось лицо, давшее взятку, теперь признавалось обстоятельством, влекущим освобождение от ответственности лишь при условии добровольного и немедленного заявления. Самостоятельным основанием для не привлечения к ответственности вымогательство стало считаться лишь в УК БССР 1928 г. Вторым отдельным основанием не привлечения к ответственности считались «своевременные показания и донесения», способствующие раскрытию преступления.

В УК БССР 1928 г. примечание к статье впервые было предусмотрено в качестве формы закрепления поощрительной нормы об освобождении от уголовной ответственности. Так, в примечании к ст. 208 УК БССР закреплялось, что лица, давшие взятку или бывшие посредниками при даче взятки, не привлекаются к ответственности: 1) если доказано, что от них вымогали взятку, или 2) если они ранее возбуждения преследования добровольно заявят о даче взятки [11]. Тем самым было определено два самостоятельных основания для не привлечения к ответственности, причем как самостоятельное основание вымогательство взятки уже не было обусловлено какими-либо обстоятельствами, помимо факта доказанности самого вымогательства. Оценочные признаки, такие как своевременность или немедленность заявления, не были включены в новую

редакцию поощрительной нормы, что следует оценить позитивно. При этом в законе уже упоминается о добровольности как условии заявления о даче взятки.

В УК БССР 1960 г. первоначально норма, предусматривающая освобождение от ответственности за взяточничество, не была включена [12]. Уголовное законодательство было дополнено специальной поощрительной нормой позднее: устанавливалось, что «лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки или если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о случившемся» [13]. В ст. 170 УК БССР 1960 г. была включена третья часть, предусматривающая специальные основания освобождения от уголовной ответственности взяткодателя. Следует обратить внимание, что поощрительная норма была предусмотрена в рамках усиления уголовной ответственности за взяточничество. Она выступила в качестве средства повышения эффективности уголовно-правового противодействия взяточничеству – средства усиления регулятивного воздействия уголовно-правового запрета получения взятки. Такое законодательное решение осуществлялось в традиции уголовно-правового противодействия взяточничеству, сложившейся в уголовной политике в первые послереволюционные годы. Законодатель вернулся к прежней форме закрепления поощрительной нормы, которая была свойственна дореволюционному законодательству, а именно определение основания освобождения в части статьи, но не в примечании. Тем самым обнаруживается отсутствие преемственности в вопросах законодательной техники с ранее действовавшим уголовным законом. Однако норма стала отличаться лаконичностью, были исключены все оценочные признаки и термины, ранее сопровождавшие норму, а также дополнительные условия и ограничения для ее применения.

Нормы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности за дачу взятки, посредничество во взяточничестве, соучастие в получении и даче взятки были включены в УК 1999 г. Законодатель учел имевшиеся на тот момент наработки в теории уголовного права относительно совершенствования специальных норм. Это и предложения о формулировании самостоятельного основания освобождения от уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве, как предусматривалось ранее, и предложения относительно закрепления нормы об освобождении от уголовной ответственности за соучастие в получении и даче взятки. В Модельном УК государств-участников СНГ также было сконструировано две нормы, содержащиеся в примечаниях к статьям, устанавливающим ответственность за дачу взятки, посредничество во взяточничестве; предусмотрено освобождение от уголовной ответственности взяткодателя, посредника во взяточничестве, соучастника в даче или в получении взятки; определено два основания для освобождения: вымогательство взятки и добровольное сообщение о даче взятки; установлено ограничение в части сообщения о совершенном преступлении только органу, имеющему право возбудить уголовное дело. В настоящее время поощрительные нормы усовершенствованы: ныне в уголовном законе установлены следующие основания для освобождения от уголовной ответственности: это вымогательство взятки и добровольное заявление о содеянном, а также впервые определено, что давший взятку, посредник во взяточничестве, соучастник в даче либо получении

взятки должны активно способствовать раскрытию и (или) расследованию преступления. Тем самым определена зависимость констатации факта наличия позитивных посткриминальных действий от их мотивов, такое поведение должно быть обусловлено чистосердечным деятельным раскаяниям.

В современной научной литературе высказывается предложение о возможности, в случае деятельного раскаяния, освобождения от уголовной ответственности всех субъектов взяточничества, включая взяткополучателей, либо обосновывается предусмотреть для взяткополучателя особые условия, при наличии которых он может быть освобожден от уголовной ответственности [2, с. 666; 14, с. 16; 15, с. 6; 16, с. 5; 17, с. 7]. Такое предложение следовало бы отнести к спорным вопросам. Общность интересов взяткодателя и взяткополучателя, создаваемая наказуемостью как получения, так и дачи взятки, является серьезным препятствием к раскрытию этого рода преступлений. Законодатель избрал одну сторону, чтобы разорвать связь получающего и дающего взятку посредством нормы, поощряющей добровольное заявление о факте дачи взятки. Получение взятки, с одной стороны, а дача взятки и посредничество во взяточничестве, с другой стороны, имеют разную степень общественной опасности, а также различна степень общественной опасности личности взяткополучателей, взяткодателей, посредников во взяточничестве, соучастников в даче или получении взятки. Получение взятки представляет большую общественную опасность, так как оно совершается лицом, облеченным особым доверием, располагающим большими правами и имеющим возможность влиять на работу государственного, служебного аппарата. Известная же истории законодательства специальная норма, поощряющая взяткополучателя к деятельному раскаянию, была первоначально закреплена в то время, когда отсутствовали какие-либо положения об ответственности взяткодателя. К тому же в настоящее время в интересах борьбы с организованной преступностью предусмотрены общие основания освобождения от уголовной ответственности в случае деятельного раскаяния, например, участника преступной организации (ст. 20 УК).

Заключение

Институт специальных оснований освобождения от уголовной ответственности является развивающимся, количество специальных оснований постоянно увеличивается, что свидетельствуют о потребности уголовного права в расширении применения метода поощрения. Поэтому и предложения об исключении специальных оснований освобождения от уголовной ответственности за взяточничество из системы уголовно-правового регулирования не отвечают социальному предназначению, историко-правовым предпосылкам включения их в кодекс. Действующие редакции примечаний к ст. 431 «Дача взятки», ст. 432 «Посредничество во взяточничестве» УК максимально сохранили положительный опыт законодательного моделирования специальных поощрительных норм, традиционно закрепляемых в Особенной части уголовного закона, вобрали в себя достижения уголовно-правовой теории по вопросу освобождения от уголовной ответственности за взяточничество и представляют образец лаконично сформулированных норм, учитывающих историко-правовые предпосылки их создания и поступательного развития.

Тем не менее, рассматриваемые нормы нуждаются в дальнейшем совершенствовании, о чем свидетельствуют современные работы по вопросу

освобождения от уголовной ответственности за взяточничество. Это касается и юридической природы основания освобождения в виде вымогательства взятки, и предложений об отнесении вымогательства взятки к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, и предложений об унификации условий освобождения от уголовной ответственности за взяточничество в части закрепления положения, согласно которому лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если это лицо после совершения преступления совершило позитивные посткриминальные действия. В то время как в действующей редакции иначе определено время добровольного заявления о содеянном и способствования раскрытию и (или) расследованию преступления – после дачи взятки, что не учитывает возможность различных стадий совершения преступления. Предложения же об установлении основания освобождения от уголовной ответственности для взяткополучателя следовало бы отнести к спорным, ибо ныне закреплённые в примечаниях к ст. 431, 432 УК поощрительные нормы, все же, направлены на изобличение взяткополучателей, личность которых характеризуется большей степенью общественной опасности по сравнению с личностью взяткодателя, посредника во взяточничестве, соучастника в даче или получении взятки.

Польза и значение для современного законотворчества учета накопленного опыта несомненны, при этом считаем целесообразным дальнейшее рассмотрение обозначенных проблем для эффективного противодействия взяточничеству с соблюдением одновременно принципов неотвратимости ответственности и экономии мер уголовно-правового воздействия.

Список цитированных источников

1. Аникин, А. А. Взяточничество как коррупционное преступление и меры противодействия ему : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. А. Аникин. – Владивосток, 2009. – 29 с.

2. Бабий, Н. А. Освобождение от уголовной ответственности за взяточничество / Н. А. Бабий // Квалификация взяточничества: научное исследование белорусского и российского опыта. – Минск : Тесей, 2011. – С. 641 –671.

3. Бабий, Н. А. Освобождение от уголовной ответственности взяткодателя, посредника и соучастника в даче или получении взятки / Н. А. Бабий // Алгоритмы квалификации взяточничества: науч.-метод. пособие. – Минск : Тесей, 2012. – 284 с.

4. Бабий, Н. А. Освобождение от уголовной ответственности за взяточничество Н. А. Бабий // Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России. – М. : Юрлитинформ, 2014. – С. 644–674.

5. Веремеенко, В. М. Освобождение взяткодателя от уголовной ответственности / В. М. Веременко // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 112–116.

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет–портал Республики Беларусь. – Помнікі гісторыі права Беларусі. –Режим доступа: http://pravo.by/upload/pdf/krim_pravo/ulogenie_o_nakazanijah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf. – Дата доступа: 26.07.2019.

7. О взяточничестве : Декрет СНК, 8 мая 1918 г. // // Декреты советской власти : в 13 т. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН СССР. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 2 : 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – С. 241–242.

8. О борьбе со взяточничеством : Декрет СНК, 16 августа 1921 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 –1952 гг). – М. : Госюриздат, 1953. – С. 101.

9. Уголовный кодекс РСФСР : постановление ВЦИК, 1 июня 1922 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.). – М. : Госюриздат, 1953. – С. 116–143.

10. Об изменении текста ст. 114 УК: Декрет ВЦИК и СНК, 9 октября 1922 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М. : Госюриздат, 1953. – С. 147–148.

11. Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики: утв. ЦИК БССР на 3-й сес. восьмого созыва, 23 сент. 1928 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет–портал Республики Беларусь. – Помнікі гісторыі права Беларусі. – Крымінальнае права Беларусі. – Режим доступа: http://www.pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf. – Дата доступа: 26.07.2019.

12. Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики : принят четвертой сес. Верховного Совета БССР пятого созыва, 29 декабря 1960 г. // СЗ БССР. Т. 10. – Минск : Беларусь, 1988. – С. 7–100.

13. Об усилении уголовной ответственности за взяточничество: Указ Президиума Верховного Совета СССР, 20 февр. 1962 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953-1991): в 2 ч. / сост. Н. С. Захаров, В. П. Малков. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1992. Ч. 1: Закон-во СССР. – С. 85.

14. Добродей, А. И. Уголовно-правовая оценка получения взятки : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. И. Добродей. – Белорусский государственный университет. – Минск, 2005. – 20 с.

15. Ибрагимов, Р. С. Взяточничество и его квалификация: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р. С. Ибрагимов. – Московская высшая школа милиции МВД РФ. – М., 1992. – 19 с.

16. Качмазов, О. Х. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному праву : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / О. Х. Качмазов. – Московская государственная юридическая академия. – М., 1999. – 19 с.

17. Яковенко, Е. В. Уголовно-правовая борьба со взяточничеством : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е. В. Яковенко. – Владивосток, 2004. – 26 с.

Аннотация. В работе рассматриваются специальные основания освобождения от уголовной ответственности за взяточничество. Они установлены в Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь в примечаниях к статьям 431 «Дача взятки» и 432 «Посредничество во взяточничестве» Уголовного кодекса Республики Беларусь. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности за взяточничество анализируются в историко-правовом аспекте. Изучены нормы, предусматривающие указанные специальные основания освобождения от уголовной ответственности, в источниках дореволюционного законодательства, в декретах первых лет советской власти, в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года, Уголовном кодексе БССР 1928 года, Уголовном кодексе 1960 года. Проанализировано развитие специальных оснований освобождения от уголовной ответственности за взяточничество в источниках современного права.

DEVELOPMENT OF SPECIAL FOUNDATIONS FOR THE REFUSAL FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CORRUPT PRACTICES

Khatsianevich T.G.

Key words: special grounds, refusal from criminal responsibility, responsibility for bribery, bribery, mediation in bribery.

Abstract. The paper considers the special foundations for refusal from criminal liability for bribery. They are established in the Special Part of the Criminal Code of the Republic of Belarus in the notes to Articles 431 “Giving a bribe” and 432 “Mediation in bribery” of the Criminal Code of the Republic of Belarus. Special foundations for refusal from criminal responsibility for bribery are analyzed in the historical and legal aspects. It is studied the rules that provide these special foundations for refusal from criminal responsibility, in the sources of pre-revolutionary legislation, in decrees of the first years of Soviet power, in the Criminal Code of the RSFSR of 1922, the Criminal Code of the BSSR of 1928, the Criminal Code of 1960. The transformation of the special foundations for refusal from criminal responsibility for bribery in the sources of contemporary law is analyzed.

УДК 347.962

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В СФЕРЕ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Хатов Э.Б.

Ключевые слова: цифровизация, информационно-аналитическая деятельность, прокуратура, прокурорский надзор, противодействие коррупции.

Введение

В не утратившем своей актуальности Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01.03.2018, совершенно справедливо отмечено, что цифровизация всей системы государственного управления, повышение ее прозрачности – это и мощный фактор противодействия коррупции.

Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203, предусмотрен поэтапный переход государственных органов и органов местного самоуправления к использованию инфраструктуры электронного правительства, входящей в информационную инфраструктуру Российской Федерации, что требует развития технологий электронного взаимодействия граждан, организаций, государственных органов, органов местного самоуправления, внедрения электронного документооборота.

Тренд на цифровизацию государственного управления обозначен и национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», которая должна быть исполнена в 2024 г. Этой программой, в частности, предусмотрено внедрение высокотехнологичного надзора в деятельность органов прокуратуры, координацию правоохранительных органов с использованием цифровых технологий, а также функционирование современных автоматизированных рабочих мест на базе защищенной инфраструктуры.

Потребность в цифровизации в полной мере относится и к деятельности прокурора в сфере противодействия коррупции, масштабы и значение которой сложно переоценить.

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 29.08.2014 № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» прямо подчеркнута приоритетность данного направления прокурорской деятельности.

Приоритеты в этой сфере, определенные Национальным планом противодействия коррупции на 2018–2020 годы, конкретизированы в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 08.08.2018 № 485 «Об организации исполнения Национального плана противодействия коррупции на 2018−2020 годы».

Вместе с тем, решение поставленных задач невозможно без качественной информационной и аналитической деятельности прокурора [1, с.86]. Этот вывод также подтверждается положениями вышеупомянутого приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 29.08.2014 № 454, обозначившими необходимость подготовки соответствующих информационно-аналитических и других материалов на основе анализа собственной надзорной деятельности и информации, полученной от других подразделений Генеральной прокуратуры Российской Федерации и нижестоящих прокуратур.

Требуемый этим приказом от прокуроров регулярный ежеквартальный анализ состояния законности и борьбы с преступностью, организации прокурорского надзора предусматривает представление докладных записок по перечисленным в нем 11 направлениям деятельности в сфере борьбы с коррупцией.

Большие объемы информации, которую приходится прокурорам перерабатывать при реализации указанных выше требований, подчеркивают актуальность рассматриваемого вопроса.

Основная часть

Результаты деятельности прокуратуры в сфере противодействия коррупции впечатляют. Руководствуясь, в первую очередь, положениями Федеральных законов от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), иными нормативными актами, включая ведомственные приказы, Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры в пределах своих полномочий координируют деятельность правоохранительных органов по борьбе с коррупцией и реализуют иные полномочия в области противодействия коррупции, установленные федеральными законами. Объем этих полномочий определен как процессуальным законодательством, так и вышеупомянутым Законом о прокуратуре.

В 2018 г. прокурорами выявлено более 231 тыс. нарушений законов о противодействии коррупции, внесено 62 тыс. представлений, по результатам их рассмотрения привлечено к дисциплинарной ответственности лиц более 68 тыс. должностных лиц [2,с.131].

По инициативе прокуроров к административной ответственности привечено более 7 тыс. лиц. Прокуроры направили в органы Следственного комитета России в порядке ч. 2 ст. 37 УПК РФ для решения вопроса об уголовном преследовании более 3,7 тыс. материалов проверок. По требованиям прокуроров уволены в связи с утратой доверия более 1,3 тыс. лиц и расторгнуто 168 трудовых договоров, заключенных с нарушением порядка их заключения.

За рассматриваемый период антикоррупционной экспертизой охвачено почти миллион нормативных правовых актов и выявлено почти 50 тыс. нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы, с целью исключения которых внесено почти 4 тыс. требований, принесено более 40 тыс. протестов, направлено более 100 исков (заявлений) в суд, внесено более 1 тыс. представлений.

Прокуроры постоянно обязаны анализировать результаты оперативно-розыскной деятельности по выявлению и пресечению коррупционных преступлений, представляющих большую общественную опасность и совершенных лицами особого правового статуса, сведения о практике рассмотрения сообщений о преступлениях и расследования дел этой категории.

Анализируется информация о практике участия прокуроров в рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, включая практику назначения наказания и результаты исполнения данных приговоров. Особе внимание уделяется анализу результатов работы органов МВД России, ФСБ России, ФТС России, ФСИН России, ФССП России, МЧС России по борьбе с коррупционными преступлениями. Подвергается анализу и сведения о результатах проведенных совместных с правоохранительными и контролирующими органами мероприятий по профилактике коррупции, в том числе в рамках работы постоянно действующих рабочих групп, данные о состоянии борьбы с коррупцией в правоохранительных органах, выявленных нарушениях.

Обобщается информация о привлечении виновных должностных и юридических лиц к административной ответственности за совершение коррупционных правонарушений, как и сведения о практике работы по возмещению ущерба, причиненного в результате совершения коррупционных правонарушений, по выявлению фактов легализации добытого преступным путем имущества, вывода активов за рубеж и их возврату.

Прокуроры обязаны устанавливать и выявленные в ходе осуществления прокурорского надзора основные причины и факторы, способствующие коррупции, принятые меры по их устранению, проблемы и недостатки в работе по противодействию коррупции, обобщать предложения по решению проблем и устранению недостатков.

Таким образом, значение информационно-аналитической деятельности прокурора, которая позволяет правильно определить приоритеты в прокурорской работе, сложно переоценить [3, с. 57].

С учетом гигантских объемов интересующей прокурора информации, с целью обеспечения его данными, которые остро необходимы в повседневной деятельности, становится все более актуальным расширение системы информационных ресурсов за счет банков данных и информационных массивов государственных органов власти, в том числе правоохранительных и контролирующих органов, а также органов местного самоуправления [4, с. 38]. Не менее важным для прокуроров является обеспечение высокого уровня информационного взаимодействия с гражданами, институтами гражданского общества и бизнес-сообщества.

При этом потребность в автоматизированном выявлении и учете закономерностей, выявлении тенденций в структуре и динамике нарушений законности перманентно нарастает.

Решение указанных вопросов в необходимом объеме традиционными способами, а тем более в условиях фактически предельных нагрузок на прокуроров, возрастающем числе отчетности, организационно-распорядительных документов, требующих регулярного представления различного рода аналитической информации и с сохраняющимся до сих пор в основном использованием технологий прошлого века, только за счет совершенствования бумажного документооборота и аналоговых технологий уже невозможно. Достижение обозначенной цели, в том числе в сфере надзора за исполнением антикоррупционного законодательства, реально только путем цифровизации информационно-аналитической и иной повседневной деятельности прокурора.

Ориентиром может служить зарубежная практика внедрения электронных уголовных дел, производств по делам об административных правонарушениях, интерактивных электронных карт преступлений и правонарушений, технологий искусственного интеллекта по их выявлению и прогнозированию.

Международный опыт свидетельствует о достаточно успешном внедрении в деятельность некоторых правоохранительных органов передовых цифровых технологий. Так, в США уже около 15 лет применяется программная информационно-аналитическая система прогнозирования преступности Criminal Reduction Utilising Statistical History (CRUSH), в Великобритании тестировалась аналитическая система Precrime, в Германии – Precobs. Там же действуют геоинформационные цифровые карты преступности. Например, в США – уже около 15 лет, в Великобритании – 10 лет. На постсоветском пространстве одним из признанных лидеров, по нашему мнению, выступает Казахстан, где с 2018 года внедрены описываемые цифровые информационно-аналитические системы, в том числе оказывающие реальную помощь прокурорам, например при подготовке проекта ответа на обращение гражданина.

В нашем государстве тоже принимаются меры в этом направлении. Так, по данным СМИ, в России планируется внедрение информационной системы «ОКО ГОСУДАРЕВО», которая позволит высшему руководству в режиме «он-лайн» получить доступ к данным спутникового наблюдения с разрешением до 1 метра. Думается, что прокурорам такой ресурс также необходим, как и возможность подключения к базе данных системы уличных камер видеонаблюдения, в том числе в режиме реального времени или постоянно обновляемым ресурсам типа «Яндекс карты – панорамы» как в рамках информационно-аналитической деятельности, так и ходе иной функциональной деятельности. Так, с использованием цифровых технологий и доступа к базам ГИБДД, Росреестра, камерам видеофиксации на автотрассах, станет возможным, например, по результатам анализа маршрутов личных автомобилей чиновников выявлять нарушения коррупционной направленности – используемые ими объекты недвижимости, незадекларированные при подаче соответствующих сведений в кадровые службы.

Нельзя не отметить, что в правоохранительных органах и в прокуратуре, особенно в последнее время, активизируются усилия по цифровизации сбора, учета информации и ее анализу.

Так, в органах прокуратуры внедряется федеральная государственная информационная система «Единый реестр проверок», расширяются ее функциональные возможности.

В рамках совершенствования федеральной государственной информационной системы «Единый реестр проверок» (ФГИС ЕРП) ведутся работы по интеграции с Федеральным реестром государственных и муниципальных услуг через Систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) для использования общих справочников нормативно-справочной информации, расширению перечня сведений, выводимых в СМЭВ, а также обеспечению направления в органы прокуратуры и согласованию планов проверок в электронном виде.

Важное значение придается не только внешнему, но и внутрисистемному взаимодействию. Достаточно интенсивно ведутся работы по внедрению единой защищенной сети передачи данных (ЕЗСПД), которая приходит на смену устаревающей ИСОП (информационной сети органов прокуратуры). Появилась усовершенствованная, основанная на современных WEB-технологиях подсистема АИК «Надзор-WEB», позволяющая осуществить полноценный переход на электронный документооборот и электронное надзорное производство.

Расширение апробированной в рамках пилотного проекта модуля ГАС Правовая статистика «Учет работы прокуроров» (УРП) позволит решить актуальные вопросы снижения трудозатрат в процессе сбора и обработки статистической информации, повышения ее прозрачности и достоверности, качества аналитической работы и эффективности межведомственного взаимодействия. Прокурорам не придется тратить несколько дней, в том числе выходные и праздничные, на составление статистической отчетности, в том числе по показателям, характеризующим вопросы борьбы с коррупцией, она будет формироваться за считанные минуты, причем в звеньях прокурорской системы. Программа обеспечивает возможность доступа не только к статистической информации, но и к актам прокурорского реагирования по выявленным нарушениям коррупционного характера, исключая сложившуюся практику личного предоставления их копий в вышестоящую прокуратуру в дни сдачи отчетности для сверки, экономя рабочее время и нервы прокуроров. Такая цифровая технология позволит осуществлять большинство проверок нижестоящих прокуратур без выезда на места, высвобождая время прокурору для выполнения его основных функций.

Отражаемые в режиме реального времени отчетные показатели рассчитываются программой с помощью «конструктора отчетов». По запросу прокурорского работника формируется выборка в статистических таблицах, например, в динамике за произвольный интересующий прокурора период, по территориальным (специализированным) прокуратурам.

Не менее значимым применительно к сфере цифровизации прокурорского надзора за исполнением антикоррупционного законодательства будет создание на едином портале органов прокуратуры Российской Федерации информационно-аналитического ресурса «Противодействие коррупции» и разработка единой межведомственной цифровой онлайн-платформы взаимодействия руководителей государственных органов, прокуроров, следователей, дознавателей для работы с единым электронным уголовным делом.

По примеру цифровизации деятельности наших зарубежных коллег ожидается добавление на едином портале органов прокуратуры Российской

Федерации нового компонента – публичной карты преступности, позволяющей сделать моментальную наглядную выборку коррупционных преступлений и иных правонарушений.

Вместе с тем, до настоящего времени сохраняется определенный дефицит подключения прокуроров к недостаточно распространенным современным информационным системам, например СМЭВ. Неединичны факты нестабильной работы ЕЗСПД в прокуратурах районного звена, где наиболее высока концентрация компьютеров с недостаточной производительностью, проявляющейся в неустойчивой связи с сервером, избыточно сложным алгоритмом ввода данных, длительном открытии ресурсов, неудачной загрузке сведений из баз данных других ресурсов, либо с выдачей ошибок, препятствующих оперативному внесению сведений, в том числе об обращениях о совершении коррупционных правонарушений в отчетно-аналитическую форму «Рассмотрение обращений» на портал ССТУ.РФ.

Изложенные проблемные вопросы планируется решить в течение текущего и следующего года, для чего процесс цифровой трансформации органов прокуратуры был уточнен совместным приказом Генерального прокурора Российской Федерации и Министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 10.06.2019 № 382/263.

Следующий логичный шаг цифровизации деятельности прокуроров в сфере противодействия коррупции, по нашему мнению, – это разработка и внедрение программ на базе искусственного интеллекта, которые на основе выявленных, в том числе программными способами нарушений процессуальных сроков по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности и материалам проверок, а также сверок различных баз данных со сведениями об имуществе и доходах государственных и муниципальных служащих, будут выдавать готовые проекты актов прокурорского реагирования. Как нам вполне обоснованно представляется, это вопрос может быть решен уже в ближайшее десятилетие. Примером может служить ПАО Сбербанк, где уже с 2017 года внедряется программа, работающая на принципе «нейронных сетей», которая выискивает в базе данных должников с просроченными кредитами и самостоятельно готовит проекты исковых заявлений, причем лучше, чем 450 штатных юристов, которых она и заменила[5].

Заключение

С учетом изложенного, можно сделать обоснованный вывод о том, что цифровизация резко увеличивает возможности информационно-аналитической и иной функциональной деятельности прокуроров в сфере противодействия коррупции и способствует повышению ее эффективности.

По нашему мнению, с учетом упоминаемого зарубежного опыта, подобная организация информационной составляющей должна стать постоянным и обязательным элементом деятельности прокурора любого звена.

Важнейшее значение в этой связи приобретают вопросы надлежащего материально-технического обеспечения процесса цифровой трансформации прокурорского надзора за исполнением антикоррупционного законодательства.

С внедрением описанных выше технологий прокуроров ожидают серьезные изменения не только в информационно-аналитической деятельности в сфере противодействия коррупции, но и во всех иных сферах и направлениях

деятельности. Повышение эффективности системы прокуратуры позволят также повысить уровень законности и правопорядка в стране в целом.

Кроме того, реализация этих предложений будет иметь дополнительный антикорруционный эффект за счет соответствующего повышения степени прозрачности деятельности органов прокуратуры.

Список цитированных источников

1. Ларьков, А. Н. Аналитическая работа прокуратуры субъекта Российской Федерации: Монография / А. Н. Ларьков [и др.] ; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016.

2. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2018 год: информ.-аналит. записка / под общ. ред. ректора Университета прокуратуры Российской Федерации д-ра юрид. наук, проф. О.С. Капинус. – М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2019. – С.131.

3. Хатов, Э. Б. Проблемы и принципы выбора приоритетов прокурорской деятельности / Э. Б. Хатов // Современное право. – 2014. – №10.

4. Хатов, Э. Б. Вопросы информационного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии коррупции / Э. Б. Хатов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – 2016. – № 4. – С. 34-39.

5. Российская Газета. Федеральный выпуск № 7329 (163) от 25.07.2017. https://rg.ru/2017/07/25/german-gref-svoej-lekciej-pered-studentami-vzorval-set.html. Обращение от 10.09.2019.

Аннотация. Статья посвящена вопросам цифровизации информационно-аналитической деятельности в сфере прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии коррупции. На основе обобщения позиции руководства страны, содержания правовых актов, регулирующих вопросы цифровой трансформации правоохранительных, контролирующих и иных государственных органов, практики обозначенной деятельности прокуроров в сфере надзора за исполнением законов о противодействии коррупции, а также данных статистики, рассмотрены особенности информационно-аналитической работы в этой сфере. Сравнительный анализ практики цифровизации правоохранительной деятельности зарубежных правоохранительных органов позволил сформулировать ряд предложений, обозначив перспективные направления ее внедрения и совершенствования. Сделан вывод о том, что достижение положительных результатов надзорной деятельности в этой сфере невозможно без цифровизации информационной и аналитической деятельности прокурора.

DIGITALIZATION OF INFORMATION AND ANALYTICAL ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR IN THE FIELD OF SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF ANTI-CORRUPTION LEGISLATION

Khatov E.B.

Keywords: digitalization, information and analytical activity, Prosecutor's office, Prosecutor's supervision, anti-corruption.

Abstract. The article is devoted to the digitization of information and analytical activities in the field of prosecutorial supervision over the implementation of anti-corruption laws. On the basis of generalization of the position of the country's leadership, the content of legal acts regulating the digital transformation of law enforcement, regulatory and other state bodies, the practice of designated activities of prosecutors in the field of supervision over the implementation of anti-corruption laws, as well as statistical data, the features of information and analytical work

in this area are identified. A comparative analysis of the practice of digitalization of law enforcement activities of foreign law enforcement agencies allowed to formulate a number of proposals, outlining promising areas for its implementation and improvement. It is concluded that the achievement of positive results of Supervisory activities in this area is impossible without digitization of information and analytical activities of the Prosecutor.

УДК 343.98

ТЕНДЕНЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ В АСПЕКТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Хлус А.М.

Ключевые слова: информатизация, цифровизация, общество, информация, информационное пространство, криминалистика, прогнозирование, профилактика.

Введение

Современные государства находятся в состоянии информатизации общества с постепенным его переходом к цифровизации.

Отличительной особенностью информационного общества является процесс его компьютеризации, обеспечивающий массовый доступ к надежным источникам информации. В результате стремительного развития науки и техники происходит постепенный и поступательный переход в единое информационное пространство всего мирового сообщества.

В целом положительно оценивая процессы информатизации и цифровизации, следует иметь в виду, что с ними связано значительное количество отрицательных явлений, различных преступных деяний, нередко сочетающихся с коррупционными проявлениями. Признанная объективность этих реалий обуславливает потребность в активизации научных исследований с целью использования их результатов для противодействия преступной деятельности, связанной с упомянутыми процессами. Одной из наук, активно участвующей в борьбе с преступными проявлениями, является криминалистика. Вместе с тем, многие ее традиционные методы, а также направления научных интересов требуют пересмотра с учетом изменившихся социальных условий, порождающих новые негативные явления и сопутствующие им преступные деяния. Этим предопределяется актуальность темы научных исследований, основывающихся на криминалистическом анализе общественных явлений.

Основная часть

Для определения тенденций современной криминалистической науки необходимо проанализировать некоторые имеющиеся проблемы, связанные с информатизацией и цифровизацией общества.

Во-первых, адресуемая неопределенному кругу лиц информация, как основной элемент информатизации общества, носит различный характер. Она может быть как позитивной, так и негативной. Далеко не каждый человек способен противостоять отрицательному воздействию на его психику нежелательной информации, которая может содержаться в различных источниках. Особенно это актуально для образовательных информационных ресурсов, сосредоточенных в Интернете, где нередко размещено «огромное

количество недостоверной, тенденциозной, идеологически вредной информации, порой, выходящей за рамки этических норм» [1, с. 16]. Представляются недостаточными контроль и управление доступа субъектов системы образования (школьников и студентов) к образовательной информации в Интернете. Главным здесь, по нашему мнению, должна быть «жесткая фильтрация» информации на сайтах Интернета, которой пользуется молодое поколение.

Распространение информации о негативных действиях людей может служить инициирующим фактором для аналогичных деяний, совершаемых после ознакомления с ней. Телефонного хулигана не пугает строгость уголовной ответственности. Примером тому служит Российская Федерация, где телефонный терроризм приобрел масштабы национального бедствия. В средствах массовой информации (СМИ) и Интернете сообщается, что массовые звонки о «минировании» учреждений и торговых центров охватили 75 из 85 регионов России. Ни в одном случае угроза взрывов не подтвердилась [2].

Во-вторых, информационная сфера – это своеобразная площадка для апробации различных технологий манипулирования сознанием пользователей информацией. В зависимости от целевой направленности эти технологии могут иметь различный характер: как откровенно враждебные для человека, разрушающие его личность, так и формирующие у него отрицательные качества (стяжательство, корысть и т.п.).

В аспекте этой проблемы вспоминается организованная в сети Интернет игра для подростков «Синий кит», в результате которой имели место случаи суицидальных смертей детей, участвующих в этой игре. Журналисты утверждали, что в период с 2015 по начало 2016 годов из-за участия в игре погибли около 130 детей [3].

Может возникнуть резонный вопрос: «Какое отношение ко всему этому имеет коррупция?». На первый взгляд она не очевидна, но это только поверхностный взгляд. Более глубокое рассмотрение проблемы позволяет увидеть возможность распространения негативной информации на основе установления коррупционных отношений с лицами, от которых зависит подготовка материалов и их распространение в СМИ и Интернете. И не является секретом информация об имевших место случаях заказа материалов, содержащих негативные сведения, что связано с подкупом журналистов и редакторов СМИ.

В-третьих, формирование мирового информационного общества связано с расширением преступного интереса в информационной сфере. Уже сейчас имеет место тенденция ежегодного увеличения так называемых «компьютерных преступлений», значительный рост которых можно прогнозировать ближайшем будущем.

Выше мы обозначили только некоторые проблемы, связанные с информатизацией общества. Для цифровизации, учитывая ее тесную связь с информатизацией, характерны те же проблемы, на которые мы уже обратили внимание.

Цифровизацию ученые рассматривают в узком и широком смысле. В узком смысле цифровизация – это преобразование аналоговой информации в цифровую форму. Дальнейшее использование такой «оцифрованной» информации возможно только в случае ее обратного преобразования в аналоговую.

С точки зрения широкого понимания цифровизации, она представляет собой «современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению жизни» [4, с. 46]. Такое представление цифровизации звучит весьма оптимистично и отражает только положительные стороны данного процесса. На его начальном этапе еще трудно судить о влиянии цифровизации на экономику государств. При этом остается без ответа вопрос о равных преимуществах цифровизации для государств с разным уровнем развития экономики.

Сама по себе цифровизация, как бы это нелогично не выглядело, является ограничивающим фактором в развитии человека, что в итоге приводит его к страхам, к постоянному стрессу и, как результат, к психическим расстройствам.

На данную проблему обратил внимание А.Г. Чернышев, который заметил, что «компьютерные игры не оставляют простора воображению» [5], так как все заранее спланировано их разработчиками. В массовом распространении соответствующей техники заинтересованы международные корпорации, нередко устанавливающие коррупционные отношения с лицами, от которых зависит продвижение их продукта.

Будущие поколения людей будут жить в новых условиях. Этому способствует деятельность транснациональных корпораций, которые культивируют виртуальную реальность «через глобальные лифты и коррумпированных чиновников разных стран» [5]. Как следствие, у представителей новых поколений отсутствует восприятие реальной действительности, но развито периферийное мышление. Приспособление к новым технологиям влечет за собой утрату основных социальных навыков, ухудшает социальное поведение.

Но цифровизация социума «не может изменить генный код самого человеческого существа» [5]. Не изменяются в связи с этим традиционные приоритеты человека. Они остаются прежними: безопасность, питание, здоровье, семья, дети, самореализация. Это значит, что значительная часть населения земного шара не успевает за техническим развитием и не адаптирована к новым условиям жизни.

Для информационного и цифрового общества нужен человек креативный и компетентный. А как быть с теми, кто не отвечает этим требованиям? В связи с этой проблемой появились идеи о новом институте семьи, о необходимости контроля над рождаемостью [6, с. 7].

Достижению обозначенных и многих иных деструктивных целей будут способствовать традиционные и новые формы коррупции. И здесь надо иметь в виду не ту коррупцию, с которой борются правоохранительные органы на национальном уровне, а коррупцию международного уровня и ее определенную форму – политическую коррупцию. В большинстве случаев коррупционеры этого уровня не подпадают под действие норм национального антикоррупционного законодательства [7, с. 78].

Какой же выход их сложившейся ситуации? Что необходимо предпринять на государственном уровне? Какова роль науки в разрешении обозначенных проблем? Это достаточно сложные вопросы, требующие системного подхода к исследованию обозначенных проблем. Нам видится важной, в аспекте

противодействия коррупции, роль криминалистической науки. По-нашему мнению, криминалистика должна отказаться от обычного «следования» за произошедшим преступным событием, а должна его предсказывать и разрабатывать необходимые меры опережающего характера. Представляется, что криминалистике следует изменить свои функциональные приоритеты. Она должна не только изучать явления, но и прогнозировать их дальнейшее развитие.

Криминалистическое прогнозирование должно осуществляться на этапе, предшествующем совершению преступного деяния. Такая возможность представляется в процессе осуществления экспертизы нормативных правовых актов, а также криминалистического анализа стремительно возникающих новых общественных отношений. В ходе экспертизы может быть создана модель криминальной деятельности, на основе которой определяются отражательные возможности элементов материальной структуры преступления, его последствия и меры, направленные на его предотвращение (профилактику). Только на такой основе возможна подготовка обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах правовых актов (правовых актах) недостатков, способствующих возникновению криминальных рисков.

Не менее существенное значение, в аспекте противодействия преступной деятельности, имеет криминалистическая профилактика, которую следует рассматривать не только во взаимосвязи с прогностической функцией, но и в качестве самостоятельного криминалистического направления. Такая функция криминалистики недостаточно разработана. Но мы считаем, что в условиях информатизации и цифровизации общества такое направление криминалистики приобретает особую значимость.

Реализовать эту функцию криминалистики возможно как в рамках криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, в аспекте их предупреждения, так и в процессе самостоятельной деятельности правоохранительных органов вне связи с совершаемыми преступлениями.

Обязательной составной частью криминалистического обеспечения является внедрение, т.е. реализация научных криминалистических разработок. В качестве способов их внедрения М.В. Субботина называет обучение, издание научной литературы для самостоятельного изучения и компьютеризация расследования (внедрение специализированных программ) [8, с. 79]. Указанные способы внедрения научных разработок не ориентированы на профилактику совершения преступлений. Их основное назначение – обеспечение практических работников криминалистическими знаниями, необходимыми для раскрытия и расследования преступлений.

Рассматривая обучение как способ внедрения методики расследования, Ю.П. Гармаев предлагает расширять круг потребителей криминалистических рекомендаций. Он выделяет группу нетрадиционных потребителей методических рекомендаций, в числе которых называет потерпевших и иных граждан, относящимся к «группе риска» [9, с. 31-32]. К такому мнению можно отнестись с осторожностью, если основываться только на понимании основного назначения методик расследования ─ обеспечение практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. В таком случае возникает закономерный вопрос, зачем знания об этой методике «потерпевшим и иным гражданам, относящимся к «группе риска»» [9, с. 32]. Но если углубиться

в понимание идеи, высказанной Ю.П. Гармаевым, то ее вполне можно принять в части «преобразования криминалистических разработок для профессионалов в рекомендации просветительского характера» [10, с. 48].

Мы же считаем, что в данном случае надо вести речь не о «просвещении» иных лиц (граждан), которое связано с распространением системы знаний, образованием людей, а о профилактике совершения с их стороны либо в отношении их преступлений.

Далее, рассматривая методики расследования преступлений коррупционной направленности, Ю.П. Гармаев указывает на профилактику. Используя данный подход, необходимо, как считает Ю.П. Гармаев, учитывать важные методологические правила:

криминалистическая характеристика названных преступлений может формироваться и представляться в двух формах: 1) в «профессиональной» и 2) в «просветительской». Так, в рамках такой «процедуры преобразования» могут быть созданы рекомендации «о противодействии провокации, подстрекательству и иным незаконным методам борьбы с коррупцией; а также о том, как человеку не допустить вовлечения себя в эти противоправные деяния в типичных, хорошо знакомых каждому жизненных ситуациях» [10, с. 48-49].

Такие рекомендации представляются существенными для тех видов преступлений, где наличествует физическое лицо в качестве потерпевшего. Но это свойственно не каждому преступлению, предусмотренному Особенной частью Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее УК). В ряде случаев не оправданно говорить о подобных рекомендациях и в отношении методик группового характера. Придать «просветительский» характер всем методикам расследования преступлений коррупционной направленности не представляется возможным по причине их различий по объекту посягательства.

Например, для такого коррупционного преступления как легализация средств, полученных преступным путем (ст. 235 УК), не является характерным наличие потерпевшего. Совсем иная ситуация складывается, если говорить о вымогательстве взятки (ч. 2, ст. 430 УК), когда в качестве объекта посягательства выступает конкретный гражданин.

«Преобразование» криминалистических разработок, по мнению Ю.П. Гармаева, должно иметь вид памяток, кратких пособий, видеофильмов, буклетов, адресуемых не только следователям и оперативным работникам, но и подозреваемым (обвиняемым), а также потерпевшим [10, с. 48]. Мы считаем, что с точки зрения современного времени информация может быть доведена (получена) и иным путем, например, посредством глобальной системы Интернет. Так как люди ежедневно используют сложную компьютерную и мобильную телефонную технику ─ смартфоны и коммуникаторы на операционных системах «iOS», «Android», «Windows mobile» и др., позволяющие читать и слушать книги, просматривать фото, презентации и слайд-шоу, видео и прочий контент. Таким же образом может быть доведена криминалистическая информация, имеющая профилактическое значение.

Идея, высказанная Ю.П. Гармаевым, представляет интерес, т.к., несмотря на то, что сам автор не говорит об этом, она ориентирована на предупреждение и профилактику преступлений.

Заключение

На основе изложенного представляется возможным сделать некоторые выводы.

Во-первых, процессы информатизации и цифровизации общества, наряду с положительным, содержат ряд негативных проявлений.

Во-вторых, возрастающий уровень межгосударственной конкуренции в сфере развития информационных технологий, а также формирование национального информационного контента повлекут за собой увеличение количества и усложнения коррупционных отношений.

В-третьих, своевременное противодействие негативным проявлениям информатизации и цифровизации общества предполагает развитие прогностистической и профилактической функции криминалистической науки.

В-четвертых, процессы информатизации и цифровизации общества целесообразно использовать для антикоррупционного воспитания граждан, выявления и профилактики коррупционных правонарушений.

Список цитированных источников

1. Абламейко, С. В. Стратегия информатизации и информационная безопасность системы образования в условиях развития информационного общества: [Электронный ресурс] / С. В. Абламейко, Ю. И. Воротницкий, Н. И. Листопад. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/105304/4/12-17.pdf. Дата доступа: 27.05.2019.

2. В Москве из банка эвакуировали людей после сообщения о минировании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20190210/1550651299.html. – Дата доступа: 20.06.2019.

3. Синий кит (игра) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%B8%D1%82_(%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0) . – Дата доступа: 27.05.2019.

4. Халин, В. Г. Цифровизация и ее влияние на Российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / В. Г. Халин, Г. В. Чернова. – Управленческое консультирование, 2018. – № 10. – С. 46-62.

5. Чернышев, А. Г. Цифровизация и технологизация общественной жизни как социально-политическая проблема: сохранение идентичности и роль государства в условиях развития глобальных сетей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/tsifrovizatsiya-i-tehnologizatsiya-obschestvennoy-zhizni-kak-sotsialno-politicheskaya-problema-sohranenie-identichnosti-i-rol. Дата доступа: 23.05.2019.

6. Крючкова, А. Семья или государство. Кто должен контролировать рождаемость? / А. Крючкова. – Аргументы и факты в Белоруссии. – 2017. – № 47. – С. 7.

7. Хлус, А. М. Тенденции уголовного права и криминологии на современном этапе противодействия коррупции / А. М. Хлус // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия «Право» . – № 2(90) . – 2018. – С. 70-80.

8. Субботина, М. В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества: дис. … д-ра юрид. наук / М. В. Субботина. – Волгоград. – 2004. – С. 79.

9. Гармаев, Ю. П. Внедрение криминалистических методик расследования в практику: проблемы и пути их решения / Организационно-методические проблемы расследования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Д. Зеленский. Краснодар: КубГАУ, 2016. – С. 30-35.

10. Гармаев, Ю. П. Правовое просвещение в криминалистике / Криминалистические чтения на Байкале – 2015 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил. ФГБОУВО «РГУП» ; отв. ред. Д. А. Степаненко. – Иркутск, 2015. – С. 45-50.

Аннотация. В статье рассматриваются негативные тенденции общественных процессов информатизации и цифровизации. Для благополучия отдельных государств и мирового сообщества в целом представляют опасность следующие отрицательные проявления информатизации и цифровизации: деструктивным проявлениям отдельных людей способствует широкий доступ к негативной информации, содержащейся в информационных ресурсах; информационное пространство расширяет возможности для реализации различных технологий манипулирования сознанием пользователей информацией; информационное пространство превращается в сферу совершения преступлений международного характера. Содержание этих тенденций определяет роль криминалистической науки в системе мер ограничения проявлений их негативного воздействия на личность, общество и государство. Сделан вывод о необходимости развития прогностической и профилактической функций криминалистической науки, а также использования процессов информатизации и цифровизации общества с целью антикоррупционного воспитания граждан и профилактики коррупционных правонарушений.

CRIMINAL SCIENCES TRENDS IN THE ASPECT OF ANTI-CORRUPTION

Khlus A.M.

Keywords: informatization, digitalization, society, information, information space, criminalistics, forecasting, prevention.

Abstract. The article discusses the negative trends in social processes of informatization and digitalization. The following negative manifestations of informatization and digitalization pose a danger to the well-being of individual states and the world community as a whole: the destructive manifestations of individuals are facilitated by wide access to negative information contained in information resources; the information space expands the possibilities for implementing various technologies for manipulating the consciousness of users of information; the information space is turning into the sphere of committing crimes of an international nature. The content of these trends determines the role of forensic science in the system of measures to limit the manifestations of their negative impact on the individual, society and the state. It is concluded that it is necessary to develop the prognostic and preventive functions of forensic science, as well as to use the processes of informatization and digitalization of society for the purpose of anti-corruption education of citizens and the prevention of corruption offenses.

УДК 349.6: 343.9

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛЕСНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В АНТИКОРРУПЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

Шахрай И.С.

Ключевые слова: лесные правоотношения; лесное хозяйство; право лесопользования; коррупционные риски.

Введение

Предусмотренный Законом Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» [1] комплекс мер антикоррупционной направленности включает, помимо прочего, обеспечение надлежащего правового регулирования различных

общественных отношений, особенно в сферах повышенного коррупционного риска. Этим целям служат закрепленные данным Законом, а также Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» [2] механизмы, реализуемые в нормотворческой деятельности – планирование нормотворческой деятельности, прогнозирование последствий принятия (издания) нормативных правовых актов, проведение экспертиз (юридической, криминологической и др.) проектов правовых актов, их публичное обсуждение, правовой мониторинг и иные.

Правовая неопределенность (то есть отсутствие ясности, точности и логической согласованности норм права, в том числе вызванное наличием пробелов в законодательстве и коллизий нормативных правовых актов, что порождает возможность неоднозначного понимания норм права и их неединообразного применения [2, ст. 1]) является одной из причин возникновения коррупционных угроз. Для устранения таких недостатков правового регулирования необходим комплексный научный подход, проведение анализа норм, регулирующих те или иные общественные отношений, в целях их дальнейшего совершенствования. В данной статье будет предпринята попытка обозначить отдельные проблемы в сфере правового регулирования лесных отношений, которые могут служить почвой для коррупционных проявлений, и предложить пути их решения.

Основная часть

В числе таких проблем, в первую очередь, следует назвать необходимость оптимизации деятельности по ведению лесного хозяйства и управлению в области использования и охраны лесов. Совмещение лесхозами указанных функций с осуществлением права лесопользования было характерно для советского периода [3, с. 16-17], в значительной степени сохраняется в настоящее время и характеризуется рисками совершения коррупционных правонарушений.

В научных публикациях, периодической печати, заключениях международных экспертов [4-7] высказывались различные предложения, направленные на упорядочение правового положения юридических лиц, ведущих лесное хозяйство, которые были в определенной степени учтены в программных документах. Так, на «недостаточно эффективную структуру управления лесным хозяйством, включающую совмещение в едином хозяйственном механизме производственных функций, связанных с заготовкой и реализацией древесины и функций, связанных с ведением лесного хозяйства» указывалось еще в Программе развития лесного хозяйства Республики Беларусь на 2007-2011 годы [8], однако реальные шаги по решению данной проблемы были предприняты в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 21 июля 2010 г. № 1090 «О комплексе мероприятий по совершенствованию работы лесного хозяйства» [9] и разработанной на его основе Государственной программе развития лесного хозяйства Республики Беларусь на 2011 – 2015 годы [10], в соответствии с которыми на 2011-2012 гг. была предусмотрена отработка в порядке эксперимента на примере отдельных лесхозов возможных вариантов совершенствования действующей системы управления лесным хозяйством путем разделения видов деятельности на лесохозяйственное производство и производственную деятельность (лесозаготовка и деревообработка). ВГосударственной программе «Белорусский лес» на 2016-2020 годы [11] вновь

поставлена задача совершенствования организационной структуры управления лесным хозяйством, решение которой предполагается, в том числе, путем «поэтапного разделения функций лесопользования, государственного управления лесом и контроля за лесом».

Таким образом, отмеченная проблема признается на государственном уровне, однако, к сожалению, остается по-прежнему актуальной. Надо заметить, что новый Лесной кодекс Республики Беларусь (далее – ЛК) [12] устранил многие характерные для его предшественника противоречия, значительно усовершенствовал управление лесами, организацию лесного хозяйства, механизмы предоставления права лесопользования, но при этом сохранил двойственный статус юридических лиц, ведущих лесное хозяйство (к которым относятся государственные лесохозяйственные учреждения, подчиненные Министерству лесного хозяйства (далее – Минлесхоз) [13], Министерству обороны, государственные природоохранные учреждения, лесохозяйственные организации, подчиненные Управлению делами Президента Республики Беларусь и иные организации, перечисленные в ст. 20 ЛК).

Исходя из положений ЛК, основной задачей указанных юридических лиц является ведение лесного хозяйства, то есть проведение лесохозяйственных мероприятий и обеспечение рационального (устойчивого) использования лесных ресурсов. Данная деятельность предполагает уход за лесом, лесовосстановление, улучшение породного состава и качества лесов, повышение их продуктивности, которые зачастую реализуются посредством лесопользования (в частности, проведения рубок промежуточного пользования и прочих рубок), хотя пользование в данном случае не является основной целью. Осуществление иных видов лесопользования (заготовки второстепенных лесных ресурсов, побочного лесопользования) является согласно ст. 21 ЛК правом, а не обязанностью юридических лиц, ведущих лесное хозяйство. При этом разрешительные документы (лесорубочный либо лесной билет) оформляются самими же юридическими лицами, ведущими лесное хозяйство (выступающими одновременно в качестве лесопользователей), а в отдельных случаях (п. 1.10 ст. 21 ЛК) и вовсе не требуются.

Согласно ст.ст. 21, 22 ЛК юридические лица, ведущие лесное хозяйство, наделены целым рядом властных (управленческих) полномочий: предоставлять участки лесного фонда для лесопользования с выдачей разрешительных документов; принимать в установленном порядке решения об ограничении (приостановлении) или о прекращении права лесопользования; вносить предложения о приостановлении хозяйственной и иной деятельности, которая оказывает вредное воздействие на леса или при осуществлении которой возникает опасность причинения вреда лесам в будущем; составлять учетную документацию государственного лесного кадастра и иными.

При предоставлении права лесопользования юридические лица, ведущие лесное хозяйство, должны соблюдать требования лесоустроительных проектов (которые разрабатываются лесоустроительными организациями, проходят государственную экологическую экспертизу, после чего утверждаются и вводятся в действие Минлесхозом [14]), а также запланированный объем расчетной лесосеки по рубкам главного пользования. В порядке исключения возможно проведение на основании приказов юридических лиц, ведущих лесное хозяйство, рубок ухода за лесами, рубок реконструкции в лесных насаждениях

мягколиственных древесных пород, выборочных санитарных рубок и прочих рубок на участках лесного фонда, не запроектированных для проведения этих рубок лесоустроительным проектом (п. 7 ст. 36 ЛК). При этом внесение изменений и (или) дополнений в лесоустроительный проект не требуется, а заготовка древесины допускается в объемах, определяемых юридическими лицами, ведущими лесное хозяйство (ст. 68 ЛК).

При этом перечисленные виды рубок, как правило, осуществляются самими же юридическими лицами, ведущими лесное хозяйство (их право проводить лесохозяйственные мероприятия, не запроектированные лесоустроительным проектом, прямо установлено в п. 1.5 ст. 21 ЛК). Применение закрепленного в п. 7 ст. 36 ЛК упрощенного порядка допустимо и в лесах с повышенным охранным режимом, например, расположенных в границах водоохранных зон (в п. 1.8 ст. 53 Водного кодекса Республики Беларусь [15] установлено общее правило о недопущении в водоохранных зонах рубок леса без лесоустроительных проектов, лесорубочного билета, «за исключением случаев, предусмотренных законодательством об использовании, охране, защите и воспроизводстве лесов…»). Таким образом, несмотря на то, что лесное законодательство предусматривает особые формы планирования и учета объемов заготовки древесины (что преследует цель обеспечения многоцелевого, рационального (устойчивого) использования лесных ресурсов и их своевременного воспроизводства [14, п. 3]), информация о значительной части рубок древесины не отражается в лесоустроительной документации и фактически не подлежит учету.

Рассмотренные нормы, на наш взгляд, создают значительные коррупционные риски и способствуют латентности правонарушений. Более того, сопоставление положений ЛК и Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [16] лишь подтверждает наличие предпосылок для «ухода» правонарушителей от ответственности. Так, ч. 1 и 2 ст. 15.22 КоАП предусматривают ответственность за незаконную рубку, незаконные удаление и пересадку, повреждение или уничтожение древесно-кустарниковой и иной растительности. При этом понятие незаконной рубки закреплено в ст. 1 ЛК и охватывает рубку, изъятие, удаление древесно-кустарниковой растительности без разрешительных документов, не тех пород, на которые выданы лесорубочный билет, ордер, сверх объема, указанного в названных документах, то есть, по нашему мнению, является чрезмерно узким. Например, «незаконной рубкой», исходя из приведенного определения, не охватывается рубка снарушением ряда требований, изложенных в лесорубочном билете, ордере (например, касающихся сроков заготовки и вывозки древесины) либо в карте-схеме, прилагаемой к разрешительным документам; с использованием запрещенных способов рубок; на основании незаконно выданных разрешительных документов; с иными нарушениями законодательства, которые не охватываются ст. 15.21 КоАП [17, с. 243-244]. Аналогичная проблема наблюдается и при применении ст. 277 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Применительно к порядку предоставления права лесопользования в целом следует отметить достаточно высокий уровень детализации правового регулирования, что призвано способствовать соблюдению законности. В частности, ЛК определяет требования к субъектам различных видов права

лесопользования, в том числе в зависимости от правовой формы использования (ранее действовавшее законодательство не позволяло четко разграничить основания предоставления участков лесного фонда в аренду либо по административным основаниям, что создавало условия для произвольной трактовки данных норм на практике); ряд действий, связанных с предоставлением права лесопользования, отнесен к административным процедурам (выдача лесного, лесорубочного билета, принятие решений о предоставлении участков лесного фонда) [18].

Вместе с тем, можно привести примеры норм, создающих потенциальную возможность создания отдельным субъектам преимуществ в части доступа к лесным ресурсам. Так, п. 8.2 Правил реализации древесины на внутреннем рынке Республики Беларусь [19] предусматривается возможность реализации древесины на корню вне биржевых торгов облисполкомам для удовлетворения потребностей в древесине юридических лиц и граждан. Учет таких потребностей осуществляется на основании поданных в райисполкомы заявок, которые обобщаются облисполкомами и направляются ими в Минлесхоз [19, п. 11-19], однако критерии выбора поданных заявок фактически не определены, а значит с учетом ограниченных объемов (по данному основанию заготовка древесины возможна в объеме не более 15 процентов от расчетной лесосеки в лесах, находящихся в ведении Минлесхоза) облисполкомы могут произвольно отдавать предпочтение тем или иным субъектам. Кроме того, указанные Правила не содержат четкого ответа на вопрос, возможен ли отпуск древесины на корню вне биржевых торгов по таксовой стоимости субъектам, иным субъектам, помимо указанных в п. 8; не предусматривается механизм проверки критерия «для собственного производства и (или) потребления», с наличием которого пункты 8.4 и 23 Правил связывают возможность реализации древесины на корню в лесах, находящихся в ведении Управления делами Президента Республики Беларусь, Министерства обороны, Министерства образования, Национальной академии наук Беларуси.

Право лесопользования может быть ограничено, приостановлено либо прекращено по различным основаниям, в том числе, в принудительном порядке, что в значительной степени затрагивает права лесопользователей, а, значит, требует четкого регулирования. Вместе с тем, здесь также имеются противоречивые и недостаточно определенные нормы. В первую очередь, возникают вопросы в части определения компетенции государственных органов (организаций), наделенных правом принимать подобные решения. Так, согласно п. 1.2 ст. 21 ЛК решения об ограничении (приостановлении) или о прекращении права лесопользования могут принимать юридические лица, ведущие лесное хозяйство. Вместе с тем, далее устанавливаются иные правила: право лесопользования ограничивается (приостанавливается) государственными органами (организациями), осуществляющими контроль (п. 2 ст. 52 ЛК), а прекращается – Президентом Республики Беларусь, Советом Министров Республики Беларусь, государственным органом (организацией), которым (которой) оно было предоставлено лесопользователю, в том числе по требованию государственных органов (организаций), осуществляющих контроль в указанной сфере (п. 2 ст. 53 ЛК). При этом согласно ст. 100 ЛК к полномочиям государственной лесной охраны отнесено внесение предложений об ограничении (приостановлении), прекращении права лесопользования в порядке,

установленном законодательством (функции по осуществлению государственной лесной охраны возложены на должностных лиц лесохозяйственных организаций, перечисленных в ст. 99 ЛК, и реализуются, как следует из п. 1 ст. 98 ЛК, в том числе, путем осуществления контроля).

Как известно, в Республике Беларусь произошла поэтапная унификация правового регулирования контрольной (надзорной) деятельности во всех сферах с сокращением количества проверок и контролирующих органов [20; 21], что преследовало цель снижения нагрузки на субъектов хозяйственной и иной деятельности, а также коррупционных рисков, связанных со значительным числом проверок. Однако применительно к экологическим, природоресурсным отношениям, к сожалению, это привело к недостаточному учету специфики данной сферы при регулировании контроля [22; 23].

В настоящее время с учетом произошедших изменений правом проводить проверки соблюдения лесного законодательства наделена лишь Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь. Вместе с тем, нормы законодательства, а также сложившая практика свидетельствуют о наличии в сфере лесных отношений иных форм контроля, которые урегулированы в недостаточно системном виде. Так, после внесения изменений и дополнений в ЛК от 18 декабря 2018 г. ст. 106, посвященная контролю, содержит лишь отсылочную норму, определяющую что контроль в данной сфере осуществляется в соответствии с законодательством об охране окружающей среды, о контрольной (надзорной) деятельности (которые не регулируют, например, проведение полевых мероприятий, контрольного освидетельствования лесосек). Попытки перечислить специфические формы контроля являются фрагментарными: например, при определении компетенции Минлесхоза [24, п. 4.20]; полномочий должностных лиц государственной лесной охраны (которые согласно ст. 100 ЛК могут проверять документы на право лесопользования, обследовать участки лесного фонда на предмет соблюдения условий, указанных в таких документах, выдавать обязательные для выполнения предписания об устранении нарушений требований законодательства, однако относятся ли такие полномочия к контрольным, а государственная лесная охрана – к контролирующим органам, не определено).

Таким образом, рассмотренные проблемы взаимосвязаны и в значительной степени вытекают из особенностей построения системы ведения лесного хозяйства и управления лесами, а также излишней унификации правового регулирования контрольной (надзорной) деятельности, которая обусловила наличие пробелов и коллизий в правовом регулировании контроля в лесной сфере. В результате лесное законодательство не позволяет четко определить, какие органы уполномочены принимать решения об ограничении, приостановлении, прекращении права лесопользования, и как разграничивается их компетенция, что создает явные коррупционные угрозы.

Заключение

Проведенное исследование показало важность совершенствования законодательства в лесном секторе. В целях противодействия коррупционным проявлениям в области лесопользования и ведения лесного хозяйства целесообразно решение масштабной проблемы – разделения управленческих и пользовательских функций лесохозяйственных организаций, к решению

которой, несмотря на признание в документах программного характера, пока наблюдается преимущественно формальный подход.

Потенциальные коррупционные угрозы несет недостаточное регулирование специфики контроля в лесной сфере, что вызвано унификацией правового регулирования контрольной (надзорной) деятельности. Тем не менее, такая унификация касается преимущественно проведения проверок; необходимым является развитие в отраслевом законодательстве норм об иных формах контроля, характерных для сферы природоресурсных, в том числе, лесных отношений. Следует четко перечислить в ЛК формы контроля, осуществление которых не регулируется законодательством о контрольной (надзорной) деятельности, (проведение полевых и иных оперативных мероприятий, контрольного освидетельствования предоставленных в пользование участков лесного фонда), урегулировать полномочия и порядок их проведения; определить формы контроля, реализуемые государственной лесной охраной, и ее статус как контролирующего органа; согласовать контрольные полномочия с нормами, определяющими компетенцию и порядок принятия решений об ограничении, приостановлении, прекращении права лесопользования.

Для решения более частных проблем предлагается:

предусмотреть требования, обеспечивающие должный учет объемов древесины, заготавливаемых в ходе рубок ухода за лесами, рубок реконструкции, выборочных санитарных рубок и прочих рубок на участках лесного фонда, не запроектированных для проведения этих рубок лесоустроительным проектом;

исключить из ЛК понятие незаконной рубки, что позволит предотвратить необоснованное сужение перечня лесонарушений, влекущих административную и уголовную ответственность (полагаем, что отсутствие любого из предусмотренных лесным законодательством юридических фактов, при наличии которых допускается рубка древесины, свидетельствует о незаконности пользования);

для обеспечения равного доступа к лесным ресурсам юридических лиц и граждан уточнить критерии выбора субъектов, которым древесина реализуется по таксовой стоимости, а также требования к таким субъектам.

Список цитированных источников

1. О борьбе с коррупцией [Электрон. ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 23.07.2015. – 2/2303.

2. О нормативных правовых актах [Электрон. ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., №130-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 31.07.2018. – 2/2568.

3. Голиченков, А. К. Экологический контроль: Теория, практика правового регулирования : автореф. дисс. … д-ра юрид. наук : 12.00.06 / А. К. Голиченков. – М., 1992. – 48 с.

4. Институциональные преобразования в управлении лесами. Опыт стран с переходной экономикой: проблемы и решения : материалы семинара, Москва, 25 февраля 2003 г. – М.: Издательство «Алекс», 2003. – 178 с.

5. Поддержка Реформ в лесном секторе России и стран Юго-Восточной Европы опытом стран – новых членов Евросоюза : материалы Международной конференции, Пушкино, 21-22 марта 2007 г. – Joensuu, Finland, 2008. – 263 с.

6. Анализ нормативной правовой базы в сфере лесоуправления и лесопользования, структуры и динамики нарушений лесного и природоохранного законодательства, разработка проектов дополнений и изменений в нормативные правовые акты в целях их совершенствования в контексте ФЛЕГ / Е. В. Лаевская, С. А. Балашенко, О. А. Бакиновская, И.С. Шахрай: Отчет группы экспертов по мероприятию 1.1. Странового плана ФЛЕГ Республики Беларусь за 2010 г. Программа, реализуемая Всемирным Банком совместно с Международным союзом охраны природы и Всемирным фондом дикой природы (Многосторонний донорский траст-фонд TF 070964). – Минск, 2010. – 145 с.

7. Шахрай, И. С. Правовые формы лесопользования в процессе ведения лесного хозяйства: проблемы правового закрепления / И. С. Шахрай // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр.; Национальный центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Вып. 9. – С. 429-234.

8. Программа развития лесного хозяйства Республики Беларусь на 2007-2011 годы [Электрон. ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 дек. 2006 г., № 1760 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

9. О комплексе мероприятий по совершенствованию работы лесного хозяйства: постановлении Совета Министров Респ. Беларусь, 21 июля 2010 г., № 1090 (с изм. И доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

10. Государственная программа развития лесного хозяйства Республики Беларусь на 2011-2015 годы [Электрон. ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 ноября 2010 г., № 1626 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

11. Государственная программа «Белорусский лес» на 2016-2020 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 18 марта 2016 г., № 215 (с изм. и доп.) [Электрон. ресурс]: // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

12. Лесной кодекс Республики Беларусь [Электрон. ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 24 дек. 2015 г., № 332-З (с изм. и доп. от 18.12.2018) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

13. Перечень государственных организаций, подчиненных Министерству лесного хозяйства Республики Беларусь [Электрон. ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 июля 2006 г., № 965 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

14. Положение об установлении порядка проведения лесоустройства, разработки и утверждения лесоустроительного проекта, внесения в него изменений и (или) дополнений [Электрон. ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 нояб. 2016 г., № 907 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

15. Водный кодекс Республики Беларусь [Электрон. ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 30 апр. 2014 г., № 149-З (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

16. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электрон. ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 апреля 2003 г., № 194-З (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

17. Шахрай, И. С. Ответственность за лесонарушения: проблемные аспекты / И. С. Шахрай // Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т. И. Макарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 242–245.

18. Единый перечень административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц

и индивидуальных предпринимателей [Электрон. ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 февр. 2012 г., № 156 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

19. Правила реализации древесины на внутреннем рынке Республики Беларусь [Электрон. ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 7 мая 2007 г., № 214 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

20. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электрон. ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 16 октября 2009 г., № 510 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

21. О мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности [Электрон. ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 16 октября 2017 г., № 376 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 18.10.2017. – 1/17314.

22. Шахрай, И. Некоторые проблемы правового регулирования экологического контроля / И. Шахрай // Юстиция Беларуси. – 2017. – № 3. – С. 43-47.

23. Шахрай, И. С. Проблемы правового регулирования экологического контроля в свете обновления законодательства Республики Беларусь о контрольной (надзорной) деятельности / И. С. Шахрай // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – 2018. – № 1. – С. 59–67.

24. Вопросы Министерства лесного хозяйства Республики Беларусь [Электрон. ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16 марта 2004 г., № 298 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Аннотация. В статье анализируются недостатки правового регулирования лесных правоотношений, создающие потенциальные коррупционные риски. Отмечены проблемы сочетания управленческих и пользовательских функций юридических лиц, ведущих лесное хозяйство; наличия пробелов в регулировании специальных форм контроля в лесной сфере и противоречивого определения компетенции по ограничению, приостановлению, прекращению права лесопользования; недостаточно прозрачной системы принятия решений в части назначения ряда рубок, не запроектированных лесоустроительными проектами; создания предпосылок для ухода правонарушителей от ответственности в связи с закреплением в Лесном кодексе Республики Беларусь чрезмерно узкого понятия незаконной рубки; отсутствия четких критериев выбора субъектов, которым древесина на корню реализуется по таксовой стоимости. На этой основе выработаны предложения по совершенствованию законодательства.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF FOREST LEGAL RELATIONS IN AN ANTI-CORRUPTION CONTEXT

Shakhray I.S.

Key words: forest legal relations; forestry; forest management right; corruption risks.

Abstract. The article analyzes the shortcomings of the legal regulation of forest legal relations that create potential corruption risks. The problems of combining managerial and user functions of legal entities conducting forestry are noted; gaps in the regulation of special forms of control in the forest sector and the conflicting definition of competence to limit, suspend, terminate the forest usage right; insufficiently transparent decision-making system regarding the purpose of a number of felling not designed by forest management projects; creation of prerequisites for the offenders to escape responsibility in connection with the consolidation of an excessively narrow concept of illegal logging in the Forest Code of the Republic of Belarus; the

lack of clear criteria for the selection of entities by which wood is sold at a dachshund cost. On this basis, proposals have been developed to improve legislation.

УДК 343.352

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Швед Н.А.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, общественный контроль, гражданское общество, общественное обсуждение.

Введение

Эффективная борьба с коррупцией невозможна без активного участия в этом процессе гражданского общества, поскольку оно обладает серьезным потенциалом, который может быть использован в деле противодействия коррупции, где нужна скоординированная деятельность государственных, общественных и иных институтов. Большим вкладом в антикоррупционную политику может стать социальное партнерство органов власти, бизнес-структур и местного сообщества, при этом существенная роль в профилактике коррупционных действий отводится общественному контролю. Как отмечает А. А. Плотников, общественный контроль является свойством гражданского общества и выступает в качестве одной из его основных функций [1, с. 106]. Вместе с тем, как справедливо отмечает Е.В. Семашко, в отечественном законодательстве не определено понятие общественного контроля, не закреплены его основные принципы, методы, субъекты, его нормативное правовое регулирование носит фрагментарный характер [2, с. 183]. Между тем роль общественного контроля в противодействии коррупции может быть весьма значительна. Наделенный превентивной функцией, общественный контроль может и должен выступать в качестве важного средства участия гражданского общества в борьбе с коррупцией.

Основная часть

Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией) определено, что общественный контроль в сфере борьбы с коррупцией осуществляется гражданами Республики Беларусь, организациями, в том числе общественными объединениями, в порядке, определенном законодательными актами, постановлениями Совета Министров Республики Беларусь (ст. 46). Детальный анализ положений ст. 46 Закона о борьбе с коррупцией позволяет говорить только лишь о формах такого контроля применительно к сфере противодействия коррупции, а также о его субъектах. При этом законодатель выделяет две группы субъектов, уполномоченных на осуществление общественного контроля, которые отличаются характером полномочий. К первой, более многочисленной группе, Закон относит граждан Республики Беларусь, организации и общественные объединения, которые могут осуществлять общественный контроль в формах, указанных в ч. 2 ст. 46. Ко второй группе субъектов

отнесены представители общественных объединений, компетенция которых дополнена формами общественного контроля, указанными в ч. 3 ст. 46 Закона о борьбе с коррупцией.

Не вызывает сомнений, что объективное и рациональное проведение общественного контроля может существенно повысить эффективность деятельности государственной власти. Это позволит принимать прозрачные решения при нахождении баланса интересов представителей трех секторов, осуществлять общественный контроль в сфере противодействия коррупции, привлекать общественные и предпринимательские институты к анализу коррупционных ситуаций [3, с. 102].

В этой связи Законом о борьбе с коррупцией определены формы осуществления общественного контроля в сфере противодействия коррупции:

участие в разработке и всенародном (общественном) обсуждении проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией;

участие в деятельности созданных в государственных органах и организациях комиссий по противодействию коррупции;

иные формы такого участия, предусмотренные законодательными актами (ч. 2 ст. 46 Закона о борьбе с коррупцией).

По мнению Е. Н. Ярмоц, такая формулировка Закона может привести к расширительному толкованию форм контроля и породить, во-первых, конфликт интересов между самими субъектами общественного контроля; во-вторых, несогласованность в действиях как со стороны государственных органов, так и со стороны гражданского общества при осуществлении контроля; в-третьих, к злоупотреблениям со стороны субъектов общественного контроля относительно достаточности и эффективности тех или иных форм контроля [4, с. 302]. Представляется, что эти опасения излишни, законодатель, наоборот, оказывает доверие представителям гражданского общества, предлагая открытый перечень форм контроля, предоставляет тем самым дополнительные возможности и механизмы участия в противодействии коррупции.

Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г. № 130-З было реализовано несколько важных новаций, касающихся расширения участия граждан и юридических лиц в нормотворческом процессе. В частности, закреплены институты публичного обсуждения, прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов и правового мониторинга, а также предусмотрены иные положения, направленные на расширение участия гражданского общества в нормотворческой деятельности. В частности, в ст. 7 названного Закона определено, что по решению организатора публичного обсуждения проект нормативного правового акта может быть вынесен на публичное (общественное или профессиональное) обсуждение в глобальной компьютерной сети Интернет на сайте «Правовой форум Беларуси», а также путем парламентских слушаний, в средствах массовой информации либо иными способами, не противоречащими законодательству. Информация о проведении публичного обсуждения проекта нормативного правового акта размещается на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь и в средствах массовой информации и (или) на информационных ресурсах, размещенных в глобальной компьютерной сети Интернет, определенных организатором публичного обсуждения, а также на официальных сайтах государственных органов (организаций) в глобальной компьютерной сети

Интернет. В законе определены виды нормативных правовых актов, которые, как правило, подлежат публичному обсуждению, а также установлен перечень актов, которые общественному обсуждению не подлежат.

Срок публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов определяется организатором публичного обсуждения, исходя из специфики регулируемых общественных отношений, и составляет не менее 10 календарных дней. Информация о результатах публичного обсуждения и рассмотрения поступивших при этом замечаний и (или) предложений включается в обоснование необходимости принятия (издания) нормативного правового акта.

Мониторинг сайта «Правовой форум Беларуси» и официальных сайтов органов государственной власти и управления показал, что активность вынесения проектов нормативных правовых актов на общественное обсуждение в последнее время значительно увеличилась. Однако, несмотря на предоставленную возможность принимать участие в общественном обсуждении проектов нормативных правовых актов, общественность не проявляет достаточной активности в этом процессе. В подавляющем большинстве случаев от представителей гражданского общества не поступает никаких замечаний и предложений по проектам, вынесенным на общественное обсуждение. И лишь в единичных случаях такие предложения поступают, они внимательно изучаются и оцениваются разработчиками и, если они заслуживают внимания и высказаны по существу вопроса, могут быть учтены. Так, например, по проекту постановления Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Положения о порядке предварительной идентификации пользователей интернет-ресурса» поступило 16 обращений, 10 из которых не содержали предложений или содержали предложения, не относящиеся к предмету правового регулирования обсуждаемого проекта постановления. Оставшиеся 6 предложений вызвали интерес разработчиков и были дополнительно проанализированы в ходе доработки проекта нормативного правового акта. В то же время в рамках общественного обсуждения проекта Закона Республики Беларусь «О несостоятельности и банкротстве» поступило всего 8 замечаний и предложений по данному проекту, ни одно из которых не было учтено.

Можно сделать вывод, что для успешного осуществления общественного контроля в нормотворческой деятельности необходим высокий уровень правовой культуры, правосознания, активное участие и заинтересованность всех субъектов гражданского общества. К сожалению, общественные и бизнес-объединения не всегда обладают достаточным потенциалом в силу разных причин, в т.ч. в связи с их немногочисленностью, слабой материальной базой, отсутствием профессиональных знаний, правовым нигилизмом, недостаточно четко определенным правовым статусом.

В. Н. Агеев отмечает, что одной из основных форм участия гражданского общества в механизме противодействия коррупции выступает непосредственное участие граждан в противодействии коррупции путем включения их в соответствующие антикоррупционные комиссии [5, с. 7]. В Республике Беларусь деятельность граждан, организаций, в том числе общественных объединений, при осуществлении общественного контроля в сфере борьбы с коррупцией может осуществляться в форме участия в работе созданных в государственных органах и организациях комиссиях по противодействию коррупции. Типовым положением о комиссии по противодействию коррупции,

утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 декабря 2011 года № 1732, определяется порядок создания и деятельности в республиканских органах государственного управления и иных государственных организациях, подчиненных Правительству Республики Беларусь, областных, Минском городском, городских, районных исполкомах, местных администрациях районов в городах, государственных унитарных предприятиях и хозяйственных обществах с долей государства в уставном фонде 50 и более процентов, являющихся управляющими компаниями холдингов комиссий по противодействию коррупции. Таким образом, организации, перечисленные в ч. 2 ст. 5 Закона о борьбе с коррупцией, п. 1 Типового положения обязаны создать комиссии по противодействию коррупции. Иные организации вправе создать подобные комиссии, но могут этого и не делать.

Эффективность работы антикоррупционных комиссий в значительной степени зависит от четкой и всеобъемлющей нормативной регламентации их задач, полномочий, процедур подготовки, проведения заседаний и принятия решений. В состав комиссии целесообразно включать работников организации, которые прошли надлежащую антикоррупционную подготовку и в силу своей профессиональной квалификации и служебных полномочий способны обеспечить решение стоящих перед комиссией задач, знают требования и порядок применения актов законодательства, которыми должна руководствоваться организация при осуществлении своей деятельности, и могут дать надлежащую оценку правильности и эффективности осуществления этих видов деятельности.

Помимо указанных, к формам осуществления общественного контроля также относят:

проведение общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией и направление соответствующих заключений в государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией;

участие в заседаниях коллегий государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, координационных совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией с правом совещательного голоса;

участие в подготовке проектов нормативных правовых актов, решений органов исполнительной власти и иных документов, затрагивающих права и законные интересы граждан и организаций;

участие в проведении социологических опросов по вопросам противодействия коррупции (ч.3 ст. 46 Закона о борьбе с коррупцией.

Следует обратить внимание, что в отличие от предусмотренной в абз. 2 ч. 2 ст. 46 Закона о борьбе с коррупцией формы общественного контроля в виде всенародного (общественного) обсуждения, которая детально регламентируется рядом нормативных правовых актов, общественной экспертизе проектов нормативных правовых актов не уделяется внимания в законодательстве. Общественная экспертиза, отмечает М. В. Шедий, заключается в использовании субъектами общественного контроля специальных знаний и (или) опыта для исследования, анализа и оценки документов и материалов, касающихся деятельности объектов общественного контроля, на предмет их соответствия общественным интересам [6, с. 124].

Здесь необходимо также отметить, что применительно к общественной экспертизе в Республике Беларусь акцент сделан именно на проектах

нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией. Таким образом, сфера общественной экспертизы в отличие от общественного обсуждения заметно сужена и не получила детальной регламентации.

Деятельность коллегий государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, определена законодательством. Так, в ст. 21 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь», определено, что коллегии являются совещательными органами, на их заседаниях рассматриваются наиболее важные вопросы деятельности прокуратуры, требующие коллективного обсуждения и выработки решений, а также заслушиваются сообщения и объяснения руководителей и иных должностных лиц государственных органов, иных организаций и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, по вопросам исполнения законодательства.

В п. 12 Положения о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 4 декабря 2007 г. № 611 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел и организаций, входящих в систему органов внутренних дел» установлено, что коллегия создается для рассмотрения основных вопросов оперативно-служебной деятельности.

В п. 13 – 16 Положения о Комитете государственной безопасности Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 23 июля 2013 г. № 325 «О некоторых вопросах Комитета государственной безопасности» регламентирована деятельность коллегии Комитета, которая создается для рассмотрения наиболее важных вопросов деятельности органов государственной безопасности, подчиненных им организаций и подразделений.

Указом Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 г. № 644 утверждено Положение о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией. Координационное совещание является постоянно действующим межведомственным органом по координации правоохранительной деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью, противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, распространению наркомании и борьбу с коррупцией, и деятельности по борьбе с преступностью и коррупцией государственных органов и иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью и коррупцией, а также деятельности субъектов профилактики правонарушений в сфере профилактики правонарушений. Координационное совещание образуется в целях осуществления на основе анализа правоприменительной практики согласованных действий по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции, иных правонарушений, а также по совершенствованию деятельности в сфере профилактики правонарушений. В Республике Беларусь действуют республиканское координационное совещание, координационные совещания в областях и г. Минске, координационные совещания в районах, районах в городах, городах, на транспорте.

Что же касается участия в подготовке проектов нормативных правовых актов, решений органов исполнительной власти и иных документов, затрагивающих права и законные интересы граждан и организаций, то правовой основой такой деятельности выступают Закон Республики Беларусь от 22 апреля

1992 г. № 1605-XII «О профессиональных союзах», Директива Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20 марта 2012 г. №247 «Об организации общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов по развитию предпринимательства, вопросов осуществления предпринимательской деятельности и внесении дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2008 г. № 2070», которым утверждается Типовое положение об общественно-консультативном (экспертном) совете по развитию предпринимательства, иные нормативные правовые акты. Помимо обсуждения проектов актов законодательства, представители бизнес-сообщества, профсоюзов, науки могут принимать участие в деятельности рабочих групп по разработке нормативных правовых актов, высказывать свое мнение в рамках различного рода совещаний и ответов на запросы по проектам нормативных правовых актов и др. Сотрудничество государственной власти с профсоюзами, ассоциациями, общественными организациями, как отмечает Е. А. Рочева, позволяет консолидировать общество, активизировать творческие силы нации, эффективно контролировать действия бюрократического аппарата в целях борьбы с коррупцией [7, с. 53].

Участие в проведении социологических опросов по вопросам противодействия коррупции предполагает высказывание общественностью своей гражданской позиции с целью ее последующего анализа и учета при выработке мер по борьбе с коррупцией. В Республике Беларусь мониторингом общественного мнения жителей республики занимаются различные социологические службы. Наиболее известными являются Институт социологии Национальной академии наук Республики Беларусь, Центр социологических и политических исследований БГУ и др. Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь, упраздненный в начале 2019 года, ежегодно проводил социологические опросы, в том числе и по вопросам восприятия коррупции гражданским обществом, публикуя их в сборниках материалов социологических исследований «Республика Беларусь в зеркале социологии». В июне 2019 года Академия управления при Президенте Республики Беларусь прошла аккредитацию в Комиссии по опросам общественного мнения при Национальной академии наук Беларуси и получила право изучать общественное мнение по актуальным социально-политическим вопросам, которые также относятся к республиканским референдумам, выборам Президента, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики Национального собрания и др. Широкое распространение получили небольшие опросы, в том числе по вопросам противодействия коррупции, размещенные на сайтах государственных органов, в целях получения обратной связи.

По мнению С. С. Купреева, повышение общественного контроля за деятельностью публичной администрации – залог эффективной государственной политики и прозрачности принимаемых решений и, в конечном счете, успешной борьбы с коррупцией [8, с. 10].

Заключение

Таким образом, общественный контроль в сфере противодействия коррупции представляет собой деятельность представителей гражданского общества,

способных принимать активное участие в правотворческом процессе, выработке комплекса мер по противодействию коррупции. Граждане, представители общественных объединений могут и должны использовать все способы реализации своих прав при осуществлении общественного контроля. Субъекты общественного контроля имеют право обращаться в публичные органы, получать доступ к информации в соответствии с законодательством, участвовать в обсуждении проектов и вносить свои предложения, выступать с критикой в различных мероприятиях и средствах массовой информации, участвовать в социологических опросах.

Достижение доверия, обеспечение взаимной ответственности государства и гражданского общества являются основными ориентирами формирования механизмов взаимодействия публичных и частных структур в борьбе с коррупцией. С другой стороны, социальный эффект от реализации функций общественного контроля получат не только граждане, но и представители органов власти и управления, чья деятельность станет более эффективной.

Список цитированных источников

1. Плотников, А. А. Общественный контроль и его потенциал в противодействии коррупции / А. А. Плотников // Вестник САФУ. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – Вып. 2. – С. 105–111.

2. Семашко, Е. В. Общественный контроль в системе форм взаимодействия граждан и государства / Е. В. Семашко // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. трудов Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2018. – Вып. 13. – С. 183–189.

3. Киселёва, А. М. Противодействие коррупции в исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации / А. М. Киселева, А. Е. Тимченко // Вестн. Омского ун-та. Сер. «Экономика». – 2011. – № 1. – С. 97–103.

4. Ярмоц, Е. Н. Общественный контроль в сфере борьбы с коррупцией / Е. Н. Ярмоц // Борьба с преступностью: теория и практика [Электронный ресурс]: тезисы докладов IV Междунар. научно-практ. конф., Могилев, 25 марта 2016 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь; УО «Могилевский ин-т МВД Республики Беларусь»; редкол.: Ю.П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.] – Могилев, 2016. – С. 301–303.

5. Агеев, В. Н. Процесс формирования гражданского общества как средство противодействия коррупции в Российской Федерации / В. Н. Агеев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 5–9.

6. Шедий, М. В. Общественный антикоррупционный контроль как механизм противодействия коррупции / М. В. Шедий // Среднерусский вестн. общ. наук : Политология: актуальные аспекты. – 2014. – № 2. – С. 123–130.

7. Рочева, Е. А. Гражданское обшество как субъект общественного антикоррупционного контроля / Е. А. Рочева // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. трудов /Научн.-практ. центр Гос. комитета суд. экспертиз Респ. Беларусь ; редкол. А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика. – Вып. 2/34. – С. 50–54.

8. Купреев, С. С. Общественный контроль как средство противодействия коррупции в органах власти и управления / С. С. Купреев // Адм. и муниципальное право. – 2010. – № 9. – С. 10 –12.

Аннотация. Статья посвящена роли общественного контроля в сфере противодействия коррупции. Рассмотрена правовая основа осуществления общественного контроля в Республике Беларусь. Детально проанализированы формы участия субъектов гражданского общества в общественном контроле.

PUBLIC CONTROL AS A MEANS OF COMBATTING CORRUPTION

Shved N.A.

Key words: corruption, combating corruption, public control, civil society, public discussion.

Abstract. The article is devoted to the role of public control in the field of combatting corruption. The legal basis of conduction of public control in Republic of Belarus is considered. The forms of participation of civil society persons in public control are analyzed in details.

УДК 342.41 + 328.185

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ И КОРРУПЦИЯ

Шупицкая О.Н.

Ключевые слова: конституция, конституционные принципы, конституционные нормы, коррупция, последствия коррупции.

Введение

Коррупция – социальное явление, характеризующееся расширением своего масштаба в условиях современных государств. Ввиду этого исследование коррупционных проявлений, их последствий, способов предупреждения и преодоления отличается актуальностью.

Вопросы коррупции изучались многими исследователями, среди которых следует выделить В.Н. Бурлакова, В.С. Комиссарова, В.М. Хомича, А.В. Дулова, В.В. Лунеева и др. Проблема конституционных принципов поднималась в работах такими учеными, как С.А. Авакьян, М.В. Баглай, Г.А. Василевич, Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин, А.А. Ливеровский. Между тем, анализ коррупции через призму конституционных принципов остается еще недостаточно исследованным вопросом. Именно он составляет предмет настоящей работы.

Основная часть

Конституционные принципы представляют собой фундаментальные идеи, исходные начала, лежащие в основе конституционного устройства государства и общества. Конституционные принципы воплощают собой такие положения, которые носят базовый характер. По мнению Н.Е. Таевой, еще одна черта, которая характеризует правовые принципы, – их неизменный характер [1]. Принципы права рассматриваются также и как руководящие идеи, лежащие в основе права [2].

Автор настоящей публикации придерживается точки зрения, согласно которой конституционные принципы права следует рассматривать как общеправовые принципы, а не относить их исключительно к отраслевым. Основой для данной позиции является утверждение Л. С. Явича, в соответствии с которым Конституция как Основной закон государства содержит важнейшие из основных правовых принципов общества [3]. Справедливости ради, следует отметить распространенность мнения, согласно которому конституционные

принципы права относятся к отраслевым. Так считает, например, Г.Н. Комкова [4].

Конституционные принципы и нормы разнообразны. Их принято подразделять на определенные группы. Среди них выделяются принципы, закрепляющие устои государства и общества. Данные принципы направлены на регулирование экономических, политических, социальных, духовно-идеологических, организационных и прочих общественных отношений. Как утверждает А.Н. Кокотов, такие принципы задают структуру российского права, единые цели, принципы, ценности всех его отраслей, обеспечивая их согласованное непротиворечивое действие [5]. Среди конституционных принципов и норм выделяются также группы, регламентирующие отношения, связанные с организацией институтов государственной власти, а также связанные с политической системой, системой основных прав и свобод личности.

Важнейшими конституционными принципами являются принципы правового государства, народовластия, справедливости, демократизма, гуманизма. Как представляется, именно они определяют правовое регулирование всех сфер общественных отношений. Соответственно, и деятельность, связанная с противодействием коррупции, также подпадает под их воздействие.

Коррупция – феномен, относящийся к числу негативных явлений современного государства и общества. Представляя собой в самом простом смысле слова «использование должностным лицом своего положения в целях получения личной выгоды», она порождает большие социальные последствия, подрывая вышеназванные конституционно-правовые принципы и, тем самым, угрожая правопорядку.

Правовое государство – это конституционный принцип, предполагающий собой обеспечение в обществе верховенства права (правового закона), гарантированность прав и свобод личности, реализацию принципа разделения властей.

Верховенство права проявляется в воплощении в реальные общественные отношения принципов и норм права, связанность ими всех государственных органов и должностных лиц. Следует акцентировать внимание, что верховенство права включает в себя несколько составляющих. Одна из них – это избираемость на честных и открытых выборах законодательных органов и руководящих представителей исполнительной власти. Вторая – разделение властей. Третья – функционирование представительной демократии. К проявлениям верховенства права относят также ограничение правительства и обеспечение независимости судебных органов.

Важный аспект верховенства права – функционирование в государстве такого законодательства (системы нормативных правовых актов), которое соответствует принципам права. Иными словами, речь идет о правовом законодательстве, правовых законах.

Коррупция как асоциальное явление запрещена нормативными правовыми актами. Причем, как на международном уровне, так и на национальном. Среди международных правовых актов – Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года и Конвенция ООН против коррупции от 31 ноября 2003 года.

Конвенция ООН от 15 ноября 2000 года касается вопросов коррупции лишь в части. Так, в преамбуле названного правового акта утверждается об опасности данного явления, подрывающего «демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость». Конвенция ООН 2000 года указала на то, что коррупция превратилась в транснациональное явление, затрагивающее общество и экономику всех стран. Предупреждение и борьба с коррупцией требуют всеобъемлющего и многодисциплинарного подхода.

Конвенция ООН 2003 года рассматривает вопрос более полно. В частности, в ней определяются основные термины, используемые в анализируемой сфере общественных отношений. Документ характеризует меры по предупреждению коррупции, а именно: политику и практику противодействия коррупции, органы, осуществляющие это противодействие, участие общества в данных мероприятиях. Особое внимание уделено в Конвенции криминальному аспекту противодействия коррупции, вопросу возврата полученных от коррупционных преступлений доходов, международному сотрудничеству в указанной области.

На проблему, связанную с социальными последствиями коррупционных проявлений, указывает и американский региональный документ, связанный с противодействием коррупции – Межамериканское соглашение против коррупции, которое было подписано в Каракасе (Венесуэла) 29 марта 1996 года. Венесуэльское соглашение в числе угроз для общества со стороны коррупции называет подрыв легитимности институтов власти, ущерб моральным устоям, правосудию, обществу в целом. От коррупционных проступков, согласно указанному документу, страдают демократические институты, экономика, в которой наблюдается дисбаланс, и государственное управление. Межамериканское соглашение уделяет особое внимание на связи коррупции с организованной преступностью, указывая на то, что она является инструментом в достижении целей последней.

Республика Беларусь ратифицировала Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенцию ООН против коррупции, Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и др. акты.

Основным национальным нормативным правовым актом, организующим деятельность, связанную с противодействием коррупции в Беларуси является Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 года № 305-З «О борьбе с коррупцией». Названный Закон определил государственные органы, на которые возлагаются функции по предупреждению и противодействию коррупционным проступкам, дал характеристику мероприятий, направленных на борьбу с коррупцией. Особое внимание в Законе уделено вопросам предупреждения коррупции и устранению ее последствий.

Таким образом, принцип верховенства права предполагает противодействие коррупции, которая угрожает обществу, подрывает авторитет права.

Еще один важный конституционный принцип – принцип народовластия. Согласно ч. 1 ст. 3 Конституции Республики Беларусь единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Народовластие означает полновластие народа, самостоятельную и независимую реализацию народом своей власти. В Беларуси народ реализует свою власть на двух уровнях. Это общегосударственный уровень и местный. Субъектом власти народа на общегосударственном уровне

является белорусский народ. На местном уровне – население территориальных коллективов, где действует местное самоуправление.

Реализация народовластия осуществляется непосредственно, т.е. посредством референдумов и свободных выборов, а также через создаваемые народом государственные органы.

Коррупция как асоциальное поведение может иметь место как в ходе организации, так и в процессе проведения референдумов и выборов. Следствием ее проявлений могут стать различного рода деформации: нарушения принципа равенства при организации избирательных комиссий, процедуры выдачи бюллетеней, злоупотребления, допускаемые при подсчете голосов и т.д. В случае референдумов и выборов коррупция может иметь место со стороны должностных лиц государственных органов, а также со стороны политических партий (так называемая политическая коррупция). Коррупционные проступки должностных лиц государственных органов, как представляется, является наиболее опасным видом коррупции.

Поведение коррупционной направленности нарушает принцип народовластия. Указанные поступки должностных лиц государственных органов препятствуют реализации народовластия, с одной стороны, а с другой, – дискредитируют его, что причиняет еще больший вред данному конституционному принципу.

Определенная противоречивость заключается в том, что причины коррупции имеют социальный характер. Ее истоки – в обществе, в его несовершенстве, в деформациях человеческой психики. Ведь и само общество зачастую допускает коррупционные проявления и даже приветствует их. Так, как правило, не подвергается осуждению помощь родственникам и близким, оказываемая должностными лицами государственных органов, проявления землячества и своячества и т.п. Кто-то возразит: «Это не коррупция». Ведь в данном случае речь может и не идти о корыстных мотивах представителей государственных органов. Да, и проявления подобного рода не носят системный характер. Вместе с тем, следует признать, что такого рода формы поведения опасны тем, что создают почву для коррупции, оказывают негативное влияние на правосознание и правовую культуру граждан.

Один из аспектов народовластия – осуществление постоянного и действенного контроля со стороны представителей общественности за функционированием государственных органов, деятельностью должностных лиц. Общественный контроль – эффективный способ предупреждения и противодействия коррупционным проступкам.

Способами предотвращения коррупции в государственных органах являются четкая регламентация деятельности должностных лиц, не оставляющая места для произвола; открытость и гласность в функционировании государственных органов; участие граждан, общественных организаций в формированиях, созданных для противодействия коррупции.

Допущение или недопущение коррупционных проступков – результат действия конкретных людей. Соответственно, чем выше их уровень правосознания и правовой культуры – тем менее вероятно совершение ими асоциальных форм поведения. В этой связи вопросы подготовки не только высокообразованных, но и морально честных, принципиальных специалистов

должны оставаться в приоритете профессиональной подготовки должностных лиц.

Один из самых востребованных обществом и государством конституционных принципов – принцип справедливости. Принцип справедливости означает равенство, соответствие, воздаяние за совершенное.

Коррупция нарушает принцип справедливости. Коррупция порождает привилегии, которые ведут не только к материальному, но и социальному неравенству. Опасны открытые проявления коррупции – получение денежных средств за выполнение в интересах субъектов действий, входящих в круг должностных обязанностей, принятие решений, выходящих за пределы полномочий должностного лица либо являющихся следствием злоупотребления ими. Но еще опаснее скрытые формы коррупции, не очень легко распознаваемые, но от этого не являющиеся менее значимыми. Скрытая коррупция – это назначение на должность или покровительство вышестоящих руководителей на основе родственных или земляческих принципов, уступки при совершении сделок, льготные покупки собственности и т.п.

Коррупция несет угрозу принципам демократизма, справедливости, гуманизма, поскольку по своей сути противоречит им, разрушает порядок общественных отношений, формируемый под их воздействием.

Конституционные принципы предполагают осуществление в обществе политики, направленной на предупреждение и противодействие коррупции. Они лежат в основе организации и функционирования механизма, призванного бороться с данным явлением. Это и система государственных органов, в чьи задачи входит противодействие коррупции; и нормативные правовые акты, регламентирующие данную деятельность, и общественные институты, задействованные как в воспитании и образовании кадров для государственной службы, так и в осуществлении контроля за деятельностью органов государственной власти.

Заключение

Конституционные принципы как важнейший регулятор общественных отношений определяют их порядок и направление развития. Коррупция нарушает конституционные принципы, препятствует их реализации, нарушает их авторитет. Принципы правового государства, народовластия, демократизма, справедливости, гуманизма и др. предопределяют необходимость предупреждения и противодействия коррупции и лежат в основе механизма, деятельность которого направлена на борьбу с коррупцией.

Список цитированных источников

1. Таева, Н. Е. Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской Федерации / Н. Е. Таева. – М. : Проспект, 2017. – 352 с.

2. Васильев, А. В. О правовых идеях-принципах / А. В. Васильев // Советское государство и право. – 1975. –№ 3. – С.12.

3. Явич, Л. С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы) / Л. С. Явич. – М., 1978. – 135 с.

4. Комкова, Г. Н. Содержание системы конституционного права России: современное прочтение / Г. Н. Комкова // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10 (95) октябрь. – С. 76–83.

5. Кокотов, А. Н. Право конституции в российском праве / А. Н. Кокотов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10 (47) – С.8.

Аннотация. Вопрос противодействия коррупции в условиях современного общества приобретает все большую актуальность. Коррупция подрывает устои общества и государства, а потому ее распространение видится чрезвычайно опасным.

Конституционные принципы определяют основы государства и общества, задают вектор их развития.

Статья рассматривает коррупцию через призму важнейших конституционных принципов – правового государства, народовластия, демократизма, справедливости, гуманизма. С одной стороны автор исследует вред, наносимый коррупционными проявлениями указанным принципам, а, с другой, делает вывод о том, что они лежат в основе противодействия коррупции.

CONSTITUTIONAL PRINCIPLES AND CORRUPTION

Shupitskaya A.N.

Keywords: Constitution, constitutional principles, constitutional norms, corruption, consequences of corruption.

Abstract. The issue of combating corruption in modern society is becoming increasingly important. Corruption undermines the foundations of society and the state, and therefore its spread is seen as extremely dangerous.

Constitutional principles define the foundations of the state and society, set the vector of their development.

The article considers corruption throчugh the prism of the most important constitutional principles – the rule of law, democracy, justice, humanism. On the one hand, the author examines the harm caused by corruption manifestations to these principles, and, on the other, concludes that they are the basis of anti-corruption.

УДК 343.352 (476)

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОЙ КОМПЛАЕНС-СИСТЕМЫ

Юрашевич Н.М., Трипузова А.А.

Ключевые слова: противодействие коррупции; антикоррупционная комплаенс-система; комплаенс-идеология; антикоррупционное образование; антикоррупционная компетентность; профессиональное антикоррупционное пространство.

Введение

Коррупция по всеобщему убеждению остается ключевой угрозой национальности безопасности. Отрицательные последствия этого явления затрагивают все сферы общества и касаются каждого человека. В связи с этим приоритетная задача любого государства как основного институционального образования состоит в выработке эффективного антикоррупционного механизма и его постоянном совершенствовании с учетом реалий времени.

В условиях современного развития общества и цифровой экономики требуется переход на новый уровень профилактики и предупреждения коррупции, минимизации ее рисков и последствий.

Все это предопределяет постоянный научный анализ и поиск новых, современных инструментов, научно-методологических подходов к исследованию коррупции как явления и сложной системы.

Целью исследования является разработка путей совершенствования системы мер противодействия коррупции: выявление предпосылок для формирования в нашей стране комплаенс-системы, внедренной в практику зарубежных организаций как института предупреждения коррупции, а также определение роли антикоррупционного образования в этой системе.

Вопросам антикоррупционного комплаенса посвящены публикации российских ученых и практиков, в частности, В. Астанина, С. Еремина, Э. Иванова. Однако данные важные вопросы, касающиеся создания комплаенс-систем, не получили должного отражения в отечественных научных исследованиях и их практической реализации.

Не в полной мере учитывается роль образования и антикоррупционной составляющей кадровой образовательной работы в противодействии коррупции. В настоящее время в Беларуси отсутствуют актуальные ежегодные государственные программы по антикоррупционному просвещению обучающихся, методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции, учебные дисциплины по комплаенсу, на законодательном уровне не предусмотрена ответственность за непринятие организациями мер противодействия коррупции.

Нерешенность и сложность ряда обозначенных проблем обусловливает новизну, актуальность и значимость исследования как в научном их преломлении, так и в практическом применении.

Основная часть

Коррупция, являясь сложным объектом и общественным явлением, обладает значительной устойчивостью к самосохранению и способностью к самоорганизации. В связи с этим, как правильно отмечает П.Н. Фещенко, в сфере противодействия коррупции необходим системный подход. Такой подход предполагает рассмотрение коррупции как системы взаимосвязанных элементов и ее места среди иных, связанных с нею систем, а также исследование систем воздействующих на них объектов и мер профилактического воздействия [1]. Следовательно, работа субъектов противодействия коррупции будет иметь устойчивый положительный эффект только при активной и слаженной их деятельности по нейтрализации причин и условий коррупции, ее деструктивных элементов и формировании в перспективе комплаенс-идеологии.

Отмеченное обусловливает объективную потребность в создании сложных систем и механизмов противодействия коррупции, способных учесть ее природу, минимизировать ее риски и угрозы, а также последствия. Приоритетными задачами правоприменителя становятся выработка и реализация стратегии нетерпимости к коррупции как явлению, формирование антикоррупционного сознания и профессионального пространства. Практическая реализация данных задач возможна только посредством совместных усилий всех институтов гражданского общества.

Именно эти факторы объясняют актуальность, значимость современной тенденции разработки и активного внедрения в практику зарубежных и российских организаций антикоррупционного комплаенса как инструмента повышения эффективности их деятельности и противодействия коррупции.

Лексическое значение слова «комплаенс» в переводе с английского дословно означает «соответствие», «согласие». В специальной литературе данный термин трактуется авторами различно, с учетом цели их исследований [2; 3; 4]. Однако они едины в том, что это эффективный институт предупреждения правонарушений, обеспечивающий, в том числе, законность и деловую репутацию организации.

В свою очередь, система комплаенс (Compliance System) в широком понимании – это признанная международная система противодействия угрозам и управления рисками, которая обеспечивает соответствие деятельности организации требованиям государственных органов, саморегулируемых общественных и иных организаций, соответствие нормам права, правилам, рекомендациям и стандартам, регламентирующим деятельность организации [5].

Республика Беларусь остается пока в поле «классических» приемов противодействия коррупции и в этом смысле отстает в концептуальных подходах к избранию методов, соответствующих уровню развития современных общественных отношений. Одной из причин этому видится недостаточное изучение прогрессивного зарубежного опыта и его практического преломления.

В то же время правовой основой для формирования системы комплаенса в нашей стране может служить ст. 5 Закона Республики Беларусь 15 июля 2015 г., № 305-З «О борьбе с коррупцией» [6], в которой проведение антикоррупционных мероприятий является обязанностью всех государственных органов и организаций независимо от формы собственности. В качестве недостатка, снижающего эффективность данной нормы, необходимо отметить отсутствие в законе ответственности за разработку и осуществление таких мероприятий.

Полагаем, что одним из ключевых элементов в системе мер профилактического воздействия и основой комплаенс-системы является антикоррупционное образование. Его роль в формировании сознания, компетенций и профессионального антикоррупционного пространства сложно переоценить. Крайне важным в реализации системного подхода видится усиление антикоррупционной составляющей кадровой образовательной и воспитательной работы в каждой организации.

Несмотря на отсутствие должного внимания к комплаенсу на государственном уровне, нельзя не отметить прогрессивный опыт отдельных бизнес-структур в вопросе отечественной антикоррупционной комплаенс-практики. Например, СООО «Мобильные ТелеСистемы» внедрен комплаенс на основании положения о соблюдении антикоррупционного законодательства в СООО «Мобильные ТелеСистемы», утвержденного приказом генерального директора от 12.01.2017 № 31. В положении закреплено, что компания открыто заявляет о неприятии коррупции, а в части информирования и обучения персонала предусматривает следующие мероприятия: непрерывный мониторинг всех изменений в нормативных требованиях и практике правоприменения антикоррупционного законодательства и своевременное информирование о них заинтересованных лиц; реализация и поддержка программы обучения

руководства, работников и представителей компании принципам и стандартам соответствия антикоррупционному законодательству посредством специально разработанной системы тренингов. Такие тренинги проводятся при трудоустройстве в компанию; ежегодно в электронной форме; на регулярной основе в очной форме, но не реже, чем раз в два года; а также по мере возникновения необходимости, в том числе, в случае существенных изменений антикоррупционного законодательства. Тем самым организация путем информирования и обучения сотрудников содействует повышению уровня корпоративной культуры, осведомленности в вопросах противодействия коррупции [7].

Считаем, что эффективность комплаенс-системы и формирование комплаенс-идеологии зависит не только от уровня знаний антикоррупционного законодательства, но и от его правильного психологического восприятия, практического применения, развития правового сознания, создания среды нетерпимости к коррупции. Это означает необходимость концептуальных изменений в работе кадровых служб, применении новых технологий, проведении на постоянной основе антикоррупционной образовательной и воспитательной работы. Каждому работнику следует обеспечить получение непрерывного антикоррупционного образования с использованием разных его форм.

В связи с этим особый интерес представляет опыт Китая, где роль образования в борьбе с коррупцией является фундаментальной, основополагающей и предусматривающей стратегическое партнерство государства, деловых кругов и гражданского общества. Так, вице-президент Китайской академии управления Вэньчжан Чжоу на Втором форуме ректоров академий государственного управления отмечал, что в Китае в практике борьбы с коррупцией действует постулат-триада: равнозначная важность образования, системы мер и контроля. Государство среди причин коррупции отмечает три ключевых: ненадлежащий уровень образования; несовершенство системы мер; недейственность контроля. Роль образования сводится к тому, чтобы чиновник не думал о коррупции, роль системы мер – чтобы он не мог коррумпироваться, роль контроля –чтобы не смел коррумпироваться. Для того, чтобы чиновник не думал о коррупции, в его мышлении формируются три последовательные «оборонительные линии»: морали, дисциплины и закона. Значение образования состоит в том, чтобы развить моральные качества служащего, побудить его сознательно соблюдать дисциплину и научить его строго следовать законам. В Китайской академии руководящих кадров Пудуна акцент делается на два направления: совершенствование личных моральных качеств и внутренних убеждений «человека власти» с целью развития способности субъективно сопротивляться коррупционным проявлениям и, одновременно, усиление антикоррупционного режима, мер и контроля. Много внимания уделяется комплексному использованию разнообразных форм обучения, его предметности и эффективности с упором на специальное обучение по коррупциогенным сферам. По справедливому убеждению китайских специалистов, в антикоррупционном образовании главным предметом его стандартизации является руководящий работник и его ежедневные административные действия. Для распространения эффекта антикоррупционного образования на дальнейшую работу выпускников и более широкую сферу общественной жизни осуществляется длительный послеучебный мониторинг. С этой целью к цепи

обучения добавлено еще одно звено: посредством семинаров с выпускниками китайские коллеги обмениваются информацией с соответствующими правительственными учреждениями, своевременно отслеживают эффективность деятельности своих выпускников. В результате это позволяет делать работу по антикоррупционному образованию еще более целенаправленной [8].

Считаем необходимым отметить определенный вклад Академии управления при Президенте Республики Беларусь (далее – Академия управления) в формирование антикоррупционной компетентности студентов и слушателей в ходе образовательного процесса. В рамках учебных программ предусмотрено не только изложение теоретического материала, но и проведение деловых игр, тренингов, тематических дискуссий, включающие вопросы антикоррупционного законодательства, основные методы и стратегии противодействия коррупционным явлениям.

Научно-исследовательским институтом теории и практики государственного управления Академии управления (далее – НИИ ТПГУ) в 2016 г. была разработана учебная программа по дисциплине «Противодействие коррупции». Ее востребованность обусловила разработку в 2018 г. специально для руководящих работников и специалистов организаций более углубленной учебной программы повышения квалификации на эту же тему. Цель этих программ – формирование у обучающихся устойчивой системы взглядов и компетенций, необходимых для негативного отношения к любым формам и проявлениям коррупции, для участия в организации и осуществлении противодействия ей. Кроме того, в 2018 г. был разработан тестирующий комплекс «Борьба с коррупцией: оценка знаний» из 45 вопросов. Данный комплекс рассчитан на руководителей, других работников государственных органов и иных организаций, а также используется при проведении лабораторных и практических занятий в рамках учебных программ повышения квалификации.

В настоящее время с целью обеспечения приведенного системного подхода, минимизации рисков и последствий коррупции в образовательный процесс 2019–2020 гг. Института государственной службы Академии управления в рамках переподготовки слушателей по специальности «Государственное управление национальной экономикой» введена новая дисциплина «Контроль и надзор в системе государственного управления». Полагаем, что это нововведение и разработанная НИИ ТПГУ учебная программа явятся важным образовательным элементом в системе мер профилактического противодействия коррупции, поскольку результативность такого противодействия во многом зависит от эффективности контрольно-надзорных мероприятий. В свою очередь, снижению коррупционных рисков и в целом последствий коррупции будет способствовать усвоение слушателями системных знаний о сущности контроля и надзора, особенностях их осуществления в сфере государственного управления и применения законодательства, регулирующего контрольно-надзорную деятельность. На получение навыков по противодействию коррупции, формированию антикоррупционного пространства в целом направлены и такие требования к профессиональным компетенциям обучающихся, как владение техникой принятия индивидуальных и групповых решений в сфере контрольно-надзорной деятельности, навыками оценки ее эффективности и технологией восстановления нарушенного права: порядка обжалования действий (решений)

государственных органов, их должностных лиц. Одновременно оценка эффективности контрольно-надзорной деятельности является важной составляющей современной кадровой политики и управления трудовой мотивацией государственных служащих. Поэтому в программе одним из ключевых итоговых требований к профессиональным компетенциям обучающихся указана готовность к выполнению должностных обязанностей по обеспечению законности, прав личности, интересов общества и государства.

Диагностика антикоррупционных знаний и разработка эффективной системы оценки входного контроля особенно важна для государственных органов при приеме на службу, на стадии отбора кандидатов.

Согласно п. 5 Указа Президента Республики Беларусь от 17.03.2005 № 139 «Об утверждении Положения о квалификационном экзамене для лиц, впервые поступающих на государственную службу» экзаменационные вопросы, вопросы для собеседования и тестирования, единые для всех экзаменуемых, разрабатываются Академией управления и утверждаются ее ректором после согласования с Администрацией Президента [9].

Необходимо отметить, что в настоящее время вопросы об антикоррупционном законодательстве не выделены в отдельный блок вопросов квалификационного экзамена и включены в перечень экзаменационных вопросов основ государственной кадровой политики (4 из 13). Для комплексной оценки знаний разработан тестирующий комплекс, который состоит из шести разделов по 15 вопросов каждый. К проверке знаний антикоррупционного законодательства отнесены также четыре вопроса.

Учитывая требования времени о модернизации механизмов борьбы с коррупцией в условиях цифровой экономики, а также мнение ряда государственных органов, полагаем важным внесение изменений в п. 5 названного Указа № 139, выделив вопросы об антикоррупционном законодательстве в отдельный блок вопросов квалификационного экзамена и расширив их перечень. Считаем необходимым включить в них наиболее актуальные вопросы, обусловленные изменением действующего законодательства, в частности, касающегося такой коррупциогенной сферы как система государственных закупок, на предмет знания антимонопольных требований к ним и новых антикоррупционных механизмов.

По этим причинам НИИ ТПГУ планируется совершенствование рекомендательного тестирующего комплекса «Борьба с коррупцией: оценка знаний» (придание ему более прикладного характера), с ориентацией на возможность его использования кадровыми службами различных организаций и комиссиями по противодействию коррупции.

В современных условиях образовательные программы, особенно для государственных служащих, должны быть максимально индивидуализированы, предусматривать антикоррупционные технологии и механизмы реализации с учетом направления и особенностей их профессиональной деятельности. Например, для работников кадров – обучение технологии кадровых служб по профилактике коррупционных нарушений, для руководителей и «резервистов» – обучение правилам подготовки и проведения стратегического совещания по выработке антикоррупционных мер.

Представляется необходимым шире использовать возможности привлечения к проведению тематических занятий специалистов в области борьбы

с коррупцией, руководящих работников Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, других правоохранительных и контрольных органов. Прогрессивным и знаковым примером такого взаимодействия является преподавание Генеральным прокурором Республики Беларусь А.В. Конюком с этого учебного года в Институте государственной службы Академии управления учебной дисциплины по противодействию коррупции. Полагаем, что это существенно усилит значимость антикоррупционного образовательного аспекта, а также придаст ему практико-ориентированный характер.

Предлагаем кадровым службам, комиссиям по противодействию коррупцией и учреждениям образования при разработке соответствующих мероприятий и программ учитывать как специфические коррупционные риски цифровой трансформации экономики, так и ее преимущества. Например, к таким рискам относится уход личности государственного служащего в виртуальную реальность и возможность анонимного незаконного пользования материальными благами (ресурсами), а также совершение коррупционных действий в криптовалюте. В то же время цифровизация дает возможность широкого вовлечения общественности в процесс борьбы с коррупцией, в том числе дистанционного антикоррупционного обучения и просвещения, обратной связи с уполномоченными государственными органами посредством использования информационных платформ (сайтов, порталов).

Видится актуальным наличие программ по психологическому обеспечению антикоррупционных мероприятий, применению методик проведения экспертизы нормативных правовых актов на коррупциогенность.

Необходимость перехода к личностно-ориентированному образованию борьбы с коррупцией требует внедрения в кадровые техники практико-ориентированных, специализированных курсов и программ с элементами геймификации, образовательных акмеологических и игровых интерактивных технологий, например, акмеологических тренингов, дистанционных образовательных модулей.

Полагаем важным сопровождение учебного процесса его постоянным мониторингом посредством анкетного опроса обучающихся.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Противодействие коррупции в современных условиях требует системного концептуального подхода, модернизации антикоррупционого механизма, действенного использования всех его инструментов, исследование и применение прогрессивного зарубежного опыта.

2. Одним из путей совершенствования антикоррупционного механизма и частью системы правовых превентивных мер может стать адаптированное внедрение на примере российской и зарубежных практик антикоррупционной комплаенс-системы как института предупреждения нарушений.

3. Основой эффективной комплаенс-системы является антикоррупционное образование, которое должно играть значимую роль в создании антикоррупционного профессионального пространства как необходимого элемента системы комплаенс-идеологии. При этом необходимо смещать образовательный вектор с усвоения обучающимися академических знаний антикоррупционного законодательства на комплексное формирование у них неприятия коррупции как явления.

4. Образование должно стать солидарным, учитывая солидарность субъектов активного и пассивного подкупа, других коррупционных правонарушений. Для этого требуется применение новых кадровых и образовательных, в том числе акмеологических, технологий.

5. В целом обеспечение принципа системности включает одновременно несколько направлений совершенствования антикоррупционного образования, в том числе:

– обеспечение углубленного изучения современных психологических знаний, методов, технологий по формированию морально-этического неприятия явлений коррупции и выработке средств противодействия ей;

– проведение обязательных образовательных, коррекционных мероприятий по нейтрализации психологических аспектов профессионального взаимодействия с учетом специфики организации;

– введение в перспективе учебных курсов (отдельных тем), посвященных комплаенс-системам, уделив особое внимание вопросам антикоррупционного просвещения.

Список цитированных источников

1. Фещенко, П. Н. Системный подход к противодействию коррупции [Электронный ресурс] / П. Н. Фещенко // КонсультантПлюс: Российское законодательство / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Астанин, В. В. О реалиях и задачах коррупционного комплаенс [Электронный ресурс] / В. В. Астанин // Мониторинг применения. – 2017. – № 3 (24). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-realiyah-i-zadachah-korporativnogo-antikorruptsionnogo-komplaens. – Дата доступа: 06.09.2019.

3. Иванов, Э. А. Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС : моногр. / Э. А. Иванов. – М., 2015. – 136 с.

4. Еремина, С. Н. Комплаенс в России: сущность и применение в сфере регулирования труда / С. Н. Еремина // Юрист. – 2017. – № 17. – С. 37–40.

5. Балакин, В. В. Что такое комплаенс. Вопросы и ответы [Электронный ресурс] / В. В. Балакин. – Режим доступа: https://www.compliance.su/blog/chto-takoe-komplaens-voprosi-i-otveti. – Дата доступа: 21.03.2019.

6. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

7. Положение о соблюдении антикоррупционного законодательства в СООО «Мобильные ТелеСистемы» [Электронный ресурс] : приказ Генерального директора СООО «Мобильные ТелеСистемы», 12.01.2017, № 31. – Режим доступа: https://www.mts.by/company/partner/documents/polozhenie_antikor. – Дата доступа: 06.09.2019.

8. Барциц, И. Противодействие коррупции – условие модернизации государственного управления / И. Барциц // Государственная служба. – 2011. – № 3 (71). – С. 5–10.

9. Об утверждении Положения о квалификационном экзамене для лиц, впервые поступающих на государственную службу [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 марта 2005 г., № 139: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 03.10.2017 № 359 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы повышения эффективности противодействия коррупции с точки зрения обеспечения принципа системности. Обосновывается необходимость внедрения в практику организаций независимо от форм собственности комплаенс-систем как инструмента предупреждения

антикоррупционных правонарушений. Приводится положительный отечественный опыт антикоррупционной комплаенс-практики СООО «Мобильные ТелеСистемы». Дается оценка определяющей роли образования в структуре регулирующего воздействия комплаенс-системы на коррупцию с позиции перспективного формирования комплаенс-идеологии, эффективной кадровой антикоррупционной образовательной и воспитательной работы в организации. Анализируется китайский опыт и вклад Академии управления при Президенте Республики Беларусь в формирование антикоррупционной компетентности обучающихся. Аргументируется потребность в новых образовательных программах, перехода к личностно-ориентированному образованию, модернизации кадровых процессов, внедрении эффективной системы управления мотивацией персонала, акмеологических технологий, отвечающих реалиям времени и цифровой трансформации общества. Акцентируется внимание на то, что эти программы и технологии должны быть направлены на антикоррупционное просвещение, формирование сознания неприятия коррупции, а также создание антикоррупционной среды и профессионального пространства. Предлагается концептуальное видение подобных учебных программ.

ANTI-CORRUPTION EDUCATION AS THE BASIS OF AN EFFECTIVE COMPLIANCE SYSTEM

Yurashevich N.M., Trypuzava A.A.

Keywords: anti-corruption; an anti-corruption compliance system; compliance ideology; anti-corruption education; anti-corruption competence; professional anti-corruption space.

Abstract. The key problems of increasing the effectiveness of the resistance against corruption in terms of guaranteeing the principle of consistency is analyzed in the article. The necessity of implementing of compliance systems as a tool for preventing anti-corruption offenses is grounded. Positive native experience of anti-corruption compliance practice of Mobile TeleSystems JLLC is presented. The assessment of the key role of education in the structure of the regulatory impact of the compliance system in combating corruption from the perspective of the further formation of compliance ideology, effective personnel anti-corruption educational and upbringing work in the organization is assessed. The Chinese experience and the contribution of the Academy of Public Administration under the aegis the President of the Republic of Belarus to the formation of anti-corruption competence of students is analyzed. The need for new educational programs, the transition to a personality-oriented education, the modernization of personnel processes, the introduction of an effective personnel motivation management system, acmeological technologies that meet the realities of time and the digital transformation of society are argued. The conceptual vision of such training programs is proposed.

УДК 328.185+347.963

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПРОКУРАТУР ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

(ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Научно-исследовательские работы по данной проблеме выполнены в Научно-методическом центре Координационного совета генеральных прокуроров (далее – КСГП) во исполнение п. 1.3 Плана работы КСГП на 2019-2023 годы, в соответствии с решением КСГП от 20.09.2018 и на основе сведений, поступивших из генеральных прокуратур Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан[1].

I. Коррупция, являясь одним из опасных деяний, признана мировым сообществом как тяжкое преступление и одним из угрожающих элементов национальной безопасности государств, она препятствует их социально-экономическому развитию и стабильности.

Противодействие коррупции является составной частью внутренней и внешней политики каждого государства, входящего в СНГ. Эффективность противодействия коррупции зависит от активного участия всех государств – участников СНГ.

Понятие противодействие коррупции охватывает деятельность всех органов государственной власти по выявлению, предупреждению и устранению причин и условий, способствующих возникновению коррупционных ситуаций, раскрытию и расследованию коррупционных преступлений, устранению их негативных последствий, обеспечению прав и свобод, повышению уровня жизни граждан, развитию экономики и обеспечению безопасности страны.

Правовые основы противодействия коррупции включают в себя разветвленную систему нормативных актов универсального, регионального и двустороннего характера. К наиболее значимым документам, определяющим принципиальные положения в области противодействия коррупции, относятся Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 года, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года, Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 года, Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года.

Названные договоры регламентируют не только основные вопросы международного сотрудничества в предупреждении коррупции и борьбе с ней, но и определяют направления развития национальных правовых систем

[1] В материалах, представленных генеральными прокуратурами государств - участников СНГ, отсутствуют единые критерии отражения информации, в связи с чем при освещении отдельных форм сотрудничества приводятся сведения только по тем странам Содружества, которые представили соответствующие сведения.

государств - участников. Имплементация конвенционных положений в национальное законодательство государств - участников способствует формированию универсального правового пространства, характеризующегося наличием единых стандартов в сфере противодействия коррупции.

С целью осуществления согласованной законодательной деятельности государств – участников СНГ по вопросам противодействия коррупции, а также приведения законодательства государств - участников СНГ в соответствие с международными договорами Межпарламентской Ассамблеей государств - участников СНГ приняты модельные законы: от 3 апреля 1999 года «О борьбе с коррупцией», от 15 ноября 2003 года «Основы законодательства об антикоррупционной политике», от 25 ноября 2008 г. «О противодействии коррупции», от 17 мая 2012 г. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», от 29 ноября 2013 г. «Об антикоррупционном мониторинге».

На основе положений модельных законов разработаны и утверждены: Рекомендации по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (постановление от № 38-18), Рекомендации по совершенствованию законодательства государств - участников СНГ в сфере противодействия коррупции (постановление от 23.11.2012 № 38-17), Рекомендации по проведению антикоррупционного мониторинга в государствах – участниках СНГ (постановление от 29.11.2013 № 39-22), Комментарий к модельному закону «О противодействии коррупции (новая редакция)» (постановление от № 38-21).

11 октября 2017 г. решением Совета глав государств СНГ одобрена Концепция сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции.

II. Во всех государствах Содружества осуществляется активная работа по совершенствованию национального законодательства в сфере борьбы с коррупцией и приведению его в соответствие с международными стандартами.

Республика Беларусь, являясь участницей ряда конвенций ООН и Совета Европы в области борьбы с коррупцией, проводит значительную работу по совершенствованию антикоррупционного законодательства, обеспечению действенных механизмов противодействия коррупционным проявлениям.

В настоящее время в Республике Беларусь продолжается работа по совершенствованию законодательства, которое регулирует общественные отношения, наиболее подверженные коррупции.

Основным документом в этой сфере стал Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 года № 7 «О развитии предпринимательства», который минимизирует вмешательство должностных лиц в работу субъектов хозяйствования и усиливает механизмы саморегулирования бизнеса, его ответственность за свою работу перед обществом.

В **Республике Казахстан** коррупция рассматривается в качестве прямой угрозы национальной безопасности. 26 декабря 2014 г. Указом Президента утверждена Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015 – 2025 годы, которая определяет основные направления антикоррупционной политики государства на предстоящие годы. 29 мая 2018 года Правительством Республики Казахстан утвержден План реализации указанной стратегии на 2018 – 2020 годы *(далее – План),* который сформирован с учетом анализа

трехлетней практики, коррупционных рисков, выводов и рекомендаций, выработанных в рамках Национального доклада о противодействии коррупции, а также рекомендаций международных организаций (ООН, ОЭСР и Транспаренси Интернешнл).

План согласован со всеми заинтересованными государственными органами и организациями и получил положительную оценку со стороны представителей общественных объединений, бизнес-сообщества и политических партий; предусматривает 103 мероприятия, из которых 38 подлежат реализации в 2018 году, 21 – в 2019 году, 14 – в 2020 году и 30 ежегодно.

Благодаря инициативам Г лавы государства по реализации Плана нации «100 конкретных шагов» в Казахстане проведена масштабная реформа государственной службы, нацеленная на создание профессионального госаппарата.

В целях исключения коррупционных проявлений активно работает онлайн портал «Электронное правительство», посредством которого оказываются многие государственные услуги. Важным этапом стало и создание в рамках реализации Плана наций «100 конкретных шагов» Государственной корпорации «Правительство для граждан» как единого провайдера предоставления ряда значимых услуг.

Модернизирована не только система госслужбы, но и противодействия коррупции, которая максимально ориентирована на предупреждение коррупционных проявлений.

Так, Министерством внутренних дел совместно с местными исполнительными органами почти во всех городах Казахстана реализованы проекты по организации функционирования специализированного центра обслуживания населения по вопросам регистрации транспортных средств, приема экзаменов и выдачи водительских удостоверений. В специализированных центрах обслуживания населения все услуги осуществляются в автоматизированном режиме, что полностью исключает контакт сотрудника полиции с получателями госуслуг. Введена услуга по оплате штрафа за нарушение Правил через портал электронного правительства.

Осуществлен переход на бесконтактный контроль за соблюдением Правил дорожного движения. Во всех городах республики применяются автоматические системы фиксации нарушений Правил дорожного движения. Это позволяет исключить контакты полицейских с правонарушителями и, соответственно, минимизировать коррупционные проявления на дорогах и исключить конфликтные ситуации.

Более 80 % автомашин дорожно-патрульной полиции оснащены видеорегистрирующими устройствами, которые в постоянном режиме осуществляют запись дорожной ситуации по маршруту движения экипажа.

Принят Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности».

Он предусматривает новеллы, направленные на сокращение сроков задержания граждан, обязанность уведомления граждан о проведенных в отношении них негласных следственных действий, расширении полномочий адвокатов по внесению ходатайств и сбору доказательств. Введен институт

приказного производства и предусмотрена возможность осуществления уголовного судопроизводства в электронном формате.

Работа в этом направлении продолжается и находится на постоянном контроле органов прокуратуры Республики.

Противодействие коррупции является одной из приоритетных задач государственной политики **Кыргызской Республики,** направленной на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, соблюдение законности, публичности, открытости и правовой регламентации деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. В свете усиливающейся борьбы с коррупцией был принят ряд нормативных правовых актов Кыргызской Республики, направленных на искоренение этого негативного явления.

В феврале 2017 года был принят новый Уголовный кодекс (УК) Кыргызской Республики (введен в действие с 1 января 2019 года). Главой 44 данного Кодекса (коррупционные и иные преступления против интересов государственной и муниципальной службы) установлена уголовная ответственность за злоупотребление должностным положением, превышение власти, незаконное обогащение, получение взятки, вымогательство взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, обещание или предложение посредничества во взяточничестве и др. Пересмотрены формулировки преступлений злоупотребления и превышения властью. Дается понятие «Должностное лицо», «Должностное лицо, занимающее ответственное положение», «Иностранное публичное должностное лицо» и «Должностное лицо публичной международной организации». В новом кодексе вводится институт ответственности юридических лиц. Также изменяется порядок конфискации имущества и доходов, полученных в результате коррупционных преступлений (конфискация не считается видом наказания, а является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, которая будет применяться ко всем коррупционным преступлениям, а не лишь к тем, где она упоминается как мера наказания, как это предусмотрено в действующем УК КР).

В Закон Кыргызской Республики «О противодействии коррупции» 2012 года также были внесены изменения, среди которых:

– запрет участвовать в тендерах, финансируемых из республиканского и местных бюджетов, компаниям, учредителями или участниками которых являются лица или их близкие родственники, занимающие политические государственные, политические муниципальные должности, специальные государственные должности, а также должности в органах прокуратуры и других правоохранительных органах;

– установление в качестве основания для освобождения от замещаемой должности, увольнения лица, замещающего должность государственной гражданской службы или муниципальной службы, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами КР, или для применения в отношении него иных мер юридической ответственности за непредставление им сведений в декларации либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений в декларации в соответствии с законодательством КР;

– принцип защиты государством государственного гражданского служащего или муниципального служащего, уведомившего работодателя или правоохранительные органы о фактах коррупции.

Законом от 28.07.2015 года № 200 были внесены изменения в **Кодекс об административной ответственности,** который дополнен новой главой 35-3 – Административные правонарушения, посягающие на законодательство в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию террористической или экстремистской деятельности, устанавливающей ответственность юридического лица за участие в совершении легализации (отмывания) преступных доходов или в коррупционных преступлениях (ст.505-22 данного Кодекса).

Следует также отметить, что в 2017 году были приняты два комплексных закона в сфере предотвращения и противодействия коррупции: Закон Кыргызской Республики от 2 августа 2017 года № 164 «О декларировании доходов, расходов, обязательств и имущества лиц, замещающих или занимающих государственные и муниципальные должности» и Закон Кыргызской Республики от 12 декабря 2017 года № 206 «О конфликте интересов».

В новом **Кодексе Кыргызской Республики о проступках** (принят в феврале 2017 года, введен в действие с 1 января 2019 года) установлена ответственность за ряд коррупционных деяний:

– подкуп спортсмена, спортивного судьи, тренера, руководителя команды или другого участника либо организатора профессионального спортивного соревнования, а равно организатора или члена жюри зрелищного коммерческого конкурса с целью оказания влияния на результат соревнования или конкурса (ст. 109);

– злоупотребление полномочиями в коммерческой или иной организации, в том числе совершенное служащим государственного или муниципального предприятия, хозяйственного общества с уставным капиталом (ст. 113);

– подкуп участников уголовного процесса (ст. 164)1.

В 2018 году в **Российской Федерации** активно совершенствовалось антикоррупционное законодательство. В рамках реализации мероприятий Национального плана противодействия коррупции на 2018-2020 годы принят ряд мер, направленных в основном на систематизацию и актуализацию нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции.

В их числе следует отметить Федеральный закон от 03.08.2018 № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции», Федеральный закон от 03.08.2018 № 298-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», Федеральный закон от 03.08.2018 № 304-ФЗ «О внесении изменения в статью 193 Трудового кодекса Российской Федерации».

В целях совершенствования механизма контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам

[1] https://www.prokuror.kg/files/docs/2018/09/oecd-acn-kyrgyzstan-4th-round-monitoring-report-2018-rus.pdf.

Федеральный закон от 03.12.2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» дополнен возможностью обращения в доход государства денежной суммы, эквивалентной стоимости имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, при отсутствии возможности обращения в доход государства такого имущества.

Установлен срок (шесть месяцев), в течение которого осуществляется процедура контроля за расходами в отношении лиц, уволенных с государственных должностей и членов их семьи.

В соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 03.08.2018 № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции» в Федеральные законы от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», увеличен срок давности за совершение коррупционных деяний. Взыскания применяются не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении работником коррупционного правонарушения и не позднее трех лет со дня его совершения, что, по мнению законодателя, должно обеспечить неотвратимость такой ответственности.

Закреплена возможность упрощенного порядка применения взысканий за коррупционные правонарушения – с согласия лица и при условии признания им факта совершения нарушения.

Федеральным законом от 03.08.2018 № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции» внесены изменения в Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» в соответствии с которыми расширен перечень лиц, которые могут получать в кредитной организации справки по операциям, счетам и вкладам физических и юридических лиц в случае проведения проверки достоверности и полноты сведений о доходах и расходах. В данный перечень добавлены руководители государственных корпораций и публично-правовых компаний.

Федеральным законом от 03.08.2018 № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции» внесены изменения в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»,

которыми изменен порядок управления коммерческими и некоммерческими организациями лицами, замещающими государственные и муниципальные должности. В частности, установлен запрет на участие указанными лицами в управлении такими организациями на возмездной основе.

Федеральным законом от 03.08.2018 № 298-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» ст. 19.28 («Незаконное вознаграждение от имени юридического лица») КоАП РФ дополнена примечанием 5, в котором закрепляются основания, при наличии которых юридическое лицо освобождается от административной ответственности за административное правонарушение. Указанные изменения не распространяется на административные правонарушения, совершенные в отношении иностранных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций при осуществлении коммерческих сделок.

Кроме того, КоАП РФ дополнен новой статьей 27.20 («Арест имущества в целях обеспечения исполнения постановления о назначении административного наказания за незаконное вознаграждение от имени юридического лица»). В соответствии с данной нормой, имущество юридического лица может быть арестовано, если это юридическое лицо совершило административное правонарушение, предусмотренное ст. 19.28 КоАП РФ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица». Стоимость арестованного имущества юридического лица не может превышать максимальный размер штрафа по данной статье – «до стократной суммы денежных средств, стоимости ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, незаконно переданных или оказанных либо обещанных или предложенных от имени юридического лица, но не менее 100 млн руб.».

В случаях, когда у юридического лица отсутствует имущество, арест будет наложен на денежные средства на его банковских счетах.

Сокращен срок, в течение которого юридическое лицо должно оплатить административный штраф, назначенный за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.28 КоАП РФ. Теперь этот срок не может превышать семь дней со дня вступления постановления о наложении административного штрафа в законную силу.

Федеральным законом от 27.12.2018 № 570-ФЗ «О внесении изменения в статью 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» установлено, что ответственность юридических лиц за передачу, предложение или обещание незаконного вознаграждения наступает в случае дачи такого вознаграждения, в том числе и в интересах связанных с ним юридических лиц.

Федеральным законом от 27.12.2018 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внесены изменения, затрагивающие порядок действий по установлению имущества подозреваемого или обвиняемого. Предусмотрена обязанность лица, осуществляющего предварительное расследование, принять меры по установлению имущества подозреваемого или обвиняемого не только в целях обеспечения гражданских исков по уголовному делу, но и, в том числе, в тех случаях, когда за совершённое преступление предусмотрены применение мер по конфискации имущества, либо наказание в виде штрафа, а также

имущественные взыскания. При этом указанные меры должны быть приняты следователем и дознавателем незамедлительно.

Совместным Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 853/11, МВД России № 5 от 25.12.2018 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» в указанный перечень добавлены преступления, предусмотренные ст. 2001 УК РФ («Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа»), ст. 2004УК РФ («Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»), ст. 2005 УК РФ («Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок»), ч. 3 ст. 299 УК РФ («Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела»).

25 сентября 2006 года **Республикой Таджикистан** подписана Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции, которая ратифицирована постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 16.04.2008 № 952.

Также в целях выполнения международных обязательств и реформ государственного управления, формирования прозрачной системы деятельности органов управления, экономии и эффективного использования бюджетных средств и обеспечения устойчивого экономического, социального и культурного развития Республики Таджикистан Указом Президента Республики Таджикистан от 10 января 2007 года № 143 было учреждено Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан.

В целях принятия комплексных организационных, социально - экономических мер по координации деятельности государственных органов и участия гражданского общества в борьбе с коррупцией постановлением Правительства Республики Таджикистан от 26 января 2008 года № 34 была утверждена Стратегия борьбы с коррупцией в Республике Таджикистан на 2008 – 2012 годы. С учетом окончания реализации указанной Стратегии и объективной необходимости продолжения деятельности в данном направлении, усиления последовательных действий в этой сфере, разработана Стратегия противодействия коррупции в Республике

Таджикистан на период 2013 – 2020 годы.

Стратегия противодействия коррупции в Республике Таджикистан на 2013 – 2020 годы, как перспективный программный среднесрочный акт политики Республики Таджикистан в сфере противодействия коррупции, направленный на снижение интенсивности и уровня коррупции в стране, разработана с учетом международных стандартов во взаимодействии между государственными органами и гражданским обществом и будет осуществляться в сотрудничестве с влиятельными мировыми и региональными организациями.

Данная Стратегия, как важный государственный документ, заложила прочную основу для усиления борьбы и предупреждению коррупционных преступлений, в её рамках нашли своё решение основные вопросы борьбы с коррупцией с учётом заключений социологических исследований, опыта правоохранительных органов других государств и статистического анализа состояния коррупции за пройденный период в стране.

В рамках названных Стратегий в соответствующих нормативных правовых актах нашли своё регулирование вопросы эффективной борьбы с коррупцией, своевременного возбуждения и расследования дел о коррупционных преступлениях, подследственности административных правонарушений коррупционного характера, механизма надлежащего управления и обеспечения прозрачности в деятельности государственных органов, бухгалтерского учёта и финансовой отчётности, внедрения электронным путем и посредством банков оплаты услуг государственных органов и учреждений, другие меры, предусмотренные в Стратегии.

В целях организации и осуществления комплексных мер профилактики и противодействия коррупции в Республике Таджикистан, устранения причин и условий, способствующих коррупции, и широкого привлечения гражданского общества в борьбе с коррупцией Указом Президента Республики Таджикистан от 14 декабря 2010 года № 968 был учреждён и введен в действие Национальный совет по противодействию коррупции Республики Таджикистан как общенациональный совещательный орган по координационной деятельности государственных органов и привлечению гражданского общества по осуществлению мер профилактики и противодействия коррупции, который начал реализацию ряда эффективных мероприятий на общенациональном уровне.

Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью закреплена ст. 10 Конституционного закона Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан». В целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению, прокурор созывает координационное совещание в соответствии с Положением «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», утверждённым Президентом Республики Таджикистан.

На заседаниях Координационного совета рассматриваются актуальные вопросы деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. В целях организации деятельности Секретариата и совершенствования работы Координационного совета по борьбе с преступностью Генеральной прокуратурой разработана Инструкция «О порядке осуществления деятельности Секретариата Координационного совета правоохранительных органов Республики Таджикистан», одобренная членами Координационного совета.

Координационная деятельность осуществляется на плановой основе, при этом прокурорами во взаимодействии с правоохранительными органами с учётом анализа состояния преступности разрабатывались и принимались соответствующие планы основных мероприятий.

Также необходимо отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 5 Закона Республики Таджикистан «О борьбе с коррупцией» координация деятельности органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, возлагаются на органы государственного финансового контроля и борьбы с коррупцией.

Указом Президента Республики Таджикистан от 25 ноября 2015 года № 587 утверждено Положение о координации деятельности органов по борьбе с коррупцией, целью которой является повышение эффективной деятельности по

предупреждению, профилактике, выявлению, пресечению и раскрытию коррупционных правонарушений, по производству дознания и предварительного следствия о коррупционных преступлениях, экономических преступлениях коррупционного характера и преступлениях, связанных с налогами, осуществляемого Агентством по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан.

Кроме того, с целью выявления в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актов коррупциогенных факторов и принятия мер по их устранению, 28 декабря 2012 года принят Закон Республики Таджикистан «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Постановлением Правительства Республики Таджикистан 3 июня 2014 года утвержден Порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, нормативных правовых актов общеобязательного характера министерств, государственных комитетов, других государственных органов, местных органов государственной власти, органов самоуправления посёлков и сел и их проектов, внутриведомственной антикоррупционной оценки проектов нормативных правовых актов.

Государственная антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов проводится органом по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан. Государственная антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов общеобязательного характера министерств, государственных комитетов, других государственных органов, органов самоуправления посёлков и сел проводится Министерством юстиции Республики Таджикистан. Внутриведомственная антикоррупционная оценка нормативных правовых актов проводится правотворческими субъектами.

Согласно ст. 15 Закона Республики Таджикистан «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» при осуществлении своих полномочий Генеральный прокурор Республики Таджикистан и подчиненные ему прокуроры при выявлении коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах в установленном законодательством Республики Таджикистан порядке направляют правотворческому субъекту или органу по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией представление по устранению коррупциогенных факторов, которое подлежит обязательному рассмотрению.

Кроме того, постановлением Правительства Республики Таджикистан от 29 мая 2018 года № 253 утверждена Методология статистического мониторинга состояния борьбы с коррупцией.

Целями данной Методологии являются определение состояния, предупреждения, выявления, регистрации, раскрытия, пресечения и уголовного преследования правонарушений коррупционного характера, судебного рассмотрения этого вида дел, уровня их распространения в министерствах и ведомствах, государственных комитетах, организациях, предприятиях и учреждениях, частном секторе, общественных объединениях и других сферах общества, а также обеспечение органов государственной власти объективной информацией о состоянии преступности коррупционного характера в стране и ходе реализации государственной политики Республики Таджикистан по

противодействию преступлениям коррупционного характера, обеспечение прозрачности и открытости в процессе борьбы с коррупцией, полного доступа населения к информации о состоянии преступности коррупционного характера в государстве и реализации государственной политики в борьбе с преступлениями коррупционного характера, создание условий для международного сотрудничества в обмене информацией по состоянию борьбы с коррупцией.

В целях приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами в Закон Республики Таджикистан «О борьбе с коррупцией» внесены изменения и дополнения: раскрыты понятия «противодействие коррупции», «субъекты правонарушений, связанных с коррупцией», «лица, приравненные к субъектам правонарушений, связанных с коррупцией». Также внесены дополнения в ст. 10 Закона об ограничениях, связанных с выполнением государственной или приравненной к ней должности. Лицу, занимающему государственную или приравненную к ней должность, запрещается: получать вознаграждения (ссуды, денежное и иное вознаграждение, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортные расходы) от физических и юридических лиц в связи с осуществлением своих полномочии, в том числе за оказанные при исполнении полномочии (прав и обязанностей) услуги, или не оказанные услуги в интересах другого лица, дарить подарки и оказывать услуги вышестоящим должностным лицам. Подарки, полученные в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, лицо, занимающее государственную или приравненную к ней должность, должно по акту передать как государственную собственность органу, в котором осуществляется деятельность по их хранению, за исключением сувениров или иных символических подарков, общая стоимость которых в течение года не превышает 100 (ста) показателей для расчетов.

Кроме того, ст. 31 Закона Республики Таджикистан «О государственной службе» изложена в новой редакции, которая предусматривает: «Декларирование доходов и имущественного положения претендентов на государственные должности государственной службы, государственных служащих и приравненных к ним должностей осуществляется в порядке, установленном Налоговым кодексом Республики Таджикистан и Законом Республики Таджикистан «О борьбе с коррупцией».

В **Республике Узбекистан** за последние два года осуществляются коренные преобразования многих сфер деятельности общества и государства. Основой реформирования является пятилетняя Стратегия развития Узбекистана, утвержденная Президентом Ш. Мирзиёевым (Указ от 07.02.2017 № УП – 4947), одним из приоритетных направлений которой определена борьба с коррупцией.

Придавая особое значение искоренению коррупции, по инициативе Президента 03.01.2017 принят закон «О противодействии коррупции», образована Республиканская межведомственная комиссия по противодействию коррупции (далее – РМК) во главе с Генеральным прокурором (единый координирующий орган в составе руководителей госорганов, представителей институтов гражданского общества и научных кругов), утверждена Государственная антикоррупционная программа на 2017 – 2018 годы.

Во исполнение названной программы:

– приняты законы: «О распространении правовой информации и обеспечении доступа к ней» (07.09.2017), «Об административных процедурах» (08.01.2018), «О государственных закупках» (09.04.2018), «Об общественном контроле» (12.04.2018); разрабатываются законопроекты: «О государственно-частном партнерстве», «О государственной службе», проект Национальной программы повышения правовой культуры в обществе в новой редакции и др.);

– усилены меры по искоренению коррупции в высших эшелонах власти;

– проводится широкая информационная кампания по формированию в обществе нетерпимого отношения к коррупции (встречи с населением, иные антикоррупционные мероприятия);

– транслируются социальные видеоролики, проводятся конкурсы творческих работ среди учащихся школ, колледжей и ВУЗов по данной тематике;

– в Генпрокуратуре ежегодно организуются дни «открытых дверей» и иные мероприятия, приуроченные к Международному дню борьбы с коррупцией (9 декабря).

Указом Президента «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательства» отменены плановые проверки, не связанные с финансово-хозяйственной деятельностью субъектов предпринимательства, а также контрольные проверки деятельности, тем самым укреплены правовые механизмы защиты субъектов предпринимательства, что способствовало улучшению инвестиционного климата и деловой среды в Узбекистане.

Обеспечивается привлечение к ответственности должностных лиц за незаконное вмешательство либо приостановление предпринимательской деятельности, возмещение непосредственно с виновных ущерба, причиненного субъектам предпринимательства.

В целях активизации вовлечения общества и граждан в профилактику преступлений (в т. ч. коррупционных) постановлением Кабинета министров от 08.01.2018 № 15 предусмотрено поощрение и материальное

стимулирование за активное участие граждан и общественных объединений в профилактике правонарушений и борьбе с преступностью.

Постановлением Президента Республики Узбекистан с 01.01.2019 вводится Перечень дополнительных действий правового и, технического характера при нотариальном удостоверении сделок по принципу «одно окно». В рамках активной модели нотариата создана база данных и информационных систем для обмена сведениями, интеграция с Автоматизированной информационной системой «Нотариус».

Для снижения коррупционных рисков указом (2017) и постановлением Президента (2018) на базе Управления по координации и развитию оказания госуслуг Минюста и Единых центров по оказанию госуслуг субъектам предпринимательства по принципу «одно окно» образовано Агентство государственных услуг при Министерстве юстиции Республики Узбекистан, в его основные задачи входит:

– реализация единой государственной политики в области оказания госуслуг физическим и юридическим лицам;

– совершенствование порядка оказания госуслуг за счет устранения избыточных административных процедур, развития межведомственного электронного взаимодействия;

– формирование Единого реестра госуслуг, осуществление координации деятельности госорганов и иных организаций в данной сфере;

– участие в выработке единых подходов к проектированию, разработке, внедрению и интеграции информационных систем, ресурсов и баз данных, используемых при оказании государственных услуг;

– контроль и оценка эффективности деятельности госорганов и иных организаций в сфере оказания госуслуг, в т. ч. по внедрению соответствующих информационных систем, ресурсов и баз данных;

– организация внедрения инновационных форм и методов оказания госуслуг, выработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Узбекистан участвует в разработке проекта Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества в противодействии коррупции.

III. В целом следует отметить, что сотрудничество прокуратур государств – участников СНГ в сфере противодействия коррупции осуществляется в формах, предусмотренных Соглашением о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников СНГ в борьбе с коррупцией (ст. 5).

Практика сотрудничества генеральных прокуратур стран Содружества показывает, что наиболее активно реализуется такое направление сотрудничества, как обмен опытом организации прокурорской деятельности в сфере борьбы с коррупцией. В частности, в рамках указанного направления сотрудничества стороны информируют Секретариат КСГП о практике работы органов прокуратуры в указанной сфере.

Учитывая значение международного сотрудничества и обмена опытом работы в борьбе с коррупцией и взяточничеством, являющимся одним из приоритетных направлений, в **Азербайджанской Республике** созданы благоприятные условия для построения и дальнейшего развития отношении с зарубежными партнерами и специализированными в этой сфере международными организациями.

За период с 01.05.2017 года по 13.12.2018 года обеспечена непрерывная деятельность справочного центра «161 – Горячая линия» с соблюдением графика и порядка дежурств сотрудниками. В целом в центр поступило 6365 обращений (за 01.05.2017 - 31.12.2017 год – всего 2697, за 01.01.2018 - 13.12.2018 год – всего 3668 обращений).

За указанный период Главным управлением по борьбе с коррупцией при Генеральном прокуроре Азербайджанской Республики было рассмотрено 6721 обращение граждан (с 01.05.2017 года по 31.12.2017 года было рассмотрено 2723 обращения, с 01.01.2018 года по 13.12.2018 года – 39998 обращений).

По 486 обращениям и другим информациям рассмотренным Главным управлением по борьбе с коррупцией проведены проверки, по 332 материалам возбуждены уголовные дела по различным статьям УК, а по 154 материалам принято решение об отказе в возбуждении уголовных дел.

Из них 106 связаны с мошенничеством, 175 – злоупотреблением должностными обязанностями, 23 – присвоением, 31 – взяточничеством, 11 – использованием фальшивых документов, 8 – превышением полномочий и др.

В течение 2018 г. в производстве компетентных органов **Республики Армения** было подготовлено 1988 материалов о преступлениях коррупционного характера (767 материалов за 2017 г.), по 1469 из которых (591 – за 2017 г.) были

возбуждены уголовные дела, по 451 из них в возбуждении уголовного дела было отказано, 68 материалов (11 – за 2017 г.) было направлено по подведомственности. Кроме возбужденных 1469 (591 – за 2017 г.) уголовных дел в этот период к производству принято 337 уголовных дел (186 – за 2017 г.), производство по 101 из которых (62 – за 2017 г.) ранее было прекращено или приостановлено и возобновлено, 206 (84 – за 2017 г.) были получены из других органов, 4 из них (9 – за 2017 г.) прокурором возвращены на дополнительное следствие и из расследуемых уголовных дел выделено в отдельное производство 26 (31 – за 2017 г.) уголовных дел, а также в производстве находилось 266 (253 – за 2017 г.) уголовных дел, перенесенных с предыдущего года.

В 2018 г. по 451 (165 – за 2017 г.) материалу компетентными органами Республики Армения было отказано в возбуждении уголовного дела, по 410 (157 – за 2017 г.) было отказано по реабилитирующим основаниям, а 41 (8 – за 2017 г.) по нереабилитирующим основаниям.

В 2018 г. из 2072 (1030 – за 2017 г.) уголовных дел, расследованных органами предварительного следствия Республики Армения, завершено производство по 749 (529 – за 2017 г.) делам, производство по 472 (321 – за 2017 г.) делам было прекращено по реабилитирующим основаниям, а производство по 126 (62 – за 2017 г.) – по нереабилитирующим основаниям. По 151 уголовному делу в отношении 266 лиц (145 дел в отношении 280 лиц – за 2017 г.), 21 (52 – за 2017 г.) лицо находились под стражей, производство по ним было завершено, вместе с обвинительным заключением дела были направлены в суд.

В указанный период из находящихся в производстве 2072 (1030 – за 2017 г.) уголовных дел производство по 88 (95 – за 2017 г.) делам было приостановлено, из которых 64 (55 – за 2017 г.) – в связи с тем, что лицо не было установлено, 23 (39 – за 2017 г.) в связи с тем, что лицо находится в розыске, а 1 (1 – за 2017 г.) – по другим основаниям, 142 (82 – за 2017 г.) уголовных дела были направлены по подведомственности, 415 (93 – за 2017 г.) дел были соединены, по 678 (231 – за 2017 г.) делам следствие продолжено, по указанным делам 35 лиц (19 – за 2017 г.) находятся под стражей.

В 2018 г. динамика подготовленных материалов и расследованных уголовных дел по отдельным видам преступлений коррупционной направленности представляла следующую картину.

В течение 2018 г. 1 материал (0 – за 2017 г.) был подготовлен *по нарушению равноправия человека и гражданина с использованием должностного положения* (ст. 143 УК РА), однако в возбуждении уголовного дела было отказано по реабилитирующему основанию.

По нарушению неприкосновенности жилища с использованием должностного положения (ст. 147 УК РА) был подготовлен 1 материал (0 – за 2017 г.), по которому в возбуждении уголовного дела было отказано по реабилитирующему основанию.

По воспрепятствованию осуществлению избирательного права, работе избирательных комиссий или осуществлению своих полномочий лицами, участвующими в выборах, с использованием должностного положения *(ст. 149 УК РА) было подготовлено 2 материала (0 – за 2047 г.), по которым в возбуждении уголовных дел, было отказано по реабилитирующим основаниям.*

По воспрепятствованию законной профессиональной деятельности журналиста с использованием должностного положения *(ст. 164 УК РА) был подготовлен 1 материал (0 – за 2017 г.), по которому в возбуждении уголовного дела было отказано по реабилитирующему основанию. В 2018 г. по указанному преступлению к производству было принято 2 уголовных дела (0 – за 2017 г.), одно из них получено из другого органа, осуществляющего уголовное преследование в Республике Армения, другое дело выделено из основного уголовного дела. Расследованные 2 уголовных дела в отношении 3 лиц вместе с обвинительным заключением были направлены в суд.*

По составу мошенничества, совершенного с использованием должностного положения (ст. 178 УК РА), было подготовлено 189 материалов (8 – за 2017 г.) по 145 (7 – за 2017 г.) по которым были возбуждены уголовные дела, в возбуждении уголовного дела по 30 (1 – за 2017 г.) материалам было отказано, 29 из которых – по реабилитирующим основаниям, по 1 – по нереабилитирующим основаниям, 14 материалов были направлены по подведомственности.

По присвоению и растрате с использованием должностного положения (ст. 179 УК РА) было подготовлено 447 материалов (81 – за 2017 г.), по 383 (69 – за 2017 г.) из них были возбуждены уголовные дела, по 60 (12 – за 2017 г.) из них в возбуждении уголовного дела было отказано, из которых 52 (10 – за 2017 г.) – по реабилитирующим основаниям, а 8 (2 – за 2017 г.) – по нереабилитирующим основаниям.

По причинению имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, совершенному с использованием должностного положения (ст. 184 УК РА) в течение 2018 г. было подготовлено 11 (2 – за 2017 г.) дел, по 11 (2 – за 2017 г.) из них были возбуждены уголовные дела.

По созданию, организации финансовой пирамиды ши руководству её деятельностью (ст. 189.1 УК РА) был подготовлен 1 материал (0 – за 2017 г.), по которому было возбуждено уголовное дело. Предварительное следствие по указанному преступлению осталось незавершенным.

По отмыванию денег (ст. 190 УК РА) было подготовлено 7 материалов (1 – за 2017 г.), по 7 (1 – за 2017 г.) из которых были возбуждены уголовные дела.

По коммерческой взятке (ст. 200 УК РА) было подготовлено 22 материала (11 – за 2017 г.), по 14 (11 – за 2017 г.) из которых были возбуждены уголовные дела, по 7 (0 – за 2017 г.) в возбуждении уголовного дела было отказано, по 6 из которых – по реабилитирующим основаниям, по 1 – по нереабилитирующему основанию.

По подкупу участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 201 УК РА) было подготовлено 3 материала (4 – за 2017г.), по 1 (4 – за 2017 г.) из которых было возбуждено уголовное дело.

•′ *По злоупотреблению полномочиями служащими коммерческих или иных организаций* (ст. 214 УК РА) было подготовлено 76 материалов (52 – за 2017 г.), по 54 (40 – за 2017 г.) из которых были возбуждены уголовные дела, по 20 (11 – за 2017 г.) из них было отказано в возбуждении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, по 1 (0 – за 2017 г.) – по нереабилитирующему основанию.

По хищению ши вымогательству оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ ши взрывных устройств с использованием должностного положения (ст. 238 УК РА) в 2018 г. был подготовлен 1 материал, возбужденное по нему уголовное дело было прекращено по реабилитирующему основанию.

По незаконной порубке деревьев, кустарников и растительного покрова (ст. 296 УК РА) было расследовано 1 уголовное дело, переданное с предыдущего отчетного периода, которое в отношении 3 лиц (одно лицо находилось под стражей) вместе с обвинительным заключением было направлено в суд.

По злоупотреблению должностными полномочиями (ст. 308 УК РА) было подготовлено 396 материалов (228 – за 2017 г.), по 214 (134 – за 2017 г.) из которых были возбуждены уголовные дела, по 170 (89 – за 2017 г.) из них было отказано в возбуждении уголовного дела.

По превышению должностных полномочий (ст. 309 УК РА) было подготовлено 164 материала (73 – за 2017 г.), по 115 (66 – за 2017 г.) из которых были возбуждены уголовные дела.

По незаконному участию в предпринимательской деятельности (ст. 310 УК РА) было подготовлено 3 материала (1 – за 2017 г.), по 2 из которых (1 – за 2017 г.) были возбуждены уголовные дела.

По получению взятки (ст. 311 УК РА) было подготовлено 147 материалов (63 – за 2017 г.), по 114 (55 – за 2017 г.) из которых были возбуждены уголовные дела.

По получению общественным служащим, не являющимся должностным лицом, незаконного вознаграждения (ст. 3111 УК РА) было подготовлено 166 материалов (6 – за 2017 г.), по 143 (3 – за 2017 г.) из которых были возбуждены уголовные дела, по 11 (3 – за 2017 г.) из них было отказано в возбуждении уголовного дела.

По даче взятки (ст. 312 УК РА) было подготовлено 47 материалов (17 – за 2017 г.), по 39 (17 – за 2017 г.) из них были возбуждены уголовные дела, по 8 в возбуждении уголовного дела было отказано.

По даче общественному служащему, не являющемуся должностным лицом, незаконного вознаграждения (ст. 3121 УК РА) было подготовлено 14 (0 – за 2017 г.) материалов, по 11 из них были возбуждены уголовные дела, по 1 в возбуждении уголовного дела было отказано.

По посредничеству во взяточничестве (ст. 313 УК РА) было подготовлено 3 материала (1 – за 2017 г.), по 1 (1 – за 2017 г.) из них было возбуждено уголовное дело.

По служебному подлогу (ст. 314 УК РА) было подготовлено 143 материала (88 – за 2017 г.), по 100 (67 – за 2017 г.) из которых были возбуждены уголовные дела, по 42 (21 – за 2017 г.) в возбуждении уголовного дела было отказано.

По непринятию, в предусмотренных законом порядке мер, в направлении предотвращения, приостановления самовольного занятия земельного участка, являющегося государственной или общинной собственностью, а также самовольного строительства зданий или сооружений *(ст. 3152 УК РА), было подготовлено 13 материалов (19 – за 2017 г.), по 7 из которых (10 – за 2017 г.) были возбуждены уголовные дела, по 6 (9 – за 2017 г.) в возбуждении уголовного дела было отказано.*

По воспрепятствованию осуществлению правосудия и следствию с использованием должностного положения (ст. 332 УК РА) было подготовлено 3 (0 – за 2017 г.) материала, по которым было возбуждено столько же дел.

По принуждению со стороны судьи, прокурора, следователя или лица, производящего дознание, к даче показаний или объяснения или ложного заключения, а равно осуществлению неправильного перевода *(ст. 341 УК РА) было подготовлено 5 материалов (8 – за 2017 г.), по которым было возбуждено столько же уголовных дел.*

По фальсификации доказательств (статья 349 УК РА) было подготовлено 13 материалов (11 – за 2017 г.), по 3 из которых были возбуждены уголовные дела (11 – за 2017 г.).

По умышленному неисполнению судебного акта (ст. 353 УК РА) было подготовлено 22 материала (17 – за 2017 г.), по 11 из которых были возбуждены уголовные дела (11 – за 2017 г.), по 10 (7 – за 2017 г.) в возбуждении уголовного дела было отказано.

По злоупотреблению властью, превышению или бездействию власти (ст. 375 УК РА) было подготовлено 87 материалов (68 – за 2017 г.), по 83 из которых были возбуждены уголовные дела (68 – за 2017 г.).

Обобщив вышеизложенное, можно аргументировать, что в 2018 г. показатели по раскрытию коррупционных преступлений возросли вдвое. Последние традиционно считаются преступлениями высокой степени латентности. Их обнаружение, раскрытие, а также доказывание вины должностных лиц часто представляют большую трудность и требует от органов уголовного преследования осуществления последовательных, грамотно спланированных, эффективных и скоординированных действий. Кроме того, для раскрытия таких преступлений большую роль играет гражданское общество в целом и, в частности, доверие граждан к правоохранительной системе, которое вследствие позитивных изменений, произошедших в Республике Армения в 2018 году, заметным образом увеличилось.

В 2018 году в **Республике Казахстан** зарегистрировано 2375 (за аналогичный период 2017 г. – 2452) коррупционных преступлений, снижение составляет – 3 %.

Большинство из них выявлено уполномоченными органами – 1724 (за аналогичный период 2017 г. – 1835, снижение на 6 %), в том числе: МВД – 288 (за аналогичный период 2017 г. – 274, рост на 5 %), прокуратурой – 131 (за аналогичный период 2017 г. – 108, рост на 21%), КГД – 71 (за аналогичный период 2017 г. – 38, рост в 2 раза), КНБ – 160 (за аналогичный период 2017 г. – 152, рост на 5 %).

Окончено расследованием 2 009 (2 159) дел, в суд направлено 1 865 (1 981) или 93 % (92 %) дел.

Наибольшее число преступлений совершено служащими акиматов – 266 (за аналогичный период 2017 г. – 257), сотрудниками органов внутренних дел – 258 (за аналогичный период 2017 г. – 251) и государственных доходов – 59 (за аналогичный период 2017 г. – 65).

В **Кыргызской Республике** работа органов прокуратуры по противодействию коррупции и надзору за исполнением законов за 9 месяцев 2018 года проводилась в соответствии с задачами, определенными указами Президента Кыргызской Республики «О Государственной стратегии

антикоррупционной политики Кыргызской Республики от 02.02.2012 № 26, «О мерах по устранению причин политической и системной коррупции в органах власти» от 12.11.2013 № 215, в соответствии с решением Совета Безопасности Кыргызской Республики от 08.02.2018 № 1, а также решениями коллегии Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по итогам работы органов прокуратуры Кыргызской Республики за 2017 – 2018 годы, отраслевыми приказами Генерального прокурора, направленными на обеспечение соблюдения Конституции Кыргызской Республики, исполнения законов и иных нормативных правовых актов в органах исполнительной власти и местного самоуправления Кыргызской Республики.

В рамках реализации Государственной стратегии антикоррупционной политики Кыргызской Республики государственными органами и органами местного самоуправления Кыргызской Республики разработаны планы мероприятий по противодействию коррупции на краткосрочный и долгосрочный периоды, в которых определены первоочередные мероприятия по снижению уровня этого негативного явления, с целью организации работы, способствующей мобилизации органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества по противодействию коррупции.

Следует отметить, что в связи с принятием в 2017 году Конституционного закона Кыргызской Республики «Об отдельных полномочиях прокуратуры, установленных Конституцией Кыргызской Республики», полномочия органов прокуратуры расширились. Так, в соответствии с требованиями вышеуказанного Закона предметом надзора органов прокуратуры, наряду с органами исполнительной власти, органами местного самоуправления и должностными лицами, также являются и иные государственные органы, перечень которых определяется конституционным законом.

Наряду с основными функциями по осуществлению надзора за исполнением законов органами исполнительной власти, а также другими государственнымиорганами, перечень которых определяется конституционным законом, органами местного самоуправления и должностными лицами указанных органов, в силу требований Закона Кыргызской Республики «О противодействии коррупции», органы прокуратуры осуществляют координацию деятельности государственных органов по вопросам борьбы с коррупцией, оценивают эффективность принимаемых мер и степень исходящих от коррупции угроз национальной безопасности, принимают меры прокурорского реагирования по предупреждению и пресечению коррупционных правонарушений, в том числе по приведению (отмене) незаконно принятых нормативных правовых актов в соответствие с законом.

Так, за 2018 год органами прокуратуры Республики в сфере противодействия коррупции выявлено 8033 нарушения законов, по результатам которых внесено 2806 (2212) актов прокурорского реагирования и к дисциплинарной ответственности привлечено 1932 (1872) лица, а к административной – 835 (282) лиц. Возбуждено 490 (413) уголовных дел и по актам прокурорского реагирования возмещено 97 233 235 (55 846 646) сомов, из которых в денежном выражении 50 825 500 сомов, в натуральном – 46 407 735 сомов.

При этом большинство выявляемых нарушений все еще приходится на действия должностных лиц государственных органов и органов местного

самоуправления, связанных с проведением государственных закупок и несоблюдением требований законов о противодействии коррупции.

В частности, по надзору за исполнением законов о государственных закупках органами прокуратуры было выявлено 2193 нарушения законов, по результатам которых внесено 838 актов прокурорского реагирования, что составляет 29,8 % от общего числа внесенных актов за отчетный период, а также возбуждено 84 уголовных дела (17,1 % от общего количества возбужденных дел). Сумма возмещения по результатам проверок соблюдения законов о государственных закупках составила 24 943 535 (19 703 982) сомов.

При осуществлении надзора за исполнением законов о коррупции выявлено 3188 нарушений, для устранения которых внесено 696 актов прокурорского реагирования, что составляет 24,8 % от общего числа внесенных актов за отчетный период, а также возбуждено 398 уголовных дел (81,2 % от общего количества возбужденных дел), сумма возмещения по актам реагирования составила 70 687 273 (35 424 423) сома.

Другими приоритетными направлениями деятельности органов прокуратуры республики в 2018 году оставались вопросы соблюдения законодательства о государственной службе и декларировании доходов.

По результатам проверок в данном направлении выявлено 2296 нарушений законов и внесено 1 180 актов реагирования, что составляет 23,4 % от их общего числа.

Основными видами нарушений в данной области являются проведение конкурса на замещение вакантных государственных должностей с нарушением их процедуры, принятие на государственную службу граждан без проведения конкурса и не соответствующих квалификационным требованиям, незаконное наложение дисциплинарных взысканий, несвоевременное и неполное предоставление государственными и муниципальными служащими сведений о доходах. По результатам проведенных проверок по актам прокурорского реагирования к дисциплинарной ответственности привлечено 438 лиц и к административной – 634 должностных лица. Сумма возмещенного ущерба по надзору за исполнением законов о госслужбе составила 869 627 (718 241) сомов.

В рамках надзора за исполнением законодательства о лицензионно-разрешительной деятельности выявлено 346 нарушений законов и внесено 88 актов прокурорского реагирования, к дисциплинарной ответственности привлечено 37 лиц и сумма возмещенного ущерба составила 732 800 сомов.

Критическая оценка складывающейся ситуации в деятельности органов власти и на местах при рассмотрении вопросов противодействия коррупции на координационных совещаниях, а также разработка последовательных мероприятий позволяют органам прокуратуры и другим государственным, правоохранительным органам добиваться положительной динамики в пресечении коррупционных правонарушений.

Органами прокуратуры республики координируется деятельность правоохранительных органов по борьбе с правонарушениями и посягательствами на различные виды собственности. Обеспечен систематический анализ результатов деятельности органов исполнительной власти и местного самоуправления, эффективности принимаемых ими мер по борьбе с коррупцией, результаты которых периодически рассматриваются на межведомственных и координационных совещаниях.

Все еще большое значение имеет антикоррупционная экспертиза правовых актов на предмет выявления факторов, создающих потенциальную возможность для коррупционных решений и действий субъектов правоприменения.

В 2018 г. в данном направлении органами прокуратуры республики внесено 32 протеста, 6 представлений в связи с устранением нарушений законов, в результате которых, благодаря вмешательству прокуроров, из ряда правовых актов (в том числе локальных) органов государственной власти и местного самоуправления исключены несоответствующие законодательству или коррупциогенные положения.

Как показывает практика, именно в правовых актах исполнительных и представительных органов местного самоуправления выявляется наибольшее количество коррупциогенных норм, в связи с чем особое внимание необходимо уделять нормативной правовой базе муниципального уровня.

Продолжается работа по регистрации и учету в органах прокуратуры проверок правоохранительных и налоговых органов в отношении субъектов предпринимательства и местного самоуправления.

Всего в 2018 году зарегистрировано в отношении субъектов предпринимательства 8250 проверок, МСУ – 2332 проверки. Отказано в регистрации в 301 случае в отношении субъектов предпринимательства и в 102 случаях в отношении органов местного самоуправления по причинам неправильного оформления документов для их регистрации либо ввиду проведения ранее аналогичной проверки и др.

Вместе с тем в перспективе после принятия нового Закона Кыргызской Республики «О прокуратуре Кыргызской Республики» планируется проведение работы по формированию ежегодного плана проверок и ряда других организационных мер по защите прав субъектов предпринимательства.

Продолжалась последовательная работа по снижению административных барьеров для бизнеса.

В 2018 году правоохранительными органами Кыргызской Республики возбуждено 988 (1037) уголовных дел коррупционной направленности, из которых 962 (704) уголовных дела возбуждено органами прокуратуры при осуществлении надзорной деятельности с общим ущербом 3 489 515 839 (651 146 728) сомов, органами национальной безопасности – 7 (42) дел без ущерба (за 2017 год – 17 620 407 сомов), органами по борьбе с экономическими преступлениями – 14 (49) дел с ущербом 597 430 (1 382 871) сомов, органами внутренних дел уголовные дела данной категории не возбуждались (за 2017 год – 242 дела без выявления ущерба).

Необходимо отметить, что в 2018 году количество уголовных дел, возбужденных органами прокуратуры, в сравнении с 2017 годом увеличилось на 258 дел или на 26,8 %.

Так, всего по должностным и коррупционным преступлениям органами прокуратуры возбуждено 962 уголовных дела, из них по п. 3 ч. 4 ст. 166 УК КР – 38 дел, п. 3 ч. 4 ст. 171 – 74 дела, п. 2 ч. 2 ст. 183 – 1 дело, п. 1 ч. 3 ст. 204 – 9 дел, п. 1 ч. 2 ст. 210 – 3 дела, ст. 221 – 11 дел, ст. 303 – 17 дел, ст. 304 – 585 дел, ст. 304-1 – 1 дело, ст. 305-2 – 63 дела, ст. 306 – 20 дел, ст. 307 – 1 дело, ст. 308 – 3 дела, ст. 308-1 – 1 дело, ст.ст. 313–314 – 62 дела, ст. 315 – 46 дел, ст. 315-1 – 6 дел и ч. 5 ст. 350 – 18 дел.

Проведенный анализ по видам коррупционных преступлений показал, что за 12 месяцев 2018 года в большинстве случаев уголовные дела были возбуждены по фактам злоупотреблений должностным положением, нарушения требований земельного законодательства, присвоения или растраты вверенного имущества, законодательства о государственных закупках и взяточничества.

Проведенный анализ показал, что из возбужденных органами прокуратуры за отчетный период 962 (704) уголовных дел, направлено в суд 286 (176) дел, по 237 (213) делам производство приостановлено, по 45 (47) делам производство прекращено, 43 (16) уголовных дела были соединены и 351 (228) уголовное дело в настоящее время расследуется.

В соответствии с Законом Кыргызской Республики «О противодействии коррупции», Генеральный прокурор Кыргызской Республики и уполномоченные им прокуроры в пределах своих полномочий: координируют деятельность правоохранительных, фискальных и других государственных органов Кыргызской Республики, органов государственного управления и местного самоуправления по вопросам борьбы с коррупцией, осуществляют сбор и анализ информации о состоянии коррупции в системе государственного управления и местного самоуправления, оценивают эффективность принимаемых мер, степень исходящих от коррупции угроз национальной безопасности.

На республиканском уровне Координационные совещания правоохранительных, фискальных и других государственных органов, органов местного самоуправления Кыргызской Республики по вопросам противодействия коррупции проводятся под председательством Генерального прокурора Кыргызской Республики с участием Секретаря Совета Безопасности Кыргызской Республики, Премьер-министра или вице премьер-министра Кыргызской Республики, курирующего деятельность правоохранительных органов, руководителей Верховного Суда, Счетной палаты Кыргызской Республики, руководителей соответствующих министерств и ведомств, а также представителей международных организаций и гражданского общества.

Аналогичные совещания проводятся Военным прокурором Кыргызской Республики, прокурорами областей, городов Бишкек и Ош с участием руководителей органов местной власти.

Всего в 2018 году проведено 45 координационных совещаний государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам противодействия коррупции.

Активно обеспечивалось информирование общественности о проводимых органами прокуратуры мероприятиях по обеспечению законности и правопорядка в стране. При этом активно использованы возможности средств массовой информации, в которых по данной тематике за анализируемый период размещено 1575 публикаций, в том числе выступлений на радио и телевидении.

Кроме этого, проведено 1104 встречи с населением и работниками различных коллективов, учреждений образования и культуры.

На Координационных совещаниях рассматриваются наиболее значимые вопросы, являющиеся одним из основных направлений государственной политики в сфере противодействия коррупции, которые направлены на искоренение коррупции в государственных органах и органах местного самоуправления, в том числе в сфере использования бюджетных средств, земельных правоотношений и градостроительства, образования,

здравоохранения, внешней миграции, обеспечения законности в деятельности правоохранительных органов, а также выполнения антикоррупционных плановых мероприятий, принятых на основании указов Президента Кыргызской Республики.

По итогам обсуждений участниками Координационных совещаний вырабатываются конкретные меры, направленные на принятие согласованных действий и объединение усилий государственных органов в борьбе с коррупцией. Решениями Координационного совещания Правительству Кыргызской Республики и иным государственным органам даются рекомендации о принятии соответствующих организационно-правовых мер в сфере противодействия коррупции, в том числе разработке и принятии нормативных правовых актов, рассмотрении ответственности руководителей государственных органов.

К примеру, на Координационном совещании под председательством Генерального прокурора республики 18.06.2018 г. рассмотрены вопросы состояния работы правоохранительных органов по расследованию уголовных дел, возбужденных по должностным (коррупционным) и экономическим преступлениям, по результатам которого Государственному комитету национальной безопасности Кыргызской Республики и Государственной службе по борьбе с экономическими преступлениями при Правительстве Кыргызской Республики рекомендовано принять дополнительные меры по осуществлению контроля за организацией работы следственных подразделений, принятию законных процессуальных решений по материалам доследственных проверок, уголовным делам по экономическим и коррупционным преступлениям, недопущению волокиты, обеспечению полноты возмещения причиненного ущерба.

Правительству Кыргызской Республики рекомендовано завершить модернизацию Государственной судебно-экспертной службы при Правительстве Кыргызской Республики, направленную на повышение эффективности ее деятельности и оптимизацию штатной численности экспертов, позволяющей своевременно и качественно проводить судебные экспертизы.

Кроме того, при рассмотрении на Координационном совещании вопроса о коррупционных проявлениях в лицензионно-разрешительной системе Кыргызской Республики и мерах по их минимизации, было отмечено, что правовые пробелы и коллизии в законодательстве о лицензионно-разрешительной системе способствуют возникновению коррупционных рисков в деятельности уполномоченных государственных органов.

В этой связи Правительству Кыргызской Республики рекомендовано принять меры, направленные на устранение пробелов (коллизий) и коррупциогенных норм в нормативно-правовых актах, дальнейшее совершенствование и оптимизацию лицензионно-разрешительной системы в Кыргызской Республике, упорядочение видов деятельности, подлежащих лицензированию и получение разрешений на осуществление определенных действий, конкретизацию перечня органов-лицензиаров, уполномоченных проводить лицензирование в соответствии с законом, переход уполномоченных государственных органов на электронный процесс лицензирования, позволяющей обеспечивать эффективный и прозрачный механизм

взаимодействия между уполномоченными государственными органами и физическими или юридическими лицами.

Законом **Республики Молдова** о Прокуратуре от 25 февраля 2016 года № 3 и Законом о специализированных прокуратурах от 7 июля 2016 года № 159, регламентированы компетенция и деятельность Антикоррупционной прокуратуры в сфере борьбы с коррупционными преступлениями и актами, смежными с актами коррупции.

В результате проведенной реформы, с 1 августа 2016 года в непосредственную компетенцию Антикоррупционной прокуратуры было отведено расследование дел в отношении высших чиновников и ряда представителей юстиции и правоохранительных органов за совершение актов коррупции и других преступлений против надлежащего порядка работы в общественной сфере.

Специальная розыскная деятельность по делам Антикоррупционной прокуратуры проводится розыскными офицерами специализированных подразделений, находящихся в составе или подведомственных Национальному центру по борьбе с коррупцией (далее НЦБК), Службе Информации и Безопасности, а также, в отдельных случаях, Министерству Внутренних Дел.

В 2018 году в производстве Антикоррупционной прокуратуры находились 3109 уголовных дел, из которых по 1102 делам прокуроры осуществили уголовное преследование, а по 2007 – руководили уголовным преследованием.

Относительно результатов деятельности по осуществлению уголовного преследования следует отметить, что в 2018 г. Антикоррупционная прокуратура направила в суд 113 уголовных дел в отношении 173 лиц, в том числе: 7 – по активному коррумпированию, 11 – по пассивному коррумпированию, 37 – по извлечению выгоды из влияния, 13 – по злоупотреблению властью или служебным положением, 5 – по превышению власти или служебных полномочий, 5 – по преступлениям против правосудия. Субъектами указанных преступлений являются: 19 сотрудников органов внутренних дел, 4 офицера по уголовному преследованию, 3 сотрудника Таможенной службы, 3 прокурора, 10 адвокатов, 5 судей, 4 судебных исполнителя и другие лица.

Также в 2018 году Антикоррупционной прокуратурой было направлено в суд 284 уголовных дела в отношении 327 лиц, по которым прокуроры руководили уголовным преследованием, осуществленным НЦБК, в том числе: 59 – по активному коррумпированию, 24 – по пассивному коррумпированию, 107 – по извлечению выгоды из влияния, 1 – по преступлению против правосудия, 28 – по злоупотреблению властью или служебным положением, 8 – по факту превышения власти или служебных полномочий. Субъектами указанных преступлений были установлены 25 сотрудников органов внутренних дел, 2 сотрудника Таможенной службы, 4 адвоката, 26 представителей местной публичной власти, 3 представителя центральной публичной власти, 9 сотрудников государственных предприятий и другие лица.

В **Российской Федерации** прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции в 2018 году осуществлялся в соответствии с указами и поручениями Президента Российской Федерации и организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации.

Органами прокуратуры в 2018 году выявлено 231,1 тыс. нарушений законодательства о противодействии коррупции (в 2017 г. – 245,6 тыс.), в целях их устранения внесено 62 тыс. представлений (в 2017 г. – 58,5 тыс.), принесено 31,8 тыс. протестов (в 2017 г. – 34 тыс.) на незаконные правовые акты.

Направлено 4,7 тыс. исков в суд на сумму 6,1 млрд. рублей (в 2017 г. – 6,1 тыс. исков на сумму 16,5 млрд. рублей).

По результатам рассмотрения актов прокурорского реагирования к дисциплинарной ответственности привлечено 68 тыс. лиц (в 2017 г. – 65 тыс.), к административной – 7 тыс. (в 2017 г. – 6,8 тыс.).

По требованию прокуроров уволено в связи с утратой доверия 1,3 тыс. лиц (в 2017 г. – 1,25 тыс.), расторгнуто 168 трудовых договоров, заключенных с нарушением порядка их заключения (в 2017 г. – 149).

Для решения вопроса об уголовном преследовании направлено 3,7 тыс. материалов в порядке ч. 2 ст. 37 УПК РФ, по ним возбуждено более 3 тыс. уголовных дел (в 2017 г. – 3,9 тыс. и 3,4 тыс. соответственно).

Значительная часть выявленных прокурорами нарушений (74,7 тыс.) связана с неисполнением государственными и муниципальными служащими, иными должностными лицами обязанностей, несоблюдением запретов и ограничений, установленных в целях противодействия коррупции. Из них по- прежнему основную массу (67,2 тыс.) составляют случаи представления неполных или недостоверных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

В ходе проверок выявлены нарушения, связанные с представлением государственными служащими недостоверных и неполных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

При проведении надзорных мероприятий прокурорами особое внимание уделялось выявлению фактов непринятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. Количество выявленных прокурорами случаев конфликта интересов в сравнении с прошлым годом увеличилось с 3,1 тыс. до 3,4 тыс.

Прокурорами выявлено 15 (в 2017 г. – 12) нарушений, связанных с наличием у должностных лиц счетов и вкладов в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владением и (или) пользованием иностранными финансовыми инструментами.

Представляется, что в 2019 году эта работа получит новый импульс ввиду принятия Федерального закона от 06.02.2019 № 5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия коррупции», предусматривающего наделение Генеральной прокуратуры Российской Федерации полномочиями по взаимодействию с компетентными органами иностранных государств при проведении уполномоченными должностными лицами проверок соблюдения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции, лицами, на которых распространены такие ограничения, запреты и требования, в том числе по направлению запросов в иностранные банки, иные иностранные организации и уполномоченные органы иностранных государств в целях проверки исполнения запрета, предусмотренного Федеральным законом от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных

банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами».

В 2018 году органами прокуратуры Российской Федерации при проведении проверок соблюдения требований Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» выявлено 2 145 нарушений (в 2017 г. – 2816), принесено 622 протеста (в 2017 г. – 1011), внесено 586 представлений (в 2017 г. – 715), по результатам их рассмотрения к дисциплинарной ответственности привлечено 350 лиц (в 2017 г. – 475).

Прокурорами инициировано 408 (462) процедур контроля за расходами, получено 57 (47) материалов для обращения в суд и направлено в суды 46 (35) исков на сумму свыше 490 млн. рублей (9,73 млрд. рублей). Из рассмотренных судом удовлетворено 28 (26) заявлений прокуроров на сумму более 311 млн. рублей (9,26 млрд. рублей).

Таким образом, активизация этой работы, которой уделяется приоритетное внимание, позволила на 31,4 % увеличить число направленных в суд исковых заявлений и на 7,7 % – количество удовлетворенных исков.

За незаконные вознаграждения от имени и в интересах юридических лиц в 2018 году прокурорами по ст. 19.28 КоАП РФ возбуждено 487 (в 2017 г. –503) дел об административных правонарушениях. По постановлениям прокуроров к административной ответственности привлечено 439 (464) юридических лиц, которым назначены наказания в виде административных штрафов на общую сумму 691 млн. рублей (950,7 млн. рублей). Сумма взысканных штрафов составила 270 млн. рублей (219,5 млн. рублей).

Повышению эффективности работы по взысканию административных штрафов за незаконное вознаграждение от имени и в интересах юридических лиц будет способствовать применение меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях данной категории в виде ареста имущества юридических лиц, введенной Федеральным законом от 03.08.2018 № 298-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

По оперативным данным, прокурорами в 2018 году в суды заявлено 38 ходатайств о применении ареста имущества юридического лица. Судами рассмотрено и удовлетворено 32 ходатайства прокуроров на сумму свыше 100 млн. рублей. Вступившие в законную силу постановления по делам, по которым применялась названная обеспечительная мера, исполнены.

В связи с незаконным привлечением к трудовой деятельности бывших государственных и муниципальных служащих в 2018 году по ст. 19.29 КоАП РФ прокурорами возбуждено 5159 дел об административных правонарушениях (в 2017 г. – 4737), по результатам их рассмотрения к административной ответственности привлечено 4763 (4466) лица, наложено штрафов на сумму 187 млн. рублей (180 млн. рублей), из них взыскано 137 млн. рублей (126 млн. рублей).

По иным составам административных правонарушений, имеющим коррупционную составляющую, в 2018 году возбуждено 1931 дело (в 2017 г. – 2016), к ответственности привлечено 1881 (1925) лицо, наложено штрафов на сумму 22 млн. рублей (202 млн. рублей), из них взыскано 12,5 млн. рублей (192 млн. рублей).

Органами прокуратуры выявлялись нарушения законодательства, содержащие признаки состава коррупционных преступлений.

В целях взыскания ущерба, причиненного коррупционными правонарушениями, в 2018 году прокурорами предъявлено порядка 1,9 тыс. (в 2017 г. – 2,2 тыс.) исковых заявлений в рамках уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства на общую сумму более 5,8 млрд. рублей (в 2017 г. – 16,3 млрд. рублей). Взыскано в бюджет около 300 млн. рублей (в 2017 г. – 262,6 млн. рублей).

Ущерб взыскивается также в результате исполнения судебных решений, вынесенных по искам прокуроров в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства по итогам прокурорских проверок.

При осуществлении прокурорского надзора за исполнением требований по предупреждению коррупции в организациях акты реагирования применялись в связи с отсутствием в них подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных правонарушений, локальных актов по вопросам профилактики коррупции, непринятием мер к предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

Прокурорами установлены факты формального исполнения требований антикоррупционного законодательства: состав образованных комиссий в сфере профилактики коррупции при увольнении их членов не обновляется, работники с принятыми локальными актами не знакомятся, разработанные планы противодействия коррупции не выполняются.

Выявлялись случаи непринятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, неуведомления работодателя о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей.

С учетом решения президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции (протокол заседания от 27.04.2018 № 64) Генеральной прокуратурой Российской Федерации в нижестоящие прокуратуры направлен обзор практики принятия мер прокурорского реагирования при проведении проверок исполнения организациями требований ст. 133 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

На состоявшемся 15.12.2017 заседании Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации перед уполномоченными ведомствами поставлена задача при сохранении наступательности в выявлении преступлений коррупционной направленности обеспечить дальнейший рост регистрации доли значимых деяний в их общем массиве, сосредоточив усилия на пресечении преступлений, совершаемых высокопоставленными должностными лицами, организованными группами, в крупном или особо крупном размере, представляющих повышенную общественную опасность.

Реализуя данную установку, правоохранительные органы в 2018 году в сравнении с 2017 годом выявили на 34,4 % больше преступлений коррупционной направленности, совершенных организованными группами или преступными сообществами (972 против 723), на 4,5 % больше деяний, совершенных в крупном и особо крупном размере либо причинивших крупный и особо крупный ущерб (5365 против 5136).

Одновременно удалось достичь снижения доли мелкого взяточничества в структуре коррупционной преступности (с 19,7 % в 2017 г. до 17,8 % в 2018 году; в абсолютных цифрах в 2018 г. зарегистрировано 5437 фактов мелкого взяточничества, в 2017 г. – 5841), тогда как общее число выявленных случаев взяточничества (включая мелкое) увеличилось на 3,4 % (с 12111 до 12527), а количество пресеченных фактов получения взятки – наиболее общественно опасного деяния в структуре коррупционной преступности – возросло почти на 10 % (с 3188 до 3499) и на треть превышает число зарегистрированных случаев дачи взятки (2612 преступлений).

О должной реализации правоохранительными органами под руководством органов прокуратуры приоритетов по выявлению значимых преступлений коррупционной направленности свидетельствует увеличение числа выявленных деяний, причинивших существенный материальный ущерб. Причем размер такого ущерба вырос на 66 % по сравнению с прошлым годом (с 39,6 до 65,7 млрд. рублей).

Важно, что при этом сохранена тенденция повышения эффективности работы по минимизации (ликвидации) последствий коррупции. Если в 2017 году в ходе расследования уголовных дел удалось добиться добровольного возмещения ущерба, изъятия имущества и наложения ареста на сумму 26,5 млрд. рублей (67 % от причиненного материального ущерба), то по итогам 2018 года эта сумма составила 46,5 млрд. рублей (71 %).

В целом анализ криминологических тенденций коррупции свидетельствует о возросшей эффективности работы правоохранительных органов по выявлению, пресечению, расследованию и раскрытию коррупционных преступлений.

В 2018 году органами прокуратуры **Республики Таджикистан** возбуждено 840 (801) уголовных дел по коррупционным преступлениям и преступлениям коррупционного характера, из них 50 (48) уголовных дел по ст. 319 (получение взятки), 15 (23) уголовных дел по ст. 320 (дача взятки), 206 (227) уголовных дел по ст. 245 (присвоение или растрата), 187 (188) уголовных дел по ст. 247 (мошенничество), 49 (59) уголовных дел по ст.ст. 314 и 316 (злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий) Уголовного кодекса Республики Таджикистан.

Сумма ущерба по возбужденным органами прокуратуры уголовным делам составляет 43471388 сомони, 1546168 долларов США и 7216000 российских рублей, из которых в ходе расследования возмещены 9057196 сомони, 334432 доллара США и 5660000 российских рублей.

Пропаганда законодательства, участие в правовом воспитании населения и связь с населением является одним из важных задач органов прокуратуры. В связи с чем сотрудниками органов прокуратуры в 2018 году проведены 1657 встреч и бесед в трудовых коллективах, учреждениях образования, выступлений в средствах массовой информации о борьбе с преступностью, 906 из которых о борьбе с коррупцией.

В целях борьбы с коррупцией для получения электронных обращений созданы электронный адрес и телефон доверия органов прокуратуры. За обобщаемый период поступило 500 обращений, 300 из которых по телефону доверия, 200 по электронному адресу.

Также необходимо отметить, что в целях регулирования поведения, конкретизации прав, обязанностей и повышения ответственности сотрудников

приказом Генерального прокурора Республики Таджикистан от 17 января 2018 года №5-04 утверждены Правила внутреннего распорядка органов прокуратуры Республики Таджикистан.

Кроме того, приказом Генерального прокурора Республики Таджикистан от 23 ноября 2018 года №5-132 принята и утверждена новая Инструкция «О проведении служебных проверок в отношении сотрудников органов прокуратуры Республики Таджикистан», целью которой является всестороннее, полное и объективное установление обстоятельств деяния, выявление и пресечение нарушений закона со стороны сотрудников органов прокуратуры.

В целях обеспечения внутренней безопасности, защиты государственных интересов, выявления и предупреждения нарушений закона, совершения преступлений и деяний, порочащих честь сотрудника органов прокуратуры, 23 ноября 2018 года издан приказ Генерального прокурора Республики Таджикистан за № 5-130.

Также приказом Генерального прокурора Республики Таджикистан от 20 апреля 2017 года № 5-39 утвержден новый Кодекс этики сотрудника органов прокуратуры Республики Таджикистан.

С целью повышения уровня профессиональной подготовки работников прокуратуры регулярно проводятся занятия в Институте по изучению вопросов законности, правопорядка, преступности и повышения квалификации работников органов прокуратуры.

В 2018 году организованы 20 семинаров с участием 416 слушателей из числа стажеров, следователей и прокуроров по темам борьбы с коррупцией, проведения проверок исполнения Закона «О борьбе с коррупцией», методики расследования коррупционных преступлений и преступлений коррупционного характера.

Вопросы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией, совершенствования и повышения её эффективности являются приоритетными в работе органов прокуратуры Республики Таджикистан.

В **Республике Узбекистан** Департамент по борьбе с экономическими преступлениями при Генеральной прокуратуре обеспечивает комплекс мер по выявлению и пресечению фактов легализации преступных доходов и иных коррупционных преступлений (в его структуре создано Управление по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией), а также выполняет функции финансовой разведки.

Управление по борьбе с экономической преступностью и коррупцией Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан расследует дела о коррупционных преступлениях.

Генпрокуратура (рабочий орган РМК) регулярно осуществляет мониторинг исполнения Госпрограммы и ведомственных программ антикоррупционных мер (с 2017 г. мониторинг проводится каждое полугодие, выставляется рейтинг антикоррупционной деятельности госорганов).

Данное мероприятие проводится на основе «Методики осуществления мониторинга за реализацией мер по противодействию коррупции, оценке эффективности организационно-практических и правовых механизмов в данной сфере» (разработана по методологии мониторинга АКС ОЭСР, утверждена руководителем РМК 30.06.2017 г.).

В отраслях и сферах, наиболее подверженных рискам коррупции, изучаются причины и условия, способствующиедолжностным преступлениям, вырабатываются рекомендации по минимизации коррупционных факторов и повышению эффективности антикоррупционных мер.

В 2018 г. мониторингом было охвачено 60 госорганов и учреждений (в 2017 г. – 49). Установлено, что госорганами реализуются ведомственные антикоррупционные планы, принимаются меры по предотвращению коррупционных правонарушений. В целях совершенствования профилактики служебных злоупотреблений введены специальные курсы по противодействию коррупции среди госслужащих. Для представителей научных кругов организуются с привлечением зарубежных экспертов обучающие семинары по международным стандартам и лучшим практикам противодействия коррупции.

Широко внедряется система «электронного правительства» (Правительственный портал РУ. Госорганы оказывают более 600 госуслуг на Едином портале интерактивных госуслуг в режиме «одно окно»).

Оптимизацией услуг достигнуто сокращение в разы количества предоставляемых заявителем документов, посещений органов за получением услуг, сроков их оказания.

С целью доведения до населения и международной общественности информации о событиях и реформах политико-правовой сферы в ноябре 2017 года создан Информационно-аналитический мультимедийный центр при Генпрокуратуре Узбекистана.

Учитывая, что одним из рычагов борьбы с коррупцией является воспитание граждан в духе уважительного отношения к закону и нетерпимости к любым его нарушениям, реализуется Комплексный план повышения правовой культуры в обществе.

В 2018 году органами прокуратуры проведено порядка 5800 мероприятий по повышению правового сознания и правовой культуры населения, формированию в обществе нетерпимого отношения к коррупции.

Генеральной прокуратурой ежегодно проводится цикл мероприятий «Коррупция – угроза национальной безопасности».

Национальной телерадиокомпанией совместно с Генпрокуратурой и офисом Координатора проектов ОБСЕ подготовлены и регулярно демонстрируются по каналам центрального и местного телевидения социальные ролики по предупреждению коррупции в системе высшего образования и госслужбы.

Принятыми мерами по выявлению, пресечению коррупционных преступлений, неотвратимости ответственности за них, достигнуты позитивные результаты: за 11 мес. 2018 г. в сравнении с тем же периодом 2017 г., число возбужденных уголовных дел этой категории снизилось на 39 %.

IV. Межведомственное сотрудничество по **обмену опытом организации и осуществления прокурорской деятельности в сфере борьбы с коррупцией** успешно реализуется также в форме проведения рабочих встреч, научно-практических конференций и семинаров, на которых обсуждаются вопросы повышения эффективности взаимодействия между компетентными органами в противодействии коррупции.

Мероприятия, проводимые в связи с расширением международных связей в сфере борьбы с коррупцией, всегда составляют приоритетное направление деятельности Генеральной прокуратуры **Азербайджанской Республики.**

Так, 9 – 10 апреля 2018 года в г. Баку прошло 45-е заседание Исполнительного Комитета Международной Ассоциации Прокуроров.

Заместитель Генерального прокурора – начальник Главного управления по борьбе с коррупцией при Генеральном прокуроре Азербайджанской Республики Камран Алиев 23 мая 2018 года принял участие и выступил с докладом на мероприятии политического значения UN.

В рамках Организации Экономического Сотрудничества (ECO) делегация во главе с заместителем Генерального прокурора – начальником Главного управления К. Алиевым 17 – 18 июня 2018 года находилась с визитом в городе Тегеран Иранской Исламской Республики с целью подписания предварительно согласованного Меморандума о взаимопонимании. В рамках визита в штаб-квартире ECO произошла встреча делегации Азербайджана с Генеральным секретарем организации Хилал Ибрагим Акджа. Также в рамках визита состоялась встреча К.Алиева с председателем Главной Ревизионной Организации Насиром Сераджом, где была представлена подробная информация о судебно-правовых реформах, проводимых в стране под руководством Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева, о работах, выполненных в антикоррупционной сфере, а также о направлении и структуре деятельности специализированных в данной области организаций – Комиссии по борьбе с коррупцией и Главным управлением по борьбе с коррупцией при Генеральном прокуроре, в том числе обсуждалась успешная деятельность центров услуг «AZAM».

7–14 сентября 2018 года в городе Йоханнесбург Юго-Африканской Республики (ЮАР) состоялось 46-е заседание Исполнительного Комитета Международной Ассоциации Прокуроров (МАП), заседание сената, 23-я летняя Конференция и Общее собрание Ассоциации. На мероприятии делегацию Азербайджанской Республики представлял заместитель Генерального прокурора – начальник Главного управления по борьбе с коррупцией при Генеральном прокуроре Азербайджанской Республики, член Исполнительного Комитета Ассоциации К. Алиев.

8 сентября 2018 года состоялось 46-е заседание Исполнительного Комитета МАП. В работе заседания принял участие член Исполнительного Комитета Ассоциации К. Алиев. 9 сентября 2018 года было проведено заседание Сената Ассоциации, на котором выступил руководитель делегации К. Алиев. 10 сентября 2018 года прошла 23-я Годовая Конференция и Общее Собрания Ассоциации на тему «Независимость прокуроров – фундаментальный принцип правосудия», где приняли участие свыше 450 высокопоставленных чиновников, в том числе генеральные прокуроры и заместители генеральных прокуроров большинства стран. 11 сентября 2018 года под председательством К. Алиева проведена сессия специальной группы Сети Антикоррупционных Прокуроров МАП (NACP). 12 сентября 2018 года проведено Общее Собрание МАП. На мероприятии обсуждались отчеты о финансовом положении структуры, членстве, о развитии связей между членами структуры, в том числе об отношениях Ассоциации с другими международными структурами и иные вопросы. 13 сентября 2018 года проведено заседание в связи с 10-летним юбилеем Глобальной Прокурорской Сети по противодействию уголовным преступлениям МАП (GPEN).

Главным управлением придается особое значение созданию и развитию деловых связей как внутри, так и вне пределов страны, которые проявляются также в вопросах образования и переквалификации работников прокуратуры в борьбе с коррупцией. Так, в национальном законодательстве исходя из таких целей, поставленных перед органами прокуратуры, как обеспечение органов прокуратуры квалифицированнымикадрами, повышение теоретической и профессиональной подготовки работников, используются международные и местные курсы повышения квалификации, занятия, семинары, конференции, соответствующая система образования иностранных государств и международных организаций и другие меры. Это содействует усовершенствованию дела, обогащению практики, в конечном итоге решению обязательств, поставленных перед Главным управлением. С этой точки зрения следует особо отметить обучение и переквалификацию на учебных курсах, организованных в Летней Академии IACA (IACSA) и в рамках программы магистратуры (MACS), Национальной Школой Управления Франции (ENA), а также Академией Нюрнбергских принципов, Международным Центром Парламентских Исследований Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, а также на других семинарах и тренингах.

По настоящий день в IACSA принимают участие представители из Азербайджана, им предоставлены сертификаты успехов, в связи с получением научного образования 6 человек окончили MACS, а 3 человека были приняты в данную Программу и продолжают свое образование.

15 марта 2018 года в рамках проекта «Поддержка развитию системы юстиции в Азербайджане и совершенствованию услуг, оказываемых структурами по исполнению судебных решений по уголовным делам», проводимой в городе Баку вместе с Европейским Союзом, проводился круглый стол, посвященный обсуждению законопроекта об ограничении неприкосновенности судей. До внимания участников доведен законопроект, связанный с изменениями, которые будут внесены в Закон «О судах и судьях», предусматривающий ограничение неприкосновенности судей, подготовленный рабочей группой.

6 апреля 2018 года в административном здании Главного управления выступил с презентацией руководитель Глобальной Прокурорской Сети по противодействию уголовным преступлениям МАП (GPEN) и представитель Королевства Нидерландов в «Eurojust» Хан Мораал, который предоставил сотрудникам Главного управления информацию о правилах использования GPEN.

Генеральной прокуратурой ***Республики Беларусь*** в 2018 году осуществлялись мероприятия в рамках деятельности Межгосударственного совета по противодействию коррупции государств - участников СНГ (далее – Совет).

Так, по приглашению Генеральной прокуратуры Республики Армения 2 июля 2018 года в г. Ереване белорусская делегация во главе с Генеральным прокурором Республики Беларусь приняла участие в очередном заседании Совета.

В мероприятии участвовали генеральные прокуроры Армении и России, руководители и представители прокуратур и иных правоохранительных органов

Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана, а также Исполнительного комитета СНГ.

На заседании были рассмотрены вопросы совершенствования нормативной правовой базы и координации деятельности сторон в рамках реализации совместных проектов государств - участников СНГ в борьбе с коррупцией, подведены итоги реализации решений Совета от 27 сентября 2017 года, подписано Соглашение о сотрудничестве между Советом и Координационным советом генеральных прокуроров государств - участников СНГ. Председателем Совета избран Генеральный прокурор Республики Армения, сопредседателем – Генеральный прокурор Республики Беларусь.

В соответствии с Положением о Межгосударственном совете по противодействию коррупции от 25.10.2013 принято решение провести следующее его заседание в 2019 году в Республике Беларусь.

В рамках проработки вопросов, связанных с заключением Соглашения о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции, Генеральной прокуратурой Республики Беларусь совместно с представителями компетентных органов Российской Федерации, в том числе Генеральной прокуратуры Российской Федерации, принято участие 6 – 7 февраля 2018 года и 11 – 12 июля 2018 года в заседаниях экспертной группы по согласованию проекта названного Соглашения.

Принято решение о направлении материалов заседаний экспертной группы для рассмотрения в государства - участники СНГ для внесения предложений и замечаний.

Генеральными прокуратурами **Республики Беларусь** и Российской Федерации 14 июня 2018 года в г. Москве проведен круглый стол по теме «Обмен опытом прокурорского надзора за соблюдением лицами, замещающими государственные должности, и иными лицами запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Правовые и организационные вопросы практики применения и пути совершенствования законодательства о борьбе с коррупцией».

В ходе проведенного круглого стола обсуждены передовые методы противодействия коррупции, вопросы практики предупреждения, выявления и пресечения коррупционных преступлений и правонарушений, определены проблемы, с которыми сталкиваются прокуроры обеих стран при осуществлении надзора за исполнением законодательства в данной сфере, перспективы и пути совершенствования антикоррупционных правовых норм.

Затрагивалась тема сосредоточения совместных усилий по предупреждению и ликвидации внешней дебиторской задолженности субъектов хозяйствования Российской Федерации и Республики Беларусь, как одного из коррупционных рисков.

В **Республике Казахстан** (22 – 24 октября 2018 г., г. Астана) проведен тренинг «Изучение существующих и потенциальных стратегий прогнозирования борьбы с коррупцией» (обучено 33 сотрудника правоохранительных органов)

В 2018 году Генеральная прокуратура **Российской Федерации** продолжила деятельность по развитию международного сотрудничества в области противодействия коррупции. Обеспечено участие прокуратуры Российской Федерации в мероприятиях международного характера по вопросам

противодействия коррупции и возвращения активов, полученных от коррупционных правонарушений; приняты меры по повышению эффективности международного сотрудничества по названным вопросам.

В целях консолидации усилий по противодействию коррупции и принятия скоординированных мер в 2018 году обеспечено участие представителей Генеральной прокуратуры Российской Федерации в следующих мероприятиях международного характера:

по линии ООН:

– 9-й сессии межправительственной рабочей группы по обзору хода выполнения Конвенции ООН против коррупции по вопросу возвращения активов (Вена, 4–6 июня), а также в ее первом и втором возобновленных заседаниях (Вена, 3–7 сентября, 12–14 ноября);

– международной конференции по предупреждению коррупции в спорте (Вена, 5–6 июня);

– 12-й сессии межправительственной рабочей группы по возвращению активов (Вена, 6–7 июня);

– 7-й сессии Межправительственной группы экспертов открытого состава по развитию международного сотрудничества по линии Конвенции ООН против коррупции (Вена, 7–8 июня);

– академическом антикоррупционном семинаре, организованном УНП ООН (Баку, 30 октября);

Венская площадка ООН (заседания межправительственных рабочих групп по обзору хода выполнения Конвенции ООН против коррупции, по возврату активов и по предупреждению коррупции и другие мероприятия) использована для продвижения российских подходов к противодействию коррупции, освещения отечественного опыта, полученного в ходе первого цикла обзора осуществления Конвенции, знакомства зарубежных экспертов с нововведениями в российском законодательстве, в том числе с положениями Национального плана противодействия коррупции на 2018-2020 годы;

по линии Совета Европы:

– представители Генеральной прокуратуры Российской Федерации принимали участие в круглом столе по вопросам сотрудничества в области экономической преступности и коррупции, организованном Департаментом по борьбе с преступностью Генерального директората по правам человека и верховенству права Совета Европы (Страсбург, 16 февраля);

– российской делегацией в Группе государств против коррупции (ГРЕКО) принято участие в трех заседаниях Бюро (Страсбург, 15 февраля, 1 июня, 9 ноября) и трех пленарных заседаниях ГРЕКО (19–23 марта, 18 – 22 июня, 3–7 декабря), а также в Международной конференции высокого уровня по вопросам борьбы с коррупцией, организованной Министерством юстиции Хорватии совместно с ГРЕКО (Шибеник, Хорватия, 15 – 16 октября);

– на 79-м пленарном заседании ГРЕКО (Страсбург, 19–23 марта 2018 г.) рассмотрен отчет Российской Федерации о реализации рекомендаций ГРЕКО по темам «Криминализация преступных деяний» и «Прозрачность финансирования политических партий». Благодаря принятым российской делегацией мерам на пленарном заседании удалось добиться признания полного выполнения одной рекомендации (о принятии мер, обеспечивающих, чтобы членские взносы политическим партиям не использовались в обход правил прозрачности,

применяемых в отношении пожертвований) и смягчить выводы по некоторым другим положениям отчета;

по линии иных международных органов и организаций:

заседаниях антикоррупционных рабочих групп БРИКС и «Группы двадцати» (Буэнос-Айрес, Аргентина, 27 февраля – 1 марта; Париж, 26 – 28 июня и 8 – 10 октября);

заседании антикоррупционной рабочей группы «Группы двадцати» и ее совместном заседании с Рабочей группой ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (Париж, 8–9 октября);

9-й встрече Сети правоохранительных органов ОЭСР по борьбе с коррупцией для стран Восточной Европы и Центральной Азии (Прага, 14 – 16 ноября);

по линии компетентных органов иностранных государств, не являющихся участниками СНГ:

российско-кубинском семинаре на тему «Выявление, арест, конфискация и возврат доходов и имущества, полученных преступным путем» (Гавана, 4–6 июня);

– российско-хорватском круглом столе на тему «Опыт применения законодательства о противодействии коррупции. Актуальные вопросы, связанные с предупреждением коррупционных правонарушений, возвратом активов и практикой национальных контактных пунктов по противодействию коррупции» (Загреб, 27 – 29 сентября);

– российско-румынском круглом столе на тему «Опыт применения законодательства о противодействии коррупции. Актуальные вопросы, связанные с предупреждением коррупционных правонарушений, возвратом активов и формированием национальных контактных пунктов по противодействию коррупции» (Бухарест, 17–19 октября);

организованных Генеральной прокуратурой Российской Федерации и прокуратурами государств - участников СНГ:

– российско-белорусском круглом столе на тему «Обмен опытом прокурорского надзора за соблюдением лицами, замещающими государственные должности, и иными лицами запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Правовые и организационные вопросы практики применения и пути совершенствования законодательства о борьбе с коррупцией» (Москва, 14 июня);

– российско-белорусском семинаре по вопросам формирования единых подходов к применению таможенного законодательства ЕАЭС и совершенствования борьбы с таможенными правонарушениями и коррупцией в таможенных органах, а также соблюдения законодательства на транспорте и осуществления прокурорского надзора в этой сфере (Брест, 21–22 июня).

Кроме того, Генеральной прокуратурой Российской Федерации в 2018 году организованы и проведены:

– российско-финляндский семинар на тему «Правовые и организационные основы противодействия коррупции в России и Финляндии» (Москва, 14 марта);

– российско-венгерский круглый стол на тему «Анализ законодательства о противодействии коррупции: аспекты и перспективы. Актуальные вопросы, связанные с возвратом коррупционных активов и формированием национальных

контактных пунктов по вопросам противодействия коррупции» (Москва, 11 сентября).

В 2018 году Генеральной прокуратурой Российской Федерации продолжено участие в деятельности Межгосударственного совета по противодействию коррупции (далее – Совет), являющегося органом отраслевого сотрудничества СНГ.

Так, 2 июля 2018 г. в г. Ереване (Республика Армения) состоялось IV заседание Совета. В мероприятии приняли участие делегации из Республики Армения, Республики Беларусь и Республики Казахстан, а также представители Исполнительного комитета СНГ. Кроме того, впервые полноправное участие в заседании Совета приняла делегация из Кыргызской Республики во главе с новым членом Совета — Генеральным прокурором Джамшитовым О.А.

В рамках повестки дня заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Малиновский В.В. выступил с докладом об опыте Российской Федерации в сфере противодействия коррупции, в котором довел до сведения присутствующих информацию о передовом антикоррупционном законодательстве и практике его применения, результатах работы по выявлению и предупреждению коррупционных правонарушений, а также о международном сотрудничестве на данном направлении.

В ходе мероприятия участники обсудили перспективы дальнейшего развития сотрудничества в сфере противодействия коррупции, рассмотрели вопросы совершенствования нормативно-правовой базы и координации деятельности сторон в рамках реализации совместных проектов государств- участников СНГ в сфере противодействия коррупции.

На заседании одобрен план работы Совета на второе полугодие 2018 – первое полугодие 2019 г., предусматривающий дальнейшее сотрудничество по совершенствованию принимаемых мер в странах СНГ в сфере противодействия коррупции, участие в ряде мероприятий органов СНГ, анализ состояния коррупционной преступности в государствах-членах Совета, а также совершенствование международного сотрудничества по возврату активов.

Также на заседании подписано Соглашение о сотрудничестве между Межгосударственным советом по противодействию коррупции и Координационным советом руководителей органов налоговых (финансовых) расследований государств - участников СНГ.

Следующее заседание Совета решено провести в 2019 году в Республике Беларусь.

Во исполнение решения Межгосударственного совета по противодействию коррупции от 02.07.2018 «О Международном молодежном конкурсе социальной антикоррупционной рекламы «Вместе против коррупции!» под председательством Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2018 году в рамках Совета организовано проведение Международного молодежного конкурса социальной антикоррупционной рекламы «Вместе против коррупции!».

Соорганизаторами конкурса выступили Генеральная прокуратура Республики Армения, Генеральная прокуратура Республики Беларусь, Генеральная прокуратура Кыргызской Республики, Агентство Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции,

Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан.

Конкурсанты из Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана в возрасте от 14 до 35 лет подготовили антикоррупционную социальную рекламу в формате плакатов и видеороликов на тему «Вместе против коррупции!». Всего на официальный сайт конкурса www.anticorruption.life поступило свыше 9 тысяч работ, которые размещены на Интернет-ресурсах. Кроме того, плакаты и видеоролики были представлены на выставке в Совете Европы во Франции.

Международным жюри, в состав которого вошли компетентные специалисты органов прокуратуры, органов государственной власти, средств массовой информации, институтов гражданского общества, определены победители конкурса, торжественная церемония награждения которых состоялась 12.12.2018 в Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

В церемонии награждения приняли участие Генеральный прокурор Республики Армения Давтян А.С., Председатель Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции Шпекбаев А.Ж., заместитель Генерального прокурора Республики Беларусь Стук А.К., представители Администрации Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Министерства иностранных дел Российской Федерации, члены международного жюри.

Во исполнение положений Соглашения о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств - участников СНГ в борьбе с коррупцией и на основании договоренности о подготовке и повышении квалификации сотрудников органов прокуратуры в других странах Содружества, 10 сотрудников органов прокуратуры **Республики Таджикистан** с 17 по 30 апреля 2018 года проходили курсы повышения квалификации в Университете прокуратуры Российской Федерации, а также приняли участие в мероприятиях международного характера, в рамках развития взаимодействия с международными региональными организациями, учебных процессах, в ходе которых обсуждались вопросы противодействия терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма, разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и противодействия легализации преступных доходов, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового поражения.

В ходе рабочего визита Генерального прокурора Республики Таджикистан в Республику Узбекистан 6 февраля 2018 года были обсуждены вопросы взаимодействия органов прокуратур обеих стран в уголовно-правовой сфере, а также подписано Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Республики Таджикистан и Генеральной прокуратурой Республики Узбекистан, которое предусматривает взаимодействие в пределах компетенции органов прокуратур в обеспечении защиты прав и свобод граждан, борьбе с преступностью, в том числе терроризмом, коррупцией, незаконным оборотом оружия, наркотиков и психотропных веществ, незаконной миграцией, торговлей людьми, в сфере обмена опытом работы, нормативными правовыми актами.

Подписание Соглашения способствовало дальнейшему углублению сотрудничества при рассмотрении обращений граждан и юридических лиц, обмену информацией в целях предупреждения, выявления и раскрытия преступлений.

Во исполнение Программы в рамках подписанного Соглашения о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Республики Таджикистан и Генеральной прокуратурой Республики Беларусь от 18 апреля 2017 года в городе Минске, 17 октября 2018 года состоялась рабочая встреча с начальником отдела международных отношений Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в городе Душанбе. Были определены основные направления сотрудничества в борьбе с организованной формой преступности, терроризмом, коррупцией, преступлений в сфере экономики и высоких технологий (киберпреступностью).

Работники прокуратуры Республики Таджикистан по мере необходимости участвуют в семинарах - тренингах, организованных международными и неправительственными организациями на различные темы по борьбе с преступностью, коррупцией и мерах по её предупреждению и пресечению, установлению причин и условий, способствующих её совершению.

В целях дальнейшего развития и укрепления двустороннего сотрудничества между **Кыргызской Республикой** и Советом Европы делегация Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики во главе с заместителем Генерального прокурора Кыргызской Республики Дж. Джаманбаевой в период с 10 по 12 декабря 2018 г. в соответствии с приглашением Совета Европы совершила рабочий визит в г. Страсбург (Франция) для встречи с представителями различных структур СЕ по вопросам, которые вызывают наибольший интерес у Кыргызской Республики.

В ходе проведенных встреч был обсужден широкий круг вопросов по дальнейшему продолжению и укреплению сотрудничества между Советом Европы и Генеральной прокуратурой Кыргызской Республики по тем вопросам, которые реализуются Генеральной прокуратурой Кыргызской Республики с 2015 г. в соответствии с двусторонним концептуальным документом между Кыргызской Республикой и Советом Европы «Приоритеты сотрудничества на основе политики соседства для Кыргызской Республики», в частности по вопросам изучения деятельности ГРЕКО СЕ в рамках возможного вступления в нее Кыргызской Республики, а также по Европейским конвенциям о выдаче (экстрадиции) и о правовой помощи по уголовным делам.

В целях укрепления международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции активизировано взаимодействие **Узбекистана** с Международными (региональными) организациями (ПРООН, UNDOC, ОБСЕ, ОЭСР, ШОС, ЕАГ и др.), в т. ч. для продвижения Узбекистана в международных рейтингах, а также доведения до сведения международной общественности результатов реформ в этой сфере. Так, с представительством ПРООН ведется работа по созданию банка данных наиболее востребованных текстов нормативно-правовых актов на английском языке.

С привлечением международных экспертов (ОБСЕ – Я. Стрельченок (Латвия), МНПО «Региональный диалог» – Г. Клеменчич (Словения), UNDOC – К. Поликарски) проведены мероприятия по повышению уровня превентивных антикоррупционных мер по трем темам.

В ноябре 2018 г. проведено два тренинга, в том числе по диагностике коррупционных рисков и усилению внутреннего контроля госорганов, на которых представлены теоретические знания и практические навыки противодействия коррупции и внедрения ИКТ в этот процесс, обеспечения открытости деятельности госорганов.

Представители ведомственных комиссий по этике, специальных подразделений правоохранительных органов, ТПП, политических партий, Фонда «Махалля», НИМФОГО, НАННОУз и др. институтов гражданского общества информированы о направлениях продвижения политики добропорядочности госслужащих, декларировании активов, конфликте интересов, особенностях их отражения в национальном законодательстве.

21.11.2018 Генеральной прокуратурой Узбекистана совместно с Координатором проектов ОБСЕ и ТПП РУ проведена конференция: «Правовые механизмы противодействие коррупции в бизнесе: мировая практика и опыт Узбекистана».

В декабре 2018 г. РМК при содействии представительств UNODOC, ПРООН, ОБСЕ, «Региональный диалог» проведен приуроченный к Международному дню борьбы с коррупцией «Недельный медиа-марафон», в котором участвовали представители госорганов, институтов гражданского общества и СМИ Узбекистана, а также международных организаций и дипкорпуса. В целях формирования у населения нетерпимости коррупции, в рамках марафона проведены:

выставка творческих работ учащихся лицеев (колледжей) и студентов ВУЗов, а также медиа брифинг: «Международное сотрудничество в продвижении антикоррупционной политики Узбекистана»;

семинар: «Роль СМИ в продвижении нулевой терпимости к коррупции среди населения»;

тренинг: «Противодействие коррупции и поддержка антикоррупционных реформ в Узбекистане» (в Академии Генпрокуратуры Узбекистана);

конференция «Антикоррупционные реформы Республики Узбекистан – 2018: достижения и приоритеты».

медиа-форум «Антикоррупционные реформы Республики Узбекистан – 2018: достижения и приоритеты» и награждение победителей и лауреатов республиканского конкурса «Молодежь против коррупции».

В декабре 2018г. в рамках 4-го раунда мониторинга состоялся визит в Узбекистан экспертов во главе с представителем Секретариата Организации

Экономического Сотрудничества и развития Д. Котляр, которые провели в национальных компетентных органах мониторинговые сессии по обсуждению антикоррупционной политики, госзакупок, прозрачности в публичном управлении, налогового администрирования.

VI. Необходимой предпосылкой и важнейшим условием совершенствования форм и методов борьбы с коррупцией является изучение положительного опыта зарубежных коллег в указанной сфере. В этой связи важное значение приобретает взаимный **обмен научно-методическими разработками,** подготовленными по результатам исследований, осуществляемых в государствах Содружества.

В рамках просветительских мероприятий в области борьбы с коррупцией Главным управлением по борьбе с коррупцией при Генеральном прокуроре

Азербайджанской Республики подготовлены и изданы бюллетени, буклеты, книги, методические пособия.

Генеральной прокуратурой **Республики Беларусь** подготовлены методические рекомендации «Прокурорский надзор за исполнением антикоррупционного законодательства», которые в ноябре 2018 года направлены в генеральные прокуратуры России, Кыргызстана, Армении и Секретариат КСГП.

В 2018 году ***Академией правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан*** разработаны и направлены в Секретариат КСГП государств - участников СНГ следующие научно-практические пособия: «Криминологическая характеристика и профилактика убийств»; «Противодействие коррупции в новых экономических условиях» и др.

Университетом прокуратуры **Российской Федерации** в 2018 году направлены в Секретариат КСГП государств - участников СНГ для последующей рассылки в генеральные прокуратуры государств - участников Содружества следующие издания: Полномочия прокурора в сфере контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: пособие / [А.Д. Ильяков и др.]; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. - М., 2017. - 80 с., а также научно-практические журналы: «Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации» № 6(62) 2017, «Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации № 1(63) 2018, № 3(65) 2018, № 4(66) 2018, в которых содержатся научные публикации, посвященные проблемам противодействия коррупции.

В **Республике Узбекистан** на основе научных исследований причин и условий коррупционных проявлений во всех сферах подготовлено более 100 публикаций, 10 монографий, 6 брошюр, учебных пособий и аналитических документов. По итогам исследований выработаны конкретные меры по предупреждению коррупции.

Выводы и предложения

Изучение материалов, представленных генеральными прокуратурами государств - участников КСГП, позволяет сделать вывод о том, что во всех странах Содружества сформирована нормативная правовая база, позволяющая осуществлять эффективное противодействие коррупционным проявлениям. Тем не менее государства - участники Содружества продолжают активную работу по совершенствованию законодательства в сфере противодействия коррупции, в том числе с учетом международных договоров (конвенций). Участие государств - участников СНГ в работе мониторинговых механизмов позволяет своевременно выявлять и устранять недостатки в нормативном регулировании отношений по противодействию коррупции.

Особое место в системе государственных органов, осуществляющих меры антикоррупционной направленности, занимают органы прокуратуры, которые наделены рядом полномочий в этой сфере. Во многих странах Содружества на прокуратуру возложена задача координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией, а также осуществление надзора за законностью дознания и предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности. В отдельных странах СНГ

органы прокуратуры вправе самостоятельно возбуждать и осуществлять уголовное преследование по коррупционным преступлениям.

Важная роль в системе мер, направленных на противодействие коррупции, отводится сотрудничеству между генеральными прокуратурами государств - участников СНГ. Нормативной основой для регулирования отношений в указанной сфере являются международные договоры многостороннего и двустороннего характера, а также межведомственные соглашения. Непосредственно вопросам регулирования отношений в сфере противодействия коррупции между генеральными прокуратурами стран Содружества посвящено Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией, заключенное 25 апреля 2007 г.

Анализ информации, представленной генеральными прокуратурами государств - участников КСГП, позволяет сделать вывод, что сотрудничество прокуратур государств - участников СНГ в сфере противодействия коррупции в целом осуществляется в формах, предусмотренных Соглашением.

Вместе с тем совершенствование межведомственного взаимодействия требует разрешения ряда проблем.

Так, между государствами - участниками СНГ недостаточно эффективно используются предусмотренные в Соглашении возможности межведомственного сотрудничества.В частности, на практике взаимодействие между органами прокуратуры осуществляется преимущественно в форме обмена информацией в сфере борьбы с коррупцией, опытом организации и осуществления прокурорской деятельности.

Однако возможности образовательных учреждений органов прокуратуры стран Содружества в сфере сотрудничества в подготовке и повышении квалификации сотрудников используются не в полной мере.

Кроме того, объективной оценке хода и результатов сотрудничества государств - участников СНГ в борьбе с коррупцией препятствует отсутствие в материалах, представляемых генеральными прокуратурами стран Содружества, единых критериев.

С учетом изложенного представляется целесообразным:

Продолжить работу генеральных прокуратур государств - участников СНГ – членов КСГП по совершенствованию нормативной правовой базы сотрудничества, в том числе над проектом Соглашения о сотрудничестве государств - участников СНГ в противодействии коррупции.

При подготовке информации по рассматриваемой тематике для обобщения в рамках КСГП особое внимание уделить проблемам, возникающим в ходе реализации положений национального законодательства и международных договоров в сфере противодействия коррупции, а также практике взаимодействия генеральных прокуратур государств - участников Содружества по вопросам выдачи для уголовного преследования или исполнения приговора, оказания правовой помощи по уголовным делам и передачи уголовного преследования о преступлениях коррупционной направленности.

При разработке проектов и подписании программ двустороннего сотрудничества между органами прокуратур государств - участников СНГ включать в число мероприятий организацию и проведение конференций, научно-

практических семинаров, круглых столов, рабочих встреч и консультаций по проблемам взаимодействия в борьбе с коррупцией.

В рамках обмена опытом по созданию и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств - участников Содружества Независимых Государств (в соответствии с Соглашением о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств - участников Содружества Независимых Государств (п. Бурабай, 16.10.2015) уделить внимание информации о практике взаимодействия совместных следственно-оперативных групп компетентных органов и органов прокуратуры стран Содружества на основе указанного Соглашения и других договоров в сфере борьбы с преступлениями коррупционной направленности.

5. Активизировать обмен результатами научных исследований, а также

научно-методическими разработками по проблемам противодействия коррупции между научными и образовательными учреждениями органов прокуратуры государств - участников СНГ.

Научно-методический центр
Координационного совета генеральных
прокуроров государств-участников
Содружества Независимых Государств

УДК 343.2:343.36

О НАРУШЕНИЯХ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В СВЕТЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Марчук В. В.

Принципы уголовного права нашли свое законодательное закрепление в ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), в которой они называются «принципами уголовного закона и уголовной ответственности». Часть 1 ст. 3 УК определяет: «Уголовная ответственность в Республике Беларусь основывается на принципах законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма». Относительно понятия и содержания рассматриваемых принципов уже имеется весьма обширная литература [1 – 15 и др.]. Вместе с тем в контексте непосредственного действия этих принципов, их реализации возникает достаточно много вопросов.

Следует заметить, что относительно направленности реализации всех принципов либо отдельно взятого принципа уголовного права в доктрине уже давно отмечается, что они адресованы не только правоприменителю, но и законодателю [4, с. 11; 8, с. 134–135; 15, с. 96]. Однако результаты законотворческого процесса показывают, что как законодатель, так и разработчики соответствующих законопроектов при конструировании уголовно-правовых норм достаточно часто не соблюдают требования принципов уголовного права.

Специалистам государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» приходится иногда сталкиваться с этим явлением при проведении криминологических экспертиз соответствующих законопроектов. Так, практика проведения криминологических экспертиз свидетельствует о нарушении базового принципа уголовного права – принципа законности. Например, в поступившем в мае 2018 г. на криминологическую экспертизу проекте Закона Республики Беларусь «Об изменении Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов Республики Беларусь» корректировались условия освобождения от уголовной ответственности в связи с добровольными возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем (ст. 88-1 УК). В частности, в качестве одного из условий освобождения предусматривалось введение уголовно-правовой компенсации. Вместе с тем п. 1 ст. 1 законопроекта предусматривалось, что основания применения уголовно-правовой компенсации могут быть определены «иными законодательными актами». Подобная ссылка необоснованно расширяла основания применения уголовно-правовой компенсации как одной из мер уголовно-правового воздействия, допуская определение их в иных нормах права.

Между тем в ч. 2 ст. 3 УК, раскрывающей содержание принципа законности, в частности определено, что преступность деяния, его наказуемость и *иные уголовно-правовые последствия* определяются только УК. Кроме того, предлагаемая норма прямо противоречила ст. 1 УК, согласно которой основания и условия уголовной ответственности, наказания и иные меры ответственности могут быть определены исключительно Уголовным кодексом. Таким образом, закрепление предлагаемых дополнений в уголовный закон создавало условия применения иных мер уголовно-правового воздействия на основаниях, предусмотренных законодательными актами не уголовно-правового характера, что противоречило принципу законности.

Еще пример. В поступившем на криминологическую экспертизу в апреле 2018 года проекте Закона Республики Беларусь «Об изменении некоторых кодексов Республики Беларусь» предлагалось исключить ст. 242 УК, устанавливающую ответственность за уклонение индивидуального предпринимателя или должностного лица юридического лица от погашения в крупном размере кредиторской задолженности по вступившему в законную силу судебному постановлению. Одновременно указанным законопроектом вносились коррективы в ст. 423 УК, которая предусматривает ответственность за неисполнение должностным лицом вступившего в законную силу приговора, решения или иного судебного акта либо воспрепятствования их исполнению. В предлагаемой редакции ст. 423 УК после слов «иного судебного акта» предлагалось сделать оговорку «, за исключением судебного постановления о взыскании кредиторской задолженности». Подобные коррективы в системе действующего законодательства Республики Беларусь приводили к тому, что уклонение от уплаты кредиторской задолженности влекло бы только административную ответственность. Таким образом, предложенные изменения в УК вступали в противоречие с принципом равенства всех перед уголовным законом (ч. 3 ст. 3 УК), подрывали авторитет судебной власти и не согласовывались с принципом неотвратимости уголовной ответственности. Следует понимать, что ст. 423 УК направлена на защиту добросовестных граждан, в том числе и кредиторов. Нарушение принципа равенства всех перед законом в данном случае могло стимулировать возникновение криминогенно опасного поведения, в том числе активизации деятельности по выбиванию долгов преступным путем.

В последнее время некоторыми ведомствами лоббируется вопрос о необходимости исключения из УК ст.ст. 415–419 УК, в которых предусмотрена ответственность за уклонение от отбывания определенных видов наказания.

В главе 34 «Преступления против правосудия» действующего УК реализована важная концептуальная идея о необходимости уголовно-правового обеспечения исполнения назначенного приговором суда наказания. Злостное уклонение от отбывания практически любого вида наказания, назначенного в приговоре, влечет уголовную ответственность: побег из исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, арестного дома или из-под стражи (ст. 413), уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы или ареста (ст. 414), уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы (ст. 415), уклонение от отбывания наказания в виде исправительных работ (ст. 416), неисполнение приговора суда о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

(ст. 417), уклонение от уплаты штрафа (ст. 418), уклонение от отбывания наказания в виде общественных работ (ст. 419), воспрепятствование исполнению наказания в виде конфискации имущества (ст. 420).

Более того, эта идея уже нашла отражение в готовящемся законопроекте о внесении очередных изменений в УК. В качестве обоснования приводится два прагматичных, но весьма странных с точки зрения научности аргумента: декриминализация уклонения от отбывания соответствующих видов наказания существенно снизит статистику рецидива и ликвидирует трудности с доказыванием фактов уклонения. При этом предлагается в нормах Общей части УК ввести замену наказания более строгим в случае злостного уклонения от отбывания наказания, назначенного по обвинительному приговору.

Необходимо отметить, что существовавший в советский период подход механической замены наказания на более строгое в случае злостного уклонения от отбывания наказания, назначенного по обвинительному приговору, был признан многими авторитетными исследователями (А.В. Барков, И.А. Бушуев, И.М. Гальперин, Х.И. Гаджиев, С.И. Зельдов, И.Д. Перлов, И.А. Тарханов, А.С. Михлин, А.Е. Наташева, А.Л. Ременсон, Ю.М. Ткачевский, М.Н. Тагиев и др.) несостоятельным и бесперспективным. В современной российской научной литературе указанный подход также подвергнут критике [16, 17].

Возврат к советской системе реанимирует совокупность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных проблем, существенно затрагивающих как интересы граждан, так и интересы правосудия в целом.

При механической замене наказания в рамках вынесенного приговора возникнет противоречие со многими принципами уголовного права, прежде всего, принципом законности. Возникает вопрос: будет ли соответствовать принципу законности применение наказания за деяние, которое не признается преступлением, к тому же более строгого, чем то, которое было назначено судом в обвинительном приговоре? Декриминализация уклонения от отбывания наказания требует объяснения юридической природы ужесточения уголовной ответственности. Если не считать уклонение от отбывания наказания преступлением, то уголовное наказание будет применяться фактически за дисциплинарный проступок.

Кроме того, замена наказания более строгим не предусмотрена санкцией статьи УК, по которой лицо было осуждено. Новое наказание не вытекает из правовой оценки, уже данной совершенному преступлению в обвинительном приговоре. Замена в рамках одного обвинительного приговора наказания, например, ограничения свободы лишением свободы, противоречит смыслу ч. 1 ст. 48 УК о том, что за преступление может быть назначено только одно основное наказание. Будет возникать противоречие с положениями ст. 62 УК, согласно которой суд назначает наказание в пределах, установленных статьей Особенной части УК, предусматривающей ответственность за совершенное преступление.

С позиции обеспечения принципа законности будут возникать и иные проблемы уголовно-правового характера: о назначении наказания по совокупности приговоров в случае совершения нового преступления (какое наказание следует считать неотбытым по ранее вынесенному приговору, в рамках которого произошла замена?); об исчислении сроков давности исполнения обвинительного приговора, которые согласно ст. 84 УК привязаны

к определенным видам наказаний; о виде исправительного учреждения и условий режима отбывания лишения свободы, подлежащих применению, если в процессе отбывания лишения свободы, примененного в порядке замены за уклонение, лицо совершит новое преступление, за которое нужно назначать лишение свободы и т.д.

Замена одного наказания другим в рамках одного обвинительного приговора будет нарушать принцип справедливости (ч. 6 ст. 3 УК), поскольку по одному обвинительному приговору лицо будет нести ответственность дважды.

Предлагаемый подход будет противоречить и принципу гуманизма, а также положениям Общей части УК о том, что суд не может превышать максимального предела санкции статьи УК, по которой лицо было осуждено. Например, если лицо будет уклоняться от отбывания исправительных работ, назначенных ему по факту нарушения авторского права (ч. 1 ст. 201 УК), то почему ему за злостное уклонение от отбывания назначенного наказания должен применяться арест или ограничение свободы, если максимальный предел санкции по ч. 1 ст. 201 УК ограничен наказанием в виде исправительных работ?

Предлагаемая замена наказания вступит в противоречие и с принципами уголовного процесса: презумпцией невиновности, в соответствии с которой лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК порядке и не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 16 УПК); всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, устанавливающим, что орган уголовного преследования обязан принять все предусмотренные законом меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, собрать доказательства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, установить обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, защиты прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц, а суд, сохраняя объективность и беспристрастность, обеспечивает сторонам обвинения и защиты необходимые условия для реализации их прав; решение о виновности либо невиновности обвиняемого суд выносит лишь на основе достоверных доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке (чч. 1 и 2 ст. 18 УПК); осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон, предусматривающим, что правосудие осуществляется на основе состязательности и равенства сторон обвинения и защиты; обязанность доказывания в судебном разбирательстве предъявленного лицу обвинения возлагается на сторону обвинения; стороны в судебном разбирательстве пользуются равными правами по представлению и исследованию доказательств, заявлению ходатайств, высказыванию мнения по любому вопросу, имеющему значение по уголовному делу, участию в судебных прениях (чч. 1, 2 и 4 ст. 24 УПК).

Замена наказания будет осуществляться определением суда, что повлечет существенные проблемы с обеспечением права осужденного на защиту. В случае реализации идеи о механической замене наказания более строгим, факты применения необоснованной замены наказания окажутся вне сферы процессуального контроля обеспечения прав граждан.

Необходимо также отметить, что при реализации рассматриваемого предложения будет нарушаться важнейшее процессуальное положение о недопустимости ужесточения наказания, вид и размер которого установлен судом первой инстанции. Исключение из данного общего правила предусмотрено в ч. 3 ст. 387 УПК, в соответствии с которой суд апелляционной инстанции вправе изменить обвинительный приговор в связи с применением закона о более тяжком преступлении либо назначением более строгого наказания, а равно и по другим основаниям, ухудшающим положение обвиняемого, лишь в случаях, когда по этим основаниям подана апелляционная жалоба потерпевшим, частным обвинителем или их представителями либо принесен апелляционный протест прокурором.

В целом механическая замена будет очевидным свидетельством ужесточения ответственности за счет нарушения права осужденного на защиту: в условиях замены не предъявляется обвинение, отсутствуют право на апелляцию, гарантии, обусловленные состязательным процессом, и т.д.

Приговор суда в части наказания является регулятором процесса реализации наказания. Если определением суда заменяется наказание, то приговор утрачивает свое главное регулирующее значение – не воздействует на процесс реализации наказания.

Замена неотбытой части наказания вместо предупредительного эффекта вызовет обратную реакцию, будет провоцировать девиантное поведение соответствующих лиц, например, лиц, осужденных к лишению права управлять транспортным средством на несколько лет. Для того, чтобы вернуть это право, им будет выгодно отбыть три месяца ареста или год исправительных работ. Руководствуясь такой мотивацией, лицо будет демонстрировать уклонение от отбывания наказания, назначенного приговором.

Между тем установленная в УК система мер уголовно-правового воздействия за уклонение от отбывания наказания предполагает назначение наказания по правилам ст. 73 УК (назначение наказания по совокупности приговоров), что создает основания для обеспечения принципа неотвратимости уголовной ответственности и реализации целей как специальной, так и общей превенции.

Несоблюдение принципов уголовного права при конструировании уголовно-правовых норм закономерно влечет проблемы и в правоприменительной практике. Иногда такого рода правовые конструкции порождают даже противоречия между принципами уголовного права в процессе применения уголовно-правовых норм, в частности, при квалификации соответствующих преступлений. Например, ст. 418 УК предусматривает уголовную ответственность за «уклонение осужденного от наказания в виде штрафа, назначенного приговором суда, при возможности его уплатить». Законодательная оговорка в диспозиции нормы о штрафе, назначенном «приговором суда», порождает вопрос о квалификации уклонения осужденного от уплаты штрафа, примененного не на основании обвинительного приговора, а по определению суда в порядке замены неотбытой части наказания более мягким наказанием. Например, согласно ч. 6 ст. 52 УК в случае возникновения в период отбывания лицом исправительных работ обстоятельств,

предусмотренных ч. 3 этой статьи[1], суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, освобождает лицо от дальнейшего отбывания наказания или *заменяет неотбытую часть наказания на более мягкое наказание*. Исходя из смысла ст. 418 УК, неуплата штрафа лицами, которым штраф был назначен по определению (постановлению) суда в порядке замены неотбытой части наказания более мягким наказанием, не будет образовывать основания уголовной ответственности, что формально соответствует требованиям принципа законности. Согласно ч. 2 ст. 3 УК «Нормы Кодекса подлежат строгому толкованию». Однако в таких случаях нарушается принцип равенства всех перед уголовным законом, поскольку применение ст. 418 УК зависит, в частности от того, каким видом судебного акта был назначен штраф. Снять указанное противоречие между принципами уголовного права можно только путем внесения соответствующих изменений в уголовный закон, хотя, при более внимательном отношении, эта проблема могла быть решена изначально при конструировании данной уголовно-правовой нормы.

Уклонение от отбывания соответствующего вида наказания является самостоятельным преступлением в УК многих государств. Например, в УК Украины установлена ответственность за уклонение от наказаний, не связанных с лишением свободы: уплаты штрафа, отбытия наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 1 ст. 389); отбытия наказания в виде общественных работ; отбытия наказания в виде исправительных работ (ч. 2 ст. 389 УК) и за уклонение от отбытия наказания в виде ограничения свободы или лишения свободы (ст. 390 УК). В УК Украины установлена даже ответственность за умышленное невыполнение соглашения о примирении (ст. 389-1 УК).

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что принципы уголовного права (уголовного закона и уголовной ответственности) должны неукоснительно соблюдаться нормотворческими органами при разработке законопроектов, касающихся установления или изменения уголовно-правовых отношений. Строгое соблюдение принципов уголовного права при конструировании уголовно-правовых норм, наряду с использованием установленных правил законодательной техники, является залогом формирования режима законности и правопорядка.

Список цитированных источников

1. Арендаренко, А. В. Принцип социальной справедливости в уголовном праве Российской Федерации. Теоретико-правовые аспекты: монография / А. В. Арендаренко. – М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2012. – 359 с.

2. Бабаев, М. М. Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Б-ка криминалиста. – 2012. – № 1. – С. 5–16.

[1] В ч. 3 ст. 52 УК Беларуси указаны лица, которым исправительные работы не могут быть назначены: лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста; лица, достигшие общеустановленного пенсионного возраста; беременные женщины; лица, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком; инвалиды I и II группы; военнослужащие и резервисты; иностранные граждане и не проживающие постоянно в Республике Беларусь лица без гражданства; лица, больные активной формой туберкулеза, не имеющие постоянного места работы.

3. Бабий, Н. А. О соблюдении принципа справедливости в процессе криминализации / Н. А. Бабий // Государственно-правовое строительство в Республике Беларусь в контексте европейских правовых процессов : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 20–21 марта 2004 г. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Гущин (отв. ред.) [и др.]. – Ч. 2. – С. 131–134.

4. Барков, А. В. Принципы уголовного закона и законотворческая практика / А. В. Барков // Эффективность уголовной юстиции в контексте верховенства права : материалы междунар. науч. конф., Минск, 17 окт. 2003 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Барков (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2003. – С. 10–13.

5. Баранчикова, М. В. Значение принципов уголовного права в борьбе с преступностью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. В. Баранчикова ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2009. – 28 с.

6. Баумштейн, А. Б. Концептуальные начала уголовного права России: монография / А. Б. Баумштейн. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 256 с.

7. Галактионов, С. А. Принцип справедливости (уголовно-правовой аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. А. Галактионов ; Акад. права и упр. – Рязань, 2004. – 24 с.

8. Келина, С. Г. Принципы советского уголовного права / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1988. – 175 с.

9. Кленова, Т. В. Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве / Т. В. Кленова // Государство и право. – 1997. – № 1. – С. 54–59.

10. Ключко, Р. Н. Уголовно-правовые принципы как основополагающие начала уголовного законодательства и правоприменения / Р. Н. Ключко // Теория и практика построения правовой системы Республики Беларусь : материалы междунар. «круглого стола», Гродно, 15–16 апр. 2005 г. / Гродн. гос. ун-т ; отв. ред. О. Н. Толочко. – Гродно, 2005. – С. 253 –258.

11. Ляпунов, Ю. Принципы уголовного законодательства / Ю. Ляпунов // Социалист. законность. – 1989. – № 2. – С. 32–34.

12. Малыгина, М. А. Принципы уголовного права: теория, законодательство и правоприменительная практика : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. А. Малыгина ; Рост. юрид. ин-т МВД России. – Ростов н/Д, 2007. – 27 с.

13. Филимонов, В. Д. Принципы уголовного права / В. Д. Филимонов. – М. : ЮрИнфоР, 2002. – 139 с.

14. Чередниченко, Е. Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации / Е. Е. Чередниченко ; отв. ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 192 с.

15. Щепельков, В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / В. Ф. Щепельков ; под ред. Н. И. Пикурова. – М. : Юрлитинформ, 2003. – 413 с.

16. Иванов, А. Л. Замена штрафа более строгим видом наказания (ч. 5 ст. 46 УК РФ): закон и практика применения / А.Л. Иванов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 2 (52). – С. 71–76.

17. Подройкина, И. А. К вопросу о последствиях уклонения от отбывания уголовных наказаний / И. А. Подройкина // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т.7. – № 6-1. – С. 179–181.

УДК 343.13

НЕОБХОДИМОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С ВНЕДРЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМУ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Бибило В. Н.

Право как динамичная система меняется вместе с обществом и реагирует на вызовы, которые ставит перед человечеством каждая новая эпоха. Одним из главных вызовов современности является внедрение цифровых технологий во все сферы общественных отношений, что повлечет за собой изменения прежде всего в экономике, а, значит, и праве.

Внедрение цифровых технологий позволит автоматизировать ряд профессий, в том числе и юридического профиля, в целом изменит систему деятельности правоохранительных органов. Тем не менее, человек как субъект права останется в центре правовой системы. В связи с этим сама природа права будет прежней. Формальная определенность права – неизменный атрибут любой его отрасли. Возникает вопрос: кто и как будет осуществлять интерпретацию права в процессе правоприменительной деятельности? Решение этого вопроса особенно важно для процессуальных отраслей права, предназначенных, прежде всего, для реализации материального права, которое без них окажется нереализованным.

Цифровые технологии способны воздействовать на сознание человека, стремясь внедрить в него такой стереотип поведения, который выгоден тем, кто использует такие технологии. Это означает, что правовая традиция окажется под угрозой. Развитый искусственный интеллект не станет ориентироваться на аксиологическую составляющую права, ибо ему не присуща нравственность. Программирование деятельности человека на самом деле приведет к манипулированию им. На таком техногенном фоне миссия права – удержать свои регулятивные возможности и остаться социальным суперрегулятором, наряду с другими социальными нормами.

Информационно-коммуникативные технологии приведут к разрыву взаимодействия между людьми не только в сфере производственных, профессиональных отношений, но и в обыденной жизни человека. Виртуальная среда станет заменять живое общение между людьми. Тем не менее, это не приведет к ликвидации преступности и необходимости противодействовать ей. Наоборот, компьютерные технологии облегчают совершение многих преступлений. В связи с этим при обновлении законодательства необходимо помнить о достижениях и возможностях искусственного интеллекта.

В соответствии с белорусской законотворческой традицией нормативный правовой акт остается приоритетным источником права, если не сказать единственным, поскольку, например, постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по общим вопросам лишь приравниваются к нему. В связи с этим возникает потребность в расширении воздействия других социальных норм (нравственных, экономических, идеологических и т. п.). Такого рода социальные нормы, проходя через сознание правоприменителя, не изменяя своей

природы, становятся юридическими нормами для конкретного дела. Со временем роль локального правового регулирования будет возрастать [1, с. 21–25]. Общегосударственному правовому регулированию будет отведена роль своего рода ориентира в разрешении юридических конфликтов.

В условиях информационного общества значимость уголовного права не должна снижаться. Именно государство по-прежнему должно определять, какие действия либо бездействие являются преступлением. Назначение наказания должно по-прежнему оставаться прерогативой суда с широким участием представителей народа.

В Уголовном кодексе необходимо дифференцировать преступления по степени их тяжести с учетом формы вины и наступивших последствий. Использование искусственного интеллекта при индивидуализации наказания возможно, но с учетом рамочных правил, когда определяется верхняя и нижняя граница наказания. При этом назначение наказания ниже низшего предела должно остаться, поскольку полностью полагаться на алгоритмы индивидуализации наказания, предлагаемые электронной системой, окажется чрезмерно формальным без учета социобиологических особенностей каждого человека как субъекта права.

Основополагающее значение в противодействии преступности должен иметь уголовный процесс в его модифицированном виде. В Уголовно-процессуальном кодексе надо объединить гласные и негласные методы расследования уголовных дел. В связи с этим при следственных органах необходимо учредить оперативно-розыскные службы. Определенным фильтром для всех уголовных дел должен стать следственный судья, состоящий в системе органов судебной власти, в обязанности которого входило бы рассмотрение жалоб на нарушение закона при расследовании уголовных дел, а также то, что связано с назначением и подготовкой уголовного дела к рассмотрению в стадии судебного разбирательства. Присутствие сторон в открытом судебном разбирательстве желательно, но не обязательно. Однако при их отсутствии без уважительных причин обжалование судебных актов следовало бы ограничить. Конфликтующие стороны в уголовном процессе могут отказаться от дачи показаний, но при их согласии на дачу показаний они обязаны дать правдивые показания под угрозой уголовной ответственности за неуважение к суду.

Вынесенный судом приговор должен отвечать требованиям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости, иначе проверка жалоб и протестов на приговор будет затруднена.

Проблемным остается вопрос о возможности медиации в уголовном процессе наподобие существующей, хотя и не очень распространенной, в сфере экономических и гражданско-правовых отношений в соответствии с Законом Республики Беларусь от 12.07.2013 г. № 58-З «О медиации».

Между медиацией и примирением существуют различия. При использовании медиации главным является конфиденциальное устранение с помощью медиатора (посредника) уголовно-правового конфликта определенной тяжести и сложности, минуя государственные правоохранительные органы, т. е. создание своего рода параллельной суду юрисдикции. Примирение же направлено на ускорение уголовного процесса. Заметим, что советскому уголовному процессу, особенно в 60–70 гг., было присуще что-то среднее между медиацией

и примирением. В определенных случаях материалы о совершенном преступлении направлялись в товарищеский суд [2, с. 235–237].

Современному уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь присущи несколько форм ускоренного производства по уголовному делу. В данном аспекте представляют интерес дела частного обвинения (перечень которых желательно расширить). Именно для рассмотрения данной категории дел можно было бы использовать наряду с судьей медиатора. Следует уточнить: медиаторы должны состоять в аппарате суда, иметь право на ознакомление с юридическими документами и в итоге подготовить процессуальный акт о примирении конфликтующих сторон, который нужно представить судье для вынесения постановления о прекращении дела за примирением конфликтующих сторон. Что касается центров медиации, фирм, предлагающих медиативные услуги по уголовным делам, то их деятельность необходимо ограничить, предоставив возможность оказывать только психологическую помощь, убеждать стороны о пользе примирения.

Формулировки нового УПК должны быть более точными и определенными, соответствовать правилам юридической техники. Содержание УПК следует предварить Преамбулой, в которой закрепить положения, касающиеся предназначения уголовного процесса, а также отобразить идею о дискреционных полномочиях суда, усмотрении правоприменителя и применении, кроме правовых норм, еще иных социальных норм.

Подготовка электронных уголовных дел становится реальностью. Важно, чтобы были соблюдены соответствующие гарантии их сохранности и возможности ознакомления с их содержанием. В последующем уровень развития искусственного интеллекта позволит на основе имеющегося законодательства подготовить соответствующие алгоритмы для аналитической работы с доказательствами и материалами уголовного дела, что не должно исключать человеческий фактор и участие людей в окончательном разрешении уголовного дела.

Список цитированных источников

1. Бибило, В. Н. Локальное правовое регулирование / В.Н. Бибило // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики : сб. науч. тр. / под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск : Академия МВД, 2017. – С. 21–25.

2. Бибило, В. Н. Белорусское судоустройство / В.Н. Бибило – Минск : Право и экономика, 2018. – 452 с.

УДК 343.21

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН В ПРИЗМЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Голик Ю.В.

Ключевые слова: уголовный закон, философия права, компьютеризация преступности, виртуальная реальность, наказание, гибридное право.

Введение

Название статьи заставляет прибегать к философии. К сожалению, философия последние десятилетия не пользуется «спросом» у юристов. Это плохо, ибо юридическая наука обедняет сама себя и ограничивает свои возможности.

Что такое практическая философия уголовного права? – На мой взгляд, речь идёт о существовании уголовного права в социуме. Нас должно интересовать бытие в самом широком понимании этого слова. Обычно бытие понимают как существование, но это резко сужает само понимание бытия. Бытие настолько многомерно и многогранно, что ещё никому не удавалось охватить его целиком. Ж.П. Сартр написал прекрасную книгу на эту тему «Бытие и ничто». Её подзаголовок «Опыт феноменологической онтологии» указывает на глубину охвата темы [1]. Следует помнить, что автор написал эту работу в 1943 г. в Париже, где тогда хозяйничали фашисты. Насколько я понимаю, это был своеобразный протест философа на то, что творилось в его стране.

В рамках нашего исследования мы говорим о социальном бытии человека. Не об уголовно-правовом, а именно о социальном.

Основная часть

Позитивное уголовное право стало появляться давно. Наверное, Кодекс царя Хаммурапи (приблизительно 1750-е годы до н.э.) первый из дошедших до нас образчиков писаного уголовного права. В 1764 г., то есть более чем через три с половиной тысячи лет появилась и своя «Библия» – трактат «О преступлениях и наказаниях» итальянца Чезаре Беккариа (1738 – 1794). За прошедшие тысячелетия мы получили огромное количество кодексов и других нормативных материалов и с тех пор постоянно плаваем в этом океане информации. А речь, между тем, идёт всего лишь о двух категориях: о преступлении и наказании. Сами преступления за эти годы менялись не очень сильно. Наверное, наказания (виды наказаний) менялись в большей степени. Конечно, появлялись новые виды преступлений, связанные с выборными технологиями или банковскими махинациями, о которых министры мудрого Хаммурапи и не помышляли. В системе наказаний особенно развивалась смертная казнь (более двухсот видов насчитывают специалисты и это ещё не предел). Таким образом, студент юрист откуда-нибудь из средневековья, попадя на современную лекцию по уголовному праву, поймёт всё или почти всё, чего не скажешь, например, о студенте математике.

Похоже, этому наступает конец. Медленно, но неуклонно приближается новая эра. Сегодня её называют цифровизация, но не уверен, что это название приживётся навсегда.

Видят ли это учёные? Вне всякого сомнения. Чуть более десяти лет назад вышла прекрасная книга А.Э. Жалинского «Уголовное право в ожидании перемен» [2]. Книга имеет очень важный подзаголовок: «Теоретико-инструментальный анализ». Именно это настраивает читателя на то, что необходимо пересмотреть тот инструментарий, с которым работаем мы, а до нас работали многочисленные предыдущие поколения юристов.

Работа имела большую популярность и уже на следующий год была переиздана с дополнениями автора. Это есть ясное свидетельство актуальности и востребованности темы.

До этого была небольшая дискуссия по затрагиваем проблемам на страницах журнала «Уголовное право» между профессором А.В. Наумовым [3] и академиком В.Н. Кудрявцевым [4].

Я не собираюсь возобновлять эту дискуссию, но закономерно возникает вопрос: кто был прав? Отвечу просто: оба правы. А.В. Наумов прав в том, что никакого нового уголовного права не будет. От себя добавлю, что не будет ещё очень долго. Во всяком случае пока люди совершают преступления, а государство вынуждено их за это наказывать.

В.Н. Кудрявцев прав в том, что науку (не уголовное право, а именно науку) уголовного права необходимо модернизировать.

Мы просто не сможем и дальше работать тем набором приёмов и методов, каким работаем испокон веку и поныне. Время изменилось, и с этим надо считаться. И не просто считаться, а использовать в своей работе. Недаром в уголовном праве всё чаще и чаще используется герменевтика, синергетика, теория хаоса. Используются они, правда, пока от случая к случаю и не очень последовательно. Но процесс идёт и его не остановить.

Поскольку уголовное право издревле работает с двумя основными категориями: преступлением и наказанием, постольку мы и должны от этого отталкиваться. То есть мы должны понять (хотя бы в самом общем виде), что нас ждёт в ближайшем будущем, а поняв, предлагать свои решения.

В 70-х гг. прошлого века велись жаркие дискуссии о постиндустриальной эпохе. И вот она наступила. Она пришла, а мы её не видим и не замечаем. Например, по Москве начинают ездить беспилотные автомобили. Не будем поднимать вопрос об ответственности в случае совершения ДТП (хозяин, оператор, арендатор и т.п.). Меняется всё. Сегодня автомат с обязательным присутствием человека, завтра – автомат уже один, послезавтра – человеку будет запрещено садиться за руль в черте города. Разумеется, меняется и сам автомобиль: исчезает рулевое колесо, кулиса, педали, торпеда. Это – другой образ жизни, по сути дела другая жизнь, которая требует и другого законодательства. Но мы же об этом даже не задумываемся.

Вся наша жизнь сегодня цифровизуется и компьютеризуется. Это имеет свои плюсы и свои минусы. Недавно разбился самолёт, погибли люди. А причина в том, что пилоты не смогли в ручном режиме посадить самолёт. Нет навыков, а электроника отказала из-за попадания в самолёт молнии. Они даже не сообразили нажать соответствующую кнопку, чтобы на посадочной полосе их ждали пожарные, скорые, спасатели.

Компьютеризация преступности – это огромная проблема. Не компьютерные преступления и не компьютерная преступность сама по себе, а компьютеризация преступности (у нас в УК всего четыре статьи по этим преступлениям, которые

уже давно никак не отражают реальность, а в УК Беларуси уже семь). Наступит время, когда подавляющее большинство преступлений будет совершаться с использованием компьютера. Даже автотранспортные преступления. Решающая роль в управлении автомобилем будет принадлежать не человеку, а компьютеру. Без такого использования будет совершаться разве что уличное хулиганство, которое не отомрёт и никуда не исчезнет, покуда жив человек. Механизм его возникновения и проявления совсем иной, чем у большинства других преступлений. Хотя и в этом случае не всё так просто. Хакерство – то же самое хулиганство по мотивам его совершения («Люди, посмотрите на меня! Вот что я могу делать!»). И хакерство набирает в современном мире обороты. Одна из глубинных причин этого – тотальное сокращение живого общения людей друг с другом. Его всё больше и больше занимает виртуальное общение через Интернет.

Хотим мы того или нет, но вскоре перед человечеством встанет проблема клонированных людей. Одними запретами здесь ничего не сделаешь. Как относится к клонам? Это люди или не люди? А появятся ещё и специально созданные люди (или не люди? А, может, нелюди?). Звучит как фантастика, но клоны- животные уже появились, генномодифицированные продукты – наша повседневность. Прятать голову в песок в этой ситуации бессмысленно.

Любая технология имеет и свою оборотную сторону. Она может быть легко использована во вред человеку. На Западе последнее время очень популярна книга Марка Гудмана «Преступления будущего» [5]. Книга имеет подзаголовок «Всё связано, все уязвимы, и что мы можем с этим сделать». Данный подзаголовок указывает, что автора не устраивает простая констатация факта, и он ищет возможные меры противодействия.

Вернёмся к возможностям современных IP-технологий. Доступность компьютера и возможности Интернета сегодня позволяют получить доступ к управлению транспортными потоками (от трамвая и даже лифта до самолёта и космического корабля). Если этим занимается подросток или даже ребёнок, то последствия могут быть просто непредсказуемыми. Дети в принципе не представляют всех последствий своих «шалостей». Примеры в нашей повседневной жизни отыскать достаточно просто. Системы электронной защиты от несанкционированного проникновения не помогают или помогают очень плохо. Не знаю почему, но все системы электронной защиты данных и антивирусные программы сильно отстают от «средств нападения». По данным Марка Гудмана, только 5 % средств защиты удаётся сохранить безопасность охраняемого объекта, да и то ненадолго.

Зависимость человека от электроники растёт буквально по часам. А, может, даже по минутам. Мы просто не обращаем на это внимание. Мало кто знает, но сегодня в различного рода закрытых учреждениях вновь стали появляться машинописные бюро, где машинистки работают на простых механических пишущих машинках. Это позволяет поставить серьёзный барьер на пути технического шпионажа. Не исключить его полностью, а только существенно затруднить.

Наиболее значимое влияние Интернет приобрёл как средство коммуникации, информации и дезинформации. Это очень значимо, ибо «при определённых обстоятельствах, – как пишет Д.А. Шестаков, - пропаганда и дезинформация могут стать и становятся средствами совершения преступлений против мира

и человечества, а также против конституционного строя отдельных государств» [6]. Он совершенно прав. Современные события в Украине и вокруг неё дают нам массу весьма колоритных примеров.

К сожалению, это почти не учитывается в практической работе ни правоохранительных органов, ни других органов государственной власти, которые по долгу службы должны этим заниматься. Плохо используются и возможности средств массовой информации в противодействии этим негативным явлениям [7, 8].

Нам много десятилетний подряд твердили о великом значении собственности. Сегодня собственность стремительно теряет свои концептообразующие характеристики, её критериальная фундаментальность, которая с детских лет вкладывалась нам в сознание, уходит в прошлое буквально на наших глазах. Разделение труда – основа экономики по Марксу, становится каким-то воспоминанием из прошлого. Экономика из производящей товары превращается в производящую услуги. Товары, конечно, производятся и будут производиться и дальше, но отвечать за их производство будет не человек, а машины. Железяки. Это, кстати, приводит к исчезновению среднего класса, о создании которого у нас в стране продолжают говорить совсем отсталые болтуны. Они как бы пытаются затащить нас всех в прошлое, но это не получится. Силёнок не хватит, хотя мы даже сопротивляться не будем. Мир идёт в другом направлении и злые американцы здесь не при чём. Их также затаскивает в этот водоворот.

Деньги – всеобщий эквивалент стоимости и всеобщее средство платежа практически перестали обслуживать товарный рынок. Не более 5 % денежной массы используется на это, вся остальная работает в финансовой сфере. Но это совсем другая реальность.

А есть ещё «виртуальная реальность». Очень интересный анализ связи виртуальной реальности и криминала проделан в книге «Противодействие современной преступности. Криминологические, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты» [9]. А это полностью меняет наши подходы к определению объекта преступления и тем более предмета преступления, который перестаёт быть материальным.

И вот на этом фоне мы в России продолжаем раздувать Гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Это уже не помогает, а завтра просто будет смешить, а потом мешать. С таким же успехом можно надувать лягушек, чем многие занимались в детстве.

А.Э. Жалинский в своё время много внимания уделял обоснованию создания экономического уголовного права. Надо вернуться к этой идее. В маленькой Северной Македонии профессор Никола Тупанчески уже несколько лет читает спецкурс по экономическому уголовному праву [10]. То есть там готовятся, а мы созерцаем.

Разумеется, уголовное право не должно забегать вперёд и криминализировать то, чего ещё нет и даже не известно – будет ли. Но и отставать от рвущейся вперёд жизни нельзя ни в коем случае.

Мы же отстаём и тормозим иногда в достаточно очевидных вещах. Так, в УК РФ есть ст. 353 «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны», в УК Беларуси есть похожая статья – ст. 122 «Подготовка либо ведение агрессивной войны». При этом уже более десяти лет идут

разговоры о гибридной войне. Что это такое? Имеет ли отношение это к уголовному праву?

Война всегда насилие, но насилие не всегда убийство – обязательный атрибут любой войны. Гибридные войны преследуют цель изменить поведение врага, заставить его сделать то, что нужно противнику, инициатору войны. Конечно, это не исключает убийство как таковое, но оно носит вспомогательный характер. Убивается не враг, а его окружение и даже посторонние люди. Это делается для того, чтобы запугать врага и понудить его делать то, чего от него ждут. При этом военных действий в нынешнем понимании этого слова может и вообще не быть. О гибридной войне интересно написано Архангельским И.К. [11], Егорченковым Д.А., Данюком Н.С. [12]. Если гибридная война имеет силовую составляющую в виде привычного и понятного всем военного конфликта, то его результат в нынешних условиях выглядит странно и непонятно: проигрывают все – и конфликтующие стороны, и вовсе посторонние субъекты, никакого отношения зачастую не имевшие к конфликту. Победителя нет, есть одни побеждённые. Это новая реальность, которую мало кто учитывает при своих анализах.

Напомню, что в Украине СБУ ещё два года назад (в 2017 г.) поставила вопрос о разработке законодательства об уголовной ответственности за ведение гибридной войны. Даже дела уголовные возбуждались. Возбуждались они, правда, по событиям в Крыму, который никакого отношения к Украине не имеет, что свидетельствует о наличии в этом ярко выраженной политической составляющей.

В Латвии ещё в 2016 Сейм рассматривал этот вопрос. Правда, в очень своеобразном ключе – в русле шпиономании.

В самом общем виде об этом говорил и А.И. Бастрыкин в 2016 году.

К сожалению, дальше слов дело не пошло. Конечно, есть и объективные трудности, но при желании они преодолимы. Не сразу, но преодолимы. Но мы почему-то этого не делаем.

Несколько слов о наказании. Судя по всему, нам в обозримом будущем предстоит пересмотреть всю философию наказания.

На сегодняшний день в России существует самая разветвлённая и самая запутанная система наказаний в мире: 13 видов наказаний (ст. 44 УК РФ). Из них один вид – смертная казнь – не применяется, хотя Конституция предусматривает её применение. В УК Республики Беларусь в ст. 48 перечислено десять видов наказаний. Многие страны мира обходятся значительно меньшим количеством видов наказаний. Есть Уголовные кодексы, в которых описываются всего два вида наказания. И ничего, живут. И с преступностью у них дела обстоят получше нашего. Нам же кажется, что и этого количества явно недостаточно. Если проанализировать предложения, содержащиеся в авторефератах диссертаций, защищённых после вступления в действие УК РФ 1996 г., то мы легко насчитаем не менее десятка новых видов наказаний, которые предлагается ввести в добавление к имеющимся. Фантазия работает без остановок.

Сохранятся ли все эти виды наказаний в ближайшем будущем? Да и нужны ли они в таком количестве?

Единственная цель, которая должна стоять перед наказанием – предупреждение совершения новых преступлений. Лишь она конкретна

и реально достижима. Поэтому все виды возможных наказаний должны ориентироваться на достижение этой цели.

Наказание – это реакция государства на совершённое преступление. Преступность меняется, поэтому должно меняться и наказание. Странно было бы сегодня вводить наказание в виде ссылки на галеры. Появился паровой двигатель, исчезли галеры исчезло и такое наказание. В этой связи все виды наказаний, связанные с привлечением осуждённого к труду, будут постепенно отмирать. Такой труд всё меньше и меньше будет востребован. А высокоинтеллектуальный труд в виде уголовного наказания, как все понимают, «не смотрится». Можно, конечно, придумать какое-то бессмысленное физическое наказание: одна группа осуждённых таскает тяжёлые камни из точки А в точку В, а другая группа делает прямо противоположное. Но толку от такого наказания будет совсем немного, если вообще будет какой-то толк. Скорее всего, этот процесс вызовет отторжение и озлобление, за которыми может последовать агрессия. Вместо решения проблемы, мы наоборот создадим проблему. Причём проблему, значительно более тяжело решаемую.

Мир стремительно меняется. Наказание и вся система наказаний также будут меняться, хотя и не так стремительно. Система очень консервативна сама по себе, и это не всегда плохо.

Процесс, который начался в XVIII веке – медленный, но неуклонный вывод тела преступника из сферы воздействия суда в процессе отправления правосудия по уголовным делам, – будет продолжаться. До конца столетия полностью исчезнет смертная казнь как вид уголовного наказания. Кстати, смертная казнь всегда привлекала к себе внимание и учёных, и политиков. Известны более 200 способов исполнения смертной казни. Если раньше человек изобретал максимально мучительные для преступника и просто страшные для окружающих способы умерщвления человека (особенно преуспели в этом китайцы), то последние десятилетия изобретаются гуманные способы лишения человека жизни. Трудно совместить гуманизм и насильственное лишение человека жизни, но об этом заявляется и даже пропагандируется.

Начнет сокращаться лишение свободы. Далеко не всегда лишённых свободы будут собирать вместе. Будет развиваться лишение свободы с отбыванием дома. Есть же у нас домашний арест. Электронные средства контроля без особых усилий позволят контролировать буквально каждый шаг осуждённого и мгновенно блокировать все его поползновения на совершение недозволенных действий (отлучение в неположенное время, попытка связаться с кем-то путём тех или иных источников связи, стремление посетить прямо запрещённые к посещению места и т.д.). Технически сделать это достаточно просто.

В процессе отбывания наказания осуждённый должен будет выполнять обязанности, наложенные на него судом: учиться, работать, лечиться, читать книги, коллекционировать почтовые марки и т.д. При этом он должен будет регулярно отчитываться о проделанной работе (например, по Интернету). Таким образом контроль будет достаточно полным и всесторонним.

Разумеется, не всех осуждённых к этому виду наказания будут ждать одинаковые условия отбывания. Одни будут жёстче и строже, другие мягче. Говоря современным языком, будут разработаны разные «режимы» отбывания наказания.

Этот вид наказания заменит все существующие виды наказания, связанные с лишением и ограничением свободы.

Возможно использование труда осуждённых в другом месте на определённом строительном или ином объекте. Это будет происходить тогда, когда осуждённого необходимо вырвать из привычной среды обитания, действующей на него пагубно.

Для какой-то части осуждённых, прежде всего для тех, кто нуждается в жёстком внешнем контроле над своим поведением и в необходимости, например, медикаментозной помощи для снижения агрессивности, сохранятся и колонии (назовём их так), или исправительные дома. Однако успехи медицины и совершенствование внешнего аппаратного контроля за поведением людей быстро приведут к исчезновению этих институтов.

Сохранятся ли имущественные наказания, например, штраф? Какое-то время наверняка сохранятся. На самом деле это не такой простой вопрос как может показаться. Уже в ближайшее время мы обязательно перейдём на «электронные деньги». Получать неконтролируемые доходы станет невозможно. Главное, станет невозможно ими пользоваться. В этой связи всё имущественное положение любого гражданина становится открытым. Самое главное – повторюсь – исключается незаконный доход и последующий расход.

Вполне возможно сохранение и наказаний, имеющих прежде всего воспитательное значение: публичное извинение, обязанность загладить причинённый вред и др. Уголовное право в данном случае необходимо как определённый знак, показывающий, что гражданин перешёл определённую черту, которую переходить был не должен. Карательное содержание таких наказаний будет заключаться в самом факте наложения подобной обязанности судом и признании совершенного деяния преступлением. Никаких правовых последствий (например, судимость) использование таких наказаний влечь не будет, но в памяти человека оно наверняка сохранится.

Появятся новые, не известные ныне наказания, связанные с полной или частичной модификацией поведения на основе того явления, которое мы сегодня называем нейропсихологическим программированием. Рано или поздно это выйдет на полную или частичную замену личности. При общем увеличении продолжительности жизни потеря индивидуальной идентификации, видимо, будет серьезной угрозой для любого человека. Таким образом общество будет защищать себя от нежелательного поведения своих членов.

Вообще замена личности, говоря современным языком, это абсолютное наказание, или высшая мера наказания. Если такое наказание появится, то применяться оно будет в редчайших случаях. Но оно необходимо как потенциальная возможность и потенциальная угроза. Во всяком случае именно так видится отсюда, из нашего сегодняшнего дня.

Ссылать преступников на другие планеты или куда бы то ни было – одна из тем современных фантастов – не будут, так как в этом просто не будет никакой надобности. Этот тезис показывает, что простая экстраполяция опыта двухсотлетней давности в будущее в сфере уголовного права малопродуктивна.

Произойдут изменения и в порядке назначения наказания. Вид и мера наказания будут избираться с учётом всего, что можно и нужно учесть из обстоятельств совершения преступления, личности преступника, самого преступления и всех других обстоятельств, сопутствовавших совершению

преступления. Учёт будет происходить на основе компьютерных технологий. То есть уже в процессе рассмотрения дела компьютер будет учитывать сам или рекомендовать судье учесть то или иное обстоятельство. В конце процесса будет подводиться итог и судье будет предлагаться назначить определённое наказание: вид и меру. Судья может согласиться с этим предложением, может согласиться частично, то есть назначить иной размер или иной вид наказания. Однако всё это он должен будет специально аргументировать.

Попытки использовать математические методы при назначении наказания предпринимались ещё в конце XIX века и позже, но успеха они не достигли. Прорыв должен наступить в ближайшее время в связи с интенсивным проникновением в наши жизнь цифровизации. Так, 15 февраля 2019 года в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе произошла презентация компьютерной программы определения меры наказания профессора Х.Д. Аликперова [13]. Это оригинальная, научная, теоретическая модель определения меры наказания. В принципе она готова к пилотному использованию. Пойдёт ли на это законодатель? Пойдёт ли на это власть? – Не знаю. Слишком всё это ново. Но рано или поздно это придёт, а то и просто ворвётся в нашу жизнь. По-другому не будет. В этой связи надо уже сегодня готовиться к пришествию этого нового.

Следует полностью отдавать себе отчёт в том, что перейти на «электронные весы правосудия» с сегодня на завтра не удастся. Многое, очень многое необходимо поменять. Например, потребуется серьёзное изменение процессуального законодательства. Также потребует изменений и уголовно-исполнительное законодательство.

В случае внедрения этой системы в судебную практику будет значительно облегчена работа судей при определении меры наказания виновному. Окончательное решение, разумеется, останется за судом, который может внести свои коррективы в предложенное компьютером решение, подробно мотивировав его.

Изменится в этом случае и работа вышестоящих судебных инстанций, которые в обязательном порядке должны будут проверять в случае необходимости правильность использования судом, назначившим меру наказания, всех необходимых критериев.

Наверное, кто-то подумает: зачем вообще суд? Через некоторое время мы научимся «запихивать» в машину все имеющиеся у нас данные о совершенном преступлении, а на выходе будем получать указание на виновного и предложения по мере его наказания. Абсолютный идеал – получать на выходе уже «переделанного» преступника. Такое доведение до абсурда, конечно, возможно. А вот реализация этого абсурда на практике невозможна. Поэтому такие завиральные идеи надо прекращать сразу и окончательно.

Введение такого порядка определения меры наказания позволит избежать произвола, вкусовщины, политизированности при назначении наказания. Практически полностью устраняется коррупционная составляющая при назначении наказания (избежать её полностью, видимо, нельзя, так как она перейдёт на новый уровень, связанный, например, с фальсификацией доказательств). Оптимизация наказания по предлагаемой схеме позволит сделать сам процесс назначения наказания прозрачным и понятным для окружающих, что в современных условиях весьма важно. Общество будет с большим доверием

относиться к суду и к принимаемым им решениям. Проверка принятых решений вышестоящей судебной инстанцией обретет новый характер, упростится и ускорится. Всё это будет способствовать укреплению законности и правопорядка в стране.

Заключение

Сохранятся ли такие традиционные для уголовного права институты, как условно-досрочное освобождение, помилование, амнистия? Судя по всему, да, но и они претерпят определённые изменения.

Нас ждут очень большие перемены. Нынешние студенты уже достаточно скоро попадут в «новую реальность», в которой им и придётся работать. Они справятся.

Остаётся надеяться, что все изменения будут внедряться в нашу жизнь постепенно. Только это позволит избежать хаоса и произвола.

Наше уголовное право – живое право, и относиться к нему необходимо именно как к живому. Только так можно понять его роль и значение в современном мире, только так можно разработать адекватные меры по его модернизации. А меры эти необходимы.

Список цитированных источников

1. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: АСТ, 2017.
2. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ». – М., 2008.
3. Открытое письмо профессора А. В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. – 2006. – №4.
4. Кудрявцев, В.Н. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. – 2006. - №5.
5. Goodman, M. Future Crimes. Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. 2015.
6. Шестаков, Д. А. Массовая дезинформация как преступление // Међународна судска, тужилачка и полицијска сарадња у борби против криминала. Четрнаеста тематска Међународна научна конференција. – Тара, 2015. – С. 152.
7. Сундиев, И. Ю., Смирнов, А. А., Кундетов, А. И., Федотов, В. П. Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности. – Вологда, 2014.
8. Сундиев, И. Ю., Смирнов, А. А., Кундетов, А. И. Исследование деструктивных технологий «цветных революций» и профилактика возможности их применения в Российской Федерации. – М., 2014.
9. Противодействие современной преступности. Криминологические, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. – С. 305-322.
10. Тупанчески, Н. Економско казнено право. – Скопје, 2015.
11. Архангельский, И. К. Концепция гибридной и отличия от традиционных войн // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. –М.: МНЭПУ, ВТМ, 2019. – С.150-151.
12. Егорченков, Д. А., Данюк, Н. С. Гибридный дракон и химера войны. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.
13. Аликперов, Х. Д. Компьютерная программа определения меры наказания. СПб., 2019.

Аннотация. Название статьи заставляет прибегать к философии. К сожалению, философия последние десятилетия не пользуется «спросом» у юристов. Это плохо, ибо юридическая наука обедняет сама себя и ограничивает свои возможности. В рамках нашего исследования мы говорим о социальном бытии человека. Не об уголовно-правовом, а именно о социальном.

УДК 343.13

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 20 ЛЕТ: РЕФОРМА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Данько И.В.

В современном обществе существенное значение принадлежит праву, которое тесно связано с экономическими и социальными процессами и призвано обеспечивать интересы граждан, общества и государства. В Республике Беларусь активное нормотворчество началось в 90-е годы прошлого столетия. В эту пору были приняты крупные кодифицированные законы, одним из которых является Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК).

Масштабность произошедшего события подчеркивает то, что юридическую силу новый УПК приобрел только спустя полтора года. Именно столько времени понадобилось практикам на осмысление реформы и подготовку к работе в изменившихся правовых условиях.

Вместе с тем значительное повышение роли информационных технологий, интенсивный рост процессов интеграции-дифференциации в различных социальных сферах требует постоянного совершенствования правового порядка. «Законодательство должно идти в ногу со временем, а не быть чем-то застывшим и создавать тем самым препятствия для развития общественных отношений» – отметил Президент Республики Беларусь в Послании о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь. Поэтому за прошедшие десятилетия по различным направлениям, начиная от стадии возбуждения уголовного дела и заканчивая судебными и особыми производствами, уголовно-процессуальный закон многократно подвергался дополнениям и изменениям. Однако анализ некоторых из них показывает наличие определенных недостатков в нормотворческой деятельности, которые имеют место даже на концептуальном уровне и говорят об отсутствии четкой стратегии развития уголовно-процессуального права. Об этом красноречиво свидетельствует такой факт. В Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь № 205 от 10.04.2002 года, предусмотрена модернизация отдельных юридических норм в целях повышения эффективности деятельности прокурора по процессуальному руководству расследованием уголовных дел органами дознания, следователями и нижестоящими прокурорами, усиления прокурорской функции рассмотрения уголовных дел в судах, «что обусловлено состязательностью уголовного процесса, необходимостью поддержания государственного обвинения по всем уголовным делам и участием в уголовном

процессе в качестве стороны». В то же время в 2009 – 2011 годах принимаются законы, ликвидирующие процессуальное руководство прокурором предварительным расследованием, осуществляемым следователем, а также допускающие возможность рассмотрения уголовных дел ускоренного производства без государственного обвинителя. О каком повышении эффективности деятельности прокурора по этим направлениям можно говорить в разрезе приведенных изменений?

Дефицит всесторонности и системности, глубины и научной проработки вносимых поправок негативно отражается на стройности уголовно-процессуальных норм, сбалансированности регулируемых ими отношений. В этом контексте характерны преобразования правового положения участников досудебного производства, детерминантой которых стала произошедшая в 2011 году реорганизация органов предварительного следствия. В результате на базе следственного аппарата прокуратуры, подразделений предварительного расследования МВД и Комитета государственного контроля образован Следственный комитет Республики Беларусь. Казалось, подобные изменения должны были бы освободить от значительной части процессуальной деятельности МВД как наиболее крупный орган дознания, ведь создано специальное учреждение, призванное осуществлять досудебное производство в уголовном процессе. Однако этого не произошло. Напротив, структурная перестройка привела к тому, что Следственный комитет, почерпнув из МВД штаты как следователей, так и дознавателей, в полном объеме досудебное производство проводит далеко не всегда, ограничиваясь стадией предварительного расследования. Получилось, что, ликвидировав соответствующие подразделения МВД, законодатель оставил за сотрудниками данного ведомства немалую часть существовавших ранее процессуальных обязанностей: производство по заявлениям, сообщениям о преступлениях, которых, к слову, в ОВД поступает ежегодно более 200 тысяч, выполнение поручений следователя и пр. При этом важно, что для органов предварительного следствия осуществление досудебного производства по материалам и уголовным делам – единственная функция, в то время как органы дознания, помимо процессуальной деятельности, имеют много других обязанностей, возложенных на них законодательством.

Это приводит, во-первых, к дублированию процессуальных функций двух ведомств, во-вторых, к сохранению высокой нагрузки на органы внутренних дел, как следствие, недостаточному качеству проведения процессуальных действий и подготовки документов.

Все говорит о том, что, видимо, назрела необходимость в пересмотре процессуальной роли органов дознания. На фоне существования полноценных подразделений предварительного следствия процессуальная деятельность органов дознания должна минимизироваться. Думается, за последними целесообразно сохранить право осуществления процессуальных действий лишь в случаях безотлагательности, в целях предупреждения и пресечения уголовно-наказуемых деяний, закрепления следов преступления, например, задержание лица по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, его личный обыск, осмотр места происшествия. Следователь же должен как можно раньше вовлекаться в сферу уголовно-процессуальных отношений, чтобы непосредственно, а не по документам, иметь возможность исследовать все

детали произошедшего события, дать ему правовую оценку и принять соответствующее решение. Тогда не возникнет ситуации, когда орган дознания, обнаружив, на его взгляд, признаки преступления, в соответствии с ч. 1 ст. 186 УПК передает заявление, сообщение вместе с материалами проверки в орган предварительного следствия, а тот, в свою очередь, возвращает их назад с письменными указаниями установить обстоятельства, имеющие значение для разрешения материала. Рождающаяся «переписка» создает почву для споров между ведомствами и не способствует эффективности противодействия преступности.

В то же время органы дознания, безусловно, обязаны оказывать содействие следователю в проведении процессуальных действий, а также осуществлять оперативное сопровождение досудебного производства.

Рассуждая о проблемах правового регулирования деятельности органов дознания, нельзя не отметить то, что с момента принятия УПК в 1999 году законодатель так и не сумел устранить несогласованность ч. 1 и 2 ст. 37 УПК, которая вызывает вопрос о законности реализации части своих полномочий всеми органами дознания, за исключением подразделений внутренних дел. Это объясняется тем, что в соответствии с п. 2-10 ч. 1 ст. 37 УПК процессуальная компетенция остальных органов дознания касается только уголовного дела. Именно оно фигурирует во всех приведенных нормах в качестве составного элемента признания органом дознания того или иного учреждения и должностного лица. Однако уголовный процесс начинается гораздо раньше возбуждения уголовного дела и протекает на стадии рассмотрения заявления или сообщения о преступлении. В буквальном смысле это означает невозможность указанных органов осуществлять процессуальную деятельность на данном этапе. Иными словами под законодательным запретом оказывается наиболее значимая и востребованная, связанная с обнаружением и закреплением следов преступления, сфера функционирования большинства органов дознания. Представляется, такая нормативная регламентация нуждается в совершенствовании. Наиболее простой путь состоит в дополнении п. 2-10 ч. 1 ст. 37 УПК правом проведения перечисленными в них органами дознания процессуальной деятельности не только по уголовным делам, но и по заявлениям, сообщениям о преступлениях.

Между тем предпочтительнее видится решение этого, как, впрочем, и предыдущего вопроса, сквозь призму модификации досудебного производства, в основе которой должно быть упразднение стадии возбуждения уголовного дела. Указанный институт уже давно стал предметом острой критики, что в немалой степени обусловливается изменениями, которые его сопровождают с момента появления в законодательстве. Сформировавшаяся во второй половине XX века и нынешняя стадия возбуждения уголовного дела по объему процессуальной компетенции органов уголовного преследования имеют мало общего. В 2017 году по воле законодателя правовое регулирование рассматриваемой стадии в очередной раз расширилось, что не очень вписывается в сложившуюся в настоящее время в странах постсоветского пространства тенденцию на оптимизацию и ускорение уголовного процесса. Еще до внесения в УПК этих изменений А.Данилевич и В.Самарин справедливо заметили, что современная стадия возбуждения уголовного дела «сблизилась по своему содержанию с расследованием уголовного дела, превратилась в его суррогат» [1,

с. 28]. С учетом поправок 2017 года такая близость стала просто неприличной. В частности, в УПК появилась ст. 178^1, предусматривающая право и порядок ознакомления заинтересованных лиц с материалами проверки по заявлению или сообщению о преступлении. От сходства ее со ст.ст. 255-257 УПК, регулирующими процедуру ознакомления с уголовным делом на стадии предварительного расследования, не спасает даже явная направленность указанной нормы на защиту прав и интересов граждан.

Еще большую озабоченность вызывает ст. 173^3 УПК, в соответствии с которой проведение проверки по заявлению или сообщению о преступлении может быть приостановлено в общей сложности до 3 месяцев мотивированным постановлением органа дознания, следователя или прокурора в случае неполучения ответа на международный запрос, а также неполучения результатов экспертизы либо проверки финансово-хозяйственной деятельности. Причем в этот период никаких действий по собиранию доказательств, за исключением экспертизы и проверки финансово-хозяйственной деятельности, орган уголовного преследования производить не вправе.

Несложно заметить, что с учетом приведенной новеллы и существовавших ранее возможностей продления срока проверки по заявлению или сообщению о преступлении, длительность стадии возбуждения уголовного дела в настоящее время увеличилась с трех до шести месяцев, что в несколько раз превышает общий срок предварительного следствия. Кроме очевидного дублирования института приостановления предварительного следствия, регламентированного главой 28 УПК, эта норма вызывает вопрос об эффективности деятельности экспертных подразделений, которые, как следует из закона, не всегда способны в течение трех месяцев провести экспертизу. Однако наиболее существенно такое правовое регулирование негативно сказывается на интересах пострадавшего от преступления и лица, в отношении которого осуществляется проверка, ведь в период приостановления проверки орган уголовного преследования фактически «замораживает» работу по материалу, значительно отдаляя момент принятия решения. Все это время указанные субъекты остаются в состоянии неопределенности своего процессуального положения и дальнейших перспектив защиты собственных прав.

Таким образом, представляется, что досудебное производство нуждается в глубоком реформировании, которое должно идти по пути упразднения стадии возбуждения уголовного дела, четкого разделения процессуальных функций органов дознания и предварительного следствия, упрощения и сокращения отдельных процедур, позволяющих органам уголовного преследования осуществлять свою деятельность со значительной экономией сил и средств.

Список цитированных источников

1. Данилевич, А. Место стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса Республики Беларусь А. Данилевич, В. Самарин // Законность и правопорядок. – 2013. – № 3(27). – С. 24-29.

УДК 343.21

РЕФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (В ИСТОРИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТАХ)

Наумов А.В.

1. Характеристика современного аспекта обозначенного автором выступления выглядит, по ряду причин, достаточно нелицеприятно. Его можно было бы обозначить и со значительной долей юмора (увы, совсем невеселого) – «Проблемы и перспективы реформирования российского уголовного законодательства (УК РФ «образца» 2019 г.): «хотели как лучше, а получилось, как всегда» [1], «кто виноват [2] и что делать? [3]»). Действующий кодекс существует около 23 лет (время для такого закона не слишком большое), но за время своего бытия он подвергся столь серьезным изменениям, что стал трудно пригоден к применению его судом и другими правоприменительными органами. Законодатель уж очень «безжалостно» отнесся к своему «детищу». Его изменения, по сути дела, превратились в процесс постоянной правотворческой «кройки и шитья». Кодекс изменился настолько существенно, что от его первоначальной редакции (вполне «приличной» даже по отзывам авторитетных зарубежных экспертов и не менее авторитетных отечественных практиков) в итоге мало что и осталось. Так, например (по состоянию уже на 2015 г.) изменения были внесены примерно в 300 статей кодекса (из первоначальных 360). И главное его «бедой» стала утрата им системности, что привело к серьезным трудностям в его применении. И большинство таких изменений было направлено в одну сторону. Они предполагали либо формулирование новых уголовно-правовых запретов либо усиление уголовной ответственности и наказания в нормах Общей части кодекса. Прошло 5 лет. Что изменилось? По сути ничего, так как указанная тенденция продолжалась (изменения той же направленности привели к созданию новых уголовно-правовых запретов, сформулированных почти что в сорока (!) статьях кодекса. Трагедии, правда, не произошло, что позволяет вспомнить известную, кажется еще с XIX века, отечественную истину о том, что суровость российских законов смягчается их неприменением. Большинство многочисленных новых уголовно-правовых запретов оказались либо мертвыми, либо полумертвыми. Не трудно предсказать и аналогичную судьбу новых.

Ограничиться, однако, современным аспектом проблемы нельзя. В этом отношении очень важно установить, как, когда и почему возникла такая законодательная тенденция – невероятной «гонки» законодателя по производству своей правотворческой продукции и превращением уголовного законодательства в «инструмент» чуть ли не для повседневного пользования? А раз так, не обойтись и без названного в названии выступления исторического компонента.

2. Российское уголовное законодательство имеет длительную, более чем 1000-летнюю историю. Основным правовым памятником Древней Руси является Русская Правда, содержащая и уголовно-правовые нормы, которая была создана не позднее XIII века, хотя первыми письменными правовыми памятниками,

включавшими и нормы уголовного права, признаются русско-византийские договоры, в первую очередь Олега 911 г. и Игоря 944 (945) г. Однако первым, по настоящему уголовным кодексом России, было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Оно просуществовало (в измененных редакциях) до Октябрьской революции 1917 г. Принципиальные изменения в Уложении были внесены дважды и по очень значительным поводам. В 1866 г. – в связи с проведением в России коренных реформ, связанных с отменой крепостного права, а также реформ полиции и судебной. В 1885 г. Уложение было переиздано в новой редакции, которая учитывала Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, внесшего серьезные изменения в Уложение, в особенности в связи с попыткой определения более четкого разделения между преступлениями и проступками и перегруженностью Уложения многочисленными нормами об ответственности за административные правонарушения. То есть законодатель очень серьезно относился к изменению действующего уголовного законодательства и истоки современного «легкомысленного» отношения к законотворчеству в этой сфере следует искать не там (не в этом историческом периоде). А когда? Кем?

Исторические документы позволяют достаточно четко ответить на эти вопросы: Временным правительством сразу же после прихода того к власти. Это правительство приняло целый ряд ошибочных политических решений, в том числе и в области уголовной политики, кардинально изменивших ход Февральской революции, а чуть позже позволивших большевикам захватить власть в свои руки. К началу июля 1917 г. Временное правительство в принципе верно оценивало сложившуюся для страны и него политическую ситуацию и главным противником стабилизации положения внутри страны и на фронте видело анархистов и большевиков, и именно против них были направлены принимаемые уголовные законы (в виде Указов правительства). В этих целях было восстановлено действие статей Уголовного уложения, предусматривавших наказание за публичный призыв к убийству, разбою, грабежу, погрому и другим тяжким преступлениям, была восстановлена смертная казнь на фронте, введена уголовная ответственность за опубликование сведений военного характера, разглашение которых может нанести ущерб России и ее союзникам, и, «главное», усилена уголовная ответственность за насильственное посягательство на изменение существующего государственного строя в России, или на отторжение от России какой-либо ее части, или на смещение органов верховной государственной власти, или на лишение их возможности осуществлять таковую (то, чего не скрывали Ленин и большевики). К государственным преступлениям приравнивалась любая забастовка железнодорожников с требованием повышения заработной платы. Меры, на первый взгляд, нужные и своевременные. Почему же они имели нулевой результат? Увы, эти меры оказались безуспешными вследствие ранее принятых как Временным правительством, так и Петроградским Советом политических решений. Все началось с провозглашения так называемой «демократизации», а по сути дела – анархии в армии. Здесь имеется в виду известный Приказ №1, изданный Петроградским Советом и установивший новый тип служебных и внеслужебных отношений в армии. Фактически он разрушал все устои армии, а вместе с тем и ее боеспособность. Отмена военной дисциплины в армии привела к массовому дезертирству солдат с фронта. В марте 1917 г. был принят Указ Временного

правительства о политической амнистии, освобождающей от наказания осужденных за политические преступления, т.е. за революционную деятельность против монархического строя. Амнистия проходила на фоне погрома «восставшим народом» царских тюрем, разгона тюремной стражи, массовых побегов уголовных преступников и требований распространения амнистии и на эту категорию заключенных. И 17 марта Временное правительство издает Указ об амнистировании осужденных и за общеуголовные преступления (!). Стремясь пресечь и предупредить погромы анархистски настроенной части народных масс, Временное правительство всерьез занялось проведением антиалкогольной пропаганды. Была установлена уголовная ответственность за продажу крепких спиртных напитков и не относящихся к ним спиртосодержащих веществ без установленного разрешения, усиливалась ответственность за появление в публичном месте в состоянии явного опьянения. За распитие спиртных напитков компанией, если та повредит чужое имущество, полагалось каторга от 6 до 8 лет. Что и говорить, меры в уголовно-правовом смысле достаточно грозные, но, как известно, остановить разбушевавшуюся анархическую стихию они оказались не способны. Временное правительство не осознавало, что в природе существует лишь два способа приведения принимаемых законов и иных нормативных актов в действие. Во-первых (идеальный вариант), путем их добровольного исполнения теми, кому они адресуются. И, во-вторых, возможностью их принудительного исполнения. Временное правительство не располагало ни первым, ни вторым. Оно теряло власть, и последняя была буквально подобрана большевиками, в связи с чем «грозные» уголовно-правовые нормы, принимаемые Временным правительством, превращались в ничего не значащие слова.

Ну а как и когда был изобретен «динамизм» законотворчества в сфере уголовного права, «успешно» в этом смысле осуществляемый в настоящее время? Временное правительство было и к этому готово, но история не предоставила ему этой возможности. А вот взявшие в свои руки власть большевики сумели сразу воплотить новые законодательные принципы в жизнь. Советский законодатель не заботился о стабильности уголовного закона, а превратил его в рабочий инструмент для решения политических и социально-экономических целей. Так, за небольшой срок действия первого советского Уголовного кодекса (УК РСФСР 1922 г.) в него (до принятия заменившего его УК РСФСР 1926 г.) было внесено примерно 80 изменений (по количеству вновь принятых законодательных актов уголовно-правового характера). Но это было лишь начало. Интенсивность изменений УК РСФСР 1926 г. значительно превышала таковые в предыдущем кодексе. Вот как это выглядело в разбивке по годам: 1926-1929 гг. – 92 уголовно-правовых акта РСФСР – СССР; в 1930-1933 гг. – соответственно 40 и 40; в 1934-1937 гг. – 26 и 42; в 1938-1941 гг. – 4 и 23; в 1941-1945 гг. – 10 общесоюзных актов; в 1945 (после войны)-1948 гг. – 1 и 9; 1948-1953 гг. – 2 и 4 (победа в войне и восстановление разрушенного народного хозяйства обеспечивались не принятием уголовных законов); с 1954 г. законодатель вернулся к довоенной практике постоянного (перманентного) внесения многочисленных изменений в уголовное законодательство. То есть такой «темп» был задан в указанные годы, что до того времени было явлением небывалым и не встречавшемся в истории других стран (изменение уголовного закона – дело вовсе не каждодневное). Однако «пик» подобного «динамизма»

пришелся уже на постсоветское время. Укажем, например, что отдельные периоды действия УК РФ 1996 г. характеризовались «сверхинтенсивностью» вносимых в него изменений. Так, за шесть месяцев, а именно, с 20 декабря 2010 г. по 20 июня 2011 г. внесенные в УК изменения затронули 126 статей кодекса (приблизительно треть всех его статей). За последнюю неделю 2010 г. в течение четырех дней были внесены изменения в четыре статьи УК (то есть наша Дума всерьез «кромсала» Кодекс: 23 декабря – в ст.1451; 27 декабря – в ст.162; 28 декабря – в ст.92 и 29 декабря – в ст.261. У будущего историка может в связи с этим сложиться впечатление, что Дума была уголовно-правовой. Интересно, что почти при каждом изменении Кодекса в пояснительной записке к очередному законопроекту утверждалось, что никаких экономических затрат соответствующие поправки в УК не повлекут. Но как же так? Кто будет расследовать эти дела? Проводить по ним розыскные мероприятия? Наконец, рассматривать их в судебном порядке? Вот они те самые «овраги», про которые «забыли на бумаге» законодатели.

3. Что же должен усвоить законодатель, решаясь на внесение изменений в уголовное законодательство? Во-первых, что существуют известные пределы возможностей уголовного закона как инструмента для достижения политических и социально-экономических целей, и, во-вторых, самым главным поводом для внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство является (должно являться!) обнаружение в нем подлинных пробелов (в уголовно-правовом регулировании). Уголовный кодекс – это не «скорая помощь» и внесение в него изменений требует серьезных причин политического и социально-экономического характера.

4. Теперь насчет того, «что делать?» Теория уголовного права пытается создать нормативные средства предупреждения в дальнейшем бессистемного изменения Уголовного кодекса. На слуху, по крайней мере, два таких предложения. Во-первых, принятие в виде самостоятельного законодательного акта Закона об основах уголовной политики. Что ж, такой закон неплохо бы иметь. Только с трудом верится, что он будет надежным барьером на пути необоснованных изменений пусть уже и реформированного УК. В качестве другого средства предлагается принятие «Закона о законах». Этот, в отличие от первого, крайне нужен, однако, и он не способен предотвратить отрицательные последствия привычного (бессистемного, «сиюминутного») отечественного правотворчества в уголовно-правовой сфере.

Наконец, главная, по моему мнению, проблема правоприменения и законности заключается вовсе не в уголовном праве, а в нашей сложившейся уже в постсоветское время судебной системе. Сами по себе уголовная политика и уголовное законодательство ничто без последней. И настоящее реформирование судебной системы, а вместе с этим и процессуального законодательства, «во сто раз» важнее изменения законодательства уголовного. Но и труднее также не менее. В нашем (российском) законе прописано, что процесс (уголовный) у нас состязательный. Да вот тут есть такая «закавыка». В самом обычном, «средненьком» процессе стороны (обвинение и защита) предоставляют свои ходатайства (о приобщении к делу дополнительных документов, назначении экспертиз и т.п.). Так вот при «этой» состязательности почему-то (действительно, почему?), как правило, суд учитывает мнение одной стороны. Какой бы Вы думали? Правильно, обвинения. Поэтому, с одной

стороны, по закону, процесс этот состязательный, а по сути? Но ведь, например, в той же Америке состязательность получается. Почему? По простой причине. В связи с равенством сторон. Увы, у нас это почему-то никак не прививается. Справедливости ради следует отметить, что Верховный Суд РФ много делает для того, чтобы исправить известные «перекосы» уголовной политики, однако разрыв между его позицией, выражаемой, например, в разъяснениях его Пленума, и «сермяжной» повседневной судебной практикой, зациклившейся на едва ли не «обожествлении» обвинительной стороны в процессе, достаточно велик. И причина эта заключается в зависимости судей не столько от Верховной судебной власти (по существу таковая отсутствует), а опять-таки от Власти как таковой, в особенности исполнительной (зарплата не та, что была при Советах, не то жилье и другие, немыслимые раньше льготы). И поговорка «совковых» времен о том, что «судьи независимы и подчиняются только горкому» (горкому КПСС) сейчас выглядит просто смешной. Нынешним нашим судьям есть что терять в случае своей самостоятельности и непослушания. Как изменить сложившееся положение? Думается, что такого рецепта не существует.

Но откуда я взял свое суждение об обвинительном уклоне в уголовном судопроизводстве? Сошлемся лишь на одно из Посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию: «Мы не в первый раз говорим о необходимости новых подходов в работе надзорных, контрольных, правоохранительных органов. Но изменения происходят очень медленно. По прежнему доминирует обвинительный уклон» [4]. Прошло 5 лет. Сошлемся на последнее Послание Президента РФ (от 20 февраля 2019 г.), где он, напомнив, что делает это не в первый раз, достаточно подробно говорил опять-таки об обвинительном уклоне в деятельности правоохранительных органов, порой искусственно возводящих занятие бизнесом в преступление, что «становится серьезной проблемой для экономики» [5]. Через месяц с небольшим (28 февраля 2019 г.) Президент России, выступая на расширенном заседании Коллегии МВД РФ, вновь призвал силовиков к тому, чтобы добросовестный предприниматель в России не должен постоянно «ходить под статьей» [6].

Но как же увязать сказанное с решением неотложной проблемы реформирования УК? Все-таки думается, что распространенное в нашей теории уголовного права мнение о том, что дефекты действующего УК РФ, связанные с его бессистемностью, якобы делают невозможным его применение, явно преувеличено (как говорят на Востоке: «шакалы воют, а караван идет»). Судопроизводство ни разу не останавливалось, а всегда находило и находит свой выход (хотя, по справедливости, и не без определенных, а подчас и существенных потерь). И в этом случае, как не попенять великому Марксу. Он конечно же ошибся, отводя процессу всего лишь роль формы материального права. Напротив, как мы видим, неэффективность процессуальных норм, например, о разрешении ходатайств защиты, способна «блокировать» как реализацию процессуальных принципов равенства, состязательности сторон и презумпции невиновности, так и самые «благие» основы уголовного права, включая его принципы законности, равенства граждан перед законом, вины и справедливости. При некоторой (не такой уж огромной по объему) правке названных уголовно-процессуальных норм-принципов, справедливо вскрытые теоретиками уголовного права дефекты системности УК, способны существенно снизить их отрицательное значение. Это надо делать, как говорил

основоположник Коммунистической партии и Советского государства, «архисрочно». А уж после этого приступить к достаточно длительной работе по созданию новой редакции УК. Будет ли она идеальной? Конечно же нет. И наша отечественная уголовно-правовая и криминологические науки возлагают на этот счет явно преувеличенные надежды. И даже после принятия новой редакции УК внесение в него изменений, разумеется, будет продолжаться, так как правовым нормам, увы, «обеспечено» отставание от порой достаточно интенсивных процессов жизни общества (соотношение стабильности и динамизма уголовного законодательства предполагает их социальную обоснованность). И в этом смысле усиливается значение научного обеспечения правотворческого процесса обновления уголовного законодательства.

Список цитированных источников

1. Известное выражение главы Правительства РФ В.С. Черномырдина.
2. Роман А.И. Герцена.
3. Роман Н.Г. Чернышевского и брошюра В.И. Ленина.
4. Российская газета, 2019, 5 декабря.
5. Российская газета, 2019, 21 февраля.
6. Московский комсомолец, 1-6 марта 2019 г.

УДК 343.13 (476+477)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Попов Г.В.

Сравнительный анализ правовых актов разных стран является одним из способов совершенствования национального законодательства, тем более, когда имеет отношение к прокурорской деятельности. Это позволяет взглянуть на законодательство определенной страны с той целью, дабы обрести действительно полезный опит для эффективной реализации задач уголовного производства, а также усовершенствовать правовое закрепление полномочий прокуратуры – важнейшего органа в уголовном процессе.

Необходимо отметить, что уголовно-процессуальный закон Украины и аналогичное законодательство Республики Беларусь в целом имеют ряд сходств, что вполне оправдано. Существуют и различия, на которые стоит обратить внимание. Это будет полезным с точки зрения науки уголовного процесса, а также дальнейших перспектив и возможностей внесения по-настоящему полезных изменений в закон.

Обращают на себя внимание отличия в определении задач уголовно-процессуального закона. Так, в ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Беларуси) определено, что задачами уголовно-процессуального закона являются закрепление надлежащей правовой

процедуры осуществления уголовного процесса, обеспечение законных прав и интересов физических и юридических лиц, которым преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также уголовное преследование и защита лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний [1].

В свою очередь, в ст. 2 Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) [2] задачи установлены более обширно: защита личности, общества и государства от уголовных правонарушений, охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также обеспечение быстрого, полного и беспристрастного расследования и судебного рассмотрения с тем, чтобы каждый, кто совершил уголовное преступление, был привлечен к ответственности в меру своей вины, ни один невиновный не был обвинён или осужден, ни одно лицо не было подвержено необоснованному процессуальному принуждению и чтобы к каждому участнику уголовного судопроизводства была применена надлежащая правовая процедура.

Указанное свидетельствует о наличии общего звена – цели, которые заключаются в защите прав и интересов лиц, пострадавших от правонарушения, а также тех, кто подозревается или обвиняется в совершении преступления. При этом в УПК Украины дополнительно указывается насчет расследования и судебного рассмотрения, а именно то, что оно должно быть проведено быстро, в полном объеме и беспристрастно.

Закрепление полномочий прокурора в уголовном производстве также имеет определенные отличия в вышеупомянутых законах. Необходимо заметить, что прокурор, согласно УПК Беларуси, наделён гораздо более широким диапазоном правовых возможностей по сравнению с предусмотренными в УПК Украины. Это мнение подтверждается положениями ст. 34 УПК Беларуси, которая регламентирует полномочия прокурора. Так, осуществляя надзор за соблюдением законности при производстве предварительного следствия и дознания, прокурор уполномочен применять, изменять или отменять меры пресечения по уголовным делам, находящимся в производстве у нижестоящего прокурора, продлевать срок содержания под стражей, домашнего ареста, срок рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении и срок предварительного расследования, а также разрешать отводы и самоотводы. Выбранный акцент на этих полномочиях объясняется следующим: 1) остальные права прокурора в общем схожи с теми, которые закреплены в УПК Украины; 2) перечисленные права в рамках УПК Украины отнесены к исключительным полномочиям суда, что снова-таки подтверждает более объемный процессуальный статус прокурора в Республике Беларусь.

Основания для начала досудебного расследования в упомянутых законах имеют отличия, на которые необходимо обратить внимание. В ч. 1 ст. 214 УПК Украины идёт речь о том, что следователь, прокурор безотлагательно, но не позднее 24 часов после подачи заявления, сообщения о совершенном уголовном правонарушении или после самостоятельного выявления им из любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного преступления, обязан внести соответствующие сведения в Единый реестр досудебных расследований, начать расследование и через 24 часа с момента внесения таких сведений предоставить заявителю выписку из Единого реестра досудебных расследований.

На практике эта норма действует следующим образом: следователь, прокурор обязаны вносить сведения в Единый реестр досудебных расследований по любому заявлению о преступлении. Они лишены возможности собрать доказательства, подтверждающие целесообразность заявления, до внесения сведений в реестр. В противном случае заявитель обращается с жалобой к следственному судье на бездействие следователя, прокурора, и тот своим решением обязывает вносить информацию в реестр, тем самым начиная досудебное расследование. В свою очередь, это приводит к необоснованному избытку уголовных производств.

Анализ УПК Беларуси позволяет положительно охарактеризовать регулирование подобных взаимоотношений. Так, в п. 1 ч. 1 ст. 167 УПК Беларуси закреплено, что основаниями к возбуждению уголовного дела являются наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. Таким образом, законодатель дает возможность на собственное усмотрение, которое базируется на наличии доказательств, принимать решение о возбуждении уголовного дела. Стоит отметить, что отсутствие вышеупомянутой императивности имеет важное значение для практической деятельности органов прокуратуры.

Кроме указанного, имеются определенные отличия в мерах пресечения. Так, согласно ч. 2 ст. 116 УПК Беларуси мерами пресечения являются: 1) подписка о невыезде и надлежащем поведении; 2) личное поручительство; 3) передача лица, на которое распространяется статус военнослужащего, под наблюдение командования воинской части; 4) отдача несовершеннолетнего под присмотр; 5) залог; 6) домашний арест; 7) заключение под стражу.

УПК Украины содержит более скромный перечень мер пресечения. Согласно ст. 176 УПК Украины к их числу относятся: 1) личное обязательство; 2) личное поручительство; 3) залог; 4) домашний арест; 5) содержание под стражей.

Итак, подписка о невыезде и личное обязательство являются довольно схожими мерами пресечения, однако последняя в УПК Украины более детализирована по сравнению с УПК Беларуси. Согласно ст. 179 УПК Украины в случае, если лицо не исполняет обязательства, возложенные на него, кроме более суровой меры пресечения к нему может быть применено денежное взыскание в размере от 0,25 минимального прожиточного уровня для трудоспособных лиц до 2-х таких размеров. Кроме того, в этой статье указывается, за кем закреплен контроль за исполнением этой меры пресечения: следователем, а если производство в суде, то прокурором. Подобных положений и упоминаний о них нет в ст. 120 УПК Беларуси.

Что касается передачи несовершеннолетнего под присмотр, то необходимо заметить, что данное положение не предусмотрено в перечне мер пресечения, закрепленных в ст. 176 УПК Украины, однако содержится в отдельной главе, посвященной уголовному производству касательно несовершеннолетних. Содержание указанных положений полностью дублируется, что вновь подчеркивает схожесть мер пресечения в УПК Украины и УПК Беларуси.

Залог как мера пресечения предусмотрен в обоих законах. Примечательно, что согласно ч. 1 ст. 124 УПК Беларуси залоговым имуществом могут выступать денежные средства, ценные бумаги, ценности, ничем не обремененные и не исключенные из гражданского оборота, иное движимое и недвижимо имуществ,

принадлежащее залогодателю на праве частной собственности. В свою очередь, в соответствии с ч. 1 ст. 182 УПК Украины объектом залога могут быть исключительно денежные средства. Во всех иных аспектах указанная мера пресечения, предусмотренная в обоих упомянутых законах, не имеет ярко выраженных отличий.

Мера пресечения в виде домашнего ареста согласно УПК Беларуси предусматривает возможность применения иных мер, как в отдельности, так и в их совокупности, среди которых: запрет выхода из жилища полностью или в определенное время; запрет телефонных переговоров, отправления корреспонденции и использования средств связи, за исключением предусмотренных случаев; запрет на общение с определенными лицами и приём кого бы то ни было у себя; применение электронных средств контроля; возложение обязанности отвечать на контрольные телефонные звонки или иные сигналы контроля, звонить по телефону или лично являться в определенное время в орган дознания или другой орган, осуществляющий надзор за поведением подозреваемого или обвиняемого; установление наблюдения за подозреваемым или обвиняемым или его жилищем, охраной его жилья или отведенного ему в жилище помещения; а также других подобных мер, обеспечивающих надлежащее поведение и изоляцию подозреваемого, обвиняемого от общества (ч. 2 ст. 125 УПК Беларуси). Некоторые из указанных вспомогательных мер предусмотрены и в ч. 5 ст. 194 УПК Украины, среди которых: воздержание об общения с лицом, определённым следственным судьёй, судом, либо же общение на условиях, определенны ими же.

В отличие от указанной нормы в ст. 181 УПК Украины, которая регулирует данную меру пресечения, прямо предусмотрен срок применения домашнего ареста, который не может превышать 2-х месяцев, а в случае необходимости его продления общий срок не может превышать 6-ти месяцев.

Кроме того, в ч. 2 ст. 181 УПК Украины закреплено, что эта мера пресечения может быть применена исключительно в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Наиболее суровой мерой пресечения является содержание под стражей. В обоих законах предусмотрены условия ее применения, особенности, срок содержания под стражей и порядок их продления. Отличительной чертой является то, что согласно ч. 4 ст. 183 УПК Украины суд в определенных случаях может определить размер залога, тем самым позволяя человеку пребывать на свободе, однако если он не будет выполнять возложенные обязанности, эти деньги будут взысканы в государственный бюджет, а сам он будет помещен под стражу.

В заключение необходимо отметить, что анализ некоторых правовых институтов, предусмотренных как в УПК Украины, так и УПК Беларуси, позволяет выделить общие и отличительные положения кодексов, касающиеся прокурорской деятельности. Следует также сказать, что некоторые положения УПК Беларуси следовало бы позаимствовать украинскому законодателю, поскольку это могло бы способствовать устранению тех практических проблем, возникающих в прокурорской практике применения положений уголовно-процессуального закона, а подобные исследования, в свою очередь, требуют

дальнейшего развития, что позволит усовершенствовать законодательство обеих стран.

Список цитированных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З. – Режим доступа: http://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295.

2. Уголовный процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс]: Закон Украины от 13 апреля 2012 года, № 4651-VI. – Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/4651-17.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ДЕТАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Солтанович А.В.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) установленный УПК порядок производства по материалам и уголовному делу является единым и обязательным для всех органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, а также для иных участников уголовного процесса. Многочисленные изменения и дополнения, внесенные в УПК на протяжении двадцати лет его действия (к настоящему времени принято пятьдесят соответствующих законов) вызывают закономерный вопрос, насколько детально могут и должны быть регламентированы уголовно-процессуальные отношения, иными словами, должен ли быть в каком-то обозримом будущем УПК превращен в банальную инструкцию, где расписан каждый шаг того или иного участника процесса. Представляется, что здесь само собой напрашивается отрицательный ответ, с одной стороны, в силу объективной невозможности разрешения данной задачи ввиду аксиоматичной невозможности прогнозирования всех складывающихся на практике ситуаций, с другой, с позиции закрепленных в УПК принципиальных положений, реальная полезность которых в условиях непрерывной конкретизации детализирующих норм уголовно-процессуального законодательства уже вызывает сомнения. Нельзя не обратить внимания и на то, что на тревожную тенденцию превращения уголовно-процессуального закона Российской Федерации в (принято более двухсот пятидесяти законов о внесении изменений и дополнений в УПК) в инструкцию по эксплуатации, указывают российские ученые, справедливо утверждая, что норм в УПК становится все больше, но от этого все хуже, так как чем больше конкретизируешь, тем больше конкретизации требуется [1, с. 40].

Действительно, если на современном этапе отказ от избыточных процессуальных процедур и излишнего формализма осуществляется в большинстве современных государств [2, с. 238], то применительно к УПК

Республики Беларусь следует констатировать, что статей в нем становится все больше и больше, целесообразность включения некоторых из них в закон вызывает большие сомнения ввиду не только невозможности оптимизировать с их помощью уголовное судопроизводство, но и потенциальной угрозы для рационализации и оптимизации последнего.

Между тем, в специальной литературе, служебных документах правоохранительных органов перманентно констатируется наличие тех или иных пробелов в УПК, влекущих различную правоприменительную практику, в связи с чем выдвигаются предложения по их устранению. Однако если подходить к поднимаемым проблемным вопросам не с позиции механического уяснения содержания какой-то отдельной статьи УПК, а использовать системный (комплексный) анализ законодательства, учитывать значение принципиальной базы уголовного процесса, соотношение общих и специальных норм, иметь четкое и полное представление об учении о процессуальной форме действий и решений и последствиях ее нарушения и т.д., то есть с точки зрения компетентного правоприменителя, окажется, что отдельные пробелы в уголовно-процессуальном законе и проблемные вопросы, возникающие в следственной, прокурорской и судебной практике, можно смело брать в кавычки. Данный тезис можно подтвердить примерами правовой регламентации участия защитника (адвоката) в производстве по материалам и уголовным делам.

Так, у органов уголовного преследования возникал вопрос о возможности допуска адвоката к участию в уголовном деле в качестве защитника в связи с отсутствием в материалах уголовного дела соответствующего документального подтверждения волеизъявления обвиняемого, когда последний скрылся, его местонахождение неизвестно, а соглашение с адвокатом заключено его близкими родственниками. При этом указывалось на необходимость законодательного разрешения указанной ситуации. Представляется, что в этом нет реальной необходимости с учетом следующего.

В ст. 62 Конституции Республики Беларусь закреплено, что «каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами». В развитие данного положения ст. 17 УПК предусматривает, что подозреваемый, обвиняемый имеют право на защиту и это право они могут осуществлять как лично, так и с помощью защитника в порядке, установленном УПК.

Приглашение защитника подозреваемым, обвиняемым, их законными представителями, а также близкими родственниками, другими лицами по просьбе или с согласия подозреваемого, обвиняемого по его собственному выбору, а при отсутствии такового, по выбору других указанных выше лиц является важной гарантией обеспечения права на защиту в уголовном процессе. Защитник, приглашенный близкими родственниками, другими лицами, может принимать участие в производстве по уголовному делу, если имеется просьба или согласие подозреваемого, обвиняемого об этом. Так как в уголовно-процессуальном законе не установлены требования к форме просьбы или согласия, то последние могут быть выражены как в письменной, так и в устной форме. Следовательно, если согласие, а тем более просьба обвиняемого

выражена в устной форме (например, по телефону, после того как обвиняемый (но еще не виновный) скрылся), то в материалах дела каких-либо сведений, подтверждающих наличие просьбы или согласия, может и не быть, что, собственно, уголовно-процессуальный закон и не требует.

Кроме этого, следует отметить, что адвокат осуществляет свою деятельность в уголовном процессе на основе договора с клиентом или иным лицом, действующим в интересах клиента. Факт заключения договора подтверждается ордером, который выдается адвокату для участия, в том числе, в качестве защитника в стадии предварительного следствия (п.п. 4 и 5 Инструкции о порядке выдачи, учета и хранения ордеров, утвержденной Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь 03.02.2012 №37). Поэтому, если адвокат предъявляет ордер и удостоверение должностному лицу органа уголовного преследования на предмет допуска его к участию в уголовном деле в качестве защитника, то отрицательное решение данного вопроса может иметь место только при наличии обстоятельств, исключающих участие защитника в производстве по уголовному делу, предусмотренных ст. 87 УПК.

В качестве еще одного примера можно привести решение вопроса о допуске адвоката к ознакомлению с материалами проверки совместно с заявителем либо лицом, в отношении которого принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении проверки по заявлению или сообщению о преступлении.

В ст. 178-1 УПК отсутствует указание на возможность такого ознакомления совместно с адвокатом, в связи с чем, с одной стороны, последний зачастую не допускается к ознакомлению с материалами проверки, с другой, констатируется наличие пробела в уголовно-процессуальном законодательстве с предложением о его устранении.

Между тем, с учетом положений приведенных выше нормативных правовых актов, задач и принципов уголовного процесса адвокат должен допускаться к ознакомлению с материалами проверок, что позволит, во-первых, добиться посредством обжалования отмены незаконных постановлений органа уголовного преследования, что, в свою очередь, позволит обеспечить эффективную защиту прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц на стадии возбуждения уголовного дела, будет способствовать согласованию интересов государства и адвокатуры как института гражданского общества; во-вторых, избежать необоснованных жалоб в силу недостаточного знания заявителем положений действующего законодательства, искажения информации, полученной им при ознакомлении с материалами проверки, при последующем консультировании с адвокатом.

Еще в начале двадцатого века выдающийся юрист Иван Яковлевич Фойницкий, уроженец Гомеля, сказал: «Без адвоката немыслимо надлежащее отправление правосудия» [3, с. 428]. Это высказывание и в настоящее время является актуальным, особенно, если вести речь об участии в уголовном процессе именно адвоката, а не защитника. Дело в том, что в соответствии с ч. 4 ст. 20 УПК каждый имеет право в ходе производства по материалам и уголовному делу на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться, но только в случаях и порядке, предусмотренных УПК, юридической помощью адвокатов и других своих представителей. Опять же возникает вопрос, можно ли и нужно ли

предусмотреть все такие случаи и установить в отношении каждого из них и в отношении каждого участвующего в процессе свой порядок. Так, Законом Республики Беларусь от 08.01.2018 г. № 93-З) в УПК введен такой участник как адвокат свидетеля, определены его права и обязанности (ст. 60-1 УПК). Но ведь юридической помощи со стороны адвоката может запросить лицо, дающее объяснение, переводчик, упомянутые выше заявители, лица, в отношении которых прекращена проверка, одним словом, все те, кто охватывается словом «каждый». Представляется, что наиболее приемлемым путем разрешения данной проблемы было бы исключение из ч. 4 ст. 20 УПК указания на то, что помощью адвоката можно пользоваться в случаях и порядке, предусмотренных УПК, и установление единых прав и обязанностей адвоката, не имеющего статуса защитника или представителя и оказывающего юридическую помощь тому или иному участвующему в процессе лицу. Это позволит исключить загромождение уголовно-процессуального закона дублирующими нормами и приведет его в соответствие со ст. 62 Конституции Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. Васильев, О. Л. Новый участник уголовного процесса или видимость совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ? / О. Л. Васильев // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 1. – С. 37-41.

2. Качалова, О. В. Пределы рационализации уголовного судопроизводства / О. В. Качалова // Формирование эффективной уголовной политики и оптимальной модели досудебного производства – приоритетная задача юридической науки и практики : сборник материалов Международной научно-практической конференции (Минск, 25 – 26 апреля 2019 г.) / Следств. ком. Респ. Беларусь ; редкол. : С.Я. Аземша (гл. ред.) [и др.]. – Минск : ЮрСпектр, 2019. – 420 с.

3. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – М., 1912. Т. 1.

УДК 343.37

ПРАКТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Хмарук С.К.

Практика прокурорского надзора за соблюдением требований антикоррупционного законодательства свидетельствует о том, что сфера закупок относится к числу наиболее подверженных коррупционным рискам. В ряде случаев при принятии решений о распоряжении государственными средствами должностные лица различных уровней управления руководствуются не желанием получить максимальный, наиболее выгодный с точки зрения государственных интересов результат, а своими личными, в том числе и корыстными побуждениями.

В ходе осуществления надзорной деятельности при проведении государственных закупок органами прокуратуры города Минска выявляются

такие нарушения как чрезмерная конкретизация предмета закупки, необъективная оценка предложений участников, а, следовательно, принятие незаконного решения по результатам проведения процедуры закупки, ограничения при формировании критериев оценки участников, в том числе необоснованное включение квалификационных требований, не предусмотренных законодательством, заключение договоров фактически без проведения конкурентных процедур закупок и другие.

Анализ следственно-судебной практики свидетельствует о том, что количество лиц, осужденных за совершение преступлений анализируемой категории, неуклонно растет. Если в 2015 году судами города Минска рассмотрено 2 таких уголовных дела в отношении 2 лиц, обвинение по которым поддержано сотрудниками прокуратуры города Минска, в 2016 году – 4 дела в отношении 5 лиц, то в 2017 году – уже 9 дел в отношении 12 лиц, в 2018 году − 16 дел в отношении 18 лиц.

Так, из 58 лиц, осужденных за получение взяток в 2018 году, 16 лиц или 27,5 % являлись должностными лицами субъектов хозяйствования, выступавших закупщиками, принимавшими незаконное вознаграждение за совершение в интересах взяткодателей действий в сфере государственных закупок. Все указанные лица осуждены к основному наказанию в виде лишения свободы с назначением дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных обязанностей.

За дачу взятки к наказаниям в виде штрафа и ограничения свободы осуждено в минувшем году 2 лица, выступавших на стороне участников проведения государственных закупок.

Действующее уголовное законодательство не предусматривает специальных норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере государственных закупок.

Преступные действия в сфере закупочной деятельности, в зависимости от обстоятельств совершения преступлений, могут быть квалифицированы по различным статьям Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Исходя из сложившейся следственно-судебной практики преступные деяния должностных лиц, выступающих на стороне заказчика, квалифицируются как получение взятки (ст. 430 УК), злоупотребление служебными полномочиями (ст. 424 УК), служебная халатность (ст. 428 УК), а поставщиков – как дача взятки (ст. 431 УК), служебный подлог (ст. 427 УК), причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК).

Характер преступных деяний должностных лиц при выборе поставщиков товара или услуги зависит от вида процедуры государственной закупки.

В случаях проведения закупки из одного источника, когда заказчик предлагает заключить договор участнику, которого он выбирает по результатам изучения конъюнктуры рынка или переговоров с поставщиками (подрядчиками, исполнителями), преступные действия должностных лиц выражаются в получении незаконной выгоды имущественного характера за обеспечение заключения договора с конкретным субъектом хозяйствования, а в ряде случаев – также и за скорейшую оплату поставленного товара (оказанной услуги) либо погашение образовавшейся задолженности. В таких случаях действия виновного

лица, исходя из действующего законодательства, квалифицируются как получение взятки.

Аналогичным образом квалифицируются действия должностного лица, оказавшего содействие поставщику в победе путем предоставления информации о предложениях, поступающих от иных субъектов хозяйствования, что позволяет участнику сформировать предложение на наиболее выгодных условиях.

В то же время, в судебной практике имеют место факты, когда преступные действия должностных лиц со стороны заказчика квалифицируются по совокупности преступлений – как получение взятки и как злоупотребление служебными полномочиями.

По приговору суда Центрального района города Минска бывший заместитель начальника отдела Следственного комитета Республики Беларусь Ж. признан виновным в том, что достиг договоренности с руководителями нескольких юридических лиц относительно организации победы возглавляемых ими субъектов хозяйствования в открытых конкурсах на закупку техники и иного оборудования. Впоследствии Ж. заблаговременно сообщал указанным лицам обо всех существенных условиях торгов и включал в задания на закупку предоставленные ему описания технических характеристик товаров – предметов закупки, которые субъекты хозяйствования могли поставить по наиболее низкой цене, что ставило их в более выгодное положение по сравнению с другими участниками и в результате чего они становились победителями торгов.

За совершение вышеуказанных действий от поставщиков Ж. получил в качестве взяток более 4 000 долларов США и был задержан при покушении на получение еще 7 000 долларов США.

Действия Ж. причинили существенный вред государственным интересам в виде дискредитации деятельности и деловой репутации Следственного комитета Республики Беларусь в связи с ограничением конкуренции при осуществлении государственной закупки товаров, и повлекли нарушение прав других поставщиков оборудования и создание им искусственных препятствий при участии в электронном аукционе, а также лишили заказчика права выбора на конкурентной основе поставщика.

Действия недобросовестных участников процедуры закупок, осуществивших подкуп должностного лица закупщика, квалифицируются по ст. 431 УК как дача взятки.

В случае внесения должностными лицами участников торгов заведомо ложных сведений и записей в официальные документы (например, справки о финансовом состоянии субъекта хозяйствования), для предоставления их в адрес заказчиков с целью участия в процедурах государственных закупок их действия квалифицируются по ст. 427 УК как служебный подлог.

Субъектами преступлений со стороны организатора закупок являются руководители субъектов хозяйствования либо должностные лица, в чьи полномочия входит организация проведения торгов (руководители структурных подразделений материально-технического снабжения).

Проведенный анализ показал, что исходя из тенденций развития экономики и работы субъектов хозяйствования, роста выявляемых в сфере государственных закупок преступлений, требует совершенствования законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за совершение преступлений в данной области.

УДК 343.21

НОВАЦИИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ

Хомич В. М.

1. На фоне пока далеко неоднозначных социальных процессов и перемен, протекающих как будто бы под знаком глобального неолиберализма и углубляющегося социального расслоения людей, все более ограничивается их возможность действовать свободно и ответственно для себя и всех без риска совершить преступление. Это не праздный вопрос для криминологической и уголовно-правовой науки и в целом для уголовной политики большинства государств. К тому же и современная преступность, признанная официально и пока непризнанная, демонстрирует серьезные вызовы социальным системам жизнеобеспечения и безопасности человека, вынуждая переосмысливать социальные подходы к пониманию преступления и реакции общества на его совершение.

2. В этой связи международный круглый стол, посвященный 20-летию принятия Уголовного кодекса суверенной Беларуси, является хорошим поводом к тому, чтобы посмотреть, насколько национальный закон воспринял в своих новациях надвигающие криминальные угрозы, реальные и вымышленные, давно известные и искусственно создаваемые.

Сегодня, несмотря критические выпады некоторых представителей юридической (правда, не уголовно-правовой) науки можно однозначно сказать, что в национальном уголовном законе (УК) были учтены инновационные решения уголовно-правовой и криминологической науки в осмыслении преступности и преступления, о необходимости дифференцированной реакции на преступность со стороны общества и государства. Прежде всего, это касается базовых уголовно-правовых законоположений УК, которые ориентируют общество на отказ от назначения уголовного закона (уголовного права) как равнозначного с другими отраслями права средства правового регулирования (разрешения) социальных коллизий и конфликтов, на признание охранительной функции уголовного закона в качестве исключительного средства защиты безопасности человека, его прав и свобод, экономических и социальных отношений, национальной государственности на принципах верховенства (приоритета) прав человека.

3. Принципиально по-новому УК Беларуси разрешает проблему основания уголовной ответственности, отказываясь от традиционного понимания «состава преступления». В качестве основания уголовной ответственности определяются объективные и субъективные признаки уголовной противоправности деяния, запрещенного уголовным законом. Основание уголовной ответственности в онтологическом и правовом отношении сориентировано на состав признаков, идентифицирующих наличие в поведении физического лица объективного

основания, каковым является запрещенное уголовным законом «деяние», и субъективного основания, заключающегося в том, чтобы совершение запрещенного деяния (правонарушающего деяния) было следствием (результатом) вины физического лица, совершившего это «деяние». Это и есть преступление в социально-правовом (в общем) и в конкретном его понимании как основание уголовной ответственности. Именно эта простая формула закреплена в ст. 10 УК. При этом УК исходит из презумпции, что уголовно-противоправными объявляются в законе только общественно опасные деяния, если не установлено иное. И возможность такового (иного) установления (оспаривания) предусмотрена в системе уголовного преследования и правосудия (в уголовном и уголовно-процессуальном законах). В этих целях УК (ч. 4 ст. 11) определяет понятие малозначительного деяния исключительно с материально правовых позиций как деяния, не являющегося по характеру опасности и (или) опасности причиняемых последствий преступным деянием. При установлении указанных условий констатируется, что деяние не отвечает объективным и субъективным признакам уголовной противоправности деяния, предусмотренным уголовным законом.

4. Впервые на постсоветском пространстве в УК устанавливается в нормативном виде правовая конструкция уголовной ответственности, и система мер (включая наказание), составляющих и адекватно выражающих объективную реальность данной ответственности. На протяжении вот уже 20 лет она доказывает свою функциональную и правовую работоспособность, определенность в практическом применении, универсальность в совершенствовании мер и форм ее реализации с учетом изменяющейся современной типологии преступников и преступности. В числе новаций, которыми УК был дополнен в 2015 г., следует обратить внимание на *«уголовно-правовую компенсацию»* и *«общественно-полезные работы»*. Оба понятия имеют институциональный характер в рамках применения норм, связанных дифференциацией мер и форм реализации уголовной ответственности и обеспечением принципа неотвратимости ответственности при освобождении виновного в преступлении лица от уголовной ответственности

5. Есть основания обратить внимание на законодательное определение форм соучастия и дифференциацию ответственности соучастников в зависимости от степени объективной и субъективной соорганизованности соучастников. Сохраняя выверенные практикой положения института соучастия в определении таких соучастников как исполнитель и организатор преступления, а также форм соучастия УК предусматривает ряд правовых положений, имеющих существенное значение для практики оценки преступлений, совершаемых в соучастии [1, с. 36-48]. Так, указывая в ч. 3 ст. 16 УК, что исполнителем признается лицо, которое непосредственно совершает преступление, либо непосредственно участвует с другим лицом в его совершении, уголовный закон фактически и юридически допускает соисполнительство в преступлениях со специальным субъектом со стороны лиц, не отвечающих признакам такового субъекта. Это возможно, если преступление в основе предполагает специального субъекта, но заключается в совершении комбинации взаимосвязанных действий, часть из которых в принципе, либо при определенных условиях может быть совершена и не специальным субъектом. Исключается, однако, соисполнительство со стороны лиц, не отвечающих признакам специального

субъекта при совершении преступлений, в основу которых составляет деяние, обусловленное исключительно нарушением или злоупотреблением статусной обязанностью, возлагаемой на соответствующее лицо (должностное лицо, военнослужащий, гражданин Республики Беларусь при измене государству).

6. Двадцатилетний период действия УК, однако, нельзя признать существенным прорывом в реализации его заявленных позитивных начал. Причин здесь очень много, поэтому коснемся только одной, которая, по нашему мнению, и обусловливает традиционно инфляционные процессы в системе уголовно-правовой защиты общества от реальных криминальных угроз и сопровождается злоупотреблением уголовно-правовым инструментарием в поддержании в обществе достойного правопорядка как важнейшего условия общественной и национальной безопасности. Эта причина заключается в том, что, как всегда, упускается следующее – вопрос о легитимности уголовного закона должен фокусироваться не на колебаниях интересов властвующих элит, а на интересах обеспечения достойной и безопасной жизни людей. В таком контексте и следует интерпретировать (понимать) и преступление, и наказание не только в уголовно-правовой и криминологической науке, но и в социальной практике нормотворчества уголовного закона и его применения.

Следует исходить из того, что легитимность уголовного закона представляет собой психологическое признание обычными людьми институтов и норм правовой реальности, осознание ими того, что позитивное (объективное) законодательство относит к преступлению под угрозой применения наказания, благодаря чему и обеспечивается социально-эффективное действие уголовного права, а преступление и наказание наделяются признаками разумности и онтологической безопасности [2, с. 8-10].

В свою очередь, вопрос о легитимации уголовного закона в силу заявленной его охранительной функции, как справедливо отмечается в литературе, осложняется социальным опытом публично-принудительного утверждения того, что должно быть преступлением и наказанием за него [3, с. 315-317]. Как заметил А.Э. Жалинский, уголовный закон легитимирует необходимое для общества насилие, а суть легитимности уголовного права состоит в уяснении вопроса о том, кто и за что, и на каком основании вправе подвергать граждан наказанию [4, с. 21]. Этот вопрос был и остается главным и сегодня.

Список цититрованных источников

1. Хомич, В. М. Системно-содержательные изменения института соучастия в Уголовном кодексе Беларуси и стандарты законности при квалификации / В. М. Хомич // Судебная практика в контексте принципов права и законности : сб. науч. тр./ редкол. В. М. Хомич (гл. ред.). – Минск : Тесей, 2006. – С. 36-48.

2. Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2019. – 496 с.

3. Марчук, В. В. О легитимности уголовного закона / В. В. Марчук // Человек и право : проблема ценностных оснований правового регулирования : сборник научных трудов / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; под ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. – Минск : Академия МВД, 2019. – С. 314-321.

4. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен : теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – 2 изд. перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 400 с.

УДК 343.13

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ТЕОРИЯ И АДВОКАТСКАЯ ПРАКТИКА

Чайчиц В.И.

О том, как развивалось уголовно-процессуальное законодательство и каких результатов мы достигли, сказали предыдущие выступающие. Равно как и были отмечены плюсы и минусы законодательства России и Украины. Валерий Александрович Гайдученок поведал о сегодняшнем реформировании стадии возбуждения уголовного дела. Не остался не замеченным и доклад об обеспечении защиты прав лица, пострадавшего от уголовного преступления.

Однако хочу обратить Ваше внимание, к чему в очередной раз призвал нас Глава государства. «Часто говорю: когда не знаешь, что делать, иди к людям. Даже если ты не найдешь ответа на вопрос, с которым ты пришел к ним, тебе будет легче потом. Ты поймешь, чем дышит народ. И не так страшна эта проблема, как тебе порой кажется, сидя в кабинете», – отметил А.Г. Лукашенко.

Я хотел бы остановиться на отдельных проблемных вопросах, на которых акцентируют внимание граждане при их обращении к адвокатам.

Проблемы, о которых я буду говорить, есть и в России, и в Украине. Это я знаю от своих коллег, с которыми часто общаюсь. Мое же выступление будет основываться на практических вопросах белорусского законодательства.

Прежде всего, следует отметить, что белорусский народ – законопослушный народ. Людям главное определить правила игры или, как сейчас модно говорить, дорожную карту, чтобы они спокойно двигались по правовой магистрали. И многие как раз жалуются на то, что не соблюдается закон строго, как это прописано в его тексте, не всегда действует Директива № 4 от 31 декабря 2010 года «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», согласно которой все сомнения должны толковаться в пользу субъектов предпринимательской деятельности и граждан. Директива, конечно же, больше всего касается ГК и ГПК, хотя все взаимосвязано, особенно по экономическим делам.

А что касается УПК, то чаще всего обращается внимание на несоблюдение Конституции. Не все знают, что Конституция – это закон прямого действия. Многие привыкли жить по старинке и руководствоваться сложившейся практикой, инструкциями и приказами руководителя. А уж если получится какая-то ситуация, которая четко не урегулирована в УПК, тогда – трагедия. Между тем, УПК нуждается в правильном понимании, о чем чуть ранее в своем выступлении отмечал Хомич Владимир Михайлович.

В соответствии со ст.ст. 45-46 УПК защитник допускается к участию в производстве по материалам и уголовному делу, когда его подзащитный приобрел статус подозреваемого, обвиняемого. На практике при проведении проверки по заявлениям и сообщениям о совершении преступления в отношении лица орган уголовного преследования не допускает участие защитника при

отобрании у него объяснения и проведении других проверочных действий с его участием, что нарушает его право на защиту прав и законных интересов (ст.ст. 173-174 УПК), поскольку по результатам проверки может быть принято решение о возбуждении уголовного дела.

На практике есть сложность даже в решении вопроса об ознакомлении заинтересованных лиц, тех же заявителей с материалами проверки. Порой адвокат под разными предлогами не допускается к ознакомлению с материалами проверки.

На мой взгляд, чем раньше адвокат войдет в процесс, тем лучше для всех, так как велико значение первоначальных процессуальных и следственных действий. И бояться этого не надо. Вспомните, сколько было разногласий об адвокате свидетеля. Нынешняя практика показала, что далеко не все свидетели обращаются к адвокату. А уж те, которые дали показания в присутствии адвоката, в дальнейшем от них никогда не отказываются.

Адвокаты уже устали утверждать, что они защищают не преступление, а человека. И если прислушиваться к адвокату, то можно избежать многих ошибок. А они все-таки есть и в современном мире, и страшные примеры из нашей общей истории: это «витебское дело» в Беларуси, дело Чикатило в России, дело Ониприенко в Украине, а о них забывать нельзя.

Мы все помним известные слова, которые написаны на фасадах некоторых Дворцов правосудия, например, в Италии и во Франции «Помни о мельнике». Так вот, на мой взгляд, было правильно, чтобы у каждого следователя Республики Беларусь перед глазами был трафарет с надписью «Помни о витебском деле».

Следующая проблема связана со вступлением защитника в процесс. Опять же на что обращают внимание граждане. Если адвокат заключил договор с матерью обвиняемого, в дальнейшем адвокаты боятся даже несколько слов сказать ей о деле, так как дали подписку с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 407 УК Республики Беларусь.

Хотя ч.2 ст. 198 УПК предусматривает, что следователь, лицо, производящее дознание, вправе предупредить защитника… о недопустимости разглашения без их разрешения имеющихся в деле сведений. Сегодня практически по каждому уголовному делу у защитника берется подписка общего содержания о недопустимости разглашения сведений. Объем этих сведений следователь не обозначает. И получается, что любая жалоба защитника в рамках УПК, содержащая сведения о конкретных доказательствах, о нарушениях при производстве следственных действий – это разглашение? Такие случаи уже были. Защитник не может сообщить родственникам позицию своего подзащитного по предъявленному обвинению, даже назвать статью обвинения? Отдельные следователи относят к сведениям, не подлежащим разглашению, даже данные о состоянии здоровья подзащитного. Это все сведения из уголовного дела.

Мы не против предупреждения адвоката о неразглашения. Однако, на наш взгляд, в подписке должно быть четко указано о том, какие конкретно сведения не подлежат разглашению (заключения экспертиз, показания свидетелей и т.д.).

И очень бы хотелось чтобы нашелся ученый- процессуалист, который как, к примеру, уважаемый всеми Николай Алексеевич Бабий, который разобрался бы в «ужасах проблематики состава преступления», также разобрался в тайнах

следствия. Ведь доходит до смешного: три адвоката участвуют, подписку берут только у одного, а в дальнейшем еще и дело возбуждается.

УПК провозгласил в качестве принципа уголовного судопроизводства состязательность сторон, однако провозгласить – это не всегда внедрить, о чем, на мой взгляд, красноречиво рассказал и привел убедительные примеры профессор Анатолий Валентинович Наумов.

И, к сожалению, представление о состязательности сторон бывает разное. К примеру, в ст. 18 УПК говорится, что орган уголовного преследования обязан принять все предусмотренные законом меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, собрать доказательства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, установить обстоятельства, имеющие значения для правильного решения дела.

Так вот на практике был такой случай в Витебской области, когда следователь потребовал от адвоката предоставить ему все имеющиеся доказательства, подтверждающие невиновность его подзащитного, когда решался вопрос о применении меры пресечения.

А когда адвокат сообщил, что не может пойти против воли клиента, который считает, что доказательств, подтверждающих его невиновность, в деле имеется достаточно, а остальные доказательства в случае необходимости будут предоставлены в суд, следователь вынес постановление о производстве обыска в юридической консультации с целью найти доказательства невиновности обвиняемого.

Согласитесь, сложно поверить, что следователь пытался найти доказательства, оправдывающие обвиняемого, с целью прекращения дела.

Есть, конечно, и другие случаи, мягко говоря, странного понимания следователями отдельных норм УПК.

Например, складывается порочная практика, когда следователи понимают п. 6 ч. 1 ст. 48 УПК, наделяющего защитника правом задавать с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, вопросы подозреваемым, обвиняемым, а также потерпевшим, свидетелям, экспертам, специалистам

как свое право запретить защитнику задавать вопросы вообще.

Такие ограничения являются нарушением принципа состязательности уголовного процесса, явным стеснением права на защиту. И они не единичны. Так, защитник указан в УПК в качестве субъекта доказывания путем собирания сведений, при этом определены и пути, которыми он может их собирать. Однако адвокатские запросы зачастую остаются без какого-либо ответа, что обусловлено отсутствием законодательно закрепленных сроков ответа, а также ответственности за непредставление ответа в срок.

Адвокатам также отказывают в участии в следственных действиях, допросах в качестве свидетелей тех лиц, опросы которых представлены адвокатами, хотя такое право у защитника имеется.

Нельзя не обратить внимание также на то, что п. 11 ч. 1 ст. 48 УПК предусмотрено право защитника с момента получения уведомления об окончании предварительного расследования знакомиться с уголовным делом и выписывать из него сведения в любом объеме, а также с разрешения следователя копировать интересующие его материалы уголовного дела, за исключением названных в ч. 8 ст. 193 УПК и сведений, составляющих

государственные секреты. Однако следователи все чаще и чаще отказывают адвокатам в копировании интересующих материалов уголовного дела.

И еще о состязательности, а именно о постановлении приговоров на основании материалов дел оперативного учета. На основании указанных материалов суд формирует свое отношение к предъявленному обвинению, обвиняемому и занятой им и его защитником позиции, оценивает другие материалы дела. Однако защитнику и обвиняемому для ознакомления такие материалы не предоставляются, что является грубейшим нарушением норм уголовно-процессуального закона, а равно и самих принципов уголовного процесса (состязательности, равенства прав сторон и т.д.).

Сегодня мы также отмечаем, что участились случаи вызовов адвокатов-защитников для допросов в качестве свидетелей, прослушивание адвокатов, когда они посещают своих подзащитных, попытки истребования у адвокатов их досье и т.д.

Эти моменты никакими изменениями закона искоренить нельзя. Это можно сделать только правильным применением закона, серьезной методической работой среди правоприменителей.

Очень полезно проводить подобные круглые столы, собираться представителям правоохранительных органов совместно с адвокатским сообществом для выработки конкретного алгоритма действий в интересах защиты прав граждан, участников уголовного процесса.

Хочу обозначить еще одну проблему. Как известно, в соответствии со ст. 246 УПК предварительное следствие по уголовному делу может быть приостановлено. При этом зачастую в процессе расследования налагается арест на имущество, собственником которого являются третьи лица. Судьба этого имущества никак не разрешается. А приостановление растягивается не только на месяцы, но и на годы.

В заключении я хочу сказать, что обозначил проблемные вопросы с надеждой, что наука поможет на них ответить, в том числе с учетом международного опыта.

Более того, я считаю, что наука, особенно криминология, должна идти нога в ногу, а лучше впереди практики применения УПК. Иначе, зачем такая наука?! 25 января 2019 г. Президент Республики Беларусь при вручении дипломов доктора наук и аттестатов профессора научным и научно-педагогическим работникам подчеркнул, что «интеллектуальный труд – это основа развития любого общества, и он должен быть применим в жизни, направлен на конкретный результат, должен принести реальную пользу не только государству, но и людям». Президент в последнее время часто напоминает о справедливости. «Справедливость выше закона всегда, если на то пошло. Бывают несправедливые законы, а само понятие справедливости (можно сказать, философское понятие) абсолютное. Поэтому исходить надо всегда из этого», говорил он.

УДК 328.185(03)

СПРАВОЧНИК ТЕРМИНОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Справочник терминов и определений, используемых в деятельности органов прокуратуры Республики Беларусь в сфере борьбы с коррупцией (далее – Справочник) разработан государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» с целью формирования терминологии, используемой в деятельности органов прокуратуры Республики Беларусь, а также соблюдения терминологического единства при подготовке нормативных правовых и иных правовых актов, актов прокурорского надзора, в деловой переписке и при подготовке внутренних документов в органах прокуратуры Республики Беларусь.

В соответствии со статьей 30 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года «О нормативных правовых актах» определения терминов должны быть понятными и однозначными, излагаться лаконично, исключать возможность их различного толкования. Для обозначения одного и того же понятия используется один и тот же термин, а разные понятия обозначаются различными терминами. Терминология нормативного правового акта должна соответствовать терминологии, используемой в Конституции Республики Беларусь и нормативных правовых актах большей юридической силы по отношению к этому акту.

Если термины и их определения отсутствуют в нормативных правовых актах большей юридической силы по отношению к проекту нормативного правового акта, при его подготовке необходимо учитывать термины и их определения, используемые в иных нормативных правовых актах, в том числе одной с подготавливаемым проектом нормативного правового акта сферы правового регулирования или отрасли законодательства, а также в международных договорах и иных международно-правовых актах. В этих целях при подготовке проектов нормативных правовых актов используются юридические словари государственных информационно-правовых ресурсов, распространяемых (предоставляемых) Национальным центром правовой информации Республики Беларусь, иные информационно-правовые ресурсы.

Для обеспечения единства терминологии в законодательстве, единообразного понимания и применения нормативных правовых предписаний введение новых терминов и их определений возможно, если:

термин обозначает понятие, которое ранее не использовалось в законодательстве;

имеющиеся определения не позволяют передать точное значение термина ввиду особенностей сферы правового регулирования нормативного правового акта;

термин по-разному трактуется юридической наукой и в практике правоприменения.

Специальные термины используются в нормативном правовом акте в том значении, в каком они используются в соответствующей специальной области.

Если термин имеет значение, отличающееся от общепринятого, в нормативном правовом акте следует указать, в каком значении используется термин.

Если значение используемого в нескольких нормативных правовых актах одного и того же термина разное, то в нормативном правовом акте используется определение термина для целей этого акта.

Термины и определения, используемые в Уголовном кодексе Республики Беларусь и Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь, приведены в Справочнике выборочно.

Термины и определения приведены на русском или белорусском языке по состоянию на 15 ноября 2019 года.

Термины в Справочнике расположены в алфавитном порядке.

Отдельные термины (термины и их нормативные определения) включены в Информационно-аналитический ресурс юридической терминологии национального законодательства Национального центра правовой информации Республики Беларусь «Словарь юридических терминов на белорусском, русском и английском языках» (Юридический словарь) и (или) в справочник юридических терминов, расположенный в Эталонном банке данных правовой информации Республики Беларусь (версии 6.8) о чем имеется соответствующее указание*.

Юридический словарь представляет собой терминологический ресурс, отражающий разнообразие и особенности современной терминологии белорусского законодательства. Содержит юридические термины на белорусском, русском и английском языках, соединенные тематическими (ассоциативными) связями.

В ходе разработки Справочника установлено, что отдельные широко используемые термины не получили закрепления своего определения в законодательстве, что открывает широкие возможности для специалистов в устранении данного положения.

*

***МС (Т** или **ТО**) Термин (термин и его нормативное определение) включен(ы) в Юридический словарь, расположенный на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь.*

(ЭТО) *Термин включен в справочник юридических терминов, расположенный в Эталонном банке данных правовой информации Республики Беларусь (версии 6.8)***.**

(КТО) *Термин (термин и его нормативное определение) включен(ы) в словарь финансовых и юридических терминов информационно-правовой системы КонсультантПлюс.*

Административные коррупционные правонарушения – обладающие признаками коррупции и не являющиеся преступлениями правонарушения, за которые установлена административная ответственность. *//Статья 8 Модельного закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября*

2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33). //

Активная коррупция – преднамеренное действие любого лица, которое самостоятельно или через посредника обещает или предоставляет любую выгоду для должностного лица, для себя или третьей стороны в обмен на действие или бездействие при выполнении своих функций в нарушение должностных обязанностей, что привело или могло привести к ущербу для финансовых интересов Европейского Союза. *//Соглашение о финансировании трансграничного сотрудничества (ТГС) (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 03.11.2017, 3/3450). (КТО). //*

Активный подкуп в частном секторе – в качестве уголовного правонарушения в соответствии с внутренним правом Стороны преднамеренное обещание, предложение или предоставление, прямо или косвенно, в ходе осуществления коммерческой деятельности какого-либо неправомерного преимущества каким-либо лицам, которые руководят предприятиями частного сектора или работают в них в том или ином качестве, для самих этих лиц или любых других лиц, с тем чтобы эти лица совершили действия или воздержались от их совершения в нарушение своих обязанностей. *//Конвенция от 27 января 1999 года «Об уголовной ответственности за коррупцию». //*

Активный подкуп национальных публичных должностных лиц – в качестве уголовного правонарушения в соответствии с внутренним правом Стороны преднамеренное обещание, предложение или предоставление каким-либо лицом, прямо или косвенно, какого-либо неправомерного преимущества любому из ее публичных должностных лиц для самого этого лица или любого иного лица, с тем чтобы это публичное должностное лицо совершило действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих функций. *//Конвенция от 27 января 1999 года «Об уголовной ответственности за коррупцию». //*

Антикоррупционная программа – комплексная мера антикоррупционной политики, обеспечивающей согласованное применение правовых, экономических, образовательных, воспитательных, организационных и иных мер, направленных на предупреждение коррупции, достижение наибольшей эффективности мер пресечения, ответственности и возмещения вреда, причиненного коррупционными правонарушениями. *//Статья 17 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33).*

Антикоррупционная экспертиза – экспертиза, проводимая в целях выявления в проектах правовых актов норм, устанавливающих для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положений, содержащих неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающих условия для проявления коррупции (далее – коррупциогенные факторы), а также для подготовки обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах правовых актов коррупциогенных факторов

и формирования системно согласованного правового регулирования, исключающего создание условий для проявления коррупции. *//Постановление Совета Министров Союзного государства от 29 сентября 2015 года № 29 «Об антикоррупционной экспертизе проектов правовых актов Союзного государства». (ЭТО). //*

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов – деятельность по выявлению коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах, проектах правовых актов и подготовке заключений, содержащих рекомендации по их устранению, а также требований прокурора об изменении нормативного правового акта. *//Модельный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 17 мая 2012 года № 37-12 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2013 г., № 55).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Антикоррупционная экспертиза правовых актов – деятельность специалистов (экспертов) по выявлению и описанию коррупциогенных факторов, относящихся к действующим правовым актам и их проектам; разработке рекомендаций, направленных на устранение или ограничение действия таких факторов. *//Статья 2 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Антикоррупционные стандарты – единые для обособленной сферы правового регулирования гарантии, ограничения или запреты, обеспечивающие предупреждение или уменьшение воздействия коррупции на функционирование данной сферы. *//Статья 2 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Антикоррупционный мониторинг – наблюдение, анализ, оценка и прогноз коррупционных правонарушений, коррупциогенных факторов, а также мер реализации антикоррупционной политики. *//Статья 2 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004, № 33).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Антикоррупционный мониторинг – научно обоснованная комплексная плановая деятельность уполномоченных субъектов и участников по сбору, обобщению, анализу и оценке информации, касающейся эффективности антикоррупционного законодательства и предпринимаемых государством мер против коррупции, состояния правоприменительной практики в сфере

противодействия коррупции, восприятия и оценки уровня коррупции институтами гражданского общества и гражданами, а также деятельность по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. *//Статья 2 Модельного закона «Об антикоррупционном мониторинге», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-21 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 33).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Антикриминальный потенциал законодательства – способность предупреждать и пресекать правонарушающее поведение субъектов регулируемых отношений. *// Государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» "Концепция применения института криминологической экспертизы проектов правовых актов в правоохранительной деятельности органов прокуратуры". 2017. //*

Бездействие должностного лица – умышленное вопреки интересам службы неисполнение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, сопряженное с попустительством преступлению либо повлекшее невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки, либо причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам (бездействие должностного лица) *//Уголовный кодекс Республики Беларусь (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 1999, № 76/250).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Ведомственный контроль – контроль, осуществляемый государственными органами и иными государственными организациями, республиканскими государственно-общественными объединениями, структурными подразделениями (подчиненными организациями) этих органов и организаций, отнесенными к органам, осуществляющим ведомственный контроль, перечнем контролирующих (надзорных) органов и сфер их контрольной (надзорной) деятельности, утверждаемым Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 года № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь», за соответствием требованиям законодательства деятельности, осуществляемой подчиненными или входящими в их состав (систему) организациями, в том числе их обособленными подразделениями, имеющими учетный номер плательщика. *//Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 года № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2009 г., № 253, 1/11062).* (*МСТО).//*

Виктимологическая профилактика – деятельность, направленная на выявление, предотвращение и пресечение криминальной виктимизации населения, на выявление, нейтрализацию и устранение всех социальных, личностных и других факторов, причин и условий, их детерминирующих, а также защиту прав жертв преступлений и виктимологическое просвещение населения. *//Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сборник научных трудов; Научно-практический центр проблем укрепления законности*

и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – Минск: БГУФК, 2010. – Выпуск 3. //

Воспрепятствование осуществлению правосудия – уголовно наказуемые следующие деяния, когда они совершаются умышленно: a) применение физической силы, угроз или запугивания или обещание, предложение или предоставление неправомерного преимущества с целью склонения к даче ложных показаний или вмешательства в процесс дачи показаний или представления доказательств в ходе производства в связи с совершением преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией; b) применение физической силы, угроз или запугивания с целью вмешательства в выполнение должностных обязанностей должностным лицом судебных или правоохранительных органов в ходе производства в связи с совершением преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). //*

Выборочное изменение объема прав (как коррупциогенный фактор) – возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц). *//Подпункт «б» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96. (КТО). //*

Выборочное изменение объема прав (как коррупциогенный фактор, устанавливающий для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил) – возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц). *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-23 «О Комментарии к модельному закону "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). (КТО). //.*

Государственная должность – должность, предусмотренная Конституцией Республики Беларусь, Законом Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» и иными законодательными актами, либо должность, учрежденная в установленном законодательством порядке как штатная единица государственного органа с определенным для занимающего ее лица кругом обязанностей по исполнению и обеспечению полномочий данного государственного органа. *//Статья 4 Закона Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2003 г., № 70, 2/953) (МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры

Республики Беларусь» – входящее в систему органов прокуратуры юридическое лицо, непосредственно подчиняющееся Генеральному прокурору Республики Беларусь и осуществляющее криминологические исследования, направленные на решение стратегических задач в области прогнозирования основных тенденций, динамики и структуры преступности, разрабатывающее научно обоснованные предложения об усилении борьбы с преступностью, мерах по ее предупреждению, укреплению законности и правопорядка, повышению эффективности прокурорского надзора, совершенствованию правоприменительной практики и законодательства. *//Указ Президента Республики Беларусь от 3 августа 2006 года № 482 «О создании государственного учреждения» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2006 г., № 125, 1/7793). //*

Государственные должностные лица – Президент Республики Беларусь, депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, осуществляющие свои полномочия на профессиональной основе, а также иные государственные служащие, на которых распространяется действие законодательства о государственной службе; сотрудники Следственного комитета Республики Беларусь; сотрудники Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь; лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, в том числе воинские, в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь, органах внутренних дел, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям, органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь и относящиеся в соответствии с законодательными актами к должностным лицам; заместители руководителей местных Советов депутатов; лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных организациях и организациях, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц. *//Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года «О борьбе с коррупцией» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 23.07.2015, 2/2303).* (*МСТО), (ЭТО, (КТО). //*

Государственные должностные лица, занимающие ответственное положение – Президент Республики Беларусь, Председатель Палаты представителей и Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Премьер-министр Республики Беларусь и их заместители, руководители государственных органов, непосредственно подчиненных или подотчетных Президенту Республики Беларусь, Парламенту Республики Беларусь, Правительству Республики Беларусь, и их заместители, иные государственные должностные лица, должности которых включены в кадровые реестры Главы государства Республики Беларусь и Совета Министров Республики Беларусь; руководители местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов и их заместители; судьи; прокуроры областей, города Минска, прокуроры районов, районов в городах,

городов, межрайонные и приравненные к ним транспортные прокуроры и их заместители; начальники следственных подразделений, органов дознания и их заместители (за исключением капитанов морских или речных судов, командиров воздушных судов, находящихся вне пределов Республики Беларусь, и их заместителей), следователи; руководители органов Комитета государственного контроля Республики Беларусь, внутренних дел, государственной безопасности, пограничной службы, таможенных, налоговых органов и их заместители. *//Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года «О борьбе с коррупцией» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 23.07.2015, 2/2303).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Государственные организации – унитарные предприятия, учреждения, государственные объединения и иные юридические лица, имущество которых находится в собственности государства или его административно-территориальной единицы и закреплено за ними на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. *//Статья 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 года «О борьбе с коррупцией» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 2015 г., 23.07.2015).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Гражданско-правовые коррупционные деликты – обладающие признаками коррупции и не являющиеся преступлениями нарушения правил дарения, предусмотренных соответствующими статьями гражданского кодекса государства, а также нарушения порядка предоставления услуг, предусмотренных соответствующими статьями того же кодекса. *//Статья 8 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33). //*

Деструктивное информационное воздействие – осуществление информационного влияния на политические и социально-экономические процессы, деятельность государственных органов, а также на физических и юридических лиц в целях ослабления обороноспособности государства, нарушения общественной безопасности, принятия и заключения заведомо невыгодных решений и международных договоров, ухудшения отношений с другими государствами, создания социально-политической напряженности, формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, создания препятствий для нормальной деятельности государственных органов, причинения иного ущерба национальной безопасности; *//Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 года № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 20.03.2019, 7/4227).//*

Дисциплинарные коррупционные проступки – обладающие признаками коррупции и не являющиеся преступлениями или административными правонарушениями служебные нарушения, за которые установлена дисциплинарная ответственность. *//Статья 8 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-*

участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33). //

Должностное лицо публичной международной организации – международный гражданский служащий или любое лицо, которое уполномочено такой организацией действовать от ее имени. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Должностные лица правоохранительных органов – прокуроры, иные должностные лица прокуратуры, органов внутренних дел, государственной безопасности, финансовых расследований, а также другие должностные лица, осуществляющие в пределах своей компетенции в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь досудебное производство, должностные лица оперативных подразделений государственных органов, уполномоченных в соответствии с законодательством Республики Беларусь осуществлять оперативно-розыскную деятельность, сотрудники Государственного комитета судебных экспертиз, имеющие специальные звания, и лица гражданского персонала Государственного комитета судебных экспертиз из числа судебных экспертов, должностные лица исправительных учреждений, судебные исполнители, а также военнослужащие внутренних войск Министерства внутренних дел, принимающие непосредственное участие в пресечении преступлений, совершаемых незаконными вооруженными формированиями и иными организованными группами и (или) их объединениями (преступными организациями). //*Статья 1 Закона Республики Беларусь от 13 декабря 1999 года «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», с изменениями и дополнениями, внесенными Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 года (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2000 г., № 2, 2/115).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Должность – служебное положение работника, обусловленное кругом его обязанностей, должностными правами и характером ответственности. *//Трудовой кодекс Республики Беларусь; Постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 24 июля 2017 года № 33 «Об утверждении Общегосударственного классификатора Республики Беларусь» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 21.09.2017, 8/32366).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Доходы – любые денежные средства, в том числе займы, а также иное имущество, полученные физическими лицами от граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства и организаций. *//Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года «О борьбе с коррупцией» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 23.07.2015, 2/2303).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Доходы от преступления – любое имущество, приобретенное или полученное прямо или косвенно, в результате совершения какого-либо преступления. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь,*

2004 г., № 192, 2/1093), Статья 2 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Доходы, полученные заведомо незаконным путем – финансовые средства в национальной и иностранной валюте, движимое и недвижимое имущество, имущественные права, объекты интеллектуальной собственности, иные объекты гражданских прав, полученные в результате совершения умышленных действий, противоречащих требованиям законодательства государства. *//Статья 2 Модельного Закона «О противодействии легализации ("отмыванию") доходов, полученных незаконным путем», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1998 года № 12-8 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 1999 г., № 20).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Доходы, полученные незаконным путем – вещи, включая деньги и ценные бумаги, движимое и недвижимое имущество, имущественные права, работы и услуги, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность), иные объекты гражданских прав, приобретенные в результате нарушения национального законодательства каждой из Сторон, влекущего за собой уголовную, административную или гражданско-правовую ответственность. *//Статья 1 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве и взаимной помощи в области борьбы с незаконными финансовыми операциями, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем от 12 февраля 1999 года (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 1999 г., № 64, 3/28).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Единая система контроля в сфере антикоррупционной политики – в целях повышения эффективности реализации антикоррупционной политики в государстве создается единая система контроля, включающая государственный и общественный контроль. *//Статья 34 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33). //*

Заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий (как коррупциогенный фактор, устанавливающий для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил) – установление общеобязательных правил поведения в подзаконном акте в условиях отсутствия закона. *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-23 «О Комментарии к модельному закону "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). (КТО). //*

Заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий (как коррупциогенный фактор) – установление общеобязательных правил поведения в подзаконном акте в условиях отсутствия закона. *//Подпункт «е» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96. (КТО). //*

Злоупотребление влиянием в корыстных целях – в качестве уголовного правонарушения в соответствии с внутренним правом Стороны преднамеренное обещание, предоставление или предложение, прямо или косвенно, любого неправомерного преимущества любому лицу, которое утверждает или подтверждает, что оно может оказать неправомерное влияние на принятие решения каким-либо лицом, о которых говорится в статьях 2, 4–6 и 9–11 Конвенции, за вознаграждение, независимо от того, предоставляется ли такое преимущество ему самому или кому-либо еще, а также просьбу, принятие или согласие с предложением или обещанием предоставить такое преимущество за вознаграждение, независимо от того, оказано ли такое влияние и был ли получен или нет в результате предположительно оказанного влияния желаемый результат. *//Конвенция от 27 января 1999 года «Об уголовной ответственности за коррупцию». //*

Злоупотребление влиянием в корыстных целях – уголовно наказуемые следующие деяния, когда они совершаются умышленно: a) обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу или любому другому лицу лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества, с тем чтобы это публичное должностное лицо или такое другое лицо злоупотребило своим действительным или предполагаемым влиянием с целью получения от администрации или публичного органа Государства-участника какого-либо неправомерного преимущества для первоначального инициатора таких действий или любого другого лица; b) вымогательство или принятие публичным должностным лицом или любым другим лицом лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества для себя самого или для другого лица, с тем чтобы это публичное должностное лицо или такое другое лицо злоупотребило своим действительным или предполагаемым влиянием с целью получения от администрации или публичного органа Государства-участника какого-либо неправомерного преимущества. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 года, № 192, 2/1093). //*

Злоупотребление органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) правом заявителя (как коррупциогенный фактор, содержащий неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям) – отсутствие четкой регламентации прав граждан и организаций. *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-23 «О Комментарии к модельному закону "Об антикоррупционной*

экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). //.

Злоупотребление служебным положением – уголовно наказуемое деяние, когда оно совершается умышленно, злоупотребление служебными полномочиями или служебным положением, т.е. совершение какого-либо действия или бездействия в нарушение законодательства публичным должностным лицом при выполнении своих функций с целью получения какого-либо неправомерного преимущества для себя самого или иного физического или юридического лица. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). (МСТО). //*

Иностранное публичное должностное лицо – любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, и любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). (МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Иностранные должностные лица – должностные лица иностранных государств, члены иностранных публичных собраний, должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов. *//Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года «О борьбе с коррупцией» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 23.07.2015, 2/2303). (МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Интересы государства – совокупность политических, экономических, социальных и других потребностей государства, от реализации которых зависит способность государства обеспечивать защиту конституционных прав человека и гражданина, ценностей общества, основополагающих государственных институтов. *//Статья 1 Модельного Закона «О безопасности», принятого постановлением Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 15 октября 1999 года № 9-9 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 1999 г., № 23-пр). (МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Компетенция (лат. compete добиваюсь; соответствую, подхожу) – совокупность прав и обязанностей органа государственной власти, должностного лица, закрепленная нормативными правовыми актами. *//Белорусская юридическая энциклопедия. ГИУСТ БГУ, 2009. //*

Конфликт интересов – ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное им должностных (служебных)

обязанностей (осуществление полномочий). *//Коррупциогенные факторы в законодательстве об ответственности за финансово-экономические правонарушения: учебное пособие бакалавриата, специалитета и магистратуры (под редакцией Ю.В. Николаевой. М: Издательство Юрайт, 2018. //*

Конфликт интересов – ситуация, при которой личные интересы государственного должностного лица, его супруга (супруги), близких родственников или свойственников влияют или могут повлиять на надлежащее исполнение государственным должностным лицом своих служебных (трудовых) обязанностей при принятии им решения или участии в принятии решения либо совершении других действий по службе (работе). *//Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года «О борьбе с коррупцией» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 23.07.2015, 2/2303).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Концепция применения института криминологической экспертизы проектов правовых актов в правоохранительной деятельности органов прокуратуры – системно изложенные теоретические положения, отражающие взгляды авторов на сущность, цели, принципы, приоритеты, уровни, критерии эффективности, механизм осуществления экспертно-криминологической оценки законодательства органами прокуратуры, а также пути и средства повышения эффективности правоохранительной системы посредством использования превентивного потенциала рассматриваемого института. *//Государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» "Концепция применения института криминологической экспертизы проектов правовых актов в правоохранительной деятельности органов прокуратуры". 2017. //*

Координационное совещание по борьбе с преступностью и коррупцией – постоянно действующий межведомственный орган по координации правоохранительной деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью, противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, распространению наркомании (далее – борьба с преступностью) и борьбу с коррупцией, и деятельности по борьбе с преступностью и коррупцией государственных органов и иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью и коррупцией, а также деятельности субъектов профилактики правонарушений в сфере профилактики правонарушений. *//Указ Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 года № 644 «Об утверждении Положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2007 г., № 304, 1/9220).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Координационный совет генеральных прокуроров государств-участников Содружества Независимых Государств (КСГП, Координационный совет) –. *//Решение генеральных прокуроров Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Грузии, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана и Украины от 7 декабря 1995 года, город Москва. //*

Коррупциогенные факторы – нормы, устанавливающих для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положений, содержащих неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающих условия для проявления коррупции. *//Постановление Совета Министров Союзного государства от 29 сентября 2015 года № 29 «Об антикоррупционной экспертизе проектов правовых актов Союзного государства». Вступило в силу 29 сентября 2015 года. (ЭБДПИ). //*

Коррупциогенные факторы – положения нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции. *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 23 ноября 2012 года № 38-18 «О Рекомендациях по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2013 г., № 57). //*

Коррупциогенный фактор – явление или совокупность явлений, порождающие коррупционные правонарушения или способствующие их распространению. *//Статья 2 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых государств от 15 ноября 2003 года № 22-15. (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Коррупционная Практика – предложение, предоставление, получение либо вымогательство, будь то прямо или косвенно, любых ценностей в целях оказания недопустимого влияния на действия другого лица. *//Статья 1 Кредитного соглашения (до 25000 евро) между Республикой Беларусь и Северным инвестиционным банком от 10 декабря 2012 года.* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Коррупционное правонарушение – деяние, обладающее признаками коррупции, за которое законодательством государств Сторон, а также международными договорами, участниками которых являются государства Сторон, установлена юридическая ответственность. *//Соглашение от 25 декабря 2013 года «Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о повышении эффективности сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 24.07.2014, 3/3038).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Коррупционное преступление – совершение лицами, которые национальным законодательством государств Сторон отнесены к категории должностных лиц или приравненных к ним, умышленного уголовно наказуемого деяния с использованием своего статуса, статуса представляемого ими органа, должностных полномочий или возможностей, вытекающих из

данного статуса и полномочий, если такое деяние содержит признаки коррупции. *//Статья 2 Соглашения о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур государств-участников Содружества Независимых государств в борьбе с коррупцией от 25 апреля 2007 года (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2007, № 147, 3/2013). (ЭТО), (КТО). //*

Коррупционные правонарушения, относящиеся к уголовно наказуемым деяниям – получение и дача взятки, другие коррупционные правонарушения, связанные с противоправным получением благ и преимуществ либо создающие условия для коррупции, ответственность за которые установлена уголовным кодексом государства. *//Статья 1 Модельного Закона «О борьбе с коррупцией», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 3 апреля 1999 года № 13-4 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 1999 г., № 21). (ЭТО), (КТО). //*

Коррупция – незаконное получение должностным лицом или лицом, приравненным к нему законодательством государств Сторон, лично или через посредников какой-либо выгоды (неправомерного преимущества) путем использования своего статуса, статуса органа, который он представляет, должностных полномочий или возможностей, вытекающих из этого статуса и полномочий, а также подкуп должностного лица или лица, приравненного к нему законодательством государств Сторон, путем незаконного предоставления или обещания предоставления ему указанной выгоды (неправомерного преимущества). *//Соглашение от 25 декабря 2013 года «Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о повышении эффективности сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 24.07.2014, 3/3038).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Коррупция – просьба, предложение, дача или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности, или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового. *//Закон Республики Беларусь от 26 декабря 2005 года «О ратификации Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2006 г., № 4, 2/1172).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Коррупция – умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного. *//Закон Республики*

Беларусь от 15 июля 2015 года «О борьбе с коррупцией» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 23.07.2015, 2/2303). (МСТО), (ЭТО), (КТО). //

Криминологическая экспертиза – исследование содержания проекта правового акта (правового акта) в целях выявления в нем норм, применение которых может повлечь (повлекло) возникновение криминогенных последствий в различных сферах общественных отношений. *//Указ Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 года № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2011 г., № 65, 1/12584). (МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Криминологическая экспертиза – экспертиза, проводимая в целях выявления в проектах нормативных правовых актов (нормативных правовых актах) норм, применение которых может повлечь (повлекло) возникновение негативных последствий в различных сферах общественных отношений в связи с наличием рисков криминогенного характера. *//Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 31.07.2018, 2/2568). //*

Криминологический мониторинг законодательства в сфере здравоохранения – сбор, обобщение, анализ и оценку нормативных правовых актов в сфере здравоохранения с целью выявления норм, содержащих положения, способствующие формированию противоречивой правоприменительной практики, нарушению прав и законных интересов граждан, злоупотреблению должностных лиц государственных организаций здравоохранения и иных детерминант преступности в сфере здравоохранения. *//Аналитическая записка Государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной. прокуратуры Республики Беларусь», 2015. //*

Лица, поступившие на государственную службу путем избрания – избранные в установленном порядке члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, осуществляющие свои полномочия на профессиональной основе, депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. *//Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года «О борьбе с коррупцией» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 23.07.2015, 2/2303). (МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Лица, приравненные к государственным должностным лицам (приравненные к ним лица) – члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, осуществляющие свои полномочия на непрофессиональной основе, за исключением заместителей руководителей местных Советов депутатов; граждане, зарегистрированные в установленном законом порядке кандидатами в Президенты Республики Беларусь, в депутаты Палаты представителей, в члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, в депутаты местных Советов депутатов; лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в негосударственных организациях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, за исключением лиц, указанных в абзаце третьем настоящей статьи; лица, уполномоченные в установленном

порядке на совершение юридически значимых действий; представители общественности при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, отправлению правосудия. *//Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года «О борьбе с коррупцией» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 23.07.2015, 2/2303).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Межгосударственный совет по противодействию коррупции – орган отраслевого сотрудничества Содружества Независимых Государств и предназначенный в рамках своей компетенции для обеспечения организации и координации противодействия коррупции, а также обзора реализации обязательств государств-участников Соглашения об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции в сфере противодействия коррупции и конструктивного сотрудничества с международными организациями и их структурами. *//Соглашение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 25 октября 2013 года «Соглашение об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 18.10.2014, 3/3046). //*

Меры ответственности за коррупционные правонарушения – прямо предусмотренные в соответствующих законодательных актах государства меры гражданско-правовой, административной, дисциплинарной и уголовной ответственности. *//Статья 12 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33). //*

Меры реализации антикоррупционной политики – действия субъектов антикоррупционной политики, направленные на борьбу с коррупцией путем предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений, реализации ответственности за такие правонарушения, возмещения причиненного ими вреда, осуществления контроля над реализацией указанных мер. *//Статья 2 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Мониторинг – форма контроля (надзора), заключающегося в наблюдении, анализе, оценке, установлении причинно-следственных связей, применяемая контролирующими (надзорными) органами в целях оперативной оценки фактического состояния объектов и условий деятельности субъекта мониторинга на предмет соответствия требованиям законодательства, выявления и предотвращения причин и условий, способствующих совершению нарушений, без использования полномочий, предоставленных контролирующим (надзорным) органам и их должностным лицам для проведения проверок. *//Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 года № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике*

Беларусь» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2009 г., № 253, 1/11062). (ЭТО). //

Мошенническая Практика – любое действие или бездействие, включая недостоверное заверение, которое заведомо или по неосторожности вводит в заблуждение или представляет собой попытку ввести в заблуждение другое лицо с целью извлечь финансовую или иную выгоду либо избежать возникновения обязательства. *//Соглашение от 10 декабря 2012 года Кредитное соглашение (до 25 000 000 евро) между Республикой Беларусь и Северным инвестиционным банком». (ЭБДПИ). (ЭТО). (КТО). //*

Наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права (коррупциогенный фактор) – установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям. *//Подпункт «б» пункта 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96. (КТО). //*

Наличие завышенных требований, предъявляемых к лицу, которое реализует принадлежащее ему право (как коррупциогенный фактор, содержащий неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям) – установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям. *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-23 «О Комментарии к модельному закону "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). //*

Нарушения трудовых, пенсионных, жилищных и иных личных неимущественных прав физического лица – потеря им прежней работы или должности, а также трудового стажа или права на получение полагающейся по закону пенсии, утрата права на занимаемую жилую площадь, которые связаны с незаконным применением мер процессуального принуждения при производстве предварительного расследования и судебном разбирательстве уголовного дела, незаконное лишение воинского или специального звания. *//Статья 460 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, 2000 г. № 77-78, 2/71.* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Незаконное обогащение – уголовно наказуемое деяние, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать (при условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждого Государства-участника). *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). //*

Неопределенность норм проекта правового акта (правового акта) – необоснованное использование бланкетных норм в проекте, а также наличие оценочных понятий, выступающих в качестве оснований и условий

возникновения, изменения или прекращения правовых отношений. *//Аналитическая справка государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» "Криминологическая экспертиза законодательства Республики Беларусь: пути и способы совершенствования". //*

Нормативные коллизии (как коррупциогенный фактор, устанавливающий для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил) – противоречие нормативного правового акта полностью или в части другому нормативному правовому акту, создающее для должностных лиц и служащих государственных органов возможность произвольного выбора акта, подлежащего применению в конкретном случае. *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-23 «О Комментарии к модельному закону "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). (КТО). //*

Нормативные коллизии (как коррупциогенный фактор, устанавливающий для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил) – противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае. *//Подпункт «и» пункта 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96. (КТО). //*

Объект правового мониторинга – принятый (изданный) и вступивший в силу нормативный правовой акт (его отдельные положения), за исключением технических нормативных правовых актов в области технического нормирования и стандартизации, постановлений (приказов) об их утверждении, о внесении изменений в технические нормативные правовые акты в области технического нормирования и стандартизации, толковании таких актов, приостановлении их действия, отмене либо признании утратившими силу. *//Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 января 2019 года № 65 «О порядке проведения правового мониторинга» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 02.02.2019, 5/46117). //*

Объект прокурорского надзора в сфере контрольной (надзорной) деятельности – деятельность должностных лиц контролирующих органов, реализующих контрольную (надзорную) политику в Республике Беларусь. *//Методические рекомендации по осуществлению надзора за исполнением законодательства контролирующими (надзорными) органами с учетом положений Указа Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь. Государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь». //*

Определение компетенции по формуле «вправе» (коррупциогенный фактор) – диспозитивное установление возможности совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций. *//Подпункт «в» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96. (КТО). //*

Определение компетенции по формуле «вправе» (как коррупциогенный фактор, устанавливающий для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил) – диспозитивное установление возможности совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций. *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-23 «О Комментарии к модельному закону "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). //.*

Основные задачи криминологической экспертизы – объективное и всестороннее прогнозирование возможности возникновения рисков криминогенного характера в процессе применения правовых актов, соответствующее современному развитию криминологической науки; подготовка обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах правовых актов (правовых актах) недостатков, способствующих возникновению рисков криминогенного характера; формирование предусмотренного в правовых актах системно согласованного правового регулирования, исключающего возникновение рисков криминогенного характера. *//Указ Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 года № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2011 г., № 65, 1/12584). //*

Отдел криминологических исследований государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» – структурное подразделение государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь». //

Отдел криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» – структурное подразделение государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь». //

Отдел научно-методического обеспечения прокурорского надзора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры

Республики Беларусь» – структурное подразделение государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»**. //**

Отдел разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» – структурное подразделение государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь». //

Отказ от конкурсных (аукционных) процедур (как коррупциогенный фактор, устанавливающий для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил) – закрепление административного порядка предоставления права и (или) блага. *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-23 «О Комментарии к модельному закону "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). (КТО). //*

Отказ от конкурсных (аукционных) процедур (как коррупциогенный фактор) – закрепление административного порядка предоставления права (блага). *//Подпункт «з» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96. (КТО). //*

Отмывание доходов от преступлений – уголовно наказуемые следующие деяния, когда они совершаются умышленно: a) i) конверсия или перевод имущества, если известно, что такое имущество представляет собой доходы от преступлений, в целях сокрытия или утаивания преступного источника этого имущества или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении основного правонарушения, с тем чтобы оно могло уклониться от ответственности за свои деяния; ii) сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, прав на имущество или его принадлежность, если известно, что такое имущество представляет собой доходы от преступлений; b) при условии соблюдения основных принципов своей правовой системы: i) приобретение, владение или использование имущества, если в момент его получения известно, что такое имущество представляет собой доходы от преступлений; ii) участие, причастность или вступление в сговор с целью совершения любого из преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, покушение на его совершение, а также пособничество, подстрекательство, содействие или дача советов при его совершении. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). //*

Отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией – такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы признать в качестве уголовных правонарушений в соответствии

с внутренним правом Стороны деяния, о которых говорится в пунктах 1 и 2 статьи 6 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS 141), при упомянутых в ней обстоятельствах, когда предполагаемое основное правонарушение является одним из уголовных правонарушений, признанных в качестве таковых в соответствии со статьями 2–12 настоящей Конвенции, если только Сторона не сделала оговорку или заявление в отношении этих правонарушений или не рассматривает такие правонарушения в качестве тяжких для целей своего законодательства, касающегося отмывания доходов. *//Конвенция от 27 января 1999 года «Об уголовной ответственности за коррупцию». //*

Отсутствие или неполнота административных процедур (коррупциогенный фактор) – отсутствие порядка совершения органами государственной власти, органами местного самоуправления (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка. *//Подпункт «ж» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96. (КТО). //*

Отсутствие или неполнота административных процедур (коррупциогенный фактор, устанавливающий для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил) – отсутствие порядка совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка. *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-23 «О Комментарии к модельному закону "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). (КТО). //*

Пассивная коррупция – преднамеренное действие официального лица, которое самостоятельно или через посредника требует или получает любую выгоду для себя или третьей стороны либо принимает обещание такой выгоды в обмен на действие или бездействие при выполнении своих функций в нарушение должностных обязанностей, что привело или могло привести к ущербу для финансовых интересов Европейского Союза. *//Соглашение о финансировании трансграничного сотрудничества (ТГС) (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 03.11.2017, 3/3450). (КТО). //*

Пассивный подкуп в частном секторе – в качестве уголовных правонарушений в соответствии с внутренним правом Стороны преднамеренное испрашивание или получение, прямо или косвенно, в ходе коммерческой деятельности какими-либо лицами, которые руководят предприятиями частного сектора или работают в них в том или ином качестве, какого-либо неправомерного преимущества или обещания этого преимущества для самих себя или для любых других лиц, или же принятие предложения или обещания такого преимущества за совершение или несовершение каких-либо действий

в нарушение своих обязанностей. *//Конвенция от 27 января 1999 года «Об уголовной ответственности за коррупцию». //*

Пассивный подкуп национальных публичных должностных лиц – в качестве уголовных правонарушений в соответствии с внутренним правом Стороны прямое или косвенное преднамеренное испрашивание или получение каким-либо из ее публичных должностных лиц какого-либо неправомерного преимущества для самого этого лица или любого иного лица, или же принятие предложения или обещания такого преимущества, с тем чтобы это должностное лицо совершило действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих функций. *//Конвенция от 27 января 1999 года «Об уголовной ответственности за коррупцию». //*

Подкуп в частном секторе – уголовно наказуемые следующие деяния, когда они совершаются умышленно в ходе экономической, финансовой или коммерческой деятельности: a) обещание, предложение или предоставление лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества любому лицу, которое руководит работой организации частного сектора или работает в любом качестве в такой организации, для самого такого лица или другого лица, с тем чтобы это лицо совершило в нарушение своих обязанностей какое-либо действие или бездействие; b) вымогательство или принятие лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества любым лицом, которое руководит работой организации частного сектора или работает в любом качестве в такой организации, для самого такого лица или другого лица, с тем чтобы это лицо совершило в нарушение своих обязанностей какое-либо действие или бездействие. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). //*

Подкуп должностных лиц международных организаций – в качестве уголовных правонарушений в соответствии с внутренним правом Стороны деяния, о которых говорится в статьях 2 и 3 Конвенции, когда по смыслу положений о персонале это касается какого-либо должностного лица или иного нанятого по контракту сотрудника какой-либо межправительственной или наднациональной организации или органа, членом которых является эта Сторона, а также любого прикомандированного или неприкомандированного лица, которое осуществляет функции, соответствующие функциям, выполняемым такими должностными лицами или агентами. *//Конвенция от 27 января 1999 года «Об уголовной ответственности за коррупцию». //*

Подкуп иностранных публичных должностных лиц – в качестве уголовных правонарушений в соответствии с внутренним правом Стороны деяния, о которых говорится в статьях 2 и 3 Конвенции, в том случае, когда это касается публичного должностного лица какого-либо другого государства. *//Конвенция от 27 января 1999 года «Об уголовной ответственности за коррупцию». //*

Подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций – уголовно наказуемые деяния, когда они совершаются умышленно, обещание, предложение или предоставление иностранному публичному должностному лицу или должностному лицу публичной международной организации лично или через

посредников какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей для получения или сохранения коммерческого или иного неправомерного преимущества в связи с ведением международных дел. Каждое Государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, вымогательство или принятие иностранным публичным должностным лицом или должностным лицом публичной международной организации лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). //*

Подкуп национальных публичных должностных лиц – уголовно наказуемые деяния, когда они совершаются умышленно: a) обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей; b) вымогательство или принятие публичным должностным лицом лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей. будучи обеспокоены серьезностью порождаемых коррупцией проблем и угроз для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). //*

Подкуп судей и должностных лиц международных судов – в качестве уголовных правонарушений в соответствии с внутренним правом Стороны деяния, о которых говорится в статьях 2 и 3 Конвенции, когда это касается каких-либо лиц, занимающих судебные должности, или должностных лиц любого международного суда, юрисдикция которого признана этой Стороной. *//Конвенция от 27 января 1999 года «Об уголовной ответственности за коррупцию». //*

Подкуп членов международных парламентских собраний – в качестве уголовных правонарушений в соответствии с внутренним правом Стороны деяния, о которых говорится в статье 4 Конвенции, когда это касается каких-либо членов парламентских собраний международных или наднациональных организаций, членом которых является эта Сторона. *//Конвенция от 27 января 1999 года «Об уголовной ответственности за коррупцию». //*

Подкуп членов национальных публичных собраний – в качестве уголовных правонарушений в соответствии с внутренним правом Стороны деяния, о которых говорится в статьях 2 и 3 Конвенции, в том случае, когда это касается любого лица, являющегося членом какого-либо национального публичного собрания, осуществляющего законодательные или административные полномочия. *//Конвенция от 27 января 1999 года «Об уголовной ответственности за коррупцию». //*

Показатели коррупционной пораженности – абсолютные и относительные показатели, характеризующие объем, интенсивность, структуру, динамику и территориальное распределение коррупционных правонарушений и лиц, их совершивших. *//Статья 2 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Политика и практика предупреждения и противодействия коррупции – разработка и осуществление или проведение в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы эффективного и скоординированного противодействия коррупции, способствующего участию общества и отражающего принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). //*

Правовая неопределенность – отсутствие ясности, точности и логической согласованности норм права, в том числе вызванное наличием пробелов в законодательстве (правовом регулировании) и коллизий нормативных правовых актов, что порождает возможность неоднозначного понимания норм права и их неединообразного применения. *//Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 31.07.2018, 2/2568).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Правовой мониторинг – деятельность нормотворческого органа (должностного лица), а также иным уполномоченным государственным органом (организацией) в пределах своей компетенции по систематическому анализу и оценке качества законодательства, практики правоприменения, эффективности правового регулирования общественных отношений. *//Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 31.07.2018, 2/2568). //*

Правонарушения, связанные с коррупцией (коррупционные правонарушения) – предусмотренные статьей 2 Модельного Закона «О борьбе с коррупцией», а также иными законами деяния, сопряженные с коррупцией или создающие условия для коррупции, которые влекут установленную законодательством дисциплинарную, административную и уголовную ответственность. *// Статья 2 Модельного Закона «О борьбе с коррупцией», принятого постановлением Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской*

Федерации от 7 декабря 1998 года № 7-10 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 1999 г., № 20-пр). (МСТО), (ЭТО), (КТО). //

Практика Принуждения – означает причинение ущерба или вреда или выражение угрозы причинения ущерба или вреда, будь то прямо или косвенно, любому лицу или имуществу лица в целях оказания недопустимого влияния на действия другого лица; *//Соглашение от 10 декабря 2012 года «Кредитное соглашение (до 25 000 000 евро) между Республикой Беларусь и Северным инвестиционным банком». (ЭТО), (КТО). //*

Практика Сговора – соглашение между двумя или более лицами, направленное на достижение ненадлежащей цели, в том числе на то, чтобы оказать недопустимое влияние на действия другого лица. *//Соглашение от 10 декабря 2012 года «Кредитное соглашение (до 25 000 000 евро) между Республикой Беларусь и Северным инвестиционным банком». (ЭТО), (КТО). //*

Предупреждение коррупции – деятельность субъектов антикоррупционной политики, направленная на выявление, изучение, ограничение либо устранение явлений, порождающих коррупционные правонарушения или способствующих их распространению. *//Статья 2 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 г. № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Предупреждение преступности – структурированная и многоуровневая комплексная общесоциальная, криминологическая, правоприменительная, виктимологическая и социально-реабилитационная деятельность специализированных и других государственных органов и общественных организаций, направленная на выявление и устранение всех факторов, причин и условий, детерминирующих совершение преступлений, выявление, предотвращение и пресечение преступлений и других правонарушений, снижение уровня преступности, минимизацию ее негативных социальных и личностных последствий, а также социально-правовой контроль поведения, исправление и социальная реабилитация преступников и лиц из групп риска совершения преступлений. *//Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сборник научных трудов; Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной. прокуратуры Республики Беларусь. – Минск: БГУФК, 2010. – Выпуск 3.* (*МСТ*)*. //*

Преступления, подрывающие авторитет государственной власти – противоправные деяния, в том числе коррупционной направленности, совершенные должностными лицами государственных органов, а также преступления, совершенные в отношении должностных лиц государственных органов, преступления против государства и порядка осуществления власти, против общественной безопасности и здоровья населения, против мира, безопасности человечества и военные преступления. *//Постановление Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь от 1 октября 2008 года № 59/4/283/49/52 «Об утверждении Положения о порядке*

предоставления сведений по уголовным делам, связанным с преступлениями, получившими широкий общественный резонанс, и преступлениями, подрывающими авторитет государственной власти, для освещения в средствах массовой информации» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2008 г., № 249, 8/19576). (МСТ), (КТО). //

Преступления, получившие широкий общественный резонанс – противоправные деяния, которые активно обсуждаются в средствах массовой информации или на сайтах в сети Интернет, зарегистрированных в Республике Беларусь, и вызывают повышенный интерес со стороны населения республики. *//Постановление Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь от 1 октября 2008 года № 59/4/283/49/52 «Об утверждении Положения о порядке предоставления сведений по уголовным делам, связанным с преступлениями, получившими широкий общественный резонанс, и преступлениями, подрывающими авторитет государственной власти, для освещения в средствах массовой информации» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2008 г., № 249, 8/19576). (МСТО), (КТО). //*

Преступные доходы – вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, работы и услуги, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность), иные объекты гражданских прав, приобретенные в результате коррупционных правонарушений, влекущих за собой уголовную ответственность в соответствии с законодательством государств Сторон, а равно доход, полученный от использования указанного имущества. *//Соглашение от 25 декабря 2013 года «Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о повышении эффективности сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 24.07.2014, 3/3038). (КТО). //*

Принятие нормативного правового акта за пределами компетенции (коррупциогенный фактор) – нарушение компетенции органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц) при принятии нормативных правовых актов. *//Подпункт «д» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96. (КТО). //*

Принятие нормативного правового акта за пределами компетенции (как коррупциогенный фактор, устанавливающий для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил) – превышение компетенции органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) при принятии нормативных правовых актов. *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-23 «О Комментарии к модельному закону "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов*

нормативных правовых актов" (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). (КТО). //

Приостановление операций (замораживание) или «арест» – временное запрещение передачи, преобразования, отчуждения или передвижения имущества, или временное вступление во владение таким имуществом, или временное осуществление контроля над ним по постановлению суда или другого компетентного органа. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). (КТО). //*

Противодействие расследованию – противоправная деятельность лиц, заинтересованных в исходе дела. Выражается в действиях, непосредственно направленных на сокрытие преступления (уничтожение или изменение следов преступления и преступника, различные инсценировки преступлений и др.), на уклонение от ответственности (неявка по вызову следователя или суда, выезд в другую местность, переход на нелегальное положение и другое). При противодействии расследованию оказывается давление на свидетелей и потерпевших в целях изменения их показаний в благоприятную сторону, осуществляется попытка подкупа экспертов и др. участвующих в деле лиц, насильственные действия в отношении следователя, работников органа дознания и др. *//Криминалистическая энциклопедия. 2 изд.2000 г.* (*МСТ). //*

Публичное должностное лицо – i) любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе Государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица; ii) любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве Государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого Государства-участника; iii) любое другое лицо, определяемое в качестве «публичного должностного лица» во внутреннем законодательстве Государства-участника. Тем не менее для целей принятия некоторых конкретных мер, предусмотренных главой II настоящей Конвенции, «публичное должностное лицо» может означать любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве Государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого Государства-участника. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). (ЭТО). //*

Публичное должностное лицо – понятие охватывает определения «должностное лицо», «публичный служащий», «мэр», «министр» или «судья», существующие в национальном праве государства, в котором данное лицо отправляет свою должность, как они применяются в уголовном праве этого государства. В случае разбирательства, касающегося какого-либо публичного должностного лица другого государства, государство,

осуществляющее преследование, может применять определение публичного должностного лица лишь в той степени, в какой это определение не противоречит его национальному праву. *//Конвенция от 27 января 1999 года «Об уголовной ответственности за коррупцию».* (*МСТО), (ЭТО). //*

Риски криминогенного характера – деструктивные факторы правового свойства, заключенные в нормах права и обусловленные их социальной неадаптированностью, противоречивостью, неопределенностью, вследствие чего в процессе их реализации (соблюдения, исполнения, использования и применения) создаются объективные предпосылки (условия) и мотивация допустимого или возможного отклонения от правомерного поведения независимо от того, является или не является такое отклонение уголовно наказуемым деянием. *//Приказ Генерального прокурора Республики Беларусь «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов)». //*

Риски криминогенного характера – заключенные в проектах нормативных правовых актов (нормативных правовых актах) деструктивные факторы, которыми создаются объективные предпосылки (условия) мотивации противоправного поведения или злоупотребления правом (полномочиями, правоохраняемыми интересами) независимо от того, является ли такое поведение уголовно наказуемым деянием. *//Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 31.07.2018, 2/2568).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Руководящая должность – должность руководителя либо заместителя руководителя организации, иного работника, осуществляющего организационно-распорядительные (руководящие, организующие, направляющие, координирующие и контролирующие) функции применительно к организации, ее структурным подразделениям, работникам и направлениям деятельности. *//Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года «О борьбе с коррупцией» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 23.07.2015, 2/2303).* (*МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Система менеджмента борьбы со взяточничеством – стандарты и руководство по созданию, внедрению, ведению, анализу и улучшению системы менеджмента борьбы со взяточничеством, установленные СТБ ISO 37001 «Система менеджмента борьбы со взяточничеством Требования и руководство по применению». //

Система субъектов антикоррупционной политики – органы, уполномоченные: разрабатывать и принимать нормативные правовые акты в сфере антикоррупционной политики; осуществлять предупреждение коррупционных правонарушений; пресекать коррупционные правонарушения и применять меры ответственности за них; осуществлять правосудие по делам о коррупционных правонарушениях и применять иные законные меры разрешения конфликтов, связанных с такими правонарушениями; исполнять решения о возмещении вреда, причиненного коррупционными правонарушениями. *//Статья 7 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33). //*

Субъекты антикоррупционного мониторинга – органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, их должностные лица и организации, осуществляющие в соответствии с законодательством государства по организации и проведению антикоррупционного мониторинга. *//Статья 2 Модельного закона «Об антикоррупционном мониторинге, принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-21 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014, № 60).* (*МСТО), (ЭТО). //*

Субъекты антикоррупционной политики – народ государства, органы государственной власти и местного самоуправления, учреждения, организации и лица, уполномоченные на формирование и реализацию мер антикоррупционной политики, граждане. *//Статья 2 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33). //*

Субъекты антикоррупционной политики, непосредственно осуществляющие борьбу с коррупционными преступлениями в пределах своей компетенции – прокуратуры государства; органы безопасности государства; органы внутренних дел государства; таможенные органы государства; органы пограничной службы государства; органы налоговых расследований государства и иные правоохранительные органы, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскных мероприятий, производство дознания и следствия. *//Статья 7 Модельного Закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 года № 22-15 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2004 г., № 33). //*

Субъекты антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов – государственные органы, органы местного самоуправления и их должностные лица, а также юридические и физические лица, прошедшие аккредитацию на право проведения независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. *//Модельный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 17 мая 2012 года № 37-12 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2013 г., № 55).* (*МСТО), (ЭТО). //*

Субъекты коррупционных правонарушений – физические и юридические лица, использующие свой статус вопреки законным интересам общества и государства для незаконного получения выгод, а также лица, незаконно предоставляющие такие выгоды. *//Модельный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых*

актов», принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 17 мая 2012 года № 37-12 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2013 г., № 55). (МСТО), (ЭТО). //

Уровень коррупционной преступности – количество коррупционных преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени, в расчете на какое-либо количество жителей этой территории. *//Методические рекомендации по анализу коррупционной преступности. Государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь». Минск, 2014. //*

Участие и покушение (как уголовно наказуемое деяние в соответствии со своим внутренним законодательством) – участие в любом качестве, например, в качестве сообщника, пособника или подстрекателя, в совершении какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с настоящей Конвенцией. Уголовно наказуемое деяние в соответствии со своим внутренним законодательством любое покушение на совершение какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с настоящей Конвенцией. Уголовно наказуемое деяние в соответствии со своим внутренним законодательством приготовление к совершению какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с настоящей Конвенцией. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года "О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции" (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). //*

Участники антикоррупционного мониторинга – институты гражданского общества, в том числе научные и экспертные организации, объединения, средства массовой информации, юридические и физические лица, прошедшие аккредитацию на право проведения независимой антикоррупционной экспертизы, а также иные лица и организации, принимающие участие в соответствии с законодательством государства в проведении мониторинга по своей инициативе. *//Статья 2 Модельного закона «Об антикоррупционном мониторинге», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-21 (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). (МСТО), (ЭТО), (КТО). //*

Хищение имущества в частном секторе – уголовно наказуемое деяние, когда оно совершается умышленно в ходе экономической, финансовой или коммерческой деятельности, хищение лицом, которое руководит работой организации частного сектора или работает в любом качестве в такой организации, какого-либо имущества, частных средств, или ценных бумаг, или любого другого ценного предмета, находящихся в ведении этого лица в силу его служебного положения. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). //*

Хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом – уголовно наказуемые деяния, когда они совершаются умышленно, хищение, неправомерное присвоение или

иное нецелевое использование публичным должностным лицом в целях извлечения выгоды для себя самого или другого физического или юридического лица какого-либо имущества, публичных или частных средств, или ценных бумаг, или любого другого ценного предмета, находящихся в ведении этого публичного должностного лица в силу его служебного положения. *//Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 года «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 192, 2/1093). //*

Цель антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов – обнаружение коррупциогенных факторов в действующих нормативных правовых актах, проектах нормативных правовых актов и принятие мер к их устранению. *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-23 «О Комментарии к модельному закону "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). //*

Чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества (как коррупциогенный фактор, устанавливающий для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил) – наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящее к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию органа государственной власти или органа местного самоуправления, принявшего первоначальный нормативный правовой акт. *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-23 «О Комментарии к модельному закону "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). //*

Чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества (как коррупциогенный фактор) – наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящее к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию государственного органа, органа местного самоуправления или организации, принявшего первоначальный нормативный правовой акт. *//Подпункт «г» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96. (КТО). //*

Широта дискреционных полномочий (как коррупциогенный фактор, устанавливающий для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил) – отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц). *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-23*

«О Комментарии к модельному закону "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). //

Широта дискреционных полномочий (как коррупциогенный фактор) – отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий органов государственного органа, органа местного самоуправления или организации (их должностных лиц). *//Подпункт «а» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96. КТО). //*

Эффективность антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов – системность, полнота, достоверность и проверяемость результатов антикоррупционной экспертизы, проводимой при обязательном выполнении установленных требований. *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 23 ноября 2012 года № 38-18 «О Рекомендациях по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2013 г., № 57). //*

Юридико-лингвистическая неопределенность (как коррупциогенный фактор, содержащий неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям) – использование категорий оценочного характера и многозначной терминологически не оправданной лексики без уточнения толкования конкретных понятий. *//Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 года № 39-23 «О Комментарии к модельному закону "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60). (КТО). //*

Юридико-лингвистическая неопределенность (как коррупциогенный фактор, содержащий неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям) – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера. *//Подпункт «в» пункта 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96. (КТО). //*

Составитель ***О.Э. Кравцов***

НАШИ АВТОРЫ

Александрова Людмила Ивановна – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации.

Асабин Александр Юрьевич – адъюнкт ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь».

Афонченко Татьяна Петровна – доцент кафедры права и экономических теорий УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», кандидат юридических наук, доцент.

Ачкасова Светлана Анатольевна – доцент кафедры управления финансовыми услугами Харьковского национального экономического университета имени Семена Кузнеца, кандидат экономических наук, доцент.

Ашиткова Татьяна Васильевна – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Богданович Наталья Александровна – главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Бурый Виталий Евгеньевич – главный специалист отдела научно-методического обеспечения прокурорского надзора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Буянова Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры юридических дисциплин ЧУО «БИП – Институт правоведения», Могилевский филиал, соискатель Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Василькевич Андрей Геннадьевич – ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь».

Великая Екатерина Видадиевна – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации.

Гашникова Тамара Владимировна – начальник отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности ГУ «Научно-

практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Гладков Александр Васильевич – старший оперуполномоченный отдела оперативно-режимной работы управления Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по г. Минску и Минской обл.

Голик Юрий Владимирович – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской Академии Следственного комитета Российской Федерации, академик Международной Славянской Академии, доктор юридических наук, профессор.

Данько Игорь Владимирович – заведующий кафедрой экономического и финансового права ЧУО «БИП – Институт правоведения», кандидат юридических наук, доцент.

Диканова Татьяна Александровна – заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Дмитренок Денис Иванович – главный специалист отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Дятлова Виктория Олеговна – главный специалист отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Зарубин Андрей Викторович – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Капица Павел Александрович – старший следователь Ленинского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь.

Карабельникова Анна Сергеевна – помощник директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Колесов Михаил Владимирович – доцент кафедры организационно-аналитического обеспечения деятельности и управления в органах прокуратуры Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Кравцов Олег Эдуардович – начальник отдела организационно-финансового обеспечения и контроля проведения криминологических экспертиз ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Куница Егор Владимирович – старший прокурор управления по борьбе с коррупцией и организованной преступностью Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, соискатель Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Ломакина Ирина Борисовна – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Марчук Василий Васильевич – директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Матвеева Кристина Олеговна – помощник прокурора прокуратуры г. Витебска.

Моисеева Ирина Анатольевна – заместитель декана юридического факультета УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Морозова Ольга Витальевна – ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Наумов Анатолий Валентинович – профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Министерства юстиции Российской Федерации), профессор ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Нугманов Рустем Рахимжанович – заведующий кафедрой общеюридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук.

Олейник Анжела Владимировна – главный специалист отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Полящук Наталья Анатольевна – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Попов Георгий Владимирович – директор Научно-исследовательского института Национальной академии прокуратуры Украины, доктор юридических наук.

Притула Наталия Ивановна – преподаватель кафедры управления финансовыми услугами Харьковского национального экономического университета имени Семена Кузнеца, кандидат экономических наук.

Проценко Денис Владимирович – старший прокурор отдела по борьбе с коррупцией и организованной преступностью прокуратуры Могилевской области.

Рочева Елена Альбертовна – главный специалист отдела криминологических исследований ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Рубцова Майя Викторовна – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации.

Русецкий Олег Валерьевич – начальник отдела криминологических исследований ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Сащеко Павел Иванович – начальник отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Саякбаев Тилек Дженишбекович – старший прокурор Центра профессиональной подготовки прокурорско-следственных работников Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики, советник юстиции 1-го класса, кандидат экономических наук.

Скобелев Владимир Петрович – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Солтанович Андрей Владимирович – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Трипузова Антонина Антоновна – старший научный сотрудник отдела правовых исследований и экспертизы Центра исследований государственного управления Научно-исследовательского института теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Фирсов Виталий Викторович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета, кандидат юридических наук, доцент.

Харчейкина Юлия Владимировна – старший прокурор отдела надзорного производства и правоприменительной практики управления по надзору за соответствием закону судебных решений по уголовным делам Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, соискатель Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Хатеневич Татьяна Геннадьевна – ведущий научный сотрудник УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Хатов Эдуард Борисович – профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Хлус Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Хмарук Сергей Константинович – прокурор г. Минска.

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Чайчиц Виктор Иванович – председатель Белорусской республиканской коллегии адвокатов, заместитель председателя Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по законодательству и государственному строительству.

Шахрай Ирина Сергеевна – доцент кафедры экологического и аграрного права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Швед Надежда Александровна – заместитель начальника отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Шупицкая Оксана Николаевна – доцент кафедры международного права УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Юрашевич Надежда Михайловна – заместитель директора Научно-исследовательского института теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, директор Центра исследований государственного управления Научно-исследовательского института теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Научное издание

**Проблемы укрепления законности
и правопорядка:
наука, практика, тенденции**

Сборник научных трудов

Выпуск 12
Специальное тематическое издание
(вопросы стратегии противодействия коррупции)

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Д. О. Сидоренко*

Подписано в печать 11.12.2019. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 25,81. Уч.-изд. л. 23,70.
Тираж 100 экз. Заказ 703.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.